

Санкт-Петербург

2013

Фонд научных исследований истории и культуры стран Европы
«Европейское наследие»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

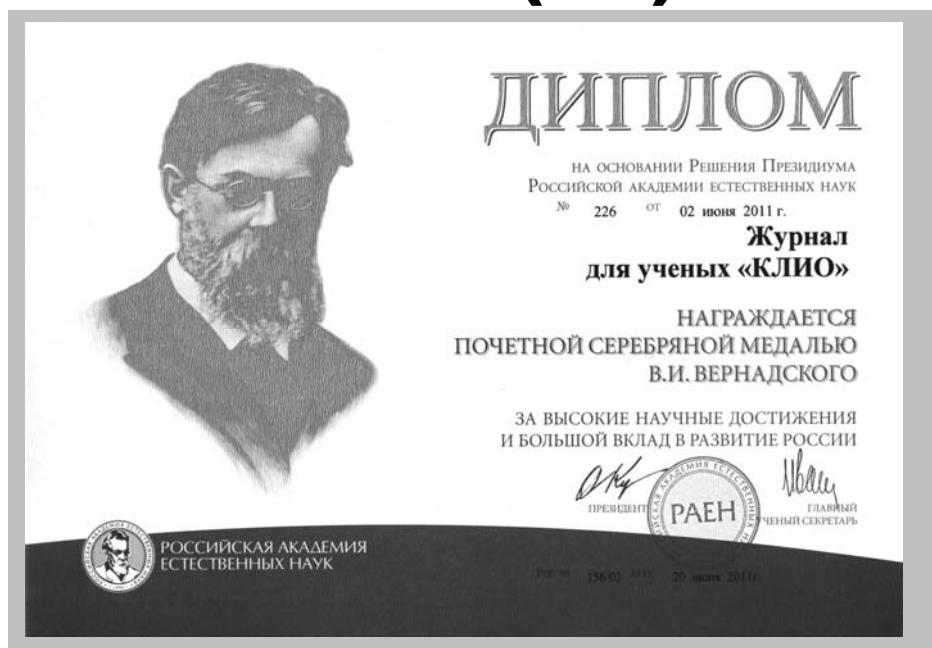
ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых № 12 (84)

Решением президиума Афро-Евразийской академии естественных наук от 11.11.2011
Издательство «ПОЛТОРАК» награждено специальным дипломом
за вклад в популяризацию науки и сохранения культурного наследия Человечества

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »
2013

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)
А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)
Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)
Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
Л. Е. Горизонтов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)
М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)
В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(ответственный секретарь)
С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)
Ш. Кройцберггер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)
И. В. Кулцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)
И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)
В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)
А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)
О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)
Е. С. Сеняевская, доктор исторических наук (Москва)
Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)
Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)
Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург. ООО «Полторак». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru;

Официальный сайт: <http://clioscience.com/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

«Клио», 2013

Авторы публикаций, 2013

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на «Клио» обязательна

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (500 знаков), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

ЖУРНАЛ «КЛИО» ВЫПИСЫВАЮТ:

Барнаул	Омск
Владимир	Оренбург
Волгоград	Провидения
Воронеж	Псков
Екатеринбург	Ростов-на-Дону
Иваново	Самара
Иркутск	Санкт-Петербург
Калуга	Саратов
Кандалакша	Серпухов
Кемерово	Стерлитамак
Киров	Ступино
Кострома	Сыктывкар
Краснодар	Тамбов
Красноярск	Тверь
Курск	Томск
Магадан	Тура
Минусинск	Уфа
Москва	Уяр
Мурманск	Челябинск
Нижнекамск	Черкесск
Нижний Новгород	Шебекино
Новосибирск	Южно-Сахалинск
Норильск	Ярославль

The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries. Please contact us by E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru <http://clioscience.com/>

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

СОДЕРЖАНИЕ

при поддержке

Российского гуманитарного научного фонда

грант № 13-01-14011

<i>Скворцов Н.Г.</i> (Санкт-Петербург). Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: к 150-летию юбилею.....	3
А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ	
<i>Батурич Ю.М.</i> (Москва). Методология построения исторической причинно-следственной связи А.С. Лаппо-Данилевского и ее значение для других наук	5
<i>Берус В.В.</i> (Барнаул). А.С. Лаппо-Данилевский о субъективности и великой индивидуальности	8
<i>Ветохина В.А.</i> (Кривой Рог). Метод сравнительно-исторического исследования в теоретико-познавательной концепции А.С. Лаппо-Данилевского	9
<i>Гурская Н.В.</i> (Тольятти). История культуры и культурологические концепции в историко-философских трудах А.С. Лаппо-Данилевского.....	10
<i>Дорошенко Н.М.</i> (Санкт-Петербург). Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в системе российской философии истории.....	13
<i>Комочев Н.А.</i> (Москва). Методика дипломатического анализа в трудах школы А.С. Лаппо-Данилевского	16
<i>Приймак Н.И.</i> (Санкт-Петербург). Понятие «исторический источник» в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского	19
<i>Ростовцев Е.А., Потехина И.П.</i> (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве	23
<i>Румянцева М.Ф.</i> (Москва). Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ru.	28
<i>Тихонова В.Б.</i> (Санкт-Петербург). Работы А.С. Лаппо-Данилевского в контексте исторической антропологии	31
<i>Трапш Н.А.</i> (Ростов-на-Дону). Источники смешанного характера» в теоретической концепции А.С. Лаппо-Данилевского и исследовательской практике современного историка: опыт творческой интерпретации	34
<i>Цамутали А.Н.</i> (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский в кругу историков-современников	37
<i>Чернобаев А.А.</i> (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский в новейшей российской историографии	40
А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО ЭПОХА	
<i>Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.</i> (Челябинск). Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников	46
<i>Илизаров С.С.</i> (Москва). Историк науки Т.И. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского	50
<i>Афиани В.Ю.</i> (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Вернадский: стремление к генерализации прошлого.....	55
<i>Басаргина Е.Ю.</i> (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский – почетный доктор права Кембриджского университета	57
<i>Гришин К.П.</i> (Брянск). Личные и научные взаимоотношения академиков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова	60
<i>Демяновский Н.А.</i> (Санкт-Петербург). Лаппо-Данилевский и издание «Мемуаров короля Станислава Августа»	64
<i>Долгова Е.А.</i> (Москва). Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923)	67
<i>Зонина Н.С.</i> (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский и делегации российских ученых на международных конгрессах исторических наук начала XX в.	71
<i>Киреева Р.А.</i> (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский о русской историографии	73
<i>Корзун В.П.</i> (Омск). А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике	77
<i>Лаппо-Данилевский К.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Семья Лаппо-Данилевского: истоки и традиции.....	83
<i>Малинов А.В.</i> (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский – организатор социологической науки в России.....	102
<i>Сидорчук И.В.</i> (Санкт-Петербург). Аполитичность А.С. Лаппо-Данилевского в контексте изучения его научного наследия	105
<i>Рамазанов С.П.</i> (Волгоград). Гносеологические и социальные контексты методологических исканий А.С. Лаппо-Данилевского»	108
<i>Ратьковский И.С.</i> (Санкт-Петербург). Перекрестки судеб: А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов и Д.Б. Рязанов в 1918 г.	112
<i>Тихонов И.Л.</i> (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский и археология	115
<i>Трибунский П.А.</i> (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В.Г. Дружинина	120

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Адоньева И.Г. (Новосибирск). «Французский элемент» историко-правового дискурса журнала «Русский вестник» в 1856–1862 гг.	127
Воробьева Н.Н. (Санкт-Петербург). Церковно-историческая наука в России на рубеже XIX–XX веков: проблемы истории раннего христианства и поиск самоидентичности	129
Воскресенская М.А. (Санкт-Петербург). Историософия Серебряного века	132
Дворниченко А.Ю. (Санкт-Петербург). From US with love and care: феномен Георгия Вернадского	135
Дроснева Э. (София, Болгария). Санкт-Петербургские вехи болгаро-российского общения историков XIX–XXI вв.	138
Исаев Д.П. (Ростов-на-Дону). Источниковедение культуры, или Феноменологический метод в современной российской историографии	142
Кривошеев Ю.В. (Санкт-Петербург). К государственным и общественно-политическим взглядам М.К. Любавского	145
Мининкова Л.В. (Ростов-на-Дону). В.О. Ключевский о Земском соборе 1613 г. в свете теории вотчинного государства	147
Муртузалиев С.И. (Москва). Зарождение российской историографии «болгаристики османского периода (XV – середина XIX в.)	150
Поляков И.А. (Санкт-Петербург). С.Б. Веселовский и его наследие в коммеморациях историографии и памяти общества	153
Синельников Д.П. (Санкт-Петербург). Повторение непройденного: уроки русских историков-неокантианцев	158
Сиренов А.В. (Санкт-Петербург). Петербургский историк Алексей Федорович Малов	161

CONTENTS

Granted by Russian Humanitarian Science Foundation Grant No 13-01-14011

- Skvortsov N.G.** (St. Petersburg). Academician Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky: to the 150th Anniversary 3
Several commemorative events meeting academician A.S. Lappo-Danilevsky's 150th anniversary were held in Russia and the Ukraine in 2013. The most notable among them was the International Conference "Academician A.S. Lappo-Danilevsky in the history of science and culture (to the scholar's 150th anniversary)".
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, anniversary, science, history, sociology.
- A.S. LAPPO-DANILEVSKY AND HIS SCHOLARLY HERITAGE**
- Baturin Yu.M.** (Moscow). Methodology of Composing Historical Causality in A.S. Lappo-Danilevsky's Works, and Its Significance for Different Sciences 5
The author of the article analyzes the structure-logical pattern of causal links that supervenes from methodology developed by A.S. Lappo-Danilevsky for historical research. He argues that the methodology has found its high efficiency far beyond the bounds of historical science, and is possible to be applied in non-historical fields including technical ones. The article is supplied with the examples from law, architecture and building construction.
 Keywords: methodology, causality, history, criminal law, building construction.
- Berus V.V.** (Barnaul). A.S. Lappo-Danilevsky on Subjectivity and Great Personality 8
 The author of the article studies A.S. Lappo-Danilevsky's consideration of methods in social and historical epistemology, and prospects of human race's development as of a new social commonality. The article is based on the unpublished texts from A.S. Lappo-Danilevsky's archive.
 Keywords: positive principle, subjective method in sociology, social subject, social integration, great historical personality.
- Vetokhina V.A.** (Krivoy Rog). A Comparative Historical Method of Research in A.S. Lappo-Danilevsky's Concept of Epistemological Theory 9
The article presents A.S. Lappo-Danilevsky's theoretical and epistemological concept, which combines ideographic and nomothetic approaches in historical knowledge. It allows propose the method of comparative historical research based on comparison of the amount of historical sources created within different cultures.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky's method, comparison, nomothetic approach, ideographic approach, historical source.
- Gurskaya N.V.** (Tolyatti). Cultural History and the Concepts of Cultural Science in A.S. Lappo-Danilevsky's Historical and Philosophic Works 10
The author of the article studies those aspects of A.S. Lappo-Danilevsky's historical and philosophical views that concern cultural history. She points out that the scholar's works form the basis of foundations and arguments for the concepts of cultural science.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, concepts of cultural science, history of culture.
- Doroshenko N.M.** (St. Petersburg). A.S. Lappo-Danilevsky's Historical Methodology and the System of Russian Philosophy of History 13
The article presents a study of its author who attempts to find out A.S. Lappo-Danilevsky's scholarly status to reach understanding of what he is: an empiricist or theoretician, a historian or philosopher, and if the latter – an ontologist or epistemologist, logician or methodologist. The author compares views of the scholars, who represent principal philosophic and historical trends of the time, such as historical positivism (R. Ju. Wipper, N.I. Kareev, V.O. Kliuchevsky), and Neo-Kantianism (L.P. Karsavin, V.M. Khvostov, M.M. Khvostov).
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, methodology, ontology, epistemology, logics, positivism, Neo-Kantianism, ideographic and nomographic methods, hermeneutics, criteria.
- Komochev N.A.** (Moscow). Methods of Diplomatic Analysis in the Works of A.S. Lappo-Danilevsky's School 16
 The author of the article analyzes the method of diplomatics, typical for A.S. Lappo-Danilevsky's disciples; continuity between their approaches and the works of the teacher is traced. Key aspects of the method are discussed in connection with the general development of diplomatics' methods in the 20th century.
 Keywords: diplomatics, acts, private acts, A.S. Lappo-Danilevsky.
- Priimak N.I.** (St. Petersburg). The Notion of "Historical Source" in A.S. Lappo-Danilevsky's Methodology of Historical Studies 19
The author of the article analyzes the formation of the "historical source" notion as presented in A.S. Lappo-Danilevsky's work "Methodology of Historical Studies". She notes that the scholar's ideas preserved in the works of his disciples are also considered by researchers today to restore continuity of scholarly understanding of the issue and the methods of source studies.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, methodology of historical studies, historical source.
- Rostovtsev E.A., Potekhina I.P.** (St. Petersburg). A.S. Lappo-Danilevsky within the Modern Scientific Information Environment 23
The article presents A.S. Lappo-Danilevsky as an example to illustrate the mechanism of becoming a classical historiographer. Based on the materials of the systems indexing data about publications and citation, such as Russian Science Citation Index (RSCI), WoS and Scopus, the authors bring out the demand for A. S. Lappo-Danilevsky's texts in today's scholarly literature. The citation scale of Lappo-Danilevsky's works is compared with that of leading Russian historians of his generation (1856–1870).
 Keywords: scientometrics, Russian historiography, A.S. Lappo-Danilevsky, P.N. Milyukov, A.A. Shakhmatov, S.F. Platonov, M.N. Pokrovsky, A.E. Presnyakov, A.A. Kizeveter, M.M. Bogoslovsky, S.V. Rozhdestvensky, M.K. Lyubavsky, N.P. Pavlov-Sil'vansky, N.A. Rozhkov, D.I. Bagaley, M.V. Dovnar-Zapol'sky, Ja.L. Barskov, I.I. Lappo.
- Rumyantseva M.F.** (Moscow). Perception of A.S. Lappo-Danilevsky's Methodological Concept by Scholarly and Pedagogical School of Source Studies — <http://ivid.ucoz.ru> 28

The author of the article analyzes how A.S. Lappo-Danilevsky's phenomenological concept of historical knowledge in source studies, created by him at the dawn of the 20th century, was perceived and developed by Scholarly and Pedagogical School of source studies through 1939–2011. The School was based upon the Chamber of source studies and supporting historical disciplines at the History and Archives Institute of The Russian State University for the Humanities (Moscow), which after the Chamber's dropping-out consolidated on the basis of the site <http://ivid.ucoz.ru>.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, O.M. Medushevskaya, Scholarly and Pedagogical School of source studies, historical source, object of historical cognition, classification of historical sources, interpretation of historical sources, empiric actuality of the historical world.

Tikhonova V.B. (St. Petersburg). A.S. Lappo-Danilevsky's Works within the Context of Historical Anthropology 31

The author of the article discusses A.S. Lappo-Danilevsky's creativity from the point of view of the development of historical anthropology in Russia. A.S. Lappo-Danilevsky was among the pioneers of Russian historical studies who turned to the psychological problems in historical knowledge. In his work devoted to Russian social thought of the 17th–18th centuries the historian studied Russian mentality and the world view of the transition period.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, historical anthropology, history of mentalities, historical psychology, history of Russian social thought, world view of the transition period.

Trapsh N.A. (Rostov-on-Don). "Sources of Mixed Type" in A.S. Lappo-Danilevsky's Theoretical Concept and Modern Historian's Research Practice: an Attempt of Creative Interpretation 34

The article presents the author's interpretation of one element from A.S. Lappo-Danilevsky's concept of source studies, i. e. his understanding of the "sources of mixed contents". Rational use of the said element allows the scholar formulate new approach to the studies in history of the 19th-century Western Caucasus.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, historiography, classification, source, knowledge.

Tsamutali A.N. (St. Petersburg). A. S. Lappo-Danilevsky among Contemporary Historians 37

The article presents A.S. Lappo-Danilevsky's relations with his colleagues and disciples that were to a great extent stipulated by his complicated personality, which caused sympathy of some people, and antipathy of others.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Petrograd) University, Russian historiography, theory, methodology, philosophy.

Chernobaev A.A. (Moscow). A.S. Lappo-Danilevsky in the Latest Russian Historiography 40

The author of the article analyzes Russian historiography up to the latest (1990s–2000s) concerning A.S. Lappo-Danilevsky. Principal attention is paid to new approach in highlighting the scholar's contribution into the development of Russian historical knowledge and its methodology.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, history, historiography, methodology of historical studies.

A.S. LAPPO-DANILEVSKY AND HIS TIME

Alevras N.N., Grishina N.V. (Chelyabinsk). The Teacher's Lessons: A.S. Lappo-Danilevsky's Ideas in His Disciples' Creativity 46

The authors examine A.S. Lappo-Danilevsky's school of research – specific features of its configuration and forming the corpus of participants. They designate the influence of the historian's methodological ideas and theory of source studies upon his disciples' creativity. Under consideration are A.I. Andreev's, S.N. Valk's, G.V. Vernadsky's, and V.I. Veretennikov's research practices.

Keywords: scholarly school, teacher, disciples, historiography, A.S. Lappo-Danilevsky, A.I. Andreev, S.N. Valk, G.V. Vernadsky, V.I. Veretennikov.

Ilizarov S.S. (Moscow). A.S. Lappo-Danilevsky's Disciple T.I. Rainov, a Science Historian 50

The article is devoted to T.I. Rainov, a prominent Russian science historian. Little known parts of the scholar's biography from the period of his studentship at the St. Petersburg University are reconstructed. Principal attention is paid to T.I. Rainov's contacts with his Professor, academician A.S. Lappo-Danilevsky.

Keywords: history, science, methodology, the St. Petersburg University, A.S. Lappo-Danilevsky, T.I. Rainov, D.N. Ovsyaniko-Koulikovsky, N.D. Kondratyev.

Aphiani V.Yu. (Moscow). A.S. Lappo-Danilevsky and V.I. Vernadsky: Endeavour to Generalization of the Past 55

The article presents the analysis of V.I. Vernadsky's and A.S. Lappo-Danilevsky's biographies and creativity. Coincidence is revealed in their aspiration for wide generalization and writing fundamental works, this being based upon various specific features including the scholars' origin, education, and the St. Petersburg research school identity.

Keywords: V.I. Vernadsky, A.S. Lappo-Danilevsky, biography, scholarly creativity, generalization of the past, comparative research, Archive of Russian Academy of Sciences.

Basargina E.Yu. (St. Petersburg). A.S. Lappo-Danilevsky as the Cambridge University Honorary Doctor of Laws 57

The circumstances of awarding A.S. Lappo-Danilevsky the Cambridge University honoris causa degree in Summer 1916 are discussed in the article. Comments are given to a group shot of Russian and British scholars made in Cambridge on August 16th, 1916.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, international scholarly contacts, World War I, history of science.

Grishin K.P. (Bryansk). Personal and Scholarly Relations of Academicians A.S. Lappo-Danilevsky and M.A. Diakonov . 60

Personal relations of A.S. Lappo-Danilevsky and M.A. Diakonov within the body of Russian historical community are under consideration in the article. Special attention is paid to professional contacts at the moment of entering the scholarly community, during the period of writing their dissertations, and their co-work at the Russian Academy of Sciences.

Keywords: the history of historical studies, historians' relations, Russian Academy of Sciences, A.S. Lappo-Danilevsky, M.A. Diakonov.

Demianovsky N.A. (St. Petersburg). A.S. Lappo-Danilevsky and the Publication of "Memoirs" of the King Stanisław August 64

The article tells about A.S. Lappo-Danilevsky's activity in connection with the edition of "Memoirs" of the last Polish king Stanisław August Poniatowski. It is difficult to evaluate the scale of the scholar's participation in publication of the said historical source, but this does not allow us ignore his contribution.

Keywords: S.M. Goryainov, A.S. Lappo-Danilevsky, "Memoirs" of the King Stanisław August Poniatowski.

- Dolgova E.A.** (Moscow). Documents on the Activity of Russian Sociological Society named after M.M. Kovalevsky (1916–1923)..... 67
 Documents presenting the activity of Russian Sociological Society named after M. M. Kovalevsky (1916–1923) are analyzed in the article. They reveal the peculiarities and dynamics of the scholarly association's work, characterize the process of institutionalization of sociology, and designate the specific features of forming and spreading the sociological knowledge in Russian science during the first quarter of the 20th century.
 Keywords: Russian Sociological Society named after M. M. Kovalevsky, A. S. Lappo-Danilevsky, history of sociology, institutionalization of science, scholarly community.
- Zonova N.S.** (St. Petersburg). A.S. Lappo-Danilevsky and Russian Scholarly Missions at International Congresses for Historical Studies at the Dawn of the 20th Century..... 71
 Numerous forms of international co-work were put into life at the edge of the 19th–20th centuries, congresses of historical studies among those. From one congress to another participation of Russian historians became more and more significant, both in quantity and quality of representation. A.S. Lappo-Danilevsky's congress activity was important for successful integration of Russian historical science into the world's one.
 Keywords: international co-work, international congresses for historical studies, A.S. Lappo-Danilevsky.
- Kireeva R.A.** (Moscow). A.S. Lappo-Danilevsky on Russian Historiography 73
 A.S. Lappo-Danilevsky's works on Russian historiography are under consideration in the article. Based on the scholar's archive, it presents reconstruction of his concept for historiography, also analyzed is the notion of "historiography", and certain periods are designated in the history of historical studies.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, historiography, Russian history, self-conscience.
- Korzun V.P.** (Omsk). A.S. Lappo-Danilevsky: Early Attempts of Intellectual History in Russian Humanities..... 77
 The author of the article presents A. S. Lappo-Danilevsky's search for the image of intellectual history within the limits of the increscent interest to cultural history in the world's and Russian historiography.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, cultural history, history of intellectual life, intellectual culture, history of mankind's intellectual development, history of an idea, perception, national consciousness.
- Lappo-Danilevsky K.Yu.** (St. Petersburg). The Lappo-Danilevskys: the Family Origins and Tradition 83
 The author of the article traces the Lappo-Danilevskys family history from the early 18th to the early 20th century, and explores the significance of the family for A.S. Lappo-Danilevsky.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, history of the family, genealogy, micro-history, the Lappo-Danilevskys, the Chuykevichs, the Gangeblovs, the Chorbs, the Manvelovs, the Lesnitskys.
- Malinov A.V.** (St. Petersburg). A.S. Lappo-Danilevsky as an Organizer of Sociological Studies in Russia..... 102
 The article considers A.S. Lappo-Danilevsky's activity for organizing sociological studies and teaching sociology in Russia. Not only was he the first Chairman of Russian Sociological Society named after M.M. Kovalevsky, but in 1918 also tried to found an Institute for Social Studies within the Academy of Sciences. Plans for systematic sociological courses belong to him as well.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, sociology, science, teaching, institutionalization, sociological society.
- Sidorchuk I.V.** (St. Petersburg). A.S. Lappo-Danilevsky's political Indifference in the context of Investigation of his scientific Inheritance..... 105
 The article considers the influence of A.S. Lappo-Danilevsky's political views upon the success of his scholarly and administrative activity. The author analyzes the scholar's achievements in interdisciplinary studies against the background of general development of humanities and the characteristic features of the learned community sub-culture at the edge of the 19th–20th centuries.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, scholarly community at the edge of the 19th–20th centuries, methodology of historical studies, history of sociology in Russia, interdisciplinary studies.
- Ramazanov S.P.** (Volgograd). Epistemological and Social Contexts of A.S. Lappo-Danilevsky's Methodological Search..... 108
 The article is devoted to the influence of social situation in Russia of the early 1900s upon A.S. Lappo-Danilevsky's type of methodological search. It is shown that the scholar's peculiar treatment of the Neo-Kantian historical methodology was stipulated by the tradition of the Russian historiography development along with the professionalism of a Russian methodologist.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, historical laws, value, evaluation, historical significance, the notion of the entire.
- Ratkovsky I.S.** (St. Petersburg). Destiny Crossroads: A.S. Lappo-Danilevsky, S.F. Platonov and D.B. Ryazanov in 1918. 112
 The article presents A.S. Lappo-Danilevsky's, S.F. Platonov's, and D.B. Ryazanov's activity in organizing Russian archive science. The influence of the Emergency Commission (Cheka) upon this process is also revealed.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, S.F. Platonov, D.B. Ryazanov, Union of Russian Archivists, Cheka (Emergency Commission).
- Tikhonov I.L.** (St. Petersburg). A.S. Lappo-Danilevsky and Archaeology..... 115
 The author of the article discusses A.S. Lappo-Danilevsky's scholarly activity in archaeology, and presents his groundings on specificity of material sources.
 Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, archaeology, lectures, material sources.
- Tribunsky P.A.** (Moscow). A.S. Lappo-Danilevsky in V.G. Druzhinin's Memoirs..... 120
 The article is devoted to the history of creating V.G. Druzhinin's memoirs, as well to presentation of A. S. Lappo-Danilevsky's personality and activity in the said text.
 Keywords: memoirs, image, V.G. Druzhinin, A.S. Lappo-Danilevsky, S.F. Platonov, V.D. Bonch-Bruyevich.

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY AND PHILOSOPHY OF HISTORY

- Adonyeva I.G.** (Novosibirsk). The "French Element" in Historical and Legal Discourse of "The Russian Messenger" Magazine in 1856–1862..... 127
 The article characterizes the "French element" in historical and legal discourse of "The Russian Messenger" Magazine during the liberal period (1856–1862). The reasons for special attention to Russian and foreign justice are described. Representatives of the group of the magazine authors who participated in determination of its subject

matter are found out. "The Russian Messenger's" part in spreading academic historical and legal knowledge is argued.

Keywords: legal discourse, "The Russian Messenger", legal history of France, the state-historical school.

Vorobyeva N.N. (St. Petersburg). The Church History Studies in Russia at the Edge of the 19th–20th Centuries: Problems of Early Christian History, and the Search for Self-Identity..... 129
The article presents one of the aspects in the development of Russian church history studies at the edge of the 19th–20th centuries, i. e. the problem of creating scholarly concepts for early Christian history.

Keywords: historiography, the church history studies, concept, early Christianity, history of old Christian church.

Voskresenskaya M.A. (St. Petersburg). Historiosophy of the Silver Age 132
The article reveals the specificity of the Silver Age creators' historiosophical views. The author argues that understanding history in philosophical thought and artistic creativity of the Silver Age should be referred to as that of cultural studies. These historiosophical compositions present culture as the principal element of social development. Human spiritual development is understood as the essence of historical process.

Keywords: historiosophy; the Silver Age; culture élite.

Dvornichenko A.Yu. (St. Petersburg). From US with Love and Care: Phenomenon of George Vernadsky 135
The article is devoted to G.V. Vernadsky, an outstanding historian of Russian emigration. The author describes "the phenomenon of Vernadsky" outlining the aspects of historical, historiographical, and cultural studies.

Keywords: G.V. Vernadsky, phenomenon, emigration, historiography, culture.

Drosneva E. (Sofia, Bulgaria). The St. Petersburg Landmarks of Bulgarian–Russian Contacts in the 19th–21st centuries.. 138
The article is an abridged version of the first part of the research on the Bulgarians' contacts with the St. Petersburg University. Bulgarian students appeared there as early as at the edge of the 1840s–1850s, and in 1852 Spiridon Palauzov defended his Master's thesis under the guidance of I.I. Sreznevsky. During subsequent decades Dimitry Blagoev, Atanas Shopov, and V.N. Zlatarsky studied at the University. Many philologists worked on probation, among them were specialists in the history of Bulgarian Mediaeval and the Renaissance literature. Pavel Oreshkov was a disciple to N.S. Derzhavin and V. Jagich. P.M. Bitsilli defended there his Master's thesis, and after the October revolution worked at the University in Sofia, same as a historian Benedict Miakotin, another graduate from the St. Petersburg University.

Keywords: the St. Petersburg University, Bulgarian students, I. I. Sreznevsky, S. N. Palauzov, V. N. Zlatarsky.

Isaev D.P. (Rostov-on-Don). Cultural Source Studies, or Phenomenological Method in Today's Russian Historiography..... 142
The article considers historical phenomenology as a trend in modern historical studies. Attention is concentrated on theoretical positions, and the scholarly community's response to a new method in historiography is presented. Special attention is paid to the evolution of several points in phenomenological approach. The author makes an attempt to insert historical phenomenology into the context of today's historical thought.

Keywords: exact knowledge, historical phenomenology, cultural source studies, reduction.

Krivoshchev Yu.V. (St. Petersburg). On M.K. Lyubavsky's State, Social and Political Views..... 145
Based on archive documents the article discusses social and political views of academician M.K. Lyubavsky, one of the prominent Russian historians. The author comes to a conclusion that during long time they remained invariable.

Keywords: M.K. Lyubavsky, A.I. Guchkov, the Academic affair, statist.

Mininkova L.V. (Rostov-on-Don). V. O. Klyuchevsky on the Zemsky Sobor of 1613 within the Light of the Theory of Patrimonial State..... 147
V.O. Klyuchevsky paid attention to the zemsky sobors as a prerequisite of the state's transformation from patrimonial form to the state of the New Time. He considered the zemsky sobor of 1613 to be a result of such institutions' evolution, and emphasized that the early zemsky sobors were free from representation.

Keywords: theory of patrimonial state, the Tsar patrimony, new political consciousness.

Murtuzaliev S.I. (Moscow). The Birth of Russian Historiography of "Bulgaria Studies of the Ottoman Period" (15th–mid-19th century) 150
The birth of "Bulgaria studies of the Ottoman period" is connected with the beginnings of Bulgaria and Ottoman studies as special disciplines in Russia. It dates back from the period of the Ottoman conquest of Bulgaria. In the article stages and ways of accumulating information are revealed. The background for further studies in Bulgarian history of the 15th–16th centuries has been formed up to the mid-19th century.

Keywords: Slavic studies, Bulgaria studies, Ottoman studies, historiography, pre-revolutionary Russia, stages.

Polyakov I.A. (St. Petersburg). S.B. Veselovsky and His Heritage in Historiography Commemorations and the Society Reminiscence..... 153
The article presents the destiny of heritage and the image of academician S. B. Veselovsky, an outstanding Russian historian. Special attention is paid to commemorations and memorial practice of historians connected with him.

Keywords: Russian historiography, S. B. Veselovsky, Russian Academy of Sciences, commemorations.

Sinel'nikov D.P. (St. Petersburg). Repeating the Unlearned: Lessons of Russian Neo-Kantian Historians..... 158
Epistemological and ontological aspects of "logic of representation" as possible specificity of historical studies are under consideration of the article's author.

Keywords: tradition of methodological search, Neo-Kantianism, cultural conditionality of methodological search.

Sirenov A.V. (St. Petersburg). St. Petersburg Historian Alexey Fedorovich Malov..... 161
The article presents a research on biography of Alexey Fedorovich Malov, a St. Petersburg historian active in the first half of the 20th century, who became a victim of political repressions. The article is concentrated on the materials of the historian's personal archive held by The National Library of Russia. The author argues that Malov's researches remain important and of current interest.

Keywords: source studies, Russian historiography, hagiography, history of Russian science, A.F. Malov.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ (1863–1919)

А.С. Лаппо-Данилевский (1906)

НИКОЛАЙ ГЕНРИХОВИЧ СКВОРЦОВ

доктор социологических наук, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского (Санкт-Петербург)
Тел.: (812)710-00-29; E-mail: n.skvortsov@spbu.ru

В 2013 г. в связи со 150-летием академика А.С. Лаппо-Данилевского в России и на Украине прошла серия юбилейных мероприятий, крупнейшим из которых стала Международная научная конференция «Академик А. С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры (к 150-летию со дня рождения)».

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, юбилей, наука, история, социология.

АКАДЕМИК АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ: К 150-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

29 января 2013 г. исполнилось 150 лет со дня рождения академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. Лаппо-Данилевский происходил из малороссийского дворянского рода, уходящего корнями в казацкую среду. После окончания Симферопольской гимназии Александр Сергеевич связал свою судьбу с Санкт-Петербургом. Благодаря глубокой эрудиции и многосторонним дарованиям он вошел в русскую науку не только как блестящий историк, исследователь русской истории и культуры XVII–XVIII вв., но и как философ, социолог, умелый организатор науки. Русская наука по праву гордится Лаппо-Данилевским, он считается одним из наиболее ярких представителей петербургской исторической школы, оригинальным философом и методологом исторической науки, пионером социологии в России. Закономерно, что А.С. Лаппо-Данилевскому посвящен ряд монографических исследований и диссертаций¹, и в последнее десятилетие переизданы многие его работы².

Надо заметить, что традиция чествования Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского сложилась еще при жизни ученого. Еще в 1916 г. учениками ученого был выпущен «Сборник статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому»³. К годовщине смерти ученого стараниями друзей и учеников Александра Сергеевича вышел тематический выпуск «Русского исторического журнала»⁴, а к 10-летию кончины Академией наук в серии «Очерки по истории знаний» были опубликованы «Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского»⁵. В «Археографическом ежегоднике за

1994 г.» благодаря усилиям С.О. Шмидта был помещен раздел, посвященный 75-летию смерти ученого⁶. В 2003 г. исследователи творчества Лаппо-Данилевского провели в Санкт-Петербурге научную конференцию «Историческая наука и методология истории в России XX в.: К 140-летию академика А.С. Лаппо-Данилевского»⁷.

Современное научное сообщество, конечно, не могло пройти мимо юбилея столь крупного ученого. 2013 г. был отмечен рядом юбилейных мероприятий. В начале года на родине Александра Сергеевича в селе Гуляй-Поле Криничанского района Днепропетровской области Украины была установлена в честь ученого мемориальная доска. С 27 января по 5 апреля в Российском государственном гуманитарном университете в режиме интернет-конференции прошел круглый стол «Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков». Наиболее масштабно юбилей академика А.С. Лаппо-Данилевского отмечали в Санкт-Петербурге. 28–29 июня в Социологическом институте РАН прошла Всероссийская научная конференция с международным участием «Пятые чтения по истории российской социологии: Понимание общественно-исторического развития и современности: методология социальных наук. Памяти А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919): 150 лет со дня рождения»⁸. В нынешний, юбилейный год тематические разделы, посвященные А.С. Лаппо-Данилевскому, поместили на своих страницах журнал «Исторический архив»⁹ и «Журнал социологии и социальной антропологии»¹⁰.

Международная научная конференция «Академик А.С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры (к 150-летию со дня рождения)», материалы которой публикуются в этом номере журнала «Клио», проходила в Санкт-Петербургском государственном университете 4–5 октября 2013 г. Конференция была организована сразу тремя факультетами: историческим, философским и социологическим, а также рядом структур Академии наук (Археологическая комиссия РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). Соорганизаторами конференции выступили Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, Международный фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ «Интерсоцис» и Фонд «Европейское наследие». Проведение конференции стало возможным благодаря финансовой поддержке Российской гуманитарного научного фонда (грант № 13-01-14011).

Открытие конференции состоялось в Актовом зале Главного здания Санкт-Петербургского государственного университета. Помимо официальных приветствий в начале конференции были исполнены романсы на музыку С.С. Лаппо-Данилевского, младшего брата академика А.С. Лаппо-Данилевского. В этот же день в музее истории СПбГУ состоялось открытие выставки, также посвященной юбилею Александра Сергеевича.

Помимо пленарного заседания работа конференции проходила в трех секциях: «Отечественная историография и философия истории», «А.С. Лаппо-Данилевский и его научное наследие», «А.С. Лаппо-Данилевский и его эпоха». Всего за время работы конференции было сделано более 60 докладов, а общее число участников превысило 100 человек. В конференции приняли участие ученые не только из Санкт-Петербурга и Москвы, но и из Новосибирска, Ростова-на-Дону, Омска, Барнаула, Тольятти, Челябинска, Рязани, Брянска, Волгограда, а также из Болгарии, Украины и Германии. По итогам конференции была принята резолюция, в которой говорится о необходимости продол-

жить изучение и популяризацию творчества А.С. Лаппо-Данилевского. По предложению ИИЕТ РАН (Ю.М. Батулин и С.С. Илизаров), поддержанному Архивом РАН (В.Ю. Афиани) участники конференции выступили за необходимость учреждения комиссии по исследованию и изданию научного наследия академика А.С. Лаппо-Данилевского, а также с инициативой ходатайствовать об установлении на доме № 2 по 7 линии Васильевского острова, в котором ученый жил с 1904 по 1919 г., мемориальной доски.

Разделы настоящего номера «Клио» отвечают названиям трех секций, проходившей конференции, в соответствующие разделы включены и статьи, подготовленные на основе пленарных докладов. Важно, что тексты исследовательских статей представителей разных отраслей социального и гуманитарного знания не только расширяют наши представления о личности и наследии самого А.С. Лаппо-Данилевского и науки его времени, но и ставят важные вопросы, актуальные для современной повестки дня как в области источниковедения, дипломатики, историографии так и философии науки, социологии, науковедения. Нельзя не отметить и роль настоящей конференции в контексте тех усилий, которые в настоящее время осуществляются в университете для изучения наследия выдающихся универсантов¹¹.

В заключении хочется выразить благодарность нашим коллегам – сотрудникам различных подразделений СПбГУ, оказавшим помощь Организационному комитету в подготовке конференции и настоящего номера «Клио» – Д.А. Баринину, О.Л. Бильвиной, А.Ю. Прокопьеву, И.В. Сидорчуку, С.С. Смирновой, Д.А. Сосницкому, И.Л. Тихонову, Д.Г. Янченко, а также студентам исторического факультета СПбГУ – А.С. Белоусову, Ф.М. Битаевой, А.Б. Богомолу, П.Д. Демченко, А.В. Казаковой, В.М. Капцову, Д.В. Косенко, Е.Е. Кудрявцевой, А.С. Лапченко, Ф.В. Лонтюеву, Е.А. Моховикову, С.В. Перекрестовой, И.А. Полякову, Ю.С. Сиволобовой, А.О. Смирнову, А.Ю. Фомину, А.А. Шустрову, М.И. Ярусскиной.

¹ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; Трапш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону, 2006; Берус В.В. Проблемы философии истории в русском неокантианстве. А. С. Лаппо-Данилевский. Автореф. дис. ... к.филос.н. СПб., 1998; Николаи Ф.В. Методологические идеи А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

² Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О.Конта // Проблемы идеализма. Сборник статей [1902] / Под ред. М.А. Колерова. Подг. текста Н.В. Самовер. М., 2002. С. 685–794; Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и важнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты до преобразований // Русский мир. Сборник. М., 2003. С. 599–620; Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2003. Вып. I. С. 354–413; Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики // Предисловие М.Ю. Сорокиной. Подготовка текста М.Ю. Сорокиной с участием К.Ю. Лаппо-Данилевского. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2005; Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. [в 2 т.] Подгот. текста: Р.Б. Казаков [и др.] ; авт. вступ. ст.: М.Ф. Румянцев, авт. коммент.: Т.В. Гимон, М.Ф. Румянцев. М., 2010; Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007; Лаппо-Данилевский А.С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. М., 2011, 2013; Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. М., 2011 и др.

³ Сборник статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916 (Историческое обозрение. Т. 21).

⁴ Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

⁵ Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929 (Очерки по истории знаний. Вып. 6).

⁶ Археологический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

⁷ Историческая наука и методология истории в России XX в.: К 140-летию академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2003. Вып. I; Малинов А.В. Историческая наука и методология истории в России XX в.: К 140-летию академика А.С. Лаппо-Данилевского. (обзор конференции) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3.

⁸ Зайнутдинов А.Э. Международная научная конференция «Понимание общественно-исторического развития и современности: методология социальных наук» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 206–209.

⁹ Чернобаев А.А. Новые документальные источники о В.И. Вернадском и А.С. Лаппо-Данилевском // Исторический архив. 2013. № 2. С. 3; Бухерт В.Г. Без просвещения свобода не имеет большой цены и крепости». Статья А.С. Лаппо-Данилевского о необходимости создания института социальных наук. Июль 1918 г // Исторический архив. 2013. № 2. С. 4–13.

¹⁰ См.: Козловский В.В. От методологии истории к исторической метасоциологии: уроки А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3 (68). С. 5–7; Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский — первый председатель русского социологического общества им. М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. №3 (68). С. 8–16; Малинов А.В. «Рассадник насущных знаний» (деятельность А.С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. №3 (68). С. 17–28; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. №3 (68). С. 29–43.

¹¹ См. об этом: Ростовцев Е.А., Амосова А.А., Янченко Д.Г. Проекты по истории Санкт-Петербургского университета на историческом факультете // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Серия 2. История. Вып. 3. С. 203–206; Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю. Изучение истории университета на Историческом факультете // Клио. 2013. №10 (82). С. 4–5.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАТУРИН

член-корреспондент Российской академии наук, директор Института истории науки и техники имени С.И. Вавилова РАН (Москва)
Тел.: 8 (495) 988-22-80; E-mail: yubat@mail.ru

В статье анализируется логико-структурная схема причинно-следственной связи, выявляемой по методологии, разработанной А.С. Лаппо-Данилевским для исторических исследований. Показывается, что методология обнаружила свою высокую эффективность, вышла за пределы исторической науки и оказалась применимой в далеких от истории областях, включая технические. Приводятся примеры из юриспруденции, строительства и архитектуры.

Ключевые слова: методология, причинная связь, историческая наука, уголовное право, строительство.

МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДРУГИХ НАУК

В своем фундаментальном труде «Методология истории» специальное внимание А.С. Лаппо-Данилевский уделил методологии установления исторической причинно-следственной связи. Проследим его логику.

«...Поскольку историк исходит из действительности, он не может не принимать во внимание и волевого воздействия данного индивидуума на возникновение какого-либо факта <...> даже в том случае, если бы историку удалось доказать, что данный факт мог возникнуть без такого воздействия, нельзя отрицать, что в действительности он «случился» при наличии этого воздействия; оно, значит, должно быть включено в число причин, случайная встреча которых породила данный факт, – писал А.С. Лаппо-Данилевский. – В таком смысле историк и рассуждает, говоря, например, что Вторая Пуническая война разразилась благодаря решению Ганнибала, Семилетняя война – благодаря решению Фридриха Великого, австро-прусская – благодаря решению Бисмарка»¹. Назовем этот тезис положением о субъектности причинности.

Второй логический шаг состоит в установление системы зависимости, независимости, сложения действия различных причин: «...Историк дает научное объяснение действительности, поскольку он объясняет соотношение элементов, в совокупности вызвавших данный результат. Такое объяснение сводится прежде всего к тому, что историк должен определить, какие из причин, в совокупности породивших данный факт, зависят от более общей или друг от друга и какие, напротив, не могут быть поставлены им в такую зависимость и, значит, представляются ему данными независимо от других; к числу последних можно относить, например, и самый факт скрещивания или встречи действия одной причины (или нескольких) с другой (или несколькими)...»².

Все это А.С. Лаппо-Данилевский иллюстрирует примерной схемой (рис. 1)³, которая на языке математики называется «граф». Ее можно было бы изобразить нагляднее, сделав граф ориентированным, т.е. проставить на ребрах графа стрелочки, указывающие направление действия причин. Далее ребрам графа (действию причин) можно проставить в соответствие «весовые коэффициенты», показывающие их относительную важность. А.С. Лаппо-Данилевский делает это на языке вероятности, говоря о случайности причин, их возможности: «Если историку удалось в данной совокупности обстоятельств различить зависимые от независимых, то он может пойти еще далее и попытаться выяснить в данной группе причин тех из них, которые он назвал случайными. В действительности вся совокупность условий с фактической необходимостью вызвала, конечно, данный факт и только; но историк может пользоваться категорией возможности при взвешивании относительного значения данной исторической причины <...> Таким образом, историк может обсуждать степень вероятности исторического события...»⁴

Перейдем теперь к структуре причинно-следственной связи по А.С. Данилевскому. Он выделяет две ее составляющие. Первая: «При построении причинно-следственной

зависимости между историческими фактами <...> историк усматривает фактическую необходимость такой связи»⁵. С другой стороны: «...Историк должен помнить, что всякий исторический факт, а значит, и изучаемое следствие – есть его построение <...> Историк подвергает анализу лишь свое сложное представление о следствии, им же самим построенное <...> Отношение между причиной и следствием строится не в чисто механическом, а в психологическом смысле»⁶. То есть при установлении причинно-следственной зависимости обнаруживается к ней то или иное отношение.

Таким образом, А.С. Лаппо-Данилевский отмечает фактическую составляющую и оценочную составляющую причинной связи (рис. 2).

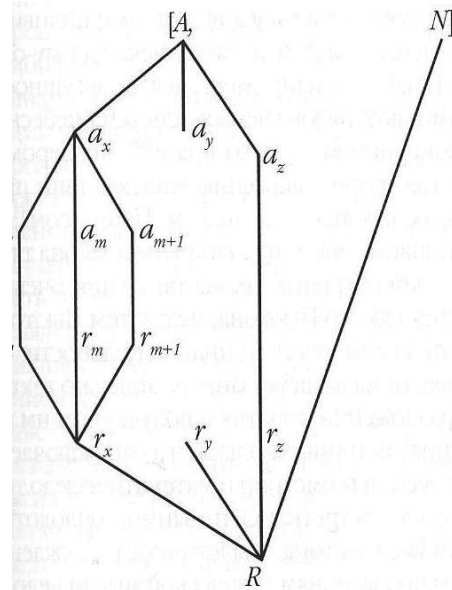

Рис. 1. Примерная схема сочетания и взаимодействия многих причин по А.С. Лаппо-Данилевскому

Рис. 2. Структурно-логическая схема причинно-следственной связи по А.С. Лаппо-Данилевскому (интерпретация)

Теперь прокомментируем, как связано положение о субъектности причинности со структурой причинно-следственной связи.

Субъектность А.С. Лаппо-Данилевский иллюстрирует примером из истории науки: «Открытие закона тяготения, например, сделано в сущности последовательными работами двух рядов ученых: «система небесной геометрии» была создана Коперником, Тихо-Браге, Кеплером и Ньютоном; а математическая теория движения, впоследствии приложенная к движению небесных тел, – Галилеем, Гюйгенсом и Ньютоном. Оба ряда работ привели Ньютона к открытию закона тяготения; но при изучении истории открытия закона тяготения, очевидно, нельзя не принять в расчет самого Ньютона; между тем, Ньютона, как Ньютона, во всей полноте его творческой индивидуальности, конечно, нельзя логически вывести из вышеуказанных отдельно взятых рядов»⁷.

Поразмышляем над этим глубоким объяснением А.С. Лаппо-Данилевского. Что скрывается в нем?

По легенде, которая, впрочем, получила некоторые исторические подтверждения⁸, Ньютон открыл закон всемирного тяготения, наблюдая падение яблока. Он мог наблюдать его сколь угодно большое число раз, но почему в какой-то момент он решился утверждать, что нашел закономерность? Да потому, что включился психологический смысл, Ньютон обнаружил к наблюдаемому явлению и к его доказательности свое отношение. Он не доказал логически (что было невозможно), а сформулировал утверждение, прийти к которому было невероятно трудно (но все-таки возможно): различие масштабов яблока и планет несущественно, т.е. закон универсален. Впоследствии это утверждение получило экспериментальное подтверждение⁹.

Трудно переоценить значение построенной А.С. Лаппо-Данилевским методологии, потому что она оказалась применимой далеко за пределами исторической науки. Приведем несколько примеров, начав с иллюстрации юридического характера, тем более что А.С. Лаппо-Данилевский был почетным доктором права Кембриджского университета.

Чрезвычайно важна причинная связь в структуре уголовной ответственности. В понятие состава преступления входит совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как конкретное преступление. В одну из четырех групп признаков, называемых элементами состава преступления, входит *причинная связь* между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием (преступным результатом)¹⁰.

С течением времени расширяется как практика уголовно-правовых запретов, так и виды преступного поведения. Соответственно, возникают трудности при рассмотрении и установлении уголовно-правовой причинности. Это относится к преступлениям против общественной безопасности, преступлениям в сфере экономической деятельности, экологическим преступлениям, протяженным во времени и пространстве, (что, кстати, выявляет аналогии с историческими процессами), и связанными с весьма сложными структурно общественно опасными последствиями. Суть процесса – в усложнении связей между деянием и его предполагаемыми последствиями, в объективном уменьшении возможности для субъекта контролировать собственное поведение, а также и возможности внешнего контроля действий субъекта.

Так, при массовом выпуске продукции в случае нарушения технологии, стандартов производства и самой продукции общественно опасные последствия могут проявиться не сразу и в неизвестном заранее месте. Иначе говоря, они отдалены от производства во времени и пространстве («отдаленные причины», по Лаппо-Данилевскому). Это вызывает необходимость устанавливать новые формы контроля и по-иному принимать решения. Подобные изменения происходят во всем мире, они носят универсальный характер.

Уголовное право вынуждено отвечать на вызовы, связанные с возникающими трудностями при установлении

причинных связей, вызывающих общественно опасные последствия. Как результат, приходят к рассмотрению «сопряженных» причиняющих вред деяний и, соответственно, сложно-составных причин, «повлекших» общественно-опасные последствия. В уголовный закон вводятся такие конструкции, как «убийство, сопряженное с разбоем» (ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ), «повлекшие смерть» (ч. 4 ст. 111 УК РФ), «сопряжено с извлечением дохода» (ст. 171, 172 УК РФ) и других.

Следовательно, вопросы уголовно-правовой причинности необходимо решать по-новому. И здесь помогает методология А.С. Лаппо-Данилевского. Причинность для уголовного права значима, если она рассматривается в рамках положения о субъектности, как «силовое» воздействие субъекта на свое окружение. Сравним с тезисом А.С. Лаппо-Данилевского: «Исторической причиной можно называть воздействие индивидуальности на ту среду или целое, частью которого она является»¹¹. То есть в причинных связях помимо объективных закономерностей фиксируются субъективные характеристики и личностное их происхождение.

В традиционной доктрине уголовного права игнорируется различие между фактической и оценочной составляющей конструкции уголовно-правовой причинности. Фактическая составляющая – характер поведения субъекта. Она представляет собой реальный ход событий во внешнем мире. Оценочная составляющая – оценки причинности с точки зрения уголовного закона. Возможно, что действия, которые имеют одинаковое фактическое содержание, даже в сходном контексте будут получать внешне одинаковое фактическое описание, но различную уголовно-правовую оценку.

Лишь в XXI в. (по крайней мере, в России) юристы поняли необходимость пересмотра категории причинности. Одним из первых начал разработку новой теории доктор юридических наук Альфред Эрнестович Жалинский. Согласно ему, в доктрине уголовного права должен исследоваться целостный феномен причинности («сложная совокупность», «комплекс элементов», «комплекс причин», по Лаппо-Данилевскому), в котором необходимо различать связи необходимые и случайные, возможность и действительность, опасность и риск как необходимые для последующей уголовно-правовой оценки¹². К сожалению, уход из жизни этого выдающегося юриста прервал создание развитого теоретического подхода. Интересно, что, как удалось выяснить автору настоящей статьи, А.Э. Жалинский не был знаком с трудом А.С. Лаппо-Данилевского и век спустя фактически переоткрыл его методологию, включая использование вероятностных оценок и т.п., применительно к своей дисциплине.

Доктор юридических наук, профессор А.Э. Жалинский (1932–2012)

Теперь посмотрим, как можно применять методологию причинности Лаппо-Данилевского в архитектуре и строительстве.

Технологические и иные катастрофы повсеместно становятся едва ли не привычными. В 2004 г. обрушилась стеклянная крыша крупного московского аквапарка «Трансвааль-парк». Крыша начала складываться и затем развалилась. Этот факт привычно связали с нарушениями при проектировании и строительстве, характерными для России, а также с неправильной эксплуатацией. Но через год рухнула крыша Бауманского рынка в Москве. Затем в 2005–2006 гг. серия катастроф такого рода произошла в Баварии, Чехии, Польше, Австрии. В России обрушения крыш происходят практически каждый год. Проблема стала не просто актуальной, она стала жизненной. Выдвигались самые разные предположения: просчеты в проекте, непрочность самой конструкции купола, обрушение из-за скопившегося на стеклянной крыше снега, трещина в куполе из-за разницы температур, колебания температуры воздуха, неправильная эксплуатация купола, технологический или даже случайный брак при изготовлении несущих конструкций, свойство сложных публичных зданий иметь высокую долю подверженных риску конструкций. Но каждая версия требует ответа еще на один вопрос: кто виноват?

Разберем, с позиции выявления причинной связи, лишь два примера.

В 2006 г. произошло обрушение построенного в 1974 г. Бауманского рынка в Москве. Расследование показало следующее. При строительстве рынка по внешнему контуру к опорному кольцу оболочки была подвешена кольцевая антресоль. На нее поднимались из помещения по трем лестницам, которые были предназначены для доставки цветов, легких грузов, мелкого товара. Без согласования с проектировщиками этого сооружения в здании проводились конструктивные изменения, в частности был введен внутренний круговой балкон, который постоянно перегружали. С наружной стороны здания рынка была пристроена лифтовая башня, по которой доставляли тяжелые грузы на антресоль. Поэтому опорный контур висячей железобетонной оболочки Бауманского рынка не выдержал, и оболочка обрушилась из-за обрыва тросов, на которых держалась.

Здесь причинная связь между рядом перечисленных действий и обрушением абсолютно ясна, и не требуется выделение субъектной, фактической и оценочной составляющих, хотя это и не представляет труда.

Теперь сравним ситуацию со следующим случаем разрушения в Феррибридже (Великобритания) в 1965 г. Там при сильном, но не штормовом ветре с интервалом 20 минут последовательно рухнули 3 градирни высотой 114 м. (Градирня – башня-труба, в которой создается поток воздуха для охлаждения воды, поступающей из турбины на тепловых электростанциях. Типовая градирня имеет гиперболоидную форму, выбранную из аэродинамических соображений, высоту 88 м, радиус в горловине 20 м, радиус внизу конструкции 33,5 м. Максимальная высота конструкций достигает 200 м. Конструкции очень надежные и стоят десятилетиями.) Интересно, что обрушение произошло не в первом, а в заветренном ряду. В отчет, составленный при расследовании, вошли пока-

зания очевидцев, что перед обрушением по поверхности градирни образовались волны (углубления и выпуклости), амплитуда которых росла, и после достижения некоторой критической величины башни рушились.

Это пример, когда причинную связь долго не удавалось установить, пока не были выделены субъектная, фактическая и оценочная составляющие. Оценочная составляющая доставила наибольшие трудности. Работали несколько комиссий. Только с помощью моделирования удалось объяснить произошедшее. Оказалось, что при действии ветра на тела, имеющие круглую форму, с боков этих сооружений срываются поочередно ветровые вихри. Для обычных сооружений эффект влияния ветровых пульсаций относительно невелик, а для высотных конструкций ветровая нагрузка оказывается значимой.

Разрушение градирен в Феррибридже (Великобритания, 1965)

В Феррибридже произошло следующее: вихри, срывающиеся с башен наветренной стороны, создали динамическую нагрузку для башен заветренного ряда. Частота схода вихрей зависит от ветра, размеров и шероховатости поверхности. Произошло уникальное совпадение частоты схода вихрей с башен первого ряда с собственной частотой колебаний градирен второго ряда. Возник резонанс, амплитуда колебаний резко возросла, и вследствие этого произошло обрушение¹³.

Фактическая составляющая причинной связи состояла в сочетании силы ветра, параметров обдуваемой поверхности, создающем вихри определенной частоты. Оценочная составляющая устанавливалась с помощью моделирования, а субъектная – оказалась исключительной. Винового в данной катастрофе не было. Результаты расследования изучались во всем мире. Для их обсуждения была созвана международная конференция в Брюсселе.

Таким образом, методология установления исторической причинной связи, разработанная А.С. Лаппо-Данилевским, не просто оказалась эффективной, но вышла за пределы исторической науки и оказалась применимой в далеких от истории областях, включая технические.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. С. 303.

² Там же. С. 304.

³ Там же. С. 307.

⁴ Там же. С. 304–305.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 453.

⁶ Там же. С. 456–457.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 1. С. 308.

⁸ См.: Фейнберг Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино: Век 2, 2004. С. 50, 79.

⁹ См.: там же. С. 51.

¹⁰ См., например: Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Общая часть. М.: Юридическая литература, 2004. С. 170–171.

¹¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 2. С. 453.

¹² См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. С. 363–394.

¹³ См.: Чугунова Е. Обрушение строительных оболочек-градирен в Феррибридже // О строительных конструкциях типа оболочек. М.: ГАКХиС, 2013. С. 148–154.

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕРУС

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул)
Тел.: 8 (962) 819-89-69; E-mail: berusvit@mail.ru

Статья посвящена исследованию размышлений А.С. Лаппо-Данилевского о методах социального и исторического познания и перспективах развития человечества как новой социальной общности. В основе статьи лежат неопубликованные записи из архива А.С. Лаппо-Данилевского.

Ключевые слова: позитивный принцип, субъективный метод социологии, социальный субъект, социальная интеграция, великая историческая индивидуальность, А.С. Лаппо-Данилевский.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ О СУБЪЕКТИВНОСТИ И ВЕЛИКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В своей концепции социального и исторического познания Лаппо-Данилевский стремился объединить позитивные принципы Конта и, в определенной степени, «субъективный метод социологии» русской школы, что, очевидно, явилось следствием влияния идей П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. Так, в подготовительных материалах к курсу лекций по истории социологии, после ряда цитат из Лаврова и книги Х. Раппопорта «Социальная философия П. Лаврова» (СПб., 1906), Александр Сергеевич находит и фиксирует то, что, по-видимому он главным образом искал у этого автора: «Итак, – записывает Лаппо-Данилевский, – в позитивизме совершенно законно может быть и должен быть употреблен субъективный метод <...> Позитивизм должен заключать субъективно-нравственную оценку побуждений, целей, действий <...> На основании этой оценки неизбежна для позитивизма оценка общественных форм»¹. Однако Лаппо-Данилевского не устраивает то, что в таком понимании субъективного метода происходит «смешивание познавательного принципа с этическим отношением», приводящее к превращению субъективного метода в обыкновенный субъективизм. В этом он видел слабость всей русской социологической школы, несмотря на то, что отмечал ее заслуги в осуществлении «перехода от феноменологического построения социологии к построению гносеологическому», т.е. в формировании теоретического базиса этой отрасли гуманитарного знания².

Лаппо-Данилевский под субъективным методом понимал логически организованную и обоснованную систему познавательных принципов, позволяющую изучать объект социального и исторического познания в качестве субъекта.

Важнейшим принципом так воспринятого «субъективного метода» ученый называл принцип чужого одушевления³. Он считал постоянное признание чужого одушевления основным условием существования социальных отношений как таковых. «Социальное отношение, – писал исследователь, – не возникает в том случае, если субъект «Я» действует на другой субъект только как на объект («вещь»)»⁴. Из этого следовало, что любой, занимающийся социальным познанием, обязан был представлять объект своего познания, в первую очередь, как взаимодействие субъектов. Лаппо-Данилевский был убежден, что, подняв вопрос о необходимости доказательств данного принципа, он отделил себя от так называемых «интуитивистов-субъективистов» и с полным правом может причислить себя к разряду «гносеологов». «Интуитивист... – утверждал мыслитель, – легко решает проблему: чужое «Я», говорит он, – дано мне непосредственно, инстинктивно познается мною вместе с чувственно воспринимаемым. Гносеолог же должен выяснить те основания, в силу которых он приписывает своему переживанию объективное значение...»⁵. Но вряд ли возможно выяснение данных оснований, удовлетворившее бы взыскательную требовательность ученого.

Вообще, как представляется, Александр Сергеевич достаточно часто сознательно ставил перед собой сверхзадачи, не только расширяя собственное проблемное поле, но и стимулируя познавательную активность окружающих его людей.

Отметив, что признать объективное существование чужого одушевления можно лишь по аналогии с самим собою, он приходит к выводу: истинность такого признания может быть только вероятной. Тем не менее Лаппо-Данилевский заявляет, что не может игнорировать этот принцип, будучи вынужденным пользоваться зыбким этическим обоснованием, так как считал отрицание объективного существования чужого «Я» безнравственным, солидаризуясь в этом с А.И. Введенским, полагавшим, что вопрос о пределах одушевления принадлежит к числу теоретически неразрешимых и «только нравственный долг» заставляет человека признать чужое одушевление⁶.

Как видим, «смешения гносеологического и этического подходов» в формулировании основных принципов социального познания избежать не удалось. С другой стороны, колебания Лаппо-Данилевского при решении вопроса об объективности существования чужого сознания указывают, что, несмотря на критику О. Конта за абсолютизацию относительности познания, сам Лаппо-Данилевский невольно поставил последнее во главу своего понимания сущности социального познания. Не случайно мы читаем в записях ученого определение, весьма напоминающее «позитивные суждения» Конта: «Социология занимается изучением общества, но не его природы в смысле сущности, а главным образом социальных отношений и перемен»⁷. Поостережемся называть это неудачей, ведь мучительные поиски мыслителя особенно ярко показали, что человеческое общество – это не что иное, как пространство ценностей и смыслов, не всегда поддающееся «исчислению».

Второй важнейший принцип социального познания – принцип «абсолютной цели», непосредственно связан с первым. Коль скоро объект социального познания должен рассматриваться в качестве субъекта, то телеологический подход в реконструкции социальной и исторической действительности неизбежен. Историкам и обществоведам предлагается выявлять идеальные цели исследуемых субъектов и рассматривать историческую социальную эволюцию в качестве пути к достижению этих целей. К этому же следует добавить, что Лаппо-Данилевский, исходя из принципа единства сознания субъекта, полагал необходимым поиск некоего «единства воли», являющегося основой для объединения деятельности людей и тем, что способствует формированию из разнородной людской массы «целостного социального субъекта». Объективным основанием для такого единства могло быть только наличие единой цели, именуемой ученым «абсолютной». Под абсолютностью понимался «безусловно-должный или безусловно-нравственный» характер единой цели, когда итоговое назначение социального развития есть «общество свободно хотящих людей, в котором всякий считает своими объективно-нравственные цели другого, тогда общество всего более проникается сознанием одной абсолютной цели, и всего более становится общностью волей»⁸.

Вероятно, можно констатировать, что это вариация философско-исторической идеи «великой индивидуальности», имевшей свое воплощение как в русской философии (идеи «соборности», богочеловечества), так и на Западе (христианский эволюционизм Тейяра де Шардена).

В области социальной философии претворение принципа «абсолютной цели» выразилось в разработке Лаппо-Данилевским так называемой «теории социального тяготения», оставшейся в незавершенном виде. Согласно этой теории, суть социального развития человечества состоит в постепенно усиливающейся социальной интеграции. Так, например, для стадии первобытного общества «социальные единицы» (здесь имеются в виду семейные общины) вступают во взаимодействие только лишь своими «ядрами», «...таковы, например, отношения двух глав или двух семей, когда роды или семьи сами по себе еще не взаимодействуют»⁹. Постепенно происходит усложнение социальных единиц, заключающееся главным образом в «размножении оснований интеграции», что достигалось «дифференциацией в каждом из элементов свойств, делающих эти элементы годными к образованию социальных соединений»¹⁰. Затем происходит естественное образова-

ние социальных соединений под влиянием внешних факторов. И наконец, на высшей стадии развития социальные единицы вступают в отношения «не сами по себе, и не как ядра естественных и бессознательных групп, а как члены искусственных и сознательных соединений», иллюстрацией коих могут служить современные промышленные ассоциации¹¹. Кульминационной точкой развития на этой стадии должно стать образование «единого социального тела» в мировом масштабе в социальном плане и «великой индивидуальности» в философско-историческом плане. Чем прочнее это единое социальное тело, чем сильнее «социальное тяготение», тем большие выгоды при наименьших затратах получает каждый индивидуум, входящий как часть в целое, в это социальное тело. Идея «великой исторической индивидуальности» – своего рода поэтический рефрен в строго научном дискурсе творчества Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Научные основы социологии в их историческом развитии // СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. С. 311.

² Там же. С. 312.

³ Лаппо-Данилевский А.С. О социологии // СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 326. С. 3.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Развитие социального тяготения // СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 285. С. 433.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 304.

⁶ Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления. СПб., 1892. С. 60.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. О социологии // СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 326. С. 66.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Научные основы социологии в их историческом развитии // СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. С. 436–437.

⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Развитие социального тяготения // СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 285. С. 110.

¹⁰ Там же. С. 111.

¹¹ Там же.

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА ВЕТОХИНА

кандидат исторических наук, доцент; Криворожский национальный университет; Криворожский педагогический институт. Исторический факультет. Кафедра всемирной истории (Кривой Рог)
Тел.: 38 (098) 219-40-26; E-mail: svet_jana@bk.ru

В статье рассматривается теоретико-познавательная концепция А.С. Лаппо-Данилевского, сочетающая идеографический и номотетический подходы в историческом познании, которая позволяет предложить метод сравнительно-исторического исследования, основанный на сопоставлении корпуса исторических источников, порожденных разными культурами.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, метод, сравнение, номотетический подход, идиографический подход, исторический источник.

МЕТОД СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) еще в начале прошлого века в рамках единой концепции гуманистики предложил решение нескольких принципиальных эпистемологических проблем, ключевое значение которых в последнее время достаточно полно осознается наукой.

В русле неокантианской методологии А.С. Лаппо-Данилевским были поставлены коренные вопросы исторического познания, по сей день сохраняющие свою актуальность: принципы исторического знания, критерии оценки, познавательные цели и объект исторической науки, специфика исторического факта, методология источниковедения и др. А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивал тесную связь между теорией исторического знания (определяющей исходные принципы исторического познания), методологией источниковедения (устанавливающей принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, утверждает, что интересующий его факт действительно существовал) и методологией исторического построения (с ее принципами и приемами, при помощи которых историк объясняет этот факт). Источник понимался как реализованный продукт человеческой психики, объективированная форма человеческого творчества¹.

Учеными были рассмотрены основные виды источников, принципы их классификации, методы интерпретации и критики.

Актуальная на сегодняшний день проблема, адекватный способ решения которой может быть выведен из учения А.С. Лаппо-Данилевского, – это методология сравнительно-исторического исследования. Историко-сравнительный метод давно применяется в историописании. В сущности, без сравнения не обходится ни одно научное исследование². В современной эпистемологии наиболее адекватную методологию компаративистских исследований дают по преимуществу номотетические системы, в рамках которых возможно сравнение различных обществ по тому основанию, которое признается в той или иной парадигме в качестве системообразующего или непрерывного фактора развития и с которым коррелируют прочие составляющие общественной системы. Идиография, описывая феномены культуры как уникальные, принципиально не дает критериев сравнительного исследования. Сочетание идиографического и номотетического подходов в концепции А.С. Лаппо-Данилевского позволяет снять это противоречие³. Ученый синтезирует эти понятия, рассматривая их как два подхода к единому объекту истории. Он пишет: «С номотетической точки зрения историк изучает то, что есть общего между изменениями, с идиографической – то, что характеризует данное изменение, отличает его от других и, таким образом, придает ему индивидуально значение в данном процессе»⁴. С номотетической точки зрения А.С. Лаппо-Данилевский выявляет

уравнительное, типизирующее влияние социальной среды (коллективного индивидуума) на индивидуальность. Это дает возможность исследовать особенности самой этой среды. Влияние социальной среды на индивидуальность наиболее последовательно проявляется на уровне основной классификации единицы источниковедения – вида исторических источников. Именно под влиянием унифицирующего воздействия социальной среды индивидуальные результаты реализации человеческой психики

(продукты культуры) приобретают общие черты и могут быть названы собирательно: мемуары, периодическая печать и т.п. Таким образом, вид исторических источников репрезентирует формы человеческой деятельности, совокупность которых и составляет историю общества в определенный период. Именно поэтому сопоставление видов исторических источников (возникновения, эволюции, структуры и т.д.) и их систем может выступать как критерий в сравнительно-исторических исследованиях.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. М., 2006. С. 291.

² Ковальченко И.Д. *Методы исторического исследования*. М., 2003. С. 186.

³ Румянцева М.Ф. *Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // Вопросы истории*. 1999. № 8. С. 145.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. С. 234.

НИНА ВАЛЕНТИНОВНА ГУРСКАЯ

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения и гуманитарных дисциплин филиала РГГУ г. Тольятти (Тольятти)

Тел.: 8 (482) 72-61-26; E-mail: nina.gurs@yandex.ru

В статье исследуются культурологические аспекты историко-философских взглядов, изложенных в работах А.С. Лаппо-Данилевского. Автор отмечает, что труды Александра Сергеевича стали важной научной основой для обоснования культурологических концепций.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, культурологические концепции, история культуры.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ТРУДАХ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

А.С. Лаппо-Данилевский является одним из представителей плеяды российских ученых, чьи работы по истории русской культуры получили междисциплинарное значение. Характер его исследований отличался многообразием направлений, часть из которых позже учеными рассматривалась в качестве культурологических концепций и теорий.

В.П. Овсянников взгляды Лаппо-Данилевского причислял к гуманитарно-культуроведческому профилю¹. М.Ф. Румянцева вменяла ему в заслуги создание культурологической концепции, где исторический процесс рассматривался как культурное движение всего человечества². Л.А. Черная и М.Ю. Сорокина считали Александра Сергеевича основоположником целого научного направления по истории общественной мысли в России, в нарождавшейся тогда дисциплине – «история русской культуры»³.

Александр Сергеевич отводил особую роль культуре в истории: «История <...> стремится удовлетворить наш интерес к действительности в ее индивидуальных особенностях <...> культура и представляет в истории ту ценность, по отношению к которой вещи получают свое индивидуальное значение»⁴. Он определял историю как индивидуализирующую науку о культуре. В поле его научных интересов входили разные типы и эпохи культурного развития: античность, Средневековье, Новое время; зарубежная и отечественная история культуры. В своих исследованиях он использовал различные методы и подходы. Выступал не только в качестве историка-обозревателя, но и как источниковед и историограф, философ и политолог, социолог и психолог.

Особое место в его работах занимает история развития общественной мысли в России в XVII–XVIII вв. Это тема была связана с широко обсуждаемой в русском обществе того времени научной проблемой, о значении западно-европейского влияния на пути развития России. Истоки исследуемого вопроса Александр Сергеевич обнаружил в недрах русского и европейского Средневековья. По мнению Лаппо-Данилевского, именно в это время началось зарубежное влияние на русское общество. Теологические и философские европейские теории стали проникать в Россию уже с XV в. в качестве литературы, однако «сношения России с западной Европой приобретают особенное значение для Московского государства со второй половины XVI века»⁵. Ученый отмечал, что интеллигентные слои русского общества все острее «начинали чувствовать по-

требность в перемене и охотью разыскивать средства для ее осуществления в началах западноевропейской цивилизации»⁶. В то же время Лаппо-Данилевский отмечал, что Московское государство в среде различных европейских народов пользовалось уважением⁷. У иностранцев было немало интересов, которые они связывали с Россией.

В это время проводилась активная торговля русских с иностранными купцами. Развитие российской экономики Лаппо-Данилевский напрямую связывал с деятельностью иностранцев (возникновение экономических ассоциаций, акционирование и т.д.)⁸. Французы, англичане, немцы, шведы, ирландцы нанимались на военную службу к русскому царю. «В начале XVII в. такие странствующие воины охотно поступали на службу в Московское государство, потому что получали достаточное жалованье и некоторые привилегии»⁹. В свою очередь «московиты» также являлись наемниками в иноземных войсках¹⁰. В некоторых случаях переселенцами в Московское государство являлись попросту беженцы, которые искали защиты и покровительства. Если купцы, странствующие воины и тем более беженцы переселялись в Россию самочинно, то ученых и мастеров различных профилей московское правительство зазывало и приглашало официально. В свою очередь русские уезжали за границу учиться, привозили оттуда новые традиции, книги и знания.

Лаппо-Данилевский констатировал случаи перемены иноземцами вероисповедания в пользу православия, за что от московского правительства новокрещенные получали вознаграждение. Следует отметить, что на русскую службу принимались в основном протестанты, «людей римской веры приглашали лишь в крайнем случае»¹¹. Существовала определенная боязнь латинской культуры, и все, что было с ней связано, считалось грехом. В этом плане в одной из работ Лаппо-Данилевского мы находим следующее: послы папы Пия V, прибывшие в Москву в 1570 г., содержались взаперти «и под страхом смертной казни не дозволяли им ни с кем разговаривать»¹².

Практически весь XVII в. Лаппо-Данилевский характеризовал как время латино-польского, греческого и малороссийского влияния. Он отмечал, что вкупе со светской культурой в Россию переносилось и новое образование религиозного характера, с заграничными моральными принципами и политическими идеями, которые получили возможность

свободного проникновения в государство, правда затрагивая только образованную и просвещенную часть русского общества. В XVII в. в России стали появляться школы, где преподавалась «латинская мудрость». Для этого приглашались из Украины специальные учителя-богословы, ученые, владеющие западноевропейскими знаниями.

Культурные особенности, скопированные из западноевропейского мира и внедренные в православную культуру, долгое время оставались чуждыми из-за эпизодичности заимствования и малоценности перенимаемого. К тому же «латинская мудрость», привносимая в Россию, представляла собой «отвлеченное схоластическое образование, в сущности, довольно далекое от современной философии и науки»¹³. На смену схоластической литературе, уже в XVII в. в русской среде появились переводы книг, содержание которых подверглось влиянию эпохи западноевропейского Возрождения.

В свою очередь, в среде православных образованных людей появились ревнители греческой веры, первоначально на территории Украины. Они понимали, что католическая литература со своей базой знаний являлась сильным конкурентом «греческим» книгам. Поэтому так называемые защитники традиционной отечественной культуры решили использовать для укрепления православной религии те же средства пропаганды, которые использовались иезуитами. По мнению Александра Сергеевича, вследствие обращения православных богословов к «греческой мудрости» у православной паствы расширился кругозор в области государственного права. Лаппо-Данилевский высоко оценивал философию древности. Он отмечал, что «развитие теории исторического знания, построенной с идиографической точки зрения, можно было бы начинать с классической древности»¹⁴. Выдающиеся представители античности положили начало универсальным научным положениям, которые позже использовались христианскими проповедниками.

Впрочем, как отмечал сам Лаппо-Данилевский, на территории Речи Посполитой «попытки православных публицистов с религиозно-политической точки зрения обосновать и защитить свои «права и вольности» не имели успеха...»¹⁵ Зато в Московском государстве приверженцы эллино-греческого учения довели дело до исправления богословских книг. Так называемые «восточники» выступили против преподавания в школах латинско-польского учения, считая, что греческое образование лучше латинского. В итоге церковный Собор 1690 г. осудил малороссийские книги. Их запрещалось печатать, а уже напечатанные – распространять. Таким образом, воинствующие приверженцы эллино-греческого учения пытались очистить русское православие от искажений.

Однако влиятельные лица Московского государства, познавшие латинско-польскую премудрость, стремились сохранить ее в России вопреки отчаянной борьбе против нее высокопоставленных персон, таких как московский патриарх Иоаким, его преемник патриарх Адриан, иерусалимский патриарх Досифей II, архимандриты Иосиф и Венедикт. Поэтому в академии, которую в 1685 г. основали братья Лихуды, преподавались и латинские учения, а сама высшая школа получила название Славяно-греко-латинской. Возвышение греческого влияния в России было недолгим. Греки, проходившие обучение в латинских школах Венеции, Рима, печатавшие свою литературу в Германии, теряли авторитет в глазах образованных москвичей. Восточные патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский «дали свое благословение и на открытие училища при церкви Иоанна Богослова, в котором учения должны были быть устроены различными диалектами: греческим, славянским и латинским»¹⁶. С 1721 г. латинский язык вводился во всех школах России.

С падением авторитета церкви на смену религиозно-философской идеологии пришло философское мировоззрение, и Александр Сергеевич как историк и философ приветствовал этот приход в новой эпохе. Это был период, когда русское общество испытывало влияние преимущественно французского Просвещения.

Особое внимание Лаппо-Данилевский в своих исследованиях уделил периоду правления Екатерины II. Он связывал особенности ее царствования с идеями, подчеркнутыми из лучших произведений иностранной литературы. В Наказе императрицы имелся любопытный пункт, вызванный, поклонением Екатерины II перед европейскими авторитетами. Лаппо-Данилевский отмечал, что в эпоху правления Екатерины II в европейском обществе получила распространение идея об увеличении населения государства. Сама идея сохранения подданных для процветания государства была известна московскому правительству еще в XVII в., однако ее воздействие на умы по-настоящему произошло только в XVIII в. По этому поводу Лаппо-Данилевский писал: «Все выдающиеся европейские авторитеты по части политики в то время рассуждали о значении населения государства <...> Локк, Монтескье, Бильфельд и Юсти, Вольтер, Руссо и особенно Зоненфельс, а также Кенэ»¹⁷. «Не довольствуясь теорией, императрица Екатерина попыталась осуществить эти взгляды на практике»¹⁸. Суть преобразовательной деятельности заключалась в том, чтобы незаконнорожденные дети и сироты получали возможность выжить и получить элементарное образование и тем самым быть полезными своему Отечеству. Речь шла не только об образовательной реформе, но в некотором смысле и об изменении нравов. Впервые в России запрещались браки между родственниками и малолетними. Был издан устав о повивальных бабках, поднят вопрос о народной гигиене. Открывались сиротские дома, больницы, богадельни, аптеки. Здесь также следует отметить, что Екатерина II выступала против побегов русских людей за границу и, наоборот, приветствовала переселение в Россию иностранцев, предоставляя им привилегии и льготы. Таким образом, европейские идеи получили свое воплощение на российский манер, хотя немало было заимствовано в плане организации порядка функционирования образовательных учреждений. В итоге Александр Сергеевич признал, что «разнообразные средства, к каким прибегала Екатерина для размножения населения <...> не пропали даром <...> численность его <...> возросла с 19–20 миллионов (в 1762 г.) до 29 (в 1796 г.), не считая населения вновь приобретенных <...> местностей»¹⁹.

Екатерина II заботилась о получении необходимых знаний для промышленного и торгового класса. Для земледельцев и купечества по желанию императрицы Вольное экономическое общество переводило полезные книги. Она поощряла познавательные поездки русских предпринимателей за границу. Также в Европу выезжали люди для изучения юриспруденции и права. Екатерина II считала необходимым получение «политического» образования для лиц, занимающих государственные должности.

По мнению Лаппо-Данилевского, новое образование XVIII в. создало материальную и духовную опору для развития индивидуальности в человеке. А.В. Малинов и С.Н. Погодин отмечали, что «Екатерининская эпоха привлекала его внимание тем, что в ней он усматривал истоки формирования в русском образованном обществе под влиянием западноевропейского просвещения идеи эмансипированной личности»²⁰. Сам Александр Сергеевич писал так: «В то время впервые русскому обществу стали прививаться и теории естественного права, способствовавшие распространению и утверждению понятий о личных и имущественных правах человека...»²¹ При этом ученый отмечал деспотичную сущность сословных групп русского общества, которая мешала реализации лучших идей западноевропейских просветителей. При всем желании Екатерины II реформировать политический строй страны, она не могла позволить себе кардинально изменить систему.

Эпохальным периодом в отношении к французской культуре для русского общества стал конец XVIII в., когда во Франции произошла Великая буржуазная революция. В результате в России была введена жесткая цензура, преследованию подверглись русские литераторы. Лаппо-Данилевский считал надуманным поиск тех, кто приветствовал события во Франции. По этому поводу ученый так

писал: «Даже в тех случаях, когда отдельные лица обвинялись в сочувствии Великой французской революции и пропаганде ее идей <...> это делалось в большинстве случаев необоснованно»²². При этом Лаппо-Данилевский не отрицал влияния французской революции на молодое поколение, он признавал ее как своеобразный индикатор «отношения в России к принципу революционного преобразования общества»²³. Однако он отмечал, что на смену французским просветителям явилась немецкая философия.

Лаппо-Данилевский двояко относился к заимствованию иноземной культуры. С одной стороны, он признавал положительное значение знакомства русского народа с новыми видами ремесел и ремесленными технологиями, с техническими изобретениями Запада, приветствовал освоение медицинских знаний, овладение иноземным воинским искусством, положительно оценивал экономические выгоды от взаимной торговли. Он даже считал, что латино-польская образованность сыграла положительную роль для русской образованности, так как вызвала у русских людей интерес к науке, «снабдила их такими средствами, которые существенно облегчили им усвоение некоторых новых учений, между прочим, и в области морали и политики»²⁴. По мнению Лаппо-Данилевского, «русские люди, привыкшие жить традициями и настроениями <...> постепенно приучались рассуждать более точно и последовательно, при помощи дефиниций, силлогизмов и аргументов»²⁵.

В то же время он отмечал массу злоупотреблений со стороны иностранцев, которые чинили препятствия для развития русской торговли, сдерживали ее развитие. Иноземцы проявляли неповиновение и плохо сражались на военной службе. Одним из отрицательных последствий влияния зарубежной культуры Лаппо-Данилевский считал появление пренебрежения к русскому образу жизни. По всей видимости, это отношение русские также копировали у иностранцев. Так как даже западные ученые, при написании своих трудов, пренебрегали сведениями, относящимися к русской истории²⁶.

Лаппо-Данилевский более глубокий интерес проявил к духовному иноземному влиянию. В этой научной области он критично отнесся к латино-польскому заимствованию. Он выявил, что ряд заимствованных произведений отличался не полным и весьма примитивным переводом. Книги, завозившиеся в Россию, не являлись первоисточниками заявленных идей, а представляли собой переделки,

пересказы, превращаясь, таким образом, в посредственные произведения. В итоге такие заимствования не могли иметь особой значимости. Иностранная литература XVIII в. шла в публику непосредственно от авторов. Она читалась образованной частью русского общества в оригиналах и в переводе. Ее действие имело более прогрессивный характер на историю русской культуры.

Ученый одобрял преобразовательные реформы Петра I и Екатерины II, которые находились под европейским влиянием. Однако Александр Сергеевич пришел к выводу, что данные западные теории и попытка воплощения их в образовательной реформе не имели большого успеха в русской среде. Малограмотность и непросвещенность народных масс являлась существенным препятствием для достижения высоких результатов. Он так и писал: «Препятствия обнаружались и в духовной инертности темной массы народа, и в фанатической вражде «раскольщиков» ко всякого рода новшества, но в противодействии приверженцев эллино-греческого учения»²⁷. Лаппо-Данилевский считал меры по воплощению европейских идей в России оторванными от русской жизни. Александр Сергеевич подчеркивал: «слишком мало было сообразовано с наличными условиями русской действительности...»²⁸ При этом он отмечал, что Россия благодаря влиянию извне получила существенный толчок для развития. Таким образом, в целом Лаппо-Данилевский приветствовал процесс сближения России с европейской культурой, рассматривая его как образовательное движение вперед.

По мнению Лаппо-Данилевского, даже при обоснованности чужой индивидуальности историк не может отстраниться «от отнесения изучаемых им фактов к общепризнанным ценностям»²⁹. Таким образом, согласно данной научной концепции Лаппо-Данилевский считал человечество взаимозависимым, а процесс заимствования – естественным явлением. Очевидно, что расцвет русской культуры XIX в. был подготовлен предыдущими столетиями, когда Россия переболела европейским влиянием, как привитой вакциной.

Исследуемая тема не утратила своей актуальности и в настоящее время. Она до сих пор представляет собой широкое поле для научных изысканий в области гуманитарных наук. Работы Александра Сергеевича являются важной научной базой для обоснования культурологических концепций и теорий.

¹ Овсянников В. П. Культурология. Тольятти: Изд-во ТГУС, 2008. С. 58.

² Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. СПб., 1998. Т. I. С. 383–384.

³ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVII вв. М., 1990. С. 6.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 173.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1885. Ч. ССХLI. С. 66.

⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 2.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Из старинных сношений России с Западною Европой // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., май, 1884. Ч. СССXXXIII. С. 31–35.

⁸ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 89–90.

⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича. С. 70.

¹⁰ Он же. Из старинных сношений России с Западною Европой. С. 24–25.

¹¹ Он же. Иноземцы в России в царствование Михаила. С. 74.

¹² Он же. Из старинных сношений России с Западною Европой. С. 27–28.

¹³ Он же. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVII вв. М., 1990. С. 62.

¹⁴ Он же. Методология истории. С. 143.

¹⁵ Он же. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVII вв. С. 50.

¹⁶ Там же. С. 230.

¹⁷ И.И. Бецкой и его система воспитания. Отзыв академика А.С. Лаппо-Данилевского о сочинении П.М. Майкова «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии» // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. Отчет о сорок четвертом присуждении наград графа Уварова. Т. VI. № 7. СПб., 1904. С. 147.

¹⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики Императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. С. 16.

²¹ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. С. 16.

²² Он же. К вопросу о рецепции событий Великой французской революции в России 1790-х годов (В.В. Капнист и его ближайшее окружение) // Историко-литературный журнал «Русская литература». Л.: Наука, 1989. № 3. С. 56.

²³ Там же. С. 49.

²⁴ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVII вв. С. 142.

²⁵ Там же. С. 144.

²⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Из старинных сношений России с Западною Европой. С. 22.

²⁷ Он же. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVII вв. С. 205.

²⁸ И.И. Бецкой и его система воспитания. С. 172.

²⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 195.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА ДОРОШЕНКО

специалист по философии и методологии истории, доктор философских наук, профессор кафедры Р11 «глобалистика и геополитика» БГТУ («Военмех») (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 233-33-58; E-mail: nado.37@mail.ru

В статье осуществляется попытка определить научный статус А.С. Лаппо-Данилевского, уяснить, кто он: эмпирик или теоретик, историк или философ, если философ, то онтолог или гносеолог, логик или методолог. Автор сопоставляет взгляды представителей основных философско-исторических направлений того времени: исторического позитивизма (Р.Ю. Виппер, Н.И. Кареев, В.О. Ключевский) и неокантианства (Л.П. Карсавин, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов).

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, методология, онтология, гносеология, эпистемология, логика, позитивизм, неокантианство, идиографический и номографический методы, герменевтика, критерии.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Отмечая 150-летний юбилей со дня рождения Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), необходимо точнее определить, каково его место в российском философско-историческом знании, уточнив при этом его научный статус, кто он: эмпирик или теоретик, историк или философ, если философ, то онтолог или гносеолог, логик или методолог, позитивист или неокантианец, или вместе взятое?

Естественно, что каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с его творчеством, скажет, что, прежде всего, он историк и методолог. Как историк, он действительно опубликовал ряд работ, носящих исторический характер. Интересны его рассуждения о роли государства в российском политическом и культурном развитии в докладе, прочитанном на Международном конгрессе историков в Лондоне: «Идея государства и важнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты до преобразований». Оригинально звучит его определение деятельности научного сообщества как движущей силы общественного развития страны и др. Но он был не простым историком, а теоретиком, философом, методологом истории.

Как методолог истории, он не был первым и единственным. Задолго до него методологическими проблемами истории интересовались и историки, и философы. Для историков характерно двойное отношение к методологическим исследованиям: для одних характерно скептическое отношение к методологам, выраженное в немецкой поговорке: «кто не может ничего путного сделать в исторической науке, тот занимается ее методологией»; для других – уважительное отношение к методологии и стремление осмыслить исследовательский опыт историков. Для таких русских историков, как К.Н. Бестужев-Рюмин, И.Н. Болтин, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, П.Н. Милюков, А.Н. Пыпин, С.М. Соловьев, А.И. Стронин, В.Н. Татищев, М.М. Щербатов и др. характерно внимание к методологическим проблемам истории. Пытаясь ответить на основной вопрос: что такое история, они рассматривали соотношения «история и природа», «история и общество», «история и человек», «история и разум»; соотношение объективных и субъективных факторов в истории, соотношение движущих сил истории, выясняя преимущественно роль отдельных «великих» личностей в истории. Очень многих интересовало, каким путем должна развиваться Россия: эволюционным или революционным, западным или особенным российским (к примеру, спор между западниками и славянофилами). Вместе с тем в трудах названных философствующих историков содержались методологические изыскания, ценные наблюдения, результаты обобщения своего и чужого исследовательского опыта. Описание методов изучения истории у некоторых из них находило отражение в специальных публикациях. Такими были работы К.Н. Бестужева-Рюмина, А.Н. Пыпина, А.И. Стронина, Э. Фримана¹. Конечно, в них осмысление методов истории носило подчас еще эмпирический, констатирующий характер и во многом отличалось от философского понимания.

Философы, в отличие от историков, занимались анализом собственно философских, т.е. онтологических, гносеологических, логико-методологических и аксиологи-

ческих проблем истории. Первоначально предметом философского анализа являлись онтологические проблемы, т.е. проблемы исторического бытия и связанного с ним исторического сознания. Эти проблемы рассматривались в рамках философии истории и теории исторического процесса.

Философия истории в России впервые была представлена в названиях трудов Н.И. Кареева и М.М. Стасюлевича². В их трудах история рассматривалась прежде всего в онтологическом аспекте. В ходе критики историософских идей давалось действительно философское осмысление истории, ставились вопросы, связанные с категориальным определением истории:

- как соотносятся «история природы» и «история общества», что общего и в чем их различие?
- история: процесс или состояние, и если это процесс, то чем отличается исторический процесс от процессов химических, физических или биологических;
- история: прогресс или регресс, и если прогресс, то каковы критерии общественного прогресса;
- история как форма общественного сознания: наука или искусство, наука или религия, наука или политика;
- какими методами предпочтительнее изучать историю: объективным или субъективным, метафизическим или диалектическим, идеалистическим или материалистическим?

Постановка вопросов порой бывала более ценной, чем ответы на них, носившие часто неконкретный, абстрактный, метафизический характер. Этот недостаток пытались преодолеть российские авторы *теорий исторического процесса* Николай Иванович Кареев (1850–1931) и Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920)³. Обсуждение вопроса «что такое история» здесь отличалось большей конкретностью, появились новые акценты, несколько изменилась постановка вопросов, которые формулировались следующим образом:

- что собою представляет история как наука, каковы критерии ее научности и объективности, чем она отличается от других наук;
- каков предмет исторической науки (что следует изучать?), чем он отличается от предмета естественных и предмета общественных наук;
- какая сторона общественной жизни (политика, экономика, культура или социальная сфера) является определяющей?
- что является главным объектом изучения историков (общее или особенное, исторические законы или исторические события);
- каковы методы изучения истории (как изучать?), чем метод исторической науки отличается от методов естественных и общественных наук?

Ответ на эти вопросы давали представители основных философско-исторических направлений того времени, из которых наибольшей известностью пользовались исторический позитивизм и неокантианство. Эти направления различались по методологическим принципам, по предмету истории, по дефиниции исторического знания и исторического исследования, по определению историче-

ского метода и методологии истории. Их представители часто высказывали противоположные суждения. Позитивисты первого поколения исходили из принципа монизма, неокантианцы – из принципа дуализма. Под предметом позитивисты понимали факты социально-экономической жизни, неокантианцы – события культурной жизни; позитивисты признавали возможность познания общих связей, неокантианцы считали предметом истории особенное, индивидуальное. Под методом позитивисты разумели единый общенаучный метод, неокантианцы – идиографический, индивидуализирующий метод.

Образцом позитивистских представлений о предмете и методе истории могут служить взгляды Василия Осиповича Ключевского (1841–1911), у которого предмет истории – социальная сторона общественной жизни (быт людей, человеческие союзы), исторические законы; методы – объективный, субъективный, историко-сравнительный⁴.

Принцип дуализма, характерный для неокантианцев, был ощутим в трудах Н.И. Кареева, который до В. Виндельбанда и Г. Риккерта сопоставлял феноменологические науки, описывающие факты, к которым он относил и историю, и номологические науки, выискивающие законы (химия, биология, социология, психология). Представления о предмете и методе исторической науки в неокантианском духе выражены профессором юридического факультета Московского университета Вениамином Михайловичем Хвостовым, утверждавшим, что предметом исторической науки являются «минувшие отдельные неповторяющиеся события и состояния во всей их конкретности», а методами – «идиографический метод» и «метод отнесения к культурным ценностям»⁵.

Увлекаясь онтологической проблематикой, авторы теорий исторического процесса, как правило, мало касались гносеологических, аксиологических и логико-методологических проблем истории. Стремление преодолеть этот недостаток способствовало переходу от онтологической проблематики к гносеологической, от теории исторического процесса к теории исторического познания и теории исторического знания. Под таким названием в России впервые были опубликованы книги Р.Ю. Виппера «Очерки теории исторического познания» и Н.И. Кареева «Историка: теория исторического знания». В этих трудах история стала рассматриваться в гносеологическом аспекте и определяться как знание. Теоретиков стали волновать такие основные вопросы:

– что такое историческое знание, каковы его генезис и структура;

– является оно истинным или ложным, если истинным, то каковы критерии истинности исторического знания;

– является историческое знание копией действительности или субъективной конструкцией, конструкцией или реконструкцией;

– в чем специфика методов исторической науки, являются они общенаучным анализом или ретроспективным методом, как соотносятся методы изучения прошлого и методы предполагаемого будущего: ретроспектива и перспектива, ретросказание и предсказание, ретровидение и предвидение;

– являются методы исторического исследования методами отражения прошлого или методом построения исторического знания?

Эти вопросы становились предметом теоретических исследований опять же неопозитивистов и неокантианцев, высказывавших противоположные суждения. Образец неопозитивистского ответа на эти вопросы содержался в работах Роберта Юрьевича Виппера (1859–1954). В книге «Кризис исторической науки» (Казань, 1921) он усматривал суть кризиса в противоречии между требованиями, предъявляемыми к исторической науке, и ее методологическими средствами. Выход из него он усматривал в необходимости пересмотра всех категорий и методов, применявшихся до этого в исторической науке. Пересмотр начался с уточнения специфики предмета исторической науки, который якобы «исчез», «умер», и историкам приходится иметь дело не с «чистой действительностью», а со свидетель-

ствами о ней – историческими источниками. Назвав свой вариант эмпириокритицизма «теоретико-познавательным критицизмом», Р.Ю. Виппер рассматривал субъективную сторону исторического познания, и все категории, в том числе и исторический факт, и историческую теорию, он определял как субъективные конструкции. Историческое знание в целом определялось им как *конструкция субъекта*, а метод исторической науки как *метод построения исторического знания*⁶. Таков был итог неопозитивистской ревизии классической теории познания.

Представители неокантианской гносеологии вслед за И. Кантом считали объектом исторической науки не предмет как таковой, а знания об этом предмете. Поэтому процесс исторического познания сводился ими к критике знаний; методология истории сближалась с историографией и источниковедением, метод истории определялся в стиле ретро. Именно с этих позиций Михаил Михайлович Хвостов (1872–1920) определил историческое знание как *историческую реконструкцию*, а исторический метод подразделил на два вида: *ретроспективный метод* и *метод аналогии*: «Первый состоит в заключении от явлений позднейших, более известных эпох к явлениям раннего, менее известного времени; ... автор изучает явления более позднего времени и отсюда старается осветить более скудный материал, относящийся к предшествующим эпохам»⁷. В дальнейшем при сопоставлении специфики познания прошлого и предвидения будущего их методы стали характеризоваться как ретроспектива и перспектива, ретроскопия и проскопия, ретросказание и предсказание.

От гносеологической (теория познания) и эпистемологической (теория знания) проблематики в первой четверти XX в. был сделан шаг к переходу к проблемам, связанным с историческим исследованием. Дискуссионными при этом сделались вопросы: что такое историческое исследование, является оно логическим или алогическим, рациональным или иррациональным, общенаучным исследованием или герменевтическим пониманием? Противоположные ответы на эти вопросы давали представители двух направлений теоретико-исторической мысли начала XX в.: логического позитивизма и «философии понимания». Первые уподобляли историческое исследование естественнонаучному анализу, проводимому по правилам формальной логики, и проверяли его по соответствующим ей критериям правильности. Обоснование такого взгляда на историческое исследование находилось в статье Д.М. Петрушевского «К вопросу о логическом стиле исторической науки» и в двух трудах Г.Г. Шпета: «История как проблема логики: критические и методологические исследования» и «История как предмет логики»⁸. Исследуя логику исторического исследования, Густав Густавович Шпет (1878–1940) также не исключал применения в историческом исследовании герменевтики в качестве дополнительного метода интерпретации.

Вторые стояли на позиции «философии понимания», идущей от немецких историков Ф. Шлейермахера и В. Дильтея. Основательную и оригинальную попытку применить ее к истории в России сделал Лев Платонович Карсавин (1882–1952). По его утверждению, предмет исторического познания – «чужое развитие», цель познания – *понимание* чужого развития как «реальное проникновение в иной душевный процесс, подлинное слияние с ним». Исторический метод, в его понимании, – метод символический, способствующий раскрытию тайн мира, психологический анализ и синтез. «Определяя историю как психически-социальное развитие человечества, мы уже вскрываем специфические особенности исторического метода»⁹. В этой связи им же высказывалось соображение, что, хотим мы того или не хотим, настало время появления «синтетических построений» по методологии истории.

Хотя название «методология истории» встречалось ранее у Е.Н. Щепкина и Н.М. Бубнова¹⁰, но у них еще не было «синтетического построения». В лучшем случае они анализировали состояние дел в методологии истории. Настоящим «синтетическим построением», безусловно, стала *Методология истории* А.С. Лаппо-Данилевского¹¹.

В его публикациях излагаются методологические принципы исторической науки, содержится одновременно теория метода и учение о методологии истории, связанное с теорией исторического процесса, теорией исторического познания и логикой исторического исследования. Он пытался решать все поставленные выше теоретические и философские вопросы. В 1891 г. в одном из писем он писал о себе: «Я вовсе не претендую решить те или другие вопросы, но не могу не решать их». Так, онтологическим вопросам им уделялось большое внимание в 1-й части «Методологии истории» в следующих отделах: «Общий характер явлений, изучаемых историком», «Специфический характер собственно исторических фактов», «Развитие понятия о законосообразности исторических явлений в психологическом смысле». Но главное внимание он, бесспорно, уделял гносеологическим и источниковедческим вопросам: Часть I. Теория исторического знания. Отдел III. Объект исторического познания. Часть II. Критика исторических источников и др.

Осмысление предмета и задачи методологии истории у него сочетается с критикой неопозитивистской и неокантианской методологий. После глубокого ознакомления с его методологическими воззрениями можно смело утверждать, что Лаппо-Данилевский не примыкал ни к тому, ни к другому лагерю. Более того, он подвергал обстоятельной критике взгляды и позитивистов, и неокантианцев. Критика эта не была ни абсолютным («дурным, зряшным», по Гегелю), огульным их отрицанием, ни апологетикой, ни тем более заимствованием. Это было отрицание с удержанием положительных моментов. Критика его была конструктивной, удерживающей положительное. Он удерживал «рациональные зерна» из всех критикуемых положений и создавал свое оригинальное представление о методах и методологии истории. Так, критика позитивистской теории и методов истории содержится в работе Лаппо-Данилевского «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», где он творчески переосмыслил философские взгляды и теоретико-познавательные принципы О. Конта и Н.К. Михайловского. В позитивизме его привлекала идея систематического единства всех научных понятий, общих методологических принципов научного знания, включение в предмет истории не только фактов, но и законов (типология обобщения), понимание исторического познания как процесса построения исторического знания, определение исторического знания как своеобразной конструкции, применение логического критерия правильности исторических построений. Но, извлекая эти «рациональные зерна», Лаппо-Данилевский, в отличие от позитивистов, а) считал предметом научных исследований *историю русской общественной мысли и культуры* и много сделал для понимания специфики культурологического подхода в исторической науке; б) рассматривал теорию и методы исторического построения с номотетической и идиографической точек зрения. Кстати, первым на это обратил в свое время внимание Н.И. Кареев, который на этом основании отнес его к неокантианцам. Такого же мнения придерживалась автор этих строк, заявлявшая ранее о неокантианском характере методологических взглядов Лаппо-Данилевского.

Подвергая критике методологические взгляды неокантианцев, он стремился найти их гносеологические корни, указывая на их достоинства и недостатки. Что нового внес он в понимание их методологии? Во-первых, осуждал *резкое противопоставление* номотетического и идиографического подходов. Во-вторых, подчеркивал, что оба эти подходы (номотетический подход в естественных науках и идиографический по отношению к исторической науке) сосуществовали всегда, начиная с античных времен и до современности. В-третьих, не отказываясь от характерного для немецких коллег дуалистического противопоставления естественных и исторических наук, он относил к наукам *идиографическим не только историю общества, но и историю природы*, а к наукам *номотетическим* относил *психологию и социологию*: «Таким образом, получается двойной ряд наук, изучающих действительность: одни из них конструируют общие ее законы с номотетиче-

ской точки зрения, характеризующей естествознание, психологию, социологию и т. п.; другие дают построение индивидуального процесса ее становления или развития с точки зрения идиографической, присущей тем из них, которые занимаются историей природы и, в особенности, историей человечества»¹². В-четвертых, проводя различие по предмету и методу *между историей и социологией*, он показал *отличие исторического подхода от социологического*. В-пятых, в самой исторической науке он различал *номотетическую и идиографическую точки зрения*, сформулировал *задачи номотетического и идиографического построения исторического знания и в итоге обосновал специфику исторической науки*¹³. Таким образом, критикуя методологические взгляды неокантианцев, Лаппо-Данилевский дополнил и углубил их понимание предмета, метода и методологии истории. Это был шаг вперед по сравнению с немецкими неокантианскими методологами, которые, введя в научный оборот понятия «идиографический метод», «индивидуализирующий метод», заставили задуматься об особенностях исторического подхода. К сожалению, в дальнейшем в российской литературе, кроме одной статьи, А.И. Тюменева¹⁴, анализа этих методов не появлялось.

Заметим еще, что Лаппо-Данилевский не просто критиковал, а путем критики искал истину, уподобляясь философам. Как известно, на философских путях поиска истины стояли три главные вехи: Апории Зенона, Антиномии Канта и триада Гегеля. Зенон одним из первых зафиксировал наличие двух противоположных мнений по поводу одного и того же явления. Стрела у него «летит» и в то же время «не летит» в данный момент в конкретном месте. Ахиллес догоняет черепаху и не может догнать ее. И. Кант подчеркнул возможность двух противоположных суждений по одному и тому же поводу: «тезис и анти-тезис». Истина на этом пути тоже не достижима. Кстати, Маркс, критикуя Прудона, приводил аналогию с двумя баранами, которые, столкнувшись на мосту, упираются лбами и долго борются, не желая уступить друг другу, и в конце падают в воду, так и не выяснив, кто из них прав. Если они даже встанут на середину, результат будет тот же. Гегель дополнил и углубил кантианскую формулу, добавив третий член: «тезис–антитезис–синтез». Согласно гегелевской триаде, анализ и синтез взаимно дополняют друг друга. Анализ расчленяет, выявляя противоположные ответы на поставленные вопросы; синтез, продолжая анализ, объединяет их и помогает найти истину. В ходе критического анализа признается правомерной постановка вопроса, потом рассматриваются тезис и антитезис с указанием достоинств и недостатков каждого в решении поставленных вопросов, и затем уже синтез объединяет все лучшее, содержащееся в тезисе и антитезисе. Итогом является правильное решение вопроса.

Следуя этому способу поиска истины, Лаппо-Данилевский видел задачу критики не в том, чтобы подчеркнуть недостатки, обругать авторов, уличить их в односторонности, в неумении решать вопросы и закончить тем, что истина в марксизме или посередине. Мудрость Лаппо-Данилевского заключалась в том, что, критикуя позитивистов и неокантианцев, он не отрицал их полностью, а анализировал их ответы на поставленные вопросы, устанавливал их противоположность, например, по поводу исторического знания: у одних – это копия действительности, у других – субъективная конструкция, у одних – конструкция, у других – реконструкция; метод исторического познания у одних – метод отражения исторической реальности, у других – метод построения знания или ретроспективный метод; у одних – когнитивный (безоценочный) подход, у других – «метод отнесения к ценностям». Понимая, что в каждом ответе «что-то есть», т.е. есть «рациональные зерна», он извлекал их и объединял в синтезе. В результате получалось диалектическое единство многообразия. В итоге, несмотря на множество критических работ, он предстает как самостоятельный мыслитель, создавший свое позитивное представление о методологии истории.

Как результат объединения, его «Методология истории», изданная в 1910–1913 гг., состояла из двух частей. «Теория исторического знания» и «Методология источниковедения». В посмертном издании работы Лаппо-Данилевского (1923) также представлено две методологии истории: методология источниковедения и методология исторического построения. «Методология источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал. Методология исторического построения устанавливает принципы или приемы, на основании и при помощи которых историк объясняет, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует), строит историческую действительность»¹⁵. Соединив обе эти методологии, он вполне заслуживает звание одного из основоположников российской методологии истории.

В какой степени позволительно говорить о систематическом характере методологии истории Лаппо-Данилевского? Ответ на этот вопрос зависит от понимания системы методологического знания. Если считать системой ее пять таких теорий, как: теория исторического процесса – теория исторического знания – теория исторического исследования (включающая логику и герменевтику) и методология истории, то можно критически оценивать

его концепцию, упрекая в отсутствии двух или трех звеньев в этой цепи, например, об отсутствии теории исторического развития или теории исторического процесса. Можно также сожалеть и том, что при анализе методов истории им не исследованы методы объяснения и методы оценки.

Если же судить не по тому, чего не сделал тот или иной ученый, а по тому, что им сделано в науке, то можно сделать вывод, что он обобщил и систематизировал все историко-методологические знания, сложившиеся в России в первой четверти XX в. В этом смысле его методология истории представляет собой вершину методологических воззрений, изложенных системно. Его первая монография «Методологии истории» вышла в Санкт-Петербурге в 1910 г., а следом за ней буквально посыпались монографии, характеризующие основные элементы системы методологического знания. В течение пяти лет (с 1911 по 1916 г.) появились теория исторического познания Р.Ю. Виппера (1911), теория исторического знания Н.И. Кареева (1913) и его же теория исторического процесса (1915), логика исторического исследования Г.Г. Шпета (1916), лекции по методологии и философии истории М.М. Хвостова (1913). В этих теориях не могло не сказаться влияние Лаппо-Данилевского на дальнейшее развитие отечественной методологии истории и создание полноценной системы методологического знания.

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий // Журнал Министерства народного просвещения. 1887, № 2; Пыпин А.Н. Приемы исторической работы // Вестник Европы. 1899. № 1; Стронин А.И. История и метод. СПб., 1869; Фриман Э. Методы изучения истории. М., 1893.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. М., 1883. Т. 1–2; СПб., 1890. Ч. 3; Стасюлевич М.М. Философия истории в ее главнейших системах. СПб., 1908.

³ Кареев Н.И. Историология. Теория исторического процесса. Пг., 1915; Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. М., 1919.

⁴ Ключевский В.О. Методология русской истории // Ключевский В.О. Соч. М., 1989. Т. VI. С. 79–80.

⁵ Хвостов В.М. Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории. С. 4, 13, 108–110, 127.

⁶ Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. М., 1912. С. 29, 32–33, 61.

⁷ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. Казань, 1913. С. 98–99.

⁸ Петрушевский Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг., 1915. Шпет Г.Г. История как проблема логики: критические и методологические исследования. М., 1916; История как предмет логики. М., 1922.

⁹ Карсавин Л.П. Введение в историю: теория истории. Пг., 1920. С. 12, 16.

¹⁰ Щелкин Е.Н. Вопросы методологии истории // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. 1905. Вып. 12; Бубнов Н.М. Пособие по методологии истории. Киев, 1911.

¹¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч. 1; СПб., 1913. Ч. 2; Он же. Главнейшие направления в развитии номотетического построения исторического знания // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Ч. 72; Он же. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // Известия Российской академии наук. 1918. № 7.

¹² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории (посмертное издание). Пг., 1923. С. 22.

¹³ Там же. С. 22, 23, 29.

¹⁴ Тюменев А.И. Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке // Историк-марксист. 1929. Т. 12.

¹⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 19.

НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ КОМОЧЕВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
Тел.: 8 (499) 126-94-84; E-mail: komni@list.ru

В статье анализируется методика дипломатики, характерная для учеников А.С. Лаппо-Данилевского, прослеживается преемственность их подходов с работами учителя. В связи с общим развитием дипломатики рассматриваются ключевые аспекты развития этой методики в XX в.

Ключевые слова: дипломатика, акты, частные акты, А.С. Лаппо-Данилевский.

МЕТОДИКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ТРУДАХ ШКОЛЫ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Особенность научного наследия А.С. Лаппо-Данилевского в сфере дипломатики заключается в том, что законченных обобщающих работ историк создать не успел. Роль такого итогового исследования играет «Очерк русской дипломатики частных актов», который основан на материале лекций для Архивных курсов при Археологическом институте в Петрограде (1918 г.)¹. Автор не успел полностью под-

готовить книгу к печати, это было сделано одним из его лучших учеников А.И. Андреевым. Разделы «Очерка», посвященные методике дипломатического анализа, носят в силу незавершенности работы преимущественно теоретический характер, без демонстрации метода на материале конкретных источников.

Специальный характер носит значительно более ранняя работа – «Служилые кабалы позднейшего

типа»². В статье рассматривается формуляр служилых кабал – обязательств одного лица служить другому. На основании сравнения клаузул разных служилых кабал Лаппо-Данилевский выстроил их сводный формуляр, выделил типы кабал с упрощенным и сложным составом. Его интересовало также юридическое значение данных источников, степень распространности кабал разного состава, их региональная принадлежность. Разночтения и отклонения в тексте кабал Лаппо-Данилевским связывались с особенностями работы площадных подьячих, влиянием царских указов и Соборного уложения. Таким образом, автору удалось показать динамику развития клаузул служилых кабал и сделать выводы о содержании кабального холопства как социального института.

Особое значение для анализа методики дипломатического анализа Лаппо-Данилевского имеет сборник, подготовленный его учениками по кружку для составления каталога частно-правовых актов допетровской Руси³. Их статьи позволяют понять методику дипломатики Лаппо-Данилевского в том виде, как она преломилась в работах его учеников.

Кружок собирался с осени 1903 г. на квартире у Лаппо-Данилевского, встречи проходили еженедельно. Первичной задачей кружка было составление каталога опубликованных частно-правовых актов, но со временем его участники на основании выявленных материалов приступили к изучению отдельных разновидностей грамот, доклады заслушивались на заседаниях кружка⁴. Статьи сборника в большинстве своем сохраняют формат семинарских докладов и в точности соответствуют той схеме дипломатического анализа, которая была апробирована Лаппо-Данилевским в статье о служилых кабалах.

Стандартную структуру доклада в кружке Лаппо-Данилевского обозначил А.И. Андреев: 1) выяснение количества актов разбираемой разновидности; 2) уточнение их названий (названия разновидностей) в самих грамот; 3) хронологическое и географическое распространение грамот; 4) выяснение клаузульного состава, его типов, местных и временных особенностей с составлением таблиц клаузул; 5) определение сущности сделки, отношение к ней законодательства, причины временных и местных отклонений⁵.

По такой классической схеме построены статьи Ф.Ф. Злотникова о кортомных⁶, А.И. Андреева об отступных грамотах (с большим вниманием к социально-экономическим вопросам)⁷, Г.М. Котлярова о рядных-сговорных записях⁸, В.Н. Куна о мирских отписях⁹, Н.И. Сидорова о складных записях¹⁰, А.А. Шилова о поступных записях¹¹.

Вопросы общей методики и терминологии, в том числе такие, которые не были прописаны самим Лаппо-Данилевским, содержатся в статье В.И. Веретенникова «К вопросу о методике изучения древнерусских частно-правовых актов»¹².

Согласно В.И. Веретенникову, сама природа частноправового акта такова, что он письменно закрепляет основную сделку и побочные действия, связанные с основной сделкой. В силу этого акт может быть расчленен на клаузулы, каждая из которых – «словесно выраженное и письменно запечатленное в данном акте действие (символическое или реальное), раздельно воспринимаемое сознанием составителей акта»¹³. Таким образом, для разделения акта на клаузулы нужно правильно понять цели его составителей, не навязывая современного взгляда на вещи. Как правило, по замечанию В.И. Веретенникова, такие клаузулы совпадают с грамматическим строем акта.

Формуляр (клаузульный состав акта), по В.И. Веретенникову, это «порядковый перечень клаузул, входящих в данный акт, с точным обобщенным указанием их содержания»¹⁴. Отметим далее основы методики работы с грамотами, которые излагает В.И. Веретенников.

Главной и первичной стадией исследования выступает классификация, которая бывает юридической и исторической. При этом на практике допускается и даже приветствуется сочетание обеих классификаций. Юридическая классификация проводится на основании положений современного права, т.е. сделке, которую закрепляет акт,

находят аналог в современной практике. Историческая классификация предполагает: 1) определение самоназвания акта; 2) составление идеального формуляра на основе клаузул, одинаковых в разных актах рассматриваемой разновидности; 3) выявление изменений идеального формуляра во времени и в зависимости от места, т.е. изучение его эволюции и локальных отличий. В качестве дальнейших шагов В.И. Веретенников называл изучение истории развития отдельных клаузул в зависимости от времени, места, условий путем составления карточек и таблиц клаузульного состава грамот.

В.И. Веретенников в целомом виде сформулировал методику Лаппо-Данилевского. При этом необходимо учитывать то, что изложенные принципы, по всей видимости, соответствуют определенному этапу в творчестве Лаппо-Данилевского. Как правильно писал С.Н. Валк про своего учителя, его подходы постоянно эволюционировали, поэтому в «Очерке» содержатся уже некоторые отступления от рассмотренных выше принципов¹⁵. Клаузулой Лаппо-Данилевский считал «мысль, выраженную в акте отдельно от других», но при этом не считал клаузулами начальный и конечный протоколы. Кроме того, им различались клаузулы юридические и бытовые¹⁶. Этих моментов не было в статье В.И. Веретенникова (и в других статьях сборника), и, по всей видимости, они стали предметом размышления самого Лаппо-Данилевского уже в самое последнее время его жизни.

Нам представляется, что статья В.И. Веретенникова, несмотря на свой авторский характер, является органичной частью наследия Лаппо-Данилевского, поскольку фиксирует ту методологию дипломатического анализа, которая характерна для него в период активной работы кружка.

Несколько более общий характер имеет другая статья рассматриваемого сборника – статья М.Н. Смирнова¹⁷. В ней подчеркнута та мысль, что дипломатика изучает изменения, эволюцию документа. Согласно М.Н. Смирнову, изменения эти не касаются документа целиком, а только отдельных его частей. Поэтому объект исследования и основная сфера приложения клаузульного анализа – простейшая (изменяемая) часть документа – клаузула. Если не считать импровизаций писцов, ошибок, вольностей, местных особенностей, то изменения клаузул сводятся к двум типам: 1) клаузула реформируется сама по себе, оставаясь при этом на своем месте; 2) клаузула целиком исчезает из документа или в нем появляется. Само изучение актов, по М.Н. Смирнову, заключается в расчленении документов на клаузулы, построении их рядов с последующим статистико-математическим исследованием. Конечной целью является понимание содержания документов и сущности сделки, которую они фиксируют. Особенность позиции М.Н. Смирнова заключалась в том, что он не считал дипломатику самостоятельной наукой со своим отдельным объектом, а только «методом науки истории права».

Другие статьи сборника посвящены конкретным разновидностям грамот и построены по одной схеме. В качестве классического примера рассмотрим логику исследования Ф.Ф. Злотникова «Кортомные»¹⁸. Вначале автор задается вопросом о названии и самоназвании данной разновидности источников, рассматривает выявленный корпус источников по годам и географии (территориальной принадлежности предмета сделки и месту составления грамоты). Затем устанавливается клаузульный состав кортомных. Клаузулы характеризуются при этом в соответствии с их содержанием: 1) отдача или взятие в кортому; 2) размер платы; 3) пользование предметом кортомы и т.д. с рассмотрением региональных и временных особенностей клаузул. После этого составляется сводный текст кортомных, включающий обороты, используемые в источниках. Завершают статью наблюдения о содержании самого договора найма имущества, который фиксировали кортомные, и термине кортомы.

Если говорить о дальнейшем преломлении методики Лаппо-Данилевского в отечественной историографии, то представляется важным отметить роль Л.В. Черепнина в формировании отношения к трудам Лаппо-Данилевского. В последнее время его нередко рассматривают в качестве

«ожесточенного критика» и «непримиримого оппонента» Лаппо-Данилевского, сыгравшего ярко выраженную негативную роль в отношении к ученому, что затормозило правильную и своевременную оценку его трудов¹⁹. Основанием для такой точки зрения выступает статья Л.В. Черепнина, написанная в 1949 г.²⁰ Представляется, что дело обстояло не столь однозначно²¹.

Парадокс заключается в том, что именно Л.В. Черепнин явился в советском источниковедении последователем Лаппо-Данилевского и находился под влиянием его работ, развивал его положения. Критика Лаппо-Данилевского как буржуазного историка была поверхностна, формальна и представляла собой результат тяжелых обстоятельств, в которых находился в момент написания пресловутой статьи Л.В. Черепнин.

Явным доказательством того, что Л.В. Черепнин был продолжателем дела Лаппо-Данилевского, является, на наш взгляд, монография «Русские феодальные архивы XIV–XV», выход которой в свет относится к тому же времени, что и критическая статья, написанная, однако, уже после завершения основной работы над монографией²². В книге Л.В. Черепнин использовал обозначение источника как «исторического явления»²³. Если Лаппо-Данилевский призвал рассматривать источники «как исторические явления в жизни народов, как продукты их культуры, как результаты местных и временных, бытовых и правовых отношений»²⁴, то Л.В. Черепнин писал: «возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он [источник] носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классово направленной и политической целеустремленностью»²⁵. В данном случае упрощение со стороны Л.В. Черепнина мнимое, поскольку именно он поставил и на своем материале осуществил задачу изучения политической направленности актовых источников. Решение этой задачи, являвшейся следующим шагом по сравнению с установкой Лаппо-Данилевского, дало результаты и в последующей историографии.

Единственным по-настоящему критическим моментом в адрес методики Лаппо-Данилевского у Л.В. Черепнина является отношение к идее составления сводного текста. Составление типического (идеального) формуляра у Л.В. Черепнина вступало в противоречие с рассмотрением акта в связи с конкретными историческими условиями, и он подчеркивал, что типичный формуляр не отражает реальных общественных отношений, особенностей конкретных источников. У Лаппо-Данилевского типический формуляр представляет собой «как бы средний вывод из известного числа наблюдений над формулярами отдельных актов, он может быть представлен одним из них, но может и не совпасть ни с одним из них в совокупности»²⁶. Более того, «в него входят не все клаузулы каждого акта, и могут оказаться такие, которые в данном акте не встречаются»²⁷.

Следует заметить, что цели составления типического формуляра у Лаппо-Данилевского остались недостаточно прописанными, видимо, из-за незавершенности всей его работы. Однако можно с большой уверенностью говорить, что составление типического формуляра не являлось для него самоцелью, а только необходимой ступенью для основной стадии исследования – синтеза²⁸. Типический формуляр как исследовательская конструкция не в полной мере отражает особенности источников.

Хотя в своей разгромной статье Л.В. Черепнин декларировал общность теоретических и методологических взглядов Лаппо-Данилевского, на практике они им четко разделялись, и по вопросам методики дипломатического (и источниковедческого) анализа Л.В. Черепнин явился продолжателем направления Лаппо-Данилевского. Такая компромиссная точка зрения Л.В. Черепнина получила свое продолжение в историографии. Так, А.Т. Николаева писала, что методика работы Лаппо-Данилевского приемлема, если «изучать акты в связи с конкретной исторической обстановкой, их породившей». В этом случае

типический формуляр неприемлем, а составление таблиц, показывающих появление тех или иных клаузул, отражает историческую действительность и является полезным и даже необходимым делом²⁹. Метод таких таблиц, показывающих эволюцию формуляра, с успехом применил С.М. Каштанов³⁰.

Теоретический выход из проблемы, связанной с типическим формуляром, определила идея четырех типов формуляра, предложенная С.М. Каштановым. Им различаются формуляры условный (общая схема построения акта), абстрактный (схема построения актов определенной разновидности), конкретный или групповой (структура более мелких, чем разновидность групп источников), индивидуальный (отражает содержание отдельно взятой грамоты)³¹. Такая схема позволяет не смешивать структуру реально существующего источника с конструкцией исследователя и является следующим шагом в развитии дипломатики.

Сформулируем основные выводы настоящей работы. При изучении методики дипломатического анализа Лаппо-Данилевского особым источником становится сборник, состоящий из статей его учеников. Статьи содержат приложение метода Лаппо-Данилевского к актам отдельных разновидностей и формулировку теоретических и методологических положений, характерных и общих для кружка учеников на момент составления сборника. При этом конкретно-исторические статьи сборника написаны в основном по одной схеме, соответствующей более ранней статье Лаппо-Данилевского о служилых кабалах. Сборник представляет собой первый в отечественной историографии опыт систематического применения формулярного (клаузуального) анализа к чрезвычайно мало изученным на тот момент частным актам. Исследовательские статьи построены на максимально полном корпусе источников, что позволяет говорить о применении систематического подхода. В каком-то отношении ученики Лаппо-Данилевского сделали опережающие шаги по сравнению со своим учителем. Как заметил С.М. Каштанов, в ряде статей сборника сделан шаг по пути изучения не только формальной схемы, но и содержания актов (статьи А.И. Андреева, А.А. Шилова)³².

Ключевым в методике Лаппо-Данилевского является изучение системы клаузул, т.е. наименьших смысловых единиц, на которые может быть разделен акт. Путем сравнения клаузул разных грамот одной разновидности выстраивается типический (идеальный) формуляр, который, с учетом временных и региональных особенностей, позволяет изучить содержание сделки, которую фиксировала изучаемая разновидность грамот.

Для продолжения традиций Лаппо-Данилевского в актовом источниковедении большое значение имела монография Л.В. Черепнина, который рассматривал грамоты XIV–XVI вв. в контексте социально-политической истории, подтверждая тем самым тезис о необходимости рассмотрения источника не изолированно, а в его связи со всем многообразием явлений своего времени. То есть Л.В. Черепнин развивал именно тот подход, который С.Н. Валк справедливо называл в числе главных достижений Лаппо-Данилевского³³. В новейшее время первым вновь обратился к методике дипломатического анализа Лаппо-Данилевского и его школы С.М. Каштанов, в трудах которого эта методика получила развитие.

Основное значение школы Лаппо-Данилевского в сфере дипломатики определялось разработкой методики дипломатического анализа. Думается, прав был М.Н. Смирнов, отмечавший, что школа Лаппо-Данилевского дала для дипломатики универсальный метод, который «дает всем ищущим доступное орудие научных свершений»³⁴. Другой представитель этой школы, Г.М. Котляров, писал об «Очерке русской дипломатики частных актов», что «всякий дилетантизм в подходе к актам должен быть отброшен после появления этой книги»³⁵. Справедливость высказывания подтверждают другие труды следующих поколений дипломатистов.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом институте в 1918 году / Подгот. текста А.И. Андреева. Пг., 1920.; То же / Подгот. текста А.И. Андреева, с испр. и доп. Е.А. Ростовцева. [2-е изд.]. СПб., 2007. 284 с. В дальнейшем страницы указываются нами по второму изданию.

- ² Он же. Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. Ч. II. С. 719–764.
- ³ Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. 312 с. (Историческое обозрение. Т. 21).
- ⁴ Андреев А.И. Краткий очерк кружка по составлению каталога частно-правовых актов до-петровской Руси // Там же. С. 2–4. Об атмосфере кружка см.: Валк С.Н. Воспоминания ученика // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6. С. 189–199; Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // Там же. С. 200–206.
- ⁵ Андреев А.И. Указ. соч. С. 5.
- ⁶ Злотников Ф.Ф. Кортонные // Сборник статей... С. 63–81.
- ⁷ Андреев А.И. Отступные грамоты (к истории крестьянского землевладения на севере в XVI в.) // Там же. С. 131–181.
- ⁸ Котляров Г.М. Рядные-сговорные записи XVI–XVII вв. (опыт историко-дипломатического описания актов) // Там же. С. 182–223.
- ⁹ Кун В.Н. Мирские Лодомские отписи // Там же. С. 224–239.
- ¹⁰ Сидоров Н.И. Складные записи // Там же. С. 240–261.
- ¹¹ Шилов А.А. Поступные записи (к истории крестьянского вопроса в XVII в.) // Там же. С. 262–311.
- ¹² Веретенников В.И. К вопросу о методике изучения древнерусских частноправовых актов // Там же. С. 8–19.
- ¹³ Там же. С. 10.
- ¹⁴ Там же. С. 11.
- ¹⁵ Валк С.Н. Рец. на кн.: А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб., 2000. С. 587.
- ¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк... С. 143–144.
- ¹⁷ Смирнов М.Н. Некоторые замечания о дипломатическом анализе частного акта // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 20–62.
- ¹⁸ Злотников Ф.Ф. Указ. соч. С. 63–81.
- ¹⁹ Такая позиция нашла отражение и в фундаментальных исследованиях о А.С. Лаппо-Данилевском. См.: Ростовцев Е.А. Наследие А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной исторической науке // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. СПб., 2003. Вып. I. С. 111–117; Он же. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань. 2004. С. 252–255.
- ²⁰ Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30–51.
- ²¹ Шмидт С.О. А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Он же. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 168–169; Комочев Н.А. Философия и дипломатика в трудах Л.В. Черепнина // Когнитивная история. Концепция – методы – исследовательские практики. Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М., 2011. С. 186–188.
- ²² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., Л., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2.
- ²³ Там же. Ч. 1. С. 5.
- ²⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк... С. 132.
- ²⁵ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 5.
- ²⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк... С. 153.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Комочев Н.А. Теоретические вопросы дипломатики в трудах А.С. Лаппо-Данилевского // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение и методы исторических исследований». М., 2009. № 4. С. 93–94.
- ²⁹ Николаева А.Т. Историография русского источниковедения XVIII–XX вв. М., 1970. С. 53–55; Она же. Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII–XX вв.: Учеб. пособ. М., 1975. С. 40–42.
- ³⁰ Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967; Он же. Очерки русской дипломатики. М., 1970; Он же. Финансы средневековой Руси. М., 1988 и др.
- ³¹ Он же. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 26. Краткую характеристику в связи с развитием европейской дипломатики см.: Он же. Дипломатика // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 43; Он же. Дипломатика // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XIV. С. 388.
- ³² Он же. Русская дипломатика. М., 1988. С. 87.
- ³³ Валк С.Н. Рец... С. 579.
- ³⁴ Смирнов М.Н. Указ. соч. С. 62.
- ³⁵ Котляров Г.М. [Рец. на кн.: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов] // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 264.

НИНЬЕЛ ИВАНОВНА ПРИЙМАК

профессор кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: n-priimak2013@ya.ru

В статье анализируется процесс формирования понятия «исторический источник» в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». Автор отмечает, что идеи ученого сохранены в трудах его учеников, учитываются в работах современных исследователей, способствующих восстановлению преемственности в научных представлениях о предмете и методах источниковедения.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, методология истории, исторический источник.

ПОНЯТИЕ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК» В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Идеи, изложенные в труде А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», во втором выпуске, посвященном теории источниковедения¹, имеют принципиальное значение для понимания взгляда ученого на природу исторического источника как явления, основу которого составляет образ реальной действительности, складывающийся в результате ее восприятия, осмысления и отражения в понятиях, суждениях, ощущениях человека. Такой взгляд определил изложенные в тексте труда характеристики классификации, исторической интерпретации и

исторической критики источников, что позволило представить в обобщающем виде методологию источниковедения как цельного и систематического учения на основе последовательного применения принципов общей методологии. Данная постановка вопроса о методологии источниковедения открывала в первые десятилетия XX в. новый этап в развитии источниковедения и определяла перспективу формирования этой области исторического знания в качестве науки.

Возможно, поэтому вопрос о понятии «исторический источник» был включен А.С. Лаппо-Данилевским в текст

своего труда после введения, в первый отдел под названием «Методология источниковедения», в качестве самостоятельной первой главы, небольшой по объему, но позволяющей понять его дальнейшие пространственные рассуждения во второй-пятой главах о видах, исторической интерпретации, исторической критике и значении исторических источников.

В рассуждениях о понятии «исторический источник» А.С. Лаппо-Данилевский использовал ряд терминов, чтобы отметить те или иные особенности и возможности изучения источника, как и понять сложность познания его как явления, а также для определения значения и места источников в творческой работе исследователя. Предпочтение он отдавал утвердившемуся в историографии XIX – начала XX в. термину «исторический источник», равно как и термину «источник». Однако в тексте встречается термин «исторический материал», который ученый использует в своих рассуждениях об историческом источнике как «о средстве для достижения некоей познавательной цели», или термин источник «знания», источник «исторического знания», источник «психологического знания», чтобы подчеркнуть значение источника в целом для мыслительной работы человека, а также специально для историко-познавательной работы исследователя².

В своем труде А.С. Лаппо-Данилевский отметил заслуги некоторых западноевропейских историков в области методологии истории – Э. Фримена, Э. Бернгейма, И.-Г. Дройзена, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, обратившись к изданиям их работ в 80–90-е гг. XIX в. на английском, немецком и французском языках. Его внимание особенно привлекли работы Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, написанные в форме введения в историческую науку, в которых присутствовало и понятие «исторический источник». Признав работу Э. Бернгейма одним «из лучших руководств по методологии истории», А.С. Лаппо-Данилевский заметил, что сформулированное им понятие исторического источника нельзя назвать достаточно точным и ясным. В частности, это замечание относилось к определению Э. Бернгеймом источников «как результатов человеческой деятельности», по поводу чего А.С. Лаппо-Данилевский достаточно иронично заметил, что не все результаты деятельности человека пригодны для изучения в качестве исторического источника, а если понимать эту деятельность «в смысле проявления душевной жизни человека», то это и вовсе может быть недоступно историку³. По мнению А.С. Лаппо-Данилевского, эти «недочеты» отсутствовали в пособии Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса о методах исторического исследования. Приводя рассуждения этих авторов о том, что источники можно охарактеризовать как «следы», оставленные мыслями и действиями людей прежнего времени, А.С. Лаппо-Данилевский отметил ясность и краткость формулировки, но в определенных аспектах и она вызывала недоумение: например, в какое соотношение можно ставить мысли и действия людей; если же представить, что только «мысль», сопровождаемая действием, через посредство которого она осуществляется и становится источником, то в таком случае «нельзя ставить “мысли” и “действия” на одну доску». Не совсем ясным представлялось и понятие о «следах», да и нельзя было, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, признавать в качестве источника «любой “след” мысли или действия человека, а лишь такой “след”, который нужен для восстановления факта, историческое значение которого предпосылается или уже обоснованно». К тому же авторы этих определений, по его мнению, «слишком мало» принимали во внимание «психологическую точку зрения» в рассуждениях о понятии «исторический источник». Учитывая такие новейшие для того времени определения понятия исторического источника, признав, что их нельзя считать вполне удовлетворительными, А.С. Лаппо-Данилевский поставил перед собой задачу дать более точное и ясное определение, которое можно было бы также признать и достаточно правильным⁴.

Строго и последовательно соблюдаемая логика мысли, что в целом было характерно для творчества ученого, позволяет в деталях и оттенках проследить по тексту главы,

как развивалось и оформлялось его представление о понятии исторического источника, в котором он стремился максимально полно раскрыть природу источника как явления во всей присущей ему сложности.

Приступая к размышлению над данным вопросом, А.С. Лаппо-Данилевский напомнил известный и признаваемый исследователями вывод о том, что источником называется «всякий реальный объект», который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через его познание получить «знание о другом объекте», которым для исторической науки является действительность прошлого. В связи с этим он заметил, что такая точка зрения позволяет также понимать различие между понятиями об историческом факте и историческом источнике, поскольку сам источник, строго говоря, является историческим фактом, если учитывать возможность воздействия «индивидуальности», т.е. автора или авторов источника, на окружающую их «материальную среду». С учетом этого А.С. Лаппо-Данилевский формулирует в тексте главы своей работы первое определение (пока еще вводное к последующим, не такое полное и всестороннее), в котором он называет «источником исторического знания всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы получить знание о другом объекте, т.е. об историческом факте»⁵. При этом, с присущей ему строгостью и точностью формулирования мысли, он заметил, что такое понятие источника может показаться слишком широким, так что размышляющий над этим историк может сказать, что явления природы также следует признать историческим источником, тогда как следует помнить, что они являются источником для естественных наук, а историк, строго говоря, при изучении влияния на ход истории факторов природного характера «лишь пользуется» выводами ученых соответствующей области знания⁶.

Продолжая развивать свою мысль о понятии «исторический источник», А.С. Лаппо-Данилевский далее привел суждение И.-Г. Дройзена о том, что «лишь то, чему человеческий дух и человеческий смысл придала форму, в чем они отпечатались, чего они коснулись, лишь человеческий след может получить значение исторического материала». Соглашаясь, в общем, с этим, А.С. Лаппо-Данилевский все же настаивал, что чужая мысль становится доступной для восприятия, анализа и оценки только в том случае, если она реализована и запечатлена в «материальном образе», в реализованном мыслию «продукте». Уточняя, он формулирует следующее понятие исторического источника: в качестве его можно подразумевать «доступный чужому восприятию, т.е. реализованный продукт человеческой психики»⁷. Но и эта формулировка, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, не могла быть признана достаточно точной и ясной с точки зрения выражения в ней наиболее существенных признаков исторического источника как явления и с точки зрения определения его функции. Продолжая размышлять, вводя в этот процесс своих слушателей (в основу труда ученого легли его лекции студентам историко-филологического факультета Петербургского университета в 1910/1911 году), А.С. Лаппо-Данилевский уточнил, что «всякий реализованный продукт человеческой психики, поскольку он представляет историку пригодным для того, чтобы получить знание о каком-либо факте из прошлой жизни человечества, называется историческим источником»⁸.

Это определение можно было признать вполне верным, но оно, однако, представлялось ученому слишком широким. Сформулированное таким образом, оно могло быть соотносено с понятием «исторический материал». Поэтому, структурируя свою мысль так, чтобы смысл и оттенки были более ясны, А.С. Лаппо-Данилевский написал: «Лишь тот материал, который оказывается пригодным для изучения факта с историческим значением, а не для изучения какого бы то ни было факта из прошлой жизни человечества, в сущности, заслуживает наименование исторического источника»⁹. Казалось бы, понятие было вполне сформулировано. Но и его А.С. Лаппо-Данилевский уточнил, так как данная формулировка учитывала, по его мнению, «ана-

литическую точку зрения», а следовало также выделить «генетическую точку зрения», что «лишь тот исторический материал, который уже подвергнут предварительному исследованию и после такого исследования оказывается пригодным для познания одного или нескольких фактов с историческим значением, становится историческим источником»¹⁰. Такой формулировкой А.С. Лаппо-Данилевский исключал возможность ложного представления о том, что определение значения исторического источника можно предпослать его изучению, тогда как уяснение его значения достигается лишь в процессе предварительного изучения источника. Поэтому на заключительном этапе формулирования своего представления о понятии «исторический источник», стремясь к максимально точному и ясному его выражению, добиваясь и краткости в построении мысли, чего требовало само понятие с точки зрения его формы, А.С. Лаппо-Данилевский написал: «Итак, на основании всех вышеприведенных рассуждений можно прийти к заключению, что исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»¹¹. Представляется, однако, что с точки зрения понимания назначения источниковедения как определенной области исторического знания особое значение имеет приведенное выше пространное определение, в котором отражена важнейшая функция источниковедения, так как именно после предварительного изучения, обусловленного знанием методов работы с источником, «источник знания» становится «историческим источником», который и позволяет получить факты с историческим значением, так что появляется возможность на их основе реконструировать прошлое.

Заканчивая, А.С. Лаппо-Данилевский вернулся к мысли, выраженной ранее, — исторический источник есть «реализованный продукт человеческой психики». Несомненно, как свидетельствует текст, он стремился в данном случае предельно кратко, сохранив при этом понимание этого тезиса, включить его в текст понятия. А.С. Лаппо-Данилевский заметил, что исторический источник в качестве продукта человеческой психики является результатом «человеческого творчества» — одного автора, который может остаться безымянным, или коллектива авторов. При этом и в том и в другом случае источник представлял «индивидуализированный» результат творчества. Изучая источник, историк постоянно должен это учитывать «и в интерпретации, и в критике». Этим А.С. Лаппо-Данилевский определил смысл и важность проблемы «источник и историк» и в ее контексте — важность изучения авторства источника. Вместе с тем, исходя из понимания сложности природы исторического источника, А.С. Лаппо-Данилевский обратил внимание на необходимость различать «основные» источники от «производных». Первые «ближе остальных» стоят по отношению к изучаемому факту «по месту и времени» и сообщаемым ими сведениям, а также наблюдениям, впечатлениям, складывающимся у автора (или авторов) источника под непосредственным влиянием происходящего; вторые (производные) проходят «одну или несколько передаточных инстанций», что следует учитывать в интерпретации свидетельств источника. В связи с этим могла возникнуть (и возникает) проблема «источник и пособие», так как в случае утраты источника, полной или частичной, историку приходится работать с пособием, которое может выполнять роль «производного» источника. Отсюда возникает и вопрос подбора источников, по отношению к которому принципиальной и руководящей должна оставаться идея о том, что в контексте научной мысли важно познание не какого-либо факта, а факта с историческим значением (исторического факта), который и позволяет исторической науке претендовать на возможность познания прошлого¹². Завершая свои рассуждения о понятии исторического источника, А.С. Лаппо-Данилевский поставил вопрос о роли и ответственности истории как науки, так и историка, предполагающего своим исследованием способствовать развитию этой науки.

К вопросу о понятии исторического источника с целью «лучше выяснить» его содержание и объем А.С. Лаппо-

Данилевский обратился и в тексте второй главы своего труда, где он изложил принципы (критерии) систематизации, в определенной степени классификации источников, охарактеризовал главнейшие их виды с учетом степени их различия и значения для общего познания исторической действительности, как и значение их содержания для изучения определенных исторических фактов. С содержанием первой главы непосредственно связано рассуждение ученого о различии источников «изображающих» и «обозначающих» факт восприятия их с такой точки зрения историком. Отметив особенности восприятия историком источника, «материальная форма которого изображает факт в остатках», А.С. Лаппо-Данилевский обратил внимание на то, что при этом историк «испытывает впечатление, однородные с теми, какие он испытывал бы, если бы воспринимал самый факт, а не один только источник», и, приступая к изучению источника, историк «переживает более или менее цельный чувственный образ», который в той ли иной степени соответствует факту прошлого; при восприятии же источника, материальная форма которого обозначает факт «символическими знаками» (большей частью письменными), историк «не воспринимает более или менее сохранившегося образа данного факта» и должен «конструировать в себе его образ»¹³, чтобы затем получить возможность исследовать, описать и таким образом воссоздать прошлое уже на основе исторического факта. В тексте последующих глав — третьей и четвертой внимание к этому заметно в рассуждениях о сущности и назначении «исторической интерпретации источников» и основных ее методах: «психологическом», «техническом», «типизирующем», «индивидуализирующем» и их соотношении, а также в характеристике методов исторической критики.

Следует заметить, что в текст второго выпуска своего труда А.С. Лаппо-Данилевский включил два параграфа историографического характера: один — «Методы исторического изучения в современной литературе», в котором ученый охарактеризовал «важнейшие», по его оценке, сочинения, в которых частично затрагивались вопросы теории исторического познания и методы исторического изучения. В основном это были работы западноевропейских ученых XIX — начала XX в., среди них также названы сочинения отечественных исследователей — «монументальной», как писал А.С. Лаппо-Данилевский, труд В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» (Киев, 1891. Т. 1, кн. 1), общее введение к которому отражало большое внимание к характеристике методов исторического исследования; в качестве примера сочинений, написанных в форме введения в изучение истории, в которых в некоторой степени рассматривались вопросы методологии источниковедения, в основном в обзорах источников и методов их изучения, названа работа В.П. Бузескула «Введение в историю Греции» (2-е изд. Харьков, 1904) и его же «Краткое введение в историю Греции» (Харьков, 1910)¹⁴. В другом параграфе «Методы источниковедения в современной литературе» были охарактеризованы, как сказано выше, преимущественно работы западноевропейских историков, но в том числе названа одна работа отечественного историка, профессора Киевского университета св. Владимира Ф.Я. Фортинского «Опыты систематической обработки исторической критики» (Киев, 1884, отд. оттиск из Киевских Унив. известий. 1884. № 8)¹⁵. В тексте второй-пятой глав А.С. Лаппо-Данилевский приводил сведения из работ Н.П. Лихачева, А.А. Шахматова, С.Ф. Платонова, В.О. Ключевского, А.Ф. Кони, Н.К. Шильдера и ряда других исследователей¹⁶. Однако он не назвал некоторые другие работы отечественных историков XIX — начала XX в., в которых можно найти суждения о понятии исторического источника, структуре и методах исторической критики. Между тем работы этих ученых представляют интерес не только с точки зрения изучения общей истории формирования и развития источниковедения в России, но и с точки зрения соотношения с ними взглядов А.С. Лаппо-Данилевского, в частности на понятие «исторический источник».

В связи с этим можно обратиться к трудам историков начала XIX в. К примеру, М.Т. Каченовский, взгляды ко-

торого на методы работы с источниками формировались под влиянием А.-Л. Шлецера, является автором первого (1809 г.) достаточно четко сформулированного понятия «исторический источник», в котором была выделена мысль о функциональном назначении источников: «Чтобы получить сколь возможно ближайшее к истине познание об истории отечественной, надлежит знать источники, из которых почерпать должно известия»¹⁷.

Развитие источниковедения как системы определенных принципов и методов работы с историческими источниками в отечественной историографии было связано с научной и педагогической деятельностью К.Н. Бестужева-Рюмина в С.-Петербургском университете. Это нашло отражение в его «вступительной лекции» к курсу русской истории, которую К.Н. Бестужев-Рюмин прочитал 2 сентября 1865 г., а затем во введении к первому тому «Русской истории», изданному в 1872 г., где ученый изложил свои взгляды на историю как науку, остановившись подробно на характеристике общих методов исследовательского процесса, уделив особое внимание принципам и методам изучения исторических источников¹⁸. Не случайно профессор Дерптского (Юрьевского) университета А.Г. Брикнер отметил в 1876 г., что труд К.Н. Бестужева-Рюмина можно расценить как «первый» по источниковедению русской истории¹⁹. Впоследствии С.Ф. Платонов писал, что эти взгляды К.Н. Бестужева-Рюмина способствовали утверждению их «среди других историков Петербургского университета»²⁰. По мнению А.Е. Преснякова, К.Н. Бестужев-Рюмин изучал «не столько “факты”, сколько источники и их свидетельства о “фактах”»²¹.

В курсе лекций С.Ф. Платонова по русской истории, изданном первоначально литографским способом в 1893 г., затем типографским – в 1894 г., переиздававшимся до 1917 г. множество раз, можно найти пространное, остававшееся неизменным определение: «В обширном смысле понятие исторического источника включает в своем содержании всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись или, наконец, устное предание. Но в узком смысле источником мы называем печатный или письменный остаток старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучает историк»²². Данное определение предвещало в тексте лекций С.Ф. Платонова обзор

источников, который в течение XIX в. традиционно присутствует в изданиях общих курсов по русской истории. Заметим, кстати, многообразие терминов: «остаток», «свидетельства», «памятник» прошлого или минувшего, «материалы» было характерно для литературы XIX в. Используя их, историки стремились первоначально, после появления в литературе, благодаря А.-Л. Шлецеру, термина «источник русской истории», попытаться передать или уточнить смысл его понятия.

В 1899 г., и ранее в 1891 г., профессор Казанского университета Н.П. Загоскин во введении к первому тому своего труда по истории русского права, отметив неразрывную связь источников «исторического знания» и «историко-юридического знания», приступая к обширному обзору источников по русской истории, имевших значение для изучения истории права, представил еще одно понятие: «Все то, что способно послужить нам средством к познанию минувшей жизни народа, – будут ли это письменные повествования, рукописные документы и акты, устные предания, произведения устной и письменной словесности, прежние и современные обычаи, законодательные памятники <...>, – приобретает значение источников к познанию истории этого народа». Этим Н.П. Загоскин стремился обратить внимание на многообразие видов исторических источников и на роль историка в процессе введения источников в научное исследование. С последним была связано и предложенное им понимание исторической критики, методы которой Н.П. Загоскин подробно описал, указав на необходимость в ходе критики оценить степень достоверности свидетельств источников, используя при этом методы вспомогательных исторических дисциплин²³.

Вместе с тем, несомненно, взгляды А.С. Лаппо-Данилевского отразили новое видение вопроса о понятии «исторический источник», его природе как явления, классификации, назначении и методах исторической критики, которые определили в начале XX в. перспективу развития источниковедения как науки. Несмотря на трудную судьбу исторической науки в XX в., идеи А.С. Лаппо-Данилевского были сохранены в трудах его учеников, учитываются в работах современных исследователей, способствующих восстановлению преемственности в научных представлениях о предмете и методах источниковедения, его месте в научной работе историка.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. СПб., 1913. Вып. II. Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910/1911 году. С. 366–379. О структуре труда «Методология истории», составе его изданий и рукописных материалах, сохранившихся в архиве ученого см.: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 47, 114, 206, 208.

² Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. Вып. II. С. 368, 369–374, 378–379.

³ Там же. С. 369–370.

⁴ Там же. С. 370–371.

⁵ Там же. С. 367–368.

⁶ Там же. С. 369.

⁷ Там же. С. 373–374.

⁸ Там же. С. 374.

⁹ Там же. С. 374–375.

¹⁰ Там же. С. 375.

¹¹ Там же. С. 376–377.

¹² Там же. С. 378–379.

¹³ Там же. С. 380–382.

¹⁴ Там же. С. 364.

¹⁵ Там же. С. 364.

¹⁶ См.: Там же. С. 450, 536, 572, 588, 593, 672, 703, 711–712, 724, 752, 771, 774, 782, 789, 791.

¹⁷ Каченовский М.Т. Об источниках для русской истории // *Вестник Европы*. 1809. Ч. 43, № 3. С. 194. Об этом см. также: Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 27–43.

¹⁸ См. подробнее: Приймак Н.И. Вопросы теории источниковедения в научном наследии К.Н. Бестужева-Рюмина // *Albo dies notanda lapillo*: коллеги и ученики Г.Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 156–160.

¹⁹ Брикнер А. Об учебных пособиях при изучении истории России // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1876. Ч. 186. С. 8.

²⁰ Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // *Русский исторический журнал*. 1922. Кн. 8. С. 228.

²¹ Пресняков А.Е. К.Н. Бестужев-Рюмин (к 25-летию со дня кончины) // *Дела и дни: Исторический журнал*. 1922. Кн. 3. С. 170.

²² [Платонов С.Ф.] Лекции по русской истории С.Ф. Платонова: общий курс. СПб., 1893. С. 40.

²³ Загоскин Н.П. *История права русского народа: лекции и исследования по истории русского права*. Казань, 1899. Т. 1. Введение. С. 129, 240–301.

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РОСТОВЦЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до XX в. исторического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 328-94-48; E-mail: rostovtsev@hotmail.ru

ИРИНА ПАВЛОВНА ПОТЕХИНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, науки и культуры СПбГТИ (ТУ) (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 495-03-64; E-mail: anscelida@inbox.ru

В статье рассматривается механизм обретения статуса классика историографии на примере А.С. Лаппо-Данилевского. На основе данных систем индексирования публикаций и цитирований РИНЦ, WoS и Scopus выявляется востребованность текстов А.С. Лаппо-Данилевского в научной литературе, проводится сравнение уровня цитирования трудов А.С. Лаппо-Данилевского с ведущими историками России его поколения (1856–1870).

Ключевые слова: наукометрия, российская историография, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков, А.А. Шахматов, С.Ф. Платонов, М.Н. Покровский, А.Е. Пресняков, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, С.В. Рождественский, М.К. Любавский, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.А. Рожков, Д.И. Багалей, М.В. Довнар-Запольский, Я.Л. Барсков, И.И. Лаппо.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

О личности А.С. Лаппо-Данилевского и его наследия в историографии сказано много. А.С. Лаппо-Данилевский присутствует во всех современных российских учебниках (учебных программах) по методологии истории, историографии, источниковедению, архивоведению. Задача настоящего текста – попытаться посмотреть на А.С. Лаппо-Данилевского как на участника современного научного процесса. В этом контексте для нас значимы вопросы о становлении образа «классика» российской науки, о степени востребованности в научной среде различных текстов ученого, об успешности и актуальности работ А.С. Лаппо-Данилевского в сравнении с трудами его современников, о востребованности работ ученого в зарубежной литературе. Разумеется, наши наблюдения не претендуют на законченность, и мы рассматриваем их как постановку проблемы.

Становление классика

В дореволюционной историографии А.С. Лаппо-Данилевский уже бесспорно считался ведущим ученым, как, впрочем, и остальные члены Академии, однако утверждать, что он безоговорочно обрел статус «классика» при жизни, было бы все-таки неверно. По крайней мере, многие современники относились к творчеству А.С. Лаппо-Данилевского критично. Характерны в этом отношении заметки о нем Н.Н. Платоновой – жены профессора Сергея Федоровича Платонова (одного из коллег и научных соперников А.С. Лаппо-Данилевского), сделанные сразу после кончины А.С. Лаппо-Данилевского в феврале 1919 г.: «Когда же С[ергей] Ф[едорович] сказал что-то о дурном отношении к нему со стороны Л[аппо]-Д[анилевского], Р[остовцев] (речь об М.И. Ростовцеве, академик, известном антиковеде. – Е.Р., И.П.) очень живо сказал: Ну, это, конечно, объясняется неудачным соперничеством, завистью – и на возражение С[ергея] Ф[едоровича] продолжал: Разумеется, завистью, п[отому] ч[то] у Вас в науке имя, до которого ему далеко. <...> Его магистерская диссертация, при всех своих достоинствах, не была чем-либо особенно выдающимся, <...> По мнению Тарле, Л[аппо]-Д[анилевский], как очень благородный человек, мучился сознанием того, что он не оправдал надежд, которые на него возлагались при таком раннем избрании его в А[кадемию] наук, не дал таких трудов, каких от него ожидали, а разменялся на разные съезды, комиссии, рецензии и т.д. – отсюда глубокая неудовлетворенность и озлобленность. Его острое отношение к С[ергею] Ф[едоровичу] Тарле, как и Ростовцев, объясняет завистью: С[ергей] Ф[едорович] мог дать

и дал гораздо больше, чем Л[аппо]-Д[анилевский], что последний прекрасно сознавал <...> Мне лично Л[аппо]-Д[анилевский] представлялся всегда очень несчастным человеком: получив превосходное домашнее образование, зная много языков, обладая колоссальными знаниями и необыкновенной усидчивостью, он всю жизнь стремился воспарить в творческом порыве – и не мог, п[отому] ч[то] в сущности у него не было таланта, творчества, интуиции»¹. Разумеется, эту позицию вряд ли разделяли люди, близкие А.С. Лаппо-Данилевскому, и его ученики, которые еще в 1916 г. организовали отдельный номер «Исторического обозрения», посвященный учителю².

Таким образом, после смерти ученого судьба его наследия и «статус классика» во многом определялись тем, какие усилия предприняли коллеги и ученики для популяризации его имени и трудов. Можно сказать, что в этом отношении А.С. Лаппо-Данилевскому повезло – причем переломными здесь были 1920-е гг., когда усилиями учеников и коллег А.С. Лаппо-Данилевского «по горячим следам» были изданы ключевые тексты, без которых, возможно, «классик» и не состоялся бы. Это два сборника мемориальных статей (1919, 1920)³, «Очерк русской дипломатики частных актов» (1920)⁴, «Очерк развития русской историографии»⁵, книга А.Е. Преснякова об А.С. Лаппо-Данилевском (1922)⁶, «Правила издания грамот коллегии экономии» (1922)⁷, «Терминологический словарь частных актов Московского государства» (1922)⁸, два первых тома Сборника Грамот коллегии экономии (1922, 1929)⁹, новое издание первого выпуска «Методологии истории» (1923)¹⁰, а также академические материалы к биографии ученого (1929)¹¹. Значительную роль в популяризации наследия учителя сыграл А.И. Андреев, продолживший под общим руководством С.Ф. Платонова многие академические предприятия А.С. Лаппо-Данилевского. Как известно, А.И. Андреев, так же как и С.Ф. Платонов, был репрессирован по «Академическому делу», и с начала 1930-х гг. основным пропагандистом наследия А.С. Лаппо-Данилевского становится другой его ученик – С.Н. Валк. Отделяя идеалистическую «Методологию истории» от методических идей своего учителя в области дипломатики и археографии, С.Н. Валк доказывал, что последние могут быть полностью восприняты марксистской историографией¹². Частичная реабилитация государственной школы в 1930-х – начале 1940-х гг. завершила процесс признания А.С. Лаппо-Данилевского «классиком». В известной книге Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941) отмечено, что А.С. Лаппо-Данилевский выделялся «своей эрудицией и тематическим охватом своих работ». Хотя Н.Л. Рубинштейн оценивал «Методологию истории» как философско-религиозную концепцию в духе шеллингианства, а теоретические взгляды ученого считал проявлением кризиса буржуазной историографии, он

* Статья подготовлена при поддержке НИР по теме «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть», мероприятия 2 СПбГУ. Шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.98.2012.

дал высокую оценку конкретно-историческим трудам А.С. Лаппо-Данилевского и его работам по дипломатике частного акта¹³. Несмотря на идеологическую критику в советское время, труд Н.Л. Рубинштейна, несомненно, был тем текстом, в котором был сформулирован своеобразный пантеон русских историков XIX – начала XX в., актуальный и для современной историографии¹⁴. Интересно, что даже знаменитая статья Л.В. Черепнина «А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед» (1949), опубликованная в эпоху борьбы с космополитизмом и нового «закручивания гаек», при всем ее негативе по отношению к «историку-идеалисту реакционного типа» уже самим фактом своего появления выделяла фигуру А.С. Лаппо-Данилевского как представителя буржуазной историографии, заслуживающего специальной критики¹⁵.

Тексты 50–60-х гг. XX в. (работы А.А. Зимица, С.Н. Валка, Г.Д. Алексеевой, С.М. Каштанова, Н.Г. Сладкевича) возвращаются к высказанной в начале 1930-х гг. идее отделения археографии и дипломатики А.С. Лаппо-Данилевского от «идеалистической челухи» (методологии истории)¹⁶. С начала 1970-х гг. в работах Г.М. Иванова, М.А. Варшавчика, С.О. Шмидта, О.М. Медушевской, Л.Н. Пушкарева, А.П. Пронштейна, А.Н. Цамутали и др. начинается реабилитация и «методологии источниковедения» («наименее идеалистического» раздела «Методологии»). Одновременно с попытками советских историков сконструировать собственную методологию истории в 1970–1980-е гг. идет и интенсивное изучение «кризиса» буржуазной историографии начала XX в. и его методологических аспектов, что, как ни парадоксально, способствовало появлению многочисленных изложений и своеобразной популяризации именно «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского (работы Л.Н. Хмылева, О.В. Синецина, С.П. Рамазанова, И.А. Голосенко и др.). Примечательным событием стало включение отрывков из «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского в «Сборник документов по истории исторической науки в СССР» (пособие для вузов), вышедший в свет в 1985 г., хотя в предисловии и подчеркивалось, что «Методология» написана с чуждых марксизму неокантианских позиций¹⁷. Надо отметить, что за весь советский период (после 1923 г.) это единственный случай переиздания работы А.С. Лаппо-Данилевского. Можно с уверенностью заключить, что уже на закате советской эпохи в историографическом дискурсе утвердилось представление об А.С. Лаппо-Данилевском прежде всего как о классике буржуазной методологии истории.

В этой связи нет ничего удивительного в том, что начиная с конца 1980-х гг. историография, освободившись от прежних идеологических оков, наиболее интенсивно обратилась именно к *методологическому* наследию А.С. Лаппо-Данилевского¹⁸. Разумеется, не остались без внимания историографы и публикаторы также и другие стороны научного наследия ученого: конкретно-исторические труды, труды по дипломатике, эпистолярное наследие. Прочный статус «классика» обеспечил как периодичность научных коммемораций, связанных с именем А.С. Лаппо-Данилевского (1994 г. (75 лет со дня кончины)¹⁹, 2003 г. (140 лет со дня рождения)²⁰, наконец, 2013 г. (150-летие)), так и появление монографических исследований, посвященных ученому²¹. Таким образом, вся историографическая ситуация последней трети XX – начала XXI в. очевидно популяризировала фигуру и научное наследие А.С. Лаппо-Данилевского. Данные современных систем индексирования и цитирования помогают дать ответ на вопрос, какие именно стороны научного наследия А.С. Лаппо-Данилевского наиболее востребованы.

А.С. Лаппо-Данилевский в системах цитирования РИНЦ, WoS и Scopus

Как известно, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) основывается на электронной базе публикаций «eLIBRARY» (Научная электронная библиотека), которая в настоящий момент включает в себя, главным образом, журнальные публикации примерно с середины 1990-х (при этом более или менее полно только со второй половины 2000-х гг.) до 2012 г. Экспертные оценки показывают,

что по отношению к гуманитарным наукам (в том числе к историческим) данные этой системы в настоящее время далеко не отражают всего массива научных публикаций, однако с точки зрения выявления общей тенденции, показывающей уровень востребованности творчества и конкретных научных текстов, она представляется вполне репрезентативной²². В отличие от РИНЦ, данные систем цитирования WoS (Web of Science) и Scopus в принципе не отражают ситуацию в российских гуманитарных науках, однако их данные представляют интерес с точки зрения востребованности того или иного текста в западной научной периодике²³.

Обратимся к обзору цитирования текстов А.С. Лаппо-Данилевского в РИНЦ²⁴. Диаграмма 1 наглядно показывает, какие тексты ученого в наши дни наиболее востребованы в научной литературе. Итак, всего выявлено 437 ссылок на тексты А.С. Лаппо-Данилевского, при этом абсолютным рекордсменом по количеству цитирований является «Методология истории», которая во всех своих выпусках и редакциях имеет 154 ссылки. Всего цитируется 129 текстов А.С. Лаппо-Данилевского (учитывая разные редакции и издания «Методологии истории», а без их учета 109 текстов). Из них на 89 текстов присутствуют ссылки в одном цитирующем тексте, ссылки на 10 присутствуют в двух текстах, на 8 произведений в трех текстах. В Таблице 1 представлены 15 наиболее популярных по количеству цитирований в РИНЦ текстов А.С. Лаппо-Данилевского.

Всего нами выявлено 230 цитирующих работ (из них 222 статьи в периодических научных и научно-популярных изданиях), которые принадлежат 207 авторам (включая, разумеется, и 27 созданных в соавторстве). Абсолютное большинство авторов ссылается на А.С. Лаппо-Данилевского в одной публикации, однако 32 автора ссылаются на его труды в нескольких текстах (18 – в двух статьях, 11 – в трех статьях, 2 – в пяти статьях, 1 автор – в девяти текстах). Лидерами по числу цитирующих работ являются М.Ф. Румянцев, Т.Г. Фруменкова, К.Б. Умбрашко. Выявлено 133 цитирующих периодических издания; из них 56 выходят в Москве, 15 в Санкт-Петербурге, 7 – в Новосибирске, 4 – в Тамбове, по 3 – в Екатеринбурге, Краснодаре и Саранске, – всего в 43 городах (за единичными исключениями (Париж, Прага) это города бывшего СССР). Как видно из подсчетов, «Методология истории» по количеству ссылающихся на нее текстов очевидно превосходит все остальные работы А.С. Лаппо-Данилевского, включая его магистерскую диссертацию («Организация прямого обложения в Московском государстве»), его так и не защищенную и опубликованную (пока не полностью) на исходе XX в. докторскую диссертацию («История русской общественной мысли...») и посмертный «Очерк русской дипломатики частных актов» вместе взятые. В то же время налицо и другая тенденция – около 40% ссылок приходится на малоцитируемые (меньше 10 ссылок) тексты А.С. Лаппо-Данилевского.

Обратимся теперь к данным WoS²⁵ и Scopus²⁶. Десять ссылок на тексты А.С. Лаппо-Данилевского обнаружено в Scopus; семь ссылок – в WoS. Они относятся к 13 цитирующим работам. При этом шесть цитирующих работ упоминаются только в Scopus, и три только в WoS. В четырех случаях ссылки совпадают (WoS и Scopus упоминают одни и те же цитирующие работы). 13 цитирующих работ принадлежат 16-ти авторам (три написаны в соавторстве), из которых трое – российские (Гринев А.В. (СПб), Балаханцев А.С. (Москва), Яблонский Л.Т. (Москва)), двое работают в Украине (Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Ф.), все прочие – в странах Запада (Великобритания, Германия, Израиль, Ирландия, США, Франция, Швейцария). Во всех 13-ти цитирующих текстах (в совокупности в Scopus и WoS) цитируется по одной работе А.С. Лаппо-Данилевского, при этом всего цитируется 10 его работ. Из них дважды цитируются три текста: «Организация прямого обложения в Московском государстве...» (два раза в двух публикациях разных авторов); [Курган Карагодеуаш] совм. с В. Мальмбергом (интересно, что в РИНЦ ссылки на данную работу отсутствуют вовсе); «Русские промышленные и торговые компании...». Таким образом, основная работа

А.С. Лаппо-Данилевского в российском информационном пространстве – «Методология истории» – в рамках данных систем оказывается не отражена. Для западной научной традиции в области теории истории труд малоизвестен.

Среди «классиков» своего поколения

Разумеется, судить об успехе текстов А.С. Лаппо-Данилевского в современной научной литературе можно только в сопоставлении с историками его поколения. В данной статье мы ограничились теми историками России, которые, с нашей точки зрения, вошли в историографический канон (основные учебные тексты по историографии второй половины XIX – начала XX в.) и принадлежали к поколению, родившемуся в 15-летие (1856–1870), на середину которого (1863) падает год рождения А.С. Лаппо-Данилевского. Сравнение показателей этих историков в РИНЦ проводилось по трем основным позициям: совокупное число цитирований (диаграмма 2), число цитирующих работ (диаграмма 3), число цитируемых работ (диаграмма 4).

Данные таблицы 2 и диаграмм 2–4 показывают, что безусловными лидерами поколения с точки зрения современной историографии являются П.Н. Милюков и А.А. Шахматов; за ними следует группа, возглавляемая С.Ф. Платоновым, к которой относятся М.Н. Покровский, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков и А.А. Кизеветтер. Третий эшелон историков представляют М.М. Богословский, С.В. Рождественский и М.К. Любавский; за ними с отрывом следуют Н.П. Павлов-Сильванский, Н.А. Рожков и Д.И. Багалей. Очевидными аутсайдерами в данной выборке оказываются М.В. Довнар-Запольский и И.И. Лаппо. Между тем, сравнивая эти данные с цитированием ученых более позднего поколения (1876–1891 гг.), мы можем отметить, что лидеры среди историков России этого периода (Б.Д. Греков, С.Б. Веселовский) цитируются на уровне «третьего эшелона» поколения 1856–1870 гг.²⁷

Цифровые показатели с очевидностью подтверждают статус «классика» – А.С. Лаппо-Данилевский уверенно закрепился в десятке наиболее цитируемых авторов своего поколения. По количеству цитирований он замыкает «пятерку лидеров». Обращает на себя внимание, что А.С. Лаппо-

Данилевский лидирует среди историков первой и второй группы по количеству цитирований одного текста (правда, в разных редакциях) – «Методологии истории». Наиболее низкий показатель в этом ряду (8-е место) – по количеству работ, в которых цитируется ученый, наиболее высокий – по количеству цитируемых работ (2-е место). Кстати, если учесть, что лидер рейтинга П.Н. Милюков более других выступает в РИНЦ в двух ипостасях – как историк и политик, – то по количеству научных текстов по этому последнему показателю А.С. Лаппо-Данилевский даже лидирует.

Итак, усилиями коллег и учеников за А.С. Лаппо-Данилевским в 20–30-х гг. XX в. прочно закрепился статус «классика», а интенсивное изучение кризиса буржуазной методологии и теории истории в 60-х – первой половине 80-х гг. предопределило ситуацию, когда наиболее востребованной в историографическом дискурсе становится «Методология истории». Закреплению этой тенденции способствовала и историографическая ситуация 1990-х – начала 2000-х гг., в которой шел интенсивный поиск новых методологических идей. Интересно, что западная историографическая традиция при определенном внимании к конкретно-историческим работам историка демонстрирует полное безразличие к его методологическим штудиям. В российской же науке, как показывают наукометрические данные, сегодня география и тематический диапазон цитирований А.С. Лаппо-Данилевского подтверждают статус ученого как классика российского гуманитарного знания; причем очевидно, что поддержание этой традиции осуществляется не отдельными научными школами или изданиями, а широким кругом современных ученых. Хотя конкретно-исторические работы А.С. Лаппо-Данилевского уступают по популярности работам современных ему классиков историографии, актуализация его творческого наследия в целом исключительно высока (востребованными оказываются в том числе и камерные работы ученого). Перечисленные наблюдения позволяют прогнозировать, что наследие ученого в историографической перспективе не только сохранит, но и упрочит свои позиции в российской науке.

Труды А.С. Лаппо-Данилевского

ПРИЛОЖЕНИЯ

Диаграмма 1. Распределение цитирующих статей по работам А.С. Лаппо-Данилевского

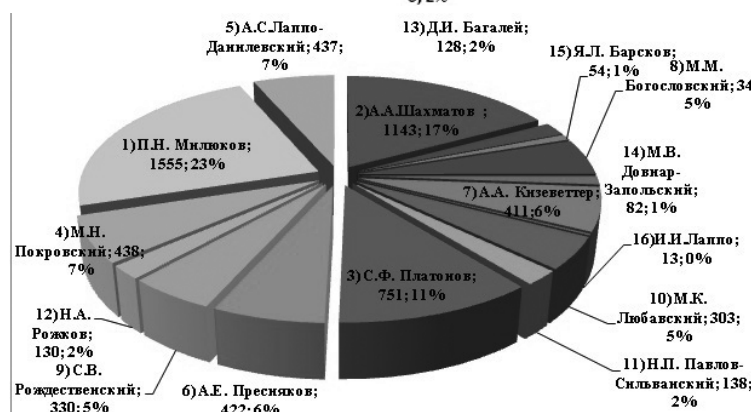

Диаграмма 2. Сравнение цитируемости работ А.С. Лаппо-Данилевского с учеными-современниками [1856–1870 г.р.] (РИНЦ), количество цитирований (совокупное число цитирований всех авторов принимается за 100%)

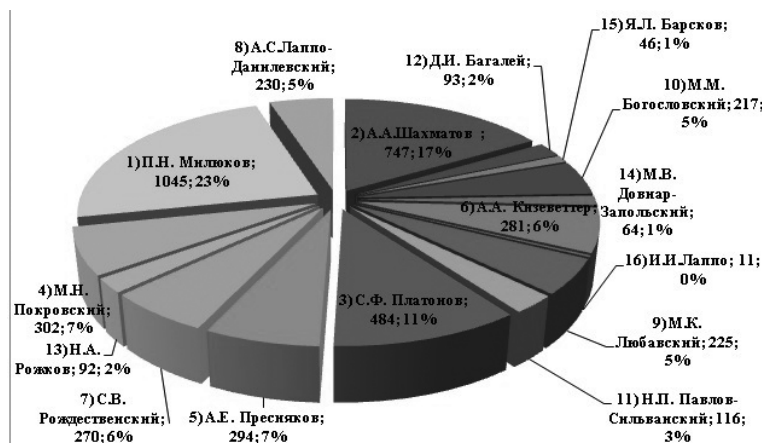

Диаграмма 3. Сравнение цитируемости работ А.С. Лаппо-Данилевского с учеными-современниками [1856–1870 г.р.] (РИНЦ), количество цитирующих работ (совокупное число цитирующих работ принимается за 100%)

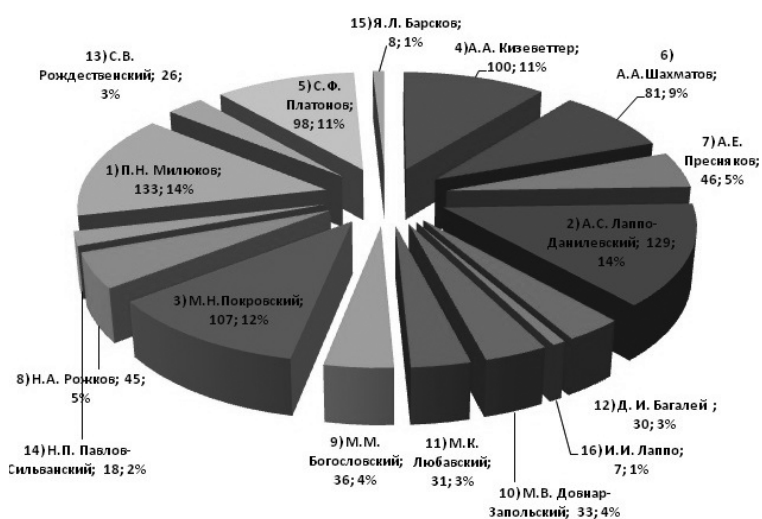

Диаграмма 4. Сравнение цитируемости работ А.С. Лаппо-Данилевского с учеными-современниками [1856–1870 г.р.] (РИНЦ), количество цитированных работ (совокупное число цитированных работ принимается за 100%)

Таблица 1. Цитирование текстов А.С. Лаппо-Данилевского в РИНЦ

Название текста	Количество цитирований	Количество цитирующих публикаций
1. Методология истории (разные части, редакции и издания)	154	106
2. Организация прямого обложения...	41	33
3. История политических идей в России.../ русской общественной мысли	25	24
4. Очерк русской дипломатики...	21	17
5. И.И. Бецкой и его система воспитания	15	12
6. Идея государства и главнейшие моменты ее развития	12	10
7. Очерк внутренней политики Екатерины II	9	8
8. Карты и планы Невы и Ниеншанца	8	3
9. Собрание и свод законов Российской империи...	8	7
10. Русские промышленные и торговые компании	7	7
11. Очерк развития русской историографии	6	6
12. Иноземцы в России...	5	5
13. Исторические взгляды В.О. Ключевского	5	3
14. Основные принципы социологической доктрины О.Конта	5	5
15. Екатерина II и крестьянский вопрос	4	4

Таблица 2. Цитируемость ученых-историков, родившихся в 1856–1870 гг.

Ученый (годы жизни)	Количество цитирований	Количество цитируемых трудов	Количество цитируемых трудов	Самый цитируемый труд (кол-во цитирований – % от общего числа цитирований данного автора)
1. Милюков П.Н. (1859–1943)	1555	1045	133	Очерки по истории русской культуры, 496 ссылок (32%) Воспоминания, 312 ссылок (20%)
2. Шахматов А.А. (1864–1920)	1143	747	81	Синтаксис русского языка, 283 ссылки (25%) Разыскания о древнейших русских летописных сводах, 137 ссылок (12%)
3. Платонов С.Ф. (1860–1933)	751	484	98	Лекции по русской истории, 142 ссылки (19%) Очерки по истории Смуты..., 120 ссылок (16%)
4. Покровский М.Н. (1868–1932)	438	302	107	Русская история с древнейших времен, 54 ссылки (12,5%) Русская история в самом сжатом очерке, 46 ссылок (10,5%)
5. Лаппо-Данилевский А.С. (1863–1919)	437	230	129	Методология истории (разные части, редакции и издания), 154 ссылки (35,2%) Организация прямого обложения..., 41 ссылка (9,5%)
6. Пресняков А.Е. (1870–1929)	422	294	46	Княжое право в Древней Руси, 142 ссылки (34%) Образование Великодержавного государства, 75 ссылок (18%)
7. Кизеветтер А.А. (1866–1933)	411	281	100	На рубеже двух столетий. Воспоминания, 77 ссылок (19%) Местное самоуправление в России, 41 ссылка (10%)
8. Богословский М.М. (1867–1929)	344	217	36	Петр I. Материалы для биографии, 94 ссылки (27%) Земское самоуправление на Русском Севере, 68 ссылок (20%)
9. Рождественский С.В. (1868–1934)	330	270	26	Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 177 ссылок (54%) Очерки по истории систем народного просвещения..., 67 ссылок (20%)
10. Любавский М.К. (1860–1936)	303	225	31	Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века, 81 ссылка (27%) Историческая география России в связи с колонизацией, 38 ссылок (13%)
11. Павлов-Сильванский Н.П. (1869–1908)	138	116	18	Феодализм в России, 53 ссылки (38,5%) Государевы служилые люди, 27 ссылок (20%)
12. Рожков Н.А. (1868–1927)	130	92	45	Русская история в сравнительно-историческом освещении, 28 ссылок (21,5%) Город и деревня в русской истории, 15 ссылок (11,5%)
13. Багалеи Д.И. (1857–1932)	128	93	30	Опыт истории Харьковского университета, 21 ссылка (16,5%) История города Харькова за 250 лет, 19 ссылок (15%)
14. Довнар-Запольский М.В. (1867–1934)	82	64	33	Политические идеалы М.М. Сперанского, 11 ссылок (13,5%) Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, 6 ссылок (7%)
15. Барсков Я.Л. (1963–1937)	54	46	8	Памятники первых лет русского старообрядчества, 22 ссылки (41%) Переписка московских масонов XVIII века, 19 ссылок (35%)
16. Лаппо И.И. (1869–1944)	13	11	7	Великое княжество Литовское от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586), 3 ссылки (23%) Полоцкая ревизия 1552 года, 3 ссылки (23%)

¹ См.: Дневник Н.Н. Платоновой. 28 января / 10 февраля 1919 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698. Л. 87–89.

² Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916 (Историческое обозрение. Т. 21).

³ А.С. Лаппо-Данилевский / Статьи Б.Д. Грекова, Г.В. Вернадского и А.И. Маркевича / Оттиск из № 56 Известий Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1919; Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5–29.

⁶ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пб., 1922.

⁷ Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

⁸ Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922.

⁹ Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. I. Грамоты Двинского уезда; Л., 1929. Т. II. Грамоты Двинского, Кольского, Кевельско-Мезенского и Важского уездов.

¹⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. Вып. 1.

¹¹ Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929.

¹² Валк С.Н. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Проблемы марксизма. 1931. №3. С. 114–115.

¹³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 502–503.

¹⁴ Ср.: Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. Предисловие ко второму изданию // Рубинштейн Н.Л. Русская историография / Под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб., 2008. С. VI.

¹⁵ Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30–51.

¹⁶ Ср.: Панеях В.М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л., 1978. С. 60–61.

¹⁷ [Шикло А.Е.] А.С. Лаппо-Данилевский // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX – начало XX в.) / Сост. А.Е. Шикло; Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1985. С. 125–126.

¹⁸ См. подробнее: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 274–275.

¹⁹ Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

²⁰ Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2003. Вып. I.

²¹ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; *Ростовцев Е.А.* Указ. соч.; *Трапш Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону, 2006.

²² Ср.: *Тихонов В.В.* Российская историческая наука и индексы научного цитирования // Новый исторический вестник. 2013. № 2(36). С. 89–106.

²³ См.: *Усачев А.С.* Российские историки и зарубежные журналы: некоторые размышления специалиста по истории России // Новый исторический вестник. 2013. №1(35). С. 69–83.

²⁴ eLIBRARY.RU – НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА [электронный ресурс] / Научная электронная библиотека – Электрон. дан. – 1999. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/defaultx.asp>, свободный. Загл. с экрана. Яз. Рус. Данные приводятся на 16.09.2013.

²⁵ Web of Science – Web of Knowledge [v5.9] – Web of science home [электронный ресурс] / Web of Science – Электрон. дан. – 2013. ThomsonReuters – Режим доступа: <http://wokinfo.com/> свободный. Загл. с экрана. Яз. Англ. Данные приводятся на 23.09.2013

²⁶ Scopus [электронный ресурс] / Scopus – Электрон. дан. – 2013. Elsevier – Режим доступа: <http://www.scopus.com/home.url> свободный. Загл. с экрана. Яз. Англ. Данные приводятся на 23.09. 2013

²⁷ См. подробнее: *Ростовцев Е.А., Шишов В.О.* С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI века // Клио. 2012. № 10. С. 138–142.

МАРИНА ФЕДОРОВНА РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)

Тел.: 8 (985) 435-34-33; E-mail: mf-r@yandex.ru

В публикации анализируется восприятие и развитие источниковедческой феноменологической концепции исторического познания, созданной в начале XX в. А.С. Лаппо-Данилевским, научно-педагогической школой источниковедения, сложившейся в 1939–2011 г. и существовавшей на основе кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института и после ликвидации кафедры консолидированной на основе сайта Источниковедение.ru.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, О.М. Медушевская, научно-педагогическая школа источниковедения, исторический источник, объект исторического познания, классификация исторических источников, интерпретация исторических источников, эмпирическая реальность исторического мира.

РЕЦЕПЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ – САЙТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.RU

Научно-педагогическая школа источниковедения, в своих концептуальных основах непосредственно восходящая к наследию А.С. Лаппо-Данилевского, сложилась и с 1939 по 2011 г. существовала на основе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. – в составе РГГУ; с 1994 г. – кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин), которой с 1943 по 1949 г. заведовал ученик А.С. Лаппо-Данилевского Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) – ленинградский историк, эвакуированный в Москву из блокадного Ленинграда и ставший профессором Московского государственного историко-архивного института. После ликвидации кафедры НПС источниковедения консолидирована на основе сайта Источниковедение.ru¹.

А.И. Андреев привнес, насколько это было возможно в 1940-е и последующие годы, существенную методологическую составляющую, основанную на концепции Лаппо-Данилевского, в изучение и преподавание, в первую очередь, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. В конце XX в., в связи с ослаблением давления так называемой марксистско-ленинской идеологии и нарастанием полиметодологизма в исторической науке, в НПС источниковедения получила развитие феноменологическая источниковедческая концепция методологии истории, оформление которой связано, в первую очередь, с трудами непосредственной ученицы А.И. Андреева Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007) – автора концепции когнитивной истории². НПС источниковедения последовательно осуществляла рецепцию методологии истории Лаппо-Данилевского. Не останавливаясь на теоретических нюансах, отметим, что под рецепцией мы понимаем системное целостное восприятие концепции и

ее трансформацию применительно к изменяющимся социокультурным и теоретико-познавательным ситуациям.

Цель работы – выделить *основные направления* освоения творческого наследия Лаппо-Данилевского и развития его эпистемологической концепции в НПС источниковедения.

Исследование философских оснований концепции А.С. Лаппо-Данилевского

Философские взгляды Лаппо-Данилевского принято характеризовать как неокантианские. Но заметим, что историки философии зачастую игнорируют русское неокантианство, не рассматривая его в качестве заметного философского явления на том парадоксальном основании, что таких русских мыслителей, как А.И. Введенский, И.И. Лапшин и др. нельзя причислить к последователям каких-либо немецких школ неокантианства³. С другой стороны, противоречия в трактовке соотношения немецкого и русского неокантианства проявились в концепции О.М. Медушевской, которая, характеризуя актуальное состояние исторического познания, четко противопоставляет «философию уникальности и идиографичности исторического знания, исключающего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания в ценностном выборе историка как познающего субъекта», и «парадигму истории как строгой науки, стремящейся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания»⁴. Первая очевидным образом восходит к неокантианству Баденской школы, а вторую О.М. Медушевская возводит к неокантианству же (!?), но уже в интерпретации Лаппо-Данилевского. Именно это противоречие и спровоцировало желание специально исследовать феномен русского неокантианства и попытаться выяснить, каким же образом

два направления гуманитарного познания, исходя из одного неокантианского истока, за сто лет разошлись до такой степени, что стало возможным их противопоставление. Проведенное исследование позволило прийти к двум выводам: 1) русское неокантианство – самостоятельное/оригинальное эпистемологическое направление, системообразующее основание и специфика которого – во внимании к объекту исторического познания/историческому источнику, в отличие от немецкого неокантианства, сосредоточившегося на исследовании логики исторического познания (В. Виндельбанд, Г. Риккерт); 2) различие русского и немецкого (Баденская школа) неокантианства – один из существенных факторов, обусловивших различие путей развития методологии истории в России и на Западе на протяжении всего XX в.

Своеобразным итогом большого этапа работы по освоению творческого наследия Лаппо-Данилевского НПШ источниковедения стало комментированное издание его «Методологии истории»⁵.

К углубленному исследованию философских оснований теоретико-познавательной концепции Лаппо-Данилевского НПШ источниковедения обратилась лишь в последние годы. Причины этого вполне очевидны: в так называемый советский период нашей историографии не было возможности акцентировать неокантианский характер развиваемой концепции, да и соответствующий эпистемологический контекст было сложно эксплицировать. Поэтому в течение нескольких десятилетий концепция развивалась как сугубо источниковедческая, что, кстати, зафиксировано и в исторически сложившемся названии Научно-педагогической школы, которое в актуальной теоретико-познавательной ситуации уже неточно передает ее концептуальное содержание.

Рассматривая рецепцию концепции Лаппо-Данилевского НПШ источниковедения, следует выделить три взаимосвязанных «точки роста»: *объект исторического познания – классификация исторических источников – интерпретация исторического источника.*

Объект исторического познания – исторический источник

Как уже отмечалось, рефлексия объекта исторического познания – системообразующее основание методологии истории Лаппо-Данилевского. Объект исторического познания в русской версии неокантианства конструируется с точки зрения принципа «признания чужой одушевленности». Лаппо-Данилевский понимал исторический источник как «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»⁶. Мы не будем подробно рассматривать формулировку Лаппо-Данилевского. Очевидно, что она во многом фиксирует результат развития исторического знания в XIX в. в рамках линейных/стадиальных теорий исторического процесса. Именно поэтому Лаппо-Данилевский пишет о фактах с историческим значением, под которыми понимает факт воздействия индивидуума (в том числе и коллективного) на среду, повлекший изменение этой среды.

Но обратим внимание на один важный момент, как правило ускользающий от внимания исследователей творчества российского методолога. Из «добытого» (терминология Лаппо-Данилевского) определения следует: «*Всякий, кто утверждает, что исторический источник есть продукт человеческой психики, должен признать, что исторический источник в известной мере есть уже его построение. В самом деле, то психическое значение, которое историк приписывает материальному образу интересующего его источника, в сущности, не дано ему непосредственно, т.е. недоступно его непосредственному чувственному восприятию; он построит психическое значение материального образа источника, заключая о нем по данным своего опыта...*»⁷. Именно это и аналогичные рассуждения позволяют нам характеризовать концепцию Лаппо-Данилевского как феноменологическую.

В НПШ источниковедения определение Лаппо-Данилевского было модифицировано применительно к реалиям исторического познания XX – начала XXI в. В настоящее время это определение выглядит так: историче-

ский источник – объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения/понимания человека, общества, культуры как в коэксистенциальной, так и исторической составляющей⁸. Выделим три составляющих развития определения Лаппо-Данилевского. Во-первых, при сохранении основы – «человеческого» происхождения исторического источника мы заменили понятие «реализованный продукт человеческой психики» понятием «объективированный результат человеческой деятельности». Кстати, и сам Лаппо-Данилевский уточнял: «...нельзя не заметить, что исторический источник в качестве продукта человеческой психики, – есть, конечно, результат человеческого творчества (в широком смысле)»⁹. Во-вторых, была добавлена характеристика исторического источника как «продукта культуры», что обусловлено «постфрейдовским» пониманием культурной составляющей деятельности человека, а также усилением коэксистенциальной компоненты (горизонтального измерения) в изучении истории. И в-третьих, была добавлена эта самая коэксистенциальная составляющая исторического изучения, что, на наш взгляд, позволяет преодолеть линейность исторического познания, кризис которой ощущался уже на рубеже XIX–XX вв.

Следует подчеркнуть, что модификацией определения базового понятия источниковедения «исторический источник» трансформация понятия «объект исторического познания» не исчерпывается. Дальнейшее развитие последнего связано с разработкой проблемы классификации исторических источников.

Классификация исторических источников

Классификация исторических источников – одна из основных исследовательских процедур, поскольку не только позволяет системно и целостно представить весь корпус источников, порожденных той или иной культурой, но и заставляет вычлнить наиболее существенное свойство упорядочиваемых объектов в качестве основания классификации. При всем новаторстве источниковедческой составляющей теоретико-познавательной концепции Лаппо-Данилевского рассмотрение им вопроса классификации исторических источников сохраняет наиболее тесную связь с традицией, идущей от И.Г. Дройзена. Не отрицая значимости деления исторических источников на остатки и предания, Лаппо-Данилевский предлагает, на наш взгляд, скорее разнообразные подходы к систематизации исторических источников, чем единый принцип их классификации. Да он и сам начинает соответствующий раздел своей работы со слов: «...можно *систематизировать* (здесь и далее выделено мной. – М.Р.) исторические источники с весьма различных точек зрения, в зависимости от целей исследования. Самая общая из них состоит в том, чтобы *ценить исторические источники по значению их для исторического познания*»¹⁰.

Однако в концепции Лаппо-Данилевского обнаруживается «точка роста» и для рассмотрения проблемы классификации исторических источников. Анализируя вопросы интерпретации исторических источников, методолог особое значение придает телеологической интерпретации, т.е. пониманию исторического источника с точки зрения целеполагания его автора: «...так как всякий источник – реализованный продукт человеческой психики, то историк может сказать, что такой самостоятельный продукт (поскольку он обладает характерными особенностями, отличающими его от произведения природы) вместе с тем оказывается результатом целеполагающей деятельности человека или намеренным его продуктом: он признает самый элементарный источник – какую-нибудь простейшую поделку из кремня или какие-нибудь «черты и резы» уже продуктами преднамеренной деятельности человека; с такой точки зрения он и стремится точнее установить его смысл и истолковывает те, а не иные особенности продукта»¹¹. Именно принцип целеполагания был положен в основу видовой классификации исторических источников, разработка которой, равно как и видовых методик источниковедческого анализа, стала основным направлением теоретико-методологической рефлексии и исследователь-

ской практики НПШ источниковедения в 1950–1990-х гг.¹² Результаты этой работы представлены в учебном пособии «Источниковедение: История. Теория. Метод. Источники российской истории» (1998), подведем итог существенного этапа развития НПШ источниковедения¹³.

Объект исторического познания – система видов исторических источников

На этом этапе развития концепции появилась потребность переосмыслить определение *объекта исторического познания*: от отдельного исторического источника – к системе видов исторических источников, целостно презентующей определенный тип культуры. На этой концептуальной основе было конституировано *компаративное источниковедение* в качестве метода сравнительно-исторического исследования, базирующегося на теоретическом осмыслении положения, что основная классификационная единица источниковедения – вид исторических источников – презентует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной деятельности человека, совокупность которых составляет историю общества. Метод компаративного источниковедения позволяет выявить как общее в социокультурных ситуациях, зафиксировав схожесть видовой структуры порождаемых ими систем исторических источников, так и особенное – через экспликацию специфики становления отдельных видов исторических источников. Например, переход от Средних веков к Новому времени фиксируется возникновением источников личного происхождения (мемуары, дневники, частная переписка), общественного происхождения (периодическая печать, публицистика), а также статистики как нового элемента в системе управления и пр. При этом различие европейской и российской социокультурных ситуаций проясняется при сопоставлении, например, периодической печати, которая в Европе возникает из потребности в коммерческой информации или выражения интересов различных социальных групп, а в России – под эгидой государства для выражения его интересов¹⁴.

В этом же русле – уточнения понимания объекта источниковедения – стоит рассматривать проявившееся в самое последнее время внимание НПШ источниковедения к *источниковедению историографии*. Под источниковедением историографии НПШ источниковедения понимает предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. Определяя базовое понятие источниковедения историографии «историографический источник» как произведение (результат деятельности его автора), реализующее функции презентации и позиционирования исторического знания как научного, так и социально ориентированного, НПШ источниковедения видит в качестве предмета источниковедения историографии – порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках. При этом отметим, что имеющиеся в историографии различные подходы к определению понятия «историографический источник» релевантны подходам к определению общего понятия «исторический источник». Определяя историографический источник через понятие «деятельность», НПШ источниковедения, различая научное историческое знание и социально ориентированное историописание, акцентирует внимание на видовой классификации историографических источников. И здесь уместно отметить, что труд Лаппо-Данилевского «Методология истории» опубликован в 1910–1913 гг. как пособие к лекционному курсу, что и определяет его видовую принадлежность, которая, на наш взгляд, не позволяет на его основании в полной мере осмыслить новизну теоретико-познавательной концепции Лаппо-Данилевского, поскольку лекционный курс предполагает системность изложения (т.е. должен охватывать и те составляющие дисциплины, которые в меньшей степени разработаны автором) и обеспечение преемственности, что обуславливает внимание и к тем концепциям, которые

не находятся непосредственно в back ground разрабатываемой теории.

Интерпретация исторического источника как базовая источниковедческая процедура

Концепция исторической интерпретации – наиболее оригинальная и во многом сохраняющая актуальность составляющая методологии истории Лаппо-Данилевского. И сам автор подчеркивает новизну своего подхода, отмечая: «Общее учение об исторической интерпретации источников, несмотря на свое значение, долгое время оставалось без систематической обработки: оно применялось только в конкретных случаях, при истолковании данного рода источников. <...> учение об исторической интерпретации долго не получало достаточно самостоятельного значения и часто поглощалось критикой или даже входило в состав методологии исторического построения¹⁵. При этом российский историк ссылается на труды Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, Историческая интерпретация, согласно Лаппо-Данилевскому, «состоит в общезначимом научном понимании исторического источника»¹⁶. Лаппо-Данилевский предлагает четыре метода интерпретации – *психологический, технический, типизирующий и индивидуализирующий*, отмечая их взаимосвязи и взаимодействие.

Смысл процедуры исторической интерпретации Лаппо-Данилевский определяет так: «Вообще, научно понимать исторический источник значит установить то объективно-данное психическое значение, которое истолкователь должен приписывать источнику, если он желает достигнуть поставленной себе научной цели его исторической интерпретации; но, в сущности, истолкователь может придавать объективно-данное психическое значение своему источнику лишь в том случае, если он имеет основание утверждать, что он приписывает ему то самое значение, которое творец (автор) придавал своему произведению (выделено мной. – М.Р.)»¹⁷. В этой части мы не можем полностью согласиться с рассуждениями Лаппо-Данилевского. Его понимание смысла интерпретации находится в контексте гуманитарного знания, еще не освоившего в полной мере идеи З. Фрейда, который показал, что в структуре психики есть область бессознательного. По этой причине авторское понимание произведения не является наиболее полным и точным, поскольку автор, как правило, не рефлексировал «давление культуры», не может элиминировать свое подсознание. Соответственно, мы не можем ориентироваться на сформулированный Лаппо-Данилевским идеал интерпретации, хотя историк и осознает его недостижимость: «Идеальная интерпретация источника, разумеется, состояла бы в том, чтобы истолкователь достиг такого состояния сознания, при котором он мог бы самопроизвольно обнаружить его в произведении, тождественном с данным, и при котором он, значит, мог бы понимать его, как свое собственное; но <...> она (интерпретация. – М.Р.) не может претендовать на абсолютную точность всех своих заключений...»¹⁸.

В настоящее время мы не только ощущаем утопичность идеальной интерпретации по Лаппо-Данилевскому, но и владеем методами, позволяющими достичь более глубокого и точного понимания произведения культуры, чем авторское. Но надо отметить, что Лаппо-Данилевский вплотную подошел к постановке этой проблемы: анализируя один из методов интерпретации – психологический, он замечает: «...при помощи индивидуализирующей интерпретации историк пытается проникнуть в тайники личного творчества автора и даже хочет, в известном смысле, по возможности лучше его самого понять его произведение. Такая цель, правда, может показаться недостижимой, особенно если припомнить, что интерпретация приводит лишь к приближенным выводам; но если иметь в виду, что сам автор часто творит, не отдавая себе ясного отчета в акте своего творчества и далеко не всегда сознает посторонние влияния, налагающие, однако, свой отпечаток на его произведение, и что, по объективировании творчества в последнем, некоторые из его особенностей могут обозначиться гораздо яснее, то и вышеуказанная

претензия не окажется чрезмерной: в известном смысле истолкователь может лучше самого автора приблизиться к пониманию некоторых сторон его произведения»¹⁹.

Надо признать, что этой составляющей концепции Лаппо-Данилевского НПШ источниковедения уделила до сих пор наименьшее внимание. Хотя, на наш взгляд, переосмысление объекта источниковедения как системы видов исторических источников, презентующей определенную культуру, открывает новые возможности для разработки проблемы интерпретации с учетом той неэксплицированной составляющей объективации индивидуума в историческом источнике, которая обусловлена нерелексированным воздействием культуры.

Объект исторического познания – эмпирическая реальность исторического мира

Как уже отмечалось, на новый теоретический уровень НПШ источниковедения вывела концепция когнитивной истории О.М. Медушевской, которая в очередной раз обратилась к базовому понятию источниковедческой концепции методологии истории и обосновала, по сути,

онтологическое понятие «эмпирическая реальность исторического мира»²⁰, которое призвано обеспечить единый стандарт научности исторического и естественнонаучного знания и позволяет соотносить разрабатываемую НПШ источниковедения концепцию с неоклассическим типом рациональности.

Таким образом, можно констатировать, что в НПШ источниковедения были восприняты и развиты применительно к изменяющимся социокультурным и теоретико-познавательным ситуациям базовые принципы эпистемологической концепции Лаппо-Данилевского. Концепция когнитивной истории О.М. Медушевской подвела итог рецепции источниковедческой феноменологической концепции Лаппо-Данилевского и в настоящее время составляет теоретическую основу НПШ источниковедения, но, наряду с этим, мы видим возможность и дальнейшего развития идей Лаппо-Данилевского, особенно в части интерпретации исторического источника.

¹ Источниковедение.ру [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., cop 2010–2013. URL: <http://ivid.ucoz.ru/> (дата обращения: 02.10.2013).

² Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008.

³ См., напр.: Русская философия: малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995.

⁴ Медушевская О.М. Теория и методология... С. 15–16.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1–2.

⁶ Там же. Т. 2. С. 38.

⁷ Там же.

⁸ См.: Румянцева М.Ф. Источниковедение: опыт энциклопедической статьи // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008. С. 34–40.

⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 38

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Там же. С. 79.

¹² Список изданий см.: Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сб. / Сост. Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева; под ред. В.А. Муравьева. М.: РГГУ, 2001. С. 143–156.

¹³ Источниковедение: История. Теория. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. Переизд.: 2000, 2004.

¹⁴ См.: Румянцева М.Ф. Теория истории: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 220–317.

¹⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 62–63.

¹⁶ Там же. С. 63.

¹⁷ Там же. С. 65.

¹⁸ Там же. С. 66.

¹⁹ Там же. С. 138–139.

²⁰ Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008. Ч. 1. С. 24–34.

ВЕРА БОРИСОВНА ТИХОНОВА

кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: veritas_24@mail.ru

Автор статьи рассматривает творчество А.С. Лаппо-Данилевского с точки зрения развития исторической антропологии в России. А.С. Лаппо-Данилевский был одним из первых русских историков, обратившихся к проблемам психологии в истории. В работе, посвященной русской общественной мысли XVII–XVIII вв., историк исследует русскую ментальность, картину мира переходного периода.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, историческая антропология, история ментальностей, историческая психология, история русской общественной мысли, картина мира переходного периода.

РАБОТЫ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Основоположниками исторической антропологии по праву считаются основатели школы «Анналов», обращавшие особое внимание на «историю чувств и образа мышления эпохи»¹, «образ человека» в истории, объяснявшие социальные явления факторами, связанными с коллективной психологией². «Менталитет», центральное понятие для данного направления исторической мысли, французские ученые чаще всего определяли

как «психологию», «умонастроение», «умственные способности», «способы мыслить», «склад ума», представления о мире, характерные для людей определенного времени³.

К важнейшим чертам менталитета обычно относят его глубинный характер, устойчивость по отношению к изменениям и связь со стереотипами мышления и чувств, восприятий и впечатлений. В качестве научной категории понятие менталитета по сей день продолжает разраба-

тываться. Чаще всего его рассматривают в контексте коллективной психологии, исторической антропологии, истории повседневности⁴, соотносят с «мировидением», «мироотношением», национальным самосознанием, а также с присущей каждой эпохе картиной мира, которая фиксируется в письменных источниках⁵. Под картиной мира понимают частично осознаваемые людьми универсальные категории – представления, способы мышления, ценности и верования, лежащие в основе мироощущения и мировосприятия представителей конкретного общества; при этом каждая историческая культура обладает собственными смысловыми основаниями и ключевыми категориями⁶.

«Рождение» исторической антропологии связывают с деятельностью французских исследователей первой половины XX в., однако в работах российских ученых рубежа XIX–XX вв. явно просматривается интерес к аналогичной проблематике. Среди тех, кого можно с полным правом назвать «предтечами» отечественной исторической антропологии, были В.О. Ключевский, И.М. Гревс, Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, а также А.С. Лаппо-Данилевский; не употребляя термина «менталитет», эти ученые рассматривали характерные для конкретных исторических эпох элементы сознания, мировоззрения, мироощущения.

Например, В.О. Ключевский, которого в современной науке подчас небезосновательно называют «историком российской ментальности»⁷, обращал особое внимание на психологические «корни» исторических явлений. П.М. Бицилли, еще более приблизившийся к антропологической проблематике, писал о «духе эпохи», который «обнаруживается одинаково во всех ее продуктах». Ученый отмечал, что так как «психический мир» людей прошедших эпох отличен от «психического мира» современного человека, то историк «вынужден считать с формами восприятия мира в тот или другой исторический момент, совершенно так, как считается с ними психолог...». Рассматривая особенности мышления людей в эпоху Средних веков, П.М. Бицилли затрагивал проблему психологических предвзятий Средневековья и акцентировал внимание на «духовном состоянии средневекового человека», основываясь на фактах его «душевной жизни»⁸.

Определенное созвучие этим идеям присутствует у Л.П. Карсавина, делавшего акцент на изучении особенностей мироощущения, характерных для любого представителя конкретной эпохи. Ученый рассуждал об «однородной психической организации людей данной эпохи», «общем религиозном фонде» эпохи, который «всегда налично в любом индивидуальном сознании». Религиозный фонд определялся Л.П. Карсавиным как «форма сознания, обнаруживающая себя при наличности известных условий, или как характерные религиозные реакции человека данной группы, или как совокупность религиозных его навыков в области мысли, чувства и воли»⁹.

Учитель и одновременно оппонент Л.П. Карсавина, И.М. Гревс, признавая особенно перспективным для исторической науки изучение духовной культуры прошлого, ставил вопрос о специфичности религиозного фонда для конкретного времени. В отличие от своего ученика, И.М. Гревс не считал религиозный фонд тождественным для всех представителей конкретной эпохи; по мнению историка, «религиозность среднего человека» – «общий знаменатель, <...> обобщение от единиц <...> Слагаемым тут должны являться <...> люди с обыденной религиозностью», которые, по словам ученого, «неуловимы», и потому «для доказательства обыденности, общераспространенности» необходим статистический метод, требующий «больших чисел»¹⁰.

В своих взглядах на понятие мирозерцания И.М. Гревс очень близко подходит к современным представлениям: по мнению ученого, мирозерцание должно включать в себя не только «рациональные» элементы, т.е. «сознательную», «построенную разумом идеологию», но и «иррациональные» элементы: «продукты воображения и поэтического творчества, детища настроений или эмоций, мистические интуиции, поверья, суеверия, фантазмы, откровения и т.п.»¹¹.

Можно с уверенностью сказать, что А.С. Лаппо-Данилевский наряду с В.О. Ключевским, П.М. Бицилли, Л.П. Карсавиным, И.М. Гревсом находился у истоков отечественной исторической антропологии. Отталкиваясь от позитивистских идей о взаимосвязи исторических источников с человеческой деятельностью, Лаппо-Данилевский развивал понятие «о законообразности исторических явлений в психологическом смысле»¹².

Для объяснения исторических фактов ученый предлагал метод «психологического изучения исторического материала»: так как источники отражают духовную жизнь людей прошлого, то за внешней материальной формой источника можно обнаружить и восстановить внутреннее «психическое» содержание¹³. А поскольку индивидуум является «продуктом общества и его истории», историк, чтобы «объяснять индивидуум», должен исходить не из индивидуума, а из общества. Для этих целей историк предлагал основать «особую дисциплину, которая изучала бы групповые психические явления»; Лаппо-Данилевский предлагал обозначить ее как «коллективную или социальную психологию»¹⁴.

Кроме того, работы Лаппо-Данилевского представляют значительный интерес для реконструкции образа мысли и мировоззрения России XVII–XVIII вв. К числу наиболее известных работ ученого относится «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.». Придавая развитию идей решающую роль в истории¹⁵, Лаппо-Данилевский обратился к рассмотрению русской общественной мысли переходного периода, связанного с масштабными восприятиями чужих культурных достижений. Именно основные «потoki» иноземного влияния на русское государство стали объектами пристального внимания историка, предвзвешенного вдумчивого и подробного анализа греческого, латинского, протестантского духовного влияния на русское общество, а также особенностей их восприятия на Руси. Проблемы восприятия в русском обществе духовных влияний извне Лаппо-Данилевский связывает, главным образом, с преобладанием вероисповедного принципа в оценке других культур русскими людьми той эпохи. При этом историк не просто констатирует факт преобладания вероисповедного принципа у русских, но и всесторонне рассматривает его отражение в русской общественной мысли.

Оценивая латино-польское влияние на русское общество XVII в., ученый сделал вывод, что католическая культура смогла «еле затронуть» лишь верхи русского общества именно в силу значительных препятствий вероисповедного характера¹⁶. В отношении духовного воздействия южнорусской учености на Московскую Русь допетровской эпохи Лаппо-Данилевский делал акцент на схоластическом характере обучения в православных учебных заведениях Малороссии, построенных по образцу иезуитских школ. Обращая особое внимание на то, что целый ряд известных выпускников Киево-Могилянской академии продолжали свое образование в католических академиях и даже в иезуитских коллегиях, Лаппо-Данилевский справедливо отмечал, что, учащая в латинских или униатских школах, невозможно было не попасть под влияние католицизма¹⁷. Исходя из этого историк сделал закономерный вывод: распространению западной образованности в московском обществе способствовали как представители латино-польского направления в малороссийском ученом монашестве, так и представители так называемого «восточного» направления, ориентировавшегося на греческую школьную традицию (Е. Славинецкий, Е. Чудовский, патриарх Иоаким, братья Лихуды)¹⁸.

Прослеживая историю взаимоотношений между выходцами с православного Востока и русскими, Лаппо-Данилевский достаточно скептически оценил масштабы греческого влияния на русскую общественную мысль, обратив внимание и на традиционно высокомерное отношение греков к «малообразованным» русским, и на многочисленные факты обращения греческих книжников к латинскому учению, и на их стремление к посреднической роли между русскими людьми и латинской наукой¹⁹.

Широкое восприятие «культурных начал» протестантизма в России Лаппо-Данилевский связывал с периодом

петровских преобразований. При этом историк отмечал, что в России XVII в. заметна «смена католической культуры протестантской», совершавшаяся в самой Европе в XVI–XVII вв. Учитывая характер и особенности модернизации начала XVIII в., для исследования истории русского менталитета особенно интересна часть работы Лаппо-Данилевского, посвященная протестантскому влиянию на Московскую Русь.

Ученый акцентировал внимание на том, что в первой половине XVII в. на Руси довольно резко меняется отношение к представителям протестантизма, прежде пользовавшимся гораздо большим доверием русских властей, нежели католики²⁰. По мнению Лаппо-Данилевского, некоторому распространению на Руси в XVI – начале XVII в. протестантского влияния способствовали как противостояние протестантов католикам – извечным противникам православия, так и меньшая склонность протестантов к организованной пропаганде своего учения, а кроме того, постоянное общение русских с выходцами из Европы, проживавшими в крупных городах Руси²¹. Лаппо-Данилевский приходит к выводу, что к концу правления Михаила Романова, во время «прения о вере», русские богословы были готовы признать, что католики своим «еретичеством» «менее отстоят от восточного благочестия», чем «люторы и кальвины»²².

Следует отметить важную особенность исследования Лаппо-Данилевского: обращая внимание на явную неоднозначность иноземных влияний и восприятия их русскими, историк учитывает как положительные, так и отрицательные стороны рассматриваемых явлений. Для сравнения можно обратиться к противоречивым оценкам того же протестантского влияния на Русь в XVII в., которые давали современники Лаппо-Данилевского. Д.В. Цветаев, например, давал достаточно негативную оценку протестантскому влиянию на Россию XVII в., делая особый акцент на известных фактах весьма неприглядного поведения и «нравственной распушенности» иностранцев, в особенности наемных солдат и офицеров²³.

В противоположность Д.В. Цветаеву, С.Ф. Платонов в некоторой степени даже идеализировал «дух протестантизма», пытаясь объяснить «подпадение» русских «обаянию» западной культуры не только тем, что иноземцы «больше москвичей знали и умели», но также особенностями протестантского мировоззрения и образа жизни. По мнению историка, европейцы «привольнее и веселее

жили», «не боясь ада», поскольку протестантское мировоззрение освобождало души от «внутреннего рабства»²⁴.

В отличие от своих современников, Лаппо-Данилевский отмечал, с одной стороны, положительное значение протестантского влияния для развития светской образованности, а с другой – подчеркивал опасность протестантизма для православной культуры, поскольку, по мнению историка, от влияния протестантских идей было нелегко «освободиться». Не приводя конкретного примера, ученый лишь указал на то, что эти проблемы заметны «в воззрениях наиболее выдающихся из наших приверженцев протестантской культуры даже в начале XVIII столетия»²⁵. Можно лишь предполагать, кого имел в виду историк под «наиболее выдающимися приверженцами» протестантизма в России.

Распространение протестантского влияния в русском обществе XVII в., по мнению Лаппо-Данилевского, было затруднено не только вероисповедными различиями и опасениями русских при общении с иноверцами. Историк отмечал тот факт, что большинство проживавших на Руси иностранцев «не отличалось образованием», и потому понимание идей протестантизма было затруднено не только неспособностью русских усвоить эти идеи, но и аналогичной неспособностью протестантов объяснить. Лаппо-Данилевский сделал вывод о том, что, хотя общение с иностранцами могло приводить к изменению мировоззрения у русских и появлению людей, попавших под влияние протестантизма, говорить о широком распространении протестантских идей среди русского населения в XVII в. невозможно²⁶.

На материале многочисленных источников историк анализирует не только влияния, оказывавшиеся на духовный мир русских людей в канун и в ходе первой русской модернизации, но и то, как происходил процесс восприятия этих влияний, то, как они постепенно меняли образ мысли жителей Московского государства. «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.» Лаппо-Данилевского, в сущности, относится к первым серьезным работам в отечественной историографии, которые позволяют проследить истоки одновременно и русского западничества, и традиционализма. Исследуя образ мысли и мировидение русских людей, изменявшиеся в результате воздействия с Запада и с Востока, Лаппо-Данилевский, можно сказать, реконструировал элементы картины мира переходной эпохи, отраженные в общественной мысли того времени.

¹ См.: Блок М. Феодальное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 77–92.

² Гуревич А.Я. М. Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 195–203.

³ Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 19–20, 26; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс – Академия, 1992. С. 302–337. Слово «менталитет» восходит к латинскому «mens», означаящему «образ мысли», «характер».

⁴ См.: Пушкарев Л.Н. История ментальностей, историческая антропология // Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеобщей истории РАН. Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 255 с.

⁵ См.: Мировосприятие и самосознание русского общества. (XI–XX вв.). Сб. статей. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 3; Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 13; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. С. 15–24; Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб.: Алетейя, 2001. С. 1, 5, 12–17.

⁶ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 15–24; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. С. 22–28.

⁷ См.: Солманидина Н.В. Ключевский как историк российской ментальности. Пенза: ПГУАС, 2007.

⁸ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. Одесса: Гносис, 1919. С. 1–2, 9, 14, 49–60, 93–94.

⁹ Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. СПб.: Алетейя, 1997. С. 26–33, 29.

¹⁰ Гревс И.М. Новый труд по религиозной истории средневековой Италии в русской научной литературе. СПб.: Сенатская типография, 1913. С. 4, 5, 12, 14–15.

¹¹ Гревс И.М. Предисловие к русскому изданию // Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб.: Тип. М.И. Акинфиева, 1907. С. X–XI.

¹² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб.: Издание студенческого издательского комитета при историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Тип. В. Безобразова и К, 1910. Ч. 1. Теория исторического знания. С. 91–111.

¹³ Там же. С. 111. А.С. Лаппо-Данилевский при этом замечает, что законы истории «бесконечно сложнее», чем законы психологии.

¹⁴ Там же. С. 99–101.

¹⁵ Идеи А.С. Лаппо-Данилевский считал первопричиной исторического развития. См.: Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: Искусство – СПб., 2001. С. 102.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Предисл. М.Ю. Сорокиной; подгот. текста М.Ю. Сорокиной у участием К.Ю. Лаппо-Данилевского. Köln; Wiemar; Wien: Bohlau, 2005. С. 83, 170; Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 18–19.

¹⁷ Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке... С. 21, 22, 37, 45.

¹⁸ Там же. С. 88–89, 160–161.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Там же. С. 172. Протестантам, в отличие от католиков, в течение всего XVII в. разрешалось строить свои храмы и проводить богослужения в русских городах.

²¹ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. С. 172–176, 193.

²² Там же. С. 18–19; Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке... С. 83.

²³ Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 279, 281, 250, 674–675.

²⁴ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С. 64–65. С подобным взглядом на «дух протестантизма» трудно согласиться, особенно если учесть точку зрения такого авторитетного исследователя, как М. Вебер, отмечавшего, что Реформация только заменяла прежнее («необременительное») господство католической церкви господством протестантской идеологии – «в высшей степени тягостной и жесткой регламентацией всего поведения, глубоко проникающей во все сферы частной и общественной жизни». М. Вебер отмечал также свойственные протестантизму мирской аскетизм и «отрицание радостей жизни», особенно у пуритан и кальвинистов. См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. 2 изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. С. 20, 22–23.

²⁵ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. С. 18.

²⁶ Там же. С. 174–175, 178, 186–187.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТРАПШ

кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения исторического факультета Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Тел.: 8 (988) 899-24-54; E-mail: tirpizn@sfedu.ru

В статье представлены результаты авторской интерпретации одного из элементов источниковедческой концепции А.С. Лаппо-Данилевского – представления об «источниках смешанного содержания», рациональное использование которого позволяет сформировать новые подходы к изучению истории Западного Кавказа в XIX столетии.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, историография, классификация, источник, познание.

«ИСТОЧНИКИ СМЕШАННОГО ХАРАКТЕРА» В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКА: ОПЫТ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Важнейшей задачей современной науки является творческая интерпретация оригинальных исследовательских идей, предложенных в рамках предшествующей историографической традиции. Подобный подход определяется имманентными свойствами гуманитарного познания, не предполагающего исключительно линейное развитие научного исследования. С определенным логическим упрощением оно может быть представлено как постоянное движение по своеобразному интеллектуальному лабиринту, где непрерывный поиск верного направления часто сопряжен с осознанным возвращением к пройденным коридорам, позволяющим по-новому выстроить навигационную систему и преодолеть наметившиеся затруднения.

Теоретическое источниковедение в XX столетии также оказалось вовлеченным в броуновское движение исследовательских концепций, отличительной особенностью которых было системное усложнение исходного эпистемологического фундамента. Одним из главных направлений соответствующей концептуальной эволюции явилась стремительная дифференциация внутри сложившихся классификационных схем, призванная определить строго индивидуальное место каждого исторического источника, рассматриваемого как уникальное явление человеческой культуры. Трудно отрицать, что любая авторская классификация источниковой базы является самостоятельным эпистемологическим фактором, определяющим реальный характер и объективную динамику исследовательской практики. По справедливому замечанию О.М. Медушевской, «классификация, т.е. деление множества объектов на четкие логические классы, имеет важное значение в науке не только для упорядочения исследуемых данных, но и как познавательное средство выявления их особых черт и свойств»¹. Однако дифференцированные классификационные схемы могут стать своеобразным препятствием для генерализирующего исторического построения, переключая заинтересованное внимание познающего субъекта на последовательную реконструкцию уникальной природы отдельного источника. Не случайно разветвленные модели источниковой классификации практически не используются

в конкретных исследованиях, которые нередко основываются на детальном изучении сотен и тысяч исторических источников, существенно различающихся по внешним признакам и внутренней структуре.

В сложившейся эпистемологической ситуации новое звучание обретают классификационные схемы, предложенные в конце XIX – начале XX столетия. Бинарные модели источниковой классификации, сформулированные Э. Бернгеймом² и А.С. Лаппо-Данилевским³, выйдя нарочито просто на фоне постмодернистского дискурса, но скрывают значительный познавательный потенциал, который может быть востребован современными исследователями. Не случайно соответствующим классификационным оппозициям уделяли особое внимание и М. Блок⁴, разделявший намеренные и ненамеренные источники, и Д. Тош⁵, уделивший значительное место качественному разграничению «первичных» и «вторичных» исторических свидетельств. Значительный интерес представляют и синкретические категории, представляющие отдельный сегмент источниковой классификации и отражающие глубокую общность отдельных памятников предшествующей истории, объединяющих характерные черты различных классификационных групп.

К подобным явлениям в рамках теоретического источниковедения следует отнести и оригинальное представление об «источниках смешанного характера», предложенное Лаппо-Данилевским во второй части фундаментального труда «Методология истории». Характеризуя интеллектуальную основу комплексной дифференциации исторических свидетельств на остатки культуры и исторические предания, выдающийся ученый указывает на принципиальную возможность системной интеграции базовых признаков описываемых групп в фиксированных рамках конкретного материального, письменного или устного памятника. По мнению Лаппо-Данилевского, «легко даже указать на целую группу источников смешанного характера, которые, смотря по задачам исследования, можно признавать или остатками культуры, или историческими преданиями. Дело в том, что среди остатков культуры немало таких, которые хотя и оказываются результатами деятельности

людей данного периода, но создаются и ввиду будущих поколений. Историк может непосредственно судить по ним о тех факторах, которые их вызвали, но вместе с тем должен приписывать им значение исторических преданий, поскольку они, в сущности, уже не представляют только остатки прошлой культуры, но одновременно оказываются и преданиями об исторических фактах, рассчитанными на то, чтобы производить желательное для деятелей данного времени впечатление на их современников или потомство. К таким смешанным источникам можно причислить, например, прозвища царей и других лиц, монументы или медали в честь деятелей и событий, описания торжеств»⁶. Как представляется, достаточно лаконичное описание имеет прямое отношение к целому ряду фундаментальных проблем не только теоретического источниковедения, но и всей исторической науки и гуманитарного знания. В частности, оно отчетливо выделяет то существенное обстоятельство, что любой нарративный источник имеет смешанный характер, так как известный или анонимный автор рационально или бессознательно стремится апеллировать не только к понимающим современникам, но и к заинтересованным потомкам. Сохраняя материальную форму и текстологические особенности определенной эпохи, рассматриваемый вид письменных свидетельств в других аспектах намного ближе к историческому преданию, чем к реальному остатку древней культуры. В контексте указанного обстоятельства следует признать, что критический анализ нарративных источников, которые в наибольшей степени являются «реализованным продуктом человеческой психики», является актуальной задачей и для современного исследователя. Более того, аналогичный вывод может быть сделан и применительно к другой бинарной классификации Лаппо-Данилевского, в рамках которой исторический нарратив в большинстве случаев может быть отнесен к обширной группе письменных свидетельств, «обозначающих факт». Эмпирическая реконструкция, являющаяся принципиальным фундаментом последующего индивидуализирующего или генерализирующего построения, в данном случае также встречает существенные затруднения, связанные с адекватным и последовательным восстановлением реального образа изучаемого феномена в индивидуальном восприятии профессионального исследователя.

Лаппо-Данилевский обоснованно выделяет двойственную природу материальных памятников, неразрывно связанных с определенными событиями или явлениями, зафиксированными в исторической памяти. Действительно, Бехистунская надпись, фресковая живопись Софийского собора в Киеве или юбилейные ветеранские медали Великой Отечественной войны органично интегрируют имманентные черты сохраненного остатка конкретной культуры и исторического предания, сформированного синхронно или последовательно в индивидуальном и массовом сознании. Но исследовательский опыт, накопленный за прошедшее столетие, может существенно расширить реальный круг разнообразных источников, имеющих смешанный характер и двойственную природу. Традиционной проблемой для отдельных хронологических периодов и локальных социальных систем является адекватная дифференциация источникового знания и историографической традиции, выступающих в естественно сформировавшемся неразрывном единстве. В частности, в отечественной науке до настоящего времени нет единого представления о реальном соотношении указанных элементов в нарративных памятниках русского Средневековья, начиная с первоначальных летописных сводов. По-видимому, данная проблема происходит из несколько искусственного разделения ключевых понятий «историографический источник» и «исторический источник», традиционно существующего в исследовательской практике отечественных ученых.

Следует признать, что научная актуализация особой категории нарративных свидетельств, возникающих в рамках историописательной деятельности, неразрывно связана с советской познавательной парадигмой, абсолютизированной в рамках специфической интерпретации марксистской историософии многие значимые феномены

Нового времени. Одним из таких фундаментальных явлений, безусловно, являлось последовательное формирование профессиональной историографии, а следовательно, и определенной традиции последующего изучения соответствующих результатов интеллектуального поиска. Реальное многообразие исследовательских представлений об объективной природе «историографического источника», сложившихся в советской и современной науке, представлено в фундаментальной статье Г.М. Ипполитова⁷, а потому, не останавливаясь на подробном разборе авторских концепций, можно выделить только наиболее важные детали. Как представляется, принципиальное обособление соответствующих свидетельств адекватно только применительно к полностью обособленному профессиональному историописанию, отличительные черты которого имеют условный характер даже на современном этапе, не говоря уже о Новом времени. Более того, комплексная реконструкция системного развития исторической науки немыслима без осознанного привлечения широкой источниковой базы, генетически не связанной с научным творчеством конкретных исследователей. В частности, важнейшим элементом, непосредственно влияющим на последовательный генезис авторского мировоззрения, является социокультурная среда, в которой он формировался как самостоятельная личность. Органичная характеристика указанного явления может быть получена только посредством всестороннего изучения разнообразных исторических свидетельств, которые далеко не всегда будут иметь нарративный облик. Следовательно, в сложившихся условиях исследовательский концепт «историографический источник» заведомо ограничивает реальное поле исторической деятельности, приходя в объективное противоречие с доминирующими междисциплинарными подходами. Необходимо отметить также и то существенное обстоятельство, что подобная локализация источниковой основы для комплексного исследования предшествующего развития исторической науки совершенно не свойственна зарубежной эпистемологической традиции, которая и до постмодернистской эпохи воздерживалась от системного обособления соответствующей познавательной практики.

Искусственное разделение используемых источников приводит и к необоснованной дифференциации исторических исследований от других видов нарративных свидетельств, характеризующих определенную эпоху. Однако указанное противоречие может быть успешно разрешено при творческом использовании фундаментальных теоретических идей Лаппо-Данилевского, характеризующих системное взаимодействие отдельных источниковых групп. В контексте современных текстологических представлений, сформированных постмодернистской интеллектуальной парадигмой, следует признать, что нарративные памятники фактически являются теми самыми «источниками смешанного характера», выделенными из общего спектра выдающихся отечественным исследователем. Действительно, любой нарратив является неотъемлемым «остатком» конкретной культуры и одновременно историческим преданием, которое может повествовать как о синхронных явлениях, так и о предшествующих событиях. В частности, «Скифская история» Андрея Лызлова является характерным фрагментом отечественной книжной культуры второй половины XVII столетия, отражающим не только естественные особенности литературного языка и соответствующей графики кирилловского письма, но и в определенном смысле общественно-политические отношения переходной эпохи от латентного самовластия Алексея Михайловича к «регулярному государству» Петровской эпохи. Вместе с тем она может рассматриваться как полноценное историческое предание, применительно к многообразным событиям и явлениям, нижняя хронологическая граница которых находится в рамках поздней античности. С другой стороны, нарративный источник может одновременно играть «изображающую» и «обозначающую» роль по отношению к отдельным фактам, реконструируемым из текстовой структуры. Широко известное «Сказание о князьях вла-

димирских» в своеобразном стиле интерпретирует умело подобранные факты всемирной и российской истории, характеризующие загадочное появление и последующую противоречивую эволюцию правящей династии Рюриковичей. Одновременно оригинальный интеллектуальный подтекст оценочных суждений изображает жесткую идеологическую борьбу внутри правящей элиты Московского государства, связанную с постепенным утверждением самодержавной власти великих князей, побеждающих в ожесточенном противостоянии генетически родственных семей. Аналогичным образом двойственный характер может быть выявлен у других нарративных источников, которые во многих случаях являются и несомненными элементами историографической традиции.

Рассматриваемый источниковедческий концепт, связанный со смешанным характером отдельных групп исторических свидетельств, может быть применен и в контексте комплексного решения более масштабных исследовательских задач. Обратившись к яркой и динамичной истории Западного Кавказа в XIX столетии, современный исследователь сталкивается с достаточно произвольной дифференциацией нарративных памятников, созданных в указанный период. В частности, этнографические нарративы кубанского краеведа А.Н. Дьячкова-Тарасова⁸ и аналитические обзоры кадрового офицера и известного путешественника А.В. Верещагина⁹ традиционно рассматриваются как неотъемлемый элемент историографической традиции, хотя они в полной мере являются классическими источниками личного происхождения, созданными непосредственными участниками большинства описываемых событий. Аналогичным образом обстоятельные труды английских разведчиков Дж. Белла «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов»¹⁰ и Дж.А. Лонгворта «Год среди черкесов»¹¹, равно как и пространное сочинение польского авантюриста Т. Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских»¹², отечественные исследователи неизменно относят к повествовательным историческим свидетельствам, фактически игнорируя присутствующие в указанных текстах концептуальные обобщения, относящиеся к предшествующим периодам эволюционного развития адыгских горских сообществ. Как представляется, перечисленные нарративы могут быть охарактеризованы как «источники смешанного характера», органично интегрирующие в собственном содержании важнейшие элементы синхронных памятников региональной культуры и историографической традиции, формирующей своеобразную интерпретацию рассматриваемой переломной эпохи. В определенном смысле рассматриваемые исторические комплексы, дифференцированные по хронологическому и тематическому принципам, могут быть охарактеризованы как нарративные историописательные концепции, интегрированные в идейном и методологическом измерении. В целом необходимо признать, что системное применение классификационной категории «источники смешанного характера» в комплексном исследовании

локальной истории Западного Кавказа позволяет избежать надуманной дифференциации привлекаемых свидетельств, а также придать новый эпистемологический импульс структурному и содержательному исследованию соответствующих текстов.

Однако в рамках творческой практической интерпретации фундаментальных идей источниковедческой концепции Лаппо-Данилевского, равно как любой другой теоретической модели подобного уровня, следует избегать механистической интеграции разнородных исторических свидетельств, обладающих определенным лексическим, синтаксическим и эмпирическим единством. В частности, далеко не каждый этнографический и военный нарратив, созданный на Западном Кавказе в XIX столетии, может рассматриваться как своеобразный «источник смешанного характера». В качестве противоположных примеров могут быть привлечены две интересные работы, созданные одним автором, видным представителем кавказской имперской администрации К.А. Бороздиным¹³. Первый из указанных трудов посвящен известному десанту Омер-паши, высадившемуся на черноморском побережье Западного Кавказа в ходе Крымской войны¹⁴. Он может рассматриваться как классический пример источника личного происхождения, в котором заинтересованный современник с последовательностью средневекового летописца зафиксировал наблюдаемые события. Другой упомянутый труд К.А. Бороздина – «Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год» – не просто содержит умело структурированные и достаточно интересные исторические факты, оформившиеся при непосредственном авторском наблюдении, но и глубокие обобщения, охватывающие предшествующее и современное развитие избранного региона¹⁵. Несомненная стилистическая и эмпирическая близость указанных работ, определяемая единым авторством, не дает объективных оснований для последовательного признания обоих текстов «источниками смешанного характера», к числу которых может быть отнесен только второй нарративный памятник.

В целом необходимо признать, что значительным эпистемологическим потенциалом обладает не только интегрированная источниковедческая концепция Лаппо-Данилевского, но и отдельные элементы соответствующих теоретических построений выдающегося историка. Рассмотренная классификационная категория «источники смешанного характера» позволяет адекватно интегрировать различные видовые группы привлекаемых исторических свидетельств, что определяет принципиальную смысловую и структурную органичность последующего концептуального обобщения. Подобный подход представляется возможным в контексте одной из принципиальных идей Лаппо-Данилевского, согласно которой «...можно систематизировать исторические источники с весьма различных точек зрения, в зависимости от целей исследования. Самая общая из них состоит в том, чтобы ценить исторические источники по их значению для исторического познания»¹⁶.

¹ Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. С. 74.

² Бернгейм Э. Введение в историческую науку. М., 2011.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006.

⁴ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

⁵ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 300.

⁷ Ипполитов Г.М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 1. Т. 15.

⁸ См. например, Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи. Историко-этнографический очерк // Записки Кавказского отделения императорского Русского географического общества. 1902. Кн. XII. Вып. IV; Он же. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Записки Кавказского отделения императорского Русского географического общества. 1910. Т. XX. Вып. I; Он же. Гагры и их окрестности // Записки Кавказского отделения императорского Русского географического общества. 1903. Кн. XXIV. Вып. 1; Он же. Несколько слов о заселении Цебельды // Кавказ 1868. № 129.

⁹ См., например, Верещагин А.В. Влияние сухопутных и морских сообщений на колонизацию и развитие Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1885; Его же. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и его результат. СПб., 1885; Его же. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1878; Его же. Обзор Черноморского побережья Кавказа в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1885; Его же. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874.

¹⁰ Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик, 2007. Т. 1–2.

¹¹ Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. В 2 т. / Пер. с англ. В.М. Аталикова. Нальчик, 2002.

¹² Лапинский Теофил (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. с нем. В.К. Гарданова. Нальчик, 1995. Т. 1–2.

¹³ Бороздин К.А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. СПб., 1885; Бороздин К.А. Омер-паша в Мингрелии. (Рассказ очевидца) // Военный сборник. 1875. № 5.

¹⁴ Бороздин К.А. Омер-паша в Мингрелии.

¹⁵ Бороздин К.А. Закавказские воспоминания.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 295.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЦАМУТАЛИ

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

В статье рассматриваются взаимоотношения историка А.С. Лаппо-Данилевского с его коллегами и учениками, в значительной мере обусловленные его сложной личностью, вызывавшей у одних симпатию, в других антипатию.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, Российская академия наук, Санкт-Петербургский (Петроградский) университет, русская историография, теория, методология, философия.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В КРУГУ ИСТОРИКОВ-СОВРЕМЕННОКОВ

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1868–1919) в истории русской исторической науки занял не только значительное, но и в какой-то мере особое место! Причиной тому, помимо выдающихся способностей, оригинальности философских и исторических взглядов, неординарных приемов и методов, отличавших его преподавательскую и научную деятельность, был также сложный характер, влиявший на взаимоотношения с коллегами.

В среде ученых, как и в кругу людей других творческих профессий, непростые личные отношения не редкость. Они имели место и в среде петербургских, так же как и московских, как и вообще русских историков.

А.Е. Пресняков, в 1889 г. поступивший в Петербургский университет, по мере того как знакомился с профессорами и преподавателями, все чаще сталкивался с тем, что в университетской, вообще в ученой среде есть свои неформальные группы, с тем, что у его старших коллег есть свои симпатии и антипатии. В своих письмах к родным, сначала к матери, а затем к Юлии Петровне Кимонт, которая стала его невестой, а затем и женой, наряду с другими темами присутствовала и такая, как наличие неформальных взаимоотношений между коллегами.

В частности, в письме к матери от 22 мая 1894 г. А.Е. Пресняков описывал банкет, устроенный на квартире Г.В. Форстена после защиты им докторской диссертации. «Собравшиеся сначала разговаривали, разделившись на кружки», – писал А.Е. Пресняков и продолжал: «До смешного делились на партии. В зале сидел [Н.И.] Кареев с 2–3 неуниверситетскими, в кабинете – в одном углу – [С.Ф.] Платонов с членами кружка “русских историков”, в другом – [И.М.] Гревс со стариками». А.С. Лаппо-Данилевский (обратим на это внимание) «держался больше студентов». В ответ на недоуменный вопрос А.Е. Преснякова, по какому принципу гости разделились таким образом, С.Ф. Платонов дал свои объяснения. По словам С.Ф. Платонова, «кружки», его и А.С. Лаппо-Данилевского, «различаются двумя признаками: те – дворяне, по воспитанию – с хорошим домашним дворянским воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждениям и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических знаний, в которые догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям». Заметим, что в кабинете у Г.В. Форстена, как на то обратил внимание А.Е. Пресняков, А.С. Лаппо-Данилевский «держался студентов». С.Ф. Платонов же, характеризуя коллег, близких к А.С. Лаппо-Данилевскому, заговорил не о тех, кто на банкете у Г.В. Форстена сидел рядом с А.С. Лаппо-Данилевским. Скорее всего С.Ф. Платонов имел в виду тех, кто в повседневной жизни был ближе к А.С. Лаппо-Данилевскому, прежде всего по сословному происхождению и по общности политических взглядов.

В пересказе А.Е. Преснякова свое окружение С.Ф. Платонов охарактеризовал следующим образом: «Плато-

новцы – разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только личной дружбой, а не каким-нибудь обществом связанные между собою. По характеру ума они скептики, недовольные ныне господствующими порядками не менее тех, они не видят средств бороться и переносят их по внешности равнодушно, делая свое ученое и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя и непрямого согласия с собой и спокойно относясь к противоречиям и к противоположным убеждениям, даже малосимпатичным.

Они не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их, попытки сближения были и кончились обидами для них же»¹.

Приведенные выше выдержки из письма А.Е. Преснякова к матери были уже процитированы и комментированы в трудах историков. Со своей стороны заметим, что С.Ф. Платонов излагает свою точку зрения на взгляды, прежде всего политические взгляды, коллег, с которыми был близок А.С. Лаппо-Данилевский в середине 1890-х гг. Можно предположить, что со временем свойственная С.Ф. Платонову острота неприязни к «дворянам с хорошим домашним воспитанием» сгладилась. Он сам достиг и высоких должностей и чинов, и близости к высшим сферам. Во всяком случае, в материалах сфальсифицированного ОГПУ «Академического дела» С.Ф. Платонов фигурирует как «быв[ший] дворянин и тайный советник, быв[ший] преподаватель членов царствующего дома» и т.д.² Тем не менее, мягко говоря, сложные отношения между С.Ф. Платоновым и А.С. Лаппо-Данилевским с разной степенью напряженности будут сохраняться до самой смерти второго в 1919 г. Многочисленные тому свидетельства – записи в дневнике, который вела Н.Н. Платонова (урожденная Шамонина, жена С.Ф. Платонова). В нем мы видим и сетования по поводу того, что А.С. Лаппо-Данилевский в 1891 г. перестает посещать Кружок русских историков, и мнения третьих лиц, недоброжелательно отзывавшихся то о речи А.С. Лаппо-Данилевского на магистерском диспуте С.С. Середонина, то о его сближении с кружком С.Ф. Ольденбурга³. 3 июня 1892 г. Н.Н. Платонова делает запись о том, что накануне, «гуляя с [Сергеем] [Федоровичем] по лесу», они «много говорили об этом кружке, об [С.Ф.] Ольденбурге, [И.М.] Гревсе, [А.С.] Лаппо-Данилевском». «Я всегда с чувством грусти и обиды думаю о них, особенно о Лаппо-Данилевском, какие хорошие отношения были у нас с ним раньше и как он теперь порвал их, без всякого повода с нашей стороны»⁴, – пишет Н.Н. Платонова. Опускаем ее дальнейшие, весьма горькие слова, высказанные о А.С. Лаппо-Данилевском. На протяжении многих лет, как сказано выше, разного рода упоминания и суждения, связанные с именем А.С. Лаппо-Данилевского, будут появляться на страницах дневника Н.Н. Платоновой.

Некоторые из них еще будут приведены ниже, пока же заметим, что отношение к А.С. Лаппо-Данилевскому было сложным, часто недоброжелательным. Тем не менее авторитет А.С. Лаппо-Данилевского и как ученого, и как преподавателя в определенных научных кругах был высок, и в его адрес раздавались и одобрительные голоса.

Так, в 1915 г. в связи с 25-летием ученой деятельности А.С. Лаппо-Данилевского попытался постигнуть «дух» его философских воззрений Т. И. Райнов⁵. Тогда же Н.Д. Кондратьев посвятил свою юбилейную статью теории истории А.С. Лаппо-Данилевского⁶. Не вдаваясь в подробный разбор этих статей, обратим внимание лишь на то, что, по мнению Т.И. Райнова, А.С. Лаппо-Данилевскому, человеку «с истинно “ученым” воспитанием», была свойственна «антипатия ко всякой догматической канонизации», способность «не творить себе кумира из своих взглядов»⁷. Коснулся Т.И. Райнов и значения семинара методологии истории, который вел в университете А.С. Лаппо-Данилевский. При этом он отметил присущее А.С. Лаппо-Данилевскому свойство чрезвычайной «интеллектуальной честности», умение «мнения свои» высказывать всегда «с крайней осторожностью, точно, ясно и соразмерно с качеством и степенью оправдывающих мотивов». «Его мысль всегда открыта, подчиняя себе “форму” и с какою-то бесстрашной и всепобеждающей искренностью идя прямо к цели, не заботясь о том, что иногда при этом приходится “ворочать камнями” слова...», – писал Т.И. Райнов и продолжал: «Он говорит, как пишет, – заботясь о внутренней стройности, строгости и четкости мысли, меньше об ее внешней красоте»⁸.

Отметив еще ряд особенностей А.С. Лаппо-Данилевского как ученого и руководителя семинара, Т.И. Райнов писал о его влиянии на учеников и подводил итог о значении семинара словами, выделенными курсивом: «Для многих участие в нем было и остается настоящей эпохой в умственном, в частности – в научном их развитии и созревании». Упомянув о благодарном отношении к А.С. Лаппо-Данилевскому со стороны бывших и настоящих учеников, вспоминая о своем ученичестве «с благодарностью, теплотой и искренним уважением к личности учителя», Т. И. Райнов завершал статью словами из письма одного из учеников А.С. Лаппо-Данилевского, находившегося «на войне», писавшего «с трогательной искренностью: “с каким бы наслаждением сидел я сейчас <...> в нашем уютном семинаре и смотрел на нашего maitre’a. Увы! все это так далеко...”»⁹.

Таким было отношение к А.С. Лаппо-Данилевскому со стороны учеников. Близки к этому были и чувства коллег, понимавших А.С. Лаппо-Данилевского, разделявших его взгляды полностью или частично. А.С. Лаппо-Данилевский, хотя и не слушал лекций К.Н. Бестужева-Рюмина, ощущал доброе к себе отношение с его стороны. В начале своей ученой карьеры А.С. Лаппо-Данилевский постоянно получал поддержку со стороны В.Г. Васильевского. Впрочем, В.Г. Васильевский опекал и С.Ф. Платонова, с которым у А.С. Лаппо-Данилевского, как мы уже знаем, были непростые отношения. Многочисленные свидетельства тому встречаются на страницах дневника Н.Н. Платоновой. В обстоятельной статье, написанной Е.А. Ростовцевым, содержится подробный анализ дневника Н.Н. Платоновой, прослежены, в частности, сложные взаимоотношения между А.С. Лаппо-Данилевским и четой Платоновых¹⁰. Критикуя в январе 1916 г. «воротил» и «главарей» Академии наук (Л.Я. Штернберга, В.В. Радлова, А.А. Шахматова), Н.Н. Платонова заодно восклицает: «Что сделали для науки Ольденбург и Лаппо-Данилевский? А ведь с ними с обоими как носил Васильевский»¹¹.

Среди занимающих в дневнике большое место размышлений о А.С. Лаппо-Данилевском, вызванных его смертью, воспоминания о том, как «покойный когда-то бывал» у Платоновых «вместе с другими русскими историками». Н.Н. Платонова пишет, что помнит «его молодым, живым, иногда даже веселым». Но вскоре «знакомство кончилось»¹². При этом Н.Н. Платонова даже упрекает Лаппо-Данилевского в том, что «он держался так вызывающе, с такой заносчивостью», с ней «позволил себе

быть таким невежливым, что С[ергей] Ф[едорович] стал держаться от него очень далеко», а она «перестала подавать ему руку, ограничиваясь кивком головы». Н.Н. Платонова ссылается далее на М.И. Ростовцева и Е.В. Тарле, которые, по ее словам, говорили о сложных отношениях с Лаппо-Данилевским.

Н.Н. Платонова в дневнике пишет и об обострении сложных взаимоотношений А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова при создании в 1894 г. под руководством первого и при поддержке В. Г. Васильевского студенческого научно-литературного общества. На первое заседание этого общества С.Ф. Платонов не пришел. Осуждает Н.Н. Платонова и помощь со стороны В. Г. Васильевского при избрании А.С. Лаппо-Данилевского в Академию наук, как она полагала, в обход С.Ф. Платонова¹³. Как замечает Е. А. Ростовцев, Н.Н. Платонова «так и не смогла простить своим оппонентам из либерального лагеря обид прошлого», она «вновь и вновь возвращается в дневнике к оценке А.С. Лаппо-Данилевского, переноса пафос своего критического отношения к отцу на его детей, и, прежде всего, известного математика Ивана Александровича Лаппо-Данилевского»¹⁴.

Натянутые личные отношения тем не менее не мешали ни А.С. Лаппо-Данилевскому, ни С.Ф. Платонову совместно вести научную и преподавательскую работу. Несмотря на свою замкнутость, А.С. Лаппо-Данилевский приобрел прочное положение в ученой среде. Как писал А.Е. Пресняков, имея в виду особенности характера А.С. Лаппо-Данилевского, «при всем том, ему выпало на долю раннее признание». Это выразилось в том, что «в профессорской среде», по словам А.Е. Преснякова, начало его преподавания было встречено оценкой, «упредившей образование отзывчивой студенческой аудитории». Что же касается студентов, то те из них, кто учился у А.С. Лаппо-Данилевского, как видно из приведенных в начале выдержек из статьи Т.И. Райнова, оказались благодарными и отзывчивыми учениками. А.Е. Пресняков обращает внимание и на то, что еще в начале преподавательской деятельности А.С. Лаппо-Данилевский на историко-филологическом факультете его оценил и С.Ф. Платонов. «В те годы проф. С.Ф. Платонов уже советовал своим ученикам, в ряду указаний, как заниматься: “слушайте доцента Лаппо-Данилевского”», – писал А.Е. Пресняков¹⁵.

Выше были приведены высказывания тех, кто критически относился к А.С. Лаппо-Данилевскому, даже, как Н.Н. Платонова, к его памяти. Надо сказать, что было и другое отношение к памяти этого незаурядного ученого. Тому одним из свидетельств была посвященная памяти А.С. Лаппо-Данилевского книга 6-я «Русского исторического журнала» за 1920 год. Вслед за публикацией рукописи предназначавшегося для английского издания «Очерка развития русской историографии»¹⁶ шли статьи, посвященные самому А.С. Лаппо-Данилевскому. К сожалению, в рамках настоящей статьи можно лишь несколькими штрихами охарактеризовать эти крайне интересные, содержательные, а главное, проникнутые глубоким уважением к личности и трудам А.С. Лаппо-Данилевского и глубокой скорбью в связи с его кончиной.

Верные ученики А.С. Лаппо-Данилевского А.А. Шилов и А.И. Андреев опубликовали составленный ими список трудов покойного Учителя¹⁷.

Друг и коллега А.С. Лаппо-Данилевского И.М. Гревс представил, как он сам уточнил, «расширенный текст речи, посвященной памяти скончавшегося, сказанной на собрании, устроенном Российской Академией наук...» и озаглавленный «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души)»¹⁸. Из этого интереснейшего и глубокого очерка приведем лишь то место, где И.М. Гревс отвечает тем, кто упрекал А.С. Лаппо-Данилевского в «чрезмерном самолюбии». «А[лександра] С[ергеевича] любили не многие, не любили, пожалуй, многие, но за что? Обвиняли его в безмерном самолюбии», – писал И.М. Гревс и продолжал: «Но самолюбие это вытекало именно из большой строгости к себе. Оно протестовало против задевания другими очень наболевших от самокритики мест при постоянно мучительном стремлении к самосовершенствованию под

давлением высокого нравственного самоопределения при установлении горизонта «обязанностей». Самолюбие было у А.С. отзвуком неослабевающего стремления все вперед и ввысь. <...> Во всяком случае от трудных своих свойств больше всего страдал сам А.С. Кто умел его понять и почувствовать, тот проникался к нему настоящим уважением и симпатией, стремился сблизиться, наслаждался общением. Замечательно было в нем чувство правды, превращавшейся в безукоризненную правдивость, как свойство характера и полное отсутствие фразы. Говорить правдиво ему часто было нелегко именно в силу его необычайной замкнутости, отсутствия экспансивности: но он постоянно держался правила искренне высказывать свое мнение и в общих вопросах и в частных случаях. Может быть, это и делало его неприятным в глазах других: мы обыкновенно не любим правды, особенно, когда она высказывается о нас. Но зато, когда это узнавалось и уразумевалось людьми, также стремящимися к правде. Сколько тут открывалось нравственной прелести, какая великая ценность, опора в душевном подъеме!»¹⁹

А.Е. Пресняков, ученик С.Ф. Платонова, вместе с тем учившийся и у Г.В. Форстена, и у А.С. Лаппо-Данилевского, написал в «Русском историческом журнале» две статьи, в основе которых были доклады, прочитанные на заседаниях, посвященных памяти А.С. Лаппо-Данилевского²⁰. Он также написал и издал в 1920 г. книгу о А.С. Лаппо-Данилевском, в которой не только использовал материал этих статей, но и внес существенные дополнения²¹. То, что написал А.Е. Пресняков о А.С. Лаппо-Данилевском, можно было рассмотреть в специальном исследовании, настолько глубоко и ярко был раскрыт в ней образ А.С. Лаппо-Данилевского. В настоящем очерке приведем лишь некоторые суждения А.Е. Преснякова.

А.Е. Пресняков подчеркивал, что главное, над чем работал А.С. Лаппо-Данилевский, была история России. Он писал: «[Александр] [Сергеевич] избрал делом своей жизни определенную научную специальность русскую историю, но он подходил к ней со сложными теоретическими запросами и такими требованиями систематической полноты изучения и безусловной до конца обоснованной достоверности, что радость все ширящегося изучения исторической жизни и постепенного воскрешения прошлого в новых о нем представлениях была отравлена строгим сознанием относительности и неполноты постижения»²². А.Е. Пресняков отмечал, что деятельность А.С. Лаппо-Данилевского была построена на «глубокой этической основе». «Строгая методичность, отчетливая осознанность и критическая проверка каждого шага ученой работы – не только технический принцип науки, но и нравственный долг исследователя»²³, – такими в интерпретации А.Е. Преснякова были принципы, на которых строил свою работу А.С. Лаппо-Данилевский.

Представляется, что А.Е. Пресняков сумел чутко уловить неспособность хрупкой и ранимой личности А.С. Лаппо-Данилевского выжить в условиях трагической ломки, охватившей тот мир, в котором он жил. Пресняков писал: «Буря революции не вывела А.С. Лаппо-Данилевского из научной, академической сферы. Но крайне тягостно переживал он распад той культуры, которая его вскормила, и подрыв многого в той традиции, которая, при всей ее исторической условности, была носительницей дорогих ему абсолютных ценностей. И когда заболевание, казавшееся случайным и не грозным, унесло из жизни (7 февраля (ст.ст.) 1919 г.), у близко его знавших осталось смутное чувство связи этой безвременной кончины с историческим моментом. Носитель глубоких культурных традиций не вынес их трагической ломки»²⁴.

Приведенная выше цитата взята из книги А.Е. Преснякова об А.С. Лаппо-Данилевском. Заметим, что она

представляет собой концентрацию мыслей, ранее сформулированных в докладе 1919 г. и написанной на основе этого доклада упомянутой выше статьи «А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель». В книге 1922 г. А.Е. Пресняков, безусловно, передал общий тон и смысл рассуждений, содержащихся в докладе 1919 г. и статье 1920 г. Вместе с тем кажется не лишним воспроизвести несколько заключительных строк из этой статьи 1920 г.: «Носитель и деятель старой зрелой культуры А.С. сошел с жизненной сцены в минуту ее глубокого кризиса. И невольно думается, что при всей безвременности и жуткой роковой случайности этой кончины, есть в ней трагическое соответствие историческому моменту, переживаемому нашей родиной вместе с цивилизованным миром. Этот момент не только кризиса, но прямого распада старой культуры, распада в смысле гибели иных ее ценностей, изживших по содержанию или по форме воплощения, а кризиса в смысле испытания и отбора ее наиболее жизнеспособных факторов и элементов. Среди последних на первом месте, конечно, основы научной культуры. Все минется, одна правда останется. Служение А.С. Лаппо-Данилевского было служением неустрашимой “абсолютной ценности”, которая выдержит всякий кризис и даст, по существу, выход из всякого распада временных и относительных исторических форм, к строению новой дальнейшей жизни. Но сам он крайне тягостно переживал распад той культуры, которая его вскормила, и ушел из жизни в такой момент, когда был особенно необходим тем, кто был с ним связан общим, насущным делом. И невольно думается в горьком сожалении, что Александр Сергеевич пал жертвой не столько роковой болезни или медицинского промаха, сколько трагедии “вишневого сада” старой русской культуры»²⁵.

«Буря революции» (по выражению А.Е. Преснякова) была не только «трагедией “вишневого сада” русской культуры», она ломала и принятые ранее традиции. Н.Н. Платонова записала в дневнике, что на панихиду у гроба А.С. Лаппо-Данилевского, назначенную «в 4 часа дня», «пришло много академиков и профессоров». Пришел и С.Ф. Платонов, «ждал 1/2 часа, панихиды все не было, он ушел». «Пресняков ждал до 5 часов и тоже ушел, ничего не дождавшись, потом оказалось, что священник, который должен был служить панихиду, был внезапно схвачен и отправлен на принудительные работы и другого не сразу нашли», – записала Н.Н. Платонова и добавила: «Так мы и не знаем, состоялась ли эта панихида»²⁶.

Такие неурядицы, как не начатая вовремя панихида, конечно, накладывали свой отпечаток на скорбное настроение тех, кто рассматривал смерть А.С. Лаппо-Данилевского как тяжелую утрату. Вместе с тем коллеги и ученики безвременно ушедшего ученого по мере сил постарались воздать должное его ученым заслугам и личным качествам. Данью памяти А.С. Лаппо-Данилевского была уже несколько раз упомянутая 6-я книга «Русского исторического журнала». Кроме упомянутых выше статей в ней были еще статьи Н.И. Кареева²⁷ о историко-теоретических взглядах А.С. Лаппо-Данилевского и статья С.Ф. Ольденбурга²⁸ о работе А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук. Особое место заняли проникнутые уважением, теплотой и любовью и представленные в различных жанрах публикации представителей младшего поколения петербургских ученых С.Н. Валка²⁹, Б.А. Романова³⁰, В.И. Веретенникова³¹.

Спустя многие годы со дня смерти А.С. Лаппо-Данилевского слова уважения и благодарности к нему, как представляется автору настоящего очерка, в большей мере влияют на тот образ ученого, который складывается после знакомства с различными материалами, посвященными его памяти.

¹ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 133.

² Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфальсифицированного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 3.

³ См.: *Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // *Времена и судьбы.* сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 285–288.

- ⁴ Там же. С. 288.
- ⁵ Райнов Т. И. О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского. (К 25-летию ученой деятельности) // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Март. С. 44–57.
- ⁶ Кондратьев Н. Д. Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского. К 25-летию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 105–124.
- ⁷ Райнов Т.И. Указ. соч. С. 44.
- ⁸ Там же. С. 56.
- ⁹ Там же. С. 37.
- ¹⁰ Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 270–318.
- ¹¹ Там же. С. 299.
- ¹² Там же. С. 294.
- ¹³ Там же. С. 296.
- ¹⁴ Там же. С. 315.
- ¹⁵ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 28.
- ¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5–22.
- ¹⁷ Шилов А. А., Андреев А. И. Список трудов А.С. Лаппо-Данилевского // Там же. С. 29–43.
- ¹⁸ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. (Опыт истолкования души) // Там же. С. 44–81.
- ¹⁹ Там же. С. 66.
- ²⁰ Пресняков А.Е. 1) А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Там же. С. 82–96; 2) Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Там же. С. 97–111.
- ²¹ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пб., 1922. 94 с.
- ²² Там же. С. 47.
- ²³ Там же. С. 63.
- ²⁴ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 44–45.
- ²⁵ Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель. С. 96.
- ²⁶ Цит. по: Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки... С. 294.
- ²⁷ Кареев Н. И. Историко-теоретические взгляды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 112–131.
- ²⁸ Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // Там же. С. 164–180.
- ²⁹ Валк С.Н. Воспоминания ученика // Там же. С. 180–199.
- ³⁰ Романов Б.А. А.С. Лаппо-Данилевский в Университете (Две речи) // Там же. С. 189–199.
- ³¹ Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // Там же. С. 200–206.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧЕРНОБАЕВ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, главный редактор журнала «Исторический архив» (Москва)

Тел.: (495)692-77-20; E-mail:aa-istorik@yandex.ru

Автор анализирует российскую историографию, в том числе новейшую (1990–2000-х гг.) об А.С. Лаппо-Данилевском. Основное внимание уделено новым подходам в освещении вклада ученого в разработку проблем отечественной истории и методологии исторического познания.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, история, историография, методология истории.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Уважаемый коллеги! Прежде всего, хочу выразить благодарность оргкомитету конференции за приглашение принять в ней участие. И дело не только в том, что этот представительный форум посвящен 150-летию со дня рождения выдающегося русского ученого Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, что, конечно же, главное. Но важно еще и то, что здесь собрались историки, философы, социологи, которые внесли и вносят посильный вклад в изучение жизни и творчества юбиляра, других актуальных проблем современного обществоведения, и тем самым все мы имеем возможность выслушать друг друга, обменяться информацией, ближе познакомиться, что позволит, как я надеюсь, подвести определенные итоги сделанному за последнюю четверть века и успешно продолжить нашу исследовательскую работу.

На конференции уже не раз отмечалось, что в новейшей исторической (и не только) литературе, под которой я подразумеваю период с начала 1990-х гг. по настоящее время, резко возрос интерес к творческому наследию Лаппо-Данилевского, чего не было в советской историографии. Оправдалось предвидение вдовы ученого, Елены Дмитриевны, написавшей в 1940 г. в одном из писем хорошо знакомому ей ученику Александру Сергеевичу, известному историку Александру Игнатьевичу Андрееву: в душе теплится «маленькая надежда, что, может быть, это не смерть, а только временный плен его мысли»¹. Сегодня мы видим, что так оно и произошло, «временный

плен мысли» Лаппо-Данилевского ушел в прошлое, о чем свидетельствует и настоящая конференция.

Оценки вклада Лаппо-Данилевского в отечественную историческую науку не были однозначны ни в дореволюционной, ни в советской историографии. О первой из них, т.е. о дореволюционной историографии, посвященной Лаппо-Данилевскому, я дважды выступал с докладами на всероссийских научно-практических конференциях в Нижнем Новгороде в 1996 и 1997 гг.², где, кстати говоря, под руководством А.А. Кулакова, выпускника истфака ЛГУ, сформировалась историческая школа в области историографии, подготовлено немало квалифицированных историографов, проводятся всероссийские конференции по проблемам методологии и историографии.

Основной мой вывод применительно к оценке творчества Лаппо-Данилевского в литературе конца XIX – начала XX в. состоял в том, что при всех различиях его исторические работы сразу после выхода в свет вызвали пристальное внимание научной общественности. Так, П.Н. Милюков в рецензии на монографию Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (СПб., 1890) писал, что этот труд «представляет достоинства, которые не часто приходится встречать в нашей ученой литературе»³. С рецензиями на книгу выступили также М.А. Дьяконов, Н.И. Кареев и С.Ф. Платонов, В.А. Мякотин, В.Н. Сторожев, Н.Д. Чечулин. Подвергнув критике спорные моменты в теоретических кон-

струкциях автора, определенный формализм в его подходе к анализу конкретно-исторического материала, они единодушно отмечали значительный вклад Лаппо-Данилевского в историческую науку. О своеобразии его философских и исторических взглядов, оригинальных приемах преподавательской деятельности писали еще при жизни ученого Н.Д. Кондратьев, Т.И. Райнов, А.И. Андреев⁴ и др.

В русле дореволюционной историографии следует рассматривать многочисленные статьи и воспоминания о Лаппо-Данилевском его учеников и современников, появившиеся вскоре после его смерти⁵. Среди их авторов как известные ученые конца XIX – начала XX в. (И.М. Гревс, М.А. Дьяконов, Н.И. Кареев, Н.П. Лихачев, С.Ф. Ольденбург, А.Е. Пресняков), так и исследователи, сыгравшие важную роль в советской исторической науке (С.Н. Валк, Б.Д. Греков, Б.А. Романов, А.А. Шилов) и в литературе русского зарубежья (Г.В. Вернадский). Эти работы, заложившие серьезную основу для научного изучения биографии и творчества Лаппо-Данилевского, широко используются в современной историографии.

В советской исторической литературе можно выделить, по крайней мере, три периода, связанных с оценкой роли и вклада Лаппо-Данилевского в познание прошлого: 20-е, 30–60-е и 70–80-е гг. XX столетия. В каждом из них признавалось несоответствие его взглядов марксистскому пониманию исторического процесса, но немало и отличий, особенностей, которые следует учитывать.

В 1920-е гг. одним из первых подверг критике концептуальные установки ученого М.Н. Покровский, в то время признанный глава советских историков-марксистов. 23 апреля 1923 г. он выступил с сообщением на заседании редакции журнала «Под знаменем марксизма» о 1-м томе переизданной в Петрограде «Методологии истории» Лаппо-Данилевского⁶. Эта книга, по мнению Покровского, «не заключает в себе методологии истории, а представляет скорее попытку истории методологии истории. Может быть, во втором томе будет и о методологии». Здесь же академик «пытается самым объективным образом изложить в хронологическом порядке все методологические взгляды по истории, которые высказывались с сотворения мира до наших дней, и делает это с большой добросовестностью. Для справок его книга весьма полезна»⁷. Критически оценив понимание Лаппо-Данилевским взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, отсутствие в его труде трактовки гегельянства как системы, материалистического объяснения исторического процесса другими мыслителями, Покровский заключал: «В общем безусловно полезно пользоваться этой книгой для справок. Из нее даже можно извлечь кое-что новое. Но как теоретическая работа она никакого интереса не представляет»⁸. Несколько дней спустя, 3–7 мая 1923 г., читая лекции в Петрограде в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, Покровский вновь остановился на характеристике 1-го тома «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, подчеркнул, что книга, «на вид такая объективная, на самом деле является типичным образчиком классовой буржуазной публицистики в области истории»⁹.

Оценки Покровским несостоятельности с позиций марксизма методологических конструкций Лаппо-Данилевского на десятилетия (даже после осуждения Михаила Николаевича в 1930-е гг. как «антимарксиста, антиленинца и антибольшевика») утвердились в советской историографии. Однако следует отметить, что при всей категоричности выводов Покровского в них отсутствовали характерные для последующей советской исторической литературы хлесткие обвинения Лаппо-Данилевского в «убожестве его подхода в истолковании документа»¹⁰, «махровом идеализме»¹¹ и тому подобных грехах. Добавлю, что Покровский хорошо знал труды Лаппо-Данилевского, ссылаясь на них в своих конкретно-исторических сочинениях¹². Работавшие в 1920-е гг. в Академии наук и в университетах ученые «старой школы» по-прежнему использовали их в своих трудах и в преподавании. Ученики Лаппо-Данилевского, прежде всего А.И. Андреев и В.И. Веретенников, «много сделали для

того, чтобы научное и эпистолярное наследие историка было разобрано, систематизировано, описано, то есть чтобы оно получило возможность дальнейшего существования в научном мире»¹³. В результате проделанной ими работы в 1929 г. в Ленинграде под редакцией А.И. Андреева в серии «Очерки по истории знаний» была издана ценная книга «Материалы для биографии Лаппо-Данилевского»¹⁴.

В 30–60-е гг. XX в. преобладала точка зрения, что творчество Лаппо-Данилевского является проявлением глубокого идейного упадка буржуазно-дворянской историографии периода империализма. О том, что в трудах ученого «сказываются его идеалистические позиции», говорится, например, в книге Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»¹⁵, лучшим историографическим пособием для исторических факультетов университетов и педвузов советской поры. В статье Л.В. Черепнина 1949 г. «А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед» подчеркивалось, что «в советской историографии до сих пор отсутствует марксистская критика теоретических взглядов Лаппо-Данилевского», делался вывод, что вся его методология «в корне порочна и враждебна марксистско-ленинской науке», давалась отрицательная оценка понимания и классификации им исторических источников¹⁶.

Я напоминаю об этих фактах вовсе не для того, чтобы кого-то «обличать» или осуждать. Работать историкам тех лет приходилось в обстановке жесткого идеологического диктата, как дамочков меч висевшего над их головами, многие из них подвергались репрессиям (Л.В. Черепнин в 1930 г. был арестован, осужден по 58-й статье и на три года сослан на Двинские камнеразработки, после освобождения ряд лет жил на положении изгоя¹⁷; в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в крайне тяжелом положении оказался Н.Л. Рубинштейн, в ходе борьбы с «космополитизмом» в его адрес последовали необоснованные обвинения, был наложен запрет на использование его книги «Русская историография» в качестве учебного пособия¹⁸). И тем не менее многие советские ученые, несмотря на неблагоприятные условия, успешно исследовали кардинальные проблемы отечественной истории и историографии, давали высокую оценку творчеству своих предшественников. Лаппо-Данилевский, писал, например, Н.Л. Рубинштейн, был одним из виднейших представителей «исторической науки в Петербургском университете на исходе XIX и в начале XX в.», выделяется среди историков рассматриваемого периода «исключительной широтой и разносторонностью своей эрудиции, тематическим охватом своих работ»¹⁹. С.М. Каштанов в 3-м томе «Очерков истории исторической науки в СССР», изданном в 1963 г., отмечал, что школа Лаппо-Данилевского вышла из недр юридической школы, однако она разработала такие приемы критики источников, которые внесли новое в метод изучения актов. «Такое детальное анатомирование актов и составление из них определенных групп по сходству было большим шагом вперед в области формального источниковедения»²⁰.

К российской историографии о Лаппо-Данилевском 1920-х – рубежа 1970-х гг. следует отнести труды историков Русского зарубежья, которые обращались к изучению его жизни и творчества. Без их анализа нельзя составить всестороннего представления о развитии отечественной исторической науки в XX столетии. Пожалуй, самый яркий пример в этом отношении – «Очерки по русской историографии» Г.В. Вернадского. Их первая часть появилась на русском языке в 1970 г. в «Записках академической группы в США». В 1978 г. книга была издана на английском языке²¹. В России ее впервые опубликовали в 1998 г.²² Как справедливо отмечает составитель и научный консультант книги В.Н. Козляков, ссылаясь на статью В.П. Корзун²³, в структуре «Очерков» четко выражен культурологический ракурс и интерес Г.В. Вернадского к личности историков, краткие биографии (Лаппо-Данилевскому посвящены всего четыре страницы) которых он приводит. Многое из написанного Георгием Владимировичем имеет источник

в личных воспоминаниях, «но что еще важнее, он пишет об исторической науке, как один из последних представителей дореволюционной школы исследования, воспроизводя существовавшие в ней общие критерии и принципы отношения к науке и жизни»²⁴. Знаменательно также, что Г.В. Вернадский «включил в текст своей работы биографии коллег-историков своего поколения, как работавших в эмиграции, так и в Советской России»²⁵.

В 1970–1980-е гг. интерес к творчеству Лаппо-Данилевского в отечественной исторической науке возрастает. Об этом убедительно свидетельствуют труды Г.И. Греховой²⁶, А.И. Копанева²⁷, Л.Н. Хмылева²⁸, других ученых. Ряд исследователей стали делать акцент не на недостатках, а на большом вкладе Лаппо-Данилевского в развитие отечественной историографии. Ленинградский историк Я.С. Лурье, например, в статье о С.Н. Валке писал, что Лаппо-Данилевский был «выдающийся историк-исследователь, стремившийся сделать критику источника строго научной дисциплиной»²⁹. Наиболее существенный вклад в этот период в изучение трудов Лаппо-Данилевского внесли, на мой взгляд, Р.А. Киреева³⁰ и А.Н. Цамутали³¹. Анализируя творческое наследие крупнейших дореволюционных историков второй половины XIX – начала XX в. с марксистских позиций, борьбу направлений в русской историографии в этот период, они отмечали неординарность Лаппо-Данилевского как ученого и как человека, давали в целом положительную оценку его сочинениям в области историографии и источниковедения.

Так, Р.А. Киреева писала: «Сам факт попытки перехода авторов историографических работ (имеются в виду В.О. Ключевский, П.Н. Миллюков и А.С. Лаппо-Данилевский) от изложения истории исторической науки сугубо “по историкам” к изложению “по направлениям” и постановка проблемы историографических направлений – объективный свидетель внутреннего роста историографии как научной дисциплины»³². В свою очередь Цамутали подчеркивал, что особое место в научном наследии Лаппо-Данилевского занимают труды, посвященные источниковедению, в первую очередь дипломатике, и особенно дипломатике частного акта³³. Хочу обратить внимание еще на один существенный момент. В исторической литературе, в том числе современной, обычно указывается, что Лаппо-Данилевский враждебно встретил Октябрьскую революцию. Иначе трактует этот вопрос Цамутали. Он отмечает, что ученый принадлежал к той части русской интеллигенции, которая, «после некоторых колебаний, стала на позиции, лояльные по отношению к советской власти. Не принимая марксизма, Лаппо-Данилевский тем не менее не мог не признать, что он принадлежит к выдающимся учениям современности. Незадолго до смерти, перечисляя достижения русской философской и научной мысли, он назвал в ряду наиболее достойных мыслителей и ученых имена и представителей “материалистического монизма” Г.В. Плеханова и В.И. Ленина»³⁴. В 1918 г. Лаппо-Данилевский принимал активное участие в подготовке и проведении архивной реформы в стране, его труды продолжали публиковаться в научных журналах³⁵. Было достигнуто соглашение с издательством «Задруга» о начале печатания с января 1919 г. первой части его монографии по истории политических идей в России в XVII–XVIII вв.³⁶

Негативное влияние на признание научных достижений ученых конца XIX – начала XX в. оказывал утвердившийся в советской историографии вывод о кризисе русской буржуазной исторической науки в период империализма. Кардинальные вопросы, связанные с этой проблемой, были рассмотрены в статье 1982 г. И.Д. Ковальченко и А.Е. Шикло³⁷. В ней, в частности, отмечалось, что увлечение Лаппо-Данилевским неокантианскими идеями, несмотря на то, что в конкретно-исторических трудах ученого содержится «обширный и новый материал о социально-экономическом развитии страны», приводит к тому, что весь его анализ «ведется под углом зрения рассмотрения возникновения и развития идеи личности и ее взаимоотношений с государством, т.е. целиком оторван от основной сути этих фактов, противоречит им и

является всецело абстрактно-формальным»³⁸. Вместе с тем Ковальченко и Шикло указывали, что кризис русской буржуазной исторической науки не представляет собой некоего всеохватывающего упадка. В некоторых направлениях историческая наука этого времени сделала «заметный шаг вперед сравнительно с предшествующим периодом»³⁹.

Отрицательное отношение к методологическим установкам Лаппо-Данилевского, связанное с господством в советской историографии «единственно научной» марксистской теории исторического познания (причем трактуемой нередко догматически, без учета ее развития в XX столетии), приводило к принижению его вклада в историческую науку. В этой связи нельзя согласиться с выводом А.В.Малинова и С.Н. Погодина о том, что «к 80-м годам в отечественной историографии возобладала объективная оценка трудов Лаппо-Данилевского»⁴⁰. При всех несомненных достижениях исторической науки 1970–1980-х гг. в разработке творческого наследия ученого она продолжала оставаться в традиционных рамках советской историографии.

Новый период в изучении биографии и творчества Лаппо-Данилевского наступил лишь на рубеже XX и XXI вв. и еще далек от завершения. Знаменательным явлением стало издание в 1990 г. первой части основного сочинения Александра Сергеевича «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII веков» с предисловием М.Ю. Сорокиной и Л.А. Черной (они же выполнили работу по подготовке текста) и с послесловием А.И. Клибанова «А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель»⁴¹, которое заслуживает самого пристального внимания. В нем Клибанов по-новому, иначе, чем его коллеги, советские историки, ставит и решает ряд принципиальных вопросов. Так, он пишет, что им «не подвергаются отрицанию оценки буржуазной историографии периода империализма как кризисной», но при этом отмечает, что кризисы бывают разные: «необратимые и безысходные, и кризисы, преодолимые в социально-детерминированных пределах, т.е. способные к обретению “второго дыхания”; наконец, кризисы целительные <...> Для русской буржуазной историографии в ее последний период характерно преобладание неокантианской методологии истории, хотя дань позитивизму отдали Ключевский, Ковалевский, Лаппо-Данилевский (в начальный период деятельности)»⁴². При этом Клибанов подчеркивает, что историко-философские построения неокантианцев «не были бесплодным заблуждением», они «разрабатывали проблемы человека», утвердительно ответили «на вопрос о смысле жизни человека в его назначении строителя мира», ввели понятие «культура» как совокупной духовной мощи человечества⁴³. Что же касается понятия о кризисе русской предреволюционной историографии «в его настоящем виде» (т.е. в советской историографии. – А. Ч.), то оно «представляется прямой линией, односторонним, заидеологизированным и потому бесперспективным для исторических (как и для историографических) исследований»⁴⁴.

Первостепенное значение для расширения исследования творческого наследия Лаппо-Данилевского имело издание и переиздание в 1990–2000-е гг. многих его трудов, давно ставших библиографической редкостью, а также введение в научный оборот значительного массива архивных материалов. Однако до сих пор полностью не опубликована «главная книга» жизни ученого – «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». Между тем, по верному замечанию А.Е. Преснякова, без нее невозможно правильно оценить вклад Лаппо-Данилевского в историческую науку⁴⁵. В настоящее время в издательства «Новый хронограф», учредитель и главный редактор которого принимает участие в нашей конференции, ведется работа по подготовке к изданию этого фундаментального сочинения. Добавлю, что назрела необходимость и в издании академического собрания трудов Лаппо-Данилевского, это будет иметь не только историографическое, но и актуальное научное значение для целого ряда гуманитарных дисциплин.

В 1990-е гг., особенно в их начале, много писали о кризисе отечественной исторической науки, справедливо связывая это в первую очередь с отрицанием марксистско-ленинской методологии в качестве единственной основы общественности и переходе к различным теориям познания прошлого. Этот кризис, если воспользоваться метафорой Клибанова, не только привел к обретению исторической наукой России «второго дыхания», но и стал для нее «целительным». Наглядным образом это подтверждают появившиеся в 1990–2000-е гг. многочисленные исследования о Лаппо-Данилевском.

В кратком докладе невозможно дать обстоятельный анализ всей новейшей отечественной историографии об ученом. Одна из причин этого – широчайший диапазон исследовательских интересов Лаппо-Данилевского, включающий древнюю, средневековую и новую историю, проблемы методологии, источниковедения, историографии, архивоведения, археологии, археологии, культурологии, философии и социологии, а также его масштабная научно-организационная и педагогическая деятельность, что привлекает внимание специалистов разных областей знания. В своем дальнейшем выступлении я остановлюсь лишь на одном сюжете – каковы, на мой взгляд, основные результаты изучения жизни и творчества Лаппо-Данилевского в современной историографии.

В новейшей исторической литературе исследования о Лаппо-Данилевском посвящены широкому кругу проблем. Основные вехи его биографии нашли отражение в статьях А.Н. Нечухрина и С.П. Рамазанова, А.А. Чернобаева⁴⁶. Специальные работы об историко-научной концепции ученого, вопросах философии и методологии истории в трудах Лаппо-Данилевского, материалах по истории науки в его сочинениях, взглядах в области археологии, археологии, культурологии, социологии опубликовали Н.М. Дорошенко, С.С. Илизаров, Е.Р. Ольховский, С.Н. Погодин, Н.И. Приймак, Е.А. Ростовцев, М.Ф. Румянцева, О.Ф. Русакова, Р.А. Сидельников, И.Л. Тихонов⁴⁷ и др. Весомый вклад в восприятие творчества Лаппо-Данилевского не только как «почтенной классики славного историографического наследия» конца XIX – начала XX в., но и как «необходимой составной части нашего сегодняшнего знания»⁴⁸, внесла публикация в «Археографическом ежегоднике за 1994 год» материалов заседания Археографической комиссии, посвященного 75-летию со дня кончины Александра Сергеевича. В докладе С.О. Шмидта «А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох», выступлениях О.М. Медушевской, В.П. Корзун, С.В. Чиркова, А.А. Александрова, Ф.Г. Тараторкина, И.Л. Беленького, Л.Н. Простоловской были рассмотрены актуальные вопросы современного гуманитарного познания, историографии, многогранной деятельности ученого⁴⁹.

Существенным вкладом в дальнейшее изучение творческого наследия Лаппо-Данилевского стал сборник материалов всероссийской научной конференции, проходившей в Институте международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета при поддержке Санкт-Петербургского общественного фонда культуры и образования 21 апреля 2003 г., посвященный 140-летию со дня его рождения⁵⁰. В статье А.Н. Цамутали «А.С. Лаппо-Данилевский и его наследие», трех разделах сборника – «Теория, методология и философия истории в России» (авторы О.И. Иволина, В.П. Золотарев, С.П. Рамазанов, О.Ф. Русакова, С.В. Сняжков, А.И. Филюшкин), «Историческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского» (А.В. Макушин, С.Н. Погодин, Е.А. Ростовцев, О.В. Сеницын, Н.А. Трапш, С.В. Чирков, Т.В. Чумакова) и «Методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского» (Л.Н. Барышникова, Н.М. Дорошенко, А.В. Малинов, О.М. Медушевская, И.Д. Осипов, М.Ф. Румянцева) проанализированы различные аспекты конкретно-исторических и теоретико-методологических проблем отечественной гуманитарной науки XX столетия, возрождения и дальнейшего развития в современных условиях лучших традиций дореволюционной исторической мысли. Немалый научный интерес

представляет и четвертый раздел книги «Историография и философско-исторические поиски в России конца XIX – начала XX в.», в частности, статьи А.В. Свешникова «Образ А.С. Лаппо-Данилевского в творчестве Л.П. Карсавина» и П.А. Трибунского «Эпистолярные материалы А.С. Лаппо-Данилевского в Российском государственном архиве литературы и искусства»⁵¹. В приложении к сборнику с предисловием Е.А. Ростовцева опубликован «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II» Лаппо-Данилевского, занимающий центральное место в серии его работ 1890–1900 гг., посвященных екатерининской эпохе⁵².

Научное значение материалов заседания Археографической комиссии, посвященного 75-летию со дня кончины ученого, и конференция к 140-летию со дня его рождения выходит за рамки изучения лишь творчества Лаппо-Данилевского, знаменует, на мой взгляд, определенный этап в преодолении кризисного состояния, переживаемого современной отечественной историографией, достижение ею нового рубежа. Представляется обоснованным следующий вывод президента Санкт-Петербургского общественного «Фонда культуры и образования» Г.Н. Попова: «Конференция (имеется в виду конференция 2003 г. – А.Ч.) показала, что сегодня российская историческая наука вполне оправилась от идеологического прессинга советской эпохи и не только освоила круг теоретических и методологических идей и вопросов, дискутирующихся в последние десятилетия в западной и мировой науке, но и способна к созданию собственных теоретических конструкций»⁵³.

Несомненным достижением историографии современного периода стало появление первых монографических исследований о Лаппо-Данилевском. В 2001 г. в Петербурге была издана книга А.В. Малинова и С.Н. Погодина «А.С. Лаппо-Данилевский: историк и философ». В ее выходных данных указано, что это научно-популярное издание, что несколько не умаляет научного значения книги. В монографии, написанной историком и философом, раскрыты основные факты биографии ученого и его творческого пути. В приложение включен обзор работ, посвященных Лаппо-Данилевскому, библиография трудов о нем (110 названий) и список его сочинений (178 названий), что также ценно. Добавлю, что в упомянутой выше статье С.О. Шмидта в «Археографическом ежегоднике за 1994 год» и в книге А.В. Малинова и С.Н. Погодина, по существу, впервые в современной историографии, содержится и кратко анализируется литература о Лаппо-Данилевском, включая издания 1990-х гг.

За неимением времени лишь назову еще две монографии о Лаппо-Данилевском, появившиеся в начале XXI в. Это книги Е.А. Ростовцева «А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа» (Рязань, 2004) и В.П. Корзун «Профессорская семья. Отец и сын Лаппо-Данилевские» (СПб., 2011). В связи с первой из них упомяну, что годом раньше, в 2003 г., в Москве вышла монография в то время старшего научного сотрудника центра истории исторической науки Института российской истории РАН А.Н. Шаханова «Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты». В ней, в главе об исторической науке в Петербургском университете, немалое внимание уделено творчеству Лаппо-Данилевского. Книга В.П. Корзун, являющаяся продолжением ее многолетних исследований по отечественной историографии конца XIX – начала XX в., а в последнее время – в целом по историографии XX столетия⁵⁴, посвящена Александру Сергеевичу и его сыну, крупному советскому ученому-математику, что является ее вкладом в изучение их биографий.

Яркий показатель повышенного внимания в новейшей историографии к творческому наследию Лаппо-Данилевского – защита в 1990–2000-е нескольких диссертаций об ученом и его идеях. Так, проблемам истории в русском неокантианстве по трудам Лаппо-Данилевского посвящена диссертация В.В. Берус на соискание ученой степени кандидата философских наук⁵⁵. На соискание

ученой степени кандидата исторических наук защитил диссертацию о Лаппо-Данилевском и петербургской исторической школе Е.А. Ростовцев⁵⁶. Значительное внимание творчеству ученого уделено в монографиях и докторских диссертациях В.П. Корзун⁵⁷ и С.П. Рамазанова⁵⁸.

Активно исследовали теорию и методологию гуманитарного познания в два последних десятилетия профессора РГГУ О.М. Медушевская и М.Ф. Румянцева. Особое внимание при этом уделяли они творчеству Лаппо-Данилевского. В изданной в 2010 г. в двух томах «Методология истории» ученого⁵⁹ М.Ф. Румянцева является автором вступительной статьи «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский», а О.М. Медушевская – статьи «Методология истории как строгой науки», обе принимали также участие в подготовке текста и комментариев. В это издание, впервые после 1909 г., во второй том включен раздел «Методология исторического построения». Учитывая, что в 1909 г. эта важная часть лекционного курса Лаппо-Данилевского содержалась в томе лишь в виде литографического издания, в определенной мере можно считать ее первой публикацией, имеющей принципиально важное значение для правильного понимания философской и теоретико-познавательной концепции ученого. Именно раздел «Методология исторического построения» посвящен анализу автором принципов исторического синтеза на основе номотетики и идиографии и интеграции этих двух подходов. По мнению Медушевской, творческое переосмысление Лаппо-Данилевским позитивизма О. Конта, неокантианской философии В. Виндельбанда и Г. Риккерта, социологических взглядов Н.К. Михайловского привело его к созданию оригинальной концепции, близкой к феноменологии Э. Гуссерля. Лаппо-Данилевский вовсе не приверженец неокантианской теории, утверждает Медушевская, «это неверно, поскольку неокантианства характерно противопоставление двух подходов: в естественных науках – номотетического, в науках о куль-

туре – идиографического. Лаппо-Данилевский, напротив, доказывал, что оба подхода могут применяться в науках о культуре, равно как и в науках о природе. Оптимальным ученый считал применение к изучаемым объектам обоих подходов, позволяющих выявить общее и специфическое в истории»⁶⁰. По сути, этого же мнения придерживается М.Ф. Румянцева: Лаппо-Данилевский – историк, философ, «создатель оригинальной культурологической теории, в которой произведение культуры (понимание в системе категорий исторической науки как исторический источник) выступает как интегрирующее начало гуманитарного знания и основа строгой научности гуманитарных наук»⁶¹.

Отрицание Медушевской прочно утвердившейся в отечественной историографии точки зрения о Лаппо-Данилевском как приверженце неокантианской философии представляет несомненный интерес и вместе с тем нуждается в дальнейшем обосновании. Об этом, в частности, свидетельствуют статьи К.Ю. Ерусалимского и М.М. Крома, в которых содержатся критические высказывания в адрес Медушевской и Румянцевой в связи с разработкой ими творческого наследия Лаппо-Данилевского⁶².

В ходе подготовки и проведения 150-летия со дня рождения ученого сделан новый шаг в исследовании его жизни и трудов. В «Журнале социологии и социальной антропологии» опубликованы четыре статьи об истоках российской социологии (авторы – В.В. Козловский, А.В. Малинов, Е.А. Ростовцев), введение в методологию истории Лаппо-Данилевского и его записка «Об Институте социальных наук»⁶³, а в журнале «Исторический архив» – хранящаяся в РГАЛИ статья Александра Сергеевича «Планы и проекты организованного изучения социальных проблем нашего времени»⁶⁴. В Москве и Петербурге состоялись всероссийские научные конференции, посвященные юбилею. Нет сомнения, что изучение вклада Лаппо-Данилевского в российскую историографию будет продолжено и в дальнейшем.

¹ Цит. по: Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Предисловие // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 13; СПб АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 222. Л. 2 об.

² См.: Чернобаев А.А. Проблемы методологии в исторической науке России конца XIX – начала XX века // 100 лет XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 3–5 сентября 1996 г. Н. Новгород, 1997. С. 106–109; Он же. Лаппо-Данилевский в дореволюционной русской историографии // История и политика: методология, историография, практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Н. Новгород, 1997. С. 32–34

³ Милюков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 1.

⁴ Кондратьев Н.Д. Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского. К 25-летию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. 1915. Т. 20. С. 105–124; Райнов Т.И. О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского (К 25-летию ученой деятельности) // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 3. С. 44–57; Андреев А.И. Краткий очерк деятельности кружка по оставлению каталога частнопубличных актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященный Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 1–7 и др.

⁵ См.: Вестник литературы. 1919. № 1–2; № 9; Известия РАН. 1919. № 8–9; Известия Таврической архивной комиссии. 1919. № 56; Исторический архив. 1919. Кн. 1; Русский исторический журнал. 1920. Вып. 6; Мысль. 1922. № 1; Архивное дело. 1923. Вып. 1.

⁶ Под знаменем марксизма. 1923. № 4–5. С. 190–196. См. также: Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4 кн. М., 1967. Кн. 4. Лекции, статьи, речи. С. 369–376. Далее ссылки даются по этому изданию.

⁷ Там же. С. 369.

⁸ Там же. С. 376.

⁹ Там же. С. 282.

¹⁰ Историография истории СССР с древних времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. Е.В. Илларионок и И.А. Кудрявцева. М., 1961. С. 140 (автор соответствующего раздела И.К. Додонов).

¹¹ Николаева А.Т. Вопросы историографии русского источниковедения. М., 1970. С. 49–51.

¹² См., например: Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. М., 1966. Кн. 1. Русская история с древнейших времен (тома I и II). С. 261, 425, 430, 440 и др.

¹³ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 236–237.

¹⁴ Важное значение имело включение в эту книгу списка трудов А.С. Лаппо-Данилевского, а также обзора основных тематических групп материалов его архива.

¹⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 503 (2-е изд. – СПб., 2008. С. 575).

¹⁶ Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30–51. Впоследствии Л.В. Черепнин признал, что его заставили написать статью 1949 г. в обличительном стиле, что ее недостатком является «односторонне негативный характер» (Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 51).

¹⁷ См.: Назаров В.Д. Черепнин Лев Владимирович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 764–772.

¹⁸ См.: Цамутали А.Н. Рубинштейн Николай Леонидович // Историки России. Биографии. С. 697–704; Мандрик М.В. Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. 2-е изд. СПб., 2008. С. VII–СХХХIV.

¹⁹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 502–503.

²⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 620.

²¹ Vernadsky G. Russian Historiography. A History / Transl. by N. Lupinin, ed. by S. Pushkarev. Belmont, Mass., 1978.

²² Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998.

- ²³ Корзун В.П. Г.В. Вернадский – историк русской исторической науки (продолжающаяся традиция или новый взгляд?) // Вестник Омского университета. 1996. № 1. С. 56.
- ²⁴ Козляков В.Н. «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...» (Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) и его «Очерки по русской историографии») // Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 21.
- ²⁵ Там же. С. 22.
- ²⁶ Грехова Г.И. Эпистолярное наследие Лаппо-Данилевского // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. VIII. С. 262–273.
- ²⁷ Копанев А.И. Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. IX. С. 81–89.
- ²⁸ Хмылев Л.Н. А.С. Лаппо-Данилевский и проблемы теории источниковедения // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1976. Вып. XI; Он же. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978. С. 110–145.
- ²⁹ Лурье Я.С. Сигизмунд Натанович Валк // Труды Отдела древней русской литературы. Л., 1976. Т. 30. С. 367.
- ³⁰ Киреева Р.А. Неопубликованные труды Лаппо-Данилевского по русской историографии // Историографический ежегодник за 1978 г. М., 1981; Она же. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.
- ³¹ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1986.
- ³² Киреева Р.Г. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. С. 150.
- ³³ Цамутали А.Н. Указ. соч. С. 151.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См., например: Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом знаниях // Известия Российской академии наук. VI серия. 1918. Т. XII. № 5, 7, 9, 11, 13; Он же. Новые переводы и комментарии донесений и записок Радеса и Кильбургера о России // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5; Он же. Россия и Голштиния. Очерк из истории германо-русских отношений в XVIII веке // Исторический архив. 1919. Кн. 1 и др.
- ³⁶ См.: Сорокина М.Ю., Черная Л.А. Указ. соч. С. 11.
- ³⁷ Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 18–35.
- ³⁸ Там же. С. 30.
- ³⁹ Там же. С. 21.
- ⁴⁰ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. С. 243. Близкая к этому и вместе с тем более взвешенная, касающаяся лишь источниковедения, оценка трудов А.С. Лаппо-Данилевского в советской историографии 1960–1970-х гг. содержится в докладе С.О. Шмидта «А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох»: «К 1980-м годам возобладали более многосторонние и, соответственно, объективные оценки трудов Лаппо-Данилевского и его роли в развитии источниковедения» (Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1997. С. 231).
- ⁴¹ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990.
- ⁴² Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 257.
- ⁴³ Там же. С. 261.
- ⁴⁴ Там же. С. 254.
- ⁴⁵ Пресняков А.Е. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 97–98.
- ⁴⁶ Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П. Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России. XVIII – начало XX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 512–537; Чернобаев А.А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России XVIII–XX веков / Архивно-информационный бюллетень (Приложение к журналу «Исторический архив». № 16). М., 1997. Вып. 4. С. 62–72. См. также: Историки России. Биографии / Сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2001. С. 395–402.
- ⁴⁷ Дорошенко Н.М. Философия и методология в России (конец XIX – начало XX века). СПб., 1997; Илизаров С.С. О доминантах российской историографии науки // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., 2001. С. 353–363; Малинов А.В., Погодин С.Н. Социология в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 1999. Т. II. № 4; Ольховский Е.Р. А.С. Лаппо-Данилевский и начало преподавания источниковедения // Историческое образование на рубеже веков. СПб., 1996; Приймак Н.И. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Н. Валк (учитель и ученик) // Вестник СПбГУ. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1998. Вып. 1; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 2000. Вып. 2; Румянцева М.Ф. Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // Вопросы истории. 1999. № 8; Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000; Сидельников Р.А. Проблемы методологии истории в университетских курсах А.С. Лаппо-Данилевского // Российские университеты конца XIX–XX в. Сб. научных статей. Воронеж, 1993; Тихонов И.Л. Взгляды и труды А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии // Третьи Мартовские чтения памяти С.Б. Окуня в Михайловском замке. Материалы научной конференции. СПб., 1997 и др.
- ⁴⁸ Шмидт С.О. А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1997. С. 229.
- ⁴⁹ Там же. С. 229–280.
- ⁵⁰ Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2003. Вып. I.
- ⁵¹ Там же. С. 308–315, 316–343.
- ⁵² Там же. С. 354–413.
- ⁵³ Там же. С. 5–6.
- ⁵⁴ См., например: Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005.
- ⁵⁵ Берус В.В. Проблемы философии истории в русском неокантианстве: А.С. Лаппо-Данилевский. Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998.
- ⁵⁶ Ростовцев Е.А. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. СПб., 1999.
- ⁵⁷ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000. С. 189–216.
- ⁵⁸ Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. С. 94–112.
- ⁵⁹ Книга входит в уникальную, насчитывающую свыше 100 томов, «Библиотеку отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» (Рук. проекта А.Б. Усманов, пред. редсовета Л.А. Опёнкин), выпущенную издательством «РОССПЭН» в 2010 г.
- ⁶⁰ Медушевская О.М. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич // Общественная мысль России XVIII– начало XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2005. С. 249–250; см. также: Медушевская О.М. Теория исторического познания: избранные произведения. СПб., 2010.
- ⁶¹ Румянцева М.Ф. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич // Культурология. Энциклопедия / Гл. редактор и автор проекта С.Я. Левит: В 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 1100.
- ⁶² Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2013. С. 583, 892, 894, 900, 901.
- ⁶³ Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2013. Т. XVI. № 3 (68). С. 5–62.
- ⁶⁴ «Без просвещения свобода не имеет большой цены и крепости». Статья А.С. Лаппо-Данилевского о необходимости создания Института социальных наук. Июль 1918 г. / Публ. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2013. № 2. С. 4–13.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО ЭПОХА

НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА АЛЕВРАС

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Челябинского государственного университета (Челябинск)

Тел.: 8 (351) 799-70-08; E-mail: vhist@mail.ru

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ГРИШИНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Челябинского государственного университета (Челябинск)

Тел.: 8 (351) 799-70-08; E-mail: natalyagrishina@mail.ru

Авторы обращаются к вопросам, связанным с особенностями формирования состава и конфигурации научной школы А.С. Лаппо-Данилевского, и определяют воздействие методологических идей и теории источниковедения историка на творческий процесс его учеников. Объектом наблюдения является научно-исследовательская практика А.И. Андреева, С.Н. Валка, Г.В. Вернадского, В.И. Веретенникова.

Ключевые слова: научная школа, учитель, ученики, историография, А.С. Лаппо-Данилевский, А.И. Андреев, С.Н. Валк, Г.В. Вернадский, В.И. Веретенников.

УРОКИ УЧИТЕЛЯ: ИДЕИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ТВОРЧЕСКИХ СУДЬБАХ УЧЕНИКОВ*

Предложенная тема, на наш взгляд, позволяет ставить ряд еще не решенных задач по изучению жизни, творчества и наследия А.С. Лаппо-Данилевского. Несмотря на, несомненно, повышенный историографический интерес к его наследию, вопросы об особенностях научной школы Лаппо-Данилевского и вытекающие из этого аспекта сюжеты о нем как учителя, о когорте его учеников с их индивидуальными судьбами все еще остаются открытыми для дальнейшего изучения. Авторы в данном случае поставили скромную задачу обратиться, во-первых, к некоторому обобщению историографического опыта по изучению подчеркнутых моментов научной биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Во-вторых – попытаться «набросать штрихи» к портретным зарисовкам избранного нами круга учеников, сосредоточив внимание на выявлении линий воздействия идей учителя на процесс их творческой деятельности. Наш выбор выпал на несомненных активистов школы – В.И. Веретенникова (1880–1942), С.Н. Валка (1887–1975), А.И. Андреева (1887–1959). Несколько в стороне от них находится Г.В. Вернадский (1887–1973), формально писавший свою диссертацию под руководством С.Ф. Платонова, но примыкавший, на наш взгляд, к кругу учеников А.С. Лаппо-Данилевского¹.

Остановимся коротко на историографических оценках scholarной ситуации, сложившейся вокруг А.С. Лаппо-Данилевского в конце XIX – первых десятилетиях XX в.

Размышления о характере школы Лаппо-Данилевского начал еще А.Е. Пресняков, в современной историографии они представлены в серии исследований В.П. Корзун, О.М. Медушевой, Е.А. Ростовцева и др. Особенности научной школы А.С. Лаппо-Данилевского и состава его учеников в историографии тесно сопрягаются с его методологической позицией и известным научным противостоянием двух scholarных консолидаций, сложившихся в Петербурге вокруг С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского².

Тема ученичества применительно к scholarному феномену Лаппо-Данилевского хотя не обрела еще какой-либо целостности, но затрагивалась в ряде статей³, намечая отдельные линии этого специального сюжета его научной биографии. Круг учеников Лаппо-Данилевского складывался параллельно с ученической аудиторией Платонова, к тому же последний, как глава кафедры русской истории, обладал приоритетным правом закрепления за выпускни-

ками статуса «магистранта» – кандидата на подготовку к профессорскому званию. Это обстоятельство ставило Лаппо-Данилевского в неравное положение с Платоновым, а в историографии нередко затрудняет определение персонального состава школ того и другого историка. Например, А.Е. Пресняков, Б.А. Романов, Б.Д. Греков иногда фигурируют у историографов в «списках» той и другой школы. Порой в школу Платонова «записывают» явных учеников Лаппо-Данилевского⁴.

К особенностям состава школы А.С. Лаппо-Данилевского следует отнести и тот факт, что она не была ограничена университетскими выпускниками-историками, но стала полем притяжения для определенной среды петербургских интеллектуалов из сферы обществоведческих и гуманитарных наук, интересовавшихся проблемами философии, социологии и теории научного познания. На эту особенность указывали еще современники и ученики историка, так или иначе обратили внимание и почти все исследователи творчества историка⁵.

Сообщество его учеников, единомышленников и последователей, как это вытекает из историографических исследований, позволяет воспринимать школу А.С. Лаппо-Данилевского как неоднородную, многослойную по составу, целевым установкам и функциям коммуникацию. Старший круг этого сообщества, состоящий из уже сложившихся ученых-гуманитариев, вероятно, оказывал на молодежную его часть дополнительное теоретико-методологическое воздействие.

В данном случае обратим внимание на собственно ученическую среду, которую исследователи (В.Г. Чернуха, В.П. Корзун, М.Ю. Сорокина, Е.А. Ростовцев и др.) представляют когортой молодых петербургских историков (в эту группу включают около полутора десятков человек), профессиональное становление которых пришлось на начало XX в. Они занимались в спецкурсах историка, участвовали в его семинарах по дипломатике, посещали инициированные им научные общества, а также его домашние приемы – «пятницы». Это ученическое ядро школы Лаппо-Данилевского также можно разделить на возрастные слои – старших и младших. В контексте данной статьи важно обратить внимание на замеченное Н.И. Приймак отношение современников (А.А. Шахматова, И.М. Гревса, А.А. Кизеветтера, Б.Д. Грекова) к факту благодарной ученической аудитории, сформировавшейся вокруг историка и приносившей ему, по словам Гревса, «радость в учениках»⁶.

Выработанные А.С. Лаппо-Данилевским методологические инновации, источниковедческая теория и методика,

* Часть исследования выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (Проект № МК-1810.2013.6).

способы выучки историка-профессионала путем включения учеников в активный исследовательский процесс по созданию конкретных интеллектуальных продуктов закладывали мощную мотивацию в молодежной среде ученых, разделявших его взгляды. Заданная ориентация формировала у них, если использовать терминологию Р. Коллинза, «научный интерес», создавала в данном схолярном пространстве творческую «микроситуацию», превращая научную школу Лаппо-Данилевского в «локальное место по производству знаний».

Можно считать, что молодые историки, занимавшиеся в семинаре по дипломатике, который, по мнению Е.А. Ростовцева, к началу 1910-х гг. перерастает в «кружок единомышленников» и превращается в научное сообщество⁷, формировались как ученые источниковедческо-археографической ориентации. Андреев, Валк, Веретенников представляли особый тип генерации научной молодежи петербургских историков, который унаследовал не только общую петербургскую источниковедческую традицию, но и дополнил ее опытом преемственности и трансляции методологических идей, воспринятых от учителя: каждый из перечисленных лиц обогатил к тому же его наследие собственными научными методиками.

В своей общей постановке проблема изучения процесса и выработки механизмов восприятия и закрепления в научной практике идейно-методологического наследия предшественников, и, в частности, признаваемых учителей, еще слабо апробирована в историографическом опыте. Между тем в схолярной проблематике данный аспект имеет принципиальное значение как признак и критерий принадлежности ученого к той или иной школе. Само собой разумеется, что изучение этой идейной связи между учителем и учениками – длительный и трудоемкий процесс, связанный с применением сравнительного анализа историографических текстов – трудов учителя и учеников. В данном случае мы ограничились лаконичными обобщенными результатами наших наблюдений.

Из обозначенной когорты учеников историка обратимся сначала к фигурам В.И. Веретенникова⁸ и Г.В. Вернадского. Первый входил в круг учеников А.С. Лаппо-Данилевского старшего поколения. Он же был единственным, кто при жизни учителя защитил свои диссертации⁹. Г.В. Вернадского – сверстника Андреева и Валка – можно было бы причислить к младшему кругу учеников Лаппо-Данилевского. Он, однако, не входя непосредственно в категорию их однокашников, в меньшей мере был инкорпорирован в ученическое окружение историка. В то же время нельзя, вслед за Е.А. Ростовцевым, не заметить факта продуктивного привлечения его Лаппо-Данилевским к реализации проекта издания «Материалов для истории русского законодательства»¹⁰. Вернадский тоже защитил свою диссертацию еще при жизни Лаппо-Данилевского (1917), хотя причастность последнего к ее созданию была, конечно, неформальной. В.И. Веретенников и Г.В. Вернадский свои диссертационные труды посвятили проблемам XVIII в., что соответствовало тогдашним научным интересам их учителя, работавшего над докторской диссертацией по истории политических идей этого периода.

Всех учеников Лаппо-Данилевского объединяло то, что являлось типичной чертой научного почерка историков-петербуржцев – их подчеркнутую методичность, источниковедческую основательность и изысканность. Лаппо-Данилевский, исходя из убеждения необходимости сочетания в познавательной практике историка-исследователя типизирующего и индивидуализирующего методов (в частности, на примере интерпретаций служилых кабал), учил своих учеников способности видеть в факте изменения типологических особенностей источника эволюцию и специфику социального контекста, его породившего. Е.А. Ростовцев обратил внимание на мысль историка о том, что частный акт является продуктом данной эпохи. Это позволяло А.С. Лаппо-Данилевскому эволюцию формуляра служилых кабал XVI–XVII вв. связывать «с усилением московского самодержавия и становлением единого типа русской культуры»¹¹.

Взгляд на источник как «остаток» и феномен эпохи, позволяющий понять и реконструировать ее институты и социум, создавать образы личностей, характерен и для учеников историка, в частности для диссертаций В.И. Веретенникова. Занимаясь историей Тайной канцелярии, он предложил оригинальную архитектуру и методику исследования, основанную на изучении типологии и формулярных особенностей делопроизводственной (архивной) документации этого института власти и смежных с ним учреждений. История Тайной канцелярии создается им посредством реконструкции ее структуры, стиля деятельности, функций и полномочий, порядка производства типичных документальных комплексов, изучения эволюции и трансформации статуса, персонального руководящего состава учреждения и роли Петра I в ее деятельности. Тайная канцелярия («маленький далекий уголок Петровской эпохи», ее «мимолетное явление»¹²) предстает не только как существенный элемент и феномен государственного строя и верховной власти России первой трети XVIII в., но и как институт по производству документов в соответствии с его функцией. История учреждения под таким углом зрения скрупулезно рассматривается историком исключительно на основе текстов архивных аутентичных источников и максимально подвергается аналитико-структурному препарированию в целях решения интерпретационных задач исследования. Одновременно В.И. Веретенников посредством структуризации своего труда предложил модель научно-исследовательской реконструкции процесса происхождения и правового закрепления деятельности государственного учреждения. Принципы построения этой модели, на наш взгляд, весьма близки той, что представлена в магистерской диссертации А.С. Лаппо-Данилевского¹³. Как и учитель, он был нацелен на реконструкцию изучаемого объекта как целостной социальной системы, стремясь раскрыть исторические особенности и природу каждого ее элемента. Изучению этих элементов посвящена каждая из глав диссертации.

Выражение им благодарности историку («моему учителю, предвзвительной школе которого я обязан тем положительным в научном смысле, что найдется в предлагаемой работе»¹⁴), известная его мемуарная зарисовка, в которой он называет Лаппо-Данилевского своим «дорогим и единственным учителем»¹⁵, дают в совокупности основание не только связывать место Веретенникова в историографии с его школой, но и дополнительно аргументировать сходство основного вектора исследовательских методов ученика с научной позицией учителя.

Научный почерк Г.В. Вернадского петербургского отрезка жизни на этапе завершения им диссертации, по нашим наблюдениям, существенно отличается от его ранних сочинений, созданных еще под влиянием научных замыслов, возникших в Москве¹⁶. В Петербурге Вернадский вполне усвоил принципиальные установки петербургской школы, и они также близки позиции Лаппо-Данилевского. Примечательен факт появления в диссертации Вернадского пространного научного введения, обосновывающего задачи диссертации специальной характеристикой источников и научной литературы. Оно по своему строению и объему не типично для большинства тогдашних диссертаций, авторы которых ограничивались лаконичными предисловиями без этих сюжетов (в том числе у В.И. Веретенникова). Основная часть введения Вернадского посвящена классификации и детальной характеристике используемых видов источников¹⁷. Весь текст диссертации «соткан» из информации вводимых им в научный оборот источников по истории организации, идеологии, общественно-политических взглядов и деятельности представителей русского масонства. Имея в виду повышенный интерес Лаппо-Данилевского к истории идей в русском обществе XVIII в.¹⁸, а также мемуарные признания Вернадского о его участии в выборе темы диссертации, встречах с ним на его «вечерних беседах» («...я с ним беседовал главным образом о ходе моей работы над диссертацией и советовался по некоторым вопросам, которые мне самому еще не были ясны»¹⁹), трудно удержаться от предположения о возможности методологического и

идейно-концептуального влияния историка на молодого магистранта. Усиливают это предположение и слова благодарности Лаппо-Данилевскому, высказанные Вернадским в предисловии к диссертации, и строки написанного им в 1919 г. некролога²⁰. В нем он писал: «На его „пятницы“ собирались не только оставленные при университете и начинающие, но также и сложившиеся ученые, ища указаний А.С. для своих дальнейших работ. Не одна ученая диссертация обязана своим возникновением такой беседе с А.С.». Г.В. Вернадский оказался единственным из всего ученического окружения историка, кто был наиболее близок общей постановке темы незавершенной докторской диссертации А.С. Лаппо-Данилевского.

Влияние А.С. Лаппо-Данилевского на творчество его учеников прослеживалось и в рамках советской исторической науки. Ярким тому примером является докторский диспут А.И. Андреева, состоявшийся в 1940 г. Защищая свои «Очерки по источниковедению Сибири», А.И. Андреев, безусловно, особое внимание уделил проблемам классификации и интерпретации источников, что отмечали все оппоненты диссертации (Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин и Ю.В. Готье). В экспертном отзыве С.Н. Чернова особо отмечалось, что свою научную биографию соискатель начинал «в строгой школе своего университетского учителя А.С. Лаппо-Данилевского, как источниковед и историк-географ», что требовало «огромной выдержки воли, весьма больших и очень разнообразных вспомогательных знаний и совершенной точности работы»²¹. Учительство А.С. Лаппо-Данилевского было отмечено и в автобиографии А.И. Андреева, зачитанной на диспуте²². В этой связи Б.Д. Греков во время своего оппонентского выступления особо указал, что Лаппо-Данилевский приобрел научную известность, работая в трех исследовательских областях: как исследователь в области конкретной истории России, как специалист по трудам методологического характера и как специалист по вопросам источниковедения²³. Именно работы по источниковедению Греков считал наиболее сильной стороной школы А.С. Лаппо-Данилевского. Влияние историка он прослеживает в трудах не только А.И. Андреева, но и С.Н. Валка, которых в свое время Лаппо-Данилевский «заразил своим энтузиазмом» и которые продолжили его идеи, переводя их «на рельсы уже современной марксистско-ленинской методологии»²⁴. Неудивительно, что из всех экспертов и оппонентов именно Греков и Чернов, сами испытавшие идейное влияние Лаппо-Данилевского, обратились в своих отзывах к его наследию. В некрологе Лаппо-Данилевскому Греков называл себя «одним из учеников» историка²⁵. Чернов также посвятил учителю две речи – юбилейную и поминальную, в которых особо указывал на роль семинариев историка²⁶.

В ответном слове А.И. Андреев выражал благодарность оппонентам за внимание к его ранним научным работам, подчеркивая, что с самого начала он начал развивать исследовательскую линию, подхваченную у Лаппо-Данилевского. Думается, что подобное внимание оппонентов к роли учителя для диспутанта во многом было неожиданно, памятуя предъявленное ему «компетентными органами» требование покинуть Ленинград практически накануне защиты диссертации, которое можно рассматривать как отзыв «Академического дела». Вместе с тем, уже после успешной защиты, выступая на заседании ученого совета Института истории, он еще раз указал, что был особенно рад выступлению Грекова, который, по словам Андреева, «подошел к его работе так, как ему этого хотелось»²⁷. Отметим, что, спустя несколько лет после защиты, на волне борьбы с космополитизмом Андрееву было предъявлено обвинение в «лапподанилевщине».

Подобные обвинения испытал и Валк, которому после издания статьи об исторической науке в Ленинградском университете и книги «Советская историография» (1948) вменялось следование точке зрения буржуазной историографии о существовании «какой-то особой» петербургской исторической школы²⁸.

С.Н. Валк испытывал воздействие сложной политико-идеологической ситуации в советской науке и до кампаний

по борьбе с космополитизмом. Так, на волне обвинений школы С.Ф. Платонова, последовавших за «Академическим делом»²⁹, ему пришлось фактически выводить из-под удара школу А.С. Лаппо-Данилевского. Выступая в прениях к докладом Г. Зайделя и М. Цвибака, Валк отметил две важных характеристики той школы, «из которой <...> вышел». Он подчеркивал аполитичность А.С. Лаппо-Данилевского, сосредоточенность его семинариев исключительно на решении научных вопросов. Кроме того, понимая, что методологические идеи учителя не могут быть востребованы советской наукой, Валк фактически диверсифицировал его наследие, пытаясь вписать в новую историографическую ситуацию хотя бы его часть. Он отмечал, что историографические работы Лаппо-Данилевского являются «отражением старой дворянской историографии», в них просматриваются «признаки глубокого упадка». Вместе с тем утверждал, что методы и приемы исторического исследования, предлагаемые Лаппо-Данилевским и апробированные его учениками на семинариях по дипломатике частных актов, не имели «четкой классовой установки» и вполне могут «войти в марксистскую историографию»³⁰.

В 1943 г. Валк принимал участие в конференции историков-архивистов, фактически приуроченной к юбилею Лаппо-Данилевского. Юбилейные торжества породили всплеск воспоминаний об учителе, очень эмоционально переживаемых Валком. В одном из писем этого периода он размышляет о «трогательной нежности» к Лаппо-Данилевскому и о том, что этот юбилей позволил ему выйти «из тесной рамки повседневной размерности», вернул «из небытия в бытие»³¹.

Влияние А.С. Лаппо-Данилевского на источниковедческую и археографическую деятельность С.Н. Валка не вызывает сомнений, а в историографии стало признанным фактом его научного наследия и деятельности. В данном случае мы лишь акцентируем внимание на преемственности учеником научных идей и сохранения верности методологии и принципам учителя. В 1922 г., характеризуя его взгляды на «систему дипломатики», он подчеркнул оригинальную, феноменологическую по своей природе мысль и методологический принцип А.С. Лаппо-Данилевского – о необходимости «изучать акт как историческое явление, явление в ряду других явлений развития народного правосознания». Подчеркивая эту позицию, он пояснял, явно переводя ее в сферу своего научного опыта, что «документальное построение» Лаппо-Данилевского «обусловлено не тем либо иным объектом изучения – актом публичным, либо частным, но познавательной точкою зрения на акт не как на источник, а как на явление». Несомненно, что этот подход, завещанный учителем, воспринимался как универсальный принцип, применимый к любой видовой группе источников. Поэтому логично выглядит у Валка «мостик», переброшенный к наблюдаемой А.Е. Пресняковым позиции А.А. Шахматова, взглянувшего на древнерусские летописные своды «как на „драгоценные памятники общественной мысли и литературно-публицистического творчества“, т.е. как, по терминологии А.С., на явление»³².

Ученики А.С. Лаппо-Данилевского чтить память об учителе не только прямыми словами благодарности и ссылками на его научный опыт, но и в неявной форме – особенно в известные времена соблюдения понятной осторожности при упоминании его имени как представителя «старой буржуазной науки». Эта позиция воплощалась в их источниковедческих и методологически ориентированных исследованиях, нацеленных на продолжение эпистемологического опыта учителя по созданию основ «строгаго» исторического знания. Непрямолинейная, а иногда намеренно скрытая связь с методологией и принципами А.С. Лаппо-Данилевского присутствует как в трудах учеников, создававших их еще при жизни историка, и тем более – у тех, кто пережил период советской трансформации науки.

Заключая, подчеркнем нашу общую мысль, вытекающую из представленных наблюдений. Она связана с активно разрабатываемой схолярной проблематикой, в рамках которой обсуждается разнообразный блок вопросов. Те из них, что связаны с феноменом научных школ

и коммуникацией «учитель – ученик», требуют, на наш взгляд, специальных исследовательских усилий для выработки инструментария в изучении механизмов, способов, схолярных опытов восприятия, сохранения, последующей трансляции научных проектов и «уроков» учителей (в виде идейно-концептуальных программ и методологий) той или

иной генерацией научной молодежи. В этой связи актуализируется обращение историографа к историографическим текстам – интеллектуальным продуктам творческой деятельности изучаемых историков, и в первую очередь их научным трудам, рассмотренным в контексте подхода, который можно обозначить как «рецепционный».

¹ См. соответствующие аргументы: *Алеврас Н.Н.* Речь на магистерском диспуте Г.В. Вернадского в контексте его диссертационной истории (к публикации источника) // *Мир историка: историографический сборник* / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск: изд-во ОмГУ, 2010. Вып. 6. С. 378–380. См. также статью М.Ю. Сорокиной, которая относит Г.В. Вернадского к кругу учеников А.С. Лаппо-Данилевского: *Сорокина М.Ю.* Академик А.С. Лаппо-Данилевский и его «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики» // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)*. 2003. № 3. С. 106–117. URL: <http://arjan.ru/?q=ru/lappo1>.

² См., например: *Корзун В.П.* Петербургская школа русских историков в конце XIX – начале XX века // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография* / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 147–158.

³ См.: *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н. Валка // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1978. Вып. X. С. 55–70; *Приймак Н.И.* А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников // *Петербургские чтения-96*. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 452–455. *Она же.* А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях современников // *Клио*. 1997. № 3; *Она же.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Н. Валк (Учитель и ученик) // *Вестник СПбГУ. Серия 2*. 1998. Вып. 1. С. 8–16; *Чернуха В.Г.* Сигизмунд Натанович Валк // *Историческая наука России в XX веке*. М., 1997. С. 302–327; *Сорокина М.Ю.* Указ. соч.; *Алеврас Н.Н.* Речь на магистерском диспуте Г.В. Вернадского; *Она же.* А.С. Лаппо-Данилевский и диссертационная культура русских историков в конце XIX – начале XX в. // *Материалы круглого стола, посвященного 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского* // URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/anonsy_npsh/lappo_150/14-1-0-136.

⁴ См.: *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. 1834–2004. СПб., 2004. С. 104. Авторы, в частности, опираясь на формальный момент – факт «оставления» им претендентов на профессорское звание, отнесли к его школе А.И. Андреева и С.Н. Валка, всегда идентифицировавших себя со школой А.С. Лаппо-Данилевского.

⁵ См., например: *Медушевская О.М.* Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании Новейшего времени // *Исторические записки*. М., 1999. №2 (120). С. 107, 133 и след.; *Корзун В.П.* Петербургская школа русских историков... С. 156; *Сорокина М.Ю.* Академик А.С. Лаппо-Данилевский...; *Румянцева М.Ф.* Логика нарратива в баденском и российском неокантианстве // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2012. № 3 (105). С. 264–270.

⁶ *Приймак Н.И.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Н. Валк. С. 11–12.

⁷ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский – основатель русской школы дипломатики частного акта // *Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов*. СПб., 2007. С. 226, 227, 228.

⁸ О В.И. Веретенникове, к сожалению, нет каких-либо специальных исследований. Наиболее детальную информацию о его научной биографии см.: *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Указ. соч. С. 140–142. Небольшой сюжет о его диссертациях и оппонировании Лаппо-Данилевского см.: *Алеврас Н.Н.* А.С. Лаппо-Данилевский и диссертационная культура русских историков...

⁹ В 1910 г. он защитил магистерскую диссертацию «История Тайной канцелярии Петровского времени» (оппоненты: А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов); в 1916 г. – докторскую – «Очерки генерал-прокуратуры в России до Екатерининского времени» (оппоненты: А.С. Лаппо-Данилевский и С.В. Рождественский).

¹⁰ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 167–169.

¹¹ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский – основатель русской школы дипломатики частного акта. С. 259.

¹² *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 265.

¹³ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

¹⁴ *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии... С. V.

¹⁵ *Веретенников В.И.* Памяти дорогого учителя // *Русский исторический журнал*. 1920. Кн. 6. С. 200.

¹⁶ См.: *Алеврас Н.Н.* Начала евразийской концепции в раннем творчестве Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого // *Вестник Евразии. Независимый научный журнал*. М., 1996. № 1. С. 5–17.

¹⁷ См.: *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 3-е, исправ. и расшир. / Под ред. М.В. Рейзина и А.И. Серкова. СПб., 2001. С. 10 – 28.

¹⁸ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Предисловие М.Ю. Сорокиной. Подготовка текста М.Ю. Сорокиной с участием К.Ю. Лаппо-Данилевского. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2005.

¹⁹ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // *Вопросы истории*. 1995. № 1. С. 139.

²⁰ См.: Некролог Г.В. Вернадского «Академик А.С. Лаппо-Данилевский» (Подготовка текста к публикации и комментарии С.Б. Филимонова) // *Отечественные архивы*. 2004. № 4. С. 102–111. URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/vernadskie.shtml>

²¹ СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 49.

²² Подчеркнем, что учительство А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова отмечается почти во всех биографических материалах, посвященных А.И. Андрееву. Например, см.: *Сербина К.Н.* А.И. Андреев – ученый и педагог: Из воспоминаний об учителе // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1985. Т. 17. С. 357–363.

²³ СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 480. Л. 16.

²⁴ Там же. Л. 16 об.

²⁵ *Греков Б.Д.* Ученая и учебная деятельность А.С. Лаппо-Данилевского // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1919. Т. 56. С. 154. См. также: *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // *Валк С.Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб.: Наука, 2000. С. 59.

²⁶ *Романов Б.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в университете: (Две речи) // *Русский исторический журнал*. 1920. Кн. 6. С. 181–188.

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 74.

²⁸ Против объективизма в исторической науке // *Вопросы истории*. 1948. № 12. С. 9–10. См. об этом: *Тихонов В.В.* Критика работ С.Н. Валка в годы борьбы с «буржуазным объективизмом» и «космополитизмом» (1948–1949) // *Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии*. Материалы XXIV Междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М.: РГГУ, 2012. С. 509–512.

²⁹ См.: Платонов и его школа. Доклад тов. М. Цвибака / Зайдель Г., Цвибак М. Вредительство на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы // *Проблемы марксизма*. 1931. № 3. С. 100–111.

³⁰ Прения к докладам тт. Г. Зайделя и М. Цвибака // Там же. С. 114–115.

³¹ ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 44. Л. 50–50 об, 51 об.

³² *Валк С.Н.* Рецензия на кн.: А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов // *Валк С.Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб.: Наука, 2000. С. 579.

СИМОН СЕМЕНОВИЧ ИЛИЗАРОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом ИИЕТ РАН, заведующий кафедрой РГГУ (Москва)

Тел.: (495) 988-22-80; E-mail: sinsja@mail.ru

Статья посвящена Т.И. Райнову – крупнейшему отечественному историку науки. Реконструированы малоизвестные страницы жизни ученого в период его обучения в Санкт-Петербургском университете. Главное внимание в статье уделяется контактам Т.И. Райнова со своим учителем – академиком А.С. Лаппо-Данилевским.

Ключевые слова: история, наука, методология, Санкт-Петербургский университет, А.С. Лаппо-Данилевский, Т.И. Райнов, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Н.Д. Кондратьев.

ИСТОРИК НАУКИ Т.И. РАЙНОВ – УЧЕНИК А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО*

Одним из талантливейших воспитанников школы А.С. Лаппо-Данилевского был Т.И. Райнов – историк науки, науковед, философ, психолог, литературовед, экономист, социолог, востоковед, библиотечарь, библиограф. В силу обстоятельств места и времени, в которых протекала жизнь Райнова, специфических особенностей личности, обособленного состояния в научном сообществе и ряда других причин его принадлежность к школе А.С. Лаппо-Данилевского, как правило, остается за пределами фокуса внимания историографов.

В среде «историков–феодалов», особенно тех, кто занимался или хотя бы соприкасался с сюжетами по истории культуры Средневековой Руси, имя Райнова как автора непревзойденной монографии «Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу» (1940) в общем-то на слуху, но не более. То же можно сказать о тех немногих, кого интересует история отечественного науковедения и наукометрии. Для них Райнов своего рода предтеча – автор пионерской работы «Волнообразные колебания творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVIII и XIX веков». Статья была издана в 1929 г. только на английском языке в журнале «Isis» и оказалась надолго почти забытой на родине автора¹, хотя в те годы Райновым была подготовлена на эту тему монография, судьба которой пока остается неизвестной. Стоит отметить, что даже опубликованная часть творческого наследия Райнова, которая составляет меньшую долю от всего им созданного, в силу своего тематического и дисциплинарного разнообразия оказалась «разобрана» по отдельным специальностям, не изучена как целое, и потому его имя не стало общекультурным достоянием, как, безусловно, он того заслуживает. Это не позволяет понять генезис и доминанты его творчества, импульсы, приводившие к изучению тех или иных научных проблем, и проч.

Тимофей Иванович Райнов – выдающийся русский ученый и мыслитель первой половины XX в. – незаслуженно мало известен. Прошло уже свыше ста лет со дня его рождения, но до сих пор биография ученого неточна, фрагментарна и неполна². Совсем недавно удалось установить, что даже дата его рождения, фигурирующая во всех, впрочем, весьма немногих изданиях, ошибочна.

Райнов родился 29 июля 1890 г.³ в крестьянской семье в селе Кольчево Аккерманского уезда Бессарабской губернии. Это село, как и ряд других близлежащих населенных пунктов, было основано в XIX в. задунайскими болгарскими. До революции отец – Иван Андреевич владел посевной и усадебной землей, размер которой, видимо, был невелик. Со временем И.А. Райнов стал мелким служащим в городе Болграде, пополняя скудный семейный бюджет сдельной работой.

В анкетах Т.И. Райнов периодически указывал свою национальность то болгарин, то русский, очевидно не придавая этому особого значения. Зная болгарский, немецкий, французский и английский, родным языком он считал русский. По его словам, он начал зарабатывать с 13–14 лет давая уроки. Сам Райнов учился сперва в

начальной школе, затем с мая 1900 г. в гимназии императора Александра III в Болграде, полный восьмилетний курс которой завершил в июне 1909 г. с золотой медалью, показав при этом особые успехи в математике и языках. Такой аттестат позволял поступать в любой университет Российской империи на выбор. В образовании и самообразовании Райнова огромную роль сыграла обильное самостоятельное чтение; как он сам писал в автобиографии, читал много и без какого-либо «внешнего руководства»⁴.

В одной из анкет, заполненных в сентябре 1923 г. при поступлении на работу в Социалистическую академию, Райнов, на вопрос – состоял ли под следствием в период до установления советской власти, ответил утвердительно: в 1905 г. за участие в борьбе с хулиганством и антисемитизмом был на две недели исключен из гимназии⁵. Больше он не был замечен в участии в каких-либо революционных событиях той бурной поры и спустя годы в официальных документах лаконично характеризовал свое отношение к Октябрьской революции и советской власти как «сочувственное»⁶. Правда, в тех же анкетах на вопрос, где находился во время Октябрьского переворота и принимал ли активное участие в «Октябрьской революции, где и в чем оно выражалось», Райнов отвечал: «Участие принимал в составе I пех. зап. полка». В одном из вариантов автобиографии содержится существенное уточнение, что во время военной службы участвовал в Февральской революции в составе 1-го запасного пехотного полка, а во время Октябрьской революции «был как раз демобилизован»⁷.

После завершения гимназического курса Райнов в июле 1909 г. был зачислен на физико-математическое отделение Санкт-Петербургского университета. Но по каким-то причинам быстро передумал и, после подачи 17 августа того же года прошения об увольнении, уже в сентябре 1909 г. поступил на инженерно-строительное отделение Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого. Но и здесь он пробыл недолго – до 11 марта 1910 г. В сентябре 1910 г. поступил⁸ на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, при этом дав обязательство сдать в течение 1910–1911 академического года экзамен по греческому языку⁹. Проучившись два года, 27 сентября 1912 г. он подал ректору университета прошение о переводе на юридический факультет¹⁰. В одной из анкет 1920-х гг. Райнов писал, что юридический факультет он окончил в 1915 г.¹¹ В других его анкетах отмечено: закончил юридический факультет Петербургского университета, а также экономический отдел (факультет) Политехнического института. Подобная неточность, очевидно, возникла не случайно. Райнов, в зависимости от того, в какого рода учреждение поступал на работу, а ему приходилось довольно часто, вольно или, как правило, невольно менять служебное место, высвечивал ту или иную сторону своей профессиональной подготовки: то специалиста историка, то экономиста, то юриста, то востоковеда и т.д.

В автобиографии, составленной в 1945 г. при поступлении в только что открытый по личному разрешению И.В. Сталина и под руководством президента Академии наук В.Л. Комарова Институт истории естествознания АН СССР, Райнов счел необходимым отметить, что в универ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-03-00817 и № 14-03-00830.

ситете он проходил курс обучения на трех факультетах: физико-математическом, историко-филологическом и юридическом и подчеркнул: «...я больше всего обязан трем своим профессорам: Б.А. Тураеву (востоковедение), А.С. Лаппо-Данилевскому (методология и история русской науки) и Д.Н. Овсяннико-Куликовскому (психология научного мышления)».

Что касается Б.А. Тураева, то его влияние на Райнова в известных на сегодняшний день документах прямым образом нигде не прослеживается. Райнов слушал его лекции по истории египетской культуры, как и лекции других профессоров Санкт-Петербургского университета (А.И. Введенского по философии и психологии, М.И. Туган-Барановского по политической экономии, А.А. Кауфмана по статистике и др.), но в анкету вписал его как своего учителя, видимо, в связи с тем, что в 1940-е гг. он действительно занимался культурой и наукой Средневекового Востока (в пределах ареала республик Советской Средней Азии) и созданием Московской группы Института востоковедения. Что касается А.С. Лаппо-Данилевского и Д.Н. Овсяннико-Куликовского, то Райнов их действительно читал как своих учителей и наставников. С Овсяннико-Куликовским и его семьей, судя по всему, его связывали особо близкие отношения. Так, в 1918 г. он жил несколько дней у них на даче около Одессы, и Овсяннико-Куликовский предпринимал усилия в чрезвычайно тогда трудном деле – трудоустройстве и обеспечении заработка своего ученика. В архивном фонде Райнова сохранились конспекты сочинений и лекций Овсяннико-Куликовского. Жизни и анализу научного наследия учителя Райнов посвятил несколько исследований, в том числе статью «Психология творчества» Д.Н. Овсяннико-Куликовского. К 35-летию его научно-литературной деятельности. Введение в феноменологию творчества», опубликованную в 1914 г. в Харькове в сборнике «Вопросы теории и психологии творчества». Среди сохранившихся документов Райнова куда меньше свидетельств об А.С. Лаппо-Данилевском, точнее, их почти нет.

В основном по материалам Райнова известно о его участии в семинарии Лаппо-Данилевского. Очевидно, он мог посещать семинарий по методологии истории в 1910–1912 гг. Нам пока неизвестно, что произошло осенью 1912 г., когда Райнов был вынужден покинуть университет. За день до получения увольнения из университета он написал 14 октября 1912 г. письмо к Лаппо-Данилевскому, в котором сообщал о неожиданном для него самого вынужденном прекращении занятий. Высказывая сожаление, Райнов приносил извинение за вносимый «сам того не желая, беспорядок в ход занятий» и сообщал, что планировавший доклад о Р.Г. Лотце¹² им не будет прочитан. Райнов завершал это краткое письмо словами благодарности и отмечал, что даже если «мне уже вообще не удастся поработать у Вас, я все же унесу наилучшие воспоминания о Вашем семинарии»¹³.

После того как в 1912 г. Райнов формально покинул университет, он вероятно, продолжал посещать университетский семинарий Лаппо-Данилевского либо бывать у него время от времени дома. Подтверждение этому находим в письме Райнова от 30 октября 1913 г., в котором он просит разрешения у Лаппо-Данилевского на посвящение ему статьи «К учению о суждении с точки зрения чистой логики». Этим, писал Райнов, «я исполнил бы посильно свой долг величайшей благодарности Вам и засвидетельствовал бы еще раз, насколько я ценю возможность работать в Вашем семинарии»¹⁴.

Если основная группа учеников (историков) А.С. Лаппо-Данилевского выглядит как довольно сплоченная, однородная масса (по крайней мере, при жизни учителя), то Райнов и другой выдающийся представитель той же школы Н.Д. Кондратьев находились в несколько обособленном положении. Это отчетливо заметно в контексте событий 1915 г., когда отмечалось 25-летие ученой деятельности А.С. Лаппо-Данилевского. В изданном в 1916 г. юбилейном сборнике статей его учеников не принимали участие ни Райнов, ни Кондратьев¹⁵. Однако и тот и другой отозвались на юбилей отдельными статьями, содержащими

наиболее глубокий анализ «Методологии истории» Лаппо-Данилевского¹⁶. Вторая часть работы Райнова содержит ценные свидетельства о педагогических приемах учителя, об особенностях и истории методологического семинара. При подготовке этого материала Райнов опирался не только на свой личный опыт, но и проводил опрос многих участников семинария, в том числе списывался с теми, кто был на фронте в действующей армии. Лексикон высказываний всех, с кем он общался, как отмечал Райнов, всегда состоял «из светлых и ласковых слов...».

Статья Райнова содержит не только очерк истории и эмоциональную оценку результатов деятельности семинария Лаппо-Данилевского, но и штрихи к биографии автора, и поэтому стоит остановиться на ней чуть подробнее.

Райнов отмечал, что нынешний вид семинарий приобрел около десяти лет тому назад. Особой популярностью вследствие трудности и «сухости» занятия в семинарии не отличались, общее количество участников колебалось всего в пределах десяти человек, причем это были студенты всех почти факультетов, особенно филологического и юридического. Состав участников разнородный – по способностям, по знаниям, по подготовке. «В меру этого, – писал Райнов, – не все выносят из занятий одинаковые приобретения. Но невозможно не научиться из них хоть чему-либо, особенно по части методов научного исследования, «мышления» вообще. Уже одна необходимость изучить соответствующие материалы по первоисточнику, извлечь из них нужные данные, связать их более или менее основательно с соответствующим мирозерцанием, – и проделывать это не раз, а 4, 5 раз и больше, не считая того, что каждый в отдельности наблюдает и аналогичную работу сотоварищей, иногда даже и активно производит ее параллельным образом, – уже это одно не может не оказать воспитывающего влияния»¹⁷. Обычно каждый студент участвовал в семинарии на протяжении трех-четырех лет, и со временем между всеми устанавливалась тесная духовная связь – через учителя и благодаря общности работы.

Тематика и предмет занятий семинария, по рассказу Райнова, определялись теми специальными вопросами, которые имели непосредственную связь с методологическими занятиями Лаппо-Данилевского. Они образовывали тематический цикл, обычно возвращавшийся с соответственными изменениями через четыре-пять лет. Каждый вопрос рассматривался в течение одного учебного года – два семестра. Райнов, отметив, что он не ручается за полноту списка, дал перечень этих вопросов: учение об эволюции, о ценности, о «чужом я», о случайности, классификация наук. Автор юбилейной статьи по возрасту не мог участвовать, но знал и об этом писал, что бывали годы, посвященные методологии общественнознания (это происходило в 1902/1903, 1904/1905, 1905/1906 и 1906/1907 учебных годах).

Райнов описал ход работ семинария на примере рассмотрения вопроса о понятии случайности. По известному списку университетских лекций и практических занятий А.С. Лаппо-Данилевского, составленному А.А. Шиловым и А.И. Андреевым, семинарий по критическому разбору главнейших учений о случайности проходил в 1912/1913 учебном году. Список тем по вопросу о случайности свелся, по свидетельству Райнова, к следующему «типическим представителям» соответствующих учений: Аристотель, представители «средней Ака-

Т.И. Райнов.
Санкт-Петербург. 1912 г.

демии», Лейбниц, Кант, Курно, Лотце, Крис и Рюмелин, Виндельбанд и Бутру. Кроме того, сообщал Райнов, был сделан небольшой доклад о понятии математической вероятности в связи с учетом «случайностей»; а во время прений по отдельным докладам предпринимались экскурсии в область разных учений, прямо в основной список не вошедших.

Райнова неизменно приводили в восхищение манера А.С. Лаппо-Данилевского мыслить и исследовать предельно строго и отчетливо, его принципы предельно внимательно проводить различия между разнородными понятиями, относиться благожелательно ко всему ценному, в какой бы форме оно ни высказывалось. Об этом в статье Райнова содержится немало глубоких и проникновенных строк. Так, в частности, он вспоминал, как несколько лет тому назад, при разборе учения Канта об эволюции, изложенном в «Критике способности суждения», Лаппо-Данилевский «с удивительной чуткостью углублялся в тексты, находил оттенки и изящно реконструировал с их помощью разные значения понятия эволюции у Канта. Точно так же, с большою тонкостью он разбирал впоследствии вопрос об отношении Декарта к проблеме одушевленности животных, весьма основательно доказывая, еще задолго до нынешних авторов по этому вопросу, неверность общепринятых представлений на этот счет. Вспоминаются еще его реконструкции некоторых учений Лейбница, понятия о “вещи в себе” Канта и др. Это иногда настоящие откровения по проявленной в них проницательности мысли. Их опубликование было бы весьма желательно...». Можно заметить, что труды всех упомянутых философов Райнов внимательно изучал и их разбору посвящал свои исследования.

«Для многих, – завершал рассказ о семинарии Райнов, – участие в нем было и остается настоящей эпохой в умственном, в частности – в научном их развитии и созревании»¹⁸.

Спустя несколько дней после того как вышел в свет журнал, Райнов, пересылая учителю свою статью, написал небольшое письмо, которое здесь воспроизводится полностью:

«7/III 15.

Глубокоуважаемый
Александр Сергеевич!

Прилагаемая статья моя о Вас напечатана в мартовской книге «Журнала М.Н.Пр.», в отделе “Современная летопись”. К сожалению, я должен был ограничиться в ней самыми общими чертами, частью по обстоятельствам времени и места, частью вследствие моей недостаточной компетенции в специальных вопросах “Методологии истории”. Но отметить то значительное и ценное в Ваших философских взглядах и педагогических приемах, о которых я мог судить более компетентно, я счел своим долгом, тем более, что именно специальная критика, вероятно, не коснется их с чисто философской точки зрения. – Позвольте мне, по крайней мере – в частном письме, поздравить Вас с истекшим двадцатипятилетием весьма плодотворной научной деятельности и пожелать Вам, а также и нам, Вашим благодарным ученикам, дождаться следующей четверти века и приветствовать Вас с таким же почетным итогом научного творчества.

Лично я приношу Вам и свою горячую благодарность за все, чему я научился, работая в Вашем замечательном семинаре четыре года. Я хорошо помню свои первые опыты занятий под Вашим руководством, и мне легко по себе судить об огромном воспитательном значении этого руководства. Всего заметнее на меня повлияла строгость и отчетливость Вашей манеры мыслить и исследовать, Ваши постоянные указания на необходимость внимательно проводить различия между разнородными понятиями и относиться благожелательно ко всему ценному, в какой бы форме оно ни высказывалось. Я всегда буду помнить, чем обязан Вам, и смело буду утверждать, что мои занятия в Вашем семинарии были самым отрадным явлением в моей умственной жизни последних лет. Тем охотнее сознаю это и считаю верным, что и очень многие другие Ваши ученики разделяют это отношение себя.

Душевно преданный Вам Т. Райнов»¹⁹.

Последнее сохранившееся письмо Райнова от 29 января 1917 г. свидетельствует, что он посещал Лаппо-Данилевского дома на знаменитых в истории науки пятничных приемах²⁰. Кроме этого, здесь содержится информация об участии ученого в судьбе своего одаренного ученика. А.С. Лаппо-Данилевский предпринимал усилия в обеспечении Райнова работой и, видимо, с этой просьбой обратился к В.А. Бутенко. В письме Райнов информировал о встрече с ним и благодарил за неизменное внимание и помощь. Далее он писал о состоявшейся накануне встрече с Э.Л. Радловым, который также предлагал содействие в устройстве его занятий в Публичной библиотеке. Позднее, узнав от Н.Д. Кондратьева, что и этим он также обязан участию А.С. Лаппо-Данилевского, Райнов в смущении писал: «Мне совестно, что я Вам доставил столько хлопот своею особой, и мне хотелось бы иметь когда-либо возможность отблагодарить Вас всем, чем могу»²¹.

Здесь необходимо пояснение. После окончания университета Райнов в 1916 г. был призван на военную службу и определен рядовым 1-го пехотного запасного полка, расквартированного в Петрограде. Солдатская служба в полковой канцелярии была, видимо, не очень обременительна. Так, из письма, отправленного 20 марта 1916 г. к своей возлюбленной «Дорогой Женечке» – врачу земской больницы села Каменка Херсонской губернии и уезда²², становится известен распорядок дня рядового Райнова: утром читал газету, перечитывал Овсянко-Куликовского, после обеда читал третью главу «Евгения Онегина», продолжал прерванное на днях чтение «Капитанской дочки». «Сейчас – Райнов отметил время – около 4 часов дня, «из трактира прислали мне кипятку, и во время чаепития буду еще читать Овсянко-Куликовского – кое-что приходит в голову...»²³. Вечером, около 10 часов, ян, продолжая письмо, отметил, что на службу можно явиться позже девяти часов, поскольку дела там начинаются не ранее десяти часов. Отделенный от своего адресата тысячами верст, он писал о том, как ему не хватает писем от нее, и что если придет письмо «Я воскресну, стану словоохотливее и богат мыслями...»²⁴.

В архивном фонде Райнова хранится почтовая карточка, отправленная тому же адресату, но уже 20 марта 1917 г.: «Женечка, был у меня вчера вечером Н.Д. [Кондратьев]; рассказывал, что продовольствие налаживается. Скоро выйдет акт, преобразующий земство на демократических основах. Смотрит на события и будущее оптимистически, хотя начинает не очень возражать мне, когда я говорю, что, собственно, еще ничего “настоящего” не произошло. Остальное время я занимался. Жду от тебя письма, но напрасно пока...»²⁵ У Райнова были тогда и сохранялись впоследствии очень близкие, товарищеские отношения с Н.Д. Кондратьевым, который после Февральской революции являлся секретарем А.Ф. Керенского по делам сельского хозяйства, а 7 (20) октября 1917 г. стал товарищем министра продовольствия Временного правительства. После вынужденного прекращения политической деятельности Кондратьев вышел из рядов партии социалистов-революционеров, переехал в 1918 г. в Москву и полностью сосредоточился на научной деятельности и государственной службе. Оказавшись в Москве, Н.Д. Кондратьев не прекращал общения со своим учителем. Сохранились и опубликованы несколько его писем к А.С. Лаппо-Данилевскому, в одном из которых, датированных октябрём 1918 г., содержится такая ключевая фраза: «О Тимофее Ивановиче не имею никаких сведений»²⁶. Из этого следует, что, потеряв вскоре после Октябрьского переворота связь с Райновым, Лаппо-Данилевский стремился узнать его судьбу. Скорее всего, для него так и осталось неизвестным, что происходило с Райновым после прихода к власти большевиков. Дело в том, что после Октября 1917 г. Райнов, комиссованный из армии, покинул Петроград, уехал к жене, служившей сельским врачом в Херсонской губернии, и на несколько лет исчез из поля зрения петроградских друзей и коллег.

Период жизни Райнова с конца 1917 г. по 1923 г. реконструируется в общих чертах на основании личных до-

кументов, хранящихся в фондах АРАН, РГАЭ и Научного архива ИИИТ РАН, следующим образом.

На протяжении трех-четырех месяцев, с конца 1917 г. по начало 1918 г. он прожил в селе Каменка и там переболел заболеванием сыпным тифом, осложненное менингитом. Оправившись от болезни только в начале весны 1918 г., переехал с женой на место ее новой службы, в село Станислав, а затем, спустя полтора-два месяца, в волостной центр в село Шестерню той же Херсонской губернии. В 1918 и 1919 гг., по словам Райнова, он занимался сельским хозяйством, видимо, подрабатывал частными уроками, помогая жене в деле обеспечения амбулатории оборудованием, посудой, керосином и проч. Выезжал в Екатеринослав и Кривой Рог. В 1919 г., после установления в тех краях советской власти, он поступил на службу преподавателем обществоведения и социальной психологии²⁷ на Высшие педагогические курсы в городе Кривой Рог. Поскольку село Шестерня находилось недалеко от места службы, в условленные для проведения занятий дни из Кривого Рога за Райновым присылались лошади. Так он прожил до 1923 г., до переезда в Москву. Безусловно, в эти годы, спасаясь вместе с женой от хаоса и бед гражданской войны, разрухи и голода, он постоянно занимался литературной работой, преимущественно в области литературоведения и психологии творчества.

Проживание в глуши, вдалеке от культурных и научных центров для интеллектуала Райнова было тяжким испытанием, и он при первой же возможности стал искать пути освобождения от этой добровольной «ссылки». Основным источником об этом периоде являются его письма к жене. Так, из письма от 25 июня 1918 г. становится известно, что в это время он находился в Одессе, где сначала поселился в гостинице «Венеция», а затем переехал на дачу к Овсяннику-Куликовским «на самом берегу моря, в зелени и на просторе». Попытки найти место преподавателя в Одессе не только в высших, но и в средних, включая частные гимназии, учебных заведениях оказались тщетны. Не помогли рекомендации и ходатайства ни Д.Н. Овсяннику-Куликовского, ни председателя Общества народного университета профессора Н.Н. Ланге, ни других авторитетных людей. В Одессе, не испытывавшей дефицита в преподавателях, оказалось «много педагогов из Бессарабии и других мест, числящихся на службе, но не имеющих мест». Кроме поиска места, Райнов был озабочен изданием своих трудов («Очерки русской философии», книга о Лаврове и др.), для чего он встречался с редакторами местных журналов и издательств, в том числе с кем-то из братьев Юшкевичей, Л.П. Гросманом и др.

А.С. Лаппо-Данилевский погиб 7 февраля 1919 г. в Петрограде, Д.Н. Овсяннику-Куликовский скончался в Одессе 9 октября 1920 г. Потрясенный одновременной утратой своих учителей и наставников, в наступившем интеллектуальном одиночестве Райнов, вырвав два разнонаправленных листа из «амбарной» книги, написал следующее пронзительное эссе:

«Две тени

Дмитрий Николаевич Овсяннику-Куликовский (1853–1920) и Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) при жизни едва знали друг друга лично. Казалось, они были и очень непохожи друг на друга. И все равно в моей благоговейной памяти они как-то естественно выступают рука об руку. При большом несходстве, у них было и много общего, и как раз в том, во имя чего мы свято будем хранить память о них.

Вспоминается мило-некрасивое лицо Дмитрия Николаевича, то спокойно-задумчивое, то озаренное мягкой улыбкой, со словом снисхождения или добродушной шутки на устах. И рядом четкий лик Александра Сергеевича, то сурово-сосредоточенный, то странно сморщенный смехом, со словом осторожности или стыдливого участия на строгих устах. Один прошел свой жизненный путь с доверием к

миру и людям, не смущаемый неразрешимыми загадками и без сильных разочарований. Другой не столько созерцал, сколько испытующе всматривался в окружающее, полное для него трудных вопросов и таившее возможности непредвидимые. Творчество давалось Овсяннику-Куликовскому легко и походя: он был свободный адепт «радостной науки». Через муки внутренней борьбы шел к научным завоеваниям Лаппо-Данилевский, и был он строгим жрецом, аскетическим служителем бесконечно притязательного знания. Тревогу смущенной души один умерял в общении с великими художниками слова. Исход своим душевным волнениям другой искал в гармонических звуках и чарах музыки. Одного Вы могли застать отдыхающим за чтением псалмов, другого – в экстазе музыкальной игры, иногда в качестве композитора.

И все-таки многое сближало этих разных людей – и в их душевном облике, и в их деятельности. Оба были высокими представителями человеколюбия. Мудро признавая неизследимые тайны мира и судеб, они гордо несли знамя человеческой неподзаконности. Они верили и жизнью запечатлели, что человек, ограниченный и не вечный, имеет право и должен мужественно пролагать свой собственный, им самим себе заданный, автономный путь в мире. Понимая историческую неизбежность профессиональных религий, они не нуждались в подаваемых ими утешениях. И оба не искали в них опоры для великого слова и дела гуманности, внесенного в мир человеком. Понимание, сочувствие, сострадание и гармоническое сотрудничество людей стояли для них в мире силою собственного величия, покоряюще значимостью своей идеальности. Не будучи святыми, связанные, как все мы, житейской прозой и путами нужды, Овсяннику-Куликовский и Лаппо-Данилевский посылно претворяли их в жизнь, и сколько лиц, близких и далеких, могли бы засвидетельствовать, что это делалось ими всегда с тою щедростью духа, с тою готовностью творить добро без оглядки и счетов.

В своей деятельности оба они были философствующими учеными. Крупные авторитеты в разрабатывавшихся ими областях знания, Овсяннику-Куликовский и Лаппо-Данилевский брались за очередные задачи науки во всеоружии философской критики и самоотчетности. Критическая философия – хотя и по-разному каждым понята – делала общеинтересными их специальные научные изыскания. В синтаксических и психологических работах Овсяннику-Куликовского она играет роль основы и фона в такой же степени, как в методологических и исторических трудах Лаппо-Данилевского. И если последний кажется больше философом, чем Овсяннику-Куликовский, это потому, что он больше пуританин в выражении своих взглядов, и там, где Овсяннику-Куликовский философствует бессознательно, Лаппо-Данилевский стремится осветить сознанием каждый свой шаг.

Многочисленные ученики и почитатели обоих почивших ученых-мыслителей с благодарною любовью сохраняют память о них, и их страдальческие тени, нерадостно ушедшие от нас в эти многотрудные, трагические дни, будут являться им очищенными от всех недостатков и случайностей бременного существования, в ореолах святых нашего культурного пантеона.

Т. Райнов»²⁸.

Со смертью А.С. Лаппо-Данилевского не прекратилось его влияние на многообразное творчество Райнова, который с середины 1920-х гг. постепенно переходил в новую профессиональную исследовательскую область – историю научных знаний. Воздействие академика А.С. Лаппо-Данилевского – одного из основоположников отечественной истории науки и создателя первой академической исследовательской историко-научной структуры, отчетливо прослеживается на протяжении всей творческой жизни Райнова, ставшего в 1-й половине XX в. крупнейшим русским историком науки. Однако это тема специального исследования.

¹ На эту, одну из ранних науковедческих работ, основанных на применении математических методов, в середине 1970-х гг. указал А.П. Огурцов. См.: Огурцов А.П. Забытые изыскания // Природа. 1976. № 2. С. 123. Русский вариант статьи впервые был издан в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (1983. № 3. С. 63–80, перевод В.Н. Катасонова). Более точный и полный

перевод опубликован в сборнике: Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института. (М., 2010. С. 146–168. Пер. с англ. П.Н. Клюкина).

² Памяти Т.И. Райнова // Труды Библиотеки АН СССР и фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М., Л., 1959. С. 384–387; *Зубов В.П., Иванов Д.Д., Каминер Л.В., Кузнецов Б.Г., Соболев С.Л., Старосельская-Никитина О.А., Фигуровский Н.А., Юшкевич А.П.* Т.И. Райнов [некролог] // Вопросы истории естествознания и техники. 1959. Вып. 7. С. 194–196; *Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г.* Т.И. Райнов – исследователь науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 4. С. 81–93; *Микулинский С.Р.* Проблемы истории и теории развития науки в трудах Т.И. Райнова // Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. С. 262–330; *Гаврюшин Н.К.* К изучению рукописного наследия Т.И. Райнова // Памятники науки и техники. 1986. М., 1987. С. 170–182; *Илизаров С.С.* Райнов Тимофей Иванович // Московская энциклопедия. М., 2010. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 3. М–Р. С. 588.

³ Точная дата устанавливается на основании документов личного дела студента Т.И. Райнова, отложившихся в фонде Санкт-Петербургского университета: копия аттестата зрелости, копия выписки о рождении и крещении 21 августа 1890 г. со ссылкой на запись в метрической книге Михайловской церкви села Кольчезка 4 округа Аккерманского уезда за 1890 г., хранившейся в архиве Кишиневской духовной консистории и др. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57557. Л. 11–11 об., 35, 42, 61). Начиная с 1923 г., во всех выявленных анкетах советского времени собственноручно заполненных Т.И. Райновым при поступлении на государственную службу, указан год рождения – 1888. Не ясно, в какой момент и по какой причине оказался измененным год рождения.

⁴ РГАЭ. Ф. 7285. Оп. 1 Л. 10.

⁵ АРАН Ф. 350. Оп. 3. д. 311. Л. 100.

⁶ Представление о Т.И. Райнове как о человеке индифферентном к политике отражает сегодняшний уровень разработанности его биографии. Нельзя исключить, что по мере расширения источниковой базы это представление может измениться; среди людей его круга общения и дружбы были такие социально активные, как Н.Д. Кондратьев, П.А. Сорокин и др.; судя по всему, родственники Т.И. Райнова и его жены принимали активное участие в революционных действиях в Бессарабии.

⁷ РГАЭ. Ф. 7285. Оп. 1 Л. 2, 10.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57557. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Информация о прохождении курса на юридическом факультете основана на свидетельствах самого Райнова. Документов, подтверждающих это, пока не найдено. В справке из Санкт-Петербургского университета от 18 сентября 1915 г., направленной в Измайловское уездное по воинской повинности присутствие, следует, что Райнов выбыл из университета в октябре 1912 г., и его местожительство университету не известно (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57557. Л. 12). В этих же документах имеется свидетельство, согласно которому Райнов слушал лекции по весну 1912 г., и 15 октября он получил на руки свидетельство об увольнении из университета (Л. 20). Правда, у него оставался пропуск для входа в университет на 1912/1913 учебный год, и в ноябре 1912 г. он получил разрешение Министерства народного просвещения об отсрочке на сдачу поверочного экзамена по греческому языку в течение 1912/1913 учебного года. В одном из вариантов автобиографии, составленной в Комакадемии в 1935 г., имеется пояснение Райнова о том, что он «регулярно учиться не мог вследствие, главным образом, материальных причин. Выйдя в 1911 г. из числа студентов, сдал в 1915 г. государственные экзамены экстерном по юридическому факультету в Петербургском университете» (АРАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 197. Л. 5).

¹¹ РГАЭ. Ф. 7285. Оп. 1. Л. 10. Здесь же он писал, что в студенческие годы существовал уроками, переводами и т.п. Научной работой стал заниматься с 1910 г.

¹² Рудольф Герман Лотце во второй половине XIX – начале XX в. был самым известным философом и естествоиспытателем в Германии. В этике Лотце ввел понятие «ценности». Как раз в 1910/1911 учебном году на семинарии А.С. Лаппо-Данилевского проводился критический разбор важнейших учений о ценности (См.: Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 43). Работа, проводившаяся при подготовке к докладу о Лотце, нашла отражения в статье Т.И. Райнова «Гносеология Лотце» (Новые идеи в философии. 1913. № 7. С. 80–114), в которой анализировались две разные тенденции в теории познания этого философа, оказавшего сильное влияние на германскую философию.

¹³ СПФ АРАН Ф. 113. Оп. 3. Д. 306. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 3. Статья Т.И. Райнова была опубликована в 1913 г. в «Вестнике психологии криминальной антропологии и педологии».

¹⁵ Все авторы сборника были участниками дипломатического семинария А.С. Лаппо-Данилевского. Упоминание Т.И. Райнова как участника с 1907 г. (?) семинара по дипломатике частных актов (см.: *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 317) требует дополнительного обоснования и изучения.

¹⁶ *Райнов Т. И.* О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского (к 25-летию ученой деятельности) // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. LVI. Март. С. 57. *Кондратьев Н.Д.* Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского. К двадцатипятилетию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете. Пг., 1915. Т. 20. С. 106–124. Критический обзор работ Т.И. Райнова и Н.Д. Кондратьева дан в книге: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 227–230.

¹⁷ *Райнов Т.И.* Указ. соч. С. 56–57.

¹⁸ Там же. С. 57.

¹⁹ СПФ АРАН Ф. 113. Оп. 3. Д. 306. Л. 4–5. О более-менее постоянном участии в семинарии А.С. Лаппо-Данилевского находится косвенное подтверждение в письме Т.И. Райнова к В.И. Вернадскому от 7 апреля 1928 г., где он пояснял: «Я по специальности – философ и ученик покойного А.С. Лаппо-Данилевского, в семинаре которого (по методологии истории) я в свое время проработал 5 лет...». (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 3).

²⁰ Об этих встречах и их значении имеются свидетельства нескольких учеников А.С. Лаппо-Данилевского – Б.Д. Грекова (Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1919. № 56. С. 155), С.Н. Валка (Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 197–198), Г.В. Вернадского (Русская историография. М., 1998. С. 187–188) и др. См. также: *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 29–32.

²¹ СПФ АРАН Ф. 113. Оп. 3. Д. 306. Л. 6–7.

²² Не ясно, был ли в это время уже оформлен брак Т.И. Райнова с Евгенией Борисовной Беньямович.

²³ НИОР РГБ. Ф. 411. Карт. 14. Д. 18. Л. 1

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 3.

²⁶ *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. М., 2004. С. 649.

²⁷ АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 311. Л. 99.

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 441. Карт. 3. Д. 4. Л. 1–4.

ВИТАЛЛИЙ ЮРЬЕВИЧ АФИАНИ

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археографии ИАИ РГГУ, директор Архива РАН (Москва)

Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: academ_archive@mail.ru

В статье содержится анализ биографий и научного творчества В.И. Вернадского и А.С. Лаппо-Данилевского. Выявляются совпадения, в том числе в стремлении к широким обобщениям, созданию фундаментальных трудов, связанные с различными факторами, включая происхождение, образование и принадлежность к петербургской научной школе.

Ключевые слова: В.И. Вернадский, А.С. Лаппо-Данилевский, биография, научное творчество, генерализация прошлого, сравнительное исследование, Архив РАН.

В.И. ВЕРНАДСКИЙ И А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ: СТРЕМЛЕНИЕ К ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО

В этом году мы отмечаем два юбилея – 150 лет со дня рождения В.И. Вернадского и А.С. Лаппо-Данилевского. Один – гений XX столетия, ученый-энциклопедист, предложивший новый взгляд на историю и будущее развитие человечества, Земли и Вселенной, другой – выдающийся историк и мыслитель, внесший огромный вклад не только в исследование истории России, особенно XVII–XVIII вв., в источниковедение и археографию, но и в методологию истории. Казалось бы, их пути сильно расходились.

А между тем в их биографиях и в научном творчестве обнаруживается немало общего.

Кажется, первым на это обратил внимание А.И. Клибанов, доктор исторических наук, сотрудник Института истории СССР. В послесловии в первом издании в 1990 г. первой части труда А.С. Лаппо-Данилевского – «Истории политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики», он писал, что «идея антропокосмическая», которую развивал Лаппо-Данилевский, вызывает «ассоциации с понятием ноосферы, разработанным в трудах В.И. Вернадского»¹.

Более обстоятельно говорил об этих сближениях мой учитель С.О. Шмидт, член оргкомитета нашей конференции, к огромному сожалению, ушедший в этом году. В выступлении на заседании Археографической комиссии в 1994 г., посвященной Лаппо-Данилевскому, он утверждал, что в процессе изучения взглядов ученого «перед нами могут раскрыться едва ли не планетарные масштабы личности ученого и осмысливаемого им, допускающие сравнение с жизнью и творчеством его великого сверстника (историк старше его на полтора месяца) и близкого знакомого – естествоиспытателя и философа академика Владимира Ивановича Вернадского...». С.О. Шмидт отмечал и близость общественно-политических «воззрений», и «особую чуткость восприятия происходящего в обществе, и ощущение долга ученого и гражданина не оставаться в стороне от общественной жизни и четко выражать свои позиции и публично», «глубокую преданность своим научным изысканиям», долгу ученого перед страной, жизнь «в постоянном напряжении ищущей исследовательской мысли», талант организаторов науки, патриотизм и их признание за рубежом, принадлежность «к самой избранной элите ученых». С.О. Шмидт также говорил, что «творчество обоих ученых характеризуется и, так сказать, методическим интересом к наукам и не своего спектра <...>. Оба прославились созданием новых направлений, отраслей в конкретных сферах научного знания, новых прикладных научных методик и в то же время новизной широкого философского осмысления проблем <...>. И в судьбе сотворенного ими, в восприятии этого тоже много общего – сделанное обоими учеными в конкретных областях науки было очень скоро признано и высоко оценено, а великие откровения их в сфере философии, миропознания отнюдь не сразу должным образом поняты»².

В том выступлении на заседании Археографической комиссии РАН С.О. Шмидт фактически наметил своего рода программу дальнейших сравнительных исследований жизни и деятельности двух ученых.

Чем больше углубляются исследователи в биографии двух ученых, тем больше открывается общего. Во-первых, оба они имеют украинские корни, причем в одной и той же

Екатеринославской губернии, хотя Вернадский и родился в Санкт-Петербурге. Более того, между Вернадским и Лаппо-Данилевским, по утверждению некоторых специалистов, имеется отдаленное родство. Для обоих было очень значимо домашнее образование. Стремясь овладеть мировыми знаниями, они овладели несколькими европейскими языками. Оба окончили Петербургский университет. Учителями у них были выдающиеся ученые своего времени. Они учились на разных факультетах, и очевидно, что будущие ученые познакомились на заседаниях Студенческого научно-литературного общества, членом которого был В.И. Вернадский, а Лаппо-Данилевский стал секретарем общества, кстати сказать, после Александра Ульянова.

У ученых были близкие общественно-политические взгляды. Вернадский был одним из организаторов партии конституционных демократов и входил в ее руководство. Лаппо-Данилевский также придерживался либеральных взглядов и был членом той же партии. Оба избирались в Государственный совет.

Но были и различия, например, в характерах. Здесь уже упоминалось об отзывах современников о непросто характере Лаппо-Данилевского. «Он был трудный человек, – писал И.М. Гревс, – сам тяжело подходил [к людям] и к нему подойти было нелегко». Но «кто умел его понять и почувствовать, тот проникался к нему настоящим уважением и симпатией, стремился сблизиться, наслаждался общением»³.

Так вот, В.И. Вернадский был именно из тех людей. И мы можем с уверенностью сказать, что их связывали дружеские отношения еще с университетской скамьи. Тому немало документальных подтверждений. В обширной переписке ученого с супругой Н.В. Вернадской, хранящейся в Архиве РАН, (которая опубликована за 1886–1904-е гг.), нередко упоминается о встречах с «Лаппой», как по-студенчески называл его В.И. Вернадский⁴. В фонде В.И. Вернадского сохранилось также 23 открытки и письма Лаппо-Данилевского за 1900–1913 гг.⁵ Первые открытки связаны с подготовкой Вернадским работ о М.В. Ломоносове. Лаппо-Данилевский подбирает литературу в библиотеках Санкт-Петербурга, пересылает Вернадскому нужные книги, сообщает сведения, которые могут пригодиться в исследовании.

Другая тема переписки – выборы в Государственный совет и в Государственную думу. В апреле 1905 г. Лаппо-Данилевский пишет: «Как ни тяжело думать сейчас о выборах в Госуд. Совет, приходится заботиться о том, чтобы исход их был возможно более благоприятным для предстоящей деятельности Госуд. Думы, а потому А.А. Шахматов и я обращаемся к Вам со следующей просьбой: убедительно просим Вас и Ваших товарищей (В.О. Ключевского и проф. Алексеева) приехать сюда 8 апреля (10-го предполагаются выборы) и вечером того же дня пожаловать на квартиру к Андрею Сергеевичу Фаминцину для того, чтобы предварительно сговориться относительно выборов».

Очень эмоционально его письмо от 16 февраля 1911 г., посвященное уходу Вернадского вместе с другими профессорами из Московского университета, в знак протеста против реформ министра Кассо. Лаппо-Данилевский пишет: «Вчера я узнал из газет, что Ваша отставка принята: тяжело думать, что Университет лишился Вас и что Вы должны будете, под давлением произвола, бросить дело,

которому Вы служили четверть века, тяжело думать о том, как непрочно наша «культура», как она легко теряет почву под ногами и сменяется одичанием; как оно поощряется и насаждается во имя государственных целей, как политики руководствуются мотивами, между которыми гнев и месть играют не последнюю роль <...>; тяжело писать и о многом другом, что невольно приходит в голову <...>. Трудно примириться с мыслью, что Вы совсем покинули профессию, хотя надежд на лучшее мало.

Простите за отрывочность этого письма. Просто хотелось сказать Вам о грусти и горечи, с которой я думаю о том, что произошло с Вами; да и не я один, конечно, так думаю; но от раздражительных дум до единства действий далеко».

В другом, обстоятельном, недатированном письме Лаппо-Данилевский размышляет о проблемах всеобщего образования и особенностях подходах к этому в Западной Европе и в России. Обычно письма и открытки он подписывал полностью, но здесь только «Лаппа».

Не только переписка с А.С. Лаппо-Данилевским заканчивается 1913 г., но и последнее упоминание А.С. Лаппо-Данилевского в переписке В.И. Вернадского с женой, также датировано 1913 г., но их общение, конечно, на этом не закончилось. В.И. Вернадский о своем университетском друге не раз вспоминал и после его смерти.

В большинстве этих писем, за некоторыми исключениями, мы мало найдем упоминаний об обсуждении научных замыслов, работ друг друга. Но это еще не значит, что такого обмена между ними не было. В письме от 3 июня 1894 г. Вернадский писал: «Мне иногда даже как-то любопытно подвергать свое и чужое суждение критике <...>», упоминая о споре с «Лаппой» «по вопросу об эндонимических браках (браках между близкими родственниками)»⁶. В дневниковой записи Вернадский в 1920 г., записывая впечатления от книги Ландовской о средневековой музыке и вспоминая о ее концертах в Москве, пишет о своем интересе к изучению истории музыки в России в XVIII в.: «В Петрограде в Академии мне не удалось этого сделать; говорили с Сергеем [Ольденбургем] и с Лаппой»⁷. Но самое интересное упоминание о более тесном, творческом общении двух ученых нашлось в переписке 1930-х гг. 17 июня 1936 г. Вернадский писал своему ученику Б.Л. Личкову: «Мои познания по логике не очень велики. В молодости я, конечно, читал Милля, потом когда-то имел разговоры с Лаппо-Данилевским, для меня интересные»⁸.

Оба ученых принадлежали к петербургской научной школе, для которой, как отмечают специалисты, характерно стремление к синтезу российских и западноевропейских традиций, опыта.

В.И. Вернадский с юности интересовался историей, профессионально занимался историей науки (эта тема стала для них с Лаппо-Данилевским общим полем научных исследований), а А.С. Лаппо-Данилевский – естественными науками. В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский обосновывал само значение рефлексии в историческом познании, ссылаясь на разработку методологических проблем в математике, физике, химии, других отраслях естествознания⁹.

И всем этим, вероятно, следует объяснять те точки соприкосновения в теоретических воззрениях ученых, которые отмечают исследователи. Вслед за А.И. Клибановым об общности концепции человеческого развития у Лаппо-Данилевского идей В. И. Вернадского писала О.М. Медушевская¹⁰. О «космическом смысле социального развития», идее «реорганизации Вселенной» в результате развития исторического процесса и воздействия на него «великой индивидуальности человечества» в «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, писал еще А.Е. Пресняков¹¹.

Вернадский и Лаппо-Данилевский придавали особое значение научной мысли, ее роли в историческом развитии. Общее для них – рассмотрение истории человечества как органической части Вселенной, развития космоса.

Есть немало совпадений и в судьбе научного наследия ученых. Стремление к исключительной научной добросовестности, с одной стороны, а с другой – неблагоприятные внешние, политические и идеологические условия привели к тому, что труды, которые они считали едва ли не самыми главными, оставались неопубликованными при жизни ученых и многие годы после их смерти. Оба ученых в советское время были заклемы как «буржуазные идеалисты», что не способствовало изданию их трудов. В советской историографии общим местом стала негативная характеристика теоретического наследия А.С. Лаппо-Данилевского. В обобщающих трудах писалось, что они «являются ярким проявлением глубокого идейного упадка буржуазно-дворянской исторической мысли периода империализма»¹², отмечалось, что «бесперспективность теоретических построений историков либерального направления наряду с другими симптомами кризиса была особенно разительна на фоне несомненных достижений в изучении конкретных вопросов и особенно в совершенствовании методов изучения исторических источников»¹³.

У Вернадского оставались неизданными несколько важнейших его трудов, опубликованных многие десятилетия спустя после его смерти¹⁴. У Лаппо-Данилевского оказался также неизданным его фундаментальный труд, результат многолетних исследований – «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». В результате не были осмыслены и включены в живой научный процесс важнейшие исследования и идеи ученых. Многие оставались неизвестными даже специалистам.

И еще одно неслучайное совпадение. Сотрудники Архива Российской академии наук многие годы публикуют научное наследие В.И. Вернадского и А.С. Лаппо-Данилевского. В частности, дважды была издана первая часть «Истории политических идей в России в XVIII в.». Но до сих пор этот фундаментальный труд полностью не издан по ряду объективных и субъективных причин.

В.И. Вернадский приложил немало усилий для увековечения памяти своего друга. Комиссия по истории знаний, которую он создал в 1921 г. и руководил, 28 февраля 1929 г. посвятила торжественное заседание по случаю 10-летия со дня смерти академика Лаппо-Данилевского, и в Труды комиссии увидел свет выпуск, посвященный Лаппо-Данилевскому¹⁵. В.И. Вернадский и его сын Г.В. Вернадский принимали активные попытки для издания в СССР или в США «Истории» Лаппо-Данилевского, к сожалению, их намерения не реализовались.

В настоящее время подготовка к изданию полной рукописи «Истории политических идей в России в XVIII в.» вступает в завершающий период. К нам присоединились сотрудники ИИЕТ РАН, РГГУ и издательство «Новый хронограф». Планируем издать этот труд в будущем году. Но, чтобы полностью завершить работу, предстоит еще немало сделать, и если кто-то из участников конференции захочет присоединиться к нам, работа для него найдется.

Вдова А.С. Лаппо-Данилевского в письме его ученику А.И. Андрееву в 1940 г., передавая в архив документы ученого, писала: «...Здесь теплится в душе маленькая надежда что, может быть, это не смерть, а только временный плен его мысли»¹⁶. Можно сказать, что теперь появляется возможность наконец-то реализовать эти надежды и выпустить к читателю идеи и мысли великого ученого.

¹ Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 264.

² Шмидт С.О. А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 167–176; Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996.

³ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 68. С. 65, 66.

⁴ Вернадский В.И. Письма к Н.Е. Вернадской. 1886–1889. М., 1988; Он же. Письма к Н.Е. Вернадской. 1889–1892. М., 1991; Он же. Письма к Н.Е. Вернадской. 1893–1900. М., 1994; Он же. Письма к Н.Е. Вернадской. 1901–1908. М., 2003; Он же. Письма к Н.Е. Вернадской. 1909–1940. М., 2007.

- ⁵ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 922, 923.
- ⁶ Вернадский В.И. Письма к Н.Е. Вернадской. 1886–1889. М., 1988. С. 80.
- ⁷ Вернадский В.И. Дневники. 31 января 1919 – 4 апреля 1920. Киев: Наукова думка, 1994. С. 65.
- ⁸ Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1918–1939. М., 1979. С. 177.
- ⁹ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: Учебное пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001.
- ¹⁰ Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С. 43.
- ¹¹ Пресняков А.Е. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 90.
- ¹² Историография истории СССР / Под ред. В.Е. Илерицкого и И.А. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1971. С. 382–383.
- ¹³ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 318.
- ¹⁴ Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965; 2-е изд. М., 1987; *Он же*. Размышления натуралиста. М., 1975. Кн. 1. Пространство и время в неживой и живой природе; *Он же*. Размышления натуралиста. М., 1977. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление.
- ¹⁵ Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского Л., 1929 (Очерки по истории знаний. Вып. 6).
- ¹⁶ Цит. по.: Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Предисловие // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 13.

ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА БАСАРГИНА

*доктор исторических наук, заведующая отделом публикаций и выставочной деятельности Санкт-Петербургского филиала архива РАН (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: akhos@mail.ru*

Статья посвящена обстоятельствам присуждения А.С. Лаппо-Данилевскому степени доктора honoris causa Кембриджского университета летом 1916 г. Аннотирована групповая фотография русских и английских ученых, выполненная в Кембридже 11 августа 1916 г.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, международные научные связи, Первая мировая война, история науки.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ – ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР ПРАВА КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.С. Лаппо-Данилевский получил степень почетного доктора права Кембриджского университета в 1916 г., когда «под гром пушек» шла коренная переоценка европейской ценностей. Первая мировая война оказалась важнейшим рубежом в развитии науки. Прежде единая республика ученых распалась, расколовшись по национальному признаку, что, впрочем, ускорило процесс формирования национальной науки в разных странах, включая Россию. Прервались международные связи¹. Рушились традиционные представления о немецкой науке и культуре, на протяжении столетий служивших для России образцом университетского и академического строительства, немецкие ученые подверглись обструкции и оказались в состоянии международной изоляции².

На фоне разочарования в немецких учителях усилился взаимный культурный интерес стран Антанты³. Трагические события Первой мировой войны как никогда прежде сблизили Россию и Англию и привели к расширению научных и культурных связей двух стран⁴. В феврале–марте 1916 г. британское правительство пригласило к себе российских писателей и публицистов, которые были приняты на самом высоком уровне – королем и многими министрами⁵. Важным шагом к установлению контактов между российской и британской общественностью стала совместная работа ученых и писателей двух стран над книгой «Душа России»⁶.

Свидетельством заметного усиления внимания к России стало создание в конце 1915 г. при Лондонском университете Школы славянских исследований (School of Slavonic Studies) – центра подготовки специалистов по славянским языкам и истории⁷. Министерство народного просвещения России, в свою очередь, инициировало обсуждение программы расширения академического сотрудничества с Англией.

В мае 1916 г. Академия наук учредила Комиссию для установления более деятельных научных сношений между Россией и Англией с широкой программой сотрудничества ученых двух стран, предусматривавшей разнообразные совместные научные предприятия⁸. В рамках научного обмена английские историки посетили Петербург. Во время этого визита обсуждались планы создания многотомного

труда по истории и культуре России на английском языке под редакцией академика А.С. Лаппо-Данилевского⁹.

Летом 1916 г. Лаппо-Данилевский был приглашен в Кембридж для участия в летней сессии «народного университета» (Local Lectures Summer Meeting), которую Комитет Кембриджского университета, ведавший расширением его деятельности¹⁰, решил созвать, несмотря на тяготы войны и как бы наперекор им, хотя программа лекций отражала поставленные войной вопросы¹¹.

Заседания летней сессии открыл министр блокады и заместитель секретаря по иностранным делам лорд Роберт Сесил¹². В своей речи он указал на спасительную роль России как военного союзника Англии, на ее самопожертвование и мужество, послужившие на пользу Англии, Франции и Италии.

Центральное место в программе собрания занимали Россия и Польша, изучение русской цивилизации, что дало повод назвать летнюю сессию «Русским сезоном в Кембридже». По свидетельству наблюдателей, «Россия и русское настолько преобладало, что можно было подумать, что и само собрание было устроено главным образом из желания сделать комплимент России»¹³.

Для участия в летней сессии были приглашены российские, польские и английские специалисты, причем предпочтение было отдано тем ученым из России, которые были известны не только своими научными трудами, но и политической и общественной деятельностью. Среди приглашенных были политические «англофилы» и поклонники английской демократии – лидеры кадетской думской оппозиции историк П.Н. Милюков и экономист П.Б. Струве. А.С. Лаппо-Данилевский представлял Академию наук. Профессор международного права и сотрудник Министерства иностранных дел Б.Э. Нольде не смог приехать. Из постоянно или временно проживавших в Англии русских к участию в сессии были приглашены историк П.Г. Виноградов, член Государственной думы трудовик А.Ф. Аладин, для освещения польского вопроса – находившийся в то время в Англии славист, представитель Польского национального комитета в Думе, Р.В. Дмовский. Кроме коренных русских, в сессии приняли участие английские слависты, среди них полиглот и знаток России, много

лет проживший в Петербурге Г. Вильямс (К.И. Чуковский называл его Англо-Русским Бюро в Петрограде, хотя это бюро и состояло из одного человека – самого Вильямса).

На лекциях был рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с состоянием политики, экономики и культуры России «в свете истории Европы». Русские лекторы сосредоточились преимущественно на современном положении дел в России. Под разными углами зрения было представлено современное политическое устройство России: представительской системе была посвящена лекция П.Н. Милюкова (The Representative System). О трех политических элементах русской политической жизни (народ, интеллигенция и правительство) подробно говорил П.Г. Виноградов (The political elements of Russia, две лекции). Свой взгляд на рабочее движение в России, основываясь на личных воспоминаниях, изложил А.Ф. Аладын (The Labour Movement in Russia – personal reminiscences). Внешней политике России была посвящена лекция П.Н. Милюкова, который осветил положение дел на Балканах (Balkan Politics). Вопросы российской экономики, ее исторические основы и перспективы развития были рассмотрены П.Б. Струве (The historical basis of the Economics of the Russian Empire; Economic prospects of the Russian Empire). А.С. Лаппо-Данилевский прочитал две лекции на тему «Развитие науки и учености в России» (The Development of Science and Learning). Дмовский посвятил свое выступление прошлому и настоящему Польши (Poland, old and new). Вильямс говорил о национальном вопросе (The nationalities of Russia)¹⁴. По материалам лекций Милюкова, Струве, Лаппо-Данилевского, Дмовского и Вильямса был опубликован сборник очерков «Русские реалии и проблемы»¹⁵.

Лаппо-Данилевский посвятил свое выступление анализу общих тенденций развития русской мысли и ее претворения в разных областях донаучного и научного знания¹⁶. Под термином «мысль» он подразумевал идею единства системного знания, направленного на исследование мирового целого. Объединяющие, руководящие принципы в философии, науки и образованности в разные эпохи имели либо религиозный, либо светский характер.

Анализ развития религиозной мысли, которая доминировала в России вплоть до конца XVII в., привел его к неизбежному выводу о том, что объединение мысли в духе христианства превратилось в подчинение мысли догмату и привело к порабощению науки. Русская светская мысль, по утверждению Лаппо-Данилевского, могла достичь единства, только став самостоятельной и в этом смысле национальной. Поэтому развитие научной мысли в России он рассматривает не только с точки зрения принципиального единства науки как системной совокупности знаний, способов их получения и верификации, но и со стороны национального контекста и особенностей движения русской научной мысли в зависимости от меняющихся исторических условий.

Лаппо-Данилевский рассмотрел характерные особенности развития российской науки, которая зародилась в начале XVIII в. и в первый период своей истории находилась под исключительным влиянием немецкой философии и науки. Понемногу это влияние было нейтрализовано влиянием французского сенсуализма и английского эмпиризма, что предохранило русских ученых от полного подчинения германской мысли.

Лаппо-Данилевский приходит к важному заключению: многообразие внешних влияний оказалось благотворным для развития учености в России, потому что оно «давало русскому обществу возможность черпать знания из разнообразных источников, свободно выбирая между ними, и благоприятствовало развитию свободы от предрассудков и косных традиций; оно расширяло круг его идей и поддерживало в нем дух космополитизма и гуманизма; оно знакомило его с многообразными формами и типами науки и учености»¹⁷. Однако это многообразие влияний было сопряжено с одним недостатком, а именно отсутствием единства познавательного процесса.

Объединяющее национальное мышление, необходимое для высвобождения русской мысли от чужеземной опеки и

«для восполнения и усовершенствования заимствованного знания самостоятельной научной работой»¹⁸, раскрылось только при Александре II, после великих реформ 1860-х гг., когда принцип единства миропонимания принял новую форму синтеза философии и науки. Союз философии и эмпирической науки Лаппо-Данилевский обнаруживает в разных областях знания. Математики Н.И. Лобачевский и П.Л. Чебышёв пытались придать своей науке большее логическое единство. В естествознании стремление к единству выразилось в понимании материи как системы элементов и в эволюционном учении. Принцип единства проводили в своих работах Д.И. Менделеев, А.И. Гадолин, Е.С. Федоров, И.П. Павлов, В.О. и А.О. Ковалевские, И.И. Мечников. В целом же воспринятый русской наукой принцип единства мышления содействовал формированию гармонического миропонимания. Фундаментальное значение этой проблемы осознавали и русские философы, но разрешали ее различными способами.

Большой раздел своего очерка Лаппо-Данилевский посвятил истории науки, в нем он показал вклад русских ученых в мировую сокровищницу науки и осветил разнообразные аспекты эволюции русской мысли в точных, естественных и гуманитарных науках. Размышляя о судьбах русской науки, Лаппо-Данилевский связывал ее будущее с политическими идеалами конституционной демократии.

Лекции английских профессоров затрагивали разнообразные аспекты истории и культуры России и были очень лестны для России. Одна из них так и называлась: «Россия как одна из великих мировых держав». Часть лекций имела общеобразовательный характер: слушателей познакомили с географией, историей и этнографией Российской империи. Специальные лекции были посвящены древнерусской литературе, творчеству Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого, русскому театру. На четырех лекциях звучала русская музыка: народные песни, отрывки из произведений Чайковского, Мусоргского и Могучей кучки, композиторов XX в.

В целом «Русский сезон» в Кембридже прошел с большим успехом. Завеса, скрывавшая Россию, была приподнята, и культура России предстала перед глазами участников собрания во всей ее полноте и многообразии.

Кульминацией «Русского сезона» стала церемония присуждения степени доктора права А.С. Лаппо-Данилевскому, П.Н. Милюкову, П.Б. Струве и Р. Дмовскому. В прежние годы русские ученые не часто удостоивались такой чести (в 1905 г. степень доктора honoris causa была присуждена П.Г. Виноградову). Пожалование почетных титулов сразу четырем русским ученым являлось выражением признания их заслуг и одновременно политическим реверансом в сторону России.

Торжественное заседание проходило в здании Сената 11 августа 1916 г. Великолепный зал был переполнен публикой, состоявшей в основном из дам, потому что питомцы университета находились в действующей армии. На возвышении, устланном темно-красным ковром, стояли кресла для канцлера и вице-канцлера¹⁹. Четыре новых члена Кембриджского университета, уже в красных докторских мантиях и бархатных беретках, сидели перед возвышением на особой скамье.

Распахнулись старинные двери, и в зал вступила торжественная процессия: впереди шли служителями сената, которые несли длинные серебряные жезлы, Библию и университетский статут, за ним следовал вице-канцлер Т. Фицпатрик в красной мантии, отделанной горностаем. По обе руки от его кресла стояли пустые кресла, предназначенные для новых докторов. Когда все уселись на свои места, выступил в своем докторском облачении публичный оратор, сэр Дж. Сэндс, официальный комплиментчик университета²⁰. Его обязанностью было говорить на торжественных собраниях лестные и похвальные слова.

Оратор произнес речь, назначение которой было ввести в круг академии нового члена. Он начал свое латинское приветствие с воспоминания. Ровно 21 год назад он говорил во время церемонии присуждения титула доктора honoris causa проф. Ф.Ф. Мартенсу и тогда словами Вергилия из

«Энеиды» он выразил надежду, что «обе наши нации войдут в союз на равных началах, свободными и непобедимыми, объединенными вечным миром». Эта надежда исполнилась, говоря словами того же Вергилия: «Время принесло то, что и молитвой получить навряд ли можно было».

«В эту большую войну Англия вошла в тесный союз с мужественными воинами России, и люди из русской империи, выдающиеся в мирных профессиях, благополучно достигли нашего берега с целью просветить наш университет и его учащихся – гостей этого летнего собрания относительно истории и учреждений России. Университет в доказательство своей признательности преподнес своим дружественным учителям почетные титулы».

После этого общего предисловия оратор по очереди, в алфавитном порядке представлял собранию отдельно каждого кандидата из России и затем и польского.

Звучной латынью он перечисляет ученые заслуги Лаппо-Данилевского, который в это время стоит, склонив голову: «Praesentem salutamus historiae doctorem accuratissimum, Academiae Imperialis Petrogradensis socium, virum scientiarum in provincia amplissima versatum, qui de historiae ratione universa opus conscripsit numeris omnibus absolutum. Idem philosophorum exterorum placita quantum inter populares suos valuerit perscrutatus, Britannorum quorundam exempla plurimum apud illos valuisse luculenter comprobavit»²¹.

(Мы приветствуем присутствующего здесь скрупулезнейшего доктора истории, члена Петроградской императорской академии наук, мужа опытного в самых разных областях знаний, который написал труд об общем историческом методе, самый совершенный из всех подобных. Он же, изучив взгляды иностранных философов и исследовав, в какой мере они повлияли на его соотечественников, умело доказал, что некоторые образцы британской мудрости имели у них наибольший вес.)

«Duco ad vos virum insignem. Doctorem Lappo-Lanilevsky» (Представляю вам выдающегося человека, доктора Лаппо-Данилевского), – заключает оратор и вводит его на возвышение. Вице-канцлер пожимает ему руку, и Лаппо-Данилевский садится рядом с вице-канцлером.

Та же церемония повторилась с Милюковым, Струве и Дмовским. Каждый раз оратор заканчивает представление формулой: «представляю вам такого-то», причем каждый достаивался особенно лестного отзыва. Для П.Н. Милюкова это было «historiae magistrum perspicacem» (проницательный магистр истории), для П.Б. Струве «professorem praesclarum» (блестящий профессор), для Р.Д. Дмовского «virum exigium» (превосходный человек).

Всякий раз, как новый доктор поднимался на возвышение, публика дружно и долго аплодировала, а Милюкову и Дмовскому устроила даже настоящую овацию. Новые доктора вписывали свои имена в особую книгу в толстом кожаном переплете с серебряными застёжками.

Всех присутствовавших на церемонии пригласили в сад университета на чашку чая. Вице-канцлер и его супруга г-жа Фицпатрик показали приглашенным свой дом – настоящий музей памятников старины и искусства. В саду резиденции вице-канцлера был устроен небольшой прием для почетных гостей и сделана фотография, засвидетельствовавшая важный эпизод пропагандистской кампании, направленной на формирование привлекательного в глазах англичан образа России.

На фотографии, сделанной 11 августа 1916 г., запечатлены вновь избранные почетные доктора Кембриджского университета: слева сидит Павел Николаевич Милюков (1859–1943), справа – Роман Дмовский (Roman Dmowski, 1864–1938), в центре стоят Петр Бернгардович Струве (1870–1944) и Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919). В первом ряду сидит вице-канцлер, глава Квинс Колледжа (Queens' college), пастор Томас Сесил Фицпатрик (Thomas Cecil Fitzpatrick, 1861–1931), рядом с ним, по-видимому, г-жа Фицпатрик (?). Слева стоит экономист, проф. колледжа Пемброк (Fellow of Pembroke College), секретарь Кембриджского университета в 1910–1925 гг. Джон Невилл Кейнс (John Neville Keynes, 1852–1949), рядом с ним сидит его супруга Флоренс Ада Кейнс (в девичестве Браун, Florence Ada Brown, 1861–1958), первая женщина мэра Кембриджа (1932 г.) – это родители известного экономиста Джона Мейнарда Кейнса²².

¹ Подробнее см.: Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. ред. Э.И. Колчинский и Д. Байрау, ред.-сост. Ю.А. Лайус. СПб., 2007. В книге рассмотрены многие аспекты воздействия войны на организацию науки, систему международных связей, ценностные ориентиры научного сообщества и придет обширная библиография.

² Подробнее о вызванных войной интеллектуальных кампаниях в Европе см.: Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127; Дмитриев А.Н. Мобилизация интеллекта: Международное научное сообщество и Первая мировая война // Интеллигенция и история: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М., 2001. С. 296–335; Ростовцев Е.А. 1) Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отечественная история: статьи и материалы. СПб., 2007. С. 72–117; 2) Испытание патриотизмом: профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 308–324; Басаргина Е.Ю. Лишение немецких ученых почетных званий Императорской Академии наук в годы Первой мировой войны // Русские и немцы: 1000 лет истории, искусства и культуры. Эссе. М.; Берлин, 2012. С. 444–449

³ Например, в 1916–1917 гг. под редакцией академика М.М. Ковалевского выходил сборник «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию», всего вышло три сборника из предполагавшихся четырех.

⁴ См., например: Казнина О.А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997.

⁵ Об этой поездке ее участники написали статьи, корреспонденции для своих газет и даже книги. Так, В.Д. Набоков выпустил книгу «Из воюющей Англии» (1916), А.Н. Толстой – «Англичане, когда они любезны» (1916), а К.И. Чуковский – «Англия накануне победы» (1916).

⁶ *Soul of Russia* / Ed. by W. Stephens. London, 1916. В книгу вошли статьи о Британии, очерки о впечатлениях англичан от поездок в Россию, статьи о русском фольклоре, литературе, искусстве, социальной жизни и об участии россиян в мировой войне. Приведены, в подлиннике и в переводе, стихи русских поэтов. На цветных вклейках воспроизведены картины Н.С. Гончаровой, М.Ф. Ларионова, И.Я. Билибина, Н.К. Рериха и других художников.

⁷ *Roberts I.W. History of the School of Slavonic and East European Studies, 1915–1990.* London, 1991; интернет-ресурс: <http://www.ucl.ac.uk/ssees/>

⁸ Летопись Российской академии наук. В 4 т. СПб., 2007. Т. IV. 1901–1934. С. 284.

⁹ *Тараторкин Ф.Г. А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918 гг.)* // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 270–273.

¹⁰ The Local Examinations and Lectures Syndicate – Комитет местных экзаменов и лекций, старейшая экзаменационная организация в Европе, подразделение Кембриджского университета, созданное в 1858 г.

¹¹ Так, лекции по богословию были посвящены теме «Элементы боли и розни в человеческой жизни».

¹² *Сесил (Cecil) Роберт* (1864–1958), английский государственный деятель. С образованием в 1915 г. коалиционного правительства вошел в кабинет как заместитель секретаря по иностранным делам, в 1916–1918 гг. – министра блокады. В его обязанности как министра блокады входила разработка мер экономической и торговой войны с Германией.

¹³ *С.И.Р.* Русский сезон в Кембридже (от нашего лондонского корреспондента) // Речь. 24 августа 1916 г. № 232. С. 2.

¹⁴ *Local Lectures Summer Meeting. Programme.* Cambridge, 1916. P. 12–15. Экземпляр программы хранится в фонде А.С. Лаппо-Данилевского: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 2. Д. 95. Л. 15–24.

¹⁵ *Russian Realities and Problems* by Paul Milyoukov, Peter Struve, A. Lappo-Danilevsky, Roman Dmowski and Harold Williams / Ed. J.D. Duff. Cambridge, 1917.

¹⁶ *Lappo-Danilevsky A.S. Development of Russian science and learning* // Ibid. P. 153–229. Неполный текст этой работы на русском языке находится в личном фонде ученого: СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 130. Л. 177–253.

¹⁷ *Lappo-Danilevsky A.S. Development of Russian science and learning.* P. 170–171. Цит. по: Ф. 113. Оп. 1. Д. 130. Л. 215.

¹⁸ Там же. Л. 216.

¹⁹ Канцлер (президент) Кембриджского университета избирается пожизненно, с 1908 г. им был физик, лауреат Нобелевской премии 1904 г. лорд Рэлей (Рэйли, John Strutt, 3rd Baron Rayleigh, 1842–1919). На практике все обязанности исполняет вице-канцлер, который избирается в Кембридже каждые два года из числа директоров отдельных колледжей. В 1915–1916 гг. вице-канцлером состоял пастор Т. Фицпатрик (Thomas Cecil Fitzpatrick, 1861–1931).

²⁰ Сэндс Джон (Sir John Edwin Sandys, 1844–1922), филолог-классик, автор фундаментальной «Истории классической филологии» (A History of Classical Scholarship. Vol. 1–3. Cambridge, 1903–1908).

²¹ Acta. 11 August 1916. Friday // Cambridge University Reporter. 1916. P. 1042–1044.

²² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 42. Л. 1. Сердечно благодарю О.В. Бударягину, Pat и John Easterling, David Butterfield за помощь в аннотировании фотографии.

КИРИЛЛ ПАВЛОВИЧ ГРИШИН

аспирант Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Брянск)

Тел.: 8 (903) 818-99-61; E-mail: vertige2005@mail.ru

Рассматриваются личные отношения А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова внутри корпорации русских историков. Особое внимание уделяется профессиональным связям в момент вхождения историков в науку, написания диссертаций и совместной работе в Российской академии наук.

Ключевые слова: история исторической науки, отношения историков, Российская академия наук, А.С. Лаппо-Данилевский, М.А. Дьяконов.

ЛИЧНЫЕ И НАУЧНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АКАДЕМИКОВ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО И М.А. ДЬЯКОНОВА

После смерти известных историков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова некоторые современники в своих воспоминаниях, при жизни наблюдая их рядом, указывали на тесную духовную близость, несмотря на разнообразие индивидуальностей ученых. Ушедшие друг за другом (Лаппо-Данилевский в феврале, Дьяконов в августе 1919 г.), их имена прочно и неразделимо остались в памяти коллег. Так, например, Я.Л. Барсков писал: «На первый взгляд, они казались ровесниками и моложе своих лет. Было много сходного даже в их манере держать себя, одеваться, говорить, спорить и защищать свои взгляды. <...> Согласно между собой во многом принципиально, они согласовывали в значительной степени и свою практическую деятельность. И в постановке, и в разработке планов для академических изданий М.А. Дьяконов был всегда надежным сотрудником Лаппо-Данилевского»¹. А.А. Кизеветтеру запомнилось частое пребывание историков в архивах Москвы одновременно, причем он указывал на разницу в общении с

собеседниками при полном единстве во мнениях². Каков был характер отношений между историками и какова степень взаимного влияния на жизнь и научное творчество – этому посвящена работа.

В исторической литературе, изданной в последние годы, можно найти упоминания о творческих отношениях историков, их совместной работе в академических проектах. Труды А.В. Малинова и С.Н. Погодина³, Е.А. Ростовцева⁴ и др. посвящены научному наследию Лаппо-Данилевского и некоторым образом освещают совместную деятельность историков в академическом и университетском пространстве. Несколько лет назад тема отношений Дьяконова и Лаппо-Данилевского частично была поднята мною на историографических чтениях памяти доктора исторических наук, профессора РГГУ В.А. Муравьева, состоявшихся еще осенью 2010 г.⁵ Однако эта попытка с течением времени привела к постановке новых вопросов. На основании вводимых в оборот архивных источников, неизвестных ранее, мы сконцентрировались не

только на личных коммуникациях историков, но и на взаимных оценках творческого наследия авторов. Безусловно, вне контекста развития личных связей и общих проектов Лаппо-Данилевского и Дьяконова сложно представить эти оценки. За строгими академическими рецензиями и отзывами в данном случае стоит богатейшая переписка, в которой скрыты порой сомнения, а зачастую то, что по разным причинам невозможно сказать в официальных публикациях. Переписка Дьяконова с Лаппо-Данилевским – яркий тому пример. Она хранится в Архиве Российской академии наук. В фонде М.А. Дьяконова (Ф. 639) в Москве более 80 писем Лаппо-Данилевского к нему за период 1889–1917 гг. В настоящее время фонд М.А. Дьяконова проходит научно-техническую обработку, поэтому номера дел в настоящей работе даны по старой описи. Обратные письма находятся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113) и дополняют эпистолярное наследие ученых, раскрывая новые стороны межличностных отношений. Дополняют переписку печатные рецензии и отзывы на соискание различных премий, а также научные записки и сообщения, читанные в заседаниях Академии наук, дающие критику основных трудов Лаппо-Данилевского и Дьяконова, их позиции по ключевым вопросам русской истории.

Напомним, что знакомство Дьяконова с Лаппо-Данилевским состоялось еще в начале 1880-х гг. в Петербургском университете. Начинающие ученые сблизились в научно-исследовательских и литературных кружках той поры: научно-литературном обществе, созданном О.Ф. Миллером, и «кружке русских историков», основанном в 1884 г. На квартире одного из их товарищей – В.Г. Дружинина собирались как студенты, так и уже окончившие университетский курс историки и филологи Петербургского университета⁶. Среди них были С.Ф. Платонов, Е.Ф. Шмурло, В.Г. Дружинин, Н.Д. Чечулин, А.С. Лаппо-Данилевский, М.А. Дьяконов и др. Разницы в возрасте и своем социальном происхождении члены кружка не чувствовали. В сближении Дьяконова с Лаппо-Данилевским сыграло несколько обстоятельств.

Во-первых, несмотря на разные сферы научных интересов молодых исследователей, их объединяло обсуждение спорных вопросов исторического развития, философские концепции в его осмыслении. В неформальной дружеской обстановке участники слушали и обсуждали рефераты, проводили исторические диспуты, обсуждали последние литературные новинки. Так, в источниках отразилась информация о частых совместных рефератах Дьяконова и Лаппо-Данилевского. На одном из заседаний кружка, например, они выступили с разбором сочинений К.Д. Кавелина⁷.

Во-вторых, тематика магистерских диссертаций Лаппо-Данилевского и Дьяконова была различной, но в рамках одного временного периода. Первый занимался организацией системы налогообложения в XVII в., второй – взаимоотношениями власти и церкви в Московском государстве в том же веке.

В-третьих, у обоих ученых не совсем ладилось отношения с научными руководителями. Лаппо-Данилевский в письмах к Дьяконову не раз выражал недовольство работой с Е.Е. Замысловским над диссертацией: «Замысловский продолжает меня мучить и порою доводит до болезненного отупения»⁸ или «С первым листом (корректурой. – К.Г.) у нас чуть ссоры не вышло. Как ни крепился, а все же не выдержался. А гнев для меня – дело вредное; все внутри переворачивается, а потом чувствуешь большую усталость и сонливость. Так[им] об[разом], Егор в два часа или скорее полтора (от 9 1/2 до 11) испортил мне весь вечер и весь следующий день. Да еще упрекает в том, что я у него отнимаю время!»⁹ Для Дьяконова также период работы над магистерской диссертацией «Власть московских государей»¹⁰ совпал с личным кризисом. Со стороны своего научного руководителя В.И. Сергеевича Дьяконов ждал большего внимания к работе, но не получал в силу холодности профессора не только со своими учениками, но и к коллегам. Это не позволило Дьяконову сблизиться с ним. Отдаленность от своего руководителя-юриста за-

ставила Дьяконова искать научную поддержку на стороне, среди историков, за что впоследствии он выслушал укор Сергеевича: «Вы напомнили мне льва басни, отданного на воспитание в орлиное гнездо»¹¹. И эту поддержку, наряду с В.Г. Дружининым, С.Ф. Платоновым, оказывал и Лаппо-Данилевский, которому Дьяконов читал главы диссертации. В глазах близкого окружения Дьяконов, вошедший в среду историков, будучи юристом, казался «своим среди чужих, чужим среди своих». По-видимому, Лаппо-Данилевский чувствовал это, понимая, что Дьяконову аффилиация важна в период выхода на защиту. Особенно теплота отношений между историками проявилась в дни тяжелых утрат – сначала сестры, а затем и матери Дьяконова (скончалась от рака). Те слова, которые подбирает Лаппо-Данилевский, являются ключевыми для друга. Утешение, чувство проникновенности, крайней беспечности за него, помощь и словом и делом, желание отвлечь от горя научной работой, подбадривание – вся эта доброта и теплота, исходившая от Лаппо-Данилевского, была ощутимой помощью в трудную минуту для Дьяконова. Перед нами также открывается богатый внутренний мир Александра Сергеевича, его известная закрытость от окружающих как бы растворяется в рассуждениях о бытии: «Хотя я не верю в личное бессмертие, но думаю, что психическая энергия вообще, как и всякая другая, не может подлежать уничтожению, а может быть и возрастает не только в количественном, но и в качественном отношении. С такой точки зрения смерть не представляется мне безвозвратной гибелью всего хорошего, что было в данном человеке, а только случайным перемещением его (т.е. хорошего) в новых комбинациях, конкретно осуществляющихся в новых индивидуальных образах»¹².

Таким образом, послания к Дьяконову периода 1889–1890-х гг., непростого для ученых времени работы над магистерскими диссертациями, совпали с личными духовными исканиями Лаппо-Данилевского, сопровождающимися яркими экзистенциальными вспышками¹³. Их восприятие Дьяконовым установило духовную близость в момент вхождения ученых в науку. Все это, так или иначе, повлияло на складывание дальнейших тесных профессиональных отношений.

Первой проверкой этой личной привязанности стал магистерский диспут Дьяконова. Перед защитой диссертации в письме без даты Лаппо-Данилевский морально поддерживал коллегу: «Бояться вам возражений нечего. Фактических возражений будет немного, а методологические всегда можно отпарировать. Можно возражать против заглавия, постановки темы, опущения некоторых сторон дела – но все это скорее критика отрицательная, чем положительная»¹⁴. Самой первой оценкой изысканий Дьяконова стало признание Лаппо-Данилевского в одном из писем П.Н. Милюкову. В работе Дьяконова он нашел главный недостаток, распространенный среди юристов, – отсутствие исторического движения, смешение понятий догмы права с историческим законом¹⁵. Мы не знаем, были ли сказаны примерные слова Дьяконову или остались в тайне от него. По прошествии шестнадцати лет в представлении Дьяконова в адъюнкты Академии наук Лаппо-Данилевский разглядел в ранних сочинениях коллеги, в том числе и в книге «Власть московских государей», главную особенность его подхода к применению юридических практик в политической практике великокняжеской и царской власти в XV–XVII вв. В докладной записке историко-филологического отделения Академии наук читаем: «Михаил Александрович вместе с тем наблюдал общественную жизнь во всем разнообразии ее реального содержания; уже в ранних своих трудах он обнаружил стремление связывать изучение быта с изучением права; выясняя те жизненные условия, в которых возникают юридические нормы, он (М.А. Дьяконов. – К.Г.) подвергал анализу те потребности, которым они должны были удовлетворять, а не только оценивал формальное значение их»¹⁶. До Лаппо-Данилевского ни один из его современников не уловил этой тесной связи. Александр Сергеевич объединил этот подход с эмпирическими на-

выками, полученными Дьяконовым в результате обучения в Военно-хирургической академии до поступления на юридический факультет Петербургского университета.

С августа 1889 г. Дьяконов начал читать курс лекций по кафедре истории русского права в Дерптском университете, а в ноябре того же года успешно прошел его диспут¹⁷. Уехав в Лифляндию, он поддерживал отношения с Лаппо-Данилевским, давая дружеские и профессиональные советы. В процессе подготовки диссертации Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» непосредственно участвовал Дьяконов. Лаппо-Данилевский высылал ему в Юрьев части своей работы для обсуждения, а когда Дьяконов приезжал в Петербург в редкие командировки от университета, Александр Сергеевич читал главы будущей диссертации. Под впечатлением этого чтения в письмах Дьяконова появлялись отзывы о прочитанном, возникла полемика между историками. Так, в письме от 22 декабря 1889 г. Лаппо-Данилевский писал: «Спасибо Вам, прежде всего, за Ваше письмо и за Ваши замечания, которые, впрочем, не все для меня одинаково убедительны»¹⁸. Далее следуют доводы историка в противовес Дьяконову о том, что начавшийся при первых русских князьях процесс формирования системы кормлений продолжился в XIV в. установлением их размеров и завершился превращением кормов в налоги лишь при замене их оброком¹⁹. Предметом обсуждения были также вопросы, связанные с терминологией, употребляемой в тексте диссертации (например, упоминаемое выражение С.М. Соловьева «отбить тягло»), и разбором завещания Симеона Ивановича (XV в.).

После успешной защиты диссертации Лаппо-Данилевским в 1890 г. Дьяконов был одним из первых, с кем поделился своими впечатлениями о диспуте. Письмо, датированное 12 мая 1890 г., является уникальным источником для диссертационной культуры периода второй половины XIX в. В рефлексии на произошедшее событие Лаппо-Данилевский изложил ход магистерского диспута, обрисовал общую атмосферу аудитории, выделил основные замечания оппонентов и процитировал свои ответные реплики²⁰.

Дьяконов опубликовал рецензию на диссертационную работу Лаппо-Данилевского в «Журнале Министерства народного просвещения». В целом он отмечал большие достоинства труда Лаппо-Данилевского в раскрытии спектра вопросов по истории русских финансов: «Он (автор. – К.Г.) не ограничился разбором тем о происхождении и видах прямых налогов, порядке обложения, раскладки и взимания их, но в двух особых главах дает еще обзор общественных условий, на почве которых возникла упомянутая организация прямого обложения, отмечает, как эта организация в свою очередь повлияла на соотношение общественных классов...»²¹ В отзыве были и критические замечания, носившие, главным образом, частный характер. Как отмечал в письме от 18 сентября 1890 г. автор диссертации, «Вашей заметкой, откровенно говоря, я не совсем удовлетворился»²². Рецензент считал, что существуют более ранние источники об экономическом подчинении Орде, чем грамота 1388 г. «Читатель же Вашей рецензии может подумать, что я и не предполагал возможности существования русских более ранних известий, которые, разумеется, разыскивать трудно», – ответил в письме Лаппо-Данилевский и задал вопрос, почему уважаемый корреспондент не упомянул об обстоятельстве, что в его работе приведены и более ранние грамоты, но рецензент этого не заметил. Кроме того, среди мелких недостатков в работе Дьяконов указывал на невозможность делать выводы о половниках на основании только одной порядной записи. Вот что говорится в письме: «Уже с формальной точки зрения (не сердитесь) нельзя было этого сказать: ведь у меня в ссылке указано несколько №№ устюжских актов. Из нашего же частного разговора с вами вы знаете, что я опирался не на один, а на несколько фактов, притом разнородного характера»²³. Лаппо-Данилевский также не согласился с определением

выты, употребляемым Дьяконовым. Из письма видно, что Дьяконов ранее предлагал искать корни некоторых экономических явлений в заимствовании их из Византии. На это Лаппо-Данилевский обратил пристальное внимание только по отношению к метрологии – нашел прообраз кадастра, имевшегося в византийских источниках и перенесенного в русскую систему налогообложения. При этом Дьяконов делал замечания весьма деликатно и мягко, боясь затронуть самолюбие друга, о котором говорили в кругу общих знакомых²⁴. Отметим, что Дьяконов не был большим специалистом в области финансов Московского государства XVII в., так как в период рубежа 1880–1890-х гг. занимался вопросами генезиса отношений церкви и московской власти. Однако блестящая юридическая подготовка и процесс корректирования диссертации Александра Сергеевича сгенерировали новую для него сферу научных интересов – юридический быт тяглового населения в Московском государстве XVI–XVII вв. Лаппо-Данилевский предлагал другу заняться проблемами государственной военной организации этого периода, но последний, ознакомившись с масштабным корпусом источников, уже избрал тему будущей докторской диссертации – юридическое положение тяглового населения в Московском государстве XVI–XVII вв.²⁵

В 1891 г. сочинение А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения...» было выдвинуто на Уваровскую премию. Первоначально В.Г. Васильевский, вошедший в состав комиссии, предлагал Дьяконову написать официальную академическую рецензию, тем более что отзыв на книгу Михаил Александрович разместил именно в Журнале Министерства народного просвещения, редактируемом Васильевским. Однако Дьяконов от этого отказался, сославшись на то, что его разбор не может быть обстоятельным, и посоветовал П.Н. Милюкова как специалиста, зная, что он работает над темой, схожей с книгой. Анализ рецензии Милюкова «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства» как историографического факта уже был дан в научной литературе, поэтому не считаем нужным останавливаться на этом эпизоде²⁶. Отметим лишь, что Дьяконов в ответе на эту рецензию весьма точно выполнил миротворческую миссию в полемике между Лаппо-Данилевским и Милюковым. Главным инструментарием в примирении он выбрал не оценку методологических приемов ученых, а источниковедческий разбор, подкрепив выводы Лаппо-Данилевского новыми документами.

В 1899 г. Лаппо-Данилевский был избран адъюнктом Академии наук по историко-филологическому отделению. Поддержка, которую оказывал Лаппо-Данилевский профессору Юрьевского университета Дьяконову, сыграла важнейшую роль в судьбе последнего. В этом же году Лаппо-Данилевский по поручению комиссии Академии по рассмотрению сочинений на соискание премий графа Уварова предоставил весьма благоприятный отзыв о работах Дьяконова, что позволило последнему получить эту награду²⁷. Дело в том, что рецензируемая работа «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.)» была выпущена еще в 1898 г. и была представлена в качестве докторской диссертации²⁸. Книга вызвала большие споры в научных кругах, в первую очередь в среде видных юристов Петербургского университета, которые считали ее собранием очерков, нежели цельной монографией. Таким образом, для поддержки авторитета Дьяконова Лаппо-Данилевский и ряд близких друзей посоветовали кандидату в доктора представить диссертацию на соискание академической премии, надеясь, что после признания «Очерков» в научной среде совет факультета будет благосклонен. Лаппо-Данилевский один из первых современников Дьяконова, который точно уловил особенность трудов и значимость последнего в развитии исторической науки – скупил работу его с историко-юридическими источниками, которые давали плодотворную почву для исследования идей, духовных факторов, влияющих на развитие юридических институтов. Исследования в связке общественного быта

с изучением права, по-видимому, импонировала Лаппо-Данилевскому, и он, пользуясь предлагаемыми обстоятельствами, находил возможность реализации научного творчества многолетнего друга²⁹. Однако Александру Сергеевичу как специалисту в организации налогообложения в XVII в. показался сомнительным ряд утверждений Дьяконова. Во-первых, он увидел смещение автором очерков понятий частной и государственной зависимости крестьян, что предопределило неточность построений основных выводов. Эти понятия, по мнению Александра Сергеевича, противоположны друг другу, а значит, нельзя вывести общие результаты на основании различных по типологии форм отношений между владельцами и зависимыми от них³⁰. Во-вторых, критические замечания касались исключительно отдельных групп населения Московского государства и их спорного юридического положения. Так, например, от Дьяконова на основании источников, которыми располагал последний, Лаппо-Данилевскому хотелось видеть большей определенности в разнице между подмогой и ссудой, которые, по его мнению, сыграли большую роль в истории крестьянского прикрепления³¹. Отдельные главы «Очерков по истории сельского населения в Московском государстве XVI–XVII вв.» Лаппо-Данилевский принял безоговорочно, например юридическое положение бобылей и половников поморских уездов. Но, безусловно, для рецензента главным стал вопрос о роли «старины» в труде Дьяконова. Лаппо-Данилевский первым открыл в авторе стремление увязать институт старожильства с прикреплением крестьян: «Значение “старины” в процессе прикрепления крестьян к государственному тяглу также впервые обстоятельно выяснено в очерках М[ихаила] А[лександровича]. Любопытны и частные наблюдения его над положением некоторых разрядов сельского населения Московского государства, в особенности над положением задворных людей и детенышей»³². Лаппо-Данилевский объяснял важность исследования старины Дьяконовым как неоспоримого фактора в процессе прикрепления крестьян, регулированию отношений их к землевладельцам. В целом очерки Дьяконова представлялись Лаппо-Данилевскому как пересмотр уже существующих в исторической науке концепций В.И. Сергеевича, В.О. Ключевского на процесс закрепощения крестьян на основе новых, введенных в оборот документов. Причем Александр Сергеевич выделял несовершенство исторической точки зрения коллеги, сомнительность и недосказанность его выводов, при этом признавая глубокий, системный источниковедческий подход, связанный с избирательностью и осторожностью в оценках Дьяконова сложнейших и неоднозначных вопросов закрепощения крестьян. В целом отдельное структурированное исследование Лаппо-Данилевского, заключенное в отдельную статью, можно оценить положительно в пользу Дьяконова, которого он считал исследователем нового поколения, приумножившего наследие предшественников хоть и аккуратными, но порой оригинальными и не беспочвенными выводами.

Коммуникационные связи Лаппо-Данилевского и Дьяконова были разнообразны. Они долгое время находились на расстоянии, при этом поддерживали тесную творческую близость – Дьяконов работал в Юрьевском (Дерптском) университете, Лаппо-Данилевский – в Петербургском. Условно «академическую» деятельность Дьяконова можно разделить на два этапа. Первый период – с 1899 г. по 1905 г. – время, когда ученый по предложению Лаппо-Данилевского, ставшего адъюнктом Академии наук, был включен в ряд проектов Академии по подготовке различных изданий. Дьяконов работал в Юрьевском (Дерптском) университете, периодически выезжая в оплачиваемые Академией командировки в Москву и Санкт-Петербург. Это и работа по изданию грамот Коллегии экономии – систематизированная публикация частных актов донепетровской Руси, классифицированная по региональному и хронологическому принципу. Большой археографический проект по изданию «Памятников старинного русского законодательства» был инициирован Лаппо-Данилевским при поддержке Академии наук в 1902 г.³³ Работа по подго-

товке публикации «Соборного уложения» была начата им в 1903 г., и сразу же Лаппо-Данилевский доверил Дьяконову должность главного редактора издания. Все необходимые для работы источники высылались корреспонденцией в Юрьев, что несколько облегчало участие Дьяконова в проекте. Однако издание «Соборного уложения», увы, не состоялось по причине научных разногласий исследователей в источниковедческом подходе к исследованию³⁴.

Второй период совместной деятельности Дьяконова и Лаппо-Данилевского проходил уже в стенах Академии наук, начиная с 1905 г. и до самой смерти ученых. О принятии Дьяконова в качестве адъюнкта по историко-филологическому отделению хотатайствовали С.Ф. Ольденбург и в особенности А.С. Лаппо-Данилевский, который приложил максимум усилий, чтобы выдвинуть кандидатуру друга на эту должность. Его кандидатура получила 18 голосов из 23, хотя для утверждения было достаточно 14-ти. Понимая, что заслуга в избрании на столь престижную должность принадлежит его близкому другу Лаппо-Данилевскому, Дьяконов писал по этому поводу: «Спасибо за инициативу и успех дела, ибо всем этим обязан Вам. Испытываю только невольное смущение, так как весьма не уверен в том, в какой мере окажусь в силах оправдать оказанное мне доверие и отличие»³⁵. И это доверие Дьяконов старался оправдать, о чем свидетельствует плодотворная академическая работа ученого.

Коммуникативные связи слабо отражены в переписке историков, так как у них находилась возможность приватной беседы *tet-a-tet*. К сожалению, мы не можем проследить их тесные научные контакты с 1905 г., – момента деятельности в Академии наук. Но, судя по протоколу Общего собрания Академии, можно заключить следующее. Совместная работа историков, начиная с 1905 г., позволила поднять организацию исторической науки в рамках Академии наук на новый качественный уровень. Успешный творческий союз Дьяконова и Лаппо-Данилевского позволил собрать близких им ученых в сплоченную группу. Теперь они, будучи членами Академии наук, могли влиять на развитие науки посредством своего участия в академических делах. Не без поддержки Дьяконова и Лаппо-Данилевского в состав Академии наук были избраны лучшие представители общества историков того времени.

Лаппо-Данилевский на правах старшего (не по возрасту) товарища и весьма авторитетного академика включал Дьяконова в составы разных комиссий и рабочих групп: по разработке законопроекта в области охраны памятников старины³⁶, сохранению губернских архивов и финансовой поддержке губернских ученых архивных комиссий³⁷, созданию Русского социологического общества памяти М.М. Ковалевского³⁸, организации съезда русских историков³⁹ и др.

Отношения ученых в последние полтора десятка лет сводились не только к служению в Академии наук. Оба историка стремились к укреплению связи с новым поколением исследователей, выступали в глазах молодых и уже опытных ученых носителями и продолжателями старой профессорской культуры. Так же как и несколько десятилетий назад, через научные кружки, неформальные беседы и встречи, они давали возможность раскрыться в науке тем, кто в этом нуждался. Это и «пятницы» в доме Лаппо-Данилевского, на которых часто присутствовал Дьяконов, и заседания Исторического общества в Санкт-Петербургском университете, участниками которых они были оба.

Таким образом, духовная и научная близость, дружеские личные отношения историков на протяжении всей жизни дали мощный толчок для развития исследовательской работы в тех учреждениях, где они служили. Усилия, которые они приложили, и в первую очередь Лаппо-Данилевского, позволили реформировать деятельность академии, подключив к реализации проектов ученых современников. Безусловно, первую скрипку в модернизации гуманитарных институтов играл Лаппо-Данилевский, Дьяконов же содействовал смелым начинаниям коллеги. В судьбе Дьяконова Лаппо-Данилевский сыграл роль своеобразного покровителя и наставника. Дьяконов счи-

тал за честь работать совместно с давним товарищем⁴⁰. Более сдержанный, он всегда следовал личному примеру Лаппо-Данилевского в научной и организационной деятельности, перенимал умение высказывать свою четкую и порой даже идущую вразрез с общепринятым жизненную позицию. Для Лаппо-Данилевского как человека весьма

закрытого, по наблюдениям современников, Дьяконов был одним из немногих историков, с которым он делился не только творческими планами, но и мучительными душевными переживаниями в работе над трудами. Их отношения являются богатым источником для изучения развития исторической науки конца XIX – начала XX в.

¹ Барсков Я. Памяти А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова // Вестник литературы. 1919. № 9. С. 9-10

² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: воспоминания 1881–1914 гг. Прага, 1929. С. 279.

³ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.

⁴ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.

⁵ Гришин К.П. М.А. Дьяконов и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории отношений историков // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: сб. ст.: В 2 т. М., 2013. Т. 2. С. 163–177.

⁶ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 132.

⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 2856. Л. 5.

⁸ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПб ИИ РАН). Ф. 297. Оп. 1. Д. 112. Л. 22.

⁹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 639. Оп. 1. Д. 699. Л. 3 об.

¹⁰ Дьяконов М.А. Власть Московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889.

¹¹ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1277. Л. 9 об.

¹² Там же. Д. 726. Л. 62–62 об.

¹³ Там же. Д. 703. Л. 12 об.

¹⁴ Там же. Д. 702. Л. 11.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 4858. Л. 4.

¹⁶ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 17. Д. 112. Л. 4.

¹⁷ Новое время. 1889. 20 ноября (2 декабря). С. 2.

¹⁸ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 700. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 5–6.

²⁰ Там же. Д. 704. Л. 14.

²¹ Дьяконов М.А. Отзыв о сочинении А.С. Лаппо-Данилевского: Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 8. С. 370.

²² АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 705. Л. 19.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 66.

²⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4858. Л. 18 об.

²⁶ См.: Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 100–101; Гришин К.П. Указ. соч. С. 167–168.

²⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве в XVI–XVII вв.: Отзыв // Отчет о сорок первом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1901. Т. V. № 1. С. 175.

²⁸ Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). СПб., 1898.

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 112. Л. 5–5 об.

³⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 10.

³¹ Там же. С. 17.

³² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 112. Л. 5.

³³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 149. Л. 15.

³⁴ Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 164–165.

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 149. Л. 29.

³⁶ Летопись Российской академии наук. В 4 т. СПб., 2007. Т.4. 1901–1934 гг. С. 253.

³⁷ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1906. Д. 153. С. 325.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 87. Л. 16.

³⁹ Речь. 1913. 19 декабря. С. 5.

⁴⁰ См.: Дьяконов М.А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // ИАН. 1919. VI серия. Т. XIII. № 8–11. С. 359–366.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕМЯНОВСКИЙ

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета исторического факультета кафедры истории славянских и балканских стран (Санкт-Петербург)
Тел.: 8 (963) 323-91-28; E-mail: demyanovich@list.ru

Статья посвящена деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в связи с выходом в свет «Мемуаров» последнего польского короля Станислава Августа Понятовского. Трудно определить степень участия ученого в издании этого исторического источника, однако это не позволяет игнорировать его вклад.

Ключевые слова: С.М. Горяинов, А.С. Лаппо-Данилевский, «Мемуары» Станислава Августа Понятовского.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ИЗДАНИЕ «МЕМУАРОВ КОРОЛЯ СТАНИСЛАВА АВГУСТА»

Когда говорят об Александре Сергеевиче Лаппо-Данилевском, едва ли не в первую очередь отмечают его заслуги на ниве изучения российской истории. Он – основатель петербургской школы историков, он – автор трудов по социально-экономической, политической истории, а также по методологии истории.

Но, что существенно для славистов (для полонистов – особенно) А.С. Лаппо-Данилевский не остался в стороне,

в том числе, от польской проблематики. Сознывая, в частности, ценность для изучения польской истории, так и для истории русско-польских отношений такого памятника, как «Мемуары последнего польского короля Станислава Августа», Лаппо-Данилевский – совместно с Сергеем Михайловичем Горяиновым – инициировал издание мемуаров последнего польского короля. Заметим, между прочим, что ни самого Лаппо-Данилевского, ни Горяинова,

похоже, не особенно смущал тот факт, что в российской историографической традиции XIX в. Станислав Август присутствовал, как правило, в негативном контексте и удостоивался оценок (как польский король и как человек) преимущественно критического, скептического характера.

Итак, несмотря на такое, не слишком лестное, отношение к Станиславу Августу, сложившееся в отечественной литературе, два русских историка задумались, тем не менее, над необходимостью издания этого важного для изучения истории Польши памятника. Как известно, к тому времени за плечами С.М. Горяинова уже был опыт обращения к польской истории: его перу принадлежал ряд сочинений, посвященных польской истории второй половины XVIII в. Среди них такие статьи, как: «Станислав Август Понятовский и великая княгиня Екатерина Алексеевна»¹, «Станислав Август Понятовский»², «Екатерина Великая. Отношение к Польше. По неизданному запискам короля Станислава Августа»³, «Заточение Т. Костюшки в крепости»⁴. И, что важно, в лице А.С. Лаппо-Данилевского С.М. Горяинов (уже, по-видимому, увлеченный разными сюжетами польской истории), как нам кажется, нашел понимание в том, сколь необходима публикация такого ценного источника по истории и Польши, и России, как «Мемуары Станислава Августа». Заметим, что какого-либо письменного подтверждения этого предположения мы не имеем.

Так что представляет собой этот памятник? И что можно сказать об обстоятельствах издания мемуаров?

Мемуары последнего польского короля Станислава Августа Понятовского⁵, пожалуй, по сей день остаются малоизученным источником, описывающим события, происходившие в Речи Посполитой во второй половине XVIII в., – событий, которые, едва ли не в равной мере имеют отношение как к собственно польской истории, так и к истории русско-польских отношений.

Говоря о воспоминаниях Понятовского, необходимо учитывать, что они никогда не представляли из себя единый источник. Так, в самом начале работы над изданием этого сочинения Горяинов говорит о нескольких тетрадях, написанных от руки, которые он отождествляет с «Мемуарами»⁶.

Судьба этих воспоминаний сложилась непросто. Как известно, Станислав Август, после гибели 1795 г., поселился в российской столице, где и скончался в 1798 г. Сразу после его смерти по приказу императора Павла I все бумаги монарха были опечатаны. Как довольно точно отметил польский историк Владислав Конопчинский, «в кругу заинтригованных историков росла надежда, что от этих воспоминаний откроется <...> самая глубокая тайна причин падения Речи Посполитой, а высокие круги <...> верили, что хранящееся под ключом письмо Понятовского, стрекочет о каких-то чрезвычайных секретах <...> Рукопись, как ценное тело преступления в незаконченном криминальном процессе, лежала укрытая невскими гранитами и проживала свою собственную тихую историю...»⁷. По всей видимости, в России не решались печатать «Мемуары» из-за того, что существовали опасения, будто они могут выставить в дурном свете действия Петербурга в отношении Польши.

Правда это отнюдь не означает, что к воспоминаниям Понятовского никто не обращался. Конопчинский пишет что, некоторым историкам посчастливилось быть допущенными к этому любопытному памятнику эпохи. Первым среди них был, вероятно, Фридрих Шмитт, «который искал там аргументы для оправдания российской дипломатии от упрека о решающем участии в первом разделе Польши и для взваливания вины на Пруссию. 11 февраля 1841 года <...> смутные книги вернулись под ключ и печать; <...> они погружались в постоянный сон, пока новый, такой же авторитетный приказ не сломает печать. Книги спали ровно пятьдесят лет. В 1891 году <...> император приказал достать их, допустить ... сделать их доступными кому-либо из ученых, после чего государственные печати снова легли на неприкосновенные пакеты»⁸.

Таким образом, в течение XIX столетия воспоминания Станислава-Августа оказались недоступны широкому кругу историков.

Лишь спустя четверть века, в 1914 году, Сергей Горяинов издал часть бумаг короля, которые сегодня принято называть первым томом «Мемуаров». Как отмечает сам издатель, «после нашей просьбы Его Величество Император (Николай II. – Н.Д.) соизволил 17 июля 1907 года допустить нас к публикации этих мемуаров»⁹.

Спустя десять лет появился и второй том, который включил в себя разного рода документы, связанные прежде всего с дипломатическими отношениями между Польшей и Россией до первого раздела включительно.

Далеко не последнюю роль в судьбе издания мемуаров Станислава Августа сыграл Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, которому, как сказано в предисловии к первому тому издания, было поручено «наблюдение за окончательной редакцией»¹⁰.

И, надо сказать, С.М. Горяинов в предисловии к «Мемуарам» Станислава Понятовского с благодарностью отзывается о том вкладе, который был внесен А.С. Лаппо-Данилевским в подготовку их издания, отмечая, что «его [Лаппо-Данилевского] опыт послужил нам путеводителем, его <...> сотрудничество дало нам возможность успешно завершить первую часть предпринятой работы»¹¹. Однако этим упоминания о Лаппо-Данилевском и его работе, связанной с изданием «Мемуаров», у Горяинова ограничиваются.

Конечно, могут вызвать некоторое недоумение столь скудные сведения об участии Лаппо-Данилевского в осуществлении издательского проекта. Но поскольку во вступлении (достаточно объемном, составляющем более 10 страниц) Горяинов, описав все известные ему бумаги, имеющие отношение к воспоминаниям Станислава-Августа Понятовского, более не счел возможным возвращаться к Лаппо-Данилевскому, не исключено, что его деятельность в подготовке издания мемуаров ограничивалась лишь порученным ему «наблюдением за окончательной редакцией». Нельзя не отметить, что Владислав Конопчинский в своей монографии «От Собесского до Костюшко» (1921)¹² одобрително отозвался об осуществленном в Петербурге издании «Мемуаров» Станислава Августа, подчеркнув, что вместе с Сергеем Горяиновым Лаппо-Данилевский поспособствовал тому, что текст воспоминаний «выходит в свет без всяких тенденциозных извращений»¹³. С точки зрения польского историка, немаловажно и то, что «издатели предсудометрительно удержались от любых комментариев»¹⁴.

Учитывая ограниченные сведения об участии А.С. Лаппо-Данилевского в данном издательском проекте, напрашивается, по крайней мере, пара вопросов. Первый из них: чем был мотивирован выбор именно Лаппо-Данилевского в качестве своего рода научного консультанта задуманного издательского проекта; и второй: чем было обусловлено издание «Мемуаров» Станислава-Августа в таком формате, а именно – без комментариев со стороны издателей (или других историков) и даже порой не следуя хронологии событий (либо хронологии их изложения Станиславом Августом).

Однако бумаги польского короля не ограничиваются двумя томами «Мемуаров» (СПб., 1914; Л., 1924). По всей видимости, предполагалось начатое издание продолжить, иначе говоря, по словам Конопчинского, выпустить еще третий и, возможно, четвертый тома¹⁵. Однако они не вышли в свет. Нам представляется, что это можно объяснить рядом причин. Один за другим (в 1918 и 1919 г.) ушли из жизни С.М. Горяинов и А.С. Лаппо-Данилевский – ключевые фигуры этого издательского проекта. Теперь, как известно, судьба выхода в свет второго тома «Мемуаров» была связана с деятельностью С.Ф. Платонова. Еще одно возможное объяснение того, что дальнейшее издание мемуаров застопорилось, состоит в том, что подготовка к изданию, начавшаяся в 1907 г., когда Россия пребывала в состоянии относительной стабильности, завершилась изданием первого (в 1914) и второго (в 1924) томов «Мемуаров», когда страна переживала уже другие времена. И в эту другую эпоху уже было явно не до издания воспоминаний последнего польского короля...

Как уже было отмечено, выбор Лаппо-Данилевского в качестве своеобразного научного консультанта издателей «Мемуаров» Станислава-Августа Понятовского, вызывает удивление. Известно, что этот заслуженный историк не был специалистом в истории Польши второй половины XVIII в. Более того, в то время, когда шла работа над изданием первого тома, в Петербурге находился Николай Иванович Кареев, некоторые работы которого были посвящены «станиславовской эпохе». Неизвестно, почему выбор не пал на Кареева.

Как было отмечено, Горяинов и Лаппо-Данилевский видимо, хотели опубликовать источник в его оригинальном состоянии. Однако, логично допустить, что публикация мемуаров Понятовского, что называется, «in situ» не была изначальной целью Горяинова. При этом важно отметить, что русские издатели мемуаров в ходе подготовки текста к публикации контактировали с польскими коллегами. Издателям понадобилось, например, править «орфографию некоторых польских названий и фамилий, – которую, по словам Конопчиньского, – проверял профессор Станислав Пташицкий»¹⁶.

Однако опубликованный материал «Мемуаров» Станислава-Августа по большей части содержит переписку между Петербургом и Варшавой, причем далеко не все документы принадлежат авторству короля, во многих даже не всегда он упоминается. Иными словами, мы можем говорить, что это не столько воспоминания Понятовского, сколько подборка бумаг, относящихся к «станиславовской эпохе». Известно, что Лаппо-Данилевский был признанным специалистом в области дипломатики, что, не исключено, объясняет привлечение именно его к изданию, бумаг Станислава Августа. Судя по всему, для С.М. Горяинова необходимо было заручиться консультацией специалиста.

Пожалуй, Горяинов и Лаппо-Данилевский составили достаточно удачный тандем для осуществления задуманного издания писаний Станислава Августа. Первый – обладал некоторым опытом в области польской истории, второй – в сфере исследования актового материала. Учитывая же, что комментирование мемуаров издателями не было осуществлено, у них не возникло необходимости в консультациях со стороны других историков.

Вместе с тем нельзя не признать, что отсутствие пояснений со стороны издателей порой вызывает трудности. Станислав-Август, как известно, писал свои воспоминания на французском языке. Не ставя под сомнение уровень владения королем и его современников французским языком, нельзя, тем не менее, не обратить внимания на то, что некоторые фрагменты «Мемуаров» представляют трудность для понимания смысла текста. Казалось бы, Лаппо-Данилевский – как специалист, мог позволить себе прибегнуть хотя бы к минимальному комментарию, так как порой создается ощущение, что бумаги написанные королем и его соотечественниками, сначала необходимо перевести на польский язык, а лишь затем на русский; в противном случае, мы рискуем не понять смысл данного отрывка. Однако даже этого минимума сделано не было. Остается лишь гадать, планировалось ли изначально это от лица издателей.

Что касается А.С. Лаппо-Данилевского, то, несмотря на богатую литературу, ему посвященную, данный эпизод его научной деятельности (участие в издании мемуаров последнего польского короля) внимание исследователей, насколько можно судить, не привлекает. Более того, создается впечатление, что публикация этого источника было почти не замечено современниками. Исключение составляет разве что указанная работа Владислава Конопчиньского. Похоже, больше никто из историков не откликнулся на выход в свет «Мемуаров» Станислава-Августа. Конечно, приходится делать поправку на время, когда воспоминания последнего польского короля были изданы. Однако и впоследствии, когда обстоятельства, как можно было бы ожидать, благоприятствовали обращению историков к столь ценному памятнику эпохи польского Просвещения, особого интереса мемуары так

и не вызвали. Соответственно, возникает вопрос, для кого и зачем Горяинов предпринял публикацию «Мемуаров»?

Можно предположить, что для Горяинова издание мемуаров Понятовского стало необходимостью, учитывая, что в ряде своих статей («Станислав-Август Понятовский и великая княгиня Екатерина Алексеевна», «Станислав Август Понятовский», «Екатерина Великая. Отношение к Польше. По неизданным запискам короля Станислава-Августа») ему уже не раз приходилось использовать эти записки Станислава Августа, однако без каких-либо на них ссылок, ограничиваясь лишь пересказом многих сюжетов, в них присутствующих. К примеру, содержание первой части статьи «Станислав-Август Понятовский и великая княгиня Екатерина Алексеевна» в основном представляет собой более детальное описание рукописного варианта «Мемуаров». Причем, трудно сказать, почему Горяинов не счел для себя возможным дать собственную оценку воспоминаний польского короля.

Так или иначе, читателю, не хватает научного комментария. Тем большее недоумение вызывает размещение в тексте изданных мемуаров списка депутатов, присутствующих на сейме, посвященном процедуре ратификации конвенции первого раздела. Разумеется, являясь неотъемлемой частью «Мемуаров», этот список, вместе с тем, выглядит особняком по сравнению с остальным массивом опубликованных документов. Представляется, что как раз в данной ситуации ощутимо не достает какой-то дополнительной информации: будь то разъяснение самим Станиславом Августом по поводу того, какую позицию занимал тот или иной политик, или научный комментарий со стороны издателей. И потому, возвращаясь к опубликованному списку депутатов, можно сказать, что его включение в изданные мемуары вызывает больше вопросов, чем ответов. Необходимость его публикации следует логике предыдущих документов, которые также были связаны с созывом сейма, посвященному разделу. Наверное, это был своего рода «список действующих лиц», о которых упоминалось в предыдущих и последующих реляциях.

Иными словами, С.М. Горяинов опубликовал лишь часть документов из комплекса так называемых бумаг Станислава-Августа.

Внимание к наследию Станислава Августа не ослабело и спустя десятилетия. Так, в 1990-е гг. польский историк Лукаш Конзеля при поддержке своего французского коллеги Доминика Трера задумывал дополнить российское академическое издание «Мемуаров» новыми документами и внести некоторые правки, однако, этому помешала смерть польского ученого¹⁷.

Так или иначе, изданные в первые десятилетия XX в. «Мемуары» Станислава Августа до сих пор не выпали из научного оборота, что лишний раз свидетельствует о том, что инициатива по изданию (пусть частично) сохранившихся бумаг, – инициатива предпринятая С.М. Горяиновым и А.С. Лаппо-Данилевским, принесла свои плоды.

В работах таких историков, как «Республиканство из-под булавы. Публицистика Северина Ржевусского 1788–1790 годов»¹⁸ (1988) Зофьи Зелиньской и «Разделы Польши и дипломатия Екатерины II»¹⁹ (2002) Петра Стегния, видно, что в ходе исследований авторы обращались, в том числе и к изданию «Мемуаров» польского короля, осуществленному Горяиновым и Лаппо-Данилевским. По всей видимости, эти ученые рассматривают этот исторический памятник, как своего рода, собрание различных донесений, включающий также частично переписку между Станиславом Августом и Екатериной II. То есть, исследователи обращаются к определенному сюжету, присутствующему в «Мемуарах». Однако ни Стегний, ни Зелиньска в силу ряда причин решили не давать сколько-нибудь подробного описания этому источнику, не говоря уже о его детальном разборе и анализе.

Таким образом, стоит особо отметить огромную работу по изданию «Мемуаров» Станислава Августа Понятовского, которую совершили С.М. Горяинов и А.С. Лаппо-Данилевский. Заметим, что в два тома вошли далеко не все бумаги последнего польского короля. Нам

представляется, что этот источник необходимо не только дополнить, но и дать ему подробные комментарии, дабы

облегчить исследователям работу с этим историческим памятником.

¹ Горяинов С.М. Станислав-Август Понятовский и великая княгиня Екатерина Алексеевна // Вестник Европы. СПб., 1908. Кн. 1. С. 5–53.

² Горяинов С.М. Станислав Август Понятовский // Русский архив. М., 1909, № 12. С. 353–411.

³ Горяинов С.М. Екатерина Великая. Отношение к Польше. По неизданным запискам короля Станислава-Августа // Русский архив. М., 1910, № 1. С. 1–43.

⁴ Горяинов С.М. Заточение Т. Костюшко в крепости. М., 1912.

⁵ Mémoires du roi Stanislas-August Poniatowski. St.-Petersbourg, 1914. Т. I; Leningrad, 1924. Т. 2.

⁶ Горяинов С.М. Станислав-Август Понятовский и великая княгиня ... // Вестник Европы... С. 8.

⁷ Koponczyński W. Od Sobieskiego do Kociuszki. Kraków, 1921. S. 204.

⁸ Ibid. S.205.

⁹ Goriainow S. [Introduction]// Mémoires du roi ... P.XIII.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Koponczyński W. Od Sobieskiego ...

¹³ Ibid. S.204.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. S.205.

¹⁶ Koponczyński W. Od Sobieskiego ... S.205.

¹⁷ См. подробнее: Kreigseisen W. Wstęp // Kądziela Ł. Od konstitucji do insurekcji. Studia nad dziejami Rzeczypospolitej w latach 1791–1794. Warszawa, 2011. S.10.

¹⁸ Zielinska Z. Republikanizm spod znaku Bulawy. Publicystyka Seweryna Rzewuskiego z lat 1788–1790. Warszawa, 1988.

¹⁹ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002.

ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА ДОЛГОВА

преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Тел.: 8 (499) 250-62-16; E-mail: dolgova-evg@rambler.ru

Статья посвящена анализу документов по истории Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923 гг.), позволяющих раскрыть особенности и динамику работы научного объединения, охарактеризовать процесс институционализации социологии и определить специфику формирования и распространения социологического знания в российской науке первой четверти XX в.

Ключевые слова: Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского, А.С. Лаппо-Данилевский, история социологии, институционализация науки, научное сообщество.

ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ИМЕНИ М.М. КОВАЛЕВСКОГО (1916–1923)*

Деятельность Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского традиционно рассматривается как один из этапов становления социологии в России. Созданное в 1916 г. и с перерывами функционирующее до 1923 г., оно во многом отразило в своем развитии основные проблемы существования отечественной науки в этот сложный и противоречивый период¹.

Материалы по истории общества отложились в фондах его председателя А.С. Лаппо-Данилевского, почетного члена и после смерти Лаппо-Данилевского второго председателя – Н.И. Кареева, члена общества В.А. Вагнера и секретаря общества П.А. Сорокина. Часть документов по истории общества введена в научный оборот и опубликована, другие материалы не столь известны.

Самый обширный комплекс документов Русского социологического общества находится в фонде Лаппо-Данилевского в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (далее СПФ АРАН). Указанные материалы поступили в архив от вдовы ученого Е.Д. Лаппо-Данилевской и были выделены в отдельную архивную единицу². В ее составе – четыре программы заседания общества (от 13 ноября 1916 г., 1 февраля 1917 г., 5 марта 1917 г., 23 декабря 1918 г.)³; переписка Лаппо-Данилевского по вопросам организации работы общества (письмо В.А. Вагнера от 11 декабря 1916 г. о необходимости издания при обществе социологического журнала⁴, письмо С.К. Гогеля о порядке и тематике предполагаемых докладов в обществе⁵, письмо П.А. Сорокина от 27 января

1917 г. с выпиской из протокола заседания общества относительно порядка его работы и сообщением о регистрации общества у градоначальника⁶); черновик благодарственного письма учредителей общества депутату Государственной думы Е.П. Ковалевскому за сделанное им пожертвование на нужды общества суммы в 1000 рублей (за подписью Лаппо-Данилевского)⁷, записка Н.И. Кареева от 5 февраля 1917 г. с благодарностью Лаппо-Данилевскому за избрание его в состав почетных членов общества⁸ (сама записка Лаппо-Данилевского от 4 февраля 1917 г. с извещением об избрании ученого почетным членом общества хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ) в фонде Н.И. Кареева⁹); письмо К.М. Тахтарева Лаппо-Данилевскому от 19 ноября (2 декабря) 1917 г. с просьбой о возобновлении прекратившихся было заседаний общества¹⁰. Любопытным среди документов фонда представляется и письмо секретаря общества Н.Д. Кондратьева Лаппо-Данилевскому от 19(6) октября 1918 г., подтверждающее его неспособность больше исполнять обязанности секретаря общества в связи с переездом в Москву¹¹ (обязанности после его отъезда принял П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев). Перечисленные документы (кроме письма Н.Д. Кондратьева) были опубликованы в 2001 и 2011 гг.¹² Пример тщательного анализа этих документов представлен в статье А.В. Малинова, посвященной истории общества в 1916–1919 гг.¹³

Другой комплекс документов по истории Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского отложился в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГА РФ) в фонде секретаря общества П.А. Сорокина (ф. 602).

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 12-31-01232 а2.

В составе небольшого фонда ученого среди бумаг, оставленных в России в 1922 г., были обнаружены почтовые карточки, адресованные секретарю Русского социологического общества Н.Д. Кондратьеву¹⁴. Документы представляют собой многочисленные ответы учредителям общества на письма, разосланные ими в октябре 1916 г. с предложением участвовать в его работе (одно из подобных писем от 19 октября 1916 г. сохранилось в фонде М.А. Дьяконова в Архиве РАН¹⁵). Среди авторов писем – математик А.В. Васильев; историк и экономист Б.Б. Веселовский, философ С.И. Гессен, историк русского права М.А. Дьяконов, историк А.И. Заозерский, зоолог Н.М. Книпович, юрист А.Ф. Кони, историк И.В. Лучицкий, врач и теософ П.В. Мокиевский, зоолог и иммунолог С.И. Метальников, историк и публицист В.А. Мякотин, психолог, педагог А.П. Нечаев, физиолог, психолог И.П. Павлов, экономист, журналист А.В. Пешехонов, философ, экономист, публицист П.Б. Струве, экономист и статистик А.А. Чупров. Письма датируются октябрем – ноябрем 1916 г., т.е. периодом учреждения общества. Эти документы, с одной стороны, раскрывают концепцию учредителей, в проекте сформировавших определенный состав общества в соответствии с целями и задачами его работы; с другой стороны, иллюстрируют отклик научного сообщества на вновь учреждаемое объединение. Документы из фонда П.А. Сорокина до сих пор не были введены в научный оборот и публикуются ниже.

В фонде 602 ГА РФ сохранилось и одно из последних, написанных уже из больницы, писем председателя общества Лаппо-Данилевского П.А. Сорокину (от 15 января 1919 г.). В письме Лаппо-Данилевский был полон надежд: болезнь, казалось, не могла препятствовать его научной работе. После выписки из больницы ученый планировал вместе с П.А. Сорокиным заняться разработкой курса преподавания социологии для высшей школы¹⁶. Однако кончина ученого поставила вопрос не только о работе над социологическими курсами, но и о дальнейшей судьбе общества. На заседании 11 марта 1919 г. председателем общества был избран известный социолог, историк Н.И. Кареев¹⁷.

Документы по истории Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского периода председательства Н.И. Кареева не так многочисленны и по большей части рассредоточены по разным архивным собраниям.

В личных фондах Н.И. Кареева в НИОР РГБ (ф. 119), СПФ АРАН (ф. 980), Институте русской литературы РАН (Пушкинском Доме) (ИРЛИ РАН, ф. 422), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 1094) не встретилось каких-либо свидетельств о работе общества. Единственное упоминание о нем (кроме приведенного выше письма Лаппо-Данилевского об избрании Н.И. Кареева в почетные члены общества) мы находим в письме П.А. Сорокина – в 1923 г. высланный из страны ученый интересовался судьбой общества¹⁸. Очевидно, что обязанности председателя общества исполнялись Н.И. Кареевым формально (как удалось установить, уже в июне 1919 г. он уехал из голодного Петрограда периода «военного коммунизма» в свое поместье в Смоленской губернии, вернулся же только к осени 1920 г.¹⁹). Документы фиксируют перерыв в работе общества – по воспоминаниям П.А. Сорокина, его работа частично стала

осуществляться в Социологическом институте (вплоть до закрытия последнего в 1921 г.)²⁰.

Отложившийся в архивах комплекс поздних документов о работе общества (за 1922–1923 гг.) связан, прежде всего, с принятием серии постановлений и инструкций об обязательной перерегистрации научных обществ (постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1922 г. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций», постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними», инструкция ВЦИК от 10 августа 1922 г. по регистрации обществ и объединений). Эти законодательные акты прежде всего определяли порядок регистрации обществ: учредителям необходимо было представить устав общества, протокол собрания о его создании, список членов, указание на гербовый сбор и уведомить, что утвержденное общество по своим целям не противоречит Конституции РСФСР и ее законам. Важно то, что не зарегистрировавшиеся в двухнедельный срок после опубликования документа общества и союзы, уже существовавшие к тому времени, объявлялись закрытыми.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) в составе личного дела Н.И. Кареева был выявлен ответ Петроградского государственного университета на ходатайство ученого о продолжении деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского, датированный 20 октября 1922 г.²¹ В бумаге отмечалось, что президиумом общества не были выполнены установленные властью требования в отношении регистрации и перерегистрации научных обществ и потому заседания общества не могли быть продолжены. Очевидно, что свою роль в закрытии общества сыграли как несогласованность действий его членов, так и, в немалой степени, действия самого председателя, в силу каких-то причин (возможно, слабой заинтересованности в работе общества) не сумевшего соблюсти главные «формальные» требования властей – а именно двухнедельный срок подачи документов.

Документы, обнаруженные в фонде члена общества В.А. Вагнера в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (ф. 122), иллюстрируют попытку возродить Русское социологическое общество в 1923 г. В личном фонде ученого отложилась «Записка учредителей», поданная им в Петроградский губисполком, с полностью соответствующим формальным требованиям властей прошением об утверждении нового устава, к которому прилагался список учредителей с анкетными данными²². Документально подтвержденного отказа на записку В.А. Вагнера о перерегистрации общества в архивных фондах пока не выявлено.

Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского в 1916–1923 гг., с одной стороны, иллюстрируют закономерность и поступательность развития социологического знания в России, а с другой – хрупкость его существования в социально-политических реалиях 1920-х гг. и зависимость от факторов субъективного характера.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Н.Д. Кондратьеву с выражением желания принять участие в деятельности общества имени М.М. Ковалевского

[20 октября 1916 г.²³]

Николаю Дмитриевичу Кондратьеву
Б[ольшая] Гребецкая. Д[ом] 47. Кв[артира] 29²⁴.

С величайшим удовольствием войду в состав Социологического Общества имени моего дорогого друга и товарища Максима Максимовича Ковалевского, одного из крупнейших русских людей XIX и начала XX века.

Проф[ессор] [А. Васильев]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 1. Автограф. Подлинник.

[20 октября 1916 г.]

Милостивый государь, Николай Дмитриевич,
Я ничего не имею против того, чтобы быть членом Социологического общества.

Ваш [Иван Лучицкий]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 2. Автограф. Подлинник.

20 октября 1916 г.

Многоуважаемый Николай Дмитриевич.

Я с удовольствием готов войти в состав социологического общества имени М.М. Ковалевского и принять посильное участие в его работах. Об этом и спешу довести до сведения секретариата группы учредителей общества.

С искренним уважением, [М. Дьяконов].

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 3. Автограф. Подлинник.

20 октября 1916 г.

Милостивый государь, Николай Дмитриевич,

Прошу передать мою благодарность лицам, от имени которых Вы передали мне приглашение войти в состав Русского Социологического общества имени М.М. Ковалевского. С удовольствием принимаю это приглашение.

Прошу принять уверения в совершенном почтении.

[Н. Книпович]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 4. Автограф. Подлинник.

20 октября 1916 г.

Сосновка.

Многоуважаемый Николай Дмитриевич.

Позвольте принести признательность за любезное приглашение. Я охотно вступлю в число членов нового социологического общества имени М.М. Ковалевского, но считаю долгом предупредить, что вряд ли буду иметь возможность принимать деятельное участие в занятиях.

Прошу принять уверения в совершенном моем почтении.

[А. Чупров]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 5. Автограф. Подлинник.

[21 октября 1916 г.]

Милостивый государь Николай Дмитриевич.

В ответе на письмо от 19 октября спешу уведомить, что я согласен вступить в число членов Русского Социологического общества имени М.М. Ковалевского.

Готовый к услугам, проф[ессор] [А. Нечаев].

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 6. Автограф. Подлинник.

22 октября 1916 г.

Милостивый государь, Николай Дмитриевич,

Покорнейше прошу Вас довести до сведения г[оспод] учредителей О[бществ]а имени М.М. Ковалевского о моем желании вступить в члены О[бществ]а.

С совершеннейшим почтением,

[Б. Веселовский].

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 7. Автограф. Подлинник.

20 октября 1916.

Политех[нический] Инст[итут] (Сосновка), кв[ртира]. 75.

Милостивый государь, Николай Дмитриевич!

Выражаю признательность г[осподам] учредителям Социолог[ического] общ[еств]а имени М.М. Ковалевского за весьма лестное и любезное приглашение войти в состав названного Общества, изъявляю на это согласие.

[Петр Струве]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 8. Автограф. Подлинник.

[22 октября 1916 г.]

Многоуважаемый Николай Дмитриевич,

Получил Ваше письмо и спешу ответить. Прошу сообщить Совету Социологического общества имени М.М. Ковалевского, что я очень благодарю за оказанную мне честь и готов войти в состав нового общества. Примите уверение в искреннем уважении.

[С. Метальников]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 9. Автограф. Подлинник.

20 октября 1916.

Милостивый государь, Николай Дмитриевич,

Имею честь уведомить Вас, что я с благодарностью принимаю предложение г[оспод] учредителей Социологического общества имени М.М. Ковалевского.

С совершеннейшим уважением к Вам, [А. Заозерский].

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 10. Автограф. Подлинник.

[24 октября 1916 г.]

М[илостивый] г[осударь], Николай Дмитриевич!

С большой благодарностью принимаю предложение учредителей вступить в число членов русского социологического общества.

С сов[ершеннейшим] уважением, [А. Пешехонов]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 11. Автограф. Подлинник.

25 октября 1916 г.

Введенская, 4

М[илостивый] г[осударь].

Благодарю учредителей социологического общества за предложение вступить в число членов Общества; охотно принимаю предложение.

С искренним уважением, [И. Павлов].

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 12. Автограф. Подлинник.

[26 октября 1916 г.]

В[асильевский] О[стров], 3 л[иния], д[ом] 42, кв[артира] 5.

Благодарю за приглашение участвовать в «Социолог[ическом] обществе». Получивши извещение о дне первого собрания, постараюсь быть на заседании.

[П. Макиевский]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 13. Автограф. Подлинник.

20 октября 1916 г.

Милостивый государь, Николай Дмитриевич.

Частое нездоровие и множество занятий <...> заставляют меня отказаться от активного участия в каких-либо наших обществах или учреждениях. Я предпочел бы посетить какое-либо из заседаний Вашего общества в качестве гостя и также ознакомиться с кругом его занятий. Прошу Вас, [буде возможно], прислать мне Устав общ[ества] по его отпечатанию.

[Со всем интересом]

[А. Кони]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 14. Автограф. Подлинник.

24 октября 1916 г.

М[илостивый] г[осударь], Николай Дмитриевич.

Прошу Вас передать учредителям общества имени М.М. Ковалевского мою благодарность за предложение войти в состав этого общества и мое согласие на это предложение.

С уважением, [В. Мякотин].

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 15. Автограф. Подлинник.

9 ноября 1916 г.

Новая улица, 6. Царское Село.

Многоуважаемый Николай Дмитриевич,

С благодарностью принимаю Ваше лестное для меня приглашение участвовать в работах Социологич[еского] общества имени М. Ковалевского.

Отвечаю так поздно, т[ак] к[ак] только третьего дня получил Ваше письмо, хотя оно и датировано 19 окт[ября]

Искренне преданный Вам,

[С. Гессен]

ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 63. Л. 16. Автограф. Подлинник.

Документы объединены под единым заголовком. Публикация соответствует современным правилам орфографии. Утраченные фрагменты обозначены многоточием в скобках <...>, восстановленные публикатором фрагменты даются в квадратных скобках []. В тексте сохранены подчеркивания документа.

Публикацию подготовила **Е.А. Долгова**

¹ Подробнее о работе общества см.: *Тахтарев К.М.* Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского // Социобиблиологический вестник. 1919. № 4–5. С. 14–19; *Бороноев А.О.* М.М. Ковалевский и институционализация российской социологии // М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли: сб. ст. к 145-летию рождения. СПб., 1996. С. 37–46; *Бороноев А.О., Ермакович Ю.М.* Ковалевский М.М. и институционализация социологии в России // Социологические исследования (далее СоцИс). 1996. № 8. С. 120–126; *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Социология в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 4. С. 33–47; *Малинов А.В.* А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3. С. 8–16.

² СПФ АРАН. Ф. 113. А.С. Лаппо-Данилевский. Оп. 2. Д. 87.

³ Там же. Л. 11, 18, 20, 31.

⁴ Там же. Л. 32–32 об.

⁵ Там же. Л. 33–34 об.

⁶ Там же. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 35.

⁸ Там же. Л. 19

⁹ НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 18. Д. 41.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 87. Л. 21–22 об.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 194. Л. 3–4. Опубл.: Письма Н.Д. Кондратьева А.С. Лаппо-Данилевскому (1918–1919 гг.) // Кондратьев И.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войн и революции / Отв. ред. Л.А. Абалкин. М., 1991. С. 474–478.

¹² Социологическое общество имени Максима Максимовича Ковалевского / СПбГУ; Фак-т социологии; Социол. о-во М.М. Ковалевского; ред. А.О. Бороноев. СПб.: Социол. о-во им. М.М. Ковалевского, 2001. 78 с.; Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского / Подгот. Е.А. Долгова // СоцИс. 2011. № 6. С. 135–142.

¹³ *Малинов А.В.* А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского...

¹⁴ ГАРФ. Ф. 602. Сорокин П.А. Оп. 1. Д. 43.

¹⁵ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 393.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 43.

¹⁷ *Малинов А.В.* Указ. соч. С. 15.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 11. Д. 41.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. (Императорский) Санкт-Петербургский (Петроградский, Ленинградский) университет. Оп. 1. Д. 8612. Л. 326.

²⁰ *Сорокин П.А.* Состояние русской социологии за 1918–1922 гг. // Сорокин П.А. О русской общественной мысли / Отв. ред. И.А. Голосенко. СПб., 2000. С. 26.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8612. Л. 339.

²² ОР РНБ. Ф. 122. В.А. Вагнер. Оп. 1. Д. 30. Опубл.: Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского...

²³ Здесь и далее дата восстановлена по штемпелю на обороте почтовой карточки.

²⁴ На обороте каждой карточки; записи сделаны рукой Н.Д. Кондратьева.

НАТАЛИЯ СЕРГЕЕВНА ЗОНОВА

кандидат исторических наук, ведущий редактор ИГ «Весь» (Санкт-Петербург)
Тел.: 8 (905) 275-75-33; E-mail: nzonova@mail.ru

Многие современные формы международного сотрудничества возникли на рубеже XIX–XX вв. К ним относятся международные конгрессы исторических наук. Участие в них российских историков от конгресса к конгрессу все более значимо как в количественном, так и в качественном отношении. Опыт конгрессной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского важен в успешной интеграции российской исторической науки в мировую.

Ключевые слова: международное сотрудничество, международные конгрессы исторических наук, А.С. Лаппо-Данилевский.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ДЕЛЕГАЦИИ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССАХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК НАЧАЛА XX в.

Рубеж XIX–XX вв. – время расширения и упорядочения международных научных связей. На данный период приходится всплеск интереса к общетеоретическим вопросам исторической науки – методика и методология истории находятся в центре внимания научной общественности. Развитие исторической науки требует расширения возможностей получения научной информации, обмена мнениями, постановки глобальных научных задач. Безусловно, сохраняют свое значение международные научные связи частного (личного) характера (переписка, помощь при работе в архивах, приглашение для чтения лекций и так далее). Однако возникают и более крупные формы международного сотрудничества: 1) международные организации и общества (как объединяющие научную работу нескольких стран – Международный союз академий, Международный социологический институт, так и учреждения и общества, способствующие налаживанию связей России с одной из стран, – Французский институт в Петербурге, Русско-английское общество и так далее); 2) международные съезды ученых, занимающихся тем или иным направлением исторической науки (международные конгрессы ориенталистов созываются с 1873 г., первый съезд по истории дипломатии в Гааге состоялся в 1898 г.); 3) международные конгрессы исторических наук (первый такой конгресс был проведен в период со 2 по 9 апреля 1903 г. в Риме¹, второй – с 6 по 12 августа 1908г. в Берлине, третий – с 3 по 9 апреля 1913 г. в Лондоне).

На первых международных конгрессах исторических наук были обозначены первоочередные задачи, стоявшие перед подобной формой международного сотрудничества. Первая – научная: суммирование достигнутых результатов, в некотором смысле подведение итогов, отражающих состояние исторической науки на том или ином этапе, и определение дальнейших направлений научного развития². Данная задача реализовывалась путем чтения рефератов по различным исследованиям, внесения предложений (например, о международных научных издательских проектах) и принятия резолюций по данным предложениям. Второй задачей была организация личного и научного общения участников конгрессов.

Помимо этих практических задач съезды выполняли и важную этическую функцию, поддерживая целостность мировой исторической науки, как справедливо подчеркнул в своей речи на церемонии открытия Римского конгресса его президент, профессор Паскуале Виллари³.

Что касается решения первой задачи, стоявшей перед международными историческими конгрессами, то следует отметить, что организационные комитеты приступили к ее реализации путем проб и ошибок. На первых съездах предсказуемо преобладала проблематика, касающаяся истории страны, принимающей конгресс (особенно это заметно в отношении Римского и Лондонского конгрессов), а также того направления исторической науки, изучение которого на тот момент находилось в данной стране на наиболее высоком научном уровне (например, военноморская история – на Лондонском конгрессе). Недостаточное внимание уделялось вспомогательным историческим дисциплинам и практически не затрагивались вопросы методологии истории. Многие участники с сожалением

отмечали случайный характер ряда докладов, темы которых определялись скорее сиюминутными интересами авторов, чем задачами, стоявшими перед конгрессом⁴. Некоторые из принятых резолюций об осуществлении международных проектов не получили продолжения, так как механизм их реализации еще не был сформирован. Поэтому историками – участниками международных конгрессов в Риме, Берлине и Лондоне – зачастую на первое место по значимости ставилась вторая задача – личное и научное общение с коллегами из других стран.

Роль российских историков на первых международных конгрессах можно оценить по трем критериям: 1) численность российской делегации; 2) участие в организационной стороне работы конгресса; 3) участие в научной работе.

Представительство российских историков, начиная с Берлинского конгресса, было существенным если не с точки зрения численности (десять человек – Римский конгресс, сорок шесть – Берлинский, тридцать – Лондонский⁵), то во всяком случае в пропорциональном отношении – второе-третье место по количеству участников конгресса от страны. На Римском конгрессе Российская империя была представлена делегатами от шести университетов – Петербургского, Варшавского, Киевского, Краковского, Одесского и Юрьевского, и одного научного общества – Московского Императорского Археологического общества⁶. В работе Берлинского и Лондонского конгрессов, в отличие от Римского, уже принимал участие представитель Императорской академии наук – А.С. Лаппо-Данилевский. А также представители Петербургского, Киевского и Варшавского университетов – в обоих случаях, делегаты от Харьковского, Юрьевского, Казанского, Краковского и Новороссийского университетов – в работе Берлинского конгресса, участники от Гельсингфорского и Юрьевского университетов, Историко-филологического института и Императорского Эрмитажа – в Лондоне. На съезде 1913 г. в российскую делегацию входили и «вольные» члены конгресса, не делегированные какими-либо учебными учреждениями, в том числе несколько женщин.

Значительная численность российского представительства на первых конгрессах привела к постановке вопроса «об ученых правах русского языка» на международных съездах. Система употребления языков на Римском и Берлинском конгрессах сложилась в большей степени стихийно. Официальными языками были признаны итальянский, французский, немецкий и английский. Некоторые российские историки полагали, что русский язык также должен быть включен в их число. Большим энтузиастом в этом вопросе выступил декан историко-филологического факультета Киевского университета Н.М. Бубнов⁷. В среде российских ученых не было единого мнения о целесообразности того, чтобы добиваться признания русского языка одним из официальных языков конгрессов, однако Лаппо-Данилевскому было поручено Академией наук – поставить соответствующий вопрос перед организационным комитетом следующего, после Лондонского, международного конгресса.

Участие российских представителей в организационной стороне работы первых международных конгрессов

было незначительным, так как большинство российских историков были на тот момент мало известны за границей. Исключение составляли или историки, долгое время жившие в другой стране, – как В. И. Модестов, проживавший в Риме и избранный одним из почетных вице-президентов Римского конгресса, и П. Г. Виноградов, представлявший в Организационном комитете Лондонского конгресса Британскую академию наук, или ученые, принимавшие активное участие в различных международных научных предприятиях и поддерживающие широкие научные связи с иностранными историками, – как А.С. Лаппо-Данилевский, избранный почетным вице-президентом Лондонского конгресса.

Участие российских историков в научной работе первых международных конгрессов было значительно более существенным, чем в организационном плане, что стало особенно очевидным на съезде в Лондоне. В первую очередь это выразилось в увеличении количества докладов. Всего российскими историками на первых международных съездах было сделано двадцать два доклада. На Римском конгрессе были прочитаны пять докладов, на Берлинском – четыре, на Лондонском – уже тринадцать. Именно на этом конгрессе российская историческая наука проявила себя наиболее ярко – представители Российской империи принимали участие в работе практически каждой секции, а в секции археологии были проведены даже отдельные заседания – так называемые «русские сессии», полностью посвященные докладам историков о результатах археологических исследований на юге России⁸.

По крайней мере, в отношении двух докладов можно с уверенностью говорить о том, что они были подготовлены по просьбе Организационного комитета. Это касается доклада Е.М. Придику «Новые приобретения Эрмитажа» и А.С. Лаппо-Данилевского «Идея государства и ее эволюция в России от Смутного времени до периода реформ».

Обращение к Е.М. Придику как к старшему хранителю Эрмитажа представляется закономерным – вес собрания Эрмитажа даже в том, недостаточно знакомом с российской исторической наукой научном мире был достаточно велик, и последние приобретения Эрмитажа могли заинтересовать широкий круг археологов. Придику было предложено осветить в докладе приобретения Эрмитажа за последние десять лет. Однако ввиду масштабности полученного задания историк подготовил сообщение, в котором рассматривались лишь три кавказских клада (найденные у сел Бори, Казинское и Усахело). Доклад представлял собой подробное описание предметов, из которых состоятклады, и их датировку, в нем отсутствовал какой-либо сравнительный анализ.

К А.С. Лаппо-Данилевскому с просьбой о подготовке доклада обратился П.Г. Виноградов, член Организационного комитета Лондонского конгресса и руководитель секции права. П.Г. Виноградов просил представить небольшую конспективную, освещающую историю политических и правовых учений в России. Однако полученный текст настолько превзошел ожидания, что был прочитан не в рамках работы секции права, а на общем заседании конгресса и вызвал большой интерес⁹.

Ввиду успеха российской делегации в Лондоне, ее членам в неформальной обстановке было предложено пригласить следующий конгресс в Петербург. Российские историки не имели таких полномочий, однако внесли соответствующее предложение, которое было принято. После возвращения из Лондона А. С. Лаппо-Данилевский

немедленно предпринял шаги для того, чтобы заручиться поддержкой Императорской академии наук в отношении проведения конгресса в Петербурге. Следует отметить, что ученый достаточно остроумно связал факт приглашения конгресса в Петербург с поручением, которое ему было дано на заседании общего собрания Академии наук 9 февраля 1913 г., – поставить вопрос об употреблении русского языка на международных съездах историков. Сомнительным представляется, что постановление «просить тот комитет, на который будет возложена подготовка следующего за Лондонским международным историческим конгрессом, выяснить, в какой форме и в каком порядке вопрос об употреблении русского языка мог бы быть поставлен на обсуждение»¹⁰ можно было истолковать столь широко. Однако замечание А.С. Лаппо-Данилевского на заседании историко-филологического отделения Академии наук о том, «что наиболее естественно и просто этот вопрос можно было бы решить в связи с устройством следующего конгресса в России»¹¹, трудно не признать справедливым.

После получения официального разрешения на проведение конгресса в Петербурге, в ноябре 1913 г. под руководством А.С. Лаппо-Данилевского началась активная организационная работа по подготовке к съезду. За срок чуть более года было проведено Предварительное совещание, на котором приняты решения о сроках проведения, секционном делении и программе будущего конгресса, избраны Исполнительный, Финансовый комитеты и Комитет по приему гостей (каждый комитет успел провести по три заседания). Предварительное совещание приняло, в частности, предложение, внесенное А.С. Лаппо-Данилевским и М.И. Ростовцевым, о вынесении на IV конгресс вопроса о создании постоянного бюро международных исторических съездов. Данное предложение фактически предвосхитило создание в 1926 г. Международного комитета исторических наук (МКИН). По поводу языков, допущенных к употреблению на международных конгрессах, было принято решение следовать постановлению Лондонского съезда и вновь поставить этот вопрос на будущем конгрессе. Языками делопроизводства должны были стать русский и французский, языком резолюций – французский. Проект секционного деления, включавший, в отличие от предыдущих конгрессов, секцию методики и методологии истории, был разработан А.С. Лаппо-Данилевским. Некоторые небольшие заседания, решавшие частные вопросы по подготовке конгресса, проходили у него на квартире.

В декабре 1914 г. вся деятельность была приостановлена по независящим от науки обстоятельствам.

Таким образом, мы видим, что российские историки значительно упрочили свое положение на международной научной арене к Лондонскому конгрессу, где их доклады и участие в дискуссиях вызвали такой большой интерес, что это привело к принятию решения о проведении следующего съезда в Петербурге. Особую роль в таком значительном прогрессе сыграл А. С. Лаппо-Данилевский, возглавлявший российские делегации на Берлинском и Лондонском конгрессах. Он также взял на себя координацию работы по подготовке к проведению международного исторического съезда в России. Лаппо-Данилевский как ученый, понимавший огромное значение международного сотрудничества, благодаря многочисленным личным контактам и участию в различных международных проектах, стал важным связующим звеном между российской исторической наукой и мировой на рубеже XIX–XX вв.

¹ В иностранной историографии распространена точка зрения, что первым международным конгрессом исторических наук был Международный конгресс сравнительной истории, проходивший в Париже в июле 1900 г. В российской историографической традиции принято считать первым международным съездом – Римский, так как конгресс 1900 г. был приурочен к Парижской международной выставке, а следовательно, не был самостоятельным научным явлением, кроме того, по своему составу он был преимущественно французским.

² О научной задаче, стоящей перед конгрессами, пишет, в частности, автор статьи о Берлинском историческом съезде М.М. Хвостов. По его мнению, «конгрессы могут в живой и отчетливой форме давать представления о тех путях, по которым в данный момент движется наука, и таким образом суммировать научные силы, методически направляя их по этим путям, а в то же время посредством докладов выдающихся специалистов и связанной с ними дискуссии намечать новые научные проблемы и пути к их разрешению». То есть с научной точки зрения конгрессы должны обеспечить «отчетливое суммирование сделанного и определение будущих задач».

науки» (Хвостов М.М. Международный Исторический конгресс в Берлине 6–12 августа (24–30 июня) 1908 года // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1909. С. 6. Т. XXV. Вып. 5).

³ Шепелевич Л.Ю. Международный съезд историков в Риме, в апреле 1903 года // Историко-литературные этюды. СПб., 1905. С. 177–178.

⁴ См., например: Егоров Д.Н. Третий интернациональный конгресс историков // Русская мысль. 1908. № 9. С. 182.

⁵ Большое представительство Российской империи не должно вводить в заблуждение, так как в источниках, как правило, указывается общее число членов российской делегации, в которую входили не только представители различных научных и учебных учреждений, но и члены их семей.

⁶ Также в работе конгресса принимал участие П.Г. Виноградов, профессор Оксфордского университета.

⁷ См.: Бубнов Н.М. Ученые права русского языка. В защиту равноправия русского языка на международных исторических конгрессах. Киев, 1913.

⁸ На первом таком заседании были прочитаны доклады графа А.А. Бобринского «Полтавский клад», профессора С.А. Жебелева «Недавно открытые греческие надписи» и профессора Б.В. Фармаковского «Архаический период в Южной России», на втором – доклады профессор Э.Ф. фон Штерна «Некоторые недавно открытые доисторические находки в Бессарабии», М.И. Ростовцева «Серебряные сосуды в эллинистических курганах Южной России» и Е.М. Придика «Новые приобретения Эрмитажа». Таким образом, доклады российских историков составили шесть из девяти рефератов в секции «Археология, доисторический период и древнее искусство». См.: International Congress of Historical Studies. Programme of papers and list of readers. London, 1913. С. 3, 5, 21.

Пять из шести докладов с таблицами и рисунками были изданы в 1914 г. Императорской археологической комиссией под названием – «Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 года графом А.А. Бобринским, Е.М. Придиком, М.И. Ростовцевым, Б.В. Фармаковским и Э.Ф. фон Штерном». Пг., 1914. Названия некоторых из них изменены, видимо, в сторону конкретизации, для докладов на международном конгрессе были выбраны более общие названия.

⁹ Слонимский А.Г. Участие российских ученых в международных конгрессах историков // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 102.

¹⁰ Протоколы заседаний общего собрания Императорской академии наук. 1913 год. § 113.

¹¹ Протоколы заседаний историко-филологического отделения Императорской академии наук. 1913 год. § 238.

РАИСА АЛЕКСАНДРОВНА КИРЕЕВА

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

В статье рассматриваются работы А.С. Лаппо-Данилевского по русской историографии. На основе архива ученого реконструируется его историографическая концепция, анализируется понятие «историография», выделяются периоды в истории русской исторической науке.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, историография, русская история, самосознание.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ О РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) до изучения его личного архива был почти неизвестен как историограф. (Замечу попутно, что под словом *историограф* имеются в виду лица, профессионально занимающиеся историей исторической науки). Отдельные упоминания о специальном курсе Лаппо-Данилевского о русской историографии встречаются в воспоминаниях его учеников (И.М. Гревса, Б.А. Романова, А.Е. Преснякова). Из историографических работ опубликована мизерная часть. Это – рецензии и статьи об отдельных историках, написанные по различным поводам (чаще всего по заказу Академии наук), и опубликованный посмертно «Очерк развития русской историографии», адресованный английскому читателю¹. Богатое рукописное наследие ученого свидетельствует, что он занимался проблемами отечественной историографии в течение всей своей научно-педагогической деятельности. Обычно историографический курс Лаппо-Данилевский читал с интервалами в два года, иногда – через год. В промежутках между прочитанными курсами он продолжал работать над вопросами историографии, значительно пополняя, углубляя и расширяя ее проблематику. В его архиве отложились рукописные свидетельства этой упорной и многолетней работы, дающие основание говорить не только о том, что Лаппо-Данилевский пополнил собой ряды русских историографов, но и утверждать, что он выдвинулся среди них на передний план.

В кратком выступлении невозможно сказать обо всех размышлениях Лаппо-Данилевского о русской историографии. Поэтому я ограничусь упоминанием об этапах его работы по этой проблематике и остановлюсь только на раскрытии Лаппо-Данилевским *одной* из центральных методологических проблем истории исторической науки: а именно на термине «историография» и на том, что входит в предмет ее исследования и об истории самой историографии. Подробнее об историографических воззрениях

Лаппо-Данилевского написано в моей книге «Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г.» (М., 1983).

Сохранившийся рукописный материал представляет собой отдельные фрагменты, детальные варианты планов и проектов задуманного историографического труда. Однако завершить работу автор не успел... Рукописи Лаппо-Данилевского в подавляющем большинстве не имеют датировки. Вместе с тем их конкретное содержание, авторские пометы, библиографические сноски и другие моменты дают возможность определить хотя бы приблизительно последовательность написания текстов и выявить этапы в его работе над русской историографией.

Первый этап – 1890-е годы. В эти годы Лаппо-Данилевский вполне традиционно подходил к истории исторической науки. Он следил за причинно-следственной связью историографических явлений, придавал большое значение развитию идей и западному влиянию на русскую историческую мысль. Делал он это в предельно сжатом виде, почти полностью опуская характеристики отдельных историков и их трудов. Главным критерием в оценке той или иной работы был для него вопрос о степени влияния данной работы на последующих историков.

Общий курс по русской истории, прочитанный Лаппо-Данилевским для студентов первого курса в 1890/91 учебном году, открывался вводными лекциями по источниковедению и историографии. Сохранившаяся, правленая автором литография показывает, что вступительная часть у Лаппо-Данилевского не была обычной обзорной лекцией к общему курсу. То был уже небольшой цикл лекций объемом в 156 литографированных страниц. Листы между разделом «памятники» (где рассмотрены «памятники языка», «памятники вещественные», «памятники народной словесности и письменности») и разделом «Историография» делились примерно поровну. Вскоре, в 1892/93 учебном году историографическая часть превратилась

в специальный курс лекций по русской историографии и оставалась таковой все последующие годы.

Летописный период тогда им в историографический курс не включался. Сведения о важнейших исследованиях по летописанию в виде списка литературы приводились в первой, источниковедческой части.

Ранний цикл историографических лекций Лаппо-Данилевского имел в целом еще общий, обзорный характер, но и там уже были теоретические элементы, которые он развивал и разрабатывал в последующие этапы. Это – предмет историографии, периодизация русской историографии, направления в науке, внимание к истории историографии. Последней темой заканчивалась историографическая часть курса.

Второй этап – начало 1900-х годов. В указанные годы Лаппо-Данилевский особенно интенсивно и плодотворно работал над проблемами истории исторической науки. Работы данного времени можно признать вершиной историографического творчества Лаппо-Данилевского. Тогда усилились его подходы к историографии с *теоретической точки зрения*, им выдвигалось требование систематической полноты изучения историографии; в противоположность первому этапу, когда он почти избегал приводить сведения об авторах. Теперь он предполагал подробно освещать жизненный путь и творчество историков; значительное внимание он уделил предмету историографии. Именно на этом этапе понимание предмета историографии значительно расширилось. Далеко не все авторы историографических трудов признавали необходимым указывать тот круг вопросов, которым должна была, по их мнению, заниматься история исторической науки, и они не давали дефиницию предмета. Без специальных формулировок обходился, например, С.М. Соловьев; видимо, и у В.О. Ключевского она отсутствовала, во всяком случае, ее нет в сохранившихся рукописях историка. Лаппо-Данилевский задумывался над вопросом, нужно ли давать определение предмета. На одном из вариантов вступительной лекции к историографическому курсу он записал на полях: «Можно/ без определения: но определение нужно, ибо должно содержать намек на *ориентировку* в развитии всякой историографии»². Видимо, в связи с выработкой определения предмета Лаппо-Данилевский поставил перед собой задачу проследить историю терминологического толкования понятия «историография». До него в русской исторической литературе этот вопрос не рассматривался. Лаппо-Данилевский предупреждал, что он подходит к историографии с трех точек зрения: исторической, логической и феноменологической.

Лаппо-Данилевский подробно ознакомил с этимологией слова «историография». В прежние времена, говорил он, термин «историография» имел другой смысл – он получил свое значение в связи с термином «историограф». Еще в Древнем Риме, в Венеции, в Древнем Китае существовала такая должность. Но само слово «историограф» французского происхождения, и возникло оно во французской истории и литературе. Обозначало оно вначале живописца, писавшего исторические миниатюры, а примерно с XVI в. оно уже обозначало лицо, которому король официально поручал писать истории. Франции. «Под «историографом», – продолжал Лаппо-Данилевский, – разумеют писателя, специально стоящего при каком-либо лице, фамилии, династии или даже целой нации; ему поручается ежедневно записывать исторические события, интересующие того, от кого он зависит». Историографы должны были писать в художественной, изысканной форме, поэтому на этой должности часто встречались крупнейшие писатели. Лаппо-Данилевский называл многие имена историографов, которые получали специальный чин государственного советника и состояли при дворе французских королей начиная с Карла VII (т.е. с XV в.), среди них Расин, Буало, Вольтер. О последнем Лаппо-Данилевский писал как об авторе специальных статей под заглавием «Историк» и «Историограф», содержание которых Лаппо-Данилевский кратко передавал. Однако термин «историография», полагал Лаппо-Данилевский,

утвердился, видимо, не во французской, а в немецкой научно-исторической литературе и благодаря ей получил распространение³.

Для раскрытия темы Лаппо-Данилевским были сделаны значительные заготовки – выписки из работ на французском, английском и немецком языках. Собранный материал группировался им по темам: античная историография, средневековая историография, французская, немецкая и т.п. историография. Также он предусматривал параграфы: «Должность историографа в Италии», «Британский историограф», «Прусский историограф» и т.п. Предусматривал он и тему «Термин «историография» в русском языке». К сожалению, и эта часть не была дописана, но собранный материал дает некоторую возможность представить авторский замысел. По «русской теме» им были сделаны любопытные выписки из сочинений, где употреблялось слово «историография». Так, церковный деятель первой четверти XVIII в. Стефан Яворский называл писателей-историков «историографами»; Дмитрий Ростовский в дневных записках отметил: «И аще бых писал чином историографическим, то уже бы совершил начатое»; в жалобе графа Разумовского сказано, что он приговаривал себя к исполнению должности историографа и к другим Российскому государству полезным службам⁴. Был собран материал о понимании М.В. Ломоносовым обязанностей историографа при Академии наук. Однако Г.-Ф. Миллера и Н.М. Карамзина Лаппо-Данилевский упомянул лишь вскользь, вероятно по той причине, что посчитал эти факты хорошо известными. А вот о М.М. Щербатове, который по смерти Миллера замещал его на этом посту, ничего сказано не было.

Говоря о предмете историографии, Лаппо-Данилевский многократно отмечал, что употребление термина «историография» все чаще стало приближаться к понятиям «история исторической науки» или «история истории»⁵.

Резюмируя наблюдения, Лаппо-Данилевский записал: «История термина «историография» показывает, что он первоначально обозначал или самый процесс составления (ср. должность историографа) исторического сочинения, обыкновенно в национально-патриотическом, официальном духе, или данную «совокупность таких сочинений, рассматриваемую в данных пределах времени и пространства»⁶. Другими словами, он фиксировал, с одной стороны, еще не отделение историографии от писания истории, а с другой, указывал на то, что уже сами исторические труды становились объектом изучения. Постепенно термин «историография» утратил прежний специальный смысл, обозначающий историческую науку вообще, и все больше стал включать в себя «преимущественно сочинения, обнаруживающие *какую-либо цельную концепцию* истории человечества, или целой страны, или нации»⁶.

Так называемая *национальная историография*, по Лаппо-Данилевскому, получает особого рода функцию – изучение истории исторических построений прошлых судеб данной народности. В историографии Лаппо-Данилевский разделял «логическое развитие истории науки истории» и «реальное развитие науки». В национальных историографиях «хотя и можно говорить о логическом развитии научной дисциплины об отечественной истории», но в них «в большей мере выступает реальное развитие науки». И он предостерегал от опасности, грозящей национальной историографии: «Национальная точка зрения может оставаться научной, но она легко переходит в националистическую», и это «то увлечение националистическими тенденциями, которых историческая наука всегда должна остерегаться»⁷.

Лаппо-Данилевский утверждал, что к термину «историография» можно подходить «в ином смысле, не в историческом, а в логическом или феноменологическом» (феноменология, по Гегелю, обозначала учение о развитии духа). И далее Лаппо-Данилевский пояснял: «С логической точки зрения термин «история» представляется нам не совсем удобным потому, что он употребляется в *двойном* смысле: а) для обозначения *бывшего* (вот так история! Случилась история и т.п. [выражения]), б) для обозна-

чения нашего представления о былом или научного его построения, выраженного в каком-либо произведении. В последнем смысле можно употреблять термин «историография»⁸.

С феноменологической точки зрения под «историографией», в отличие от «исторического исследования», Лаппо-Данилевский предлагал «разуметь более или менее цельную концепцию истории человечества, целой страны или нации, концепцию, получившую свое выражение в каком-либо произведении исторической литературы»⁹. Таким образом, Лаппо-Данилевский видел предмет историографии в изучении исторических концепций. Подобное понимание предмета историографии было распространено в дореволюционной исторической науке в России.

В научной литературе нередко встречалась трактовка истории исторической науки как «самосознания» и «самопознания». Эти выражения можно найти в работах И.Н. Болтина, М.П. Поголина, С.М. Соловьева, И.В. Лашнюкова и др., но особенно оно было характерно для М.О. Кояловича, который вынес его в название своей книги «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (СПб., 1884). Однако ко времени Кояловича такое понимание историографии воспринималось уже как устаревшее, поэтому вызвало возражения большинства рецензентов и авторов историографических работ, в частности П.Н. Милюкова. «Только очень давно, – писал он, – можно было говорить, что “историк по преимуществу венец народа, ибо в нем народ узнает себя (достигает до своего самопознания)”». Наше время не верит в такое самонахождение и откровение духа, от века вложенного в народы; следовательно, не поверит в то, что историография может быть “историей самосознания”¹⁰.

Тем не менее в 1900-х гг. Лаппо-Данилевский вновь возвратился к этому термину. В одной из рукописей (примерно 1905–1906 гг.) он замечал: «Прежние русские историки охотно указывали на то, что историография есть народное самосознание; такое понимание слишком широко: ведь философия, литература, искусство и т.п. есть то же народное самосознание; историография – лишь то самосознание народа, которое выразилось в научной обработке прошлого»¹¹. Из вышесказанного может создасться впечатление, что Лаппо-Данилевский возражал против прежнего определения. Между тем если он говорит, что историография – та часть самосознания народа, которая выразилась «в научной обработке сознания прошлого», то это, по существу, повторение взгляда Кояловича. И в работах 1900-х гг. он неоднократно пользовался этим термином. Так, в «Очерке развития русской историографии», написанном не ранее 1908 г., читаем: в русской историографии умственное движение могло «развиваться лишь в тесной связи с русским народным самосознанием, устремленным в наше прошлое: оно преимущественно побуждало его представителей к научной обработке того, что сохранилось в памяти русского народа о его “бытиях и деяях”, и привело их к более или менее цельному пониманию истории»¹². И в рукописи 1910-х гг. Лаппо-Данилевский вновь повторил: «Итак, историография – научная дисциплина, занимающаяся изучением развития народного самосознания, поскольку это самосознание: 1) устремлено было на прошедшее и связывает свое прошлое с своим настоящим и будущим и 2) связывалось в теоретической его обработке»¹³.

Понимание сущности предмета исследования отражают и авторские заглавия работ. Лаппо-Данилевский назвал свой курс «Главнейшие направления в русской историографии». На первый взгляд это заглавие может показаться равнозначным заглавию известной книги П.Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» (М., 1897). Но между ними есть существенное различие. Лаппо-Данилевский своей формулировкой не сводил русскую историографию к развитию исторической мысли, не ограничивал ее историей смены исторических концепций. Заголовок, им данный, открывал возможность более широкому пониманию предмета истории историче-

ской науки, что Лаппо-Данилевским в действительности и делалось. И в то же время позиция Милюкова была ему во многом близка.

Невозможно точно датировать момент в развитии историографических взглядов Лаппо-Данилевского, когда он (видимо, не без влияния многотомного труда В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» (Киев, 1891–1908)) пошел по пути расширения предмета историографии как истории исторической науки. Он стал предусматривать изучение «ученых и учено-учебных» учреждений, исторических обществ, истории собирания источников и т.п. Намечал Лаппо-Данилевский и включение в отечественную историографию «вспомогательных наук», куда относил историческую географию, хронологию, археографию, историческую библиографию и биобиблиографию, историческую критику; а также историю сопредельных наук: русскую филологию, русскую этнографию, русскую археологию. Предполагал Лаппо-Данилевский освещать популярную и учебную литературу; особо говорил об источниках для истории науки, т.е. обращал внимание на разницу между историческими и историографическими источниками.

В понимании Лаппо-Данилевским предмета историографии отразился опыт его предшественников. Он, как и Лашнюков, вел речь о национальной историографии; как Коялович, говорил об историографии как о самосознании; как тот же Коялович и Милюков, видел предмет историографии в изучении исторических концепций и умственного развития человечества, поскольку история истории выражалась «последовательным рядом попыток построения нашего прошлого»; как Иконников, раздвигал рамки историографии. И вместе с тем Лаппо-Данилевский продвинулся значительно дальше своих коллег. Важно обратить внимание на то, что он говорил не только о том, что должно входить в русскую историографию, но и о том, что не должно входить в нее. Это свидетельствует о выработке им критерия отбора историографических фактов. «В области русской историографии, – писал он, – не должно входить все то, что писалось о России, например, сказания иностранцев о России, а только то, что выражало народное самосознание, поскольку оно устремлено было на прошлое и приобрело научные формы»¹⁴. В другой рукописи та же мысль содержалась в прямом упреке Кояловичу в связи с тем, что тот как раз включил в русскую историографию сказания иностранцев.

На всех этапах работы над проблемами истории исторической науки Лаппо-Данилевский держал в поле зрения историю самой историографии, и им был приобретен значительный опыт в изучении данной проблемы. Лаппо-Данилевский не ограничивался фиксацией краткой информации о литературе по русской историографии, как то делалось другими, а переходил к научной разработке темы. Рукописи историка отразили его поиск названия для данного раздела. То он назывался «Обзорение развития русской историографии», то «Обзорение развития истории русской историографии» (выделено мной. – Р.К.), то вновь возвращался к первому варианту, сохраняя при этом и второй.

Лаппо-Данилевский подходил к изучению истории историографии как к историческому явлению, которое проходило в своем развитии несколько стадий. На этом основании в истории изучения русской историографии им выделялись три периода. Иногда он склонялся к выделению четырех периодов, разделяя второй на два.

Первый период датирован 20–30-ми гг. XIX в. и назван «Изучение научной обработки русской истории с точки зрения критической школы» (вариант: 2... с точки зрения школы, основанной Шлецером). Критерий определения этого периода вполне историографичен: споры между «скептиками» и «апологетами» о достоверности древнейших памятников вызвали появление ряда обзорной критической истории. Всю историографическую литературу того времени Лаппо-Данилевский в свою очередь сгруппировал вокруг следующих трех тем: «с точки зрения низшей критики: А. Шлецер», «с точки зрения высшей

критики: А. Зиновьев, Н. Надеждин, А. Федотов» и «с критической точки зрения в связи с феноменологической: Н. Иванов». Несколько позднее автором был сюда подключен А. Александров.

Выявление *второго периода* также основывалось на историографическом событии – на возникшей потребности в общих историографических обзорах в связи с дискуссиями славянофилов и западников: «...желание взглянуть на нашу историографию с каждой из этих точек зрения»¹⁵. К работам по истории исторической науки данного периода он относил А.В. Старчевского, М.О. Кояловича и А.Н. Пыпина.

Третий период – «Новейшие попытки изложения русской историографии с научной точки зрения» – начинался с работ С.М. Соловьева, К.Н. Бестужева-Рюмина, И.В. Лашнюкова, Н. Полетаева, а заканчивался трудами В.С. Иконникова, П.Н. Милюкова и Д.И. Багалея. Правда, для анализа работ последнего был лишь заготовлен лист, так и оставшийся чистым.

Помимо характеристики перечисленных периодов Лаппо-Данилевский предусматривал и такие темы, как «История умственного и общественного движения в XIX в. ввиду связи ее с историографией того же периода» и «Главнейшие пособия по историографии», к которым относил и литературу по истории философии. Упомянул он труд Н. Загоскина «История права русского народа» (Казань, 1899), где был отдел «Русская историография в связи с развитием русского историко-юридического знания», и другие «не чисто» историографические работы.

Анализировал Лаппо-Данилевский историографическую литературу по четко разработанной им схеме: полные библиографические данные, краткое содержание, достоинства работы, ее недостатки, рецензии (если они были). Историографические работы получали четкую и острую характеристику, которая скорее имела характер заметок для памяти, чем готовый текст. В ряде случаев оценки были сравнительно пространными, в других – лапидарными. Бывали случаи, когда по задуманной теме не было никаких записей.

В конце XIX – начале XX в. историками стал подниматься новый вопрос, свидетельствующий о качественном росте научной дисциплины – историографии. Это вопрос об определении места истории исторической науки в общей системе знаний. Еще Коялович говорил о русской историографии как части национально-русской науки. Ключевский вводил историографию в общий корпус сугубо исторических знаний наряду с методологией истории, терминологией и источниковедением. Милюков

рассматривал историографию как элемент истории русской культуры, вобравшей в себя главнейшие особенности развития России, «все стороны внутренней истории: экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую»¹⁶.

Лаппо-Данилевский в значительной степени разделял указанные точки зрения, а под влиянием международных конгрессов историков (он принимал участие в работе третьего (Берлин, 1908) и четвертого (Лондон, 1913) конгрессов) стал более широко подходить к этой проблеме. На международных конгрессах создавались специальные секции и подсекции по истории наук: по истории физики, математики, естествознания и медицины. Лаппо-Данилевский заинтересовался общими науковедческими проблемами и в связи с этим историей исторической науки. Теперь он отмечал, что курс русской историографии имеет двойное значение – общее и специальное. «*Общее значение* курса состоит в том, что он принадлежит к разряду курсов по истории науки; *специальное* – в том, что он дает некоторое понятие о развитии русской исторической науки»¹⁷.

В глобальном развитии науки Лаппо-Данилевский различал два влияющих друг на друга процесса – это «логическое раскрытие данной научной идеи» и «реализация» данной научной идеи «в данных условиях пространства и времени». Относя историю исторической науки к истории всей науки, он считал, что общие задачи и приемы истории наук «можно выяснить и на примере истории истории; во всяком случае, их следует иметь в виду и при изложении истории истории»¹⁸.

Все эти ценные и интересные для изучения истории историографии наблюдения, соображения и выводы рассеяны по рукописям ученого и не были, к сожалению, обобщены и остались незавершенными. Многолетний труд Лаппо-Данилевского остался как бы эскизом его огромного замысла. Но этот «эскиз» дорогого стоит! Недаром сам Александр Сергеевич говорил: «Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами; оценку людей, преданных делу, можно производить только с таких точек зрения»¹⁹. И с этой точки зрения должно признать, что и в историографических работах Лаппо-Данилевского проявились присущие ему меткость взгляда, высокое профессиональное мастерство, исследовательский талант. Его вклад в историю исторической науки России имеет непреходящую ценность.

Архивные сноски даны на состояние фонда А.С. Лаппо-Данилевского в начале 1970-х гг.; впоследствии была проведена новая обработка фонда.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 946.

³ Там же. Л. 919, 939, 920.

⁴ Там же. Л. 919, 925, 929.

⁵ Там же. Л. 938, 940 и др.

⁶ Там же. Л. 941, 942.

⁷ Там же. Л. 848.

⁸ Там же. Л. 941.

⁹ Там же.

¹⁰ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913. С. 3.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 946.

¹² Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии. С. 5.

¹³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 948.

¹⁴ Там же. Л. 895.

¹⁵ Там же. Д. 72. Л. 440.

¹⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. С. 3.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 901.

¹⁸ Там же. Л. 902.

¹⁹ Цит. по: Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 80.

ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВНА КОРЗУН

доктор исторических наук, профессор, завкафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)
Тел.: (3812) 26-90-72; E-mail: korzunv@mail.ru

В статье предпринимается попытка показать поиск А.С. Лаппо-Данилевским образа интеллектуальной истории в рамках нарастающего интереса к культурной истории в мировой и отечественной историографии.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, культурная история, история интеллектуальной жизни, культура разума, история умственного развития человечества, история идеи, рецепция, национальное сознание.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ: ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ*

Научные тексты, как известно, являются для нас не только источниками информации, но и зачастую способом интеллектуальной провокации – в историко-научном плане это «тень отца Гамлета», заставляющая воскрешать/расследовать познавательные ситуации прошлого. Это исследование должно объяснить нам, каким образом в поле историографического дискурса закрепились ставшие неотъемлемой его частью проблемы, сюжеты, мыслительные коды, значимые имена и, разумеется, что не закрепилось, но может быть восстановлено в иной познавательной ситуации.

Для автора данной статьи такими текстами, провоцирующими рефлексию по поводу истоков интеллектуальной истории в отечественной традиции, стало интервью известного французского историка, одного из зачинателей новой культурной истории, профессора Ж.-Ф. Сириенелли и серия работ современного польского методолога В. Вжосека. Сириенелли полагает, что «двадцать лет тому назад именно интеллектуальная история стала матрицей истории культурной»¹, подчеркивает на современном этапе неразрывную обратную связь культурной и интеллектуальной истории и, более того, считает, что интеллектуальная история, понимаемая как производство систем структурированных мыслей, безусловно охватывается культурной историей².

Войцех Вжосек размышляет о политической «национальной» истории, ее неизбежной эгоцентричности и ставит проблему изучения ее общественно-культурных и исторических контекстов, он актуализирует проблему культурологической дистанции в исследованиях политической истории³. Автор последовательно проводит мысль, что «рефлексия об истории или историографии может быть успешно осуществлена только тогда, когда она трактуется как отрасль культуры»⁴.

Складывающаяся на наших глазах историографическая традиция – исследование культурной истории в ее взаимосвязи с интеллектуальной и политической историей – ставит проблему ее генезиса, ее «пульсирования» в различных историографических ситуациях. Интеллектуальная практика, выступающая вначале как личностное предпочтение, исследовательский прием – «историографическая находка», персонифицированная и вплетенная в конкретную историографическую ситуацию, в процессе историографического развития в определенной степени деперсонифицируется, приобретает надситуативный характер. Но этот путь надо было пройти.

Обращаясь к поискам отечественной гуманитаристики в обозначенном направлении, мы, без сомнения, выделяем творчество А.С. Лаппо-Данилевского, в научном лексиконе которого наличествуют дефиниции «культурная история», «история интеллектуальной жизни», «культура разума», «история умственного развития человечества», а его основной незавершенный труд, как известно, называется «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» – совсем,

казалось бы, в pendents с тенденциями современной исторической науки.

В предлагаемой статье предпринимается попытка показать поиск Лаппо-Данилевским образа интеллектуальной истории в рамках нарастающего интереса к культурной истории в мировой и отечественной историографии.

Включение в общекультурный контекст, ценностное возвышение исторического факта через придание ему дополнительного статуса факта культурного, построение целостных картин культурного развития характеризуют интеллектуальную и научную атмосферу, интенциональную когнитивность, «идейный узор» эпохи конца XIX – начала XX в. Попытки такого рода неизбежно требовали определить отношение к уже наличествующей интеллектуальной традиции, к господствующим тогда позитивистским нормативам научной объективности, к грандиозной попытке деконструкции интеллектуальной истории, предпринятой О. Контом. Как известно, он исторически разъединил в своей концепции теологию, метафизику и науку и развел их по разным эпохам. В процессе расчленения интеллектуальной истории О. Конт «осуществил периформативирование того материала по истории западной духовной культуры, который имелся в его распоряжении»⁵.

Как нам представляется, Лаппо-Данилевский последовательно конструировал во многом альтернативную контовской концепцию интеллектуальной истории (не употребляя самого этого термина), включавшую на равных правах религиозные и светские принципы знания⁶. Еще задолго до знаковой статьи историка в сборнике «Проблемы идеализма», где он четко проговаривает свое несогласие с «грубым реализмом доктрины О. Конта», утверждающей тождественность социальных и естественных законов, мы можем констатировать намечающийся методологический дрейф в сторону от классического позитивизма. Уже применительно к 1890-м гг. Лаппо-Данилевскому становится тесно в рамках позитивистского научного дискурса, работая над магистерской диссертацией, он одновременно задумывает труд по истории русской культуры. Этот замысел (как и намечавшаяся оппозиция позитивизму Конта) диктуется и логикой личностного развития молодого ученого, его стремлением услышать биение мирового сердца, подняться над житейской повседневностью до уровня мирового музыкального синтеза, гармонической целостности. В то же время его творческая интенциональность объясняется и логикой его научного развития, умением сочетать в одном лице «археолога факта» и теоретика-методолога⁷. Именно в это время (в 90-е гг. XIX в.) вырисовываются контуры нового проекта, который все явственней просматривается через фазы освоения новой проблематики. Это освоение не носило случайный характер, оно вытекало из программной установки историка на целостное знание. «Если Moira предопределила мне долгую жизнь, – пишет он своему другу В.И. Вернадскому, – то я думаю разделить ее на три периода: первый посвящаю специальности, второй – кругу знаний, однородных с моею специальностью (наукам общественным), третий – знанию вообще. Этим дележом я не рассекаю своей умственной жизни на три бессвязные части, а рассматриваю как союз трех знаний, который с

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13 0100115

статической точки зрения представляю себе в виде трех концентрических кругов, а с динамической – в виде взаимодействия трех обратно пропорциональных прогрессий»⁸. Подобная установка просматривается уже в магистерской диссертации Лаппо-Данилевского, он не укладывается в формальную схему государственников (позитивистские подходы и методы пока оставим в стороне), его увлекает идея государства как определенный «культурный тип», и нельзя не заметить нарастающего интереса к взаимоотношениям личности и государства, к соотношению ценностей установок эпохи и уровня их реализации.

Собственно, в литературе эта сторона поиска Лаппо-Данилевского освещена достаточно полно. Авторы обращают внимание на разработку историком лекционных курсов с четко выраженной «культурной» ориентацией. Как отмечают М.Ю. Сорокина и Л.А. Черная, «душа его лежала к историко-культурной тематике <...> Так, в 1892 году Лаппо-Данилевский прочел публичную лекцию в Петербургском университете на тему «христианство в древнерусской культуре» (отметим также прочитанную в этот период лекцию «Важнейшие иноземные факторы развития древнерусской культуры» – явно выраженный интерес к вопросам взаимодействия культур. – В.К.), в 1890-х гг. – цикл лекций «Первобытная культура», в те же годы им собраны выписки из документов и литературы по темам «О культуре и образовании в России в XIV–XIX веках», «Об истории религии и русской церкви XVII–XIX веках», «О развитии русского правосознания во второй половине XVIII века», «Об истории развития русской и европейской науки», «Об истории права» и др. Но особенно ценным в связи с вышеизложенным представляются планы и заметки для лекций и монографий, посвященных возникновению русского общества и духовных факторам, повлиявшим на его развитие»⁹.

К этому же времени относится замысел «открыть <...> специальный курс историографии», в котором Лаппо-Данилевский намеревался излагать «важнейшие научные точки зрения <...> в связи с общественными настроениями»¹⁰. Эти раздумья найдут свое воплощение и даже видоизменения в более поздних лекционных курсах по историографии. В конечном итоге он поставит новую задачу – рассмотреть историографию в связи с общим ходом развития нашей культуры, она должна быть не вводной дисциплиной в науку истории, «а особенным отделом истории культуры»¹¹, «которая выразилась в научной обработке сознания прошлого»¹². Но это будет позже. А в 1891 г. историк в письме к М.А. Дьяконову сообщает о своих намерениях «открыть курс по методологии общественных наук, или что-нибудь в этом роде»¹³. В круг чтения этого периода входит не только и не столько специальная историческая литература, но и философская, в том числе и неокантианские труды. Так, в письме к своему душевно и духовно близкому корреспонденту Марии Сергеевне Гревс в январе 1891 г., Лаппо-Данилевский упоминает Пауля Герхарда Наторпа, немецкого философа-идеалиста, представителя марбургской школы неокантианства¹⁴. Именно для этой школы характерно стремление раскрыть единство различных форм культуры и глубокий интерес к логическим основаниям науки¹⁵. В начале 1900-х гг. Лаппо-Данилевский по заданию Отделения истории древностей российских разыскивал в Кенигсбергском и Неаполитанском архивах неопубликованные сочинения «латинумудрствующих» и «приверженцев эллино-греческого учения», а также свидетельства посещения этих архивов в XVIII в. русскими дипломатами и учеными¹⁶. В это же время он задумывается и над проблемами экстенсивности культурных заимствований, обращается к проблемам лингвистики, прорабатывает лекции А.И. Соболевского, посвященные иностранным заимствованным словам в древнерусской культуре, и размышляет над монографией А. Дармстетера «Жизнь слов». Экстенсивность заимствования понимается им на данном этапе как количественный процесс. Такой подход корреспондируется с попытками французского социолога Г. Тарда найти квантифицированные показания процесса подражания.

Указанная проблематика не что иное, как поиски глубинных смыслов, системных связей, формирующих поле

отечественной интеллектуальной истории. В этом плане показательна трансформация замысла докторской диссертации Лаппо-Данилевского. Первоначально задумывался труд «Лицо, общество и государство в России XVIII века», но в процессе работы менялись исследовательские акценты, и в конечном итоге подготовленная автором к печати рукопись имела другое название: «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики».

Фокусом его пристального внимания становится история культуры. Отметим, что в этом плане Лаппо-Данилевский вписывается в научный мейнстрим конца XIX – начала XX в. Напомним о работах по истории отечественной культуры В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, Г.В. Плеханова, его коллеги и друга М.А. Дьяконова и др.

Стоит учитывать и такой принципиальный фактор, как изменение парадигмы историописания. Именно в это время на повестку дня выдвигается актуальный как в мировой, так и в отечественной историографии проект «культурной истории», персонифицированный Лампрехтом в Германии и Милюковым в России¹⁷. Милюков понимал культурную историю в самом широком смысле как и «экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и религиозную и эстетическую», акцентируя параллельность материальных и духовных процессов, в его поле зрения попадает прежде всего институциональная сторона истории культуры. Историко-культурный процесс рассматривался им как рецепционный, «во главу угла развития русской культуры ставится борьба различных «влияний»: восточного и западного»¹⁸. Подчеркнем, что речь шла все же не о простом заимствовании идей, а о диалоге культур, который проходит через несколько стадий/фаз.

Казалось бы, что и Лаппо-Данилевский в осмыслении культурного развития России движется в таком же направлении, хотя целеполагания у историков изначально были различными.

«В центре концепции русской культуры А.С. Лаппо-Данилевского оказывается оценка влияния европейской средневековой и ренессансной мысли на русское общественное сознание в области морали, политики и права, а также борьба «восточников» и «западников» в кругах русских книжников и религиозных мыслителей. Западное влияние на русскую культуру XVII в., которое шло преимущественно по религиозным каналам, для Лаппо-Данилевского было несомненным. При этом он был склонен преувеличивать его роль»¹⁹. Эта приведенная нами цитата современного автора весьма показательна и отражает конвенционное единство исследователей творчества Лаппо-Данилевского, которые, безусловно, не только расширяют предметное поле исследования рецепции идей, но принципиально акцентируют, в отличие от Лаппо-Данилевского, своеобразие и уникальность «русской национальной религиозности и связанного с ней комплекса морально-этических представлений, зафиксированного в книжности традиционной», ссылаясь на работы современных историков Н. Тихонравова и В.О. Ключевского²⁰.

Незамеченным при этом остается принципиально новый поворот в размышлениях Лаппо-Данилевского – история культуры как выход на историю науки, способ видения, понимания процесса производства знания. В предметном поле исследования культуры Лаппо-Данилевским выделяется история духовного развития страны, «культура разума», интеллектуальные практики, рецепции идей и национальное поле их производства, его интересует сознание человека другой эпохи, говоря современными метафорами, «мыслительные фигуры исторического сознания». Подобное «исследовательское опредмечивание» объясняется как особенностями индивидуализирующей методологии Лаппо-Данилевского (история культуры как коллективная индивидуальность), так и его несомненной чуткостью к методологическим веяниям эпохи, когда явно обозначилась тенденция к предметной четкости исследовательских практик, выделению различных предметных полей исследования. Напомним, что само противопоставление объекту предмету в теоретическом плане формулируется в начале XX в.

Обозначенный проблемный блок отражает интерес историка к каналам циркуляции интеллектуальной культуры, процессу обучения мыслительным процедурам. Отыскать «научное в культурном» – к этой задаче его подталкивала позитивистская традиция «высокой научности». Именно в ее рамках усиливается и оформляется интерес к истории науки как интеллектуальной истории, хотя последняя, по Лаппо-Данилевскому, стала привлекать внимание философов и ученых с конца XVII – начала XIX в. В 1890–1900-е гг. начинает формироваться науковедческая традиция в европейской историографии, и Лаппо-Данилевский чутко реагирует на эту новацию и сам принимает участие в ее творении. Историко-научная проблематика все более захватывает историка, она подпитывается, безусловно, его собственным опытом изучения культуры, опытом преподавания историографии, научно-организационной работой в Академии наук, связанной в том числе с коммеморативными практиками, интеллектуальными коммуникациями с В.И. Вернадским, серьезно увлекающимся историей науки и, конечно же, неокантианством.

Свидетельством такого поворота в проблемном поле является курс лекций, прочитанный им в 1906 г. для учителей гимназии под названием «Размышления об истории наук, ее задачах, методах построения и педагогическом значении». Особую роль в процессе становления интереса к истории науки Лаппо-Данилевский справедливо отводит О. Контю, который, по его словам, «с особой настойчивостью указывал на ее значение и с тех пор интерес к истории науки не только не ослабел, но заметно усилился»²¹. В общем развитии европейской историко-научной мысли, «истории умственного прогресса» последнего столетия историк выделяет два направления: философское и историческое. К первому он относит О. Конта, В. Уэвелла, И. Мерца, ко второму П. Таннери, В. Вундта, Ф. Мэнтра. Отмечается им и эволюция философского направления в науковедческой мысли, выделяется построение общей истории науки с позитивной и идеалистической точек зрения. Под последней понимается неокантианство. Особо подчеркивается значимость концепции Ф. Даннеманна, который отчетливо зафиксировал связь между общей историей культуры и наукой, что нашло отражение в его периодизации истории науки²². Такой подход, как мы могли убедиться, был созвучен и самому Лаппо-Данилевскому.

В своей «Методологии истории» Лаппо-Данилевский представил обширный историографический обзор по проблеме генезиса истории культуры как особого направления историко-философской и исторической мысли. Обширная библиография и знаковые имена в истории культуры (Друменн, Кольб, Риль, Гизо, Бокль, Липерт, Буржардт и др.), размышления автора по поводу когнитивной ценности интеллектуальных феноменов – авторов и их трудов – позволяет не только реконструировать концептуальные построения Лаппо-Данилевского, но и представить процесс их создания, конструирования. Мы получаем возможность увидеть, как реально проявляется научный максимализм историка, как «работает» его нацеленность на предельно методологическую строгость.

Фиксируя появление и закрепление позитивистской, атомистическо-кумулятивной традиции в историко-культурном направлении, воспринимая ее с «легкой иронией»²³, Лаппо-Данилевский сталкивается с нелегкой задачей определиться по отношению к ней. С одной стороны, он неизбежно должен выступать в роли продолжателя традиции, предлагать собственный вариант позитивистского нарратива, логически-схематического рассмотрения истории отечественной культуры, выделения из нее и конституирования собственно научной составляющей. Это тем более неизбежно, что позитивистские схемы вполне работают в плане выявления и организации фактологического материала. И в то же время, пребывание в мире позитивистских практик демонстрирует ему вновь и вновь реальные слабости позитивистского исследовательского синтеза, понимаемого «как сумма эмпирических данных, систематизируемых историком» (достаточно наглядно, на наш взгляд, свидетельствуют об этом его рецензии на

выдержанные в духе позитивистского нарратива работы его коллег-историков, которых он упрекает в невыдержанности исторической точки зрения, неумении «дать изображение живой человеческой личности в ее отношениях к данной социальной среде» и т.д.)²⁴.

Преодоление позитивистской «научной недостаточности» предполагается Лаппо-Данилевским на путях неокантианства, в рамках которого наука рассматривается как часть мирового целого, на первый план выходит проблема социокультурных оснований единства научного творчества, роли и места в этом единстве человека науки – творца, создателя интеллектуального продукта. Он ставит перед собой, как видим, близкую современной науке задачу антропологизации и контекстуализации (исторической и культурной) интеллектуальной истории. Переключившись с современностью (именно переключившись, так как о полной тождественности говорить не приходится) объясняется, на наш взгляд, методологическими установками самого Лаппо-Данилевского – попытаться рассмотреть в едином предметном поле «ход политики», развитие политической культуры и национального самосознания России, отталкиваясь от источников – «объективированных продуктов человеческой психики», воссоздать «чужую одушевленность». Сложность поставленной задачи «объемного исторического синтеза», недостаточная изученность в «конкретной наполненности» каждого из ее составляющих сегментов, невыработанность исследовательских подходов дают, на наш взгляд, несколько парадоксальный результат – сближение текстов Лаппо-Данилевского с современным историографическим письмом не только тематически, но и типологически, по самому типу, характеру историописания, построению нарратива – работа (речь идет об «Истории русской общественной мысли и культуры») в значительной мере основывается на гипотетических вариантах решения рассматриваемой проблемы, что порождает и соответствующий лексикон: «возможно, вероятно, может быть».

В масштабах исследования Лаппо-Данилевского особо остро вставала проблема адекватного постижения «чужой одушевленности» (самый болезненный и по сей день вопрос для исторической науки), осуществление грандиозного историографического, культурологического, науковедческого синтеза на основе идиографического знания, принципов «строгой науки». Пытаясь руководствоваться этим принципом, историк в то же время понимал ограниченность области его применения. Согласимся с наблюдением современного методолога М.Ф. Румянцевой, что принцип «признания чужой одушевленности» принимался им в регулятивно-телеологическом значении, т.е. «в качестве научной гипотезы, нужной для объяснения некоторой части действительности». По убеждению Лаппо-Данилевского, «признание чужой одушевленности» необходимо «...психологу, социологу или историку для того, чтобы объединять свое знание о наблюдаемых им чужих поступках и деятельности». В историческом исследовании на основе этого принципа историк «конструирует <...> перемены в чужой психике, в сущности, недоступные эмпирическому <...> наблюдению»²⁵.

Современные историографы обратили внимание на несомненное присутствие дискурса интеллектуальной истории в «труде жизни» Лаппо-Данилевского – «Истории политических идей в России в XVIII веке...»²⁶. Попытаемся, опираясь на текст работы, предметно вычленив его. Становление дискурсивного поля интеллектуальной истории в «главной книге» Лаппо-Данилевского может быть прослежено в двух планах. Во-первых, в плане собственно истории идей, рецепционно-коммуникативного взаимодействия России и Европы. Во-вторых, в плане учета «взаимодействия между движением идей и теми социальными, политическими, религиозными, общекультурными контекстами, в которых эти идеи возникают, распространяются и трансформируются»²⁷. Важнейшей характеристикой идейно-рецепционного взаимодействия России и Запада для автора является проблема адекватного усвоения «учености» Запада, «экстенсивности» и «интенсивности» распространения заимствуемых идейных течений. Такой теоретический поворот стимулировал

интерес как к способам получения и трансляции западных идей, так и к степени их усвоения, проникновения в существо усваиваемых доктрин. Лаппо-Данилевским выделяются конкретные произведения и личности, значимые тексты и фигуры, включенные в процесс идейной коммуникации. Стремясь к максимальному приближению к истине, исчерпывающей полноте воспроизведения работы интеллектуальной сети, автор воспроизводит «с большой обстоятельностью те положения важнейших течений европейской культуры, а также юридической и политической мысли, которые оказали влияние на развитие правосознания и законодательную политику России». Этим же личностным стремлением «взглянуть прямо на солнце, увидеть истину»²⁸ он руководствуется, реконструируя процесс идейного взаимодействия во всей его внутренней противоречивости и концептуальной сложности.

Рецепция для историка, в соответствии с точным значением этого термина, – это не только процесс усвоения определенных культурных и идейных форм, но и приспособление их к «реальным условиям русской общественной жизни». В реальных условиях этой жизни, как отмечает Лаппо-Данилевский, в складывающуюся интеллектуальную сеть «Россия – Запад» «вместо главных произведений <...> часто попадали произведения второстепенные» для европейской интеллектуальной традиции, «иногда малоизвестные» в современной социальной литературе, и задача «отнесения к ценности», обстоятельного рассмотрения их места в истории европейского правоведения и возможного ценностного влияния на интеллектуальную жизнь России представлялась особенно важной. Как скрупулезно добросовестный исследователь Лаппо-Данилевский сознает, что «трудно <...> вполне определенно указать на сущность и пределы такого влияния»²⁹.

В противовес позитивистской традиции, акцентирующей линейность и поступательность движения идей, он фиксирует реальную сложность, дискретность, фрагментированную несистемность этого процесса. Историк показывает борьбу латино-польского, эллино-греческого и протестантского направлений учености на русской почве, сменяемость и вариативность процессов идейного заимствования. По существу, исследователем осознавалась проблема альтернативности развития и культуры и политического развития страны. К примеру, с одной стороны, по Лаппо-Данилевскому, протестантское влияние несло в себе наибольший реформаторский потенциал и способствовало освобождению русской мысли из под-гнета схоластики, становлению новой светской образованности, знакомству с учением о естественном праве³⁰. С другой стороны, наличествовали и варианты. Показательна в этом плане дневниковая запись В.О. Ключевского от 23 апреля 1909 г. После разговора с Лаппо-Данилевским о проникновении политических идей с Запада в Россию в XVII – начале XVIII в. у него сложилось впечатление – «Прощай Федор еще 10–15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама»³¹. Лаппо-Данилевский акцентирует внимание на зависимости процесса эволюции политических идей в России от «многих, довольно случайных посторонних влияний», на дискретность, фрагментарность этого процесса, отсутствие в нем «внутренней цельности», единства самостоятельного индивидуального развития³². Произведения отечественной литературы XVII–XVIII вв. политико-правоведческого характера, указывает Лаппо-Данилевский, «были в большинстве случаев продуктами заимствований, иногда довольно сложных, а не результатами оригинального и непрерывного творчества собственно русской мысли <...> Слишком мало влияли друг на друга <...> каждая из них зависела от одного из моментов развития западноевропейской мысли»³³. Мысль Лаппо-Данилевского о дискретном характере идейной эволюции получила более четкое выражение в его поздней работе «Идея государства в России». Историк отмечает: «В эпоху преобразований история этой идеи (государства. – В. К.) еще не получила характер непрерывной и прогрессивной эволюции: звенья этой цепи почти не входили друг в друга. Каждая из них скорее зависела от общего и соответствующего развития

исторических идей, чем от предшествующего звена, и только очень слабо определялось следующее за ним звено»³⁴.

Что особенно ценно для нас в плане становления интеллектуальной истории, Лаппо-Данилевский находит возможным выделить не только общее направление заимствований, но и обозначить те познавательные ситуации, в которых это становится возможным и необходимым, и даже сделать первые попытки компаративистского анализа в этом плане России и Запада. Например, он проводит аналогию между европейской образованностью второй половины XIII в., когда происходило интенсивное усвоение схоластической традицией Аристотеля и античного наследия и русским литературным движением XV–XVI вв., когда схоластика, включавшая «некоторые элементы классической эрудиции», стала проникать в Россию³⁵. Сравнивая эти познавательные ситуации, общим для них Лаппо-Данилевский называет также наличие ортодоксальной схоластической традиции и подавляемых ею еретических, «более рационалистических» движений³⁶. В характеристику познавательных ситуаций включается автором и рассмотрение познавательного инструментария эпохи, применяемых мыслительных процедур. Так, характеризуя воздействие на «умственные стремления» представителей российской образованности латино-польского схоластического направления, Лаппо-Данилевский отмечает, что «схоластика, правда, подчиняла философию религии и церковному учению <...> но она все же приписывала разуму ценность, хотя бы в чисто формальном его смысле, в какой он мог служить для систематизации церковного учения»³⁷. Схоластика, по Лаппо-Данилевскому, способствовала тому, что «русские люди, привыкшие жить традициями и настроениями <...> могли приобрести некоторую наукообразность мышления, они причулились рассуждать более точно и последовательно при помощи дефиниций, силлогизмов и аргументов»³⁸. В то же время «схоластика <...> была преимущественно школьной мудростью», требуя культуры разума, она естественно приводила к учреждению школ, что оказало воздействие на процесс трансляции знаний в России в целом; «светские школы, появившиеся в эпоху преобразований, стали применять тот же принцип систематического школьного обучения»³⁹.

Историк довольно подробно рассматривает процесс трансляции идей в русском обществе, каналы, через которые он происходит, называет «субъектов эволюции» в сфере идей. В поле его зрения попадают культурно-образовательные центры (Киево-Могилянская и Славяно-греко-латинская академии, Московский университет, Академия наук, церковные и светские школы), литературные заимствования, представители малороссийской образованности, иностранные специалисты, россияне, контактирующие с Западом (выделяется особая роль в этом процессе Посольского приказа), конкретные государственные деятели (например, А.С. Матвеев, А. Вinius, Ф.М. Ртищев, царь Алексей Михайлович, Петр I). Такое внимание к государственным деятелям не случайно. И хотя по Лаппо-Данилевскому «в XVI–XVII веках <...> главным носителем идей нужно признать Московское государство <...> история политических идей в России вообще складывалась в зависимости от его развития»⁴⁰, трудно согласиться с исследователями, полагающими, что историк недооценивал роль личностного начала, царственного выбора в определении направления культурно-интеллектуального развития⁴¹.

В связи с этим обратим также внимание на интересную и ценную новацию Лаппо-Данилевского. В своем труде он разработывает интеллектуальные биографии представителей российской образованности (С. Полоцкий, С. Медведев, Ю. Крижанич, И. Посошков и др.). Лаппо-Данилевский, по сути дела, представляет модель такой биографии (образование, карьера и положение в обществе, идейные и научные пристрастия и учителя, анализ текстов сочинений и выяснение их идейной основы, способы распространения своих построений и складывание коммуникативного пространства, в котором происходит циркуляция идей). Опыт построения подобных биографий позже приведет исследователя к важному выводу, сформулированному уже в науковедческом

проблемном поле, — «открытие новых идей происходит благодаря умственной деятельности данной личности, а она сама оказывается не только продуктом таких условий, но и одним из них»⁴². Антропологический подход, таким образом, несомненно, присутствует в исследовании Лаппо-Данилевского. Именно используя антропологический подход, через житейские и идейные биографии русских мыслителей и вольнодумцев, историк рассматривает в первом приближении такую сложную проблему, как творческое усвоение западных влияний, самостоятельное идейное творчество на русской почве. Акторами этого процесса выступают русские еретики (М. Башкин, Д. Тверитинов) и такой оригинальный мыслитель, как И. Посошков. Последний, как полагает Лаппо-Данилевский, олицетворял целое направление русской общественной мысли, определяемое автором как православно-прогрессивное (за реформы, но против протестантизма)⁴³.

Таким образом, работа Лаппо Данилевского чрезвычайно важна в плане становления предметного поля интеллектуальной истории, высвечивания интеллектуальных интенций, присущих именно данному жанру исторического исследования. Продуктивная сложность этого процесса заключается в том, что, стремясь построить свое исследование на началах предельно строгой научности, предельного, на грани достижимого приближения к истине («на миг взглянуть прямо на солнце»), гениальный научный формалист Лаппо-Данилевский вынужден все более расширять и усложнять предметное поле своего исследования, включать в него новые структурные элементы, области исследования, каждая из которых должна быть рассмотрена во всех ее элементах, их взаимодействии и динамике.

Выделение интеллектуальной составляющей из общекультурного универсума в работе явственно намечено, но рефлексивно не закреплено. Отсутствует само понятие «интеллектуальная история», терминологическое поле носит общекультурный, культурно-исторический характер («европейская культура», «католическая или протестантская культура», «правосознание», «рационализм», «естественное право» и т. д.). Движение от «интеллектуально очевидного к научно проясненному», к легитимации интеллектуальной истории как самостоятельной сферы исторического исследования наблюдается в поздних работах и проектах историка (1906–1917 гг.), посвященных истории науки и образования в России. Именно в это время рождается и начинает воплощаться в жизнь проект «Русская наука». Научно-исследовательские штудии Лаппо-Данилевского — значимая часть научной мысли начала XX в., когда на повестку дня выходит самопознание науки, методологическая саморефлексия, формируется предметная область наукоучения. Лаппо-Данилевский создает общую панораму развития отечественной научной мысли в длительной хронологической перспективе, показывает, как менялись цели научного поиска и ценностное отношение общества к науке и познанию в широком смысле этого слова. Концепционно научно-исследовательские поиски историка с их экспликацией на отечественную историю науки и культуры нашли выражение в лекции в Кембридже в 1916 г.⁴⁴

Так, православие, по Лаппо-Данилевскому, в течение долгого времени поддерживало среди русских ученых догматическую и традиционную концепцию науки. В XVII столетии наблюдается постепенный подъем русской светской мысли. Среди причин такого поворота историк называет потребность в истине, которая проявляется сначала как любознательность, и утилитарный взгляд на науку, хотя последний реально утверждается в XVIII в. В пространстве этого века начинается осознание ценности истинных знаний. Зарождение такого подхода он связывает с именем Ломоносова, который уже признавал абсолютную ценность науки, уравнивая ее с «религиозным и священным действием» — научное мышление должно иметь свою собственную область господства⁴⁵. Новые импульсы научная мысль получает в XVIII в. под воздействием немецкой, французской и английской философских школ. Немецкая философия, по Лаппо-Данилевскому, побудила в русских кругах интерес к проблемам единства мышления, система-

тического понятия мира, хотя оно носило отпечаток трансцендентности и метафизики и переходило границы положительной науки и знания. «Само собой разумеется, что эта наука была еще очень далека от русской действительности и часто чуждалась ее», почти не находя поддержки и сочувствия в «самодельном русском обществе»⁴⁶. Французский сенсуализм и английский эмпиризм способствовали подъему светской мысли, подчеркивал историк, не только в конце XVIII в., но и в XIX. Постепенно французское и английское влияние столкнулось с немецким и предотвратило полное подчинение русских ученых немецкому мышлению. Эти три потока подорвали авторитет православной догмы и стимулировали свободное мышление, «благодаря этим влияниям углубилось осознание ценности истинных знаний»⁴⁷. Разнообразие влияний способствовало «развитию мышления, свободного от предрассудков и традиций, оно расширило сферу их идей и породило космополитические и гуманистические настроения, оно познакомило русских с многосторонним проявлением науки и учений»⁴⁸. Лаппо-Данилевский ставит проблему «национализации» русской науки и в неокантианской версии пытается выяснить социокультурные основания единства научного знания. Как полагает историк, «в русских концепциях сознания как соединения воли, мысли, религиозного чувства нравственная точка зрения играет значительную роль, именно она выступает унифицированным принципом»⁴⁹. Проявление этого он видит в общих конструкциях, концепциях мироздания и приводит имена Лобачевского и Чебышева, Менделеева, Федорова и Павлова, Вл. и Ал. Ковалевских, Мечникова, Вл. Соловьева и С. Трубецкого, Плеханова и Ленина.

В историко-научных исследованиях Лаппо-Данилевский рефлексивует над проблемами дискретности в науке, возможности коммуникативных одновременности открытий, о роли коммуникативного поля и его изменениях в плане функционирования, циркуляции идей, о соотношении внутринаучных и социальных факторов, логического и исторического в развитии науки.

Подведем итог. Как нам представляется, работы Лаппо-Данилевского дают основания говорить о начале оформления интеллектуальной истории в России в самостоятельное научное направление, которое вырастает из культурной истории. Основаниями для такого выделения является, во-первых, формирование проблемного поля истории идей, попытка, ознаменовавшаяся творческими удачами, максимально полного воспроизведения идейной биографии страны. Опыт рассмотрения истории идей в России во всем многообразии творческих мутаций и контекстных, «родственных», связей позволяет говорить о выходе Лаппо-Данилевского на проблему генеалогии идей в России.

Во-вторых, был предложен новый подход к исследованию идей, который базировался на сочетании позитивистских традиций и неокантианских новаций. Интеллектуальная история выделяется из общего культурологического комплекса, обзаводится понятийным аппаратом и собственным названием — «история идей» (долгое время, как указывает Л.П. Репина⁵⁰, эти два понятия были синонимичны). В формирующемся предметном поле интеллектуальной истории Лаппо-Данилевский выделяет область, в которой наиболее возможно и необходимо переходить к выявлению внутрисистемных связей, повышать степень научной достоверности выводов (от вероятностного «могло оказать влияние» до определенного «благодаря этим влияниям углубилось осознание ценности истинных знаний»). В этом плане логично его обращение к истории науки, развитие и функционирование которой отличается высокой степенью системной организованности. Логично и акцентирование внимания на истории российской науки — без изучения ее исторического пути (например, процесса «национализации» науки) и национальных особенностей (например, концепций мироздания), «законосообразности» ее развития трудно представить ее когнитивные возможности, изучать историю идей в России с позиций строгой научности. В личностном плане, как историк идей, Лаппо-Данилевский идет по пути совершенствования своего творческого метода, преодоления психологических сложностей, возникающих перед ним в процессе познания.

Напомним его известную характеристику этих трудностей: «Я не принадлежу к тем, кто за деревьями не видит леса. Я вижу лес, но не вижу его границ, и это меня ужасает»⁵¹.

В-третьих, мы можем говорить о первых шагах институализации данного направления, связанного с организационной деятельностью Лаппо-Данилевского. Речь идет о таких коллективных проектах, как празднование 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова, «Русская наука» и др.

В новых исторических условиях советской России эта деятельность была продолжена в КИЗе, но проис-

ходит переакцентировка в понимании исследовательских задач, приоритет отдается изучению социальной детерминации идей. Продуктивные наработки Лаппо-Данилевского оказываются созвучными более поздним поискам европейских и американских мыслителей в разуме предметного поля интеллектуальной истории и ее дисциплинарного оформления. К середине 1930-х гг. это направление манифестируется и как исследовательская программа в трудах А.О. Лавджоя.

¹ Канинская Г.Н. Историк об историческом знании и о себе. Интервью с директором Центра истории института политических наук Парижа профессором Ж.-Ф. Сириелли // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 30. М.: Красанд, 2010. С. 297.

² Там же. С. 296–297.

³ Войцех Вжосек. О необходимости культурологической дистанции в исторических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 71

⁴ Войцех Вжосек. Культура и историческая истина / Пер. с польск. К.Ю. Ерусалимский. М.: Круг, 2012. С. 17.

⁵ Бачинин В.А. Социология интеллектуальной истории. Конструкция и деконструкция Огюста Конта // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 30. М.: Красанд, 2010. С. 277.

⁶ См. об этом: Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000. С. 146; Сорокина М.Ю. Об историке и его книге: предисловие от составителя // Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2005. С. XVIII.

⁷ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Предисловие // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990. С. 5.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 923. Л. 19.

⁹ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Указ. соч. С. 5.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 14.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 242. Л. 9.

¹² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 94 об.

¹³ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 257. Л. 34.

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 29.

¹⁵ Указанные проблемы станут центральными и для А.С. Лаппо-Данилевского. Однако его интерес к Марбургской школе неокантианства не осмыслен в современной историографии.

¹⁶ Демина Л.И., Мохначева М.П. Итальянские архивы на службе российской исторической науки // Труды Историко-архивного института. Т. 33. М., 1996. С. 224–234.

¹⁷ Бон Т.М. История культуры в Германии и России в трудах К. Лампрехта и П. Миллюкова: сравнительный анализ // П.Н. Миллюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 233.

¹⁸ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Указ. соч. С. 6.

¹⁹ Сукина Л.Б. Концепция истории русской культуры XVII века А.С. Лаппо-Данилевского и ее место и роль в современных гуманитарных исследованиях. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/sukina_id/16-1-0-141 (дата обращения 20. 08.2013).

²⁰ Там же.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180. Л. 6.

²² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180. Л. 23.

²³ Выражение Л.А. Черной и М.Ю. Сорокиной.

²⁴ См. об этом подробно: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 181–192; Корзун В.П. Образы исторической науки... С. 43–46.

²⁵ Румянцева М.Ф. Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в контексте русской версии неокантианства. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/rumiantseva_id/16-1-0-137 (дата обращения 3.09. 2013).

²⁶ Булыгина Т.А. А.С. Лаппо-Данилевский об истории идей и интеллектуальной истории. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/bulygina_id/16-1-0-137 (дата обращения 07. 07.2013).

²⁷ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С. 338.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

²⁹ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. С. 22–23.

³⁰ Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2005. С. 169.

³¹ Ключевский В.О. Дневники 1901–1910 гг. // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М.: Мысль. 1990. С. 347.

³² Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. С. 21.

³³ Там же.

³⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства в России // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 28.

³⁵ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. С. 26–28.

³⁶ Там же. С.28.

³⁷ Там же. С. 142.

³⁸ Там же. С.144.

³⁹ Там же. С. 146–147.

⁴⁰ Там же. С. 20–21.

⁴¹ Сукина Л.Б. Указ. соч.

⁴² СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180. Л. 79.

⁴³ Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2005. С. 256.

⁴⁴ Lappo-Danilevsky A.S. The development of science and learning in Russia // Russian Realities and Problems / Edit. by J. D. Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.

⁴⁵ Lappo-Danilevsky A.S. The development of science and learning in Russia. P. 170.

⁴⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий – основатель императорской Академии наук а Санкт-Петербурге. СПб., 1914. С. 56.

⁴⁷ Lappo-Danilevsky A.S. The development of science and learning in Russia. P. 170.

⁴⁸ Там же. P. 171.

⁴⁹ Там же. P. 227.

⁵⁰ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 327.

⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 14.

КОНСТАНТИН ЮРЬЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

доктор филологических наук, ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 235-59-15; E-mail: yurij-danilevskij@yandex.ru

Статья посвящена истории рода Лаппо-Данилевских с начала XVIII по начало XX в. и значению семьи для А.С. Лаппо-Данилевского.

Ключевые слова: А. С. Лаппо-Данилевский, история семьи, генеалогия, микроистория, Лаппо-Данилевские, Чуйкевичи, Гангеловы, Чорбы, Манвеловы, Лесницкие.

СЕМЬЯ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО: ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ

*Und manche liebe Schatten steigen auf...
Goethe. «Faust». Teil I.*

Драматичная судьба близких Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в XX столетии была не в последнюю очередь вызвана броским фамильным именем, затруднявшим мимикрию в эпоху социальных потрясений и неоспоримо указывавшим на принадлежность тех, кто его носил, к привилегированному сословию дореволюционной России. Довольно широкая известность некоторых представителей рода Лаппо-Данилевских в начале XX столетия сослужила также не лучшую службу – фамилия была на слуху и у многих вызвала приливы классовой ненависти¹. В данной статье мне, однако, менее всего хотелось бы останавливаться на событиях XX в. Куда увлекательнее заглянуть в прошлое рода Лаппо-Данилевских, попытаться распознать в его истории то, что имело значение для формирования его выдающихся представителей. После эпохи вынужденного молчания, кажется, настало время попытаться нарисовать портреты предков А.С. Лаппо-Данилевского, осознавая, что многие их черты, увы, безвозвратно утрачены. Это тем более оправданно, ибо и коллеги, и ученики неоднократно отмечали духовный аристократизм ученого, потомственное благородство, видели в нем воплощение лучших черт дворянской культуры.

Хотя в архивных документах мне не удалось найти указаний на интерес А.С. Лаппо-Данилевского к своей генеалогии или на какие-то его разыскания в этой области, сам состав его наиболее обширного фонда в Петербургском филиале Архива Российской академии наук содержит документы по истории семьи с 1810-х гг. Судя по всему, архив ученого был обработан к началу Второй мировой войны не целиком и некоторая его часть еще находилась у вдовы ученого. По понятным причинам в Архив Академии наук в первую очередь передавалось все, что касалось научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского. А бумаги более личного характера, позволявшие заглянуть во взаимоотношения родственников, удерживались наиболее долго в семейном владении². Эта часть архива ученого погибла в блокадном Ленинграде после смерти его вдовы³. Из-за тягот послереволюционного времени и эпохи сталинского террора еще более печальная судьба постигла документы и прочие фамильные ценности, находившиеся во владении сестер и братьев академика, а также их потомков.

Учитывая, что живая культурная память семей простирается минимум на четыре-пять предшествующих поколений, нужно признать, что те сведения по истории семьи, которые я накапливал в течение последних двадцати лет, были в общих чертах известны А.С. Лаппо-Данилевскому. А о довольно большом числе родственников, о которых пойдет речь, он мог составить мнение не понаслышке⁴. Не забудем и иную медиальную насыщенность культурного пространства, и куда более важную роль семейных преданий в XIX столетии. Тем более обидно, что уже никогда не удастся узнать, что представители семьи Лаппо-Данилевских думали о происхождении своего двойного фамильного имени и об истоках рода. На данном этапе оно не поддается сколько-нибудь достоверному объяснению (опущу несколько устных, отчасти шуточных и явно позднейших легенд, бытующих в разных ветвях семьи)⁵.

Как сообщил мне С.В. Чебанов, в семье известного историка Ивана Ивановича Лаппо, большого знатока

прошлого Великого княжества Литовского, существовала убежденность об общем происхождении трех давно разошедшихся ветвей белорусско-литовского рода Лаппо – Лаппо-Беличей, Лаппо-Любичей и Лаппо-Данилевских (эти предания восходят к родной сестре историка Екатерине Ивановне, урожд. Лаппо). Однако мне пока не удалось найти каких-либо документальных аргументов в его пользу. Укажу также, что «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», имевший неплохих консультантов по генеалогии, скорее, разводит эти роды:

«Лаппо (польск. Łappa) – два литовских дворянских рода, гербов Крживда, Любич и Лада, из которых один восходит к началу XVII века и внесен в VI часть родословной книги Минской губернии. Есть род Лаппо-Данилевских, «малороссийского» (украинского) происхождения⁶. Нельзя поэтому исключить, что Лаппо-Данилевские – одна из ветвей крайне разветвленного рода Данилевских, обособившаяся в конце XVII в. от ее основного древа, но и в пользу этого предположения отсутствуют какие-либо документальные доводы.

Так или иначе, собственно историю Лаппо-Данилевских по материалам Департамента Герольдии удастся пока достоверно возвести лишь к началу XVIII в., и связана она именно с Малороссией – по преимуществу с Полтавщиной и отчасти с Киевом. Уже в конце XVIII столетия возникает екатеринославская линия Лаппо-Данилевских, именно к ней принадлежали прямые предки А.С. Лаппо-Данилевского, именно ей будет посвящено основное внимание.

I.

Иван и Карп (по-видимому, родные братья) – наиболее ранние представители рода Лаппо-Данилевских. Из документов, позднее представленных на подтверждение дворянства, явствует, что они «служили в чинах войсковых товарищей и вели жизнь благородную»⁷.

II.

Во втором поколении род насчитывает трех представителей – **Льва** и **Семена** (сыновей Ивана) и **Ивана** (сына Карпа)⁸.

Известно лишь о мужском потомстве **Льва Ивановича Лаппо-Данилевского** (1740⁹ – конец 1804¹⁰), чья энергия немало способствовала возвышению рода во второй половине XVIII в. Надо отметить, что именно в это время происходит утрата Малороссией автономии и особенностей ее административного устройства. Важнейшие вехи на этом пути – указ Екатерины II от 10 ноября 1764 г. об отмене гетманства и распространение в 1781 г. на Малороссию общего положения о губерниях. В этих условиях перед представителями казачьей старшины вставала задача признания их «шляхетства» со стороны российской бюрократии, утверждения привилегий, связанных с ним, а также конвертации малороссийских чинов в чины «Табели

Печатка
Г.И. Лаппо-Данилевского
с фамильным гербом

о рангах». Думается, именно Лев Иванович, добившийся наибольших успехов на служебном поприще, стал инициатором ходатайства о подтверждении привилегий его и его братьев, из которого можно почерпнуть некоторую информацию о представителях рода в XVIII столетии. Сохранилась копия с заключения в связи с рассмотрением доказательств дворянства «Лапп Данилевских», состоявшимся 25 июня 1784 г. (оригинал был подписан киевским губернским предводителем и уездными депутатами дворянства):

«1784 года июня 25 дня по указу Ее императорского величества Киевского наместничества Дворянского собрания рассматривали доказательство, представленные от коллежского асессора Льва и войсковых товарищей Семена и Ивана Лапп Данилевских, с которых усмотрено: 1^о. Свидетельство от тридцати человек на оных подписавшихся дворян, что отцы их Льва и Семена – Иван, а Ивана Карп Лаппы Данилевские, служили в чинах войсковых товарищей и вели жизнь благородную. 2^о. Сами ж они просители, продолжая службу, происходили чинами: Лев 1766го января 23 с войсковых канцеляристов полковым хорунжим, и будучи в оном чине находился округи Миргородской непрерывным земским комиссаром, 774 июня 18 бунчуковым товарищем, а 783 коллежским асессором, Семен 784 году февраля 29 с сотенных атаманов, а Иван 784 года в марта 30 числе с значковых товарищей при увольнении от службы награждены войсковыми товарищами; сверх же того владеют шляхетским высочайшею грамотою войсковому товарищу Даниле Лесницкому жалованным именем, с них Льву по купле и в приданое за женою доставленное; для того рассудили помянутых коллежского асессора Льва и войсковых товарищей Семена и Ивана Лапп Данилевских с их детьми внести в дворянскую родословную Киевского наместничества книгу Льва в 3^ю, а Семена и Ивана во 2^ю части и изготовить грамоту и внести им в дворянскую казну двадцать пять рублей»¹¹.

На фоне довольно скромных чинов его ближайших родственников карьера Льва Ивановича выглядит весьма внушительно. Чин войскового товарища обычно приравнивался к чину корнета русской кавалерии; чин же бунчукового товарища, значительно обесценившийся после упразднения гетманства, был равен, если даже не превышал его, званию малороссийского полковника. При конвертации в российские чины, происходившей всегда с некоторым понижением, он соответствовал по военной шкале майору, а по штатской – коллежскому асессору. У отомков Льва Ивановича хранились также следующие документы или же копии с них, фигурирующие в делах о подтверждении их дворянства:

1) [Патент Малороссийской коллегии от 23-го января 1766 года об определении Льва Лаппы Данилевского полковым хорунжим в Миргородский полк]¹²;

2) [Патент на производство миргородского округа земского комиссара полкового хорунжего Льва Лаппы Данилевского в бунчуковые товарищи от 18 июня 1774 года]¹³;

3) [Указ Киевского наместнического правления от 5-го февраля 1784 года № 1888 о присвоении миргородскому уездному казначею бунчуковому товарищу Льву Лаппе Данилевскому чина коллежского асессора]¹⁴.

Они мало что добавляют к перечисленным выше сведениям, внося в биографию Льва Ивановича лишь два важных штриха – он состоял на службе с 1755 г. и до 1761 г. числился канцеляристом войсковой канцелярии. Из других источников известно, что он завершил службу в чине надворного советника.

Женат Лев Иванович был, по-видимому, трижды. Вторым браком – на **Софье Демьяновне Лесницкой** (1750 – сер. 1780-х)¹⁵, за которой получил в приданое четвертую долю «местечка Шишак и села Матяшевки»¹⁶. Эти имения стали причиной почти двадцатилетней тяжбы с шурином – Николаем Демьяновичем Лесницким (1730–1796)¹⁷, а затем с его вдовой Меланьей Ивановной, урожденной Кирьяковой, и с сыновьями. Судя по всему, после смерти Софьи Демьяновны в середине 1780-х гг. и третьей женитьбы Льва Ивановича Лесницкие решили вернуть приданое, некогда выделенное ей. Они обвинили

Льва Ивановича в незаконном захвате четверти их имения; разбирательства, предпринятые малороссийскими инстанциями по инициативе Лесницких, утвердили власти в мнении о беспочвенности этих обвинений. В 1805 г., уже после смерти Льва Ивановича, статский советник Николай Николаевич Лесницкий по доверенности своей матери продолжил тяжбу, обратившись в Правительствующий Сенат. Истцы утверждали, что Н.Д. Лесницкий находился «в походах» в момент заключения второго брака Льва Ивановича, что и позволило тому незаконно завладеть четвертой долей родового имения Лесницких. В ответ «помещица Пелагия Васильева дочь Лапина Данилевская», вдова Льва Ивановича, представила «Выпись» Хорольского духовного правления Миргородского повета Полтавской епархии. Из нее следовало, что с 1772 по 1781 г. Николай Демьянович Лесницкий (поначалу сотник, позднее «полковой хоружий», а затем «полковный асаул») «жил в дому» и согласно церковным книгам постоянно бывал на исповеди; это стало решающим аргументом окончательного решения дела в пользу Лаппо-Данилевской¹⁸.

Сохранились сведения лишь о пяти детях Льва Ивановича Лаппо-Данилевского (в действительности их было больше, но неясно, кто достиг зрелого возраста¹⁹): сын **Александр** от брака с Софьей Демьяновной Лесницкой; сыновья **Георгий (Егор)**, **Иван**, **Василий**,²⁰ а также дочь **Мария** от брака с Пелагеей Васильевной (девичья фамилия неизвестна).

III.

Александр Львович Лаппо-Данилевский (1771²¹ – до 1818²²), прадед историка, стал основателем екатеринославской ветви рода. Иначе, как влиянием и связями отца стремительное начало его карьеры не объяснить. 1 января 1776 г. Александр Львович был записан в военную службу; 15 апреля 1787 г. получил чин секунд-майора; по данным месяцесловов на 1791–1794 гг., служил в этом чине в Киевском наместничестве во Втором департаменте Верхнего земского суда. Указом Правительствующего Сената 14 декабря 1794 г. определен городничим Екатеринослава; в связи с переходом в штатскую службу получил чин коллежского асессора²³. В этой должности он пробыл около двух лет²⁴. По-видимому, его постигла немилость Павла I, как и многих из тех, кто выдвинулся в царствование Екатерины II. Два служебных документа, связанных с деятельностью Александра Львовича (1795 и 1797 гг.), упоминаются М.М. Владимировым в его очерке истории Екатеринослава, написанном к столетию города²⁵. Судя по всему, Александр Львович Лаппо-Данилевский скончался в чине коллежского асессора после Отечественной войны 1812–1814 гг.²⁶

В конце 1790-х или в самом начале 1800-х Александр Львович женился на **Софье Ивановне Корбе**; в этом браке родилось два сына – **Александр** и **Лев**. Благодаря этому брачному союзу во владение Лаппо-Данилевских позднее перешло село Гуляй-Поле (также Гуляйполе) в Верхне-Днепровском уезде Екатеринославской губернии, основанное в 1781 г. ее дедом Федором Михайловичем Корбе (он пользовался благорасположением светл. кн. Г.А. Потемкина-Таврического)²⁷. В 1784–1787 гг. Ф.М. Корбе (поначалу секунд-майор, а с 1785 г. надворный советник) был судьей Совестного суда Екатеринославского наместничества. В 1787–1795 гг. Корбе был директором экономии Екатеринославского наместничества: сначала в чине надворного, а с 1793-го – коллежского советника²⁸. Он выстроил в Гуляй-Поле Свято-Николаевскую церковь (была освящена 25 апреля 1794 г.; разрушена в 1934 г.)²⁹.

По-видимому, единокровным братом Александра Львовича был **Георгий (Егор) Львович Лаппо-Данилевский** (1789 – после 1838)³⁰. На мысль, что он был рожден от третьего брака, наводит и немалый возрастной разрыв между братьями, и изложенные выше обстоятельства тяжбы с Лесницкими. Любопытным штрихом к характеристике его матери надо признать обнаруженное мною письмо протоиерея Киево-Софийского собора Иоанна Леванды к Пелагее Васильевне Лаппе-Данилевской от 26 апреля 1805 г. в Полтаву. Леванда рекомендовал ей в качестве

воспитателя детей Ивана Ивановича Сулиму «из полтавцев, известного своей ученостью»³¹. Неплохое домашнее образование позволило Георгию Львовичу успешно начать офицерскую карьеру, которой он отдал двенадцать лет своей молодости³². 12 мая 1818 г. он вышел в отставку и поселился в своем поместье. Именно он является предтечей всех позднейших представителей полтавской ветви Лаппо-Данилевских, от подробного рассказа о которой имеет смысл пока воздержаться.

Первым браком Георгий Львович был женат на дочери ротмистра Василисы Федоровой Галенковской, вторым – на дочери поручика Марии Семеновне Данилевской, родной сестре Александра Семеновича Данилевского (28.09.1809 – 3.04.1888)³³, друга детства Н.В. Гоголя, которого писатель называл «родственником», «двоюродным братом», «кузеном», хотя между ними не было кровного родства. Из письма Гоголя А.С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г. можно заключить, что Г.Л. Лаппо-Данилевский принадлежал к числу родственной читательской аудитории, с симпатией следившей за писательскими успехами Гоголя: «Порося мое (речь идет о «Вечерах на хуторе близ Диканьки». – К. Л.-Д.) давно уже вышло в свет. Один экземпляр послал я к тебе в Сорочинцы. Теперь, я думаю, Василий Иванович (отчим А.С. Данилевского. – К. Л.-Д.), совокупно с любезным зятем, Егором Львовичем, его почитывают»³⁴. В переписке Гоголя и А.С. Данилевского за 1833 г. Г.Л. Лаппо-Данилевский упоминался в связи с его планами отправить детей учиться в Петербург³⁵.

О **Марии Львовне Лаппо-Данилевской** известно лишь, что в середине 1810-х гг. она вышла замуж за Андрея Осиповича Тихенко (в этом браке родилось семеро детей). Ее приданое составило «мужеска 37 и женска 35 душ крестьян» в местечке Шишаке Миргородского уезда³⁶.

IV.

Личность **Александра Александровича Лаппо-Данилевского** (6.06.1802³⁷ – 1871, с. Гуляй-Поле Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ.³⁸), в отличие от его брата **Льва Александровича Лаппо-Данилевского**³⁹, вырисовывается весьма рельефно благодаря большому количеству биографических документов. 31 декабря 1817 г. Александр Александрович вступил в службу в Арзамасский Конно-егерский полк юнкером. 4 апреля 1819 г. произведен в прапорщики; 19 апреля 1820 г. – в полковые адъютанты; 1 июня 1822 г. – в поручики; 19 ноября 1822 г. уволен от службы по прошению. В 1830–1833, 1836–1839, 1839–1842, 1842–1845 гг. – депутат Екатеринославского Дворянского собрания от Верхнеднепровского уезда; в 1833–1836 – непреременный член в Екатеринославской Комиссии народного продовольствия. 3 декабря 1844 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени «за выслугу по выборам дворянства». 22 августа 1846 г. был награжден за беспорочную пятнадцатилетнюю службу в офицерском чине и должностях знаком отличия беспорочной службы на Владимирской ленте. В 1845–1848 – предводитель дворянства Верхнеднепровского уезда. С 25 января 1846 по 1856 г. – почетный смотритель Екатеринославского уездного училища⁴⁰.

Три формулярных списка Александра Александровича дают не только хорошее представление о его биографии, но и проливают свет на рост его владений. Унаследованные от родителей земельные угодья он значительно приумножил в течение жизни⁴¹. О его отношениях с крестьянами известно немного. В 1930-х гг. по документам Екатеринославского губернского правления в Днепропетровском областном архиве, газета «Заря» сообщила о высылке Лаппо-Данилевским в 1855 г. крепостной Агафьи Чебановой в Сибирь за «непокорность и развратную жизнь», которые в духе времени трактовались как акт революционного неповиновения⁴². Из исторических публикаций советского времени в самой общей форме известно о волнениях в канун реформы 1861 г. среди крестьян, работавших в Райпольской экономии А.А. Лаппо-Данилевского⁴³.

Женат Александр Александрович был на **Екатерине Семеновне Гангебловой**⁴⁴, благодаря которой в жилах

С.Г. Гангеблов. Портрет работы Дж. Доу (1826)

екатеринославских Лаппо-Данилевских течет грузинская и сербская кровь. Русские Гангебловы (Гангеблишвили) – потомки азнаура **Георгия (Егора) Христофоровича Гангеблова**, выехавшего в Россию в 1739 г.; он погиб в бою с турками в чине майора в 1772 г. Его сыном был **Семен Георгиевич (Егорович) Гангеблов** (27.05.1757, Москва – 17.02.1827, с. Богодаровка Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ.)⁴⁵, участник русско-турецких войн, окончивший службу в чине генерал-майора; он был лично награжден А.В. Суворовым чином подполковника за решительные действия при подавлении Польского восстания 1794 г.⁴⁶ Портрет его украшает Военную галерею 1812 г.⁴⁷ 20 марта 1818 г. Гангеблов по собственному прошению был уволен «за ранами» от службы с «мундиром и полным содержанием».

Семен Георгиевич Гангеблов имел от брака с княжной **Екатериной Спиридоновной Манвеловой** (1773–1853, с. Богодаровка Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ.) шестерых детей – трех сыновей и трех дочерей, одной из которых как раз и была Екатерина Семеновна Гангеблова, родная бабушка А.С. Лаппо-Данилевского со стороны отца.

Наиболее яркая личность из ее братьев и сестер – декабрист **Александр Семенович Гангеблов** (17.06.1801–1891); в 1814 г. он поступил в Пажеский корпус, после производства в камер-пажи определен в Павловск, ко двору императрицы Марии Федоровны. 26 марта 1821 г. выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк; с 21 апреля 1822 г. – подпоручик, с 18 июня 1825 г. – поручик. Член петербургской ячейки Южного общества с 1825 г.; участник деятельности Северного общества. 23 декабря 1825 г. был арестован; 13 октября 1826 г. выпущен из Петропавловской крепости и переведен на Кавказ, где участвовал в военных действиях. 6 июня 1832 г. Гангеблов был уволен от службы с чином поручика с условием постоянно жить в с. Богодаровке, полученном некогда его матерью в приданое. В конце 1830-х гг. для него исхodataйствовано высочайшее прощение; он постепенно восстановлен во всех правах, связанных с его дворянским происхождением⁴⁸.

А.С. Гангеблов был одарен как рисовальщик⁴⁹, но подлинную известность ему принесли его прекрасные в литературном отношении мемуары. Их первая версия была опубликована в «Русском архиве» в 1886 г. (по просьбе издателей Гангеблов описал в них свое участие в декабристском движении)⁵⁰. Эти воспоминания имели большой литературный успех, что побудило автора выпустить спустя два года их более полный вариант⁵¹, снабдив его приложением «Сведения о деде и родителе»⁵². Здесь Гангеблов увлекательно описывает нравы весьма пестрого по происхождению екатеринославского дворянства, и в первую очередь свою родню – обрусевших грузин и сербов⁵³. Гангеблов вскользь упоминает о том, что его бабушка по матери происходила из многочисленного сербского рода

Чорба, что позволяет ему набросать портреты ряда представителей этого рода – воинственных и простодушных⁵⁴. О деде своем, князе Спиридоне Николаевиче Манвелове, женатом на Чорбе⁵⁵, Гангелов ничего не пишет; впрочем, благодаря месяцеслову известно, что в середине 1790-х он в чине секунд-майора был городничим в Чигирине⁵⁶. В родных местах воспоминания Гангелова читались с большим интересом и вниманием⁵⁷.

Но вернемся к деду историка, **Александру Александровичу Лаппо-Данилевскому**. Благодаря его неоконченному завещанию⁵⁸ у нас есть возможность представить себе эту личность и понять мотивы, которыми он руководствовался. Надо сказать, что жизнь Александра Александровича – редкий в истории Лаппо-Данилевских пример увлеченного и в высшей степени эффективного хозяйствования во имя благосостояния семьи. Незаурядный достаток, достигнутый этими усилиями, дал возможность Александру Александровичу определить двух из трех своих сыновей в 1850-е гг. на военную службу в Петербург, в Кавалергардский полк (удовольствие недешевое). А его дети и внуки имели возможность не только получить прекрасное образование, но и расширить его благодаря продолжительным поездкам в Европу.

Видимо понимая, что его недомогание может оказаться смертельным, Александр Александрович решил завершить раздел имущества между своими близкими, раздел, который уже был отчасти начат. Хотя завещание не было окончено и переписано набело, оно поражает детальным знанием угодий и изобилует красочными подробностями. Поневоле придется крайне схематически изложить содержание этого документа, обращая внимание главным образом на крупные земельные угодья и умалчивая о судьбе скота, инвентаря и проч. Александр Александрович оставил свою жену Екатерину Семеновну «полновластною хозяйкою и распорядительницею в жилом моем доме, что в сем Гуляй-Поле со всею в нем мебелью, домашнею посуду, бельем, серебром, со всеми в доме употребляемыми и к дому принадлежащими вещами, при том с оранжерею и с растениями в ней и с садом возле дома находящимся», а также ряд хозяйственных построек. Ей было предоставлено решить, будет ли она стремиться к выделению «вдовьей части» – т.е. «четвертой части движимости» и «седьмой части недвижимого».

Выясняется, что старшему сыну **Сергею** еще в 1862 г. (видимо, в связи с женитьбой) было выделено «во владение три тысячи десятин земли удобной с неудобною» «с усадьбою на ней сельца Удачного». При этом ему были даны «на устройство деньги, следовавшие от удачновских крестьян за надел их землею», а также «три тысячи рублей денег, овцы, скот и лошади». К этой земле было по завещанию присоединено еще некоторое число разрозненных участков.

За **Петром**, вторым сыном, также было закреплено три тысячи десятин земли, но при жизни отца были ему даны «в распоряжение и для безотчетного его пользования только две тысячи десятин». Кроме того, в случае смерти отца ему предназначалась «вся усадьба села Гуляй-Поля со всеми в ней зданиями и постройками».

Третьему сыну **Федору** «по выдельному акту» от 27 сентября 1868 г. было предоставлено «пятьсот десятин земли удобной с неудобною, заключающейся в участке Федоровском при реке Саксагани»; ему же теперь предстояло стать владельцем земель «при сельце Рай-Поле и в смежности оно» «всего удобной с неудобною три тысячи восемьдесят девять десятин и 428 квадратных саженей»⁵⁹.

Из самого завещания выясняется, что оно в значительной мере было составлено в пользу Сергея, первенца. Главную роль играло то, что «он имеет уже и немалое семейство». Опасаясь в семье раздоров и тяжб, Александр Александрович посвятил обширный, предпоследний пункт завещания тем караим, которые должны были обрушиться на тех, кто осмелится оспаривать его волю в судах:

«**Седьмой пункт (7)**. После всего вышеобъявленного я убедительно прошу жену мою наблюсти, а сыновей моих не нарушить чего-либо из завещаемого мною в этом за-

вещании, прошу сыновей моих и заклиная их Всемогущим Богом: уважать свою мать постоянно, не ссориться по смерти моей между собою ни за наследство, ни за что-либо другое, если же кто-либо из них затеет спор подачею письменных жалоб, протестов или прошений о какой-либо отмене назначаемого мною в этом завещании, не уважая предпоследнюю сию мою к ним просьбу и распределение моего состояния, великим моим трудом честно приобретенного мною, то такового, начавшего иски или тяжбы, я лишаю всего овцеводства, скотоводства и денег, как движимого моего благоприобретенного имущества, а равно лишаю таких сыновей и тех частей земли, которое им по этому моему завещанию прибавляется в собственность каждого из них, имея во внимании то: что хотя бы таковая прибавляемая им земля и была бы из числа моей наследственной, но в общей массе моего имущества бывшего до выдела мною сыновьям моим частей оно, большая часть моей земли была мною благоприобретенная, на назначение которой по моему благоусмотрению я имел и имею по законам полную волю; и затем поясню, что как заспоривший из моих сыновей должен за то лишиться сказанного мною в этом пункте, то отнимаемая у заспорившего часть должна оставаться в пользу братьев его не зачинавших спора, или ежели бы заспорили бы двое из сыновей моих, а один из них оставался бы не зачинавшим спора, то отнимаемые части у двух заспоривших должны оставаться и одному не начинавшему спора»⁶⁰.

Для характеристики отношений в семье Александра Александровича имеет смысл процитировать и заключительный пункт завещания, в котором он отрешается от материальных аспектов и с христианским смирением просит близких о снисхождении и поминовении:

«**Восьмой пункт (8^а)**. Последняя же моя просьба к сыновьям моим заключается в том: чтобы они по смерти моей почтили бы мой прах, не тревожа его какими-либо укоридами или обвинениями, так как все мы в мире жившие и живущие люди грешные перед Богом, а также я, конечно, как человек делал в своем жизненном пути ошибки, однако же более сорока лет лучшей по летам и силам в моей жизни я провел не в приискиваниях для удовольствий моих и утех, но в служении моему семейству и трудился же я постоянно не для одного себя, но всегда имевши заветное для себя условие: трудиться честно и изо всех моих сил для пользы и счастья моего семейства, а вместе с ними и моего, и с такими намерениями я приобрел и все мое состояние, оставляемое моим сыновьям, хотя это мое намерение и труды мои, может быть, и ускользали от внимания окружавших меня; прошу также сыновей моих по смерти моей хотя изредка молиться Богу обо мне и о прощении моих грехов и хотя во дни моего рождения и Ангела делать поминовения по мне церковным служением, присутствуя по мере возможности и лично в Церкви Божией при таких о мне поминовениях»⁶¹.

К чести братьев Лаппо-Данилевских следует сказать, что они выдержали испытание богатством и смиренно приняли волю скончавшегося родителя. Об этом можно заключить из следующей приписки, сделанной на завещании:

«После скоростижной кончины блаженной памяти родителя нашего Александра Александровича Лаппо-Данилевского это духовное завещание найдено нами в его саке, не подписанное и набело не оконченное...

Считая волю покойного отца нашего для нас святою неприкосновенностью, дабы не нарушать его памяти и спокойствия священного для нас его праха мы сею подписью всецело признаем его волю и постановляем: разделить оставшиеся после смерти покойного родителя нашего движимое и недвижимое достояние на точном основании сего духовного завещания. Что и утверждаем нашими подписями.

Катерина Лаппа Данилевская
Сергей Лаппо-Данилевский
Петр Лаппо-Данилевский
Ф. Лаппо-Данилевский

Свидетелем был при чтении сего духовного завещания 3 августа 1871-го года. Наследники до чтения сего

духовного заявили единодушно, что все, что будет в сем духовном написано, исполнится ими беспрекословно.

Генерал-майор князь Николай Манвелов»⁶².

Упомянутый в последней строке авторитетный родственник – это несомненно ген.-лейтенант Николай Николаевич Манвелов (1816 – после 1889), погребенный в селе Александровке Верхнеднепровского уезда⁶³. Некоторую информацию о нем можно почерпнуть из литературы о М.Ю. Лермонтове. В 1889 г. он (тогда еще в чине генерал-майора) передал в Лермонтовский музей альбом, содержащий рисунки поэта периода его пребывания в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Манвелов учился здесь вместе с Лермонтовым в 1833–1834 гг., о чем проникновенно написал в письме, пояснявшем, как он оказался владельцем «памятника художественных дарований незабвенного поэта»⁶⁴. Екатерина Семеновна Лаппо-Данилевская (урожд. Гангеблова) была двоюродной сестрой Николая Николаевича Манвелова, обращение к нему в столь ответственный момент было вполне естественным. Связь с Манвеловыми у следующих поколений Лаппо-Данилевских не прерывалась⁶⁵.

В заключение укажу, что именно А.А. Лаппо-Данилевский основал в Гуляй-Поле конный завод, о котором в «Книге рысистых лошадей» Н.Д. Лодыгина было сделано следующее примечание при характеристике племенных производителей, принадлежавших его среднему сыну Петру «по сведению 6-го июля 1872 года»: «Основан отцом нынешнего владельца поручиком А.А. Лапа Данилевским 1859 покупкою рысистых лошадей у Н.А. Болдырева. По смерти А.А. Лапа-Данилевского и после раздела с братом Ф.А. Лапа-Данилевским часть завода, находящаяся в с. Гуляй-Поле, досталась в ноябре 1866 нынешнему владельцу»⁶⁶. В 1859 г. А.А. Лаппо-Данилевский получил от высочайших инстанций разрешение выстроить в Гуляй-Поле табачную фабрику, но этот замысел, кажется, не осуществил⁶⁷.

V.

Биография **Сергея Александровича Лаппо-Данилевского** (2.12.1834⁶⁸ – 30.11.1911, Ялта⁶⁹) в его ранней, связанной с государственной службой части неплохо известна и отражена даже в ряде печатных источников. Повторю важнейшие данные, опираясь на наиболее полный формулярный список, представленный его старшим сыном Александром историко-

филологическому факультету Санкт-Петербургского университета в связи с зачислением на учебу в 1882 г.⁷⁰

17 июня 1854 г. Сергей Александрович кончил «полный курс наук» в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров старшим офицером⁷¹; 27 июня 1854 г. вступил корнетом в Кавалергардский ее величества полк; 23 апреля 1859 г. был произведен в поручики; 23 апреля 1860 г. – в штабс-ротмистры; с 27 июня по 11 июля 1854 г. находился в составе войск, охранявших побережье С.-Петербургской губернии, с 3 июля по 13 сентября 1856 г. находился в Москве в составе войск гвардейских и гренадерского корпусов, собранных там по случаю коронации Александра II; 29 сентября 1860 г. – уволен из военной службы. Этот поворот судьбы был вызван состоявшейся в начале 1860-х гг. женитьбой Сергея Александровича на Наталии Федоровне Чуйкевич; их первенец Александр родился 15 января 1863 г. В 1862–1871 гг. Сергей Александрович Лаппо-Данилевский был предводителем дворянства Верхнеднепровского уезда (избирался четырежды на трехлетний срок). 15 сентября 1866 г. он участвовал от Верхнеднепровского уезда в торжественном открытии первого Екатеринославского губернского собрания и губернской земской управы⁷². В 1867 г. был возведен в звание почетного гражданина г. Верхнеднепровска⁷³. 14 июня 1869 г. пожалован в статские советники. Приказом по Министерству внутренних дел от 1 марта 1871 г. за № 11, причислен к этому министерству с откомандированием в распоряжение новороссийского генерал-губернатора 25 апреля 1871 г. 9 декабря 1872 г. избран действительным членом Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. Приказом по Министерству внутренних дел от 23 марта 1873 г. за № 11 назначен таврическим вице-губернатором с 16 марта 1873 г. 27 июля 1873 г. пожалован в действительные статские советники. В 1873–1879 гг. многократно исполнял должность таврического губернатора. Приказом по Министерству внутренних дел от 8 октября 1879 г. уволен «согласно прошению по расстроенному здоровью от занимаемой должности с причислением к Министерству внутренних дел». За «отлично усердную службу» Сергей Александрович неоднократно награждался⁷⁴.

Войдя в высший эшелон власти, Сергей Александрович оставил государственную службу все же не по «расстроенному здоровью», а, как известно из других источников, по расстроенности состояния своего «немалого семейства». Вызванные отменой крепостного права новые экономические отношения, смерть отца в 1871 г., несомненно бравшего на себя немалое количество забот по имениям сына и неотлучно находившегося рядом с ними, – все это, думается, сказалось не лучшим образом на доходах Сергея Александровича. Кроме того, унаследовав с братом Федором после смерти среднего брата Петра село Гуляй-Поле, обремененное выплатами кредиторам (см. об этом ниже), он, видимо, и сам был принужден входить в долги, пожелав сохранить эту вотчину. Все же видеть в Сергее Александровиче только неумелого и незначительного помещика вряд ли допустимо – тридцать последних лет жизни он посвятил укреплению благосостояния семьи. Он спас свои имения, унаследованные от отца, от продажи за долги (об этом ниже), упорядочил дела семьи и перевел часть капиталов «в билеты, акции и другие бумаги», как узнаем из его завещания 1898 г. Все пять детей его получили хорошее образование. При этом только старший сын Александр оказался неплохо обеспечен благодаря стремительно сделанной академической карьере⁷⁵; в сущности, только он и мог обойтись без родительской поддержки, завершив образование и удачно начав научную деятельность.

Но вернемся к братьям Сергея Александровича. Средний из них **Петр Александрович Лаппо-Данилевский** (29.06.1837⁷⁶ – ок. 1875) также обучался в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, но в ней «не окончил полного курса наук». 16 июня 1856 г. был произведен «по экзамену» в

С.А. Лаппо-Данилевский-кавалергад (1859)

коллежские регистраторы и вступил 20 июня 1858 г. в Харьковское Дворянское депутатское собрание исправляющим должность экспедитора без жалования или иного содержания⁷⁷. На мысли о неблагоприятных чертах, присущих его личности или психическому складу, наводит дальнейшая судьба Петра Александровича. Унаследовав после смерти отца в 1871 г., помимо прочего, с. Гуляй-Поле (явно не обремененное долгами), он очень быстро доводит его до бедственного состояния и через четыре года умирает. Его братья для вхождения в права наследства публикуют в апреле 1875 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление: «Опекуны по имени умершего помещика Петра Александровича Лаппо-Данилевского просят кредиторов покойного, равно лиц, имевших с ним денежные расчеты вообще, предъявить свои требования, адресуясь для сего в гор. Екатеринослав, к Борису Исааковичу Горовицу, живущему там же, в собственном доме»⁷⁸.

Вскоре в той же газете появляется объявление от Правления земского банка Херсонской губернии о назначении «в публичную продажу заложенных и просроченных нижеследующих недвижимых имений», среди которых было упомянуто: «Коллежского секретаря Петра Александровича Лаппо-Данилевского 3 868 дес. 380 кв. саж. земли, при сел. Гуляй-Поле. Оценено в 170 280 руб. Капитального долга 83 311 руб. 43 коп.»⁷⁹. Братья Петра Александровича, унаследовавшие Гуляй-Поле, в этот раз предотвращают продажу, но три года спустя в «Московских ведомостях» появляется объявление о назначенных тем же банком к продаже имениях, из которого выясняется, что к тому моменту в довольно критическом состоянии была также и земельная собственность Сергея Александровича⁸⁰.

Кажется, и тогда продаж удалось избежать, но, сознавая критичность сложившейся ситуации, Сергей Александрович вышел осенью 1879 г. в отставку. Борьба за Гуляй-Поле, видимо, еще какое-то время продолжалась, но была проиграна, и в 1880-е гг. новым его владельцем стал купец Давид Васильевич Пчелкин⁸¹. Пчелкин выстроил в Гуляй-Поле кирпичный усадебный дом и монументальные складские помещения; эти здания существуют по сей день.

Федор Александрович Лаппо-Данилевский (25.01.1839⁸² – ок. 1897⁸³), подобно старшему брату и отцу, начал свой жизненный путь с военной службы. После окончания Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров он был 11 июня 1858 г. выпущен

корнетом в Кавалергардский полк; в 1860 г. произведен в поручики. 28 января 1862 г. уволен в отставку⁸⁴. Федор Александрович – автор «Путевой заметки о кровном германском овцеводстве породы рамбулье и нескольких указаний для южно-русских овцеводов», завершённой в Берлине 20 февраля 1883 г. по просьбе известного знатока сельского и лесного хозяйства Василия Иеремиевича Гомилевского (1846–1918)⁸⁵. В «Путевой заметке» дан обзор племенных овчарен, находившихся вблизи Берлина; упомянут накопленный опыт по разведению и скрещиванию породы рамбулье в собственном имении Ф.А. Лаппо-Данилевского Рай-Поле. Столь же интенсивно он занимался овцеводством на хуторе Успеновка (Успенское) в Светлопольской волости Александрийского уезда Херсонской губернии (общая площадь – 758 десятин 1025 сажень; из родовой собственности его матери)⁸⁶. Уже после смерти Федора Александровича среди имущества его брата Сергея фигурировала «племенная овчарня, имеющая пять больших золотых медалей, из них две обеих Всероссийских выставок и Всемирной парижской»⁸⁷. Думается, этих наград добился именно Федор Александрович. Как и его брат Петр, он был погребен в Гуляй-Поле в семейной усыпальнице.

Верной спутницей в непростом жизненном пути Сергея Александровича была его жена – **Наталья Федоровна Лаппо-Данилевская**, (урожд. Чуйкевич; 19.10.1842⁸⁸, Петербург – 7.01.1916, Симферополь), принадлежавшая по рождению к одной из наиболее знатных и культурных семей Малороссии, представители которой не раз играли видную роль в ее политической истории. Недавно опубликованная роспись рода⁸⁹ освобождает меня от необходимости подробно останавливаться на всем многообразии родственных связей, в которые были вовлечены Лаппо-Данилевские этим браком. Укажу лишь, что ее прапрадед – выдающийся юрист, бунчуковый товарищ Федор Александрович Чуйкевич (ум. ок. 1764), составивший кодекс «Суд и расправа в правах малороссийских» (1750); он был положен в основу юридических реформ, проведенных на Украине в гетманство К.Г. Разумовского. Отец Натальи Федоровны – **Федор Михайлович Чуйкевич** (ок. 1801 – после 1863)⁹⁰ закончил службу начальником Отделения канцелярии Морского министерства в чине действительного статского советника⁹¹; он был женат на Анастасии Григорьевне Похвисневой, дочери генерал-поручика. Помимо дочери Натальи, в этом браке родилось еще двое детей – сын Александр и дочь Мария. Как и Лаппо-Данилевские,

Ф.А. Лаппо-Данилевский-кавалергард (1859)

Н.Ф. Лаппо-Данилевская (1870-е)

Чуйкевичи были помещиками Верхнеднепровского уезда.

Личность **Анастасии Григорьевны Чуйкевич** (ок. 1812 – 16.05.1893, Ялта)⁹² рельефно высвечивается благодаря нескольким упоминаниям в письмах А.С. Лаппо-Данилевского. Так, в июне 1890 г. он писал своей будущей жене Е.Д. Бекарюковой из Ялты, где гостил «на даче Чуйкевичей»⁹³; сожалея, что «работа подвигается медленно» и многое отвлекает его от книг: «Чтения эти прерываются разными домашними обстоятельствами: вчера, например, бабушка наставляла меня на путь истинный. Она зашла ко мне в комнату, увидела немецкие книги о религии, в том числе книгу Müller'a "Natürliche Religion"⁹⁴, стала выражать свое недоверие к немецким авторам и убеждать меня, что необходимо, прежде всего, сохранить веру. Я слушал ее, не возражал, но не мог согласиться и потому молчал, что ей не понравилось. Старушку иной раз удовлетворить очень трудно»⁹⁵.

Месяц спустя также из Ялты А.С. Лаппо-Данилевский писал Марии Сергеевне Гревс (урожд. Зарудной), жене своего друга И.М. Гревса, с которой его связывали особенно теплые отношения: «Здесь в Ялте я гощу у бабушки и тети, с которыми очень дружен. Старушка очень рада была моему приезду, хотя я и огорчаю ее иногда. Первое огорчение – это платье. По ее понятиям я одеваюсь недостаточно элегантно, и на этот счет я выслушиваю разные наставления и замечания. Иной раз очень трудно воздержаться от неподходящего ответа. Это хорошее упражнение в терпении и понимании других понятий и других условий быта. Второе огорчение или, скорее, беспокойство – это недостаточно частое хождение в церковь. Я в воскресенье пошел с ними вместе, чтобы не нарушать их душевного спокойствия, а сегодня – день Петра и Павла, не хотелось нарушать обычного течения своего невоскресного дня, и бабушке это не совсем понравилось. Она прочла мне главу из послания ап. Павла и долго говорила о том, сколько у молодых людей бывает искушений в вере, как у нее было свое тяжелое время и как она вернулась на путь истинный под влиянием чтения Боссюзютовых "Discours sur l'histoire universelle". В следующий праздник уж пойду к обедне вместе с нею, хоть это и мучительно очень. Вы из этого можете заключить, что я обманываю людей, которых очень люблю. Хорошо ли это – не решил еще, да и, правду сказать, не могу иначе, слишком это им (и матери еще больше) доставит горя»⁹⁶.

Эти цитаты – драгоценны и как признание различий в понятиях и в быте, неизбежно возникавших в связи с интересами молодого ученого и с избранным им образом жизни, и как свидетельство о глубоких родовственных чувствах, ставивших его перед непростым нравственным выбором. В мае 1893 г. А.С. Лаппо-Данилевский из Петербурга сообщал жене: «Вчера получил грустное известие о смерти бабушки в Ялте. Как ты знаешь, я ее очень любил. Правда, старушке был уже 81 год, тем не менее, тяжело и странно об этом думать...»⁹⁷

Сильный характер Анастасии Григорьевны Чуйкевич, ее верность словным представлениям сыграли печальную роль в драматичной судьбе ее первенца **Александра Федоровича Чуйкевича** (18.05.1840 – декабрь 1917), окончившего 13 мая 1861 г. Императорское училище правоведения в Петербурге. Не столь давно опубликованные мемуары Александра Петровича Соловова, внука жены Александра Федоровича – Варвары Андреевны, урожденной Белокрысовой (1845 – 30.02.1929, Москва) содержат рассказ, проливающий свет на причины его не состоявшейся юридической карьеры: «Брак Варвары Андреевны с богатым украинским помещиком Александром Федоровичем Чуйкевичем сопровождался романтическими событиями. Окончив в Петербурге основанное при императоре Николае Первом привилегированное Училище правоведения, Александр Федорович готовился к блестящей карьере, но, на беду, встретил и полюбил молоденькую девушку Варю Белокрысову, сделал ей предложение и получил согласие ее родителей. Но этому браку решительно воспротивилась

мать Александра Федоровича, надменная генеральша, гордившаяся родством Чуйкевичей с украинскими гетманами и считавшая невесту недостойной своего сына.

Тогда, желая отомстить матери, Александр Федорович поклялся в церкви, что всю жизнь останется холостым, вышел в отставку и поселился в своем именье. С карьерой было покончено.

Прошли годы, бабушка вышла замуж за В. Лутковского, родила троих детей, овдовела. Умерла и мать Александра Федоровича, и тогда бывшие жених и невеста встретились вновь. Недаром говорит пословица: «Старая любовь не ржавеет». Александр Федорович повторил свое предложение и вновь получил согласие молодой вдовы. Но как нарушить церковную клятву? Выход был найден: в своей деревне Дарьевке, Верхнеднепровского уезда, бывшей Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область), Александр Федорович обошел все крестьянские дома и в каждом униженно просил прощения за нарушение своего обета! Эта церемония протекала примерно по такому стандарту: войдя в хату, встав на колени и кланяясь в землю, Александр Федорович говорил: «Братья и сестры, простите меня, я клятвенно преступник...», на что испуганные хозяева отвечали: «Что вы, батюшка барин, встаньте, встаньте, Бог простит!..» Прощения были получены от всех, несложная церковная епитимья была выполнена, брак благополучно состоялся, и супруги прожили в согласии более сорока лет. Своих детей у них не было»⁹⁸.

Соловов красочно описывает гостеприимство и хлебосольство в Дарьевке, имении А.Ф. Чуйкевича, небольшом, но приносившем неплохой доход благодаря черноземным почвам. При этом Чуйкевич, как отмечает Соловов, был «идейным сторонником Столыпинской реформы и постепенно по дешевке распродал свою землю "крепким мужикам", так что к революции его угодья значительно поуменились. Вместе с внуками Чуйкевичи нередко отдыхали в Крыму, где, по всей видимости, навещали и сестер Александра Федоровича, если не жили у одной из них»⁹⁹. В декабре 1917 г. А.Ф. Чуйкевич был убит в Дарьевке бандитами, проведавшими, что он привез из города крупную сумму денег для расплаты с сезонными рабочими.

О **Наталии Федоровне Лаппо-Данилевской** (урожд. Чуйкевич) мы знаем сравнительно мало, значение ее в жизни близких и города Симферополя еще предстоит осознать. Отчасти эту лакуну заполняет прочувствованный некролог известного историка А.И. Маркевича, опубликованный 14 января 1916 г. в газете «Южное слово» (с подп.: «М.»)¹⁰⁰. Наталия Федоровна получила прекрасное домашнее образование, что позволило ей в зрелом возрасте начать педагогическую деятельность. Выйдя замуж в начале 1860-х гг., она последующие двадцать лет посвятила воспитанию детей; два ее сына и три дочери родились в период с 1863 по 1871 г. В 1870-е гг. она соединяет заботы о детях с частным преподаванием; затем сдает экзамен на звание домашней учительницы. 13 октября 1882 г. она была утверждена министром народного просвещения начальницей Симферопольской женской гимназии¹⁰¹, которую возглавляла «более двенадцати лет». О побудительных причинах поступления ее на службу известно из некролога Маркевича, близко знавшего семью Лаппо-Данилевских в течение многих лет:

Нат. Ф. Лаппо-Данилевская (1910-е)

«Когда супруг Наталии Федоровны, таврический вице-губернатор, оставил

службу и поселился в деревне, чтобы поднять запущенное хозяйство, она, выросшая в помещицкой неге и холе, привыкшая к более чем обеспеченной жизни, не остановилась перед необходимостью личного труда для блага семьи и в том же Симферополе, где она занимала видное общественное положение, давала частные уроки, а затем выдержала испытание на звание домашней учительницы, что дало ей возможность получить в 1881 г. место начальницы женской гимназии, освободившееся в это время.

На этом поприще нравственная личность Наталии Федоровны сказалась еще определеннее. И тут она была, прежде всего, поборницей и носительницей долга. Строгая и требовательная и в то же время добрая, сердечная и отзывчивая по отношению к воспитанницам, всегда ровная и простая к сослуживцам и подчиненным, вдумчиво и серьезно относившаяся к своим обязанностям, она вызывала в гимназии общее уважение и любовь и поставила воспитательную часть в ней на образцовую высоту; эта деятельность ее еще более усилила уважение и почтение к ней местного общества»¹⁰².

Нельзя умолчать и о музыкальных дарованиях Наталии Федоровны, ее роли в музыкальной жизни Симферополя: «Прекрасная пианистка, покойная Наталия Федоровна принимала живое участие и в жизни существовавшего в то время в Симферополе музыкального кружка, и на вечерах этого кружка и городского клуба ее чудная игра доставляла высокое эстетическое наслаждение. До конца своей жизни покойная не оставляла музыки и передала своим детям большие музыкальные способности»¹⁰³.

Овдовев в 1911 г., Наталия Федоровна жила главным образом в Симферополе, «с которым связывало ее много воспоминаний и добрых отношений». Маркевич пишет «о полной материальной обеспеченности в старости», которая не вызвала никаких перемен «в ее духовном существе». О кончине Наталии Федоровны сообщили две важнейшие крымские газеты: «Дочери, сыновья, сестра, брат и внуки извещают родных и знакомых вдовы действ. стат. советника Наталии Феодоровны Лаппо-Данилевской, что 7 января в 10 ч. 10 м. душа ее отлетела к Своему Творцу и Богу»¹⁰⁴. На похороны матери из Петербурга приехал А.С. Лаппо-Данилевский¹⁰⁵, он же затем принял на себя заботы по ее погребению в Ялте¹⁰⁶. На отпевание Наталии Феодоровны в церкви казенной женской Симферопольской гимназии пришло столь большое количество людей, что ее родственники, не имея возможности поблагодарить всех лично, сделали это через газету¹⁰⁷.

О младшей сестре – **Марии Федоровне Чуйкевич** (24.06.1844¹⁰⁸ – после 1919) известно крайне мало. Она никогда не была замужем; с племянником, будущим историком, ее связывали очень теплые отношения, как можно судить по отзывам в письмах. Десятилетнему Саше во время поездки в Швейцарию она подарила в день своего рождения альбом (так называемая «зеленая книга»), в который он заносил свои мысли и выписки из волновавших его книг, со следующим посвящением:

«A mon cher neveu et ami Alexandre Lap-po-Danilevsky, pour y mettre tout les bonnes idées qu'il aura ou qu'il entendra, en souvenir de sa tante et amie Mary Tschuikévitch.

30 Aout 1873

Vevey. Mon jour de naissance»¹⁰⁹.

М.Ф. Чуйкевич (1870-е)

Точная дата смерти Марии Федоровны неизвестна; когда скончалась ее старшая сестра, она еще была жива. Согласно «Списку владельцев недвижимых имуществ города Ялты» за 1919 г. ей принадлежало владение по улице Аутской площадью 650 кв. саженей (34 квартал), оценивавшийся в 45 000 руб.¹¹⁰

VI.

Как уже упоминалось выше, в браке С.А. и Н.Ф. Лаппо-Данилевских родилось пятеро детей. **Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский** (15.01.1863, имение Удачное при селце Удачном Вехнеднепровского уезда Екатеринославской губернии – 7.02.1919, Петроград) из них заслуженно пользуется наибольшей известностью, в силу чего здесь подробно останавливаться на его биографии, как и на обстоятельствах жизни его сыновей **Ивана**¹¹¹ и **Александра**¹¹², смысла не имеет. Укажем лишь на следующий факт, важный в контексте семейной истории: восприемниками при крещении А.С. Лаппо-Данилевского 31 января 1863 г. в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле стали Ф.М. Чуйкевич и Е.С. Лаппо-Данилевская¹¹³. Напомню, что детские годы Александра Сергеевича прошли в Удачном, а в Симферополе он с золотой медалью окончил одну из лучших гимназий Юга России; прошлое Малороссии, Новороссии и Крыма входило в сферу его научных интересов.

Второй по старшинству была **Мария Сергеевна Лаппо-Данилевская** (3.03.1864¹¹⁴ – 1920-е, Ялта). Сохранилось лишь одно письмо ее к старшему брату в связи с его женитьбой, состоявшейся в ее отсутствие; оно заслуживает того, чтобы быть приведенным здесь целиком: «Оренбург, 22^е авг. <уста> 1891 г.

Саша, голубчик, мое долгое молчание не приписывай забывчивости или недоброежелательству. Напротив, я сердечно рада за тебя, что ты теперь женатый человек. Дай Бог тебе всякого счастья и благополучия на многия и многия лета. Хотела я тебя поздравить телеграммой, но ты так неопределенно написал адрес, что я не могла себе доставить это удовольствие и потому решила писать тебе прямо в Питер.

Одно меня печалит – что я не знаю твоей жены и даже не имею о ней ни малейшего понятия; ты был так скрытен и никогда даже не упоминал ее фамилии. Обещай мне прислать в скором времени карточку [твоей] Елены Дмитриевны или, если она не имеет ничего против, прямо Лёли. Скажи, что я ужасно сожалею, что не знаю ее, и убеждена, что мы полюбили бы друг друга; по крайней мере, я расположена к ней всем сердцем и готова любить ее как сестру.

Ты пишешь мне, что думаешь переменить квартиру, – не забудь прислать мне адрес. Что Сергей? будет ли продолжать жить с тобой? на твоём бы месте я бы его выгнала: не следует третьему мешаться в молодое хозяйство. Вели ты ему написать хоть человеческое письмо ко мне: все отделяется приписками и нежными словами. Если Бог даст, буду в Питере эту зиму (c'est un grand secret), зайду посмотреть на ваше житье и лично выразить Елене Дмитриевне мое к ней расположение.

Да хранит вас Господь и поможет в новой жизни.

Твоя сестра и друг

М. Лаппо-Данилевская»¹¹⁵.

Мария Сергеевна жила главным образом в Ялте¹¹⁶. Не выйдя замуж, она посвятила себя благотворительности. Согласно семейной памяти она снискала особенно большое уважение на этом поприще в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов. Рискну суммировать также некоторые разрозненные сведения, почерпнутые из разнородных источников. В 1896 г. она вместе с М.Ф. Чуйкевич и другими жертвователями участвовала в организации яслей для детей Заречья на даче С.В. Дараган в Ялте¹¹⁷. С 1899 г. она член Ялтинского благотворительного общества,¹¹⁸ которое возглавляла с середины 1900-х по начало 1910-х¹¹⁹. В 1910-е гг. Мария Сергеевна была владелицей популярной в кругах ялтинской интеллигенции кондитерской «Чашка чая»¹²⁰. Согласно «Списку владельцев недвижимых имуществ города Ялты» за 1919 г. ей при-

М.С. Лаппо-Данилевская (1900-е)

Нат.С. Лаппо-Данилевская (1890-е)

С.С. Лаппо-Данилевский-гимназист (1885)

надлежало владение по ул. Аутской площадью 200 кв. саженой (34 квартал), оцененное в 16 000 руб.¹²¹

Наталья Сергеевна Лаппо-Данилевская (8.07.1865¹²² – 1923, Ялта) отличалась слабым здоровьем. О ней и о самой младшей сестре Надежде А.С. Лаппо-Данилевский писал М.С. Гревс в июне 1890 г. из Симферополя в связи с впечатлениями от города своих гимназических лет:

«Теперь я в Симферополе у матери.

Что сказать Вам о своей внутренней жизни за последнее время? Мне кажется, что мы так давно уже расстались, а прошла всего одна неделя. Я теперь в каком-то ленивом настроении. Южное ли солнце, домашняя ли обстановка или усталость – не знаю, право, но результат получается во всяком случае печальный: работаю мало и думаю того меньше. Хотелось бы просто греться на солнце, как животному низшего порядка. Но, разумеется, я противодействую этому непривычному мне настроению. Противно глядеть на себя за такое безделье. Выбрана ли хорошошенько в своем письме, может быть, это поможет.

Я очень люблю разговаривать с здешними татарами. Встречаются среди продавцов фруктов знакомые еще с гимназических лет. Я люблю их манеру держать себя. В ней видна такая независимость, такое простое безыскусственное отношение к человеческой личности, которое не встречается у русских крестьян. Быть может, это давнишнее наследие свободной степной жизни или влияние свежего горного воздуха.

Здесь, с одной стороны, мне живется хорошо, потому что окружен близкими, родными людьми (мать и сестры), но, с другой стороны, я не удовлетворен жизнью моих младших сестер. Они живут без определенной разумной цели. Хочется протестовать, сказать им кое-что, а между тем боишься как-нибудь огорчить, нарушить их душевное равновесие, не дав средств выйти из этого неопределенного состояния. Правда, что одна из сестер только что оправилась от серьезной болезни, а другая только этой весной окончила гимназию. Пишу Вам об этом, потому что мысли о них меня тревожат»¹²³.

Эти скудные сведения о Наталье Сергеевне дополняет яркий штрих – в 1916 г. она выслала В.Г. Короленко две повести, которые хотела опубликовать под псевдонимом «Н. Степанова» в журнале «Русское богатство», выходящем под его редакцией¹²⁴. В первой из них – «Большое и нежное сердце (Биль. Голодный год)» – рассказывается о самоотверженном приезде в деревню молодого священника Андрея Преображенского (своеобразное религиозное народничество). Его искренние побуждения улучшить жизнь крестьян рушатся при столкновении с глобальной катастрофой – голодом. Вторая повесть «Жертва современности» – перенесенный в начало XX столетия вариант истории гетевской Гретхен (так зовут и главную героиню), умертвляющей своих детей в приступе социальной безысходности.

Композитор **Сергей Сергеевич Лаппо-Данилевский** (8.04.1868, с. Гуляй-Поле Верхнеднепровского у. Екате-

ринославской губ.¹²⁵ – 1957, Хельсинки) окончил в 1888 г. ту же Симферопольскую мужскую казенную гимназию, что и его старший брат, и поступил на математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, которое окончил в 1894 г. с дипломом второй степени. Как можно заключить из его прошения от 11 мая 1890 г. на имя ректора университета, он собирался сдавать в августе того же года экзамен в Институт инженеров путей сообщения и, видимо, посещать там занятия, не покидая основного места учебы. 12 февраля 1896 г. Сергей Сергеевич определился на службу в Отдел земельных улучшений Министерства земледелия, с причислением к нему¹²⁶.

В первые годы студенчества он снимал квартиру вместе со старшим братом (по адресу: Мытнинская наб., д. 13, кв. 6)¹²⁷, который поручился за его благонадежность в следующем письме на имя ректора:

«Ваше Превосходительство,

Г-н ректор,

ручаюсь в том, что брат мой Сергей Сергеевич Лаппо-Данилевский будет жить у меня на квартире в С.-Петербурге (по Мытнинской наб., д. 13) и готов отвечать в его благонадежности и в исполнении им обязанностей каждого добросовестного студента

А. Лаппо-Данилевский

26 июля 1888»¹²⁸.

В письме М.С. Гревс от октября 1890 г. Александр Сергеевич упомянул совместные занятия братьев математикой, которые ему хотелось возобновить:

«Я иной раз чувствую такую страшную жажду знания, так страстно хотелось бы заняться и другими науками, не только сидеть на одной истории, а между тем на каждом шагу приходится убеждаться в собственном бессилии и невозможности всем овладеть. Я предлагаю опять с братом заняться немного математикой по вечерам за чаем»¹²⁹.

Сергей Сергеевич начал службу по Министерству земледелия и государственных имуществ, однако большой карьеры не сделал – в сер. 1910-х он вышел в отставку в чине надворного советника. Брак с Надеждой Александровной Люткевич, романисткой и певицей¹³⁰, заключенный в 1898 г.¹³¹, не был счастлив – в первой половине 1910-х супруги разъехались. Двое детей, сын и дочь, последовали за матерью в эмиграцию во Францию.

В 1900-е гг. Сергей Сергеевич начал публиковать романсы на стихи И.А. Бунина, М.Ю. Лермонтова, Д.М. Ратгауза, А.К. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, А.Н. Яхонтова и других поэтов; позднее он писал также церковную музыку. В 1910-е гг. он некоторое время был товарищем председателя музыкально-художественного общества им. М.И. Глинки в Петербурге. Судя по всему, именно Сергей Сергеевич (а не его брат) возглавил заседание в Капелле в составе 144 участников, на котором было постановлено организовать

«Союз музыкальных деятелей Петрограда» и была сформулирована программа этого сообщества¹³².

С женой и детьми Сергей Сергеевич совместно проживал на ул. Шпалерной, д. 8. В адресной книге Санкт-Петербурга на 1912 г. появляется его новый отдельный адрес: Большая Пушкарская ул., 61¹³³. 28 февраля 1914 г. Сергей Сергеевич приобрел доходный дом у кронштадтской мещанки Ривки Янкелевны Шмерко на Петроградской стороне (построен в 1912 г. архитектором М.С. Лялевичем)¹³⁴. Сумма, уплаченная по купчей, неизвестна. Дом был обременен ссудой в 143 600 руб., выданной Шмерко 14 февраля 1913 г. Санкт-петербургским Кредитным обществом на 37 с половиной лет, которую Сергей Сергеевич обязался выплачивать¹³⁵.

После революции Сергей Сергеевич поселился на даче в Куоккале, видимо, ему принадлежавшей¹³⁶; он возглавил церковный хор здешней церкви, с которым часто устраивал вполне светские концерты, сопровождая исполнению арий из популярных опер на фортепьяно. Сергей Сергеевич входил в ближайшее окружение И.Е. Репина, который отозвался о нем в письме Е.П. Тархановой-Антокольской от 29 октября 1929 г.: «У нас все также, по средам бывают соседи и практикуется чтение новой литературы. Читали Бунина – “Семейство Арсеньевых” (sic!). Очень интересная повесть. Сергей Сергеевич Лаппо-Данилевский – превосходный чтец. Вообще мне на последних днях очень везет в добрых побуждениях моих друзей: так чрезмерно меня хвалили и прославляли мои скромные подвиги в искусстве»¹³⁷.

В эмиграции Сергей Сергеевич преподавал частным образом музыку, а также математику в русской школе в Терийоках. В связи с началом советско-финской войны в 1939 г. он был эвакуирован в Луси «в бывшей Санкт-Михельской губернии» недалеко от Хейнолы (его ценный архив и библиотека при этом были брошены и погибли); позднее переселился в Хельсинки, где жил частными уроками. Его поддерживали бывшие участники куоккальского хора¹³⁸.

Самая младшая сестра **Надежда Сергеевна Лаппо-Данилевская** (1872–10.02.1944, Симферополь) окончила в 1890 г. Симферопольскую казенную женскую гимназию; летом этого года А.С. Лаппо-Данилевский, гостивший в Крыму, помогал ей выработать круг чтения: «Сегодня <...> у меня шли переговоры с младшей сестрой. Надо было указать ей книги, полезные для чтения, и в общих чертах ознакомить ее с их содержанием»¹³⁹. Оба брака

Над.С. Лаппо-Данилевская с сыновьями (ок. 1906)

Надежды Сергеевны оказались несчастливы. Блестяще зная французский язык, она в зрелые годы без труда сдала экзамен на его преподавание, ставшее со временем главным источником ее доходов. В начале 1929 г. А.И. Маркевич настойчиво ходатайствовал о назначении ей пенсии от Академии наук перед С.Ф. Платоновым, который эти просьбы проигнорировал¹⁴⁰. Ей привелось пережить трех сыновей (все от первого брака) – двое погибли в лагерях в 1930-е гг.; третий, отбыв в 1930–1933 гг. заключение в Свирьлаге, ушел в 1941 г. добровольцем на фронт и погиб.

Теперь, представив себе достаточно подробно семью С.А. Лаппо-Данилевского, попробуем уяснить ее имущественное положение в начале XX столетия, несмотря на заведомую неполноту документов. О продаже Гуляй-Поля, вызванного долгами П.А. Лаппо-Данилевского, уже говорилось выше¹⁴¹, поэтому обратимся к другим поместьям.

В двух печатных источниках начала XX в. указана немалая площадь земельных угодий, принадлежавших С.А. Лаппо-Данилевскому. Общая площадь – 6480 десятин в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии и в Александрийском уезде Херсонской губернии¹⁴². Так как в одном из источников перечислены его основные имения – Удачное, Рай-Поле и Успеновка, можно сделать вывод, что сведения были переданы уже после смерти Ф.А. Лаппо-Данилевского, но до продажи унаследованного от него хутора Успеновки И.А. Шуйскому в 1898 г. за сто тридцать тысяч пятьдесят рублей¹⁴³. Если отнять эту отчужденную собственность (758 десятин 1025 сажень) от общей площади угодий, указанной выше, то все равно, это еще весьма большие владения.

Сохранившееся завещание С.А. Лаппо-Данилевского 1898 г. (позже, видимо, не раз отмененное) дает нам неплохой, хотя и довольно общий обзор собственности и того, как ее предполагалось распределить¹⁴⁴. Основные земельные владения должны были отойти сыновьям, причем была оговорена выплата долгов, лежавших на них: «старшему Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому – села Удачного и Ивановку на реке Базавлуке со всей к ним принадлежащей землей, в количестве около двух тысяч семи десятин, и младшему, Сергею Сергеевичу Лаппо-Данилевскому село Райполе на реке Саксагани, со всей принадлежащей к нему землей в количестве около двух тысяч семидесяти шести десятин. И тому и другому оба имения должны перейти каждое в отдельности по отношению к недвижимости, в том виде, как оне останутся после моей кончины, со всеми находящимися на них постройками, садами, устройствами и угодьями»¹⁴⁵. Движимое имущество обоих имений (племенная овчарня, овцы, конный завод, скот, рабочие лошади, сельскохозяйственные машины, хлеб в зерне и проч.) предполагалось разделить между сыновьями «совершенно поровну».

Пункт второй позволяет заглянуть внутрь хозяйского дома Удачного, любимой резиденции С.А. Лаппо-Данилевского, которую он благоустроивал с начала 1860-х гг. Сюда, по видимому, перекочевали и многие семейные реликвии после продажи Гуляй-Поля: «Домашняя обстановка, какая будет находиться в доме моем села Удачного, в день моей смерти, как-то: картины, портреты, мраморные статуи, бронза и все мелкие вещи, мебель, посуда, фарфор, серебро и вся прочая домашняя утварь без исключения должна перейти сыну моему Александру; вся же обстановка дома села Райполя и все, что в нем находится – сыну моему Сергею тоже все без исключения»¹⁴⁶.

Для обеспечения дочерей была выработана следующая схема: незадолго до составления завещания С.А. Лаппо-Данилевский продал своим дочерям «участки земли» (площадь их не указана), под залог которых у него же они получили определенные суммы. Сделано это было, видимо, для того, чтобы воспрепятствовать поспешной продаже. В случае смерти отца, долги дочерям прощались, а земля окончательно переходила в их собственность. Рассроченные выплаты от И.А. Шуйского также должны были поступать дочерям.

Все капиталы «в билетах, акциях и других бумагах» С.А. Лаппо-Данилевский завещал жене Наталии Федоровне; кроме того, дети должны были ей выплачивать в начале каждого года «по день ее смерти»: сыновья – по одной тысяче двести пятьдесят рублей каждый; дочери – по пятьсот рублей каждая. Завещание С.А. Лаппо-Данилевского, по сравнению с завещанием его отца 1871 г. (см. выше), не столь подробно, в нем не чувствуется религиозно окрашенного пафоса служения близким, хотя забота о них очевидна.

Позднейшая отмена этого завещания, замена его другим, думается, была вызвана приобретением дома и участка в Ялте, здесь прошли последние годы жизни С.А. Лаппо-Данилевского, после его смерти в 1911 г. участок перешел к его вдове, а после ее кончины – окончательно к детям. Именно по документам о перераспределении между ними права собственности над этим участком, можно составить о нем некоторое представление (сестры, очевидно, предпочли денежные выплаты и уступили за них участок братьям – А.С. и С.С. Лаппо-Данилевским). Участок находился «в городе Ялте, по Садовой улице, в Общинному переулку и Нагорному проспекту» и представлял собой «дворовое место с постройками, мерою около 678 кв. саж[ен]»¹⁴⁷.

Последнее по времени свидетельство об имениях С.А. Лаппо-Данилевского накануне его смерти донес до нас В.П. Тянь-Шанский, добавивший ряд ярких черт к нашим знаниям о двух главных усадьбах, которых лишены скудные упоминания в завещаниях и деловых документах. Революция 1905–1907 гг. пощадила их¹⁴⁸; уже после 1917 г. эти поместья подверглись безжалостному разграблению: «Следующая станция описываемой ветви – платформа *Петриково (Рядовая)* – в 7 в. за Антоновкой. Верстах в 10 к востоку от станции лежит при р. *Саксагани с. Сергеевка* с населением около 1200 душ, а верстами тремя выше по той же реке – имение *Рай-Поле* С.А. Лаппо-Данилевского площадью свыше 3700 десятин, из которых до 3 тыс. сдаются в долгосрочную аренду. В имении заслуживает внимания племенная овчарня (чистокровные овцы рамбулье камвольного типа и чистокровные инфантадо штофиольного типа). Полевое хозяйство ведется по залежному севообороту с преобладающим посевом яровой пшеницы. Производится искусственное лесонасаждение»¹⁴⁹.

«От станции Милорадовки к в.-ю.-в. верстах в 12 при р. *Базавлуке* расположено еще имение С.А. Лаппо-Данилевского *Удачное* при селении того же имени. Земли в имении более 2 тыс. десятин. Система полевого земледелия – залежная. Имеется завод кровных орловских рысаков¹⁵⁰. В имении разбит прекрасный парк на площади до 17 десятин, в котором насчитывается до 200 различных сортов деревьев и кустарников; особенное внимание обращено на разведение таврической сосны, являющейся весьма ценной породой для засушливых местностей. Имеются также молодые фруктовые сады; практикуется лесоразведение»¹⁵¹.

Теперь, после того как довольно подробно представлена екатеринославская ветвь рода Лаппо-Данилевских, хотелось бы обратиться к исконной, полтавской, продолжив роспись с четвертого колена. То, что между единокровными братьями Александром и Георгием (Егором) Львовичами был большой возрастной разрыв, привело к тому, что между их детьми он составил разницу почти в двадцать лет.

IV.

Из дел о подтверждении дворянства 1838 г. выясняется, что у Георгия

(Егора) Львовича Лаппо-Данилевского в первом браке с Василисой Федоровной Галенковской родились сыновья **Лев** и **Василий**, а также дочь **Мария**.

Лев Георгиевич (Егорович) Лаппо-Данилевский (19.10.1820¹⁵² – ?) кратко упомянут накануне реформы 1861 г. в числе помещиков средней и большой состоятельности – он был владельцем местечка Шишака и хутора Купчино в Миргородском уезде Полтавской губернии (148 крестьян; дворовых не имел)¹⁵³. В перечне дворянских родов Полтавской губернии на 1851 г. упомянуты его жена и двое детей¹⁵⁴.

Василий Георгиевич (Егорович) Лаппо-Данилевский (18.04.1822¹⁵⁵–16.09.1860¹⁵⁶) начал военную службу 19 февраля 1839 г. в Казанском егерском полку унтер-офицером; завершил ее 26 января 1849 г. в чине штабс-капитана. 3 ноября 1851 г. зачислен в штат Нижегородской казенной палаты; 26 июля 1852 г. переведен в Нижегородскую строительную дорожную комиссию помощником правителя канцелярии; с 14 августа 1855 г. – правитель канцелярии и дел общего присутствия этой комиссии. 7 мая 1853 г. произведен в коллежские секретари; 9 декабря 1856 г. – в титулярные советники. Ранняя смерть оборвала эту вполне благополучно складывавшуюся карьеру¹⁵⁷. Женат Василий Георгиевич был на Анне Сергеевне Гроздовской, от которой имел трех детей.

Во втором браке Георгия Львовича Лаппо-Данилевского с Марией Семеновной Данилевской родились сын **Николай** и дочь **Татьяна**.

Николай Георгиевич (Егорович) Лаппо-Данилевский (1835–1894)¹⁵⁸ был женат на Анне Алексеевне Малинко, в этом браке родился сын Георгий, в метрической Выписке о рождении которого (оригинал в семейном архиве) находим следующие данные о его отце: «бригадир-ремонтёр запасных эскадронов полков 3-го драгунского Новороссийского его императорского высочества великого князя Владимира Александровича и 4-го гусарского Мариупольского его высочества ландграфа Фридриха Гессенского, подполковник Николай Георгиев Лаппо-Данилевский». Николай Егорович дослужился до чина полковника. В его обязанности входили закупки лошадей (ремонт), в связи с чем им был создан конный завод в собственном имении Шафоростовке Миргородского уезда Полтавской губернии, действовавший и позднее, после его смерти¹⁵⁹. Полковница **Анна Алексеевна Лаппо-Данилевская**, судя по адресным книгам, проживала в Петербурге с начала 1900-х гг.¹⁶⁰ В последний раз она фигурирует в 1923 г. в справочной книге Петрограда¹⁶¹.

V.

Если о **Николае Львовиче Лаппо-Данилевском**,

сыне Льва Георгиевича (Егоровича), ничего не известно, то сестра его **Мария Львовна Лаппо-Данилевская** (сентябрь 1866 – 16.09.1956, Ленинград)¹⁶² добилась определенной известности в качестве драматической актрисы¹⁶³. За время своей длительной карьеры она выступала на театральных сценах в столицах, а также в Риге, Вильносе, Симферополе¹⁶⁴, Воронеже, Астрахани, Смоленске, Ташкенте и др. городах. В ее репертуаре были роли из пьес Грибоедова, Гоголя, Ибсена, Островского, Шиллера, Г. Зудермана и многих др.¹⁶⁵ 16 сентября 1946 г. она переехала в Дом ветеранов сцены им. М. Г. Савиной на Петровском острове в Ленинграде, где прошли ее последние дни.

У Василия Георгиевича (Егоровича) Лаппо-Данилевского было трое детей: дочери **Елизавета** (2.04.1852 – ?) и **Зинаида** (5.10.1855 – ?), а также сын **Лев** (22.10.1856 – ?)¹⁶⁶. О судьбе лишь первой из них, Елизаветы, удалось разыскать некоторые сведения: как сирота из малообеспеченной семьи она была

М.Л. Лаппо-Данилевская в роли Хлэстовой (1930-е)

Г.Н. Лаппо-Данилевский (1910-е)

Е.П. Лаппо-Данилевская (1910-е)

принята в 1864 г. в число воспитанниц Александровского института в Петербурге, который окончила в мае 1871 г.¹⁶⁷

У Николая Георгиевича (Егоровича) Лаппо-Данилевского был лишь один сын – **Георгий Николаевич Лаппо-Данилевский** (26.04.1880, Сорочинцы – 15.08.1922, Тулон, Франция)¹⁶⁸. В 1899 г. он окончил курс гимназического отделения императорского Лицея в память цесаревича Николая в Москве, по окончании которого поступил на юридический факультет Московского университета. Окончив два курса, он в связи с переездом его матери в Петербург перевелся в Петербургский университет, в который был принят в октябре 1901 г. В 1905 г. Георгий Николаевич окончил университет с дипломом второй степени¹⁶⁹. С 23 сентября 1906 г. он состоял помощником присяжного поверенного М.П. Демерцова; осенью того же года он обратился в Санкт-Петербургский мировой съезд о выдаче ему «свидетельства на право хождения по чужим делам»¹⁷⁰. Через несколько лет Георгий Николаевич покинул столицу¹⁷¹; позднее он служил по дворянским выборам в Полтавской губернии¹⁷².

8 декабря 1901 г., вскоре после перевода в Петербургский университет, Георгий Николаевич обратился к ректору этого учебного заведения с просьбой разрешить ему «вступить в законный брак с дочерью статского советника Павла Феодоровича Почтарева Екатериной Павловной», что вскоре и произошло. Его жена **Екатерина Павловна Лаппо-Данилевская** (урожд. Почтарева) готовила себя в 1900-е гг. к оперной карьере. Ее педагог, известный певец Ипполит Петрович Прянишников, рекомендовал свою ученицу Императорским театрам следующей запиской:

«Екатерина Павловна Лаппо-Данилевская обладает прелестным колоратурным сопрано исключительной красоты и гибкости. Она занималась со мною в течение нескольких лет, вполне закончила обработку своего голоса и прошла под моим руководством все главные партии колоратурного репертуара, так что вполне может с успехом начать оперную карьеру.

Нельзя не одобрить решение г-жи Лаппо-Данилевской ехать в Париж еще совершенствоваться под руководством Маркози и начать сценическую карьеру за границей, где ее голосу открывается больший простор и где, при удаче, ее может ожидать всемирная известность.

Бывший артист Императорских театров И. Прянишников
С.-Петербург. 16 октября 1907 года»¹⁷³.

В 1909 г. Екатерина Павловна выступала на сцене Большого театра в Москве, в том числе в ариях Антонида («Жизнь за царя»

М. Глинки), Прилепы («Пиковая дама» П. Чайковского), Панночки («Майская ночь» Н. Римского-Корсакова); Микаэлы («Кармен» Ж. Бизе)¹⁷⁴. Однако эта успешно начатая сценическая карьера расстроилась из-за болезни легких. 10 декабря 1910 г. ее контракт с Большим театром был расторгнут без обоюдных претензий¹⁷⁵. После октябрьского переворота Георгий Николаевич с сыном и дочерью эмигрировал из Киева во Францию (его брак с Екатериной Павловной распался в 1910-е гг.).

VI.

О детях Георгия Николаевича **Николае Георгиевиче Лаппо-Данилевском** (9/22.10.1902, С.-Петербург – 14.01.1986, Сент-Женевьев близ Парижа, Франция) и **Галине Георгиевне Лаппо-Данилевской** (30.11/13.12.1904, Киев – 17.11.1989, Париж, Франция) стоит немного рассказать. Николай Георгиевич обучался сначала в Миргороде, затем в Феодосии. В августе 1919 г. ему было выдано свидетельство об

окончании шестого класса Феодосийской мужской гимназии. Затем с отцом, мачехой и сестрой он эмигрировал во Францию. Из-за ранней смерти отца брата и сестру приютила французская семья, однако они сохранили язык и связь с русской эмиграцией, были причастны к ее культурной жизни. В годы Второй мировой войны Николай Георгиевич сражался против нацизма в рядах Иностранного легиона; затем банковский служащий. Галина Георгиевна за причастность к Сопротивлению была арестована и 29 августа 1943 г. депортирована в концлагерь Равенсбрюк, где провела более двух лет¹⁷⁶. У ее племянниц, дочерей Николая Георгиевича, хранятся сертификаты благодарности от имени правительства Соединенных Штатов (подпись: генерал Д.Д. Эйзенхауэр) и Британского содружества наций (подпись: генерал маршал Артур Теддер) за помощь, оказанную Галиной Георгиевной в сокрытии военнослужащих их армий и позволившую им избежать плена.

Завершая обзор семейной истории рода Лаппо-Данилевских, следует признать, что помимо тех его представителей, что перечислены мною выше и чьи родственные отношения друг с другом ясны, есть еще ряд носителей фамилии, о происхождении которых от того или иного общего предка остается лишь гадать. Это касается в первую очередь полтавской ветви – более разветвленной и менее документированной. Приведу несколько примеров. О коллежском асессоре **Федоте (или Федоре) Дмитриевиче Лаппо-Данилевском**, заседателе Окружного суда в Пятигорске в 1835–1842 гг., уже упоминалось выше.

Г.Н. Лаппо-Данилевский (1930-е)

Г.Г. Лаппо-Данилевская (1930-е)

Накануне реформы 1861 г. сельцом Елизаветинским Купянского уезда Харьковской губернии (118 крестьян, 45 дворовых) владела **Мария Алексеевна Лаппо-Данилевская**¹⁷⁷. Из переписки с Людмилой Ивановной Осинювик, состоявшейся в 2007 г., я узнал о судьбе отчима ее матери – **Романа Петровича Лаппо-Данилевского** (1905–1941), родом с Полтавщины, ушедшего добровольцем на фронт и погибшего в лагере для военнопленных под Кременчугом. От его брака с Варварой Калениковной Даценко родились сын **Алексей Романович** (1940–1962; трагически погиб во время службы на флоте), дочери **Татьяна** (1939–1988; в замужестве Захарченко) и **Мария Романовны** (р. 1941; в замужестве Чугуй).

Подведем, наконец, некоторые итоги. Полтавский род Лаппо-Данилевский в середине XVIII в. – именно с этого времени о нем можно составить более или менее полное представление – принадлежал к казачьей старшине, из которой как раз тогда завершалось формирование привилегированного класса Малороссии. Представители рода не отличались большой состоятельностью, в связи с чем мы находим их и на военной службе, и в местном управлении порой в весьма малых чинах, несмотря на преклонный возраст. При этом им удаётся решить главный вопрос своего социального бытия – о причислении к дворянству Российской империи, что, укрепив имущественное положение семьи и открыв неплохие служебные перспективы, несло с собой неизбежную русификацию. Так, дети Льва Ивановича Лаппо-Данилевского, типичного представителя малороссийской старшины и руководителя традиционных украинских военных формирований, начинают свою службу уже как офицеры русской армии.

Возвышению екатеринославской ветви рода способствовала вовлечённость в бурные события второй половины XVIII столетия, причастность к присоединению обширных южных территорий к Российской империи, а также их освоению, вылившемуся в политику масштабных земельных раздач в Новороссии. В результате Лаппо-Данилевские оказываются связаны местом проживания, а затем и родственными узами с семьями самого различного происхождения, передававшими из поколения в поколение традиции воинского служения монархии, – Корбы, Манвеловы, Гангеловы, Чорбы, Чуйкевичи. При этом отмечу, родители А. С. Лаппо-Данилевского благодаря их образованности, кругозору и опыту столичной жизни по уровню культурных запросов значительно превосходили большинство своих соседей по имениям и родственникам.

Нависшее над семьей в конце 1870-х гг. разорение, повлекшее за собой вынужденный отказ отца от блестяще складывавшейся государственной карьеры, не только сплотило семью, в которой родился будущий историк, но и способствовало преодолению сословных стереотипов, что наиболее ярко проявилось в педагогической деятельности Н.Ф. Лаппо-Данилевской. Встав во главе Демферопольской женской гимназии, она и реализовала свое профессиональное призвание, и взяла на себя обязанности, не свойственные женщинам ее круга, а именно: укрепить собственным трудом материальное положение семьи. Эти драматические события пали на время юности и молодости А.С. Лаппо-Данилевского и, несомненно, сыграли важную роль при формировании его личности, побудив рано задуматься о своем месте в мире, о принципах жизнестроения, а также осознать необходимость последовательного интеллектуального труда и длительной работы над собой.

Накопленный культурный и образовательный багаж семьи по-разному реализовался в жизни детей Сергея Александровича и Натальи Федоровны, но общим был, пожалуй, наметившийся отрыв от землевладельческого и военного прошлого. Дарования и интересы влекли их в города, в которых они выросли и где чувствовали себя органично. Наиболее впечатляющим в этом поколении, но и во многом закономерным остается, конечно, скорое научное признание и стремительное вхождение А.С. Лаппо-Данилевского в среду столичной профессуры и академических ученых, выразившееся в том числе и в формировании нового родственного окружения. Его брак, а также браки его сыновей приводят к многообразным узам с семьями, проработавшими в XIX в. сходный путь развития, – это Бекаряковы, Гревсы, Зарудные, Гизетти, Эссены, Петровские. Большинство их представителей жило научными и творческими интересами и, несмотря на дворянское происхождение, ассоциировало себя в первую очередь с русской интеллигенцией, а не с привилегированным классом, мыслило общенациональными и общечеловеческими, а не сословными категориями. В то же время безвременная кончина А.С. Лаппо-Данилевского и полные трагизма судьбы его родственников – один из наглядных примеров нереализованности важнейших интенций русской культуры начала XX столетия, оборванности преемственности, восстановить которую более чем сложно, а порой и невозможно.

¹ Достаточно упомянуть заключительный фильм трилогии Г.М. Козинцева и Л.З. Трауберга о Максиме «Выборгская сторона» (1938); главный герой, посланный партией управлять банком, произнося гневную тираду о народных кровопийцах, упоминает наряду с другими и Лаппо-Данилевских. Надо сказать, что как раз к управлению финансами в Российской империи Лаппо-Данилевские никогда отношения не имели.

² Более того, вдова ученого явно считала нежелательным знакомство сторонних лиц с эпистолярием мужа и сына в полном объеме. Приведу лишь один пример: переписка А.С. Лаппо-Данилевского с женой и с М.С. Гревс дошла до нас лишь в выдержках, подготовленных Е.Д. Лаппо-Данилевской (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4 и 10; письма к жене из заграничных поездок опубликованы В.П. Корзун в кн.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 390–410). При всей важности этого источника, он, конечно, не может заменить утраченных оригиналов. То же можно сказать о тетрадке материалов к биографии И.А. Лаппо-Данилевского (опубликована В.П. Корзун с некоторыми сокращениями: Мир историка. Омск, 2008. Вып. 4. С. 468–499; Вып. 5. С. 316–353; также в кн.: Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011. С. 124–188). Руководствуясь наилучшими побуждениями, вдова ученого сохранила для нас ряд важнейших черт мужа и сына, одновременно многое утаив. Она несомненно способствовала их идеализации, произведя отбор писем и отрывков и в то же время создав их политически нейтральные, удобоприемлемые для советской власти портреты.

³ Данные о ее смерти в феврале 1942 г., последнем месте проживания (6-я линия Васильевского острова, д. 5/5, кв. 4) и захоронении на Смоленском кладбище см.: Блокада. 1941–1944. Ленинград. Книга памяти. СПб., 2005. Т. 17. С. 387.

⁴ В связи с этим весьма характерен интерес А.С. Лаппо-Данилевского к прошлому Малороссии и ее многообразным связям с Великороссией, проявившийся уже в гимназических сочинениях (см.: СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 25–27 об.) и нашедший отражение в его позднейших научных трудах.

⁵ Отмечу, что первая часть фамилии писалась вплоть до начала XX в. самым различным образом – Лапа, Лаппа, Лапо, Лаппо. Нередкая в польско-литовских землях практика присоединения к основной фамилии фамилии спереди названия элементов герба в данном случае места не имела. В гербе Лаппо-Данилевских ничего похожего на руки или лапы не имеется.

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. XVII, полутом 33: Култагой–Лёд. С. 364.

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 10–10 об. Ср.: Там же. Л. 15, 19.

⁸ Возможно, последний из них по данным месяцесловов на 1795 и 1796 гг. фигурирует в скромном чине титулярного советника как заседатель Нижнего земского суда в Миргороде.

⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 49 об. См. примеч. 15.

¹⁰ Данные картотеки Б.Л. Модзалевского в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; здесь же указана его жена П.В. Лапа-Данилевская (см. ниже).

¹¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 15–15 об. (копия 1830 года); Там же. Ед. хр. 594. Л. 10–10 об. (копия 1838 г.).

¹² Копии с этого документа и копии с копий с него сохранились в делах о дворянстве и полтавской, и екатеринославской ветви Лаппо-Данилевских: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 5 об.–7 (копия 1830 г.); Там же. Л. 45–46 (копия 1872 г.). Там же. Ед. хр. 594. Л. 6–6 об. (копия 1838 г.).

¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 7 об.–8 (копия 1830 г.); Там же. Л. 47–47 об. (копия 1872 г.); Там же. Ед. хр. 594. Л. 8 (копия 1838 г.).

¹⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 8 об.–9 (копия 1830 г.); Там же. Л. 48–48 об. (копия 1872 г.); Там же. Ед. хр. 594. Л. 9–9 об. (копия 1838 г.).

¹⁵ В ответе Полтавской духовной консистории от 17 сентября 1848 г. № 8643 на запрос Екатеринославского дворянского депутатского собрания от 31 июля 1845 г. о дате рождения Александра Львовича Лаппо-Данилевского читаем: «по исповедным росписям за нижеследующие годы написано так: 1770. полковый комиссар Лев Данилевский 30, вдов; 1771. полковый комиссар Лев Данилевский 31, жена его София 21; 1772. полковый комиссар Лев Данилевский 32, жена его София 22, сын их Александр одного года и 1773. полковый комиссар Лев Данилевский 33, жена его София 23, сын их Александр трех лет. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 49 об.).

¹⁶ Копии 1784 г. с владельческих документов на эти имения («высочайшие грамоты великого государя Иоанна Алексеевича и универсалы гетманов Мазепы и Скоропадского», данные Лесницким в конце XVII и в начале XVIII столетия) см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 9 об.–14 об. Также о получении Лесницкими земельных наделов: *Лазаревский А.М.* Люди старой Малороссии: Лесницкие // Киевская старина. 1886. № 7. С. 452–455.

¹⁷ *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 246.

¹⁸ Материалы заключительного эпизода этой тяжбы сохранились в делах Сената: Документы о помещичьем землевладении и крестьянах Полтавской губернии // РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Ед. хр. 159. Л. 34–42 об.

¹⁹ Данное распределение детей по бракам во многом предположительно, в документах содержится лишь указание на рождение Александра Львовича от Лесницкой. В то же время овдовевшая П.В. Лаппо-Данилевская после смерти мужа имела десять детей, оставшихся на ее попечении, как явствует из письма ее ходатая Р.Т. Сладковского П.В. Лопухину от 28 мая 1807 г.: «... всенижайшее прошу <...> защитить оставшуюся Лапы Данилевского во вдовстве жену и десятерых сирот, томимых господином Лесницким, чрез двадцать лет волокитою и изурнанным разорением по судам безвинно» (Там же. Л. 37 об.).

²⁰ Так, в числе офицеров «Малороссийского гренадерского полка», принимавших участие в Отечественной войне 1812 г., указаны: «Лаппо-Данилевский Иван Львович, прапорщик Малороссийского гренадерского полка, и Лаппо-Данилевский Василий Львович, портупей-прапорщик Малороссийского гренадерского полка. 29.11.1812 за отличие произведен в прапорщики» (Информационный ресурс по офицерам Российской Императорской армии Эпохи Отечественной войны 1812 года // URL: <http://officers.wardoc.ru/officers.php?id=20>; последнее обращение 12.12.2013). О дальнейшей судьбе лишь одного из братьев имеются следующие скудные сведения: по данным месяцесловов, в 1827–1828 гг. в Усть-Каменогорске состоял городничим подпоручик Иван Львович Лаппо-Данилевский (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827. СПб., [1826]. Ч. 2. С. 329; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. СПб., [1827]. Ч. 2. С. 335).

²¹ Дата устанавливается по: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 49 об. См. примеч. 15.

²² См. ниже прим. 26.

²³ См. копии с «Формулярного списка о службе и достоинстве секунд-майора Александра Львова Лаппо-Данилевского» (1798): РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 16, 51.

²⁴ *Макидонов А.В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011. С. 119.

²⁵ Первый документ касается устранения злоупотреблений при торговле мясом, второй связан с рапортом А.Л. Лаппо-Данилевского о подчинении ему новокайдакской полиции (*Владимиров М.М.* Первое столетие города Екатеринослава. Екатеринослав, 1887. С. 121–122, 129). В 1800-е гг. он поставлял зерно колонистам-меннонтам в поселениях Хортица, Розенталя, Нейендорф, Кронсвейде, Нейендорф, Эйнлаге, Шенгорст (на Хортицком острове), Йозефсталь, Ямбург (Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799–1876 гг.: Аннотированная опись дел 1799–1818 гг. Ред. О.В. Коновалова. Одесса, 1998. Т. 1. С. 37–38).

²⁶ Так, его вдове Софье Ивановне 9 июня 1818 г. была вручена бронзовая медаль в честь окончания войны с Наполеоном, предназначавшаяся Александру Львовичу (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1).

²⁷ О его награждении 8 июня 1787 г. орденом Св. Владимира 2-й степени во время путешествия Екатерины II в Новороссию и Крым см.: [*Храповицкий А.В.*] Журнал высочайшего путешествия Ея Величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М., 1787. С. 94; Журнал высочайшему ее императорского величества путешествию, из Санкт-Петербурга в Киев, из Киева через Кременчуг в Херсон и старый Крым, а оттуда через Полтаву, Харьков, Белгород, Курск, Орел и Тулу в Москву, и из Москвы в Санкт-Петербург, продолжавшемуся 1787 года января со 2, июля по 12 число // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1853. Т. 3. С. 288.

²⁸ *Макидонов А.В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011. С. 112–113.

²⁹ Об истории храма см. подробнее: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: Церкви и приходы прошлого XVIII столетия. Екатеринослав, 1880. Вып. I. С. 253–256.

³⁰ Годы жизни и ряд биографических данных Г.Л. Лаппо-Данилевского указаны на основании его прошения о подтверждении дворянского достоинства, рассмотренного Полтавским дворянским собранием 28 ноября 1838 г. К этому моменту за ним по последней к тому моменту ревизии 1835 г. состояло «Миргородского уезда при местечке Шишаке всего мужеска 131 и женска пола 148 душ» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 4 об.). Скончался он до 1851 г., ибо в перечне представителей семьи за февраль этого года он уже не числится (Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. Полтава, 1898. С. 653).

³¹ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Шифр: III, 11411.

³² О весьма насыщенной боевой биографии дает представление свидетельство о службе Г.Л. Лаппо-Данилевского, составленное 31 декабря 1837 г. на основании его более раннего формулярного списка: «Объявитель сего, господин прапорщик Егор Львов сын Лаппа Данилевский, который, как значится по формулярному списку, от роду имеет сорок восемь лет, какого же вероисповедания из формуляра не видно. В службу вступил юнкером 1806 июня 15 в Переяславский Конноегерский полк; фанен юнкером 810 мая 12; произведен в прапорщики восьмьсот двенадцатого генваря первого. В походах и сражениях был: 1806 декабря 1го за границую Порты Оттоманской в Бессарабии 9го при занятии крепости Килии; 807 генваря 29го при д. Курманкуй в действительном сражении, майя 3го при блокаде кр. Измаила, октября с 29 в Молдавии; 808 октября с 1го в Бессарабии; ноябрь с 26 обратно в Молдавии; 809го июля 27 за Дунаем, при занятии крепостей Исакичи и Тулчи, первой июля 31, второй августа 2го, где находился по 5^е число того ж месяца, а с того числа в Булгарии и на передовых постах в М. Молдавии и за Траянским валом, октября с 19 по 23 число того ж месяца, а с 22 ноября обратно в М. Молдавии; 810 апреля с 12 в Валахии, мая 18 при переправе за Дунай, 19 при покорении Туртукая, июля 13го при рекогносцировании кр. Руцука, 14 при обложении и 15 при вылазках, сделанных из оной от неприятеля, в действительных сражениях июля 6 и 22 при штурме крепости Руцука, августа с 14 сентября по 16^е при обложении кр. Журжи, а с 16 по 28 обратно

при кр. Рущук и допокорении оной, 28 в Валахии, октября 2 при осаде кр. Тупно, 5 при обложении, 10 при занятии оной, 16го при занятии кр. Никополя, ноября с 4го в Валахии; 811 июля 22го при подступлении к кр. Видину, сентября 7 при Калофате в сражениях, где за оказанное им отличие получил высочайшее благоволение, а с 27го числа того же месяца обратно в Валахии; 812 августа по 29 и с того же числа в Российских пределах; 815го июля с 2го за границу в Царстве Польском чрез Варшаву в Слезии и обратно в свои пределы сентября 17 числа. Имеет знак отличия Военного ордена под № 19713. Российской грамоте читать и писать умеет. В домовых отпусках и в штрафах по суду и без суда не бывал.

Холост. Состоял в комплекте, к повышению чином аттестовался достойным. А 1818го года, состоя во 2^й Конноегерской дивизии по высочайшему его императорского величества приказу в 12^й день мая состоявшемуся за болезнь уволен от службы тем же чином» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 11–12 об.).

³³ Он был женат на Ульяне Григорьевне Похвисневой, судя по всему, родной сестре Анастасии Григорьевны Похвисневой, в замужестве Чуйкевич, бабушки А.С. Лаппо-Данилевского со стороны матери (см. ниже).

³⁴ *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1940. Т. 10: Письма: 1820–1835. С. 213.

³⁵ Там же. С. 267, 272.

³⁶ Родословная книга Полтавской губернии дворянских родов. Часть 1. Составлена из определений Полтавского дворянского собрания, состоявшихся с 1802 по 1840 год // РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Ед. хр. 442. Л. 151 об.

³⁷ Дата устанавливается по Отношению Екатеринославской духовной консистории № 4123 от 9 сентября 1847 г. в Екатеринославское депутатское собрание по поводу запроса о дате и законности рождения А.А. Лаппо-Данилевского: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 52. Восприемниками при его рождении были: коллежский ассессор Петр Мусман и статская советница Екатерина Шляхтина.

³⁸ Дата смерти устанавливается по его завещанию: СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 3 (подробнее об этом документе см. ниже).

³⁹ Поручик артиллерии Лев Александрович Лаппо-Данилевский упомянут как восприемник при крещении его племянника Федора 28 января 1839 г. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 23–23 об.). В том же году он фигурирует как попечитель хлебных запасных магазинов третьего округа Верхнеднепровского уезда (Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1839 год СПб., [1839]. Ч. 2. С. 178). Судя по всему, именно он был погребен в фамильной усыпальнице Лаппо-Данилевских в Гуляй-Поле (Русский провинциальный некрополь. Картоотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 237).

⁴⁰ *Владимиров М. М.* Первое столетие города Екатеринослава. Екатеринослав, 1887. С. 187.

⁴¹ См. его формулярные списки: 1) от 8 сентября 1822 г. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 18–19); 2) от 12 июля 1841 г. (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Ед. хр. 1239. Л. 34–35 об.); 3) от 11 апреля 1850 г. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 54 об.–55). В списке 1822 г. содержится лишь краткое указание: «за матерью состоит 441 душ крестьян». В списке 1841 г. указаны следующие владения: родовое – «Верхнеднепровского уезда в селе Гуляйполе мужского пола 95 душ»; благоприобретенное – «того ж уезда при с. Гуляйполе 15 и с. Мироном 2 души»; за женой лишь родовое имение: «в том же уезде 31 и Херсонской губернии в Александрийском уезде 10 душ». В списке 1850 г. читаем: родовое – «Верхнеднепровского уезда в селе Гуляй Поле, крестьян мужеска пола 96 душ и земли удобной 3852 десятины»; благоприобретенное – «того же уезда крестьян мужеска пола 131 душа и земли удобной 4078 десят[ин], да в Александровском уезде земли удобной 20 десятин»; за женой: родовое – «в том же уезде крестьян мужеска пола 32 души, да Херсонской губернии в Александрийском уезде 10 душ мужеска пола и земли 738 десятин»; благоприобретенное – «в Верхнеднепровском уезде земли удобной 1 035 десятин». Ср. примеч. 77.

⁴² Факт упомянут в статье М. Чабана «Голос широких степей. История Гуляйполя на Днепропетровщине» в киевской газете «День» (2010. 29 января. № 14; URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/golos-shirokih-stepey>; на украинском языке: URL: <http://www.day.kiev.ua/uk/article/ukrayina-incognita/golos-shirokih-stepiv>).

⁴³ История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Киев, 1977. Т. «Днепропетровская область». С. 719; Ср.: *Шатров М.* Город на трех холмах: Книга о старом Екатеринославе. Днепропетровск, 1966. С. 90.

⁴⁴ Даты жизни ее можно указать лишь весьма приблизительно: родилась она, по-видимому, в начале 1810-х гг. Скончалась в Одессе в 1880-х, где была захоронена первоначально «в склепе генерал-майора Картавцева» на городском кладбище, откуда прах ее был перенесен в 1890 г. в семейную усыпальницу в Гуляй-Поле (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 18).

⁴⁵ О месте его захоронения см.: Русский провинциальный некрополь. Картоотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 77. См. также страничку в интернете, посвященную Гангебловым: URL: <http://baza.vgdru.com/1/56843/>; последнее обращение 12.12.2013.

⁴⁶ См. о нем подробнее: Русский биографический словарь. М., 1914. Т. 4: Гааг–Гербель. С. 210–211.

⁴⁷ *Глинка В.М., Помарнацкий А.В.* Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1974. С. 168; Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. Каталог / Под ред. В.Ф. Левинсона-Лессинга; ред. А.Е. Кроль, К.М. Семенова. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1981. Т. 2. С. 252, кат. № 7920.

⁴⁸ Русский биографический словарь. М., 1914. Т. 4: Гааг–Гербель. С. 208–209. Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 50.

⁴⁹ В мемуарах декабриста А.П. Беляева читаем о последних днях 1826 г., проведенных в заключении в Петропавловской крепости: «Часто приносили нам книги. Мы прочли многие романы Вальтер-Скотта и Купера по-французски. От души смеялись над проделками Жильблаза, которого герои были нарисованы одним из товарищей в этой куртине измайловским офицером Гандебловым (sic!), с которым мы были знакомы еще прежде» (*Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом СПб., 1882. Ч. I. С. 201)

⁵⁰ Воспоминания А.С. Гангеблова // Русский архив. 1886. № 10. С. 181–268.

⁵¹ Воспоминания декабриста А.С. Гангеблова. М., 1888.

⁵² Там же. С. 232–242.

⁵³ О переселении в XVIII столетии в Россию сербов, многие из которых потом получили поместья в Славяносербском уезде (по позднему административному делению в Екатеринославской губернии), см. подробнее: *Полов Н. А.* Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. 1870. Кн. 6. С. 584–614. В этой работе не раз упомянуты представители клана Чорб, с которым породнились Манвеловы, Гангебловы и Лаппо-Данилевские.

⁵⁴ Похода Гангеблов упоминает и своего зятя, А.А. Лаппо-Данилевского, утверждая, что дед его был тоже из сербов. При этом он называет Федора Михайловича Корбе также Чорбой и сообщает явно завышенные сведения об имении Гуляй-Поле – 24 000 десятин. Подобная идентификация вряд ли верна, ибо представители рода Корбе упоминаются в украинских документах задолго до переселения Чорб в Российскую империю в середине XVIII столетия.

⁵⁵ Сайт, посвященный грузинскому дворянству, сообщает, к сожалению, без указания источников, следующую, весьма правдоподобную информацию о князе Спиридоне Николаевиче Манвелове (р. 1748) – «секунд-майор, кавалер орденов Св. Георгия 4-й ст. (1779) и Св. Владимира 4-й ст. (1805); затем коллежский советник. Был городничим в Чигирине. Женат на Софии Федоровне Чорба, дочери генерал-поручика Фёдора Арсеньевича Чорбы». URL: <http://nobility.pro/ru/statya/211-manvelov-spiridon-nikolaevich>; последнее обращение 12.12.2013.

⁵⁶ Городничий Чигирин С. Н. Манвелов вышел в отставку в 1812 г. в чине коллежского советника, как выясняется из его прошения о назначении пансиона от 27 января 1815 г. (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Ед. хр. 39-1815. Л. 1–2).

⁵⁷ См., например, его восторженную характеристику в связи с празднованиями столетия Екатеринослава: Екатеринославский юбилейный листок. 1887. 9 мая. № 17. С. 157.

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 3–16.

⁵⁹ Там же. Л. 5 об.

⁶⁰ Там же. Л. 14 об.–15.

⁶¹ Там же. Л. 15–15 об.

⁶² Там же. Л. 15 об.–16.

⁶³ Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова. С. 251. Годы жизни на могиле указаны не были, они почерпнуты из «Лермонтовской энциклопедии» (1981). Ср.: *Гогитидзе М.* Грузинский генералитет (1699–1921). Киев, 2001. С. 110.

⁶⁴ Литературное наследство. М., 1948. Т. 45/46. С. 154. Укажу попутно, что к судьбе Лермонтова оказался причастен коллежский ассесор Федот (или Федор) Дмитриевич Лаппо-Данилевский, заседатель Окружного суда в Пятигорске, участвовавший в составлении «Вопросов» к убийце поэта Н.С. Мартынову и суде над ним (М.Ю. Лермонтов: Статьи и материалы. М., 1939. С. 24, 57). Отношение этого Лаппо-Данилевского, именуемого в месяцесловах за эти годы то Федотом, то Федором, к основному родословному древу на данный момент уяснению не поддается.

⁶⁵ Весьма характерно письмо княжны Ольги Манвеловой (судя по всему, внучки Н.Н. Манвелова), обращенное к братьям А.С. и С.С. Лаппо-Данилевским (из Петербурга):

«Mes cher cousins.

Мы решили сегодня вечером ехать кататься на тройках, погода и путь отличные, и грех упустить такие хорошие условия. Не присоединитесь ли и вы к нам? Если Александр Сергеевич отнесется несочувственно к этому, то мы надеемся, что Сергей Сергеевич не откажется от этой поездки. Если ваш ответ окажется утвердительным, то мы заедем за вами по пути на острова между 9 ½. Если же в 10 ч. мы не приедем, непредвиденные обстоятельства помешали нам ехать. Не замедлите, пожалуйста, отвечать. Надеюсь, до завтра.

О. Манвелова».

(СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 441. Л. 1–1 об.)

Письмо написано, скорее всего, в одну из зим до 1891 г. включительно, ибо до лета этого года братья Лаппо-Данилевские снимали общую квартиру, пока А.С. Лаппо-Данилевский не женился. Дата венчания устанавливается по записи в его свидетельстве о явке к исполнению воинской повинности: «Означенный в сем свидетельстве состоящий в VI классе экстраординарный профессор Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский мною повенчан первым браком с девицею, дочерью умершего гвардии поручика Еленой Дмитриевною Бекарюковой, и брак их в метрической книге Преображенской церкви, слободы Ивановки Волчанского уезда Харьковской епархии 16 августа сего 1891 года под № 20-м записан, что подписом своим и приложением церковной печати удостоверяю. 16 августа 1891 года, слобода Ивановка.

Села Грачевны того же уезда священник Иоанн Николаев Васильев».

(СПФ АРАН. Ф. 4 (Комиссия АН, Канцелярия АН). Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 226–226 об.)

⁶⁶ *Лодыгин Н.Д.* Книга рысистых лошадей в России с определением чистопородности. М., 1875. Ч. VIII. С. 415. О конном заводе С.А. Лаппо-Данилевского в селе Удачном читаем: «Основан 1863 выделение части из завода покойного А.А. Лапа Данилевского, впоследствии разделившегося между П.А. и Ф.А. Лапа-Данилевскими» (Там же. С. 419). О конном заводе поручика Ф.А. Лаппо-Данилевского в селе Рай-Поле читаем: «Достался по наследству от отца поручика А.А. Лапа-Данилевского и после раздела с братом П.А. Лапа-Данилевским в ноябре 1866» (Там же. С. 423).

⁶⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 1. Ед. хр. 1496. Л. 20.

⁶⁸ При его крещении 6 декабря 1834 г. в Свято-Николаевской церкви в с. Гуляй-Поле, восприемниками стали майор Владимир Александрович Ставровский и майорша Анна Спиридонова Калачевская (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 20 об.–21 об.).

⁶⁹ Дата смерти С.А. Лаппо-Данилевского «от апоплексии мозга» указана в «Деле об утверждении в правах наследства Наталии Федоровны [Лаппо-]Данилевской» // (Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). Ф. 376 (Симферопольский Окружной суд). Оп. 5. Ед. хр. 5957; здесь же на л. 8 отказ Наталии Федоровны от наследства без указаний в чью пользу).

⁷⁰ СПФ АРАН. Ф. 4 (Комиссия АН, Канцелярия АН). Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 228–236 («составлен по 17 июля 1882 года»; тот же список в деле об оставлении А.С. Лаппо-Данилевского при университете: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 8801. Л. 2–6); Формулярный список конца 1860-х годов см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 64 об.–66. В обоих списках С.А. Лаппо-Данилевского содержатся следующие имущественные указания: «имение родовое: за ним в Верхнеднепровском уезде при с. Удачном 3 [тысячи] десятин»; имение приобретенное – в том же уезде при с. Ивановке 1500 десятин». В то же время отмечено, что за его женой «земли нет». Ср.: Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка. Сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908. Т. IV. С. 206.

⁷¹ Имя С.А. Лаппо-Данилевского в связи с его успехами в Школе было «записано на мраморную доску» (Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. Т. IV. С. 206).

⁷² Екатеринославский юбилейный листок. 1887. 9 мая. № 15. С. 134–135.

⁷³ См. письмо представителей различных сословий Верхнеднепровска от 24 апреля 1867 года к С.А. Лаппо-Данилевскому с просьбой принять звание почетного гражданина города Верхнеднепровска (Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 2–2 об.). Решение о присвоении ему этого звания см.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Ед. хр. 315. Л. 101.

⁷⁴ В память войны 1853–1856 г. С.А. Лаппо-Данилевскому была вручена бронзовая медаль на Андреевской ленте; 30 июня 1867 г. он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с Императорскою короною; 30 августа 1876 г. – орденом Св. Владимира 3-й степени.

⁷⁵ В.П. Корзун по личному делу А.А. Лаппо-Данилевского в ЦГА СПб приводит следующие сведения о жаловании его отца: в 1909 г. – 3600 руб.; в 1914 г. – 5700 (*Корзун В.П.* Профессорская семья. С. 42). О жаловании А.С. Лаппо-Данилевского сохранились отметки и в его формулярном списке: накануне избрания в академики – 3000, затем 5700 руб. в год (СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Ед. хр. 74. Л. 234 об.).

⁷⁶ Дата устанавливается по копии метрического свидетельства П.А. Лаппо-Данилевского; восприемниками при его крещении 4 июля 1837 г. в Свято-Николаевской церкви в с. Гуляй-Поле стали подполковник Николай Спиридонович Манвелов, и генерал-майорша Екатерина Спиридоновна Гангелова (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 21 об.–22 об.).

⁷⁷ См. его формулярный список 1860 г.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Ед. хр. 1239. Л. 38–39 об. В нем указано лишь имущество его отца: «за отцом его в Верхне-Днепровском уезде крестьян 232 души и земли 9573 [десятин]».

⁷⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1875. № 115. 29 апр. С. 4. Не обошлось и без судебного разбирательства в связи с наследством. В картотеке Б.Л. Модзалевского в Пушкинском Доме сохранилось следующее объявление 1876 года без указания газеты, в которой оно было помещено: «Могилевская соединенная палата уголовного и гражданского суда вызывает к суду наследников коллежского секретаря Петра Александровича Лаппо-Данилевского в срок, определенный 29, 30 и 31 §§ прил. ко 2 прим. 14 ст. Х т. 2 ч. Св. Зак. Гр. по прод. 1868 г., для представления против искового прошения Могилевского 1 гильдии купца Залмана Еселева Кагана».

⁷⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1875. 9 мая. № 125. С. 2; 10 мая. № 126. С. 3; 12 мая. № 128. С. 3.

⁸⁰ Московские ведомости. 1878. 19 авг. № 211. С. 3. Также: 1878. 21 авг. № 213. С. 4; 1878. 24 авг. № 216. С. 4.

- ⁸¹ В 1890 г. Д.В. Пчелкин «возобновил» конный завод в Гуляй-Поле, основанный А.А. Лаппо-Данилевским (Список частных конских заводов в России. СПб., 1904. С. 209).
- ⁸² Эта дата устанавливается по копии метрического свидетельства Ф.А. Лаппо-Данилевского; восприемниками при его крещении 28 января 1839 г. в Свято-Николаевской церкви в с. Гуляй-Поле стали поручик артиллерии Лев Александрович Лаппо-Данилевский и генерал-майорша Екатерина Спиридоновна Гангеблова (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 23 об.). В документах встречается также другая дата рождения – 5 января (Там же. Л. 23, 54).
- ⁸³ Можно заключить по завещанию С.А. Лаппо-Данилевского 1798 г. (см. ниже).
- ⁸⁴ Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка. Сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908. Т. IV. С. 206. По данным полкового архива указано, со всей очевидностью, на момент службы: «За родителями его состояло в Екатеринославской и Херсонской губ. 7 185 десятин» (Там же).
- ⁸⁵ Записки императорского Общества сельского хозяйства Южной России. 1883. Июнь. С. 293–304.
- ⁸⁶ См. вводный лист во владение Ф.А. Лаппо-Данилевского недвижимым имением при хуторе Успеновке Александрийского уезда Херсонской губернии (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 25). В списках землевладельцев Александрийского уезда с 1892 по 1898 фигурирует «Данилевский-Лаппо Федор», гвардии поручик, владеющий 758 десятинами 1025 саженьями земли в Успенском Светлопольской волости (Список землевладельцев Александрийского уезда на 1892 год. [Александрия, 1892]. С. 13. № 191; Список землевладельцев Александрийского уезда на 1898 год. Александрия, 1898. С. 18. № 253). С.А. Лаппо-Данилевский, унаследовавший хутор, продал его новогеоргиевскому купцу И.А. Шуйскому в 1898 г. за сто тридцать тысяч триста пятьдесят рублей; при этом на покупщика был переведен «лежащий на продаваемом имении долг Земскому банку Херсонской губернии в сумме шестидесяти тысяч шестисот рублей» (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 14).
- ⁸⁷ Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. Т. IV. С. 206.
- ⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 3447. Л. 3.
- ⁸⁹ Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Киев; СПб., 2004. Т. 5. Вып. 4. С. 47–60.
- ⁹⁰ Он был восприемником при крещении А.С. Лаппо-Данилевского в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле; см. прим. 113.
- ⁹¹ Формулярный список, доведенный до 5 февраля 1852 года, см. в личном деле его сына в фонде Училища правоведения: ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 3447. Л. 2–7. Земельные владения Ф.М. Чуйкевича (только родовые) были довольно скромны, что побудило его просить определить сына поначалу на казенный кошт: «За ним Черниговской губернии Кролевецкого уезда 96 душ и Екатеринославской губернии Верхнеднепровского уезда 78 душ крестьян» (Там же. Л. 2 об.). За женой его не числилось ни родовых, ни благоприобретенных поместий.
- ⁹² Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 237 (была погребена на Аутском кладбище).
- ⁹³ На открытках 1900–1910-х гг. (семейный архив) фигурирует следующий ялтинский адрес: «Аутская (или Аутинская) ул., № 36, дача Чуйкевичей».
- ⁹⁴ Речь идет о кн.: Müller F.M. Natürliche Religion. Leipzig, 1890.
- ⁹⁵ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 13–13 об.
- ⁹⁶ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 13 об.–14. Ср. анализ этих пассажей в письмах А.С. Лаппо-Данилевского в кн.: Корзун В.П. Профессорская семья. С. 66–70.
- ⁹⁷ Там же. Л. 21 об.–22.
- ⁹⁸ Новый мир. 1997. № 9. С. 146–147.
- ⁹⁹ Соловов пишет о вилле «Маруся» в Крыму: «...в ней было 23 комнаты, хороший сад и еще маленький садовый домик, в котором любили жить отец с матерью» (Новый мир. 1997. № 9. С. 148). Не названа ли дача так по имени младшей сестры А.Ф. Чуйкевича Марии? Не та ли это самая дача, на которой в 1890 году гостил и А.С. Лаппо-Данилевский?
- ¹⁰⁰ А.И. Маркевич инициировал заседание памяти А.С. Лаппо-Данилевского вскоре после его смерти в только что созданном Таврическом университете; доклады Грекова, Г. В. Вернадского и самого Маркевича, произнесенные здесь, составили раздел выпуска пятьдесят шестого номера «Известий Таврической ученой архивной комиссии». Статья Маркевича соединяет академическую проблематику с воспоминаниями об ученом, однако она содержит хронологическую неточность. Смерть матери А.С. Лаппо-Данилевского в ней датирована 1917 годом, а соответственно и последний приезд ученого в Симферополь (Маркевич А.И. Архивно-археологическая деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 165).
- ¹⁰¹ Циркуляр по управлению Одесским учебным округом. 1882. № 10. С. 294.
- ¹⁰² Южное слово. 1916. 14 янв. № 1015. С. 3.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Южное слово. 1916. 9 янв. № 1011. С. 2; Южные ведомости. 1916. 9 янв. № 6. С. 1; Там же. 10 янв. № 7. С. 1.
- ¹⁰⁵ Южное слово. 1916. 12 янв. № 1013. С. 3.
- ¹⁰⁶ Маркевич А.И. Архивно-археологическая деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 165.
- ¹⁰⁷ Южные ведомости. 1916. 12 янв. № 8. С. 1.
- ¹⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 3447. Л. 3. Эту же дату приводит В.Л. Модзалевский (Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Киев; СПб., 2004. Т. 5. Вып. 4. С. 57). Сама М.Ф. Чуйкевич в приведенном ниже посвящении называет днем своего рождения 30 августа (неясно, старого или нового стиля).
- ¹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 419. Ед. хр. 1. Л. 1.
- ¹¹⁰ ГААРК. Ф. 522. Оп. 1. Ед. хр. 2578. Л. 129.
- ¹¹¹ Воспользуюсь случаем, чтобы указать на неточность общепринятой даты рождения И.А. Лаппо-Данилевского – 16/28.10.1896; ее находим и в Большой советской энциклопедии, и на могиле ученого в Гисене. В то время как и в формулярных списках, и в паспортах его отца приводится другая дата – 16 октября 1895 г.; она же неизменно фигурирует в студенческом деле И.А. Лаппо-Данилевского (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Ед. хр. 1370), а также в деле о его недолгой службе в Отделе управления Петербургского полка (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 30. Ед. хр. 1167. Л. 1). Возможно, подобное омоложение было предпринято уже в канун выезда из СССР: «утаенный» год давал возможность не указывать факт пребывания И.А. Лаппо-Данилевского в Пажемском корпусе. 8 января 1916 г. он обратился в правление Академии наук о выдаче копии с формулярного списка его отца в связи с тем, что был принят на ускоренные курсы Пажемского корпуса (СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 258). В свидетельстве о выполнении воинской повинности за № 6394, сохранившемся в его студенческом деле, зафиксировано, что с 1 февраля по 17 октября 1916 г. И.А. Лаппо-Данилевский состоял пажом Пажемского его величества корпуса (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Ед. хр. 1370. Л. 14–15; впервые на это указано в кн.: Корзун В.П. Профессорская семья. С. 38). В результате медицинского освидетельствования, проведенного 15 сентября 1916 г., он был навсегда уволен от военной службы «как совершенно к ней не способный» по состоянию здоровья. Крещен И.А. Лаппо-Данилевский был 29 октября 1895 года в Благовещенской церкви на Васильевском острове в Петербурге; восприемники – И.М. Гревс и Н.Ф. Лаппо-Данилевская (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Ед. хр. 1370. Л. 20; Корзун В.П. Профессорская семья. С. 69).

¹¹² А.А. Лаппо-Данилевский (24.09.1898, С.-Петербург – 19.01.1920, Петроград) был крещен 3 октября 1898 г. в той же церкви, что и его брат Иван; восприемниками стали М.С. Гревс и С.А. Лаппо-Данилевский (см. выпись из метрической книги в личном деле А.С. Лаппо-Данилевского – СФФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 284; также в студенческом деле его сына А.А. Лаппо-Данилевского: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Ед. хр. 936. Л. 5).

¹¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 67–67 об.

¹¹⁴ Восприемниками при крещении М.С. Лаппо-Данилевской 19 марта 1864 г. в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле стали А.А. Лаппо-Данилевский и А.Г. Чуйкевич (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 69–69 об.).

¹¹⁵ СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 213. Л. 1–2. Ср.: Корзун В.П. Профессорская семья. С. 61–62. Известно лишь еще два письма М. С. Лаппо-Данилевской – к княгиням М.В. и Е.А. Барятинским (1899 и 1900 гг.), с которыми ее связывали общие предприятия благотворительности (НИОР РГБ. Ф. 19 (Барятинские). Карт. 176. Ед. хр. 21–22).

¹¹⁶ Так, она фигурирует в списке собственников недвижимости в Ялте, составленном в октябре 1896 г. (ГААРК. Ф. 522, оп. 1 Ед. хр. 905).

¹¹⁷ Беспризорные дети (письмо в редакцию) // Ялта. 1896. 26 дек. № 52. С. 2–3. Укажу попутно, что А.П. Чехов был знаком с С.В. Дараган и проявлял интерес к яслям в Заречье (Чехов А.П. Полное собрание сочинений в тридцати томах. М., 1982. Т. 30 (12): Письма 1904. Дарственные и другие надписи. С. 454–455).

¹¹⁸ Отчет правления Ялтинского благотворительного общества, состоящего под августейшим покровительством ее императорского высочества вел. княгини Ксении Александровны за 1908 год. Ялта, 1909. С. 32.

¹¹⁹ Там же. С. 27. Адрес-Календарь Таврической губернии на 1912 год. Симферополь, 1912. С. 143.

¹²⁰ Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму. Поиски и находки историка-источниковеда в Крыму. Симферополь, 2010. С. 282.

¹²¹ ГААРК. Ф. 522. Оп. 1. Ед. хр. 2578. Л. 65.

¹²² Восприемниками при крещении Н.С. Лаппо-Данилевской 16 июля 1865 г. в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле стали П.А. Лаппо-Данилевский и М.Ф. Чуйкевич (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 70–70 об.).

¹²³ СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 11–12 об.

¹²⁴ НИОР РГБ. Ф. 135. Разд. III. Карт. 51. Ед. хр. 3–4. В начале 1917 г. она предложила журналу «Русская мысль» рассказ «Ерема» и стихи, которые не были напечатаны (РО ИРЛИ. Ф. 264. Ед. хр. 179. Л. 1–1 об.). Сравни также ее письмо, отосланное в 1917 году в редакцию журнала «Русская мысль» (РО ИРЛИ. Ф. 264. Ед. хр. 179).

¹²⁵ Дата и место рождения указаны в прошении С.С. Лаппо-Данилевского о допущении его к экзаменам на зрелость от 27 марта 1888 г. (ГААРК. Ф. 104. Ед. хр. 567). Восприемниками при крещении С.С. Лаппо-Данилевского 16 июля 1865 г. в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле стали его дед А.А. Лаппо-Данилевский и бабушка со стороны матери А.Г. Чуйкевич (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 70–70 об.).

¹²⁶ См. формулярный список С.С. Лаппо-Данилевского от 30 апреля 1898 г.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Ед. хр. 2371. Л. 1 об.–2.

¹²⁷ В дальнейшем в связи с женитьбой брата С.С. Лаппо-Данилевский переселился на Васильевский остров и жил по адресу: 5-я линия, д. 38, кв. 4. Это следует из отметок от 20 августа 1892 года о праве проживания в Санкт-Петербурге в студенческом деле С.С. Лаппо-Данилевского (ЦГА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26599. Л. 43).

¹²⁸ ЦГА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26599. Л. 8.

¹²⁹ СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 20 об.–21.

¹³⁰ О ней см.: Лаппо-Данилевский К.Ю. Н.А. Лаппо-Данилевская // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 289–290; Юдин А.В. Н.А. Лаппо-Данилевская // Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. 2: И–Л. С. 1503.

¹³¹ Эта дата почерпнута из некролога Н.А. Лаппо-Данилевской, в котором С.С. Лаппо-Данилевский назван гвардейским офицером, что неверно (Русский католический вестник (Брюссель). 1951. № 3. С. 24).

¹³² Обзорение театров. 1917. 20 апр. № 3401 С. 12 (указано П.Н. Гордеевым). В газетной заметке об этом событии, председательствующим был назван «акад. С.А. Лаппо-Данилевский» (sic!).

¹³³ Весь Петербург на 1912 г. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. Девятнадцатый год издания. СПб.: Издание А.С. Суворина, [1912]. С. 441.

¹³⁴ Тогдашний адрес углового дома: Малая Дворянская ул., 21а / Малая Посадская, 11; современный адрес: ул. Мичуринская, д. 21/11.

¹³⁵ ЦГА СПб. Ф. 515. Оп. 2. Ед. хр. 4216. Л. 23, 33–35. Еще ранее, 5 мая 1912 года, Р.Я. Шмерко взяла кредит на 225 000 рублей у Второго Санкт-Петербургского Общества взаимного кредита; 120 000 рублей из позднейшей ссуды пошло на его частичное погашение (Там же. Л. 30). Отношение С.С. Лаппо-Данилевского к этому долгу неясно. Как явствует из документов о ссуде, Р.Я. Шмерко была неграмотна; документы подписывала ее дочь Хава Абрамовна.

¹³⁶ Возможно, дача была в совместном владении с семьей брата. О наличии некоторой собственности у семьи А.С. Лаппо-Данилевского на территориях, отошедших к Финляндии (судя по всему, на Карельском перешейке), можно заключить по тому, что И.А. Лаппо-Данилевский состоял членом правления Общества защиты имущественных интересов советских граждан в Финляндии. См. его анкету от 6 января 1927 года в делах Общества: ЦГА СПб. Ф. 219. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 14. Общество защиты имущественных интересов советских граждан в Финляндии было организовано 18 марта 1925 г. для оказания услуг по ликвидации и сохранению имущества советских граждан в Финляндии; распущено 30 октября 1928 г.

¹³⁷ Репин И.Е. Избранные письма в двух томах: 1867–1930. М., 1969. Т. 2. С. 405. С.С. Лаппо-Данилевский упомянут также в письме Репина К. И. Чуковскому от июля 1929 года (Репин И., Чуковский К. Переписка. 1906–1929. М., 2006. С. 284) Ср. упоминание об утраченных архиве и библиотеке С.С. Лаппо-Данилевского в статье И.А. Бродского «Новонайденные и малоизвестные произведения И.Е. Репина» (Новое о Репине. Статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации. Л., 1969. С. 354).

¹³⁸ Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland 1917–1939: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 309. (Studia slavica finlandesica, t. XVIII).

¹³⁹ Из письма А.С. Лаппо-Данилевского Е.Д. Бекарюковой (июнь 1890 года): СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 13 об.

¹⁴⁰ Непомнящий А.А. Новые материалы по кривоветоведению: По переписке А.И. Маркевича и академика С.Ф. Платонова // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини. Збірник наукових праць з мистецтвознавства, архітектурознавства і культурології. Київ, 2007. Вип. IV. С. 128. Прощение Надежды С. Лаппо-Данилевской не сохранилось; упоминания о нем в письмах А.И. Маркевича С.Ф. Платонову от 13, 19 и 30 апреля 1929 года см.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 3486. Л. 30–31, 32 об., 35 об.

¹⁴¹ В настоящее время ничто не напоминает о присутствии Лаппо-Данилевских в этой, некогда столь важной для них вотчине. Так, Свято-Николаевская церковь, выстроенная Ф. М. Корбе, в ходе антирелигиозной кампании в 1934 г. была разрушена местным населением, предводимым коммунистами. Не сохранилась и семейная усыпальница Лаппо-Данилевских; правда, список покоившихся в Гуляй-Поле донесен до нас «Провинциальный некрополь», составленным в послереволюционные годы Н.П. Чулковым: «Лаппо-Данилевские Александр Александрович, Федор Александрович, Лев Александрович, София Александровна, Николай Александрович, Симеон Александрович, Петр Александрович и Екатерина. Без дат (с. Гуляй-Поле Верхнеднепровского у.)» (Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 237). Даты на могилах указаны не были, что затрудняет идентификацию ряда лиц; судя по всему, последним здесь был погребен Ф.А. Лаппо-

Данилевский. Его брат С.А. Лаппо-Данилевский с женой были похоронены уже в Ялте, видимо, на Ауткинском кладбище (и могилы, и само кладбище не сохранились).

¹⁴² «Heraldica». Исторический сборник Н.П. Шапошникова. СПб., 1900. С. 208.

¹⁴³ См. выше примеч. 86.

¹⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 2–3 об. (копия на л. 6–9).

¹⁴⁵ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁴⁷ ГААРК. Ф. 522 (Ялтинская городская управа). Оп. 1. Ед. хр. 2270. Л. 148–148 об.; ср. л. 44. См. также указание на совместное владение А.С. и С.С. Лаппо-Данилевских в «Списке владельцев недвижимых имуществ города Ялты» за 1919 год площадью 1043 кв. саженей, общей стоимостью в 85 000 рублей (26 квартал; между ул. Садовой, Общинным переулком и Горный проспектом (ГААРК. Ф. 522. Оп. 1. Ед. хр. 2578. Л. 65).

¹⁴⁸ Весной 1905 г. крестьяне села Прибережного близ Райполя произвели «попасы и потравы» в экономии С.А. Лаппо-Данилевского (этим, кажется, дело и ограничилось), о чем сообщалось в донесении екатеринославского губернатора в Департамент полиции от 28 июня 1905 г. (Революции 1905–1907 гг.: Документы и материалы. Днепропетровск, 1975. С. 131). «Аграрные беспорядки, выразившиеся в поджогах и разгромах помещичьих усадеб и в расхищении движимого их имущества, особенно хлеба и зерна», приняты в Верхнеднепровском уезде особый размах осенью 1905 г. Общее число пострадавших помещиков в уезде, по официальным данным, составило 38, но о нанесении ущерба Лаппо-Данилевским в это время ничего не известно (см.: Там же. С. 222, 226).

¹⁴⁹ Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Тянь-Шанского. СПб., 1910. Т. XIV: Новороссия и Крым. С. 573.

¹⁵⁰ На середину 1900-х имеем следующую характеристику конного завода в Удачном: «Жеребц<ов> 2, мат<ок> 13. Ежегодный средн<ий> припл<од> 10 гол<ов>. Сорт упряжной орлово-рыс<истые> и рыс<истые>. Продаёт на месте по 800–1300 р<ублей> за голову» (Список частных конских заводов в России. СПб., 1904. С. 209).

¹⁵¹ Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIV: Новороссия и Крым. С. 574.

¹⁵² См. копию метрического свидетельства о его крещении в Преображенской церкви в местечке Шишаке: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 13–13 об.

¹⁵³ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и выше // Приложения к трудам редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. СПб., 1860. Т. 6. С. 28 (отдельная пагинация, по губерниям). Надо указать, что помещики, имевшие в общей сложности более ста душ, рассредоточенных по нескольким имениям, в данный перечень не попадали, в силу чего составить полное представление о состоятельности того или иного помещика невозможно.

¹⁵⁴ О них имеется следующая информация в перечне дворянских родов Полтавской губернии: «Лаппо-Данилевские Лев, Василий и Николай Георгиевичи, сыновья прапорщика. Льва жена Прасковья Гавриловна. Дети их: Николай, Мария во второй части родословной книги литеры Д; указ об утверждении в дворянстве 22 февр. 1851, № 997» (Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. Полтава, 1898. С. 653).

¹⁵⁵ См. копию метрического свидетельства о его крещении в Преображенской церкви в местечке Шишаке: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 14–14 об.

¹⁵⁶ В картотеке Б.Л. Модзалевского в Пушкинском Доме указана точная дата смерти и то, что он был погребен на Петропавловском кладбище в Нижнем Новгороде.

¹⁵⁷ См. его формулярный список: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 593. Л. 2–3 об. В связи с переселением он и его близкие оказались внесены в дворянские книги Нижегородской губернии: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Ед. хр. 642. Л. 275.

¹⁵⁸ Сведения о его потомках предоставлены мне его правнучками Клавдией и Екатериной, родившимися и выросшими во Франции.

¹⁵⁹ На середину 1900-х имеем следующую характеристику конного завода в Шафоростовке: «Мат<ок> 8. Сорт верховый (орлово-ростопч<инский>, англо-араб<ский>, полукровно-англ<ийский>» (Список частных конских заводов в России. СПб., 1904. С. 181).

¹⁶⁰ Весь Петербург на 1902 г. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. Тринадцатый год издания. СПб.: Издание А.С. Суворина, [1902]. С. 353.

¹⁶¹ Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания. Пг.: Издание А.С. Суворина, [1917]. С. 383. Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1923 год. Пг., [1923]. С. 282.

¹⁶² Данные почерпнуты из рукописного справочника: *Брендер Л.* «Никто не забыт». Справочник Ленинградского ДВС. 1869–1971 // РГАЛИ. Ф. 2956. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 610. См. ее письма М. Г. Савиной 1911–1912 годов с рядом автобиографических указаний: РГАЛИ Ф. 853 Оп. 2. Ед. хр. 747. 4 л.

¹⁶³ Словарь сценических деятелей. СПб., 1903. Вып. 12. С. 13.

¹⁶⁴ Здесь, видимо, в конце 1890-х состоялось знакомство с М. Волошиным (см. недатированное письмо М.Л. Лаппо-Данилевской к нему: РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 759).

¹⁶⁵ О репертуаре М.Л. Лаппо-Данилевской см., например, ее личное дело в агентстве Е. Н. Рассохиной (РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 15 об.–20), а также письма актрисы к В. В. Федорову (Там же. Ф. 2579. Оп. 1. Ед. хр. 144).

¹⁶⁶ Копии их метрических свидетельств см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 593. Л. 4–6.

¹⁶⁷ Личное дело Лаппо-Данилевской Елизаветы Васильевны (1864–1871) // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 8255.

¹⁶⁸ «Георгий, сын Николая» вскользь упомянут в кн.: Продолжение потомственных дворян, изд. Полтавским дворянским депутатским собранием. Полтава, 1904. Вып. 2. С. 57.

¹⁶⁹ Информация почерпнута из студенческого дела Г.Н. Лаппо-Данилевского: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 39327.

¹⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 1921. Л. 1.

¹⁷¹ Согласно адресной книге на 1909 год в доме 4 по Эртелеву переулку проживал помощник присяжного поверенного «Лаппо-Данилевский Георгий Николаевич» (Весь Петербург на 1909 г. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. Шестнадцатый год издания. СПб.: Издание А.С. Суворина, [1909]. С. 441).

¹⁷² Он фигурирует среди губернских гласных на трехлетие 1913–1916 гг. – от миргородского уезда «Георгий Никол. Лаппо-Данилевский» (Памятная книжка Полтавской губернии на 1915 год. Издание Полтавского губернского статистического Комитета под ред. члена Комитета исп. обязанности секретаря Н. А. Снеевского. Полтава, 1915. С. 14).

¹⁷³ Дело Московской Конторы Императорских театров Распорядительного отделения. О службе артистки оперной труппы Е.П. Лаппо-Данилевской. Началось 16 октября 1907 г. Кончено 21 января 1911 г. // РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Ед. хр. 2095. Л. 1.

¹⁷⁴ *Пружанский А.М.* Отечественные певцы. 1750–1917: Словарь. Изд. 2-е испр. и доп., электронное. М., 2008.

¹⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Ед. хр. 2095. Л. 35.

¹⁷⁶ См. памятную книгу участников Сопrotivления депортированных из Франции: URL: <http://www.bddm.org/liv/details.php?id=l.126>; последнее обращение 12.12.2013.

¹⁷⁷ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и выше. С. 26 (отдельная пагинация по губерниям).

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАЛИНОВ

доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-94-40; E-mail: a.v.malinov@gmail.com

В статье рассматривается деятельность А.С. Лаппо-Данилевского по организации социологической науки в России и преподаванию социологии. А.С. Лаппо-Данилевский был не только первым председателем Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского, но и предпринимал в 1918 г. попытки создать в структуре Академии наук Институт социальных наук. Ему же принадлежат и планы систематических курсов по социологии.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, социология, наука, преподавание, институционализация, социологическое общество.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ – ОРГАНИЗАТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ*

Социологическое наследие Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского не часто становилось предметом специального изучения. В отдельных статьях и монографиях освещаются некоторые стороны его социологических исследований или организаторской деятельности, прежде всего председательство в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского и попытка открыть в Петрограде Институт социальных наук¹. Отчасти этому есть объяснение. При жизни А.С. Лаппо-Данилевский опубликовал лишь одну работу, непосредственно посвященную социологии, – обширную статью (в исследовательской литературе часто характеризуемую как монография) «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» в знаменитом сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1902).

К «социологическому периоду» деятельности Лаппо-Данилевского обычно относят последние три года жизни ученого, когда в 1916 г. он возглавил Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского. Однако социологическая тематика доминировала и во многих «семинариях», которые он вел в Петербургском университете «в духе критической философии»²: практические занятия по VI книге «Системы логики» Д.С. Милля (1899–1900 и 1900–1901), систематике социальных явлений разных степеней (1901–1902), анализу простейших социальных взаимодействий (1903–1904), теории ценности и ее приложении к обществоведению (1904–1905), теории эволюции и ее применении к обществоведению и истории (1906–1907), логике общественных наук и истории (1908–1909 и 1909–1910), теории исторического знания: разбор важнейших учений о ценности (1910–1911), критическому разбору важнейших учений о развитии (1911–1912), критическому разбору главнейших учений о случайности (1912–1913), критическому разбору главнейших учений о ценности (1913–1914 и 1917–1918), критическому разбору главнейших учений, касающихся проблемы «чужого я» (1914–1915), методологии социальных и исторических наук (1915–1916), логике социальных и исторических наук (1918–1919). Здесь важно обратить внимание, что практически каждый учебный год в университете Александр Сергеевич предлагал новую тему по «теории обществоведения», как он часто называл свои теоретические занятия. В этом, вероятно, сказывались не столько педагогические запросы историко-филологического факультета, сколько научные интересы самого преподавателя. Результаты этих «семинариев» нашли отражение при формулировании многих положений «Методологии истории» Лаппо-Данилевского – главного философского труда ученого.

Уже современники отмечали склонность Лаппо-Данилевского к философским построениям, что заметно выделяло его на фоне других русских историков и даже отделяло от них. «Постепенно, можно сказать, – замечал И.М. Гревс, – философ в А.С. Л-Д-ском начал преодолевать историка, но от первоначально избранного призвания он не отказался до конца, и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их,

и как это понимание развивалось, вырастая в концепцию широкой полноты и стройности»³. Когда началось это увлечение Лаппо-Данилевского философией, сказать сложно. В университетском дипломе историка, выданном 2 декабря 1886 г., по философии, латинскому и греческому языкам стоит оценка «хорошо» (остальные предметы – русская словесность, русская история, всеобщая история, славянская филология, общее и сравнительное языкознание, грамматика, история церкви, богословие, французский язык – «отлично»)⁴. В годы обучения Александра Сергеевича на историко-филологическом факультете философию преподавал М.И. Владиславлев, административная и педагогическая деятельность которого оценивается неоднозначно. Однако в преподавании самого Лаппо-Данилевского постепенно начали преобладать курсы философского и социологического содержания. «Не русская история сама по себе, а теория и методология исторической науки (на русском материале) заняли господствующее положение в преподавании А.С. Лаппо-Данилевского», – отмечал А.Е. Пресняков⁵. Надо заметить, что под «методологией истории» ученый понимал историческую гносеологию. Вопросы исторического познания, таким образом, стали доминировать в педагогической деятельности Лаппо-Данилевского, и в русскую историческую науку Александр Сергеевич вошел, прежде всего, как теоретик и методолог, а его «Методология истории» оказалась в последние два десятилетия самым востребованным трудом ученого.

С занятиями методологией истории согласовывались и лекции по социологии, которые с 1902 г. начал читать Лаппо-Данилевский. В архиве ученого сохранились рукописи и наброски к двум курсам по социологии: «О социологии. Курс лекций 1902–1911 г.»⁶ и «Научные основы социологии в их историческом развитии. Лекции, читавшиеся в Санкт-Петербургском обществе народных университетов. 1911–1912»⁷. К ним примыкает курс лекций «О теории ценностей. 1904–1918»⁸ и отчасти материалы неокантовского семинара Лаппо-Данилевского в Петербургском университете⁹. Социологической тематикой наполнена рукопись «Общего обозрения (Summa) основных принципов обществоведения. Конспект курса лекций. 1902–1903 г.»¹⁰, многие положения которой (изложенные здесь тезисно и фрагментарно) получили развитие в курсе «Методологии истории».

Представление о структуре социологических курсов Лаппо-Данилевского и их содержании дает небольшой курс «Научные основы социологии в их историческом развитии», состоявший из трех лекций, прочитанных 10, 17 и 24 ноября 1911 г. в Тенишевском зале Санкт-Петербургского Общества народных университетов. Программа курса включала следующие темы: «1. Возникновение социологических учений под влиянием французского просвещения XVIII века. Понятие о законосообразности явлений общественной жизни и ее развития. Учение о "социальной организации" и его социологическое значение.

2. Основание социологии. Положение социологии в системе наук. Социальная статика и социальная динамика; главнейшие из законов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 13-03-00301.

3. *Биологическое направление в социологии.* Биосоциологическое учение об обществе, как об организме; теория эволюции и приложение ее законов в социологии.

4. *Психологическое направление в социологии.* Социальная психология и законы подражания. Коллективная психология и законы образования коллективного сознания. Этология и народная психология, законы образования народного характера и его продуктов.

5. *Очередные задачи собственно социологического построения.* Абстрактная социология и ее законы. Приложение ее обобщений к историческому изучению общества»¹¹.

В начале своих лекций Лаппо-Данилевский отмечал: «Каждый из нас живет в обществе, но не каждый задумывается над тем, что такое общество, какова его природа и каковы законы его строения и развития? А между тем, помимо *бескорыстного интереса* к истине, т. е. к научному познанию общества, каждый из нас *постоянно пользуется* такими понятиями в *ежедневном общении* с себе подобными, при участии в общественной и государственной жизни и т.п. Может ли он, однако, *плодотворно* применять их, не зная точного их *смысла, содержания и объема*? И не *требует ли разум* каждого из нас такого знания?»

Положим, что Вы согласитесь с таким требованием нашего разума; но Вы скажете мне: ведь знание общества уже дается другими науками, например, *правоведением (теорией права, государственным правом и т.п.)*, историей <...> для чего же нам терять время на знакомство с социологией?

В ответ на ваш вопрос я предлагаю Вам настоящий краткий и вводный курс: *прежде чем отрицать что-либо*, надо знать то, что отрицаешь. Попробуем хотя бы в самых общих чертах познать основные задачи той науки, которая стремится дать общее учение об обществе: она рассуждает о его природе, о его строении и развитии и, таким образом, пытается *установить и привести в систему* те положения, которые выходят за пределы биологии и психологии и скорее *предполагаются*, чем обосновываются в более специальных общественных науках, каждая из которых имеет в виду лишь *некоторые* из них.

Задача последующего изложения: *вкратце указать на дух и направление важнейших социологических учений*, и на то *положение*, какое каждое из них занимает в развитии социологии, а не входить в подробное изложение всех основоположений и выводов»¹².

Можно добавить, что в это время (сентябрь 1911 г.) планировалась командировка Лаппо-Данилевского от Академии наук за границу для участия в заседаниях Международного социологического института¹³. Однако поездка была перенесена на год, и лишь 19 сентября 1912 г. ученый на четыре недели уехал из России для участия в деятельности Международного социологического института¹⁴.

Стремление дать не догматическое, а историческое изложение социологических проблем, а также осознание того, что «методология истории», перерастающая в «теорию общественности», все больше сближается с социологией, приводило к увеличению историко-социологические сюжетов в перерабатываемой Лаппо-Данилевским «Методологии истории». Особенно это заметно в посмертном издании его «Методологии истории» (Пг., 1923).

Лекции Лаппо-Данилевского по социологии, а также историко-социологические публикации последнего года жизни ученого показывают, что его значение в становлении социологической науки в России не определялось только его административным положением. Впрочем, нельзя недооценивать и его организаторские заслуги. Предыстория возникновения Социологического общества была изложена К.М. Тахтаревым¹⁵. Инициаторами создания Социологического общества сразу после похорон М.М. Ковалевского выступили «молодые социологи» Н.Д. Кондратьев, П.И. Люблинский, Я.М. Магазинер, С.И. Солнцев, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев. Весной 1916 г. был подготовлен устав общества, подписанный в качестве соучредителя и А.С. Лаппо-Данилевским. Первое же официальное (учредительное) собрание Социологического общества состоялось 13 ноября 1916 г. На нем Лаппо-Данилевский и был избран председателем.

Заседания общества проходили раз в месяц (11 декабря 1916 г., 1 февраля 1917 г. и 5 марта 1917 г.). Собрания комитета общества проходили чаще. Круг вопросов, решение которых требовало участия Лаппо-Данилевского, был достаточно широк: ведение протокола, общие вопросы, издание журнала, выписка иностранных журналов, объявление в иностранных журналах о новом обществе, формирование ревизионной комиссии, избрание новых членов, как русских, так и иностранных, размер членских взносов и способ их взимания, распределение занятий комитета, оплата помещения, в котором проходили заседания (Курсы П.Ф. Лесгафта), избрание почетных членов, организация печатных изданий и лекций, распределение порядка докладов и утверждение их тематики, решение вопроса о том, нужны ли предварительные тезисы докладов, регистрация общества.

Начавшаяся в России революция прервала деятельность общества, но она же открывала и новые возможности перед социологией. Лаппо-Данилевский начал предпринимать шаги по институционализации социологии, пытаясь включить новую дисциплину в структуру Академии наук. Осенью 1917 г. он подготовил для Академии наук записку о преподавании социологии, датированную 28 сентября 1917 г.¹⁶ Здесь же содержится и набросок плана курса по социологии:

«Основной курс

Часть первая: Теория социологического знания.

Основные принципы и методы социологии

I. Принципы социологического знания

1. Принцип признания чужой одушевленности и т. д.

Главнейшие источники и пособия

1. Источники социологических знаний:

a) Биологические? Соц[иальная] жизнь животных.

b) Психологические: наблюдения над здоровыми и больными индивидуумами в их общении.

c) Этнографические. Важнейшие путешествия (Wenle)

2. Пособия: Исторические обзоры развития социологии

a) Основные труды (Коген и проч.)

b) учебники

c) монографии

d) периодические и повременные издания.

e) Преподавание социологии.

2. Процессы социального взаимодействия

1. Ассимиляция (хотя бы в признании общих способов общения, знаков его и т. п.)

2. Половое общение (ср. Gemeinschaft)

3. Социальное общение (Gesellschaft)

aa) подражание

bb) противоположение (ant.)

cc) игра

dd) ассоциация (соглашение, договор)

ee) властвование.

II. Факторы и процессы социального взаимодействия

1. Факторы социального взаимодействия

a) Физические факторы (ср. внеш[няя] среда)

b) Психические факторы и их разновидности

c) Социальные факторы и их разновидности.

Часть вторая: Основы социологии

I. Понятие о социальном взаимодействии

1. Среда социального взаимодействия

a) натуральная (природа)

b) социальная: численный состав населения, его объем, густота и концентрация; качественный состав населения: племена, классы и т. п.; движение населения.

2. Социальное взаимодействие (и постепенное расширение его пределов)

Социальное взаимодействие происходит лишь под условием взаимного признания одушевленности тех субъектов, которые находятся во взаимодействии.

bb) Объем социологии; отношение к другим наукам

[–]к антропологии

- психологии (в частности, коллективной)
- этнографии
- политической экономии
- правоведению
- истории.

б) Понятие о социологии в социологической литературе; ее содержание и объем.

- 1) Конт, Спенсер.
- 2) Уорд, Штукенберг
- 3) Гиддингс, Смолль
- 4) Тард
- 5) Дюркгейм, Тоннис
- 6) Зиммель

Понятие о природе социального явления.

аа) Содержание социологии

Главнейшие явления, подлежащие социологическому изучению.

с) деление социологии (учение о строении и развитии общества)¹⁷.

В качестве дополнения или альтернативы приводится еще один план курса по социологии, озаглавленный «Положение социологии в системе наук»:

«1. Введение (записка для Института) 1

2. Проблема систематики науки в различных ее постановках и ее литературе 2

3. Платон. Аристотель; их влияние на последующих мыслителей средневековья 3

4. Возрождение. Бэкон и Гоббс – 4

5. Век просвещения: Лейбниц, Даламбер, Бентам – 5

6. Конт 6

7. Спенсер 7

8. Вундт 8

9. Лейбниц

10. Курно

11. Навилль (Лейбниц, Курно и Навилль – 9–10)

12. Неокантианство – 11

13. Современное понимание (ср. записку) 12, 13, 14»¹⁸.

Цифры после заглавий лекций, вероятно, обозначают номера (очередность) самих лекций.

В 1918 г. по инициативе Лаппо-Данилевского Отделением филологии и истории Академии наук была создана комиссия для рассмотрения вопроса об учреждении в

рамках Академии наук Социологического института. Лаппо-Данилевский возглавил эту комиссию. Заседание комиссии состоялось в 29 мая 1918 г. На нем, помимо председательствующего Лаппо-Данилевского, присутствовали Ф.И. Успенский, М.А. Дьяконов, Д.Д. Гримм, М.Я. Пергамент, И.А. Ивановский, В.М. Гессен, А.Э. Нольде и В.В. Степанов¹⁹. Было решено ходатайствовать перед Академией наук об открытии Института социальных наук на базе преобразуемого Александровского лицея. В составе института было предложено сформировать отделы: государственных наук, права и социологии. Для организации и составления программы деятельности отдела социологии комиссия рекомендовала пригласить Н.И. Кареева. По результатам деятельности комиссии Лаппо-Данилевский, В.В. Степанов и А.Э. Нольде подготовили записку «Об Институте Социальных Наук», которая была зачитана Лаппо-Данилевским 5 (18) июня 1918 г. на экстренном общем собрании Российской академии наук и опубликована в «Протоколах заседаний общего собрания Российской академии наук»²⁰. Однако организация Института социальных наук не получила поддержки у новых властей. Непременный секретарь АН С.Ф. Ольденбург «лично выяснял в Совете Народных Комиссаров вопрос о возможности создания Института Социальных наук, но что пока никакого определенного ответа он не получил»²¹.

После неудачи с организацией института Лаппо-Данилевский решил реанимировать деятельность Социологического общества. В конце ноября 1918 г. состоялось заседание, посвященное памяти умерших членов общества (И.В. Лучицкого, А.Ф. Лазурского, Ф.К. Волкова). С речами выступили Н.И. Кареев, И.И. Лапшин, Л.Я. Штеренберг и Лаппо-Данилевский. 28 декабря состоялось последнее заседание Социологического общества под председательством Лаппо-Данилевского. 7 февраля 1919 г. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский скончался в Военно-медицинской академии.

Рукописи Лаппо-Данилевского по социологии могут пролить дополнительный свет на его социологические взгляды. К сожалению, эти рукописи практически не поддаются публикации, поскольку представляют собой черновые наброски, разрозненные выписки, конспекты. Они лишь дают общее представление о структуре и содержании лекций Лаппо-Данилевского по социологии.

¹ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; Долгова Е.А. Документы Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского (1916–1923 гг.) // Социологические исследования (СОЦИС). 2011. № 6; Малинов А.В., Погодин С.Н. Социология в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 4; Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3; Малинов А.В. «Рассадник насущных знаний» (деятельность А.С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3.

² Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. А–Л. С. 408.

³ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 60–61.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4, № 349. Л. 237.

⁵ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пб., 1922. С. 24.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. – 467 л.

⁷ Там же. Ед. хр. 344. – 456 л.

⁸ Там же. Ед. хр. 337. – 164 л.

⁹ Там же. Ед. хр. 425–429.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 330. – 29 л.

¹¹ Там же. Ед. хр. 344. Л. 1.

¹² Там же. Ед. хр. 344. Л. 4–7.

¹³ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4, № 349. Л. 213.

¹⁴ Там же. Л. 241.

¹⁵ Тахтарев К.М. Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского // Социо-библиографический вестник. 1919. № 4–6.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 1–2 об.; Ед. хр. 68. Л. 3–8.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 321. Л. 3–9.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 321. Л. 10.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 68. Л. 9–12 об.

²⁰ Об Институте социальных наук. Записка Комиссии Российской академии наук // III-е приложение к протоколу заседания IX экстраординарного Общего собрания Российской академии наук 18 (5) июня 1918 года (к § 138). С. 108–110; Лаппо-Данилевский А.С. Об Институте социальных наук. Записка Комиссии Российской академии наук // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3 (68). С. 59–62.

²¹ Протоколы заседаний общего собрания Российской академии наук за 1918 г. Пг., 1919. С. 91.

ИЛЬЯ ВИКТОРОВИЧ СИДОРЧУК

кандидат исторических наук, ассистент кафедры «История» Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; научный сотрудник исторического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)
Тел.: 8 (921) 341-12-42; E-mail: chubber@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению влияния политических взглядов А.С. Лаппо-Данилевского на успех его научной и административной деятельности. Автор анализирует достижения ученого в области междисциплинарных исследований в контексте общего хода развития гуманитаристики и характерных особенностей субкультуры ученого сообщества рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, научное сообщество рубежа XIX–XX вв., методология истории, история социологии в России, междисциплинарные исследования.

АПОЛИТИЧНОСТЬ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЕГО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ*

Для научного гуманитарного сообщества всегда было важно поддержание корпоративной памяти. Отсюда его неизменный интерес к истории развития научного знания. Особенно это характерно для профессиональных историков, ведь само их мышление не допускает угасания интереса к своим предшественникам-учителям. Одной из таких почитаемых фигур по праву является А.С. Лаппо-Данилевский. Одновременно до сих пор нельзя говорить о достаточной изученности как его научного наследия, так и его личности.

В частности, в сферу внимания специалистов редко попадают вопросы о причинах недостаточного раскрытия при жизни его научных и административных талантов, сравнительной немногочисленности научного наследия, долгого периода забвения после смерти, сложного пути признания его теорий, отсутствия достойного внимания к нему самому и к его творчеству вне немногочисленной части ученого сообщества. Речь, прежде всего, идет о междисциплинарных исследованиях, интерес к которым был чрезвычайно характерен для русской науки рубежа веков¹ и стал со временем явно доминировать в творчестве Лаппо-Данилевского.

Известно, что ученый не просто увлекался философией, социологией, психологией, а стремился совершить подлинный методологический переворот в науке. В 1891 г. он писал: «Претензии у меня большие, хочется быть не только простым добросовестным исследователем, но и ученым в высоком значении этого слова, ученым, который дает новое освещение не только некоторым подробностям науки, но и основным принципам науки»². Надо отметить, что шансы сделать это у него были. Историк второй половины XIX в., И.В. Лучицкий, отмечал справедливость характеристики XIX столетия как века «выработки социологии, социальной науки»³. Общественные науки в целом нуждались в новых идеях и новых героях. Еще в 1869 г. один из первых отечественных социологов, А.И. Стронин в работе «История и метод» писал о том, что «... мы переживаем относительно наук общественных тот момент в каком жил Бэкон по отношению к естественным: у нас есть уже и Колумб, и Галилей, и Коперник социализма, вокруг нас кипит уже водоворот новой жизни, прокладывая и новые для себя дороги, и нам остается только угадать это течение, чтобы потом шире и свободнее расчистить для него пути его; нам нужен Бэкон обществоведения»⁴. Ум, талант и трудолюбие Лаппо-Данилевского позволяли добиться этого, однако, к сожалению, этого не произошло. Современные исследователи творчества ученого не столько воссоздают его образ, сколько создают новый, возрождая или открывая его труды, и тем самым волей-неволей повышают степень его прижизненного признания и почитания. Как отметил А.Н. Цамутали, «далеко не все из того, над чем он начал работать, а тем более из того, что было в его замыслах, нашло воплощение в опубликованных книгах,

статьях, рецензиях»⁵. В большинстве случаев именно с замыслами и приходится иметь дело исследователям его наследия. Не стоит забывать, что даже спустя более 80 лет после смерти ученого «более двух третей созданного им за годы научной деятельности еще не издано»⁶. Наиболее полное издание первой части его важнейшей работы – «Методологии истории» было подготовлено только после смерти самого ученого А.И. Андреевым, другая ключевая работа, «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.», увидела свет лишь в 1990 г.

Подобную ситуацию можно объяснить особенностями личности ученого: любовью к кабинетному затворничеству, перфекционизмом, отсутствием должной харизмы, независимостью, стремлением к обособленности и замкнутости. На наш взгляд, к этим причинам можно добавить еще одну, не менее важную. Речь идет об аполитичности ученого, под которой мы подразумеваем не безразличное отношение к общественной жизни и политической деятельности, а его сознательную отстраненность от политики, политиканства и участия в социально-политических потрясениях, современником которых он являлся. Это был сознательный выбор человека, имеющего твердые морально-нравственные принципы и социальные убеждения.

Отсутствие интереса к политической деятельности (но не к политической жизни) отмечали многие его коллеги. В своих воспоминаниях об ученом они останавливались на этом, описывая его деятельность в Государственном совете. Так, не только его коллега, но и друг, С.Ф. Ольденбург отмечал: «А.С. не был политиком; по характеру своему человек не гибкий и прямой, он считал, что в обстановке, тогда царившей в Государственном Совете, он только даром теряет дорогое время, которое должно быть им с гораздо большей пользой употреблено на научную работу, и покинул Государственный Совет»⁷. И.М. Гревс понимал политическую деятельность Лаппо-Данилевского как определенный долг перед обществом и страной, на который ученый соглашался буквально ломая себя: «Он, однако, не терпевший политики, считал долгом отдавать дань служения родине и народу, которых он всегда любил и почитал. Скрепя сердце, он принял избрание в Государственный Совет во время Первой Думы»⁸. О том, что Лаппо-Данилевский тяготился политической деятельностью, писал и хорошо знавший его А.Е. Пресняков⁹.

Еще во времена учебы в университете он, в отличие от большинства студентов, предпочитал науку политике и не симпатизировал революционному движению. В частности, он участвовал в студенческом Научно-литературном обществе, которое, по воспоминаниям И.М. Гревса противопоставляло научную работу «карьеризму», «преждевременному политиканству и революционерству»¹⁰, проповедуя «"воздержание" от политики»¹¹. Вскоре в обществе сформировались два неформальных кружка: Ольденбургский кружок (так называемое «Приютинское братство») и Кружок русских историков. Показательно, что «оба кружка отчасти возникли как реакция на стремление политизировать Научно-литературное общество оппозиционно настроенными студентами во главе с А.И. Ульяно-

* Статья подготовлена при поддержке НИР по теме «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть», мероприятия 2 СПбГУ. Шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.98.2012.

вым»¹². На протяжении последующих лет ученый также сторонился участия в общественно-политической жизни, которая отнимала драгоценное время, нужное ему для научных изысканий.

Нам представляется, что Александр Сергеевич мог бы вполне сочувственно отнестись к определению слова «политика», приведенному в словаре В.И. Даля и гласящему, в частности, что политик – «умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель; вообще скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу»¹³. Сам Лаппо-Данилевский с юности не переносил неискренности и словоблудия. В его дневнике можно встретить запись, сделанную в ноябре 1881 г., которая может проиллюстрировать данное утверждение: «Как в глубокую осень холодно и безжизненно смотрит дерево без листьев, которые уносит и кружит бурный ветер, так и речь, которая не истекает прямо из души, которая не служит выражением душевных чувств, лишена всякой прелести и глубины»¹⁴. Разумеется, человек с подобными идеалами просто не мог чувствовать себя уверенно в атмосфере постоянных интриг, споров и слухов, характерной, в том числе, и для либеральных оппозиционных сил¹⁵, идеология которых была ему близка.

О полном неучастии Лаппо-Данилевского в политической жизни страны говорить, конечно, ни в коем случае нельзя. Наоборот, ее можно признать достаточно плодотворной и насыщенной. Помимо работы ученого в Государственном совете, в начале 1905 г. он составлял записки и доклады по различным актуальным политическим вопросам. После февраля 1917 г. Лаппо-Данилевский работал в комиссиях Временного правительства над законодательством в области охраны памятников. Вместе со своими коллегами по Академии наук он активно выступал против действий пришедших к власти большевиков. Однако показательно, что при этом Лаппо-Данилевский всегда выступал за существование науки вне политики. В частности, он деятельно поддержал идею создания Российского союза ученых учреждений и высших учебных заведений, преследующего цель защиты внепартийных, чисто научных интересов. Также он подчеркивал внепартийность своего нереализованного проекта – Института социальных наук¹⁶. Он был не против студенческих антиправительственных выступлений как способа протеста, но не допускал, чтобы они проходили в стенах университета. Лаппо-Данилевский мог после многолетней паузы написать П.Н. Милюкову письмо¹⁷, в котором спрашивал о возможности и условиях присутствия своего шурина, революционера А.В. Гизетти, на ужине, посвященном 30-летию со дня смерти А.И. Герцена, однако сам подобных мероприятий сторонился.

Но почему же эта аполитичность могла привести к уменьшению роли в научном мире, особенно если речь шла о полидисциплинарных исследованиях?

Как известно, в отечественной историографии зачастую имеет место стремление либо преувеличить, либо приуменьшить степень политической активности и радикальности взглядов того или иного ученого. Того же Лаппо-Данилевского историки советского периода обоснованно причисляли к кадетам или (совершенно необоснованно) к националистам-реакционерам, и в связи с этим давали резко негативную оценку его научному наследию¹⁸. Одновременно о кадетском прошлом В.И. Вернадского, облагодетельствованного советской властью, старались по возможности не упоминать¹⁹. То же можно сказать о меньшевизме Е.В. Тарле. При этом подобная ситуация была характерна как для советского, так и досоветского периода. Востребованность и оценка работ того или иного ученого зачастую напрямую зависели от его политических пристрастий и активности. Например, почитание И.М. Сеченова было напрямую связано с его идеями об экспериментальном, материалистическом, а не религиозно-философском пути развития психологии. Даже чисто научная полемика с ним была чревата для оппонента риском попасть под общественное осуждение, навредить своей репутации. Такая участь постигла извест-

ного физиолога, постоянно проживавшего в Швейцарии, сына А.И. Герцена, А.А. Герцена, далекого от какой бы то ни было политики. Его критика выводов И.М. Сеченова о существовании особых центров торможения имела следствием негативные оценки личности Герцена-младшего как среди современников, так и в последующей историографии дореволюционного и послереволюционного периодов²⁰. Таким образом, чисто научный спор моментально мог приобретать политическую окраску, а популярность взглядов ученого зависела, в том числе, и от его политических пристрастий.

Характерной особенностью научной среды конца XIX – начала XX в. было активное участие в политической жизни страны большого процента ее членов. Внеаучная деятельность отечественных ученых носила яркую политическую окраску. Резкий рост активности ученого сообщества стал важным фактором усиления его роли в жизни России. Это проявлялось в росте общественно-просветительской инициативы, борьбе за свое профессиональное дело, участии в политике, претензиях на выполнение неких «морально-пасторских функций» в дополнение к непосредственно научной деятельности с целью повышения своего социального авторитета²¹.

Чрезвычайно высокой была степень политизированности социологии и психологии, к которым обращались в поисках создания методологии и теории человекознания²². Как известно, развитие социологии встретило резкий отпор со стороны государства, которое не без основания усматривало в ней угрозу патриархально-традиционному обществу: отличительным признаком российской социологии начального периода развития являлась нацеленность на практическое воплощение идей, понимание социологии как средства реального преобразования общества²³. Даже к концу XIX в. действовал запрет на ввоз в Россию социологической литературы. Одновременно власти под разными предлогами не допускали социологию в учебные заведения. Эта особенность судьбы социологии в России была, с одной стороны, помехой ее нормальному развитию, а с другой, имела следствием повышенный интерес к себе. Как отмечал И.А. Голосенко, «этикетка «социология», в силу моды, приклеивалась куда попало»²⁴. Это осознавалось и современниками. Первый историк русской социологии, Н.И. Кареев, писал, что «самые слова «социология» и «социологический» все больше и больше делались с восьмидесятых годов популярными, и очень часто появлялись сборники статей, называющиеся «социологическими очерками» или этюдами, хотя название это было употреблено не совсем кстати, ввиду их настоящего содержания»²⁵.

С психологией изначально была иная ситуация – она поддерживалась государством, рассчитывавшим с ее помощью сломить влияние материализма и ослабить роль позитивизма, отрицавшего необходимость психологической науки как метода понимания²⁶. Предполагалось, что психология будет воспитывать религиозное мировоззрение в науке²⁷, и ее преподавание в университетах велось силами преподавателей богословия. С развитием объективной психологии ситуация менялась, о чем, в частности, свидетельствует вышеприведенная история с Герценом-младшим. В любом случае, тенденции развития психологии и ее органического включения в систему гуманитарных наук к концу столетия сохранялись. В 1896 г. педагог и психолог П.Ф. Каптерев отмечал, что психология привлекала все большее внимание представителей всех наук²⁸. Психология завоевывала свои научные позиции в качестве некоего интегрального поля научной деятельности. Также в определенной степени показательным является тот факт, что в это же время появляется работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.), ставшая в 1930-х гг. в силу определенной политической конъюнктуры догмой для всех отечественных психологов.

Обращаясь к этим наукам, к истории политической мысли, к истории идей Лаппо-Данилевский стремился разделить науку и политику, что, по нашему убеждению, не могло не сказаться на успешности и популярности его идей

и концепций. Не случайно его младшему современнику Л.П. Карсавину Лаппо-Данилевский виделся представителем старой, оторванной от жизни науки, маргинальным персонажем²⁹, что никак не может ассоциироваться с образом одного из главных представителей чрезвычайно популярного и востребованного обществоведения.

Обратимся, в контексте рассматриваемой нами проблемы, к его современникам, которые также претендуют на то, чтобы считаться лидерами отечественной гуманитаристики рассматриваемого периода. Здесь нельзя не назвать Н.И. Кареева, В.И. Вернадского, М.М. Ковалевского, В.М. Бехтерева, П.А. Сорокина, Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга, Е.В. Тарле. По сравнению с ними, А.С. Лаппо-Данилевский был незаметен на политическом поле. Его методологические построения отличались сложностью, что многих отталкивало от них, он не являлся «повелителем умов», не умел добиваться от власти особого расположения и материальных благ. В связи с этим позволим себе не согласиться с О.М. Медушевской, что именно вокруг Лаппо-Данилевского «сформировалось особое наддисциплинарное интеллектуальное поле, в рамках которого находили общий язык представители различных гуманитарных и негуманитарных наук»³⁰. Ученый был одним из идеологов, лидеров этого масштабного движения, но никак не его центром. И объясняется это вовсе не его научными достижениями, которые нельзя признать недостаточными, а именно венаучными факторами. Популярность его коллеги по Петербургскому университету Н.И. Кареева была выше не потому, что его работы по методологии истории были более содержательными и значимыми, а во многом благодаря их идеологической «накачке». Его методология больше соответствовала общественным запросам. Понимал эти запросы и Лаппо-Данилевский, но не желал идти у них на поводу. Этим же отчасти объясняются и его неудачи в создании центров междисциплинарных исследований. Очень символической в этом смысле представляется нам история с провалом реализации в 1918 г. проекта Института социальных наук в системе АН. Как известно, вскоре после этой неудачи

А.С. Лаппо-Данилевский скончался. 27 февраля 1919 г. память ученого почтили члены совета Археологической комиссии, сотрудником которой он являлся. И на этом же заседании более успешный организатор и администратор Н.Я. Марр объявил о возможности создания Академии археологии³¹, ставшей впоследствии одним из ведущих центров развития гуманитарного знания и междисциплинарных исследований³². К этому можно добавить и историю успешной реализации проекта младшего коллеги Лаппо-Данилевского, П.А. Сорокина, который, несмотря на свою бурную политическую деятельность и антибольшевистские взгляды, смог создать и наладить работу Социобиблиологического института³³.

Фигура П.А. Сорокина, которого за смелость и даже некоторую агрессивность мысли, а также критику более старших коллег при желании можно назвать футуристом от науки, в данном случае показательна. Для успеха важна была не какая-либо конкретная политическая позиция – правительственная или антиправительственная, радикальная или консервативная, а активная позиция в принципе. Антиправительственные настроения и пламенные речи В.М. Бехтерева или М.М. Ковалевского не помешали им сделать блестящую карьеру до революции, а антибольшевистские позиции П.А. Сорокина или Н.Я. Марра позволили им в тяжелейший период Гражданской войны организовать два мощных гуманитарных научных центра.

Таким образом, добиться широкого признания в науке было очень сложно при отсутствии должного уровня социально-политической активности, умения заявить о себе вне научного поля. При всем единстве научных устремлений Лаппо-Данилевского с представителями элиты ученого сообщества России рассматриваемого периода, именно в этом между ними была существенная разница. Если большинство его коллег делили свое общественное служение между наукой и политикой, то для А.С. Лаппо-Данилевского последняя сфера была очевидно периферийной.

¹ См.: Долгова Е.А. «Синтез всех высших и конечных результатов гуманитарных наук...»: об интеграционных тенденциях в российском обществоведении первой четверти XX века (опыт образовательных и научных центров) // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 3. С. 16–22.

² Цит. по: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 89.

³ Лучицкий И.В. Отношение истории к науке об обществе // Знание. 1875. № 1. С. 2.

⁴ Стронин А. История и метод. СПб., 1869. С. 357–358.

⁵ Цамутали А.Н. А.С. Данилевский и его наследие // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. СПб., 2003. Вып. 1. С. 9.

⁶ Погодин С.Н. Исторические работы А.С. Лаппо-Данилевского // Там же. С. 95.

⁷ Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 172.

⁸ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Там же. С. 78.

⁹ См.: Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 198.

¹⁰ Гревс И.М. Указ. соч. С. 59.

¹¹ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 19.

¹² Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 61.

¹³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2001. Т. 3. П–Р. С. 215.

¹⁴ ОР РНБ Ф. 419. Д. 1. Л. 8.

¹⁵ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 46–48, 110, 112–113, 126–128, 132–133 и др.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Об Институте социальных наук. Записка комиссии Российской Академии наук // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3(68). С. 60.

¹⁷ Трибунский П.А. Переписка А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. Vol. 3. P. 157–158.

¹⁸ Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 249–250, 252–254. Историк М.М. Цвибаку принадлежат следующие слова, сказанные в 1931 г.: «Поскребите Лаппо-Данилевского – получите Пуришкевича» [Цит. по: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский – основатель русской школы дипломатики частного акта // Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 234].

¹⁹ Гумилевский Л.И. Вернадский. [1863–1945]. М., 1961. (ЖЗЛ. Вып. 11 (325)).

²⁰ Сироткина И.Е. Герцен-отец и Герцен-сын: спор о науке и человеке // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 4. Вспомогательный публикатор VIVOS VOCO. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VIET/HERZ.HTM> (Дата обращения: 13.05.2013).

²¹ См.: Сироткина И. Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М., 2008. С. 8.

²² О социологии в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского см.: Малинов А.В., Погодин С.Н. Социология в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 4. С. 33–47. Чрезвычайно интересными являются рассуждения ученого касательно психологии, воспринимавшего ее как науку, которая более других конкретных наук способна играть роль связующего звена между всеми отраслями человекознания и имеет близкое отношение к историческим и социологическим построениям (Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006. С. 86, 97). Также одним из наиболее интересных документов

в данном контексте представляются план и материалы к лекциям по курсу «Основные принципы обществоведения», читавшегося в Петербургском университете в 1902–1903 уч. г.: Лаппо-Данилевский А.С. О теории обществоведения. План, заметки, выписки из литературы к (курсу лекций) // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп.1. Д. 323.

²³ Ермакович Ю.М. Социология в Санкт-Петербургском университете в конце XIX – начале XX века // Официальный сайт факультета социологии СПбГУ. URL: <http://www.soc.spb.ru/news/artermak.shtml> (Дата обращения: 3.03.2009). В частности, с точки зрения позитивизма русский государственный строй объявлялся лишь «стадией мирового развития государственности», и, следовательно, переходящим состоянием общества, с чем власть, по понятным причинам, не могла согласиться.

²⁴ Голосенко И.А. Социологическая литература России второй половины XIX – нач. XX века. М., 1995. С. 7.

²⁵ Цит. по: Там же. С. 7.

²⁶ Огюст Конт полагал вполне возможным обойтись без психологии. Его последователи, и в первую очередь Спенсер и Милль, придерживались иного мнения, считая, что социология есть продолжение психологии. См.: Кареев Н.И. О значении психологии для общественных наук // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1912. № 1. С. 78–89.

²⁷ Применительно к религиозно-нравственной роли психологии весьма интересно будет вспомнить героев-психологов из произведений Ф.М. Достоевского: Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» и Тихона из «Бесов».

²⁸ Каптерев П.Ф. Психология и наука об обществе // Образование. 1896. № 9. С. 56.

²⁹ Свешников А.В. Образ А.С. Лаппо-Данилевского в творчестве Л.П. Карсавина // Историческая наука и методология истории... С. 312–313.

³⁰ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 316.

³¹ Платонова Н.И. Российская академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918–1919 гг.) // Советская археология. 1989. № 4. С. 9–10.

³² Сидорчук И.В. От триумфа до гротеска: развитие идей междисциплинарного синтеза в гуманитарном знании в России первой трети XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Выпуск 7(15) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000209-8-1> (дата обращения: 15.10.2013).

³³ См.: Деятельность Социобиблиологического института за первый год его существования и преобразование его в Социологический институт. Пг., 1919.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ РАМАЗАНОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, политических и правовых учений Волжского гуманитарного института (филиал) Волгоградского государственного университета (Волгоград)

Тел.: 8 (905) 394-67-68; E-mail: ramasergej@gmail.com

В статье показано воздействие социальной ситуации в России первых лет XX в. на характер методологических поисков А.С. Лаппо-Данилевского. Выявляется обусловленность своеобразия трактовки ученым неокантианской методологии истории традициями развития российской историографии и профессионализмом отечественного методолога.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, исторические законы, ценность, оценка, историческое значение, понятие целого.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Методологические искания А.С. Лаппо-Данилевского широко разворачиваются в середине нулевых годов XX в., когда с 1905 г. он начинает систематически читать курс методологии истории. Определенным итогом таких исканий явился выход в свет в 1910–1913 гг. его двухтомного труда «Методология истории», название которого дало наименование формирующейся специальной исторической дисциплине. При этом доминирующее воздействие на эти искания оказали идеи баденской школы неокантианства.

До середины нулевых годов XX в. Лаппо-Данилевский прочно стоял на позитивистских позициях, отстаивая идею о направленности исторической науки на установление законов общественного развития. Так, в речи на защите своей магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» в 1890 г. ученый следующим образом определял предмет исторической науки: «Всеобщая история занимается изучением норм общественного развития, общих всему человечеству»¹.

А в 1902 г. в одной из своих работ историк придавал первостепенное значение общим понятиям для уяснения процесса исторического развития². В опубликованной в том же году обширной статье о социологии основоположника позитивизма О. Конта Лаппо-Данилевский отмечал, что философия французского ученого до сих пор еще не утратила своего социально-этического интереса³. По сути дела, в статье о Конте русский историк выступал не

с отрицанием самих законов истории, а только с критикой контовских утверждений о всеобщем значении и постоянстве социальных законов за их необоснованность⁴.

Можно согласиться с Н.И. Кареевым, который замечал, что Лаппо-Данилевский в своей критике Конта осуждал «не научную положительность его стремлений и инициативу основания новой положительной науки, социологии, а то, что первой он не дал прочного обоснования, а во втором приступил без обоснованных предпосылок»⁵.

Социальные потрясения в России середины первого десятилетия XX в. активизировали политическую деятельность ученого. Он становится членом Государственного Совета от Академии наук, выступает против студенческих забастовок⁶. Вместе с тем такие социальные потрясения, как представляется, оказали свое воздействие на обращение Лаппо-Данилевского к неокантианству с его постулатом о незыблемости абсолютных ценностей.

После 1905 г. меняется оценка Лаппо-Данилевским возможностей реализации обобщающей работы в исторической науке. В «Методологии истории» он уже заявляет, что «законов истории», в строгом смысле слова, никому еще не удалось установить: историкам, стремящимся к открытию их, в лучшем случае приходится довольствоваться гадательными эмпирическими обобщениями»⁷.

Лаппо-Данилевский принял неокантианское понимание предмета истории как «науки о культуре»⁸. Он также в целом разделял и неокантианскую классификацию наук. Историк писал: «По теоретико-познавательным точкам зре-

ния, целям познания, а не познавательным “предметам” или “процессам” познания стали различать науки обобщающие от наук индивидуализирующих. Таким образом, получился двойной ряд наук: одни из них строятся с номотетической (натуралистической) точки зрения, характеризующей естествознание в широком смысле, другие — с точки зрения идиографической (чисто “исторической”), такова история в широком смысле, т.е. история природы и человечества»⁹. По его мнению, номотетическое построение истории оказывается недостаточным как с теоретической, так и с практической точек зрения. С теоретической — поскольку оно произвольно ограничивает задачу исторической науки, не дает знания индивидуальных особенностей, играющих немаловажную роль в истории, и не устанавливает обоснованного критерия выбора конкретных исторических фактов; с практической — поскольку оно не может успешно выполнять воспитательную функцию, не будучи в состоянии удовлетворить наш интерес к действительности, без знания реальных условий которой человек не в состоянии поступать правильно¹⁰. А марксизм, рассматриваемый им как вариант номотетического построения, характеризовался ученым как метафизическое и противоречивое построение, отождествляющее «материю» с «духом», которое «просто перескакивает из одной области в другую», но, «в сущности, не в состоянии с чисто материалистической точки зрения установить этические предпосылки своего учения и решить поставленную проблему обновления социального строя»¹¹.

Из критического анализа номотетического построения исторического знания Лаппо-Данилевский делал заключение о «законности» идиографической точки зрения на историю¹². Он писал: «В противоположность номотетическому построению, которое все более отдаляет нас от действительности, идиографическое построение стремится возможно более приблизиться к ней: оно изучает объекты как таковые»¹³.

Таким образом, Лаппо-Данилевский проводил разграничение между целями и методами естествознания и истории. Первое, по его мнению, выбирает объекты по степени общности их содержания; история же придает значение самому объекту, поскольку он представляет особенности, ему самому свойственные, а всеобщее значение объекта в истории возрастает по мере возрастания индивидуального его характера, особенностей, отличающих его от остальных и лишаящих историка возможности заменить его другим объектом¹⁴.

По мнению Лаппо-Данилевского, историк изучает индивидуальные события. Вместе с тем Лаппо-Данилевский писал: «Действительность слишком разнородна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полноте ее индивидуальных черт»¹⁵. Следовательно, замечал ученый, историк, как и естествоиспытатель, нуждается в критерии, с помощью которого он мог бы упрощать свой материал и «выбирать из многоплановой действительности то, что имеет историческое значение». Этот критерий, с его точки зрения, должен отличаться общим значением, ибо в противном случае историческое построение, произведенное на основании такого критерия, не будет принято всеми¹⁶.

Для признания же всеобщего значения факта, по Лаппо-Данилевскому, надо признать его ценность — «то значение, которое сознание вообще приписывает данному переживанию»¹⁷. «Нельзя не заметить, — писал он, — что сознание вообще осознает такие состояния, которые сами по себе имеют для нас определяющее его значение и характеризуются моментом некоего требования, предъявляемого нашим «я» к собственному сознанию; такие “ценности” имеют для нас абсолютное значение и, смотря по характеру требования, оказываются или познавательными, или этическими, или эстетическими. В зависимости, однако, от соблюдения или нарушения подобного рода требований или общезначимых норм и их характера, мы образуем понятия, имеющие положительное или противоположное ему отрицательное значение: истину, добро, красоту или ложь, зло, безобразие; мы, конечно, легко переносим понятия подобного рода на самые объекты,

которые и получают в наших глазах соответствующее значение». «В таком случае, т.е. путем отнесения к ценности, — заключал методолог, — мы и признаем за ними положительное или отрицательное значение»¹⁸.

Таким образом, в отнесении данного факта к данной ему культурной ценности историк-ученый получает критерий для выбора из многосложной действительности: он оценивает объект путем отнесения его к культурным ценностям, как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и культурный строй и т.п.»¹⁹.

Несомненно, будучи выдающимся кропотливым исследователем и осмысливая, в отличие от немецких неокантианцев, не творчество других историков, а собственную конкретно-историческую практику, Лаппо-Данилевский не мог стать простым эпигоном теоретиков баденской школы. При этом на методологическую концепцию русского историка не могла не оказать влияния укорененная в отечественной историографии ориентация на выявление закономерного прогрессивного развития исторического процесса в России, которая была присуща и самому Лаппо-Данилевскому в позитивистский период его творчества.

Если немецкие неокантианцы элиминировали оценку из исторического исследования, то Лаппо-Данилевский фактически не отрицал и правомерности функционирования в историческом исследовании оценочных понятий, допуская в него категорию прогресса. Он утверждал, что история может получить «совершенно особое, самостоятельное по отношению к природе значение», только если будет рассматриваться как «постоянное осуществление некоего должностования», считал, что историк относит к ценности саму цель индивидуального исторического развития²⁰. «Основываясь на понятии о значении данной цели для результата, — говорил методолог, — историк судит и о степени прогрессивности или регрессивности данной эволюционной серии или ее частей, смотря по тому, реализуется ли в данном ряде фактов какая-либо <...> ценность или, напротив, она постепенно сходит на нет»²¹. Ученый отмечал при этом, что понятие прогресса образуется «не без некоторого субъективизма», но такое его замечание было направлено не столько на дискредитацию идеи прогресса в истории, сколько служило задаче предостеречь историка от «гипостазирования» цели исторического развития²².

Ход рассуждений Лаппо-Данилевского о месте категорий ценности и оценки в истории привел его к тому, что в сравнении с Риккертом он еще более субъективизирует само понятие ценности, трактуя его с субъективно-нормативных позиций. Декларируя абсолютный характер ценностей, русский мыслитель уже не заявлял о независимости их от человеческого сознания. Он говорил, что человек «почерпает» идею должного из собственного сознания и сам себе предъявляет нормы²³. Теоретик рассматривал цель как требование субъекта, а нормативную оценку как основу «наиболее ценных наших действий»²⁴.

Вместе с тем эти рассуждения привели Лаппо-Данилевского к выделению двух типов ценностного подхода в историческом исследовании — отнесению исторических фактов не только к обоснованной (или абсолютной), но и к общепризнанной ценности, — что в известной степени преодолевало антиисторизм аксиологического учения баденской школы. «Если бы историк даже располагал обоснованными ценностями, — писал методолог, — <...> он еще не мог бы достигнуть научного построения исторической деятельности <...> Историк, пользующийся обоснованными ценностями, должен, кроме того, выяснить, в какой мере они стали историческою действительностью, т.е. в какой мере они действительно признавались той общественной группой, которую он изучает». «Следовательно, — заключал ученый, — даже при обоснованности приписываемых им культурных ценностей, историк не может устранить и от отнесения изучаемых им фактов к общепризнанным ценностям: лишь с последней точки зрения он будет вправе говорить о реализации данных ценностей в действительности»²⁵.

Лаппо-Данилевский отмечал возможность совпадения отнесения к обоснованной и отнесения к общепризнанной

ценностям. Исходя из положения, что человеческое сознание способно опознавать абсолютные ценности, он допускал также случаи, когда критерий нормативной оценки у историка и изучаемой им общественной группы оказывается общим, и по характеру этого «опознавания» различал два вида такого совпадения: совпадение абсолютной и общепризнанной ценности, согласно мыслителю, может быть, с одной стороны, неосознанным, как это имело место, с его точки зрения, в случае борьбы греков с персами или объединения Германии, «в смысле процессов, нужных для сохранения и развития общечеловеческой культуры», с другой – обоснованный критерий историка может совпадать с таким же обоснованным критерием исторического деятеля, пример чего он видел в истории Гуса и Галилея²⁶. Но при этом Лаппо-Данилевский отмечал необходимость различия двух типов ценностного отношения к истории. «Отнесение к обоснованной ценности, – указывал он, – требует обоснования той произвольной ценности, в отношении которой отдельным фактам приписывается известное значение, а отнесение к общепризнанной данным обществом ценности предполагает только наличность ее признания в той самой общественной группе, которая изучается историком; общепризнанная ценность, значит, может не совпадать с обоснованной и в таком смысле признается лишь относительной»²⁷.

Постановкой вопроса о необходимости отнесения исторических фактов к общепризнанным ценностям Лаппо-Данилевский пытался связать концепцию неокантианства с немецкой «философией жизни». Со ссылкой на В. Дильтея он писал: «Итак, отнесение к общепризнанной данной общественной группе ценности сводится прежде всего к психологическому анализу тех критериев оценки, которыми данное общество действительно руководилось или руководится для того, чтобы выяснить, какой из них оказывалась общепризнанной или в большей или меньшей мере признанной <...> Словом, историк будет пользоваться найденным таким образом критерием для того, чтобы с точки зрения самого общества судить о значении фактов, его касающихся»²⁸.

Вместе с тем, стремясь преодолеть крайности субъективизма дильтеевского метода «понимания», Лаппо-Данилевский констатировал, что с отнесением к общепризнанным (относительным) ценностям «историческую работу нельзя <...> признать окончательной»²⁹. Настаивая на главенствующей роли отнесения к обоснованной ценности, он писал: «Следует заметить, однако, что историк не может ограничиться изучением одних общепризнанных ценностей <...> Без обоснования их такие ценности все же оказываются результатами субъективной оценки, только с тем различием, что она произведена целой группой, а не отдельной личностью; но коллективная оценка может быть гораздо более субъективной, чем личная: психический уровень массы часто бывает ниже среднего, особенно в области отвлеченной мысли; без обоснования их такие ценности, в сущности, становятся... психическими фактами; а для выбора из них историк все же будет нуждаться в критерии, на основании которого он мог бы признать их значение»³⁰.

При этом положение об отнесении исторических явлений к общепринятой ценности в методологических построениях Лаппо-Данилевского было связано и с фактическим признанием историком необходимости оценивать события прошлого с точки зрения внутренней логики их развития. А такое признание приводило методолога к выводу, что ценностный подход не единственный критерий выбора в истории. Он писал: «Понятие об историческом значении индивидуального нельзя, однако, ограничивать понятием о его ценности; ведь понятие об общепризнанной ценности уже находится в тесной связи с понятием о действительности индивидуального: историк интересуется вневременной ценностью в процессе ее реализации; а ценность тем полнее реализуется, чем более факт, в котором она воплотилась, имеет последствий»³¹. Значение «собственно исторического факта» в глазах историка, по его мнению, получает лишь такой факт, которому он приписывает ценность, действительность, численность и длительность его последствий³².

С точки зрения Лаппо-Данилевского, понятие о «ценности» индивидуальности и ее «историческом значении» представляет собой два разных понятия: всеобщее значение факта, говорил он, можно установить лишь на основании качественного критерия – признания всеми его важности, а историческое значение определяется с учетом количественного критерия – численности его последствий, повлиявших на развитие человечества³³. Так, личность, по мнению мыслителя, может иметь «очень большую ценность» и почти не иметь исторического значения, и напротив, не особенно сама по себе ценная личность при определенных обстоятельствах может получить сравнительно большое историческое значение; если в первом случае он ограничивался констатацией такой возможности, то применительно ко второму приводил характерный пример Робеспьера³⁴. Отечественный ученый критиковал представление немецкого неокантианства за их пренебрежение к различию между понятиями о «всеобщем значении» индивидуальности и ее «историческом значении»³⁵.

«Лишь комбинируя понятие о ценности и действительности индивидуального, – писал он, – историк получает основание признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов»³⁶.

Так, Лаппо-Данилевский в определенном смысле преодолевал абстрактный подход к прошлому немецких неокантианцев, по сути дела игнорировавших вопрос о зависимости человеческих ценностей от пространственно-временных координат истории, и продолжал отстаивать право исторической науки на исследование причинно-следственной обусловленности и взаимосвязанности исторического процесса³⁷.

Осознание же необходимости каузального анализа в историческом исследовании по существу означало признание включенности в арсенал приемов освоения историком своего объекта методов общенаучного характера. «В логическом отношении, сознательно различая номотетическую точку зрения от идиографической, – отмечал Лаппо-Данилевский, – он [историк], конечно, не должен смешивать их, но в действительности он может соединить их в своей работе»³⁸.

Однако и генерализация, и поиск причинно-следственных связей играли в теории исторического познания Лаппо-Данилевского второстепенную роль. Так, допуская в построении историка «типологические», даже «номотетические» обобщения, он утверждал, что эти обобщения не составляют цели исторической науки³⁹. По его мнению, историк обращается к общим понятиям лишь «для индивидуализирующего понимания действительности»⁴⁰. А изучение каузальных связей в истории подчинялось методологом базирующемуся на абсолютных нормах ценностному отношению к ней, поскольку именно отнесение к ценности, на его взгляд, «дает основание выбрать из многообразия действительности те факты, которые затем подлежат изучению с причинно-следственной точки зрения»⁴¹.

Категория общего заменялась в теоретических построениях Лаппо-Данилевского понятием об историческом целом, к образованию которого, с его точки зрения, собственно, и стремится идиографическое построение истории, приближаясь к пониманию конкретной действительности, а не удаляясь от нее, подобно номотетическому построению⁴². Это понятие явилось резюмирующим в концепции мыслителя.

По Лаппо-Данилевскому, понятие об историческом значении индивидуального предполагает изучение исторической связи фактов с вызвавшими их причинами или порожденными ими следствиями и служит историку не только для упрощения, но и для объединения его представлений о прошлом: образуя понятие об исторической индивидуальности в отношении ее к историческому значению, отмечал он, историк достигает «обозримости» своих представлений о ее разрозненных чертах и устанавливает «те важнейшие центральные факты, с высоты которых он может усмотреть группы и ряды второстепенных фактов и разместить их вокруг главных»⁴³. Вместе с этим, объеди-

няя представления историка о действительности, понятие об исторической связи между смежными фактами, по мнению методолога, позволяет осмыслить историю как непрерывный процесс⁴⁴. Таким образом, говорил он, историк образует понятие о целом, признавая, «что каждый отдельно взятый исторический объект входит в одно целое, вместе с другими такими же объектами, и что каждый из них тем самым определяется в своей индивидуальности как незаменимая часть целого»⁴⁵.

Лаппо-Данилевский считал, что понятие о целом как некотором единстве многообразия неразрывно связано с понятием об индивидуальном, так как своеобразное целое, по его мнению, является уже чем-то индивидуальным, а с исторической точки зрения единство такого целого существует лишь в данной индивидуальности; при этом он рассматривал целое в его отношении к своим индивидуальным частям, а не к другим целым⁴⁶. С его точки зрения, в качестве индивидуальности, как «единичное в своем роде целое», частями которого историк признает отдельные «исторические» народы, может рассматриваться все «культурное» человечество⁴⁷.

«Предельным» понятием о целом у Лаппо-Данилевского выступает понятие о «мировом целом», которое представлялось ему целостной действительностью, части которой можно, в свою очередь, называть относительными целыми⁴⁸. Историк же, по его словам, «сосредоточивает свое внимание лишь на той части мирового целого, которую мы называем человечеством, и преимущественно изучает ее в качестве относительного целого, выясняя, какое именно реальное значение каждая его часть имела или имеет в

историческом процессе его образования»⁴⁹. С точки зрения исторического целого, которым для историка будет являться история человечества, он и может, по Лаппо-Данилевскому, установить историческое значение каждого отдельно взятого факта. «Вообще, – писал методолог, рассуждая об истории человечества, – историк прежде всего характеризует его некоторым реальным единством его состава: человечество состоит из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности, что и может объединять всех; по мере объединения своего сознания человечество все более становится “великой индивидуальностью”; она стремится опознать систему абсолютных ценностей и осуществить ее в истории <...> Такое воздействие предполагает, однако, наличие цели, общей для всех по своему значению, существование общей воли и проявление объединяющей и организованной деятельности членов целого, создающих культуру человечества»⁵⁰. С такой точки зрения, по его мнению, историк и конструирует исторический процесс, в котором человечество приобретает все большее историческое значение благодаря постепенно возрастающему единству человеческого сознания⁵¹.

Учение Лаппо-Данилевского об историческом целом в известной мере коррелировалось с разделяемыми мыслителем социально-политическими идеями. В условиях возрастания революционной борьбы концепция о возрастающем единстве человеческого сознания была созвучна призывам к единению и социальному миру и направлена против марксистской теории классово-борьбы.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Речь перед магистерским диспутом по русской истории 9 мая 1890 г. // Историческое обозрение. СПб., 1890. Т. I. Отд. I. С. 284.

² См.: Лаппо-Данилевский А. Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества // Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1900/1 учебный год. Год 1-й. СПб., 1902. С. 88–90.

³ См.: Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 394–395.

⁴ См.: Там же. С. 414, 485–486.

⁵ Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 118.

⁶ См.: Романов Б.А. А.С. Лаппо-Данилевский в Университете (Две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 185.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Вып. I. С. 154–155.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II. С. 292.

⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I. С. 66.

¹⁰ См.: Там же. С. 162–165.

¹¹ См.: Там же. С. 114, 117–118.

¹² См.: Там же. С. 177.

¹³ Там же. С. 224.

¹⁴ См.: Там же. С. 235.

¹⁵ Там же. С. 233.

¹⁶ См.: Там же. С. 234.

¹⁷ См.: Там же. С. 239.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Там же. С. 169, 282.

²¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: Лекции, читанные студентам С.-Петербургского Университета в 1908/9 академическом году / Литорг. Богданова. СПб., 1909. Ч. 2. Отд. II. С. 233.

²² См.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I. С. 283.

²³ См.: Там же. С. 169.

²⁴ См.: Там же. С. 168.

²⁵ Там же. С. 245.

²⁶ См.: Там же. С. 248–249.

²⁷ Там же. С. 245.

²⁸ Там же. С. 247.

²⁹ См.: Там же. С. 244–245.

³⁰ Там же. С. 247–248.

³¹ Там же. С. 249.

³² См.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. II. С. 325.

³³ См.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I. С. 238.

³⁴ См.: Там же. С. 238, 252.

³⁵ См.: Там же. С. 288–289.

³⁶ Там же. С. 238–239.

³⁷ См. Там же. С. 254–255.

³⁸ Там же. С. 291.

³⁹ См. Там же. С. 226.

⁴⁰ Там же. С. 231.

⁴¹ См.: Там же. С. 254.

⁴² См.: Там же. С. 236–237.

⁴³ Там же. С. 237.

⁴⁴ См.: Там же. С. 275–276.

⁴⁵ См.: Там же. С. 276–277.

⁴⁶ См.: Там же. С. 277.

⁴⁷ См.: Там же. С. 279.

⁴⁸ См.: Там же. С. 277–278.

⁴⁹ См.: Там же. С. 283–284.

⁵⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. II. С. 333.

⁵¹ См.: Там же. С. 334.

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ РАТЬКОВСКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России исторического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 328-94-47; E-mail: il-67@yandex.ru

В статье анализируется деятельность А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова и Д.Б. Рязанова в организации российского архивного дела. Раскрывается влияние на этот процесс ВЧК.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, Д.Б. Рязанов, Союз российских архивных деятелей, ЧК.

ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЕБ:

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ, С.Ф. ПЛАТОНОВ И Д.Б. РЯЗАНОВ В 1918 г.

18 марта 1917 г. в Петрограде состоялось учредительное собрание Союза российских архивных деятелей (РАД). Инициаторами создания Союза РАД были А.С. Данилевский и начальник архива Морского министерства капитан второго ранга А.И. Лебедев, избранный секретарем первого собрания. На заседании была образована специальная комиссия для выработки устава организации. Также А.И. Лебедевым было высказано пожелание расширения состава Союза, учитывая неявку ряда приглашенных лиц. Среди последних лиц были академик А.С. Лаппо-Данилевский и профессор Петроградского университета С.Ф. Платонов, хотя они и выразили ранее «...горячее одобрение идее объединения ученых и специалистов во имя такой благородной идеи. Не исключено, что уже здесь проявились чисто личные неприязненные чувства, которые они питали друг к другу»¹. Об их готовности участвовать в деятельности союза указывает тот факт, что С.Ф. Платонов вошел в состав Особой комиссии для выработки устава новой организации (наряду с И.А. Блиновым, Н.В. Голицыным, А.И. Лебедевым, А.С. Николаевым).

В апреле 1917 г. были созданы руководящие органы союза. Председателем совета союза РАД стал А.С. Лаппо-Данилевский, секретарем А.И. Лебедев, казначеем А.С. Николаев, товарищем председателя Н.В. Голицын. Были избраны также восемь членов Совета, а также кандидаты в его состав. Выборы А.С. Лаппо-Данилевского определялись как его личными профессиональными качествами, так и личными связями с представителями кадетской партии во Временном правительстве – министром народного просвещения А.А. Мануловым и сменившим его С.Ф. Ольденбургом². С.Ф. Платонову, не набравшему необходимого количества голосов даже для членства в совете, было предложено стать кандидатом в члены совета, отчего Платонов с негодованием отказался. В дальнейшем, он полностью игнорировал собрания союза³. Данное решение Платонова было результатом как итогов голосования, так и уже давно сложившихся «особых отношений» с Лаппо-Данилевским⁴.

Основной задачей поставленной перед организацией было объединение архивных деятелей с целью правильной постановки архивного дела в России и сохранения архивных материалов. Для этого уже в начале деятельности союза было принято решение о статистическом обследовании архивов с последующим изданием справочников и путеводителей по их фондам. Вместе с тем это решение в 1917 г. выполнено не было, так как чрезвычайные обстоятельства, диктуемые продолжением Первой мировой

войны, ставили вопрос о самой сохранности архивов в условиях немецкого наступления. Так, одним из направлений деятельности союза стала участие в подготовке и начальном этапе эвакуации архивов из Петрограда в связи с немецкой угрозой городу. Проводившаяся в спешке, она имела своим последствием утрату большого количества документов, дробления фондов и т.д.

Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. ставил вопрос об отношении союза к послеоктябрьской действительности. Учитывая прокадетские взгляды руководства союза, неслучайным стало полное игнорирование новых властей, участие в забастовке государственных служащих. Позиция А.С. Лаппо-Данилевского была в это период еще более жесткой. Особенно активно он выразил свой протест на собраниях Академии наук. По поручению коллег он участвовал в составлении протестного постановления академии. В подготовленном тексте, зачитанном Лаппо-Данилевским коллегам, говорилось: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, Русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства». Заявление заканчивалось обещанием академии «всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую Свободная Россия возлагает на Учредительное собрание»⁵. Вскоре Лаппо-Данилевский подготовил аналогичное обращение «Воззвание ученых Петрограда».

Впрочем, следует отметить, что происходившие события часто подкрепляли его в уже сформировавшемся ранее мнении. Так, матросом Маркиным с целью доступа к министерским архивам в начале ноября 1917 г. были арестованы чиновники МИД Б.А. Татищев и В.В. Таубе. После нескольких дней ареста требуемые ключи были получены, а чиновники выпущены. Разгон Учредительного собрания, смерть в результате самосуда Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева закрепляли это отношение⁶. Характерно, что и Д.Б. Рязанов, практически единственный из большевиков, выступил против разгона Учредительного собрания⁷.

Только 28 января 1918 г. состоялось первое после Октябрьского переворота общее собрание членов союза РАД. К этому времени забастовка государственных служащих практически была прекращена, очевидным было и сохранение советской власти на определенный срок. В этих условиях главным для архивистов являлось сохранение архивных коллекций, предотвращение их гибели в условиях новой власти. С этой целью была активизирована работа по разработке законодательной базы архивного

дела. Значительную работу провели бывший директор Государственного и Петроградского Главного архивов Министерства иностранных дел кн. Н.В. Голицын и начальник архива и библиотеки Св. Синода К.Я. Здравомыслов, которые разработали первый проект Положения о Главном архивном управлении. На заседании также было принято обращение с призывом к возврату на свои рабочие места архивных работников.

Процесс становления органов управления архивным делом ускорили внешнеполитические события. 18 февраля 1918 г., после срыва брестских переговоров началось наступление немецких войск. Избежать полного поражения удалось только при помощи заключения 3 марта 1918 г. поспешного и крайне невыгодного Брестского мира. Новые границы советского государства значительно отступили на восток: угрозе немецкого захвата теперь подвергался Петроград. Эти обстоятельства вызвали вскоре переезд советского правительства в Москву. СНК предполагал также организацию переезда в Москву и крупнейших архивов. Эта задача была возложена на председателя Петроградского Совета профсоюзов Д.Б. Рязанова.

Вскоре Уполномоченный по архивам Петроградской трудовой коммуны Д.Б. Рязанов обратился к Союзу РАД с предложением о сотрудничестве в архивной работе. Данное предложение практически невозможно было игнорировать, и 27 марта состоялась встреча между Рязановым и членами союза. Попытки Лаппо-Данилевского поставить Рязанова в изначально заданную им позицию провалились. Рязанову удалось еще до встречи 27 марта 1918 г. заручиться поддержкой некоторых членов Союза, а в ходе своего выступления добиться, по крайней мере, доброжелательного нейтралитета большинства остальных. Выступая на собрании, Рязанов позиционировал себя не как комиссара, а уполномоченного по делам архивов, коллегу присутствующих. В резолюции собрания Союза 27 марта указывалось: «Выслушав гражданина Рязанова, Совет Союза постановил перейти к обсуждению вопроса о конструкции органа по управлению архивами в виде Совета». В его состав «по соглашению с Д.Б. Рязановым» было решено включить «по одному представителю от Российской академии наук, Петроградского университета, Публичной библиотеки, археографической комиссии, Дома-музея памяти борцов за свободу, Комиссариата народного просвещения и пяти членов – от совета союза РАД, персонально – академика А.С. Лаппо-Данилевского, кн. Н.В. Голицына, А.И. Лебедева, И.А. Блинова и К.Я. Здравомыслова»⁸. Отметим, что именно в марте 1918 г. Лаппо-Данилевскому удалось добиться финансирования деятельности союза со стороны Академии наук.

Первое заседание членов избранного совета произошло 2 апреля 1918 г. Помимо вышеперечисленных пяти лиц на нем присутствовали И.А. Бычков, С.А. Венгеров (от Книжной палаты), В.Г. Дружинин, С.Ф. Платонов и Д.Б. Рязанов. Председателем созданного на заседании Центрального комитета по управлению архивами (ЦКУА) был избран Д.Б. Рязанов, его заместителем стал С.Ф. Платонов, членами бюро – члены совета союза РАД Н.В. Голицын и А.И. Лебедев.

По предложению Рязанова ЦКУА 16 апреля вошел как автономная часть в состав Наркомпроса. Изменение статуса союза РАД требовало обсуждения архивистов и историков. 21 апреля 1918 г. состоялось общее собрание союза РАД, на котором Лаппо-Данилевский также предложил обсудить вопрос о своей возможной отставке. Учитывая повестку дня, на собрание пришел даже С.Ф. Платонов, очевидно рассчитывавший сменить его на посту председателя. Однако вопрос об отставке был решен отрицательно, и больше С.Ф. Платонов при жизни Лаппо-Данилевского на заседаниях РАД не появлялся⁹. «29 апреля состоялись очередные тайные выборы нового председателя, на которых Лаппо-Данилевский опять получил подавляющее большинство голосов: 31 – “за”, “против” – 7, “воздержалось” – 5. Любопытно, что именно 12 голосов (5 + 7) получила кандидатура Платонова, который и на это собрание не явился. Но Лаппо-Данилевский потерпел поражение в другом, может

быть более важным вопросе: при переизбрании новых представителей в состав ЦКУА от Союза РАД архивисты провалили его (правда, вместе с Платоновым). Зато в ЦКУА были избраны сразу четыре “платоновца” (Голицын, Здравомыслов, Блинов и Николаев), твердо стоявших за сотрудничество с Рязановым и с новой властью в целом, и только один лично преданный Лаппо-Данилевскому и его идеям член Совета Союза РАД – Лебедев»¹⁰.

Характерно, что к этому моменту Рязанов уже имел весомую поддержку среди петербургских членов Союза РАД, уже не скрывая этого в своих разговорах. В майской беседе с Ю.В. Готье Рязанов «с покровительством говорил о русских профессорах; с ученым видом знатока говорил об архивном деле, в котором на самом деле не пошел дальше старого доброго Самоквасова, снисходительно улыбался, говоря о слишком ярких приспособителях из нашей среды, которые особенно охотно “надевают защитные цвета”, причем имел в виду, по-видимому, кое-кого из петроградцев»¹¹. Очевидно, речь шла о С.Ф. Платонове, Н.В. Голицыне и ряде других известных деятелях.

Впрочем, в отличие от Готье, дававшего Рязанову неслучайную характеристику, другой известный архивист А.Ф. Изюмов в эмиграции вспоминал, что «Рязанов представлял среди большевиков редкий тип широко образованного человека, считающегося с мнением других», что «он сумел привлечь к архивному делу почти все научные силы Петербурга и Москвы, а главное, дал возможность для спокойной деловой работы. После много раз упрекали Рязанова за то, что в своем учреждении он давал приют антисоветским элементам», однако «ни разу аппарат Главного управления архивным делом при Рязанове не был использован для посторонних архивному ведомству целей»¹². Также положительные отзывы о Д.Б. Рязанове и его деятельности оставили Е.В. Тарле и С.Ф. Платонов¹³.

27–28 мая 1918 г. состоялось расширенное совещание Комиссии по выработке проекта организации Центрального управления архивами, на котором выступил Д.Б. Рязанов. Рязанов подчеркивал преемственность проекта с замыслами Н.В. Качалова и Д.Я. Самоквасова и необходимость немедленного осуществления реформы архивного дела. Речь шла о реформировании управления государственными архивами с целью их сохранения доступности для исследователей.

Декрет СНК 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» исходил из идеи централизации архивов. Архивы всех правительственных учреждений, ранее носившие самостоятельный характер, ликвидировались как ведомственные, образовывая Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Руководство ЕГАФ возлагалось на Главное управление архивным делом (ГУАД), структурное подразделение Наркомпроса. В этих условиях необходимость существования ЦКУА отпадала, и 8 июня он прекратил свое существование.

Впрочем, данные изменения в структуре госорганов практически не коснулись кадрового состава «рязановского ЦКУА». Сам Д.Б. Рязанов возглавил ЕГАФ, находившийся в Москве, С.Ф. Платонов – петроградское отделение ЕГАФ, Н.В. Голицын – 3-е отделение I секции, а А.И. Лебедев стал управляющим 2-м Петроградским отделением III секции ЕГАФ и т.д.

Вместе с тем следует отметить, что на положение архивистов напрямую влияли политические события 1918 г. Парадоксом августовских дней было совмещение различных событий: 30 августа – убийство Урицкого, а 31 августа открытие Петроградских архивных курсов С.Ф. Платоновым. В своей вступительной речи он отметил: «Общий процесс разрушения, в котором не намечается еще процесс созидания, как это ни странно, животворящим образом отразился на архивном деле <...> Необходимость охранить беспризорные архивные документы, необходимость внести порядок в наши архивы, – сплотила архивных деятелей и историков вокруг этой задачи»¹⁴. Действительно, для архивов это время (до 1920 г.) было особенным: плодотворным в отношении работы и трагичным в отношении личных судеб.

«Яркий след» в биографиях архивистов оставил красный террор. 30 августа в Петрограде был убит председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. Как вспоминал сын Н.В. Голицына, «убийство произошло в подъезде министерства иностранных дел. Кабинет отца находился во втором этаже в непосредственной близости от лестничной площадки, и отец слышал выстрел и вышел из кабинета, чтобы узнать в чем дело. Несмотря на то, что пытавшийся спастись бегством убийца был схвачен вскорости где-то на Миллионной, были арестованы почти все, кто находился поблизости от места происшествия. Арестовали и отца, и работавшего вместе с ним Юрия Александровича Нелидова, отца моего друга Ивана.

В первый год после свержения монархии и установления нового порядка, аресты еще не затронули наше ближайшее окружение, не стали еще явлением заурядным и привычным. Однако, прождав отца напрасно до позднего вечера, мы с матерью правильно оценили случившееся, и я наутро побежал к Нелидовым – они жили в пяти минутах от нас, где узнал, что Юрий Александрович тоже домой со службы не воротился. Никаких сомнений не оставалось, и мы с Иваном, наскоро собрав какую-то еду и самые необходимые вещи, отправились на поиски своих отцов. Искать, естественно, надо было по тюрьмам. Начали с Петропавловской крепости, которая в то время не была еще музеем. Потеряв довольно много времени на то, чтобы получить справку, что отцов наших в крепости нет, мы с тем же результатом повторили всю процедуру на Шпалерной, где был дом предварительного заключения. По чьему-то благоразумному совету мы отправились на Гороховую в главную инстанцию (Гороховая для Петрограда то же самое, что Лубянка для Москвы). Адрес оказался правильным – мы получили справку, что наши отцы находятся в Дерябинских казармах в самом конце Большого проспекта Васильевского острова. Туда мы на протяжении месяца и возили передачи по два раза неделю. Через месяц все кончилось – узники были отпущены. Случись подобное не в 1918-м, а в 30-е годы, сомнительно, что финал был бы столь же благополучным. После того, как «Гороховая» установила непричастность отца к убийству Урицкого, он продолжал работать, но уже не в архиве. Больше он никогда не возвращался к своему любимому архивному делу»¹⁵. Комментируя эти воспоминания, уточним, что, несмотря на арест, Н.В. Голицын все же продолжал в течение года работать в архивной системе, например выступая в качестве заведующего отделом еще 28 марта 1919 г.

В освобождении Н.В. Голицына сыграло положительную роль ходатайство Д.Б. Рязанова. В двадцатых числах сентября он приехал в Петроград и пытался освободить своих знакомых, как архивистов, так и меньшевиков, и в целом арестованных. Четко проявилось это и на заседании Петросовета 24 сентября 1918 г. при обсуждении плана подготовки празднования годовщины Октября. Приехавшим из Москвы Д.Б. Рязановым было внесено предложение об организации специальной комиссии при Петросовете по рассмотрению дел арестованных органами ЧК, как это сделано в Москве. Также он предложил изменить меру наказания к арестованным ЧК представителям про-

летариата и беднейшего крестьянства. Несомненно, на взглядах Д.Б. Рязанова сказались его собственный опыт борьбы за жизни заключенных рабочих-меньшевиков в период красного террора в Москве. В первой половине сентября 1918 г. он дежурил ряд ночей в помещении тюрьмы ВЧК, где содержались арестованные по делам рабочих конференций, чтобы не допустить увоза их на расстрел¹⁶. В начале сентября он привозил в московскую тюрьму к своему другу меньшевику Абрамовичу его жену, чтобы они могли попрощаться перед расстрелом, который лишь позднее был отменен чекистами¹⁷. В Москве к середине сентября 1918 г., усиливая умеренного крыла партии большевиков, удалось произвести частичный пересмотр дел арестованных и начать подготовку амнистии, прежде всего в отношении представителей рабоче-крестьянских слоев населения. Известия, полученные Рязановым в Петрограде от его жены А.Л. Рязановой (секретарь Петроградского Союза профсоюзов), показывали совершенно иную ситуацию¹⁸.

Несмотря на то что речь Рязанова закончилась под аплодисменты собравшейся аудитории, Зиновьеву быстро удалось изменить настроение членов Петросовета. Выступление Зиновьева апеллировало к опыту прошедших революций, классиков марксизма и в целом к внутренней политике Советской республики. «Революция есть кровь, огонь, есть железо, и хорошо, что настала эта эпоха. Да здравствует красный террор!» – закончил под бурные аплодисменты Зиновьев свою речь. Попытки Рязанова вновь изменить настроение аудитории были сорваны протестующими критиками. Не получив ни одного голоса в поддержку, предложение Рязанова не прошло¹⁹. Газетный отчет Петросовета о собрании проходил под красноречивым подзаголовком «Сердобольное» выступление Рязанова и отповедь тов. Зиновьева»²⁰.

Вступался за арестованных коллег и А.С. Лаппо-Данилевский. В 1918 г., пытаясь освободить арестованного ЧК великого князя Николая Михайловича, он обращался в СНК от имени академии с просьбой об освобождении «одного из ее почетных членов», «давно известного своими плодотворными трудами на пользу русской науки»²¹.

Сказались внутривластные события 1918 г. и на судьбах архивов, прежде всего частных. Как правило, при аресте или непосредственно после ареста все личные документы арестованного, в том числе личные архивы, изымались петроградской ЧК с целью поиска изобличающих вину сведений. После ознакомления эти материалы попадали на хранение, а впоследствии утилизировались. Таким образом, личные архивы оказались сначала недоступны, а затем уничтожены. Ярким примером подобных событий являлась судьба личного архива М.М. Веселкина, арестованного, а затем и расстрелянного по делу доктора Ковалевского²². Практически весь он был уничтожен²³.

К сожалению, пересечение судеб в этот период часто происходило при печальных событиях. В 1918 г. все трое героев этой статьи внесли свой вклад в развитие архивного дела. Возможно, позднее эта работа все-таки сплотила бы их, но судьба распорядилась иначе, в начале 1919 г. Лаппо-Данилевский умер.

¹ Хорхордина Т. История и архивы. М., 1994. С. 19.

² Не являясь официально членом кадетской партии А.С. Лаппо-Данилевский, по своим взглядам был близок к их политической программе.

³ Хорхордина Т. Указ. соч. С. 20–21.

⁴ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сборник научных работ. СПб., 1999. С. 128–165.

⁵ Цит. по: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 200.

⁶ А.С. Лаппо-Данилевский был членом комиссии по выработке избирательного закона в Учредительное собрание, во главе которой состоял кадет Ф.Ф. Коккошкин.

⁷ О «внефракционной» деятельности Д.Б. Рязанова см.: Рокитянский Я.Г., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биографический очерк. Документы. М., 1996. Рокитянский Я.Г. Гуманист октябрьской эпохи. Академик Д.Б. Рязанов. М.2009.

⁸ Цит. по: Хорхордина Т. Указ. соч. С. 49.

⁹ Там же. С. 20–21.

¹⁰ Там же. С. 54–55.

¹¹ Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 158.

¹² Цит. по: *Седельников В.* ЧК и Архивы: два эпизода из истории архивного дела в первые годы советской власти // *Звенья*. М., 1991. Вып. 1. С. 453.

¹³ Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 221; Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. М., 2003. Т. I. С. 235.

¹⁴ Цит. по: *Седельников В.* Указ. соч. С. 451.

¹⁵ *Голицын К.Н.* Записки князя Кирилла Николаевича Голицыны. М., 1997. С. 101–102.

¹⁶ *Меньшевики после Октябрьской революции.* Сборник статей и воспоминаний. Chaliidze Publications, 1990. С. 63.

¹⁷ *Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999. С. 33.

¹⁸ *Питерские рабочие и «диктатура пролетариата».* Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 173–174.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 3–9.

²⁰ Красная газета. Веч. вып. Пг., 1918. 25 сентября.

²¹ *Измозик В.С., Павлов В.Б.* Великий князь Николай Михайлович // *Из глубины времен* (СПб.). 1994. Вып. 3. С. 128–131; *Цамутали А.Н.* Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // *Историки России. XVIII – начало XX века*. С. 508–509; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 200–201.

²² *Ратьковский И.С.* Петроградская ЧК и организация доктора В.П. Ковалевского в 1918 г. // *Новейшая история России*. 2012. № 1. С. 100–115.

²³ *Седельников В.* Указ. соч. С. 451–463.

ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ ТИХОНОВ

доктор исторических наук, доцент, заведующий Музеем истории СПбГУ, доцент кафедры археологии исторического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 328-96-83; E-mail: iltikhonov@mail.ru

Статья посвящена анализу научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии и обоснованию им тезиса о специфике вещественных источников.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, археология, лекции, вещественные источники.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И АРХЕОЛОГИЯ*

Имя и труды Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) как одного из крупнейших представителей Петербургской исторической школы конца XIX – начала XX в. хорошо известны в отечественной исторической науке. Между тем, за исключением небольшой статьи А.И. Маркевича¹ и нескольких упоминаний И.М. Гревса² о значительном внимании Лаппо-Данилевского к археологии, которое обуславливалась его постоянным интересом к первобытной культуре, в историографической литературе почти нет сведений о работах А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии. В изданиях, посвященных биографии и научному творчеству ученого, об этом упоминается вскользь, и в лучшем случае речь идет о двух крупных монографических публикациях, написанных еще в ранние годы³. В литературе по истории отечественной археологии в последнее время появилась информация об этой сфере научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского, но эти издания практически не известны историкам⁴.

А.С. Лаппо-Данилевский родился в богатой дворянской семье, его отец занимал пост вице-губернатора Таврической губернии, т.е. детство будущего ученого прошло на чрезвычайно насыщенном разнообразными археологическими памятниками полуострове Крым. Руины Херсонеса, пещерные города и храмы, степные курганы – безмолвные свидетели глубокой древности не могли не заинтересовать будущего историка. В 1882 г. он, закончив с отличием Симферопольскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, причем, как указывалось в биографии будущего академика, интерес к первобытной культуре и античному миру, возникший под влиянием окружавшей его среды и работ Тейлора, Спенсера, Грота, появился у него еще со школьной скамьи⁵.

В студенческие годы Лаппо-Данилевский сочетал занятия русской историей XVII в. у профессора К.Н. Бестужева-Рюмина с изучением античной истории и культуры, которую в

то время преподавали Ф.Ф.Соколов, И.В. Помяловский. Среди студенческих работ Лаппо-Данилевского было несколько сочинений по антиковедению, в том числе о поэме Лукреция Кара и о скифах⁶. Материал последней темы вошел в одну из первых крупных работ ученого «Скифские древности», опубликованную отдельным изданием в 1887 г. (т.е. всего через год после окончания автором университета!)

Обращение молодого историка к этой теме было отнюдь не случайным. К 1880-м гг. в качестве особого раздела классической археологии вполне оформилась скифская археология. Начиная с 1830-х гг., сначала в погоне за скифским золотом для Императорского Эрмитажа, а затем и с более серьезными научными целями в России велись интенсивные раскопки курганов, обогатившие науку такими хрестоматийно известными памятниками, как Чертомлык, Большая Близица, Хохлач, Александропольский курган, Семибратные и Нимфейские курганы и многие другие. В 1872 г. вышли «Древности Геродотовой Скифии», подготовленные И.Е. Забелиным. Это издание обобщало результаты предшествующих раскопок. Русские историки неоднократно обращались к анализу письменных свидетельств древних авторов о скифах. Но историческую науку уже не могли удовлетворить простые описания жизни, быта, обычаев скифов. На повестку дня вставал вопрос о социальной структуре, социально-экономических отношениях скифов. Эти-то задачи и поставил перед собой А.С.Лаппо-Данилевский, а для их решения ему пришлось обратиться к самому широкому кругу источников: литературных, лингвистических, этнографических и особенно археологических. Как отмечал рецензент, монография стала «первой систематической попыткой воспользоваться известными доселе результатами раскопок для всестороннего восстановления скифской старины»⁷.

Позднее справедливо отмечалось, что эта книга имела в некоторой степени компилятивный характер, что было вполне приемлемо для работы, написанной студентом. «Скифские древности», ставшие первой научной публикацией начинающего исследователя-историка, интересны прежде всего тем, что соединили в себе анализ письменных и археологических источников. Работа состояла из трех глав, посвященных географическим известиям

* Статья подготовлена при поддержке НИР по теме: «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть», мероприятия 2 СПбГУ. Шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.98.2012.

о Скифии, быту и общественным отношениям скифов, некоторые ее части (например, об украшениях и вооружении скифов) были построены исключительно на анализе археологического материала. Описывая погребальный обряд, торговлю, хозяйство скифских племен, автор соотнес известия Геродота и других античных авторов с результатами раскопок курганов в Северном Причерноморье, используя их для взаимного сопоставления. Для обоснования своего тезиса о культурных и этнических различиях между населением Западной и Восточной Скифии он прибегал к антропологическим наблюдениям, а касаясь вопроса торговых связей скифских племен, сопоставлял причерноморские материалы с уральскими и алтайскими⁸. Говоря о жилищах скифов, Лаппо-Данилевский справедливо писал, что, хотя письменные свидетельства указывают на наличие оседлых жилищ у западных скифов, «предположение это может сделаться вполне достоверным лишь при проверке археологическими данными, которых пока нет; для этого нужно было бы, прежде всего, раскопками точнее определить значение кольцеобразных насыпей, называемых майданами»⁹. Лаппо-Данилевский понимал, что не все эти насыпи единовременны, и предполагал, что некоторые из них являются городищами, или укреплениями западноскифского населения. Таким образом, он одним из первых русских исследователей указал на важность археологического исследования скифских городищ, которое началось только через несколько десятилетий. Из поля зрения исследователя не выпал и такой «невзрачный» (по понятиям тех лет) массовый археологический материал, как простая, неорнаментированная глиняная посуда, которую он подробно описал и сделал замечания о различиях в керамике Западной и Восточной Скифии. В итоге Лаппо-Данилевский попытался дать классификацию скифских погребений и разделить их на несколько разрядов, правда, здесь он допустил серьезные ошибки, смешивая хронологические и социальные различия и причисляя к древнескифским погребения бронзового века с «окрашенными костяками» и медными вещами. На последнее обстоятельство указывал рецензент, также критикуя автора за неточность определения района распространения скифских курганов и самого понятия «скифские древности» (шла ли речь об этнографическом термине или сугубо археологическом). Не убедили харьковского профессора Ф.Г. Мищенко и доводы в пользу разделения скифов на восточных и западных (что впоследствии подтвердилось), но тем не менее он признавал, что «там, где автор не мудрствуя описывает предметы скифских курганов, его этюд весьма поучителен»¹⁰.

Интересно заметить, что по прошествии многих лет после выхода «Скифских древностей» этот труд довольно высоко оценивали советские археологи-марксисты¹¹, которым, видимо, импонировала социально-экономическая направленность работы, хотя сам автор скептически относился к марксизму.

Использование археологических источников в исторических реконструкциях, в полной мере проявившееся в первой крупной работе ученого, посвященной древней истории, отразилось и в его преподавательской деятельности. В 1886 г. А.С. Лаппо-Данилевский, закончив университетский курс, был оставлен при кафедре К.Н. Бестужева-Рюмина для приготовления к профессорской деятельности и в 1890 г. защитил магистерскую диссертацию, посвященную налоговой системе Московского государства XVII в., за которую был удостоен Академией наук премии имени графа С.С. Уварова.

В 1890 г. в качестве приват-доцента (надо заметить, что вплоть до 1917 г. Лаппо-Данилевский, уже будучи академиком, оставался в университете только приват-доцентом, так как он не удостоился написать докторской диссертации, а в русских университетах существовало правило, по которому лица, не имеющие докторской степени, не могли занимать профессорскую кафедру) начал читать лекции в С.-Петербургском университете и Историко-филологическом институте, программа преподавания в котором мало отличалась от университетской. В Санкт-

Петербургском филиале Архива РАН сохранились конспекты его лекций по русской истории за 1890–1893 гг.¹²

В разделе, посвященном источниковедению русской истории, А.С. Лаппо-Данилевский называет три вида источников: 1) памятники языка, 2) памятники народной словесности и письменности, 3) вещественные памятники, подчеркивая, что последние особо важны для историка и стоят к нему ближе памятников языка. Включением в источниковедческую базу исторической науки археологических источников Лаппо-Данилевский продолжил традицию лекционных курсов К.Н. Бестужева-Рюмина, но, в отличие от своего учителя, Лаппо-Данилевский четко ограничивал сферу археологии исследованием только вещественных памятников, так как она (археология) пользуется другими источниками лишь на столько, поскольку они объясняют сами вещественные памятники, которые, по мнению автора, являются объективированными формами какой-либо из сторон развития народа: духовного, хозяйственного или даже правового. Например: изваяние божества – объективированная форма духовного развития; орудие для охоты или земледелия – развития хозяйственного; монеты – развития правового.

Таким образом, археология представлялась Лаппо-Данилевскому как наука, занимающаяся изучением объективированных форм всех трех видов развития известного народа. Продолжая, лектор знакомил студентов с приемами и методами археологии, подчеркивая, что, главным образом, добывание и собирание вещественных памятников происходит за счет раскопок могил, курганов, поселений с особыми, выработанными наукой приемами. «При этом должно быть сделано географическое, геологическое, палеонтологическое и археологическое определение места, где был найден памятник. Прежде всего археолог должен дать точное географическое определение места раскопок; с этой целью составляются особые археологические карты, геологическое определение есть определение того пласта земли, в котором найден памятник. Палеонтологическое определение – это указание флоры и фауны, среди которой найден предмет. Археологическое определение по большей части сводится к означению места, которое занимает найденный предмет среди других памятников. Есть два способа классификации: 1) расположение предметов по систематическому преемству форм однородных памятников; следуя такому принципу, сначала кладут простые формы, затем более сложные, обработанные и т.д. 2) топографическая группировка синхронных памятников <...> Желательно при расположении совмещать и тот и другой способ. Первый удобен при изучении отдельных сторон человеческого развития, второй – для уяснения их взаимодействия. Кроме классификации необходима критика источников. Археолог должен вполне изучить древние обряды и обычаи той страны, где он делает раскопки, и обратить внимание, насколько изученный памятник соответствует по своему содержанию результатам подобного рода изучения»¹³. Далее Лаппо-Данилевский указывал на необходимость изучения техники изготовления предметов, материала и способа обработки. Таким образом, в своих лекционных курсах Лаппо-Данилевский, значительно опережая свое время, точно сформулировал четыре основных и по сей день метода археологических исследований (типологический, картографический, сравнительно-этнографический и технологический).

В историографическом разделе курса сообщались довольно подробные сведения об истории археологических раскопок в России XVIII–XIX вв., о деятельности отдельных ученых, археологических обществ, музеев, Императорской Археологической комиссии, приводилась библиография по отдельным разделам археологии¹⁴.

В том же 1890 г. А.С.Лаппо-Данилевский приступил к чтению лекций в Санкт-Петербургском археологическом институте. Его курс, многие материалы которого чуть позднее вошли в университетские лекции, назывался «Археология Западно-Европейской равнины (древнейший период)». Курс состоял из пяти разделов: 1) Введение.

Области и методы археологического изучения; 2) История раскопок, музеев, собраний; 3) Каменный век; 4) Бронзовый и железный век. Скифская культура; 5) Бронзовый и железный век. Финская культура; и начинался с обзора точек зрения на предмет археологии в отечественной науке. Выделяя «классическую» (Стемпковский, Стефани, Кене, Ашик и др.) и «национальную», ярче всего представленную Сахаровым, Лаппо-Данилевский вступил с ними в полемику. Так, ограничение Сахаровым русской археологии периодом в семь – восемь веков исключало изучение дохристианских славяно-русских древностей, а в качественном отношении область археологии оказывалась слишком широка, поскольку вторгалась в пределы исторической науки. Не удовлетворяли Лаппо-Данилевского и определения И.Е. Забелина, так как «слишком узка была область археологии, в каждом вещественном памятнике, кроме личной, есть сторона рядовая, и чем древнее памятник, тем меньше в нем личного творчества (например, каменные орудия), изучая одно личное творчество придется обращать главным образом внимание на художественную сторону памятников, и это будет шаг назад»¹⁵.

Точка зрения А.С. Уварова, определяющего археологию как науку о древнем быте, представлялась Лаппо-Данилевскому также недостаточной, и он справедливо отмечал, что под такое определение подойдет история религии, хозяйства, права и всей цивилизации вообще; и указывал на противоречия в самих взглядах Уварова, который, являясь одним из самых известных русских археологов, тем не менее не выделял вещественные источники в отдельную категорию.

Заслуживают внимания попытки Лаппо-Данилевского дать общенаучные предпосылки в духе философии позитивизма и культурного эволюционизма положению археологии среди других наук. Исходя из этого он считал, что и в неорганической сфере знания наука стремится открыть закон, определяющий постоянное соотношение причины к следствию, а в надорганической сфере (речь идет о человеческом бытии) – закон, определяющий норму изменений в причинах явления и соответствующих изменений в следствии. В итоге этих размышлений отводилось место археологии в сфере гуманитарных наук, изучающих общественные явления, но различающихся по характеру источников¹⁶. Позднее Лаппо-Данилевский более определенно относил археологию к разряду вспомогательных исторических дисциплин, подчеркивая ее источниковедческий характер.

С 1899 г. А.С. Лаппо-Данилевский стал членом Русского Археологического общества, а в 1890–1896 гг. выполнял обязанности секретаря Отделения славяно-русской археологии РАО. Археологическую проблематику он вносил и в деятельность Исторического общества при Петербургском университете, возникшего в 1889 г., членом-учредителем и одним из руководителей которого сам являлся. По его инициативе Г.В. Вернадский (будущий известный историк, профессор Йельского университета в США) сделал в заседании общества доклад об известной археологической инструкции Г.Ф. Миллера начала 1740-х гг.¹⁷ Сам А.С. Лаппо-Данилевский на годовом собрании общества прочитал реферат о делении первобытной культуры на периоды, в котором рассмотрел все попытки такого деления, начиная с Лукреция Кара. Принимая археологическую периодизацию трех веков К.Ю. Томсена, он сделал ряд оговорок о размытости границ между этими периодами и длительном употреблении каменных орудий уже в эпоху металла. (Эти замечания были актуальны в связи с тем, что некоторыми авторами того времени система трех веков понималась буквально и, например, все каменные орудия относились к каменному веку.) В итоге автор доклада приходил к выводу, что эта периодизация имеет лишь относительно-хронологическое и культурное значение и ею «определяется степень развития человечества, но не со всех сторон, а главным образом в техническом отношении, ибо тот или иной характер материала и способа его обработки едва ли можно считать достаточно полным показателем всестороннего развития данной социальной

группы»¹⁸. Эта позиция, которую ученый постоянно пропагандировал в других своих работах и лекциях, объективно была направлена против некоторых издержек зарождавшегося в европейской науке миграционизма, который автоматически относил носителей культуры металлов на более высокую ступень социального развития по сравнению с изготовителями каменных орудий или племена с железными орудиями по отношению к обществу, знавшим только бронзу.

С такой же осторожностью Лаппо-Данилевский относился и к теории заимствований, замечая, что «сходство в проявлениях быта народов может быть результатом и не заимствований, а сходного, хотя и самостоятельного, их развития, притом в самом заимствовании следует различать известные степени»¹⁹.

Существенно отметить, что при обсуждении своего доклада он употреблял понятие «медный век», (как период, предшествующий бронзе), почерпнутое из новейшей европейской литературы (работа М. Бертола вышла только в 1889 г.). В дальнейшем в своих лекциях он прямо указывал, что каменные орудия у индоевропейцев сменяются медными, а не бронзовыми, причем первые изделия из меди изготавливались ковкой и только позднее начинается литье металла²⁰.

С 1891 г. по поручению Археологической комиссии (в 1892 г. он становится ее членом) А.С. Лаппо-Данилевский приступил к подготовке публикации материалов из раскопок кургана Карагодеуаш на Кубани. Начинаясь эта работа с тщательного сбора сведений об археологических раскопках и материалов по памятникам Кавказа в целом. В 1894 г. Археологическая комиссия издает труд А.С. Лаппо-Данилевского в 13-м выпуске серии «Материалы по археологии России» (МАР). Эта книга вошла в золотой фонд русской дореволюционной археологической литературы, С.А. Жебелев и М.И. Ростовцев называли ее образцовой публикацией курганных находок²¹. Широко используя типологический и сравнительный методы, по мнению коллег – профессиональных археологов, автор достигал блестящих результатов, «не имея в распоряжении ни одной даты и ни одной надписи, только на основании типа вещей и стиля греческих предметов, относит их к IV–III вв. до Р.Х. и определяет народность, насыпавшую этот курган»²².

Немалые трудности Лаппо-Данилевскому создавало то обстоятельство, что он непосредственно не участвовал в раскопках и был вынужден довольствоваться лишь посланными в Петербург вещами, дневниками и рисунками Е.Д. Фелицина, проведшего раскопки этого памятника в 1888 г. В связи с этим Лаппо-Данилевский указывал на недостаточность описаний Фелицина, так, например, не были сделаны точные планы расположения отдельных вещей в разных помещениях гробницы, даже не известно, раскопан ли был курган до материка. Вследствие этого, считал ученый, скудность описаний самого кургана в процессе раскопок никак не может быть восполнена богатством и разнообразием вещей, присланных в Комиссию. «Вывранные из среды, в которой они находились и которую за недостатком данных нет возможности восстановить с желательной полнотой, эти вещи дают нам менее материала чем можно было ожидать для бытовой истории края»²³. Таким образом, Лаппо-Данилевский прямо указывал на необходимость изучения древних вещей в контексте их нахождения «in situ» и во взаимосвязи с устройством погребального сооружения и всей насыпи кургана. Это была весьма прогрессивная точка зрения, так как многие его современники-археологи ограничивались изучением только самих вещей (наиболее яркий пример – работы Н.П. Кондакова).

Как строгий и взыскательный критик, не терпевший дилетантизма в науке, требуя всегда строго научного подхода к любым проблемам, проявил себя А.С. Лаппо-Данилевский и в качестве рецензента. В конце XIX в. в русской печати стало появляться немало книг по археологии, многие из которых были написаны «археологами-любителями» и имели более популярный характер, чем научный. Лаппо-Данилевский опубликовал ряд рецензий

на подобные издания. Разбирая две книги О. Вильчинского, являвшиеся довольно слабыми компиляциями из западноевропейских трудов по каменному веку, он сурово критиковал автора за неполное знание основной литературы по этим проблемам, за сомнительные выводы о человеческом происхождении золитов и прародине человека в Европе, за незнание других периодизаций каменного века, кроме далеко не общепризнанной системы П. Брока, и многие другие ошибки, вызванные некомпетентностью автора²⁴.

В рецензии на работу И.П. Кузнецова о могилах Минусинского округа Лаппо-Данилевский высказывал недоумение по поводу того, что автор описывал главным образом внешние признаки курганов и даже не пытался решить вопрос о каменных изваяниях на курганах. Сам Лаппо-Данилевский на основании этнографических наблюдений у некоторых сибирских народов (например, торгоутов) полагал, что они являются изображением покойного²⁵.

Серьезной критике подвергался труд А.Я. Семеновского о белорусских древностях. Отмечая неточности в описаниях, плохие рисунки, отсутствие библиографического указателя со ссылками и карт, без которых сведения теряют половину своего значения, рецензент отвергал и саму классификацию материала, полагая, что «в таких работах удобнее располагать главы в хронологическом порядке, начиная с более древних, а в пределах каждой главы соблюдать порядок топографический. Автор, однако, сперва описывает памятники бронзового века, затем каменного, и наоборот, по годам сообщает находки вне курганов и насыпей, которые гораздо удобнее было бы разместить топографически». Полное недоумение рецензента вызывал и тот факт, что описанные курганы автор почему-то считал древнейшими памятниками, а некоторые городища относил к каменному веку, ничем не подтверждая своих выводов²⁶.

Очень обстоятельную рецензию Лаппо-Данилевский дал на «Публичные лекции по археологии России» киевского историка и археолога Д. Эварницкого, подчеркивая, что работы популярного характера, рассчитанные на непрофессионального читателя, должны особо содержать только достоверные факты и заключения, а Эварницкий, например, с невероятной легкостью делает этническое определение древних погребений, не утруждаясь доказательствами, или дает фантастическую хронологию, по которой каменный век доходит до V н.э., а бронзовый начинается за 7 тысяч лет до Р.Х. Там же, где приводились четыре существующие в то время в европейской науке периодизации каменного века, автор не оговаривает, что они строятся на разных принципах и различном материале (собственно археологическом, палеонтологическом, геологическом), и тем самым вносит путаницу в головы читателей. Сам Лаппо-Данилевский разделял мнение Г. де Мортилье об «археологическом» или культурном характере палеолита, в силу чего его продолжительность могла и не совпадать с хронологическими пределами естественнонаучных периодизаций.

Касаясь описания раскопок, ученый требовал научной четкости и определенности терминологии, указывая на неудачность использования термина «слой» для курганов и приводя некоторые образцы «научного языка» Эварницкого: «...две лошадиные головы, одна глазами на восток, другая на запад, обе положены на кости собственных ног» или «скелет был положен лицом вверх с открытым ртом, по направлению от запада к востоку, с руками по-над боками»²⁷. При этом интересно заметить, что сам Лаппо-Данилевский самостоятельных раскопок никогда не проводил, но постоянно следил за зарубежной и отечественной литературой по методике полевой археологии, и в его лекционных курсах был специальный раздел, посвященный правилам ведения раскопок и фиксации найденного материала. А постоянное внимание к исследованию по каменному веку обуславливалось его общим интересом к древнейшей истории человечества и созданием курса лекций по первобытной культуре в 1890-е гг.²⁸ Этот весьма объемный курс (410 стр.) подробно излагал периодизацию

палеолита Г. де Мортилье, содержал массу сведений о технике изготовления каменных орудий и на основе работ Л. Моргана, Э. Тейлора, Ф. Энгельса, М.М. Ковалевского давал общую картину развития первобытной культуры.

Многочисленный археологический материал содержался в курсе лекций «История России IX–XVIII вв.», читаемого в университете в 1897–1904 гг.²⁹ Несмотря на название, лектор открывал его большим разделом (более 350 стр.) «Восточно-Европейская равнина в естественноисторическом отношении», построенном на археологическом и этнографическом материале, начиная с каменного века, и используя почти всю новейшую европейскую и русскую литературу по первобытной археологии. Со взглядами многих археологов Лаппо-Данилевский вступал в полемику, например, с мнением известного киевского историка и археолога В.Б. Антоновича об отсутствии бронзового века как самостоятельного культурного периода на русской равнине.

Последними публикациями А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии были рецензии на книгу П. Симсона о каменном веке под Ржевом³⁰ и доклад о находках вещей фатьяновской культуры, сделанный в заседании историко-филологического отделения Академии наук³¹.

В первой он продемонстрировал прекрасное владение литературой по каменному веку, указывая, что Симсон в качестве аналогий для своих находок привлек только уже устаревшую «Археологию России. Каменный век» А.С. Уварова (1881 г.), проигнорировав труды Леббока, Нильсона, Мортилье, и вопреки периодизации французской школы отнес орудия мадленского типа к переходной порою от палеолита к неолиту, путая понятия «период» и «эпоха» и не имея представления о мезолитическом периоде. Там же Лаппо-Данилевский отмечал важность исследования остатков каменного века в одном культурном слое в комплексе с геологическими определениями слоя и палеонтологическими – остатками палеофауны. Во второй работе Лаппо-Данилевский дал описание трех каменных орудий и медного топора, найденных в Фатьяновском карьере, причем по предварительной его просьбе предметы из камня были осмотрены академиком Ф.Н. Чернышевым, а металлический топор исследован в лаборатории академика В.И. Вернадского, что позволило установить породы и происхождение камня и состав бронзового сплава.

После довольно активных занятий археологической проблематикой в последние полтора десятилетия XIX в., в начале XX столетия. А.С. Лаппо-Данилевский практически прекратил научную работу в этой области. Эту утрату интереса и изучению первобытной культуры со стороны крупного ученого вполне правомерно связывать с общим кризисом эволюционизма, выразившимся для Лаппо-Данилевского в разочаровании в идеях позитивизма и прогресса культуры, изменением его философских позиций, обращением к неокантианству. В предреволюционное десятилетие основной областью научных занятий академик становятся проблемы отечественной историографии и источниковедения и подготовка одного из главных своих трудов – «Методология истории», которая писалась уже под влиянием новой философской концепции автора. Также он не мог не видеть происходившей как раз в это время профессионализации археологии, превращения ее из полудилетантских антиквариатских увлечений в серьезную науку со своим понятийным аппаратом и методами исследования. Занятия ею требовали уже полной самоотдачи, а у него были иные интересы. Поэтому попытка Н.И. Платоновой выделить некий второй этап (после 1906 г.) в деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии и разработки ее теории представляется мне несколько надуманной и искусственной. Все приводимые ею цитаты³² относились к историческим источникам в целом, а не специально к вещественным источникам. Другое дело, что он однозначно признавал артефакты одной из категорий исторических источников, но разработкой специфических проблем, связанных с их интерпретацией, не занимался. Не случайно на страницах «Методологии истории» вещественные источники, как и сама археология, фигурируют только в параграфе «Техни-

ческий метод интерпретации исторических источников»³³.

Однако и в эти годы А.С. Лаппо-Данилевский активно участвовал в подготовке закона об охране памятников старины и археологии в России, являясь заместителем председателя комиссии Министерства народного просвещения и Академии наук, созданной для решения этого вопроса. Заметную роль он продолжал играть в Археологической комиссии, особенно при начале ее реорганизации в 1917 г., выступив с рядом интересных предложений по созданию системы научно-исследовательских институтов. Только преждевременная кончина ученого в голодном Петрограде в 1919 г. оборвала эту работу.

В целом, анализируя деятельность выдающегося историка в сфере археологии, надо прежде всего отметить, что А.С. Лаппо-Данилевский был старшим представителем нового поколения русских ученых-гуманитаров, вступающих в науку в последнее десятилетие XIX в. Именно их труды (М.И. Ростовцева, С.А. Жебелева, Я.И. Смирнова, Б.В. Фармаковского – в изучении античной цивилизации, Н.Я. Марра, Б.А. Тураева – в востоковедении; В.В. Бартольда – в археологии и истории Средней Азии; и многих других) определяли высокий уровень русской науки в первые десятилетия следующего века. Для всех этих крупнейших представителей отечественной науки было характерным изначальное обращение к археологии не в силу какого-либо «любительского увлечения» или коллек-

ционирования древностей, а в поисках дополнительных источников для исторических реконструкций. Источниковедческая направленность всегда была характерной чертой петербургской исторической школы и особенно ощущалась в научном творчестве А.С. Лаппо-Данилевского. Высокие требования, строгая методика, принятые в дисциплинах историко-филологического цикла, владение всеми новейшими достижениями зарубежной науки позволяли им подходить к археологическим исследованиям на высоком научном уровне³⁴. В свою очередь, специфика преподавательской деятельности в университетах вынуждала прибегать к широкому обобщениям, систематизации материала при включении его в лекционные курсы, ставила перед необходимостью разработки методики научных исследований. Именно этим, например, определялось то обстоятельство, что в своих методологических взглядах на археологию академик А.С. Лаппо-Данилевский был чрезвычайно близок современному пониманию этой науки, значительно опережая многих своих современников – «практикующих» археологов. Также необходимо заметить, что А.С. Лаппо-Данилевский был одним из первых русских историков, начавших столь широко использовать археологические материалы и данные в своих университетских лекционных курсах по отечественной истории, способствуя тем самым восприятию археологии как части общей исторической науки.

¹ Маркевич А.И. Архивно-археологическая деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 160–166.

² Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 54.

³ Например: Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: Искусство – СПб, 2001. С. 68–72.

⁴ Тихонов И.Л. Деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. II. С. 154–165; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая четверть XX века. СПб.: Нестор- История, 2010. С. 113–121.

⁵ Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С.405.

⁶ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1882 г. СПб., 1883. С. 32; СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 2.

⁷ Мищенко Ф.Г. Рецензия на кн.: Скифские древности А.С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1887 // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Октябрь. Ч. ССIX. С. 211.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. СПб., 1887. С. 8, 21–24.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Мищенко Ф.Г. Указ. соч. С. 221.

¹¹ Равдоникас В.И. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9/10. С. 22–27; Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С.45.

¹² СПФ АРАН Ф.113. Оп. 1. Д. 153, 213.

¹³ Там же. Д. 153. Л. 9–10.

¹⁴ Там же. Д. 217. Л. 4–9.

¹⁵ Там же. Д.309. Л. 7.

¹⁶ Там же. Д.309. Л. 12.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 76. Л. 34.

¹⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Вопрос о делении первобытной культуры на периоды: каменный, бронзовый и железный в современной археологии // Историческое обозрение. 1892. Т. IV. Отд. 2. С. 13.

¹⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Эварницкий Д. Публичные лекции по археологии в России. СПб., 1890 // Журнал Министерства народного просвещения. ССXX. 1890. С. 149

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 160. Л. 230, 281.

²¹ Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1. История археологического знания. С. 141; Ростовцев М.И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 29.

²² Маркевич А.И. Указ. соч. С. 163.

²³ Лаппо-Данилевский А.С. Древности кургана Карагодеуаш как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р.Х. // Материалы по археологии России. №13. СПб., 1894. С. 11.

²⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Вильчинский О. Древнейшие каменные орудия в Европе. СПб., 1890; Его же. Древнейшее племя неандертальское в Европе. СПб., 1891 // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССXXX. 1892. С. 417–420.

²⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889 // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. ССXXI. С. 419–424.

²⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Семеновский А.Я. Белорусские древности. Вып.1. СПб., 1890 // Записки Русского археологического общества. 1892. Т. V. С. 387.

²⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Эварницкий Д. Публичные лекции по археологии России. СПб., 1890 // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. ССXX. С. 142–151.

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 175.

²⁹ Там же. Д. 160.

³⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Симсон П. Каменный век под г. Ржевом. Тверь, 1903 // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Июль. С. 151–158.

³¹ Лаппо-Данилевский А.С. Доклад о предметах древности, найденных Б.Л. Бернштейном в Фатьяновском карьере // Известия имп. Академии наук. Сер. 6. Ч. 11. 1908. № 13. С. 1027–1028.

³² Платонова Н.И. Указ. соч. С. 119–120.

³³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910/11 году. СПб.: Тип. В. Безобразов и К°, 1913. Вып. II. С. 441–445.

³⁴ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 55.

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРИБУНСКИЙ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
Тел.: 8 (915) 590-49-55; E-mail: pt2140@yandex.ru

Статья посвящена истории создания воспоминаний В.Г. Дружинина и отражению личности и деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в них.

Ключевые слова: воспоминания, образ, В.Г. Дружинин, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, В.Д. Бонч-Бруевич.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ В.Г. ДРУЖИНИНА

Мемуарные свидетельства о петербургском/петроградском историческом сообществе конца XIX – начала XX в. (в том числе и об А.С. Лаппо-Данилевском) весьма немногочисленны и сравнительно невелики по объему. На этом фоне резко выделяются воспоминания историка, археографа и коллекционера Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936), как по временному охвату (1870-е – начало 1920-х гг.), так и по размеру произведения. Русское археологическое общество, Археологическая комиссия, Археографическая комиссия, имп. Академия наук/Российская академия наук, историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета – вот далеко не полный перечень институций, к деятельности которых был прикосновен Дружинин, занимая в некоторых из них ответственные должности. Участие в многочисленных проектах, активное коллекционирование, финансовая независимость и, соответственно, минимальные карьерные устремления и связанные с ними конфликты, миролюбивый незлобивый характер – все это способствовало тому, что в числе многочисленных знакомых и друзей Дружинина можно найти представителей разных социальных и интеллектуальных слоев столицы и провинции.

Освоение столь информационно-богатого источника началось сравнительно недавно, в основном в виде публикаций или пересказа подборки данных из мемуаров Дружинина о тех или иных деятелях и учреждениях¹. История создания воспоминаний специально не изучалась, равно как и их состав. Исследователи ограничиваются указаниями отдельных фактов и общими рассуждениями, отметим, не всегда безупречными². Ниже сделана попытка рассмотреть в общих чертах историю создания мемуаров, их состав и бытование. Отдельно будут рассмотрены случаи упоминания Дружининым А.С. Лаппо-Данилевского, сопровождаемые критическими комментариями.

Начало мемуаротворчества В.Г. Дружинина напрямую связано с теми бедствиями, что выпали на долю автора на рубеже 1920–1930-х гг. Внешне спокойная и устроенная пореволюционная жизнь Дружинина неожиданно закончилась: 13 ноября 1929 г. его уволили из Академии наук СССР, а 25 июня 1930 г. – арестовали. Постановлением «тройки» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе от 10 февраля 1931 г. Дружинин был приговорен к заключению в концлагерь сроком на пять лет. С 9 марта отбывал наказание в Соловецком лагере принудительных работ особого назначения, где находился 1 год и 4 месяца. Постановлением коллегии ОГПУ от 23 мая 1932 г. концлагерь был заменен лишением права проживания в двенадцати крупных городах СССР и Уральской области на трехлетний срок³. Местом административной высылки Дружинин избрал город Ростов, тогда входивший в состав Ивановской промышленной области, куда приехал 16 июля 1932 г. Дружинин поселился на улице Декабристов, дом 3⁴.

Положение 73-летнего старика было отчаянным: в Ленинграде семья (в том числе сошедшая с ума супруга) оказалась в трудной финансовой ситуации, власти конфисковали у ученого его библиотеку и коллекцию поморского медного литья⁵. Сам он вследствие увольнения в ходе чистки Академии наук по первому разряду лишился права на пенсию и любые государственные пособия, не имел возможности устроиться ни на какую должность⁶.

Попытки найти какую-либо работу в Ростове не увенчались успехом, и Дружинин оказался на иждивении сына⁷. В столь бедственном положении Дружинин не сразу, но решился попросить о содействии в освобождении знакомого ему видного советского деятеля, В.Д. Бонч-Бруевича (1873–1955). Последний был известен Дружинину еще с дореволюционных пор как исследователь и издатель материалов по раскольникам и сектантам. Заочно познакомившись они благодаря переписке: отошедший от активной государственной деятельности Бонч-Бруевич оказался вовлеченным в ряд историко-литературных проектов на государственном уровне и в течение 1928–1930 гг. несколько раз пробовал уговорить Дружинина предоставить для публикации или продать материалы русских писателей, осевшие в архиве последнего. Член-корреспондент АН СССР Дружинин, избалованный вниманием историков литературы, особенно в год столетнего юбилея Л.Н. Толстого, оказался глух к призывам Бонч-Бруевича⁸. Теперь Дружинину приходилось выступать в роли просителя. В письме от 3 ноября 1932 г. он умолял Бонч-Бруевича помочь ему вернуться в Ленинград. Стараясь убедить корреспондента, Дружинин предлагал «приготовить к изданию известные Вам письма и дневники, над которыми уже работал». В ответном послании от 21 декабря 1932 г. заместитель председателя незадолго до того созданной Комиссии по устройству Центрального литературного музея Бонч-Бруевич, давая советы, куда обратиться с ходатайством, настоятельно рекомендовал Дружинину начать работу над собственным архивом или же «его продать для нашего Центрального Литературного музея»⁹.

В последовавшей переписке (декабрь 1932 – январь 1933 г.) между Дружининым и Бонч-Бруевичем начался завуалированный торг. Дружинин не желал продавать литературный архив своего дяди, писателя и критика А.В. Дружинина (1824–1864), и пытался использовать архив в качестве инструмента давления на Бонч-Бруевича, дабы тот способствовал возвращению первого в Ленинград. Бонч-Бруевич, не реагируя на намеки Дружинина, вел речь исключительно о материалах, соблазняя владельца тем, что после продажи он смог бы заняться их научной обработкой по машинописным копиям, изготовленным в музее¹⁰. По-видимому, в марте 1933 г. В.Г. Дружинин принял решение продать архив А.В. Дружинина, с тем, чтобы деньги поступили семье сына. В апреле-мае материалы архива были отправлены в организующийся Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. В апреле и мае 1933 г. состоялись и две первые выплаты на сумму 800 руб.¹¹ Деньги пришлись как раз кстати: в мае 1933 г. началась эпопея с выселением семьи А.В. Дружинина из академической квартиры по адресу: Университетская набережная, д. 5, кв. 17. Семья была вынуждена переехать в полуподвальное помещение, малопригодное для жизни, по адресу: улица Петра Лаврова, д. 49, кв. 32¹². Накануне выселения скончалась супруга В.Г. Дружинина – Евдокия Александровна¹³.

После получения архива А.В. Дружинина Бонч-Бруевич в письме от 20 мая 1933 г. попросил бывшего владельца сообщить детали о дневнике писателя, пригласив Дружинина написать «по поводу [его] небольшую статью, (хотя бы в форме воспоминаний), это будет еще лучше и мы, конечно, ее Вам сейчас же оплатим». В упомянутом выше послании Бонч-Бруевич ангажировал Дружинина и на

создание собственных мемуаров: «Вообще, я очень хотел бы просить Вас, не найдете ли возможным в Вашем Ярославском уединении начать писать Ваши записки о всех Ваших литературных встречах, знакомствах, различных документах, Ваших исследованиях и т.д., и т.д. Это было бы очень интересно, и мы бы охотно все это напечатали бы»¹⁴. Хотя Бонч-Бруевич не называл места печатания, вне всякого сомнения, он имел в виду выходящий с 1932 г. альманах «Звенья», в редактировании которого он принимал самое непосредственное участие. Гонорар за публикацию воспоминаний должен был поддержать Дружинина материально.

Дружинин незамедлительно ухватился за предложение. Основываясь на семейных воспоминаниях, им был подготовлен очерк «А.В. Дружинин и его дневник». Датой окончания указано 29 мая 1933 г., и в тот же день паспорт дневника был отправлен Бонч-Бруевичу¹⁵. Забегая вперед, скажем, что очерк увидел свет лишь в 1986 г.¹⁶ В письме от 23 мая 1933 г. Дружинин выразил полную готовность начать писать и собственные мемуары, позже получившие название «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах». Правда, было техническое затруднение – отсутствие у Дружинина бумаги для сочинительства. 26 мая первая партия бумаги была выслана мемуаристу¹⁷. Заметим, что постоянными призывами прислать бумагу и перья будут наполнены многочисленные письма Дружинина к Бонч-Бруевичу в течение 1933–1935 гг.

Заказ на воспоминания сильно приободрил Дружинина. Он получил возможность забыть о материальных и моральных трудностях ссылки благодаря интеллектуальному труду. Грел душу и обещанный гонорар за публикацию. Уже 8 июня 1933 г. первая порция воспоминаний с двумя очерками – об А.В. Дружинине и Д.В. Григоровиче – была отправлена Бонч-Бруевичу. Эти и последующие очерки представляли собой беловые автографы с незначительной авторской правкой. Текст был писан на отдельных листах бумаги с двух сторон. Судя по письмам Бонч-Бруевичу, Дружинин сперва писал черновые очерки, которые потом перебелил¹⁸. Указанный факт дезавуирует утверждения некоторых исследователей о том, что воспоминания Дружинина «есть первичный, не отредактированный автором материал, допускающий частые повторы и непоследовательности изложения»¹⁹. Природа повторов кроется в другом: Дружинин изначально создавал воспоминания, придерживаясь хронологического порядка изложения событий, но придавая им очерковую форму. Его мемуары – это набор законченных рассказов об отдельных примечательных личностях (историках, археографах, археологах, писателях, коллекционерах) и учреждениях, в которых ему довелось учиться, служить, присутствовать на заседаниях. Учитывая, что многие из персонажей очерков принимали участие в деятельности институций, о которых писал Дружинин, появление повторяющихся сюжетов вполне ожидаемо. Отметим, что повторы немногочисленны, и, как это будет показано ниже при разборе известий об А.С. Лаппо-Данилевском, одни и те же сюжеты в разных очерках содержат неодинаковый набор фактов.

Подготовленные мемуарные очерки Дружинин периодически посылал Бонч-Бруевичу, тщетно прося последнего поделить с ним впечатления от воспоминаний. В середине июля 1933 г. пришел первый аванс в 100 руб. от редакции альманаха «Звенья» в счет будущей публикации, что, без сомнения, приободрило мемуариста. Начиная с 19 июля 1933 г., Дружинин начал нумеровать и вести учет посылаемых Бонч-Бруевичу страниц воспоминаний (сводную таблицу высылки воспоминаний см. ниже). Наряду с «Воспоминаниями о литературных встречах и знакомствах» Дружинин подготовил очерки «Описание сельца Марьинское» и «Букинисты с 1874 по 1915 г.», беловые экземпляры которых были отправлены Бонч-Бруевичу 7 ноября и 30 декабря 1933 г. соответственно. Высылая Бонч-Бруевичу раз за разом порции мемуаров, Дружинин постоянно интересовался возможными сроками публикации своих воспоминаний, надеясь на получение очередного аванса, своего единственного заработка²⁰.

Сам Бонч-Бруевич становился все менее оптимистичен относительно ранее обещанной публикации и в письме от 2 ноября 1933 г. откровенно признался Дружинину: «Я вижу, что в “Звеньях” Ваши записки еще не скоро могут быть напечатаны, так как до Вашей рукописи поступило очень большое количество материалов, а “Звенья” печатаются все-таки очень тихо. Так, может быть, будет лучше, если я Ваши записки предложу нашему музею, который, может быть, купит их у Вас как материал, как таковой. Это будет скорее. И к расчету деньги Вы получите скорее. Но когда эта Ваша работа в “Летописи” музея будет напечатана, мне сказать трудно». Аванс, ранее выплаченный «Звеньями», в случае покупки воспоминаний музеем следовало бы вернуть²¹.

Заручившись согласием Дружинина, Бонч-Бруевич в конце ноября 1933 г. предложил фондовой комиссии музея купить воспоминания первого. Комиссия поддержала предложение о приобретении за 1000 руб. двух мемуарных произведений В.Г. Дружинина – описания сельца Марьино (Марьинское), где находилось имение А.В. Дружинина, и собственно воспоминаний. Дружинин был весьма благодарен Бонч-Бруевичу за удачное решение вопроса. Сумму в 1000 руб. Дружинин покрыл своими мемуарами (1250 с.) к концу июля 1934 г.²² По-видимому, Дружинин большую часть выплаты от музея отправил своей семье в Ленинград. Уже с марта 1934 г. в его письмах Бонч-Бруевичу настойчиво проводится мысль о написании продолжения мемуаров с соответствующей новой оплатой. Бонч-Бруевич идею Дружинина поддержал. В недатированном письме (апрель 1934 г.) Дружинин уже откровенно просит дать аванс в 500 руб. в счет продолжения воспоминаний. Другой возможностью Дружинину виделась авансированная уплата за его собственный архив. Бонч-Бруевич еще в апреле 1933 г. тщетно пытался заполнить архив В.Г. Дружинина через его сноху, Галину Марковну. Теперь Бонч-Бруевич настойчиво возвращался к архиву в каждом письме, отказываясь высылать аванс до присылки документов в музей. Сам Дружинин несколько раз уверял Бонч-Бруевича в том, что разрешил сыну продать свой архив в музей²³.

Был ли искренен Дружинин? По-видимому, обещая Бонч-Бруевичу присылку архива, Дружинин на самом деле затягивал дело, пытаясь решить свои материальные проблемы путем написания мемуаров с последующей их оплатой. Дружинин стабильно продолжал слать в музей свои воспоминания порциями по 50 листов. Помимо этого он дал согласие на продажу хранившихся у него дневников И.А. Шляпкина (февраль 1935 г.). Но по ряду причин выплаты и за воспоминания, и за дневник Шляпкина несколько задержались. Зависа от выplat за мемуары, в мае-июне 1935 г. Дружинин оказался в тяжелом положении: хозяйка дома пригрозили выселить его за неуплату, не хватало денег на продукты питания²⁴. Но даже в таких сложных условиях Дружинин писал воспоминания, сделав последнюю высылку 31 мая. В июньских письмах Дружинин сообщает о продолжении работы над мемуарами²⁵, которые, по-видимому, не сохранились.

На фоне непрекращающихся писем Дружинина в музей с требованием расплатиться за высланные мемуары начали разворачиваться события, приведшие к тому, что он покинул Ростов. В декабре 1932 г. Бонч-Бруевич рекомендовал писать в комиссию по амнистиям. Дружинин и его сын тогда не стали подавать прошения. Заявление на имя прокурора о передаче Дружинина на поруки сыну было написано в апреле 1934 г. и при посредничестве Бонч-Бруевича доставлено до адресата. Последствием оно не имело. Второе подобное заявление на имя председателя ЦИК СССР М.И. Калинина было также отправлено через Бонч-Бруевича в мае 1935 г. Из секретариата ЦИК заявление в начале июля было переслано в Главное управление рабоче-крестьянской милиции. Тогда же, в начале июля, А.В. Дружинин получил открытку от хозяев из Ростова «с просьбой взять его [В.Г. Дружинина] от них, ввиду его слабого состояния и необходимости ухода за ним». 6 июля А.В. Дружинин прибыл в Ростов, где обнаружил «отца,

действительно, в ужасном состоянии: надвигающаяся слепота, фурункулы, слабость и отсутствие ухода довели его до крайнего запущения, к тому же сама проходная комната, в которой он жил, кишела тараканами и клопами. Нервы отца так расшатались, что он не мог разговаривать без слез». Получив в Главном управлении уверения, что до получения ответа сын мог взять отца к себе, но не более чем на месяц, Дружинины 6 июля выехали в Ленинград. Однако местные власти сочли приезд В.Г. Дружинина нарушением закона и потребовали немедленно покинуть город. Из Ленинграда Дружинин лично послал в музей последнюю порцию из 24 снимков. 20 июля он вместе со снохой и внучкой уехал на лето в деревню Бор, находившуюся рядом со станцией Пола, недалеко от Старой Руссы тогдашней Ленинградской области²⁶. Данными о последнем периоде жизни В.Г. Дружинина я не располагаю. Скончался он 15 января 1936 г. в Ленинграде²⁷.

Высылка Дружининым в музей написанных в 1933–1935 гг. воспоминаний шла следующим образом (см. таблицу).

Как видно из таблицы, Дружинин трудился над воспоминаниями весьма напряженно, подготавливая иногда до 200 страниц в месяц (около трех печатных листов). Причины отсутствия присылок текста в некоторые месяцы доподлинно неизвестны. Лишь однажды в письме Бонч-Бруевичу Дружинин сообщил, что не может писать мемуаров, так как не зажил палец²⁸. В других случаях на ум приходят прежде всего болезни и общее недомогание, вызванное старостью Дружинина. Отметим, что в годы писания мемуаров возраст Дружинина изменился с 74 до 76 лет.

В результате деятельности Дружинина в 1933–1935 гг. в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики (после объединения в 1934 г. с Литературным музеем при Всесоюзной библиотеке СССР им. В.И. Ленина получившим название Государственный литературный музей) поступило 1851 страница воспоминаний. В 1941 г. произошла передача материалов музея, в том числе и фонда Дружининых, в Главное архивное управление НКВД. Переданные документы легли в основу созданного в том же году Центрального государственного

Динамика высылки В.Г. Дружининым текста «Воспоминаний о литературных встречах и знакомствах» (1933–1935 гг.)*

Год	Месяц	Дата высылки	Высланные страницы
1933	июль	19 июля	1–50
	Итого за месяц: 100 страниц	26 июля	51–100
	август	август (между 8 и 17)	101–150
	Итого за месяц: 100 страниц	17 августа	151–200
	сентябрь	9 сентября	201–250
	Итого за месяц: 50 страниц		
	октябрь	6 октября	251–300
1934	январь	9 января	400–451**
	Итого за месяц: 150 страниц	17 января	451–500
		30 января	501–550
	февраль	6 февраля***	551–600
	Итого за месяц: 150 страниц	14 февраля	601–650
		21 февраля	651–700
	март	2 марта	701–750
	Итого за месяц: 200 страниц	9 марта	751–800
		17 марта	801–850
		28 марта	851–900
	апрель	апрель****	901–950
	Итого за месяц: 100 страниц	30 апреля	951–1000
	май	15 мая	1001–1050
	Итого за месяц: 50 страниц		
1935	июнь	1 июня	1051–1100
	Итого за месяц: 150 страниц	16 июня	1101–1150
		27 июня	1151–1200
	июль	июль*****	1201–1250
	Итого за месяц: 50 страниц		
	сентябрь	сентябрь*****	1251–1300
	Итого за месяц: 100 страниц	16 сентября	1301–1351**
	октябрь	1 октября	1351–1400
	Итого за месяц: 50 страниц		
	ноябрь	3 ноября	1401–1450
	Итого за месяц: 100 страниц	16 ноября	1451–1500
	декабрь	2 декабря	1501–1550
	Итого за месяц: 50 страниц		
1935	январь	2 января	1551–1600
	Итого за месяц: 50 страниц		
	март	15 марта	1601–1650
	Итого за месяц: 100 страниц	24 марта	1651–1700
	апрель	6 апреля	1700–1750
Итого за месяц: 100 страниц	22 апреля	1751–1800	
май	31 мая	1801–1851	
Итого за июль 1933 – май 1935 г.		1851 нумерованная страница	

* Таблица составлена по: НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 23–25, 27, 28 об., 29–31, 37, 41; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 36, 37, 39, 41, 46–48, 50, 53, 55, 56, 58, 59, 62–64, 66, 69, 71, 72, 84, 88, 91, 100, 103, 131, 136, 152 об., 161, 174.

** В ряде случаев нумерация страниц воспоминаний была В.Г. Дружининым спутана.

*** В.Г. Дружинин ошибочно датировал высылку 6-м января 1934 г. (см.: Там же. Л. 36).

**** Даты отправки нет. Получено 2 июня 1934 г. (см.: Там же. Л. 62).

***** Даты отправки нет. Получено 25 июля 1934 г. (см.: Там же. Л. 69).

***** Даты отправки нет. Получено 21 сентября 1934 г. (см.: Там же. Л. 88).

литературного архива СССР (с 1952 г. – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, с 1992 г. – Российский государственный архив литературы и искусства). В РГАЛИ «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах» Дружинина сохраняются и по сей день²⁹. Мемуары, равно как и два очерка, «Описание сельца Марьинское» и «Букинисты с 1874 по 1915 г.», остаются до сих пор неопубликованными.

Рассмотрев обстоятельства появления воспоминаний В.Г. Дружинина, перейдем к тем их страницам, где речь идет об А.С. Лаппо-Данилевском. Несмотря на активные контакты Дружинина и Лаппо-Данилевского в 1880–1890-е гг., совместное участие в деятельности ряда учреждений (Русское археологическое общество, Археологическая и Археографическая комиссии) и неформальных научных сообществ («субботы» Е.Е. Замысловского, «кружок русских историков»), их отношения никогда не становились предметом научного изучения. Проведенное исследование писем Лаппо-Данилевскому к Дружинину позволило мне предположить, что первоначальные дружеские чувства между ними быстро сошли на нет. Причина крылась в охлаждении отношений между Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым, верным приверженцем последнего выступил Дружинин. Деловые контакты между Лаппо-Данилевским и Дружининым возникали спорадически и всегда оказывались связанными с научными проектами, находившимися на пересечении интересов и занятий двух ученых³⁰.

В воспоминаниях Дружинина Лаппо-Данилевскому посвящен отдельный очерк. Помимо него сюжеты, связанные с Лаппо-Данилевским, присутствуют в рассказе о Е.Е. Замысловском, А.А. Кунике, Н.П. Павлове-Сильванском, «кружке русских историков», Союзе российских архивных деятелей.

В очерке детали биографии Лаппо-Данилевского указаны Дружининым минимально. Мемуарист основное внимание уделяет личностной характеристике Лаппо-Данилевского и оценке его действий в качестве члена ученой корпорации и научных учреждений. Дружинин начинает с персональных качеств, сопровождая их оценкой материальной стороны жизни Лаппо-Данилевского: «студенту Лаппо-Данилевскому не приходилось добывать денег уроками. Он был прекрасно образован, рано начитан и говорил на четырех новых языках. Но он был человек, по-видимому, плохо воспитан и очень угловат в обращении с людьми. У меня всегда были с ним хорошие отношения. С равными себе и с учениками он обращался хорошо; но с высшими себе обращался надменно, когда это было для него безопасно. Но когда это было нужно, держал себя очень почтительно»³¹. Начало этой характеристики, на первый взгляд, звучит неожиданно. Чуть ранее в воспоминаниях Дружинин говорил о себе в аналогичных выражениях: университетские годы были для него счастливым временем, поскольку он «не имел надобности добывать средства для жизни»³². Но все становится на свои места, если предположить, что Дружинин сравнивал Лаппо-Данилевского не с собой, а с С.Ф. Платоновым. Действительно, последний в годы обучения в университете имел нестабильное финансовое положение, давал уроки. Забегая вперед, отметим, что далее по тексту Дружинин уже открыто начнет противопоставлять Платонова Лаппо-Данилевскому. Угловатость Лаппо-Данилевского ярко контрастировала с предельно корректной и дипломатичной манерой общения Платонова с представителями различных социальных групп. Настаивая, что «у меня всегда были с ним [Лаппо-Данилевским] хорошие отношения», Дружинин явно стремился казаться беспристрастным, что, как увидим ниже, ему удалось не вполне.

В качестве примера бестактного поведения Лаппо-Данилевского мемуарист приводит описание одной из традиционных «суббот» у Е.Е. Замысловского, когда первый, обращаясь к супруге профессора, Е.Н. Замысловской, и Н.Н. Платоновой, «протянулся через весь стол и громко сказал Надежде Николаевне: “Зачем Вы сюда приехали? Здесь такая скука!” Слышала это и Замысловская». Справедливый гнев Дружинина со товарищи не

заставил Лаппо-Данилевского изменить своей позиции, более того, он «удивился, возражая, что сказал только правду!»³³. Неприемлемость данной ситуации для Дружинина, как представляется, заключалась в том, что Лаппо-Данилевский был учеником Замысловского, близким ему человеком, посещавшим «субботы»³⁴. Обращение Лаппо-Данилевского к Н.Н. Платоновой, супруге друга, лишь усиливало негативный эффект от поступка. Отметим, что положительных примеров поведения Лаппо-Данилевского, например патронирование учеников, общение с равными ему, упомянутые выше, Дружинин не назвал.

Дружинин сообщает весьма выборочную информацию об участии Лаппо-Данилевского в неформальных сообществах и научных институциях. Так, относительно «кружка русских историков» Дружинин лишь сообщает, что Лаппо-Данилевский был его членом³⁵. Дружинин упоминает членство Лаппо-Данилевского в Археологической и Археографической комиссиях, но приводит данные только относительно последней. Отметим, что Лаппо-Данилевский (и Платонов) были избраны членами Археографической комиссии 20 сентября 1894 г., Дружинин – 27 января 1896 г. После смерти П.А. Гильдебранда Дружинин 5 марта 1903 г. был выбран председателем комиссии³⁶.

Деятельность Лаппо-Данилевского в Археографической комиссии, по Дружинину, носила негативный характер. Прежде всего, Лаппо-Данилевский «испортил одно назревшее предприятие, совершенно не понимая и не умея отличить теорию от практики». По словам Дружинина, Археографическая комиссия изыскала возможность переиздания «Актов Археографической экспедиции», «которые были необходимы студентам как пособие, но которое на рынке стоило 25 р., т.к. все издание сгорело в 1863 г. (на самом деле, в 1862 г. – П.Т.) при пожаре Апраксина двора». «Новое издание стоило бы всего пять рублей и было бы прекрасным пособием для учащихся, – утверждал Дружинин. – ...В заседании комиссии, когда обсуждался вопрос о новом издании этих актов, Лаппо-Данилевский стал проводить прямолинейную мысль о том, что комиссии не подобает перепечатывать несовершенных изданий». Дружинин не отрицал ошибок в актах и считал возможным их оговорить, тогда как Лаппо-Данилевский «не хотел понять то, что нужно дать учащимся в руки дешевое пособие». Комиссия поручила своему члену Н.П. Павлову-Сильванскому изучить ошибки предыдущего издания. Результаты исследования были опубликованы, тогда как от переиздания «Актов Археографической экспедиции» комиссия отказалась³⁷. Протоколы комиссии расставляют акценты по-иному. На редакционном совещании 7 февраля 1904 г. собравшие признали необходимым републиковать «Акты Археографической экспедиции», предварительно обсудив лучший способ издания. Выступивший на редакционном совещании 21 января 1905 г. с докладом о желательности переиздания «Актов» как для ученых, так и для учащихся, председатель комиссии В.Г. Дружинин лишь обозначил два возможных подхода: стереотипное издание и издание, проверенное по подлинникам. С указаниями ошибок первого издания выступили несколько членов совещания (в том числе Лаппо-Данилевский), в результате чего совещание, а вслед за ним и комиссия (22 марта) поддержали их позицию, признав, что стереотипный способ издания, «хотя и более легкий и быстрый, повторил бы ошибки первого издания и потому уменьшил бы научную ценность нового издания». Правильным был признан исключительно второй способ издания, для верного суждения о подготовке которого Павлову-Сильванскому поручили исследовать погрешности опубликованных «Актов». Доклад Павлова-Сильванского прозвучал на редакционном совещании 15 марта 1905 г. и после продолжительной дискуссии был одобрен в следующем виде (5 мая – комиссией): принять предложение докладчика об исправленном слитном издании трех основных сборников актов («Акты Археографической экспедиции», «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим»), поставив верхней хронологической границей 1626 год (московский пожар). Ценные акты,

изданные в извлечениях, должны были быть вновь подготовлены полностью. Однако редакционное совещание 5 декабря 1906 г. отвергло идею слитного издания актов трех сборников. Перспективным было признано издание коллекции актов П.М. Строева, хранившейся в Археографической комиссии³⁸. Два тома «Архива П.М. Строева» под редакцией М.Г. Курдюмова, описавшего указанное собрание, и С.Ф. Платонова вышли в 1915 и 1917 гг. как выпуски «Русской исторической библиотеки» (Т. XXXII и XXXV). Таким образом, то, что выставлялось Дружининым как сугубо персональная вина Лаппо-Данилевского (отказ от стереотипной републикации «Актов Археографической экспедиции»), имело характер сознательного выбора большинства членов комиссии, стоявших на страже начального издания документов.

В рассказе Дружинина об издании писцовой и переписной книг по Нижнему Новгороду XVII в. Лаппо-Данилевский предстает дилетантом от истории. Дружинин пишет, что «в Археографической комиссии сказались странное непонимание Лаппо-Данилевским исторических событий». Доказательством для столь громкого заявления, для Дружинина, было то, что «все население, упоминаемое в книге, в предисловии Лаппо-Данилевский разбил на статистические клетки, причем в клетку людей без определенных занятий попали иконописцы и скоморохи!». Полным профаном Лаппо-Данилевский предстал перед членами комиссии, когда при традиционном чтении предисловия «заявил, что его удивляет, как нижегородская ярмарка не отразилась в этой [писцовой и переписной] книге. Мы ему заметили, что в XVII в. ярмарка была не в Нижнем, а в Макарьеве, у монастыря на 60 верст ниже по течению Волги!»³⁹. Серьезные обвинения в непрофессионализме имеют под собой, по-видимому, слабое основание. В предисловии к публикации писцовой и переписной книг никаких таблиц нет. Присутствуют лишь составленные Лаппо-Данилевским сведения о состоянии нижегородской промышленности по группам. В группу «Обработка сырья» в подраздел «Производство предметов роскоши» он отнес иконописцев, а в подраздел «Услуги нематериального свойства» – скоморохов⁴⁰. На памятном заседании Археографической комиссии 29 апреля 1896 г., согласно протоколу заседания, Лаппо-Данилевский прочел предисловие, которое, «за сделанными со стороны некоторых членов замечаниями», было одобрено к печатанию⁴¹. Протокол «глухой» и не дает данных ни «за», ни «против» столь громкого обвинения Дружинина. Мог ли магистр русской истории Лаппо-Данилевский не знать о местоположении крупнейшей российской ярмарки XVII – начала XIX в.? Мог ли выносить свое незнание на всеобщее обсуждение? Представляется, что Дружинин преувеличил степень невежества Лаппо-Данилевского в вопросах отечественной истории.

Аккуратно присутствовавшему на заседаниях Археографической комиссии Лаппо-Данилевскому, по словам Дружинина, «редакции больших изданий <...> не поручали». Лишь однажды Лаппо-Данилевскому досталось «наблюдение за окончанием (листов шесть) актов о закладчиках, которые печатал Павлов-Сильванский, и это издание тянулось года три, так что Павлов-Сильванский изныл от ожидания, а Лаппо-Данилевский не считал нужным ускорить редакцию»⁴². В очерке о Н.П. Павлове-Сильванском Дружинин, сохраняя основную канву сюжета, придает рассказу другую форму: «...помня бывшее у меня с ним [Павловым-Сильванским] недоразумение, я просил передать редакцию этого сборника другому члену комиссии. Назначили Лаппо-Данилевского. Началось печатание актов. Лаппо-Данилевский очень медленно редактировал эти акты, а Павлову-Сильванскому хотелось, чтобы акты скорей вышли в свет. Дело долго тянулось, и Павлов-Сильванский даже просил меня взять на себя редакцию актов, но сделать это было совершенно невозможно. Так совершенно независимо от меня он был наказан»⁴³. Лаппо-Данилевский предстает со страниц воспоминаний Дружинина как археограф, не стремящийся (неспособный?) к работе с полной отдачей. Протоколы

комиссии и собственно издание актов о посадских людях-закладчиках рисуют ситуацию в ином свете. Записка Павлова-Сильванского с предложением издать документы XVII в. о сыске закладчиков по Твери, найденные им среди столбцов Оружейной палаты, была зачитана на редакционном совещании 21 января 1905 г. Комиссия на заседании 8 февраля того же года одобрила помещение актов в 17-м выпуске «Летописи занятий». Как следует из предисловия к публикации и письму к Дружинину от 1 марта 1909 г., неодобрительное отношение Лаппо-Данилевского к указанному изданию носило принципиальный характер, ввиду того, что Павлов-Сильванский публиковал не весь комплекс материалов, а лишь его часть⁴⁴. Созданный в воспоминаниях Дружинина образ Лаппо-Данилевского, члена Археографической комиссии, невольно просится быть сопоставленным с таковым Платонова. Последнему поручали крупные предприятия («Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени», «Никоновская летопись», «Архив П.М. Строева» и др.), он энергично публиковал источники, был прекрасным знатоком истории. По-видимому, давая характеристику Лаппо-Данилевскому, Дружинин подсознательно рисовал его как антипода Платонова.

Деятельность Лаппо-Данилевского в Академии наук представлена Дружининым карикатурно. Само избрание в Академию Дружинин объясняет следующим образом: «его начитанность и разнообразные работы, а также начитанность (sic!) обратили на него внимание и он был избран адъюнктом Академии наук»⁴⁵. Все многообразие деятельности Лаппо-Данилевского в Академии сведено к тому, что первый был призван «распутать тяжелое наследие академика Куника». Лаппо-Данилевский предпринял усилия по окончанию печатания начатых Куником работ («до двадцати»), сумев издать лишь одну книгу о Неве и Ниеншанце⁴⁶. В очерке об А.А. Кунике Дружинин тоже коснулся неизданного наследия академика: Лаппо-Данилевский умер, «не окончив разбора начатых изданий. Пришлось просто обратиться их в макулатуру»⁴⁷. Современные исследователи смотрят на деятельность Лаппо-Данилевского в Академии наук значительно шире⁴⁸. Работа Лаппо-Данилевского по изданию трудов Куника тоже имеет иной масштаб. Как указывал сам Лаппо-Данилевский в «Записке о трудах А.А. Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии», таковых налицо было 14⁴⁹. Большинство из них было подготовлено к печати и опубликовано. Задержка с их изданием была связана с тем, что Лаппо-Данилевский при подготовке каждого осуществлял научно-исследовательские разыскания⁵⁰. Неявного сравнения с Платоновым Дружинин не делает, так как академическая деятельность первого началась уже после смерти Лаппо-Данилевского.

Дружинин кратко отметил деятельность Лаппо-Данилевского в качестве председателя Союза российских архивных деятелей⁵¹. Историческое заседание совета союза 27 марта 1918 г. нашло свое отражение в очерке, посвященном союзу. В изложении Дружинина пришедший на собрание Д.Б. Рязанов «заклучил свое обращение к совету, что хотя, конечно, совет считает его, комиссара, злом, но что с этим злом по обстоятельствам союзу приходится считаться. На это председатель, Лаппо-Данилевский, очень ловко ответил, что он, председатель, и совет считают его, Д.Б. Рязанова, вовсе не злом, а звеном от союза к Главному архивному управлению для сотрудничества»⁵². В целом союз, по мнению Дружинина, не озаменовал «своей деятельностью никаким серьезным постановлением по архивному делу, а лишь перезнакомив архивистов между собой»⁵³. Благостная картина, нарисованная Дружининым, не соответствует таковой в изложении современных историков. Согласно исследованию Т.И. Хорхординой, Лаппо-Данилевский в начале 1918 г. в рамках союза занял антибольшевистскую позицию, а перед выступлением Рязанова на совете союза успел провести резолюцию, направленную против большевиков. Занятая затем Лаппо-Данилевским примирительная

позиция оказалась временной, и уже 8 апреля он подал в отставку с поста председателя совета союза. В число представителей союза в Центральный комитет по управлению архивами Лаппо-Данилевский не вошел⁵⁴. Если учесть, что Платонов 2 апреля 1918 г. стал представителем Петроградского университета в Центральном комитете по управлению архивами, а вскоре возглавил Петроградское отделение Главархива, оказавшись фактически ближайшим сподвижником Д.Б. Рязанова, то неявное противопоставление «болтуна» Лаппо-Данилевского и «труженика» Платонова будет явно в пользу последнего.

Дружинин завершил свой очерк о Лаппо-Данилевском общей оценкой его творчества и значения трудов. Признавая в Лаппо-Данилевском широту интересов (например, занятия математикой, философией истории, музыкой и др.), эрудицию, Дружинин отказывал первому в таланте историка. В подтверждение столь резко заключения Дружинина пересказывал их встречу в Москве в 1886 г. в меблированных комнатах «Кремль». На замечание Дружинина о превосходной игре на рояле Лаппо-Данилевского, последний «неожиданно сказал: «Знаете, мне кажется, лучше было бы мне быть музыкантом, чем историком!»». Дружинин шел дальше, утверждая, что сам Лаппо-Данилевский «чувствовал свою бесталанность». «Этим чувством и чувством зависти я объясняю его враждебное отношение к другому русскому историку – С.Ф. Платонову, который уступал Лаппо-Данилевскому в эрудиции и общем образовании, но был несравненно его талантливой, что видно в его работах, которые хорошо известны и переведены на французский, немецкий и английский

языки, в его лекциях и читанных им рефератах». Коснулся Дружинин учеников Лаппо-Данилевского (числом до 15), из которых никто не стал выдающимся историком. Многие из учеников, по утверждению Дружинина, «еще при жизни его [Лаппо-Данилевского] почувствовали схематичность его руководства, отходили от него и переходили в семинарий пр. Платонова, где получали большее удовлетворение»⁵⁵. Как видим, росшее исподволь противопоставление Платонова и Лаппо-Данилевского достигло своего апогея в выводах. Дружинин уже не скрывал своих симпатий к Платонову и неприязни к Лаппо-Данилевскому.

Подведем итоги. Созданные на излете жизни мемуары стали для В.Г. Дружинина не только средством его материального благополучия. В очерках, выстроенных в хронологическом порядке, он запечатлел широкий круг деятелей и учреждений ушедшей эпохи, не стесняясь своей субъективности. Эмоционально окрашенные мемуары Дружинина имели целью как информирование заинтересованного читателя, так и расстановку правильных акцентов. В случае с А.С. Лаппо-Данилевским очерк вышел весьма далеким от беспристрастности. Дела и труды Лаппо-Данилевского неявно сравнивались с таковыми другого историка, С.Ф. Платонова, с симпатией к последнему. В завершение статьи не могу не присоединиться к звучащему рефреном во многих статьях призыву: воспоминания В.Г. Дружинина должны быть изданы целиком с надлежащими комментариями. Эта публикация, без сомнения, займет достойное место среди важных для понимания эпохи мемуарных свидетельств.

¹ См., например: *Берестецкая Т.В.* О русских нумизматах по «Воспоминаниям» В.Г. Дружинина // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции: Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г., 25–28 февр. 1992 г. / Редкол. В.М. Тотин (отв. ред.) и др. СПб., 1992. С. 75–76; *Она же.* О русских нумизматах по «Воспоминаниям» В.Г. Дружинина // Очерки по истории отдела нумизматики / Отв. ред. А.С. Мельникова. М., 1993. С. 70–80 (Труды Государственного исторического музея; Вып. 83; Нумизматический сборник; ч. 12); *Мамонтова М.А.* Воспоминания В.Г. Дружинина как историографический источник // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. / Сост. Р.Б. Казаков; Редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М., 2002. С. 319–321; *Гайдуков П.Г.* «Воспоминания» В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // Российская археология. 2010. № 4. С. 136–142.

² Ср., например: *Бухтер В.Г.* С.Ф. Платонов и «кружок русских историков» // Археологический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 127; *Мамонтова М.А.* Указ. соч. С. 320 и др.

³ *Берестецкая Т.В.* В.Г. Дружинин: Новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. тр. / Под ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. С. 224 (Исследования по русской истории; вып. 2); *Чебанов В.Д.* Последние годы В.Г. Дружинина // Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936): Материалы науч. чтений 10 авг. 2010 г. / Отв. ред. И.М. Беляева. СПб., 2010. С. 163–164.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 612 (Государственный литературный музей). Оп. 1. Д. 839. Л. 1; Д. 3049. Л. 140; Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 267. Д. 17. Л. 8 об., 26.

⁵ *Плигузов А.И.* Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 20, 21; *Берестецкая Т.В.* В.Г. Дружинин. С. 225; *Чебанов В.Д.* Указ. соч. С. 164–165.

⁶ *Дружинин В.Г.* В Центральную Комиссию по руководству чистой Советского Аппарата при Н[ар]К[омате] Р[абоче]-К[рестьянской] И[нспекции] СССР / Смирнова Т.Г. О творчестве и жизни В.Г. Дружинина (к биографии ученого) // Деятели русской науки XIX–XX веков / Ред.-сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович; Отв. ред. Э.И. Колчинский, В.Н. Плешков. СПб., 2008. Вып. 4. С. 489.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 9.

⁸ Там же. К. 145. Д. 30. Л. 1, 2, 3, 3 об., 4 об., 5–5 об., 6–7, 8–8 об., 9–9 об.; К. 267. Д. 17. Л. 1 об. – 2, 3 об., 4–4 об., 6, 7.

⁹ Там же. Л. 8–9 об.; К. 145. Д. 30. Л. 10–11; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 1–1 об.

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 10–10 об., 11–11 об.; К. 145. Д. 30. Л. 12; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 2.

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 448. Д. 80. Л. 3, 4. Окончательный расчет (3000 р.) состоялся в августе 1933 г. (см.: Там же. Л. 5).

¹² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 20. Л. 33, 34. Ср.: *Чебанов В.Д.* Указ. соч. С. 165.

¹³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 841. Л. 4.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 13–13 об., 14–14 об.; К. 145. Д. 30. Л. 14–14 об., 15; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 4–4 об., 5.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 14, 15; К. 145. Д. 30. Л. 15; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 5. Очерк см.: РГАЛИ. Ф. 167 (В.Г. и А.В. Дружинины). Оп. 1. Д. 3.

¹⁶ *Дружинин В.Г.* А.В. Дружинин (1824–1864) и его дневник (По семейным воспоминаниям) // Дружинин А.В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров, В.А. Жданов. М., 1986. С. 421–426 (Литературные памятники).

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 14 об.; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 5.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 15 об., 17, 18, 18 об., 21; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 6.

¹⁹ *Берестецкая Т.В.* В.Г. Дружинин. С. 225.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 19, 19 об., 20–20 об., 21, 22, 23–23 об., 24–24 об., 25–25 об., 27–27 об., 28 об., 30–30 об., 31–31 об., 32, 33 об., 34 об., 35 об., 36, 38; К. 145. Д. 30. Л. 19; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 6, 11, 13, 24. Очерк «Описание сельца Марьянское» см.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 12. Очерк «Букинисты с 1874 по 1915 г.» см.: Там же. Д. 4.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 145. Д. 30. Л. 21; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 18.

²² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 37–37 об., 39, 41; К. 145. Д. 30. Л. 22, 23, 30, 32; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 22, 23, 24–24 об., 25–25 об., 31–33, 35, 68, 69 об., 70.

²³ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 17. Л. 46 об., 47–47 об., 48–48 об.; К. 145. Д. 30. Л. 24, 27, 29, 30, 33; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 38, 50, 52, 54, 55 об., 60, 62 об., 63, 66 об., 67, 68, 73, 74; Д. 841. Л. 3 об., 14, 16 об., 21–21 об., 24, 31.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 145. Д. 30. Л. 33, 35, 36, 37, 38–38 об., 39, 40, 41–41 об.; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 73, 74–74 об., 76, 77–77 об., 84–84 об., 88–88 об., 91–91 об., 98–98 об., 99, 100 об., 101, 102, 103–103 об., 106–106 об., 107–107 об., 113, 117–117 об., 122, 123–123 об., 125–125 об., 127–127 об., 131–131 об., 132, 137, 146, 150–153, 158–158 об., 159–159 об., 165–165 об., 167, 172–172 об., 174–174 об.; Д. 841. Л. 39, 40–41, 43.

²⁵ Там же. Д. 839. Л. 175, 177–177 об., 179, 180, 182, 183–183 об., 184–184 об.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 267. Д. 16. Л. 1 об., 5–6 об.; Д. 17. Л. 44, 45, 49, 50–50 об., 51–51 об.; К. 145. Д. 30. Л. 31, 42; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 186.

²⁷ Берестецкая Т.В. В.Г. Дружинин. С. 226.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 839. Л. 117 об.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6–10.

³⁰ *Трибунский П.А.* Эпистолярные материалы А.С. Лаппо-Данилевского в Российском государственном архиве литературы и искусства // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2003. С. 338 (Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории; вып. I). Подробнее о взаимоотношениях А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова см.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 1999. Вып. 1. С. 128–165.

³¹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 121 об.–122.

³² Там же. Л. 63 об.

³³ Там же. Л. 122–122 об.

³⁴ Там же. Л. 42–42 об.

³⁵ Там же. Л. 116 об.

³⁶ См.: *Летопись занятий Археографической комиссии, 1888–1894 годы.* СПб., 1903. Вып. 11. С. 180, 184; То же 1895–1899 годы. СПб., 1901. Вып. 12. С. 26–28; То же за 1903 год. СПб., 1905. Вып. 16. С. 9.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 122–124 об.

³⁸ *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1904 год.* СПб., 1907. Вып. 17. С. 16; То же за 1905 год. СПб., 1907. Вып. 18. С. 15–16, 17, 20–22; То же за 1906 год. СПб., 1907. Вып. 19. С. 60. Доклад Н.П. Павлова-Сильванского см.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Погрешности актов Археографической экспедиции // *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1904 год.* СПб., 1907. Вып. 17. С. 1–46 отд. паг.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 124 об.–125.

⁴⁰ [*Лаппо-Данилевский А.С.* Предисловие] / Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду / Под ред. и предисл. А.С. Лаппо-Данилевского // *Русская историческая библиотека.* СПб., 1898. Т. XVII (сборный). С. XIX.

⁴¹ *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1895–1899 годы.* СПб., 1901. Вып. 12. С. 55.

⁴² РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 125–125 об.

⁴³ Там же. Д. 8. Л. 170–170 об.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 304. Л. 23; *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1905 год.* СПб., 1907. Вып. 18. С. 4–5; То же за 1908 год. СПб., 1909. Вып. 21. С. 23; *Сильванский Н.П.* Акты о посадских людях-закладчиках / Напечатано под ред. А.С. Лаппо-Данилевского // *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1909 год.* СПб., 1910. Вып. 22. С. III–IV.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 122 об.–123.

⁴⁶ Там же. Л. 125 об.

⁴⁷ Там же. Л. 191 об.–192

⁴⁸ См.: *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской Академии наук // *Источник. Историк. История:* Сб. науч. работ / Редкол.: Н.Б. Вахтин (отв. ред.) и др. СПб., 2001. Вып. 1. С. 135–256.

⁴⁹ *Протоколы заседаний историко-филологического отделения имп. Академии наук. 1900.* С приложением алфавитного указателя. [СПб., 1901]. § 41; *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах А.А. Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии // Там же.

⁵⁰ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2003. С. 151–156 (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы»; т. 7).

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 126.

⁵² Там же. Д. 9. Л. 170 об.–171.

⁵³ Там же. Л. 171 об.

⁵⁴ *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы, 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 22, 46–49, 52–54.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 125 об.–128.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

ИНЕССА ГЕННАДЬЕВНА АДОЛЬЕВА

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск)
Тел.: 8 (913) 987-4559; E-mail: adoinessa@yandex.ru

Статья посвящена характеристике «французского элемента» историко-правового дискурса журнала «Русский вестник» либерального периода (1856–1862). Описаны причины внимания к прошлому отечественной и зарубежной юстиции. Выявлены представители авторского корпуса журнала, участвовавшие в формировании его тематики. Доказывается роль «Русского вестника» в распространении академических историко-правовых знаний.

Ключевые слова: правовой дискурс, «Русский вестник», история права Франции, государственно-историческая школа.

«ФРАНЦУЗСКИЙ ЭЛЕМЕНТ» ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ДИСКУРСА ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК» В 1856–1862 гг.

Изучение исторической и правовой культуры России XIX в. невозможно без использования «толстых» журналов, являющихся институтом формирования, структурирования и трансляции общественного мнения. В начале правления Александра II, несмотря на продолжение действия цензурных установлений Николая I, печать смело заявила о себе поднятием актуальных вопросов¹. Многие аспекты прошлого, в том числе и правовые, изучение которых находилось под запретом, получили публичное освещение.

Юридическая проблематика оказалась востребованной в печати, когда под влиянием процессов модернизации право превратилось в ведущий регулятор общественных отношений. На фоне отсталой судебной системы обсуждение вопросов ее реформирования было особенно острым. Темы законности и порядка актуализировались в прессе, став частью российского правового дискурса – всех измерений (реальных и воображаемых) отношения общества к праву, в который включаются не только труды профессиональных юристов, но и писателей, публицистов, тех, кто описывал юридически значимые ситуации². Сюжеты, посвященные прошлому третьей ветви власти, являлись элементами как правового, так и историографического дискурса эпохи. В работе М.П. Мохначевой «Журналистика и историческая наука» затронуты особенности изложения историко-правовой тематики в отраслевой юридической периодике как проявление историографического дискурса журнальной прессы в целом. Автор отметила, что профессиональная печать придерживалась «единомыслия» и реализации принципов информационной дополненности и достоверности повествования, благодаря чему отраслевая историография занимала одно из ведущих мест. Приводя в качестве примера «Журнал министерства юстиции», М.П. Мохначева показала, что большое количество публикуемых материалов было посвящено истории права³. Н.Н. Родигина исходит из того, что в XIX в. история была объявлена европейскими (в том числе и русскими) интеллектуалами особой, привилегированной сферой познания. Конструирование образов прошлого было одним из инструментов реализации социально-мобилизующей и идентификационной функций журналов. Исследуя общественно-политические и отраслевые (в частности, исторические) журналы, автор пришла к выводу, что они претендовали на формирование исторического сознания русских интеллектуалов: транслировали свои версии прошлого, детерминированные мировоззренческой ориентацией издания; репрезентовали свое понимание целей, закономерностей, функций, предметной области истории; исходя из своих интерпретаций прошлого, основывали свое видение истоков и причин происходящего в настоящем и, ссылаясь на опыт прошлого, аргументировали целесообразность тех или иных вариантов решения актуальных проблем современности⁴. Проявлением этого стало обсуждение истории права России и европейских государств. Обращаясь к развитию отечественной и зарубежной юстиции, авторы стремились понять причины сложного

состояния судебной сферы и найти наиболее оптимальной способ ее преобразования. Галломания в России в это время теряла позиции, но Франция продолжала оставаться интеллектуальным лидером Европы, чем и был обусловлен интерес к ее правовому наследию. Необходимо отметить, что на страницах «Русского вестника», как и в среде лиц, причастных к судебной реформе или обсуждающих ее, шла интенсивная дискуссия между сторонниками французской или английской судебной системы как образца для дальнейшего преобразования.

Хронологически данная работа ограничена «либеральным» периодом журнала «Русский вестник», т.е. 1856–1862 гг. Помимо обособленности указанного временного промежутка с точки зрения общественно-политических позиций издания, он является специфическим в рамках рассмотрения историко-правовых сюжетов накануне судебной реформы, когда большое количество авторов представляли свои варианты будущего правовой системы и мнения по поводу ее прошлого.

Основным в настоящей работе является поколенческий подход. Юристы и историки – авторы «Русского вестника», принадлежат к нескольким возрастным группам, были объединены переживанием общих современных им исторических событий, создающих самобытное коммуникативное пространство, социокультурные коды и осознающих свое единство и отличие от других сообществ такого рода⁵. Их отличало наличие специализированного исторического или юридического образования, академическая или прикладная профессиональная деятельность, высокий уровень публицистической активности. Историко-правовые статьи были достаточно объемными (100 и более страниц), часто «разбивались» на 2–3 номера. Специфика судебной системы Российской империи первой половины XIX в. способствовала особой организации юридического образования, присутствию в учебных планах большого объема исторических дисциплин. Многие юристы отличались серьезными научными познаниями о прошлом и могли высказываться о нем с высокой долей компетентности⁶. Историки же могли позиционировать себя как ученики С.М. Соловьева – фактического основателя государственной школы, и Т.Н. Грановского – юриста по образованию. Поэтому частные и общие историко-правовые сюжеты на страницах журнала можно рассматривать как юридические и историографические одновременно.

Правовая история Франции присутствовала в «Русском вестнике» в двух вариантах: во-первых, включаясь в более широкий повествовательный контекст прошлого Европы (Г.В. Вызинский) или эволюции конкретной юридической проблемы (К.П. Победоносцев); во-вторых, освещая специфику развития именно французской юстиции (Н.В. Щербань, К.С.У.).

Сторонник «французского» варианта судебной реформы Николай Васильевич Щербань окончил в 1856 г. юридический факультет Московского университета кандидатом права. В «англоманском» «Русском вестнике» он

выступил как последовательный защитник французской правовой системы, уделив большое влияние ее прошлому. Н.В. Щербань свое исследование начинал с падения Западной Римской империи, когда на территории Европы «все перепутывается, борется и взаимно изменяется». Он отмечал, что в раннее Средневековье право суда принадлежало как королю, так и народному собранию (пледу), причем они обладали равными полномочиями, и их решения были окончательными⁷. В авторской позиции заметны отголоски романтизма, идеализации раннего Средневековья, когда право было четким и доступным, а с усложнением форм государственности отдалялось от обывателей.

Наделение феодалов землей, по мнению Щербаня, привело к «размыванию» королевских полномочий в правовой сфере⁸. Период раздробленности он описывает как время фактического безвластия монархов, которые довольствовались лишь формальными почестями. Связь между полномочиями главы государства и благополучием подданных является чертой, характерной для монархического сознания в целом. Данная особенность проявилась и в научном тексте, когда автор описывал французский вариант «собираения земель» как процесс возвращения права и правды. Процессы централизации тесно связывались Щербанем с борьбой городов против сеньоров и дальнейшим законодательным закреплением ими своего положения посредством ориентации на королевское правосудие. Возможность пересмотра приговоров и решений стала серьезным шагом на пути к установлению единообразия в правовой сфере⁹. Рецепция римского права сделала возможным влияние юридической науки и профессии на усложнение правовой системы. Поэтому Н.В. Щербань указывал, что судопроизводство превратилось в дело сложное и обременительное для воина или землевладельца, и в состав королевского суда начали входить не они, а «законники». Великим событием автор считал начало деятельности парижского парламента как судебного и частично законодательного органа, а «юридический дух» выгонял из него лиц некомпетентных. Складывающееся профессиональное сообщество легистов способствовало объединению страны. Одновременно с этим началось постепенное сужение компетенции церкви в светских делах, завершившееся в итоге законом 1539 г., согласно которому она была правомочна лишь в духовной области и исках против ее служителей. Сокращение возможностей дворянства во время становления абсолютизма сочеталось с возрастанием значения чиновников. Здесь Н.В. Щербань снова отмечал параллель с российской историей соответствующими мероприятиями Петра I и Николая I. Существенной силой обладали служащие судебных органов, подчиненные королю. Однако «Франция имела суды, но не имела правосудия <...> правосудие не жило в Галлии»¹⁰. Автор опять указывал на сходство с Россией: «Кто имел дело, то не знал, куда обратиться, а если и добивался, наконец, толку, то его невзгоды только начинались. В "господских судах" бедный проситель попадал в руки лиц без чести и совести, которые были лакомы на поживу, тянули дело до истощения кошелька и решали в пользу того, кто больше заплатит». Кроме того, судебные должности продавались во имя извлечения прибыли¹¹. Но парламент строго следил за тем, чтобы в число чиновников не попали лица с запятнанной репутацией, прямого ущерба это не приносило. При этом недостаточность жалования привела к узакониванию обычая, согласно которому каждый зафиксированный на бумаге акт подлежал оплате (и эта традиция затем перетекла в адвокатуру). Н.В. Щербань подчеркивал, что достоинством и украшением французской судебной системы, несмотря на «продажность» должностей, являлась магистратура, поскольку судья «образован, независим и принадлежит к своей особенной корпорации»¹². Корпоративность автор трактовал в либеральном духе: «Из различных слоев общества, собираясь под юридическое знамя, в эпоху, когда ни человек, ни занятие не были мыслимы без принадлежности к известному классу, легисты должны были составить из себя особое сословие, и магистратура сложилась в одно великое, резко отличное от остального общества целое»¹³. Данное замечание примечательно с

двух позиций. Во-первых, оно демонстрирует желание не только Н.В. Щербаня, но и большинства образованных юристов иметь сильную и самостоятельную корпорацию, действующую именем закона. Во-вторых, показывает понимание будущих социальных изменений и их влияния на профессию.

Ситуация во Франции, по мнению Щербаня, усугублялась тем, что правовая система представляла собой «беспорядочную смесь римского права, стародавних обычаев, феодальных правил, королевских эдиктов и постановительных решений». Возможность апелляции и долгого блуждания дела по закоулкам правосудия отбивала у многих желание бороться за свое право. Уголовный процесс автор представлял еще в более мрачных красках пыток, членовредительских наказаний, презумпции виновности¹⁴. Такую ситуацию исследователь связывал с обширными возможностями французских королей, которые, игнорируя закон, создавали послушную систему административной юстиции. Одновременно с этим сохранялось право дворян на суд короля, который мог действовать по своему усмотрению. Описанные противоречия привели к острой критике суда и сделали неизбежной его реформу к середине XVIII в. Окончательно данный вопрос был разрешен только в ходе Великой французской революции. С отменой пыток и низложением монархии оказались ликвидированы и судебные учреждения с их достоинствами и недостатками. А в качестве образца правосудия была избрана английская правовая система, что Н.В. Щербань признавал при всех своих симпатиях к Франции.

С тем же пиететом авторы «Русского вестника» относились к истории французской адвокатуры. Автор, скрывающийся под криптонимом К.С.У., отмечал, что вступление в данное сословие не зависело от знатности и богатства, а определялось исключительно личными качествами и заслугами кандидата¹⁵. По уровню профессиональных требований адвокатура соотносилась с магистратурой. Автор проанализировал акты, регулирующие деятельность защитников и представителей с XIII в., и пришел к выводу, что именно тогда были заложены основные правовые и этические принципы функционирования ордена. Середина XIV в. оказалась ознаменована появлением профессиональной дифференциации адвокатуры на советников, защитников и слушателей (практикантов). В 1490 г., согласно эдикту Карла VIII, адвокатом мог стать только выпускник университета, а в дальнейшем требования только повышались: необходимо было сдать дополнительные экзамены по каноническому и гражданскому праву¹⁶. Процедура принятия в сословие была торжественно организована и приурочена к дню святого Николая, 9 мая. Также автор отмечает факт оказания французскими адвокатами безвозмездных услуг, которые ими были отвернуты в 1364 г. и введены «по их собственному влечению» в XVIII в. Здесь актуализировалась насущная для России рассматриваемого периода проблема правовой безграмотности основной массы населения и необходимости ее преодоления посредством гражданской активности юридической интеллигенции.

К.П. Победоносцев в «либеральный» период «Русского вестника» публиковал на его страницах результаты своей академической деятельности. Прошлое французского гражданского права было актуализировано им в контексте рассмотрения проблемы оформления земельной собственности. Автор отметил, что во Франции (как в большинстве европейских стран) существовало два варианта перехода земли: германский обычай публичной и римский простой передачи. Данное противоречие обострилось в XVIII в., однако окончательное разрешение вопроса, по мнению Победоносцева, не произошло и в середине XIX в., когда добросовестный приобретатель рисковал обзавестись землей, одновременно принадлежащей еще одному владельцу¹⁷. При этом следует отметить, что Победоносцев являлся сторонником судебной системы Англии.

Экстраординарный профессор кафедры всеобщей истории Московского университета Г.В. Вызинский обращал внимание на то, что в дофеодальную эпоху в Западной Европе свободный человек «мог быть судим только равными

себе»¹⁸. В этих словах также заметна ностальгия по времени, когда отправление правосудия было простым и доступным. Несвободные подлежали суду своего господина, что и стало причиной соединения земельной собственности с правами верховной власти. При этом Вызинский указывал, что основополагающим юридическим понятием древних германцев было «*tundium*», концентрирующее в себе начала семейного права и наиболее близко переводящееся как «опека» в широком смысле слова (от власти отца и мужа до общей опеки). Автор, как и другие сотрудники «Русского вестника», актуализирующие французскую историко-правовую проблематику, склонен к выстраиванию параллельных сюжетов с российским прошлым: происхождение верховной власти и права из семейной власти, усложненной в отечественных реалиях земельным вопросом. Именно концентрация в руках главы рода исключительных полномочий привела к становлению абсолютной монархии и зависимой от нее правовой системы. Эту мысль можно рассмотреть как синтез государственно-исторической школы права и патримониальной теории происхождения государства французского ученого К.-Л. Геллера, согласно которой первичным источником власти являлся контроль над землей и, соответственно, над населением.

Авторы «Русского вестника», которые были сторонниками восприятия английских образцов, при реализации судебной реформы использовали в качестве аргумента

законность, правопорядок, самостоятельность и ответственность, которые они заставляли на берегах туманного Альбиона. Приверженцы Франции склонялись к тому, что России требуется серьезное руководство в деле отправления правосудия. Апеллируя к аналогичным сюжетам в истории России и Франции, сторонники судебной системы последней представляли эти обстоятельства как дополнительный довод в пользу ее восприятия.

«Русский вестник» «либерального» периода уделял существенное внимание именно историко-правовым сюжетам. Это было связано с доминированием в науке исторической школы права и поиском «правовой идентичности» страны. Историко-правовой дискурс журнала применительно к прошлому французской юстиции актуализировал разные компоненты: информативный, сообщая читателям о событиях и фактах или умалчивая о них; концептуальный, связанный с презентацией авторами своего понимания логики развития третьей ветви власти во Франции; эмоционально-ценностный, подразумевающий складывание оценочной позиции по отношению к рассматриваемой проблеме. В «Русском вестнике» были представлены результаты деятельности в области академической истории и юриспруденции. Журнал распространял научные знания о развитии французской юстиции, участвуя, таким образом, в формировании правовой культуры интеллектуальной элиты империи.

¹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/35.htm>. Дата обращения 30.12.2012.

² Бенн С. Одежды Клио. М.: Канон+, 2011. С. 21–22.

³ Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. М., 1999. Ч. 2. С. 147–155.

⁴ Родигина Н.Н. «Журналы были нашими лабораториями...»: конструирование исторического сознания провинциальных интеллектуалов второй половины XIX в. // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: ВШЭ, 2012. С. 280–308, 282–282.

⁵ Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: преемственность и разрывы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2011. Вып. 34. С. 138–157, 138–139.

⁶ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX в. М., 2010. С. 66–102.

⁷ Щербань Н. Суды, магистратура и адвокатура во Франции // Русский вестник. 1858. № 5. Кн. 1–2. С. 180–214, 183–184.

⁸ Там же. С. 185–186.

⁹ Там же. С. 191–193.

¹⁰ Там же. С. 202.

¹¹ Там же. С. 204.

¹² Щербань Н. Магистратура во Франции // Русский вестник. 1858. № 12. Кн. 2. С. 588–606, 589.

¹³ Там же. С. 593.

¹⁴ Щербань Н. Суды, магистратура и адвокатура во Франции // Русский вестник. 1858. № 5. Кн. 1–2. С. 180–214, 207–209.

¹⁵ К.С.У. Об адвокатах и ходатаях во Франции по гражданским делам // Русский вестник. 1858. № 11. Кн. 2. С. 207–220, 208.

¹⁶ Там же. С. 210.

¹⁷ Победоносцев К.П. Приобретение права собственности и поземельные книги // Русский вестник. 1860. № 7. С. 5–39, 30–31.

¹⁸ Вызинский Г.В. Западная Европа в дофеодальную эпоху // Русский вестник. 1859. № 1. Кн. 2. С. 197–254, 207–208.

НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА ВОРОБЬЁВА

кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания гимназии №24 имени И.А. Крылова (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-74-81; E-mail: natalya_nv@list.ru

Статья посвящена одному из аспектов развития церковно-исторической науки в России на рубеже XIX–XX вв.: проблеме формирования научных концепций истории раннего христианства.

Ключевые слова: историография, церковно-историческая наука, концепция, раннее христианство, история древней христианской церкви.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА И ПОИСК САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Церковно-историческая наука как особое направление отечественной историографии сформировалась на базе Духовных академий. К рубежу XIX–XX вв. был пройден этап «ученичества», связанный с изучением исследовательского опыта более зрелой европейской историографии, переводом и освоением источниковой базы, возвращением кадров профессиональных историков и формированием собственных традиций. Но

возникали другие, не менее важные для научного сообщества проблемы. В последние десятилетия XIX в. среди преподавателей и студентов Духовных академий возрастает интерес к проблемам всеобщей истории, в частности, истории раннего христианства, что было продиктовано характерным для того времени стремлением определить «место России в человеческом сообществе и наших духовных ценностей в общечеловеческой культуре»¹.

Изучение истории раннего христианства в стенах Духовных академий было основано на традиции русского богословия, но в поисках своего научного облика церковная историография отталкивалась от европейского опыта. Здесь и скрывается основная историографическая «коллизия». Назвать этот процесс «поиском самоидентичности» нам позволяет понимание того, что развитие церковно-исторической науки требовало выражения православного знания истории на языке науки второй половины XIX в. Поскольку же основные средства и методы церковной историографии сформировались на западной (католической и протестантской) почве, возникла необходимость формирования православной исторической концепции с «адаптированным» научным аппаратом.

Огромный вклад в развитие и популяризацию церковно-исторического знания внес А.П. Лебедев, профессор церковной истории МДА и Московского университета. Сфера его научных интересов была чрезвычайно широка: от первых веков христианства до конца XIX в. Как истинный первопроходец А.П. Лебедев пытался своими индивидуальными усилиями заполнить дефицит в преподавании и изучении церковной истории. Неизбежно это приводило к тому, что многие работы носили обзорный характер. По словам его ученика Н.Н. Глубоковского, это вызывалось стремлением «взять историю на всем пространстве минувшего и со всех сторон», с тем чтобы связать факты в «сплоченные звенья последовательно осуществляемой идеи»². Такой подход сам А.П. Лебедев считал оправданным и необходимым для популяризации церковно-исторического знания в условиях становления отечественной науки³.

Вместе с тем именно А.П. Лебедеву принадлежит первый опыт научной постановки и решения ряда проблем древней церковной истории (эпоха гонений на христиан в Римской империи и принятие христианства Константином Великим, содержание богословских споров в эпоху Вселенских соборов и др.)⁴. При этом отправной точкой формирования принципов православной исторической концепции в трудах А.П. Лебедева стала критика протестантской историографии. Этот прием использовали большинство историков XIX в., менее актуальным он становится в начале XX в., когда основные научные позиции были «отбиты» и определены.

Одна из острых полемических тем церковной историографии XIX в. – характер церковно-государственных отношений в Византии. Профессор Казанской Духовной академии – Ф.А. Курганов посвятил ей обстоятельный труд⁵. Опровергая западноевропейскую концепцию «цезарепапизма», историк противопоставил ей каноническую теорию «симфонии властей» и проанализировал в ее свете историю отношений церкви и государства в Византии на основе широкого круга источников за период IV–VI вв. По словам И.И. Соколова, ученика Ф.А. Курганова, этот труд заложил теоретический фундамент целого научного направления «в области церковного неозеллинизма и церковной византологии»⁶. Научную ценность проделанной работы признают и современные историки⁷.

Выдающееся влияние на развитие церковно-исторической науки в области изучения «церковных древностей» оказал профессор Санкт-Петербургской Духовной академии В.В. Болотов. Соединив таланты историка, богослова и филолога, он вывел отечественную церковно-историческую науку на мировой уровень⁸. Во введении к «Лекциям по истории древней церкви» В.В. Болотов определил предмет и метод церковно-исторической науки. В духе христианского богословия он разделял церковь мистическую и историческую. К изучению исторической церкви как «сообщества верующих» он считал возможным применять методы современной исторической науки⁹. Главной установкой своего творчества В.В. Болотов сделал комплексную историческую критику источников, поскольку достоверность, подлинность источника и сообщаемых им исторических фактов – есть главный критерий «исторической истины»¹⁰. Историк, по мнению В.В. Болотова, должен избегать предположений и субъективных оценок. Именно поэтому в отношении древнего

периода церковной истории он ограничил себя «скромной целью – установить связь между ближайшими событиями, не задаваясь целью из звеньев этих событий воздвигнуть стройное вполне законченное здание», поскольку качество и количество древних церковных источников не позволяет делать более серьезные построения»¹¹.

Характерно, что старшие современники В.В. Болотова – А.П. Лебедев и А.Ф. Курганов основывались на иных методологических принципах, в частности, считали необходимым давать фактам «надлежащую оценку» и воссоздавать «картину прошлой исторической жизни» в наиболее полном объеме¹². Дело в том, что изначально отечественная церковно-историческая наука находилось под влиянием двух значительных фигур немецкой церковной историографии – А. Неандера и Ф.Х. Баура с их «глубоким пониманием христианства и его значения во всемирной истории»¹³, а также собственно немецкого идеализма с его философией истории и диалектическим методом. К концу XIX в. в западной церковно-исторической науке сформировалось неокантианское направление, наиболее авторитетно заявившее о себе в трудах А. Гарнака¹⁴. Оно стало своеобразной реакцией на гегельянские исторические построения и выразилось в обращении к детальному изучению древнейшей истории христианства. В.В. Болотов первым из отечественных историков освоил эти новые тенденции, за что и был назван современниками «русским Гарнаком»¹⁵.

Возможно не так отчетливо, но церковная историография конца XIX–начала XX в. претерпевала ту же эволюцию, что и историческая наука в целом: переход от классического гегельянства к неокантианству, позитивизму.

Общепризнанным критерием зрелости научного направления является не только наличие профессиональных авторитетов, но и формирование научных школ. В последние десятилетия XIX в. теоретико-методологические особенности церковно-исторических школ Московской и Санкт-Петербургской духовных академий ярко выразились в творчестве их наиболее видных представителей – А.П. Лебедева и В.В. Болотова. Для первой свойственен публицистический стиль, направленный на популяризацию церковно-исторического материала, при широкой постановке «историко-генетических» проблем. Она проявила себя в создании масштабных (с точки зрения проблематики и хронологии), исторических работ. Санкт-Петербургская школа отличалась стилем «строгой и даже несколько сухой учености», основанным на скрупулезной критике источников¹⁶. Таковы блестящие исторические этюды В.В. Болотова, сделавшие его имя известным во всех центрах европейской церковно-исторической науки¹⁷.

Оба исследователя имеют своих почитателей и критиков. Наиболее слабым местом научного стиля А.П. Лебедева называют «публицистическую манеру» и научную «небрежность»¹⁸. Замечания в адрес В.В. Болотова ограничиваются тем, что он довел критический метод до предела и этим исчерпал его «в какой-то степени»¹⁹. С другой стороны, наиболее сильным качеством А.П. Лебедева как историка признается широта кругозора, проникновение в общие закономерности церковно-исторического процесса, «жизненность» его представлений о церковной истории²⁰. В.В. Болотов заслуживает самых высоких оценок как тонкий богослов и исследователь, виртуозно владеющий критическим методом²¹.

Однако однозначные оценки здесь будут неуместны. Пресловутый «либерализм» А.П. Лебедева, который современники усматривали в его активном обращении к заребужной историографии, послуживший поводом к его «уходу» из МДА, изрядно компенсировался консервативностью конкретно-исторических взглядов. Исследования В.В. Болотова, особенно часто упрекаемого в позитивизме, свидетельствуют, что заявленная им установка на поиск только достоверных фактов явно противоречила способности историка воссоздавать «яркие и наглядные до художественности картины древней церковной жизни»²². Более того, по мнению современного исследователя А. Мусина, такие черты методологии В.В. Болотова, как комплексный подход к источнику, этимологические, по сути, аналитиче-

ские изыскания, «сравнительно-контекстуальный» метод, преодолевают односторонность и ограниченность позитивистской методологии XIX в. Выражая свои мысли языком позитивизма, Болотов действовал как человек библейско-христианской культуры, в лоне которой противопоставление субъекта и объекта, свойственное картезианской философии, теряло свой смысл²³.

Приведенное мнение, на наш взгляд, можно признать справедливым в отношении отечественной церковно-исторической науки в целом. Христианское мировоззрение не удовлетворялось пониманием истории как «сборника мертвых и сухих фактов»²⁴, отсюда стремление церковного историка «проникнуть внутрь предметов и обнаружить их идейную основу»²⁵. Г.В. Флоровский в свое время определил специфику работы церковного историка следующим образом: разделяя историю «эмпирическую» и «умозрительную», он смотрит на события в свете христианского знания человека, который в «эмпирическом» состоянии нуждается в Спасении, и «разузнает провиденциальный строй фактической истории и ее деталей»²⁶.

Конфессиональный характер российской церковной историографии проявился, прежде всего, в особом отношении к древним источникам, особенно внутрицерковного характера. Их значение определялась зачастую не только исторической достоверностью, но и близостью к церковному Преданию. «Историческая память» церкви в таком случае выступала главным «свидетелем», а религиозные идеалы обретали реальные формы в истории (образ святого равноапостольного Константина, православное царство Феодосия Великого и т.п.). Такая позиция была особенно характерна для церковно-исторической литературы 50–80-х гг. XIX в. Хотя научный анализ со временем стал преобладать над популярно-апологическим изложением, церковная история оставалась не только предметом изучения, но и проживания, переживания. Это позволяло проникнуться ее духом, уловить течение общественно-религиозных идей и настроений, руководивших историческим процессом. Отсюда – внимание к проблемам религиозной психологии и этики, масштабный взгляд на события, оцениваемые с позиции их церковно-исторического значения. Таким образом, наиболее существенным фактором, объединявшим историков церкви в особое научное направление, следует признать цельное научно-религиозное мировоззрение, в котором метод понимания не противопоставляется методу научного объяснения.

Характерно, что с сохранением общего ядра научно-религиозного мировоззрения специфика школ церковной историографии со временем заметно стирается, хотя преемственность и сохраняется на уровне личного общения. К началу XX в. серьезно возрастает научный потенциал церковно-исторической науки, выразившийся в приращении конкретно-исторического знания, интенсивном освоении новейших методов исторического исследования. На примерах научного творчества историков начала XX в. можно отметить стремление к преодолению ограниченности методологии предшественников за счет своеобразного синтеза главных достижений церковно-исторических школ.

Так, А.А. Спасский сохранил стиль подробного, «общедоступного» изложения научного материала, от которого, по словам его современника, он не мог избавиться как ученик А.П. Лебедева²⁷. В том же стиле он определял исследование своих учеников. Вместе с тем ряд публикаций А.А. Спасского по отдельным церковно-историческим вопросам явно тяготеет к компактному, емкому стилю Санкт-Петербургской школы. Так, в академической лекции, посвященной обращению Константина Великого в христианство, А.А. Спасский опирается на критический

анализ источников, проведенный В.В. Болотовым²⁸. И само исследование, и сделанные на его основе выводы вызывают резкую критику и обвинения в излишнем «натурализме» со стороны А.П. Лебедева²⁹.

Докторская диссертация А.А. Спасского, посвященная истории догматических споров IV в.³⁰, также оставляет двойственное впечатление по отношению к наследию А.П. Лебедева. С одной стороны, она может считаться «как бы вторым изданием докторской диссертации А.П. Лебедева «Вселенские соборы IV и V вв.»³¹. С другой стороны, Спасский формулирует проблему более широко, рассматривая догматические споры IV в. не только со стороны влияния богословских школ, но также философских направлений и, в целом, как историко-богословский феномен. Кроме того, его взгляды на арианство ближе В.В. Болотову, чем А.П. Лебедеву. Отказавшись от интерпретации догматических споров IV в. из противостояния антиохийской и александрийской философских школ, он изучает их в контексте религиозно-мистического и религиозно-философского направлений богословия древней церкви.

А.И. Бриллиантов, последователь и преемник В.В. Болотова, много сил и времени посвятил подготовке и изданию его лекций. Главный исследовательский труд А.И. Бриллиантова – «Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 года»³² сконцентрировал лучшие достижения церковно-исторической науки начала XX в. Контекстуальный и «историко-генетический» подход, тщательный анализ источников, изучение историографии вопроса позволили историку сделать целый ряд важных уточнений и представить во всей полноте картину отношений церкви и государства при первом христианском императоре. Таким образом, в работе А.И. Бриллиантова органично сочетались «широта» научного стиля Московской школы и «глубина» метода Санкт-Петербургской.

Тенденция к самоопределению церковно-исторической науки в начале XX в. соседствовала со стремлением к преодолению корпоративизма, установлению связей со смежными отраслями светской науки, прежде всего – византиноведением. Примером тесного взаимодействия духовно-академической и светской науки является деятельность И.И. Соколова, ученика Ф.А. Курганова, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии. Он обосновал теорию «церковного византизма», творчески соединил достижения церковной историографии и византистики³³, активно сотрудничал с представителями светской науки Петербурга, работал в редакции «Византийского временника», в 1919–1921 гг. читал в Киевском университете лекции по истории Византии и византийской историографии³⁴.

Таким образом, в период становления церковно-исторической науки (50–90-е гг. XIX в.) ее динамика определялась по преимуществу факторами «внутреннего» значения – потребностью определения предмета церковной истории, освоения источниковой базы, адаптации методов исторической критики к церковно-историческому материалу, что способствовало становлению научного стиля церковно-исторических школ. На рубеже XIX–XX вв. развитие церковной историографии все больше обуславливалось влиянием «внешних» обстоятельств, повлекших преодоление академического корпоративизма, сотрудничество с направлениями светской историографии и религиозной философии, нивелирование различий между церковно-историческими школами. Вместе с тем, на протяжении всей своей истории российская церковно-историческая мысль сохраняла научно-мировоззренческое единство, укорененное в традиции духовно-академического образования и православного богословия.

¹ Экономцев Иоанн. Историческая школа Московской Духовной академии // Экономцев Иоанн. Православие. Византия. Россия. Сборник статей. М., 1992. С. 135.

² Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Изд. Свято-Владимирского братства, 1992. С. 5–6.

³ Лебедев А.П. Церковная историография в ее главных представителях с IV по XX в. СПб., 2000. С. 433.

⁴ Лебедев А.П. Вселенские соборы IV и V веков (Обзор их догматической деятельности в связи с направлением школ александрийской и антиохийской). СПб., 1904; Он же. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб., 1904; Он же. Константин Великий, первый христианский император // Христианское чтение. 1912. № 7; Он же. Церковная историография в ее главных представителях с IV по XX в. СПб., 2000.

- ⁵ Курганов Ф.А. Отношения между церковью и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (353–566 гг.). Казань, 1880.
- ⁶ Соколов И.И. Сорокалетие учено-литературной деятельности профессора Ф.А. Курганова // Исторический вестник. 1911. Т. 123. С. 1075.
- ⁷ Лебедева Г.Е. Ученый и время: И.И. Соколов // Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2002. С. 10–11.
- ⁸ Бриллиантов А.И. Профессор В.В. Болотов. Биографический очерк. СПб., 1910. С. 13; Сидоров А.И. Василий Васильевич Болотов // Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов. М., 1999. Т. 1. Учение Оригена о Св. Троице. С. XXVI–XXVII.
- ⁹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов. М., 2000. Т. 2. Лекции по истории древней церкви. Введение в церковную историю. С. 15–23.
- ¹⁰ Там же. С. 16.
- ¹¹ Там же. С. 29–30.
- ¹² Курганов Ф.А. Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению с его идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью. Казань, 1881. С. 13–14; Лебедев А.П. Церковная историография в ее главных представителях с IV по XX в. СПб., 2000. С. 452.
- ¹³ Лебедев А.П. Церковная историография в ее главных представителях с IV по XX в. СПб., 2000. С. 264–339; Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов. М., 2000. Т. 2. Лекции по истории древней церкви. Введение в церковную историю. С. 229–236, 239–249.
- ¹⁴ Гарнак А. Церковь и государство вплоть до установления государственной церкви // Раннее христианство. В 2 т. М., 2001. Т. 1; Он же. История догматов // Там же. М., 2002. Т. 2.
- ¹⁵ Бродов И. Отзыв на первый том «Лекций по истории древней церкви» В.В. Болотова // Труды Киевской Духовной академии. 1908. Т. 1. С. 140.
- ¹⁶ Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский и В.В. Болотов. К истории взаимоотношений авторов «Феодорита» и «Theodoriatian`ы» // История древней церкви в научных традициях XX в. Материалы конференции памяти В.В. Болотова. СПб., 2000. С. 48; Сидоров А.И. Василий Васильевич Болотов // Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов. М., 1999. Т. 1. Учение Оригена о Св. Троице. С. XXXIX; Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 373–376.
- ¹⁷ Памяти В.В. Болотова // Церковный вестник. 1875. № 16. С. 494.
- ¹⁸ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 374.
- ¹⁹ Богданова Т.А. Указ. соч. С. 51.
- ²⁰ Там же. С. 49.
- ²¹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 375–376.
- ²² Бриллиантов А.И. К характеристике ученой деятельности профессора В.В. Болотова // Христианское чтение. 1901. Ч. 1. С. 478.
- ²³ Мусин А. Профессор Василий Болотов. В лаборатории историка // История древней церкви в научных традициях XX в. Материалы конференции памяти В.В. Болотова. СПб., 2000. С. 96–98.
- ²⁴ Лебедев А.П. Церковная историография в ее главных представителях с IV по XX в. СПб., 2000. С. 449.
- ²⁵ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Изд. Свято-Владимирского братства, 1992. С. 111.
- ²⁶ Флоровский Г.В. Затруднения историка-христианина // Флоровский Г.В. Вера и культура: избранные труды по богословию и философии. СПб., 2002. С. 707.
- ²⁷ Лебедев Д.А. Профессор Анатолий Алексеевич Спасский (к характеристике его ученой деятельности как историка древней церкви). Сергиев Посад, 1916. С. 74.
- ²⁸ Спасский А.А. Обращение императора Константина Великого в христианство. Сергиев Посад, 1905.
- ²⁹ Лебедев А.П. Константин Великий, первый христианский император // Христианское чтение. 1912. № 7. С. 684.
- ³⁰ Спасский А.А. История догматических движений в эпоху вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). Тринитарный вопрос (История учения о Св. Троице). Сергиев Посад, 1914.
- ³¹ Лебедев Д.А. Указ. соч. С. 30.
- ³² Бриллиантов А.И. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 года. Пг., 1916.
- ³³ Соколов И.И. О византизме в церковно-историческом отношении (вступительная лекция по кафедре истории греко-восточной церкви (от разделения церквей), прочитанная в СПбДА 1 ноября 1903 г.). СПб., 1903; Он же. Византологическая традиция в Санкт-Петербургской Духовной академии // Христианское чтение. 1904. Январь.
- ³⁴ Лебедева Г.Е. Ученый и время: И.И. Соколов // Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2002. С. 21–26.

МАРИНА АРКАДЬЕВНА ВОСКРЕСЕНСКАЯ

доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: 8 (911) 786-95-31; E-mail: marina3010@ngs.ru

В статье раскрывается специфика историософских воззрений творцов Серебряного века. Автор доказывает, что постижение истории в философской мысли и художественном творчестве Серебряного века носило культурологический характер. Культура в этих историософских построениях выступает как основной фактор общественного развития. Смысл исторического процесса видится в духовном совершенствовании человека.

Ключевые слова: историософия, Серебряный век, культурная элита.

ИСТОРИОСОФИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА*

На рубеже XIX–XX вв. в мировой науке несколько пошатнулись позиции позитивизма, претендовавшего на роль ведущей, если не единственной, общенаучной методологии. В историческом познании

появляются новые исследовательские стратегии и концепции. В частности, наряду с социологическим подходом к изучению исторической действительности, получившим к тому времени большое распространение, формируются культурологические объяснительные модели. Многочисленных сторонников обретает неокантианское понимание истории как науки о духе, или о культуре. Проявляется

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00055

глубокий исследовательский интерес к постижению культурных механизмов истории: эту тему раскрывают в своих трудах М. Вебер, Й. Хейзинга, независимо от зарубежных коллег в том же ключе ведут изыскания российские историки А.С. Лаппо-Данилевский, П.М. Бицилли, И.М. Гревс, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов и др.

Идея культурологического прочтения истории витала в воздухе эпохи, когда наиболее мыслящие слои образованной публики были охвачены стремлением понять причины социокультурного кризиса, в котором оказался весь европейский мир, и проникнуть в исторические перспективы человечества. Возросший в обществе интерес к истории, вполне объяснимый, учитывая переломный, кризисный характер порубежья, нашел свое выражение не только в собственно историографической практике, но и в философской мысли и художественном творчестве той поры, обнаруживших интенцию к постижению внутренних смыслов истории. В историософских рефлексиях нашло свое специфическое отражение духовное состояние российского общества переломной исторической эпохи. Кризисное переживание действительности, ощущение катастрофизма не могло не сказаться на миропонимании российской культурной элиты рубежа XIX–XX столетий, составившей социальную базу Серебряного века. Выявление смысловых векторов историософских построений культурной элиты может способствовать новому прочтению духовных исканий того времени и более глубокому проникновению в содержание культурно-исторических процессов, протекавших накануне грандиозных общественных сдвигов.

Размышления творцов Серебряного века о прошлом и будущем человечества строились вокруг духовных основ бытия и культурных контекстов истории. Культура в их историософских построениях выступает как основной фактор общественного развития. Мыслителей и художников Серебряного века в истории интересовал прежде всего смысл человеческого бытия и связанные с ним конечные судьбы человечества, а не материальные условия и социологические закономерности. А. Блок подчеркивал, что его историческая концепция, образно представленная в поэме «Возмездие», «возникла под давлением все растущей <...> ненависти к различным теориям прогресса»¹. Человеческая личность в миропонимании культурной элиты перестала трактоваться исключительно носителем и средоточием различных общественных связей, она разрасталась до метафизической всеобщности. С точки зрения А. Белого, суть исторической динамики составляет раскрытие культурных смыслов человеческого существования, становление различных форм сознания и мироощущения, разворачивающееся как эволюция «самосознающей души»². В этом смещении эпистемологических акцентов с внешне-событийной истории на внутренне-смысловую явно просматривается следствие наблюдавшегося в то время в русском обществе процесса эмансипации личности, а также мощного развития в русской культуре того периода романтической традиции.

Историософия Серебряного века носила типично романтический характер. Исторический процесс мыслился как бесконечный ряд сменяющих друг друга уникальных культур, каждая из которых являет собой замкнутую систему, проходит завершённый цикл развития: зарождение, расцвет, угасание. История представляла как цепь надчеловеческих коллизий, движение метаисторических стихий. В осмыслении художников и философов Серебряного века содержание истории составляют не социальные битвы, а извечная борьба двух абсолютных начал – Добра и Зла как метафизических величин, заложенных в неизменной природе вещей³. Историей движут предвечные, внеисторические силы. История – это нескончаемое становление и круговращение, направляемое надчеловеческой и надприродной волей, это «жизнь без начала и конца»⁴. Историософские и историко-художественные опыты творцов Серебряного века – это поиски вневременных смыслов человеческого существования. Не случайно их излюбленными историко-культурными формами были различные варианты традиционного общества: Восток,

античность, Средневековье, славянское язычество. Они возвращались к опыту мифопоэтических представлений, к праискусству в поисках средств, методов, художественных приемов, устраняющих ощущение конкретного времени и места. Самым существенным при этом было обнаружить присутствие метаисторического в истории, Вечности в преходящем. Время и место действия – лишь внешние атрибуты, которые могут бесконечно меняться, но разворачивающиеся в этих конкретных условиях события не составляют основного и самостоятельного содержания истории – они символизируют некий сверхчеловеческий замысел. Реальное наполнение истории заключает в себе духовные (культурные) смыслы, в то время как материальная жизнь общества и индивида – явление вторичное.

Обращение к исторической проблематике в художественном творчестве той поры представляло собой не воссоздание драматических событий прошлого, а скорее его поэтизацию. Картины языческой Руси в музыке И. Стравинского и живописи Н. Рериха, иконные лики «опер-картин» М. Нестерова, античные реминисценции Вяч. Иванова или М. Врубеля, средневековые образы В. Брюсова, концепция Возрождения Дм. Мережковского свидетельствуют о том, что минувшее в изображении творцов Серебряного века – лишь повод для философских или мифопоэтических размышлений о вечном, непреходящем в человеческой природе. Произведения художников и литераторов Серебряного века, воссоздающие образы и картины прошлого, уместнее было бы назвать не «историческими», а «quasi-историческими». Не важно, демонстрировали ли их авторы, подобно В. Брюсову или Вяч. Иванову, широчайшую историческую эрудицию, основанную на скрупулезном изучении эпохи, или, подобно Д. Мережковскому, допускали множество неточностей, основным содержанием этих опусов были историософские размышления, а не собственно исторические события или деяния исторических личностей. Создателей этих произведений интересовал в истории сам дух эпохи, который передавался средствами стилизации и не предполагал натуралистически точного описания. Картины языческой Руси Н. Рериха или античные мифологические образы Вяч. Иванова не имеют ничего общего с этнографической или археографической реконструкцией. М. Врубель интерпретирует античную тематику совершенно иначе, чем академисты или классицисты. Он стремился воплотить не раасудочные нормы жизни и красоты, а витальный дух, хаос творческой жизни, хотел передать впечатление о дионисийском буйстве жизненных стихий, определявшем для него духовный облик античности. Поэтому он обращался к архаичному кругу образов, вроде Пана, а не к холодному совершенству эллинизма и римской скульптуры или назидательным сюжетам мифов. Те же интенции питали дионисизм Вяч. Иванова, блестящего знатока античной истории и культуры⁵.

Выявление глубинных оснований, смыслового единства культурно-исторической эпохи создает предпосылки для диалога между современным поколением и отзвучавшими голосами давно ушедших времен. Вяч. Иванов в известном эпистолярном диспуте с М.О. Гершензоном отказывается воспринимать культуру как музейное собрание древностей или сведений о прошлом: «...Культура, в ее истинном смысле, для меня вовсе не плоскость, не равнина развалин или поле, усеянное костями»⁶. В размышлениях философа она предстает как «живая, вечная память»⁷, как дух прошлого, которым питается настоящее. Культурная память, согласно Вяч. Иванову, важна человеку своей онтологической ипостасью: прикосновение к изначальному, к праисторическим истокам делает ощутимым присутствие в обыденной действительности Мировой Души⁸. Историософия творцов Серебряного века, как и все их мировоззрение, определялась душевным порывом к постижению скрытых корней бытия. Время переживалось представителями этой социокультурной среды метафизически: тайны прошлого прочитываются в каждом мгновении современности, прошлое может быть заново пережито через творения искусства, литературы, архитектуры. Культурное наследие понималось творцами

Серебряного века как актуальное присутствие прошлого в настоящем, поэтому, в традициях романтизма, весь культурный опыт человечества они рассматривали как духовную основу своего мировидения.

Творцам Серебряного века было свойственно окрашивать свои историософские представления в эсхатологические тона. Они осмысливали всю историю и культуру человечества как единую фазу развития цивилизации, как огромный завершённый цикл перед переходом человечества и всего мироздания в новое, идеально-духовное качество. Такое понимание истории находит свое обоснование в художественных и теоретических произведениях Д. Мережковского (трилогии «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», циклы статей «Грядущий Хам» и «Большая Россия»), Вяч. Иванова (статьи из сборника «По звездам», драма «Прометей»), А. Белого (роман «Петербург»). Мысль о кризисе современного миропорядка и идущей ему на смену новой формы человеческого общежития – Мировой Общины – стала основным тезисом цивилизационных воззрений Н.К. Рериха. Оригинальным выражением историософии того времени можно считать замысел Мистерии А.Н. Скрябина с ее идеей полной дематериализации человечества и буквального перехода на духовный уровень бытия.

Н.А. Бердяеву в предвосхищении грядущих катастроф виделась грандиозная картина приближающихся исторических катаклизмов: «Апокалиптические предчувствия нашей эпохи знаменуют мировой кризис, переход к новому космическому периоду. Все приходит к концу в старом мире, на всех линиях выявляется предельное и конечное. Незримо и катастрофически зреет новое сознание, новая жизнь, не выводимая эволюционно из жизни старой. И индивидуальный человек, и все человечество и весь мир переживает апокалипсис, в нем совершается судьба всякого бытия»⁹. Осознание исчерпанности, завершенности определенного исторического периода воспринималось как окончание исторического движения вообще, за пределами которого мир ждет принципиально иное существование. Д.С. Мережковский констатировал: «Вся дорога пройдена, исторический путь кончен – дальше идти некуда, но мы знаем, что, когда кончается история, начинается религия. У самого края бездны необходимо и естественно является мысль о крыльях, о полете, о сверх-историческом пути – о религии»¹⁰.

В религиозной философии Серебряного века ведущей историософской концепцией стала идея Богочеловечества, представленного как цель и смысл всего исторического движения, направляющей силой которого выступает духовное совершенствование личности и общества. Понятие Богочеловечества, заимствованное Вл. Соловьевым из христианской патристики и творчески переосмысленное, стало не только центральной темой его собственной философии, но и одним из ключевых концептов всего «русского религиозного ренессанса». В соловьевском учении о путях к Богочеловечеству и к достижению «положительного всеединства» мировая история интерпретируется как процесс одухотворения человека, наполнения его божественным содержанием. В трудах мыслителей рубежа веков, развивавших эту идею, переосмыслена суть христианства, которое стало восприниматься верой не только в Бога, но и в человека. Главным событием евангельской истории являлось слияние божественной и человеческой природы в лице Иисуса Христа. Тот же процесс должен произойти в результате исторического движения на уровне человечества в целом. Конечной целью истории мыслится эсхатологический исход: духовное перерождение мира и достижение тем самым Царства Божия. Содержание всемирно-исторического процесса – это путь «от Первого пришествия ко Второму, от Богочеловека через всечеловечество (вселенскую культуру) к Богочеловечеству»¹¹. Человеку отводится в этом процессе роль и ответственность не меньшая, чем Богу. Н.А. Бердяев размышлял по этому поводу: «Да придет Царствие Твое». Это значит, что в этом мире нет еще Царства Божьего, Царство Божье ожидается и к нему лишь идут. <...> Но Царство Божье не только ожидается, оно и творится. <...> Бог не понят чело-

веком, Бог ждет от человека дерзновенного творческого ответа <...> от человека зависит не только человеческая судьба, но и божественная судьба»¹².

Христианство, по мнению религиозных философов Серебряного века, должно освятить историческое творчество человечества. История, понимаемая как творчество, отождествлялась с всечеловеческой культурой: «Ежели последняя цель христианства – дело не одного личного спасения, но и спасения всеобщего, всечеловеческого, которое достигается в процессе всемирной истории, то нельзя не признать, что последний христианский идеал *Богочеловечества* достижим только через идеал *всечеловечества*, то есть идеал вселенского, все народы объединяющего просвещения, вселенской культуры», – писал Д.С. Мережковский¹³.

В своих духовных исканиях творцы Серебряного века были движимы стремлением понять, каким образом в абсолютные законы мироздания вписаны исторические пути человечества, и распознать его дальнейшие судьбы. Отвечая на вызов времени, культурная элита сообразно своему специфическому миропониманию разрабатывала ведущую тематику рубежной эпохи – проблему кардинального переустройства социальной действительности. Под воздействием соловьевского учения о духовном перерождении мира в качестве концептуального решения этой проблемы был избран мифотворчески-романтический замысел Революции Духа в противовес плану политического переворота. Серебряный век выдвинул идею жизнотворчества, т.е. пересоздания усилиями культурной элиты всех условий существования человечества по законам красоты. В мифотворческих установках «аристократов духа» сама жизнь трактовалась как «творимая легенда»¹⁴, творчество перерастало в Творение. Социальная революция мыслилась лишь начальной ступенью на пути к подлинному, духовному преображению бытия. Идея обновления общества на духовных началах и пересоздания на этой основе всего человеческого существования оказалась чрезвычайно близка всем ведущим идейным и творческим направлениям Серебряного века. Свои варианты ее претворения предложили символизм, неохристианство, веховство, модерн, футуризм... За экзальтированными мечтами Серебряного века стояла вполне земная, но почти несбыточная надежда, которой однажды поделился в разговоре с другом П.А. Флоренский: «Я ожидаю, что в самом непродолжительном времени наступят величайшие перемены в душе человеческой и, м[о]жет б[ы]ть, в самой природе и организации человеческой <...> начнут рождаться люди, которые не будут просто есть»¹⁵.

Практическое воплощение революционных порывов, вольным или невольным вдохновителем которых выступала культурная элита, оказалось неизмеримо далеким от ее утопических ожиданий. Та реальная революция, свидетелями которой они оказались, говоря словами Н.А. Бердяева, «многих оттолкнула своими грубыми и уродливыми сторонами, своей враждой к духу»¹⁶. Исторический анализ русской революции, предпринятый творцами Серебряного века, давался ими по-прежнему в культурологическом ключе. На каузальных выводах культурной элиты относительно социально-политического напряжения рубежной поры сказались романтическая направленность ее общественного сознания. Не оспаривая наличия множества объективных предпосылок развития революционного процесса в России, таких как обветшавшая властная система царизма, острое столкновение жизненных интересов различных классов и групп, наконец, тяготы войны, культурная элита при осмыслении причин, характера и последствий общественных потрясений начала XX в. на первый план выдвигала социокультурные факторы.

Катализатором революционного подъема в этой среде мыслилось духовное состояние общества и прежде всего интеллигенции. Сама специфика русской революции, с точки зрения мыслителей Серебряного века, предопределялась характером, всем культурным и нравственным обликом, мыслительным складом интеллигенции¹⁷. Своей крайне разрушительный накал русская революция и в

1905–1907, и в 1917 г. приобрела, по мнению культурной элиты, вследствие развала нравственных традиций в интеллигентском сознании, присущего ему нигилизма, граничащего с аморализмом, характерных для интеллигенции «отщепенства» и «беспочвенности», под которыми понимался отрыв от духовно-религиозных, социально-государственных и бытовых корней национальной традиции, немаловажную роль сыграл удручающе низкий культурный уровень интеллигенции, обусловленный в свою очередь отсутствием в стране широкой культурной среды и устойчивой культурной традиции. По глубокому убеждению веховцев, революция отнюдь не являлась причиной нравственного омертвления русского человека – она лишь выявила нездоровое духовное состояние народа, сделавшее возможным разгул «легиона бесов». «И освобождение от них предполагает духовное перерождение народа, внутренний в нем переворот. Революция не

является таким переворотом», – выразил общее мнение культурной элиты Н.А. Бердяев¹⁸.

Культурная парадигма историософии Серебряного века, запечатленная в его художественной и философской мысли, рождалась в поисках ответов на «проклятые» вопросы эпохи, в попытках решения самых насущных ее проблем. Культурная элита искала, но не сумела найти способы духовной интеграции общества. Вместе с тем, как показала история, альтернативный выбор, возобладавший на практике, в конечном счете также не оправдал себя. На рубеже тысячелетий, спустя неполный век после крушения пришедших в полное противоречие с жизнью общественных порядков, Россия вновь оказалась в кризисном положении. Это обстоятельство побуждает задуматься, не заслуживают ли историософские рефлексии культурной элиты Серебряного века нового прочтения и переосмысления.

¹ Блок А.А. Возмездие // Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 3. С. 298.

² Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон+, 1999. 560 с.

³ См., напр.: Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.

⁴ Блок А.А. Возмездие. С. 301.

⁵ См.: Иванов В.И. Эллинская религия страдающего бога. СПб.: Оры, 1909. 83 с.; Он же. Ницше и Дионис // Иванов В.И. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические. СПб.: Оры, 1909. С. 1–20.

⁶ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. С. 42.

⁷ Там же.

⁸ См.: Иванов В.И. Древний ужас // Иванов В.И. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические. СПб.: Оры, 1909. С. 393–424.

⁹ Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Н. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 2. С. 142.

¹⁰ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский: Исследования. Жизнь и творчество // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. Т. 9. Ч. 1. С. 8–9.

¹¹ Мережковский Д.С. Теперь или никогда // Мережковский Д.С. Большая Россия. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 64.

¹² Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. С. 206.

¹³ Мережковский Д.С. Теперь или никогда. С. 53.

¹⁴ Сологуб Ф.К. Творимая легенда. М.: Современник, 1991. 574 с.

¹⁵ Розанов В.В. Письма 1917–1919 годов / Публикация, предисловие Е. Ивановой // Литературная учеба. 1990. № 1. С. 79–80.

¹⁶ Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. Ч. 2. С. 226.

¹⁷ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Мысль, 1990. 224 с.; Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. 608 с.

¹⁸ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 258.

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ ДВОРНИЧЕНКО

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры истории России с древнейших времен до XX в. исторического факультета СПбГУ, заместитель проректора по научной работе, директор Музейного комплекса СПбГУ (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 328-94-48; Ее-mail: a.dvornichenko@spbu.ru, museumspsbu@yandex.ru

Статья посвящена крупнейшему историку русской эмиграции Г.В. Вернадскому. Автор описывает «феномен Вернадского», в котором выделяет исторические, историографические и культурологические грани.

Ключевые слова: Г.В. Вернадский, феномен, эмиграция, история, историография, культура.

FROM US WITH LOVE AND CARE: ФЕНОМЕН ГЕОРГИЯ ВЕРНАДСКОГО*

Данный доклад – попытка преодолеть дробность исторического мышления и выйти к целостному явлению, которое можно определить как «феномен Георгия Вернадского». Феномен – это нечто яркое, необычное, но отражающее общее и типическое. Антропологический «поворот» в гуманитарных науках зовет нас к выявлению и изучению именно таких феноменов. Кстати, герой нашей конференции – А.С. Лаппо-Данилевский сыграл огромную роль в создании данного феномена.

Это явление имеет несколько сторон и много граней. В глаза бросаются, прежде всего, исторические, культурные и историографические аспекты удивительной жизни и творчества этого человека.

Образ Георгия «досмугного» времени воплощает в себе типические черты. Не случайно он стал объектом изучения с

целью воссоздания облика русского либерала¹. Думаю, что брать надо шире: не либерал, поскольку такие определения условны и сомнительны, а русский интеллигент из дворян родом. Его биография до очередной великой российской смуты – типичная жизнь русского дворянина-интеллигента, обитателя московских особняков, живописных дворянских гнезд, студента, человека, как и положено в России, оппозиционно настроенного к власти.

Впрочем, политика никогда не влекла Георгия – его стезей была наука. Здесь в полной мере сказалось влияние отца. Без изучения тех нитей, которые всю жизнь связывали отца и сына, становление Георгия как личности и ученого просто не понять. Отец был главным воспитателем характера и вдохновителем научных свершений. Оказавшись в эмиграции в США, сын так больше никогда и не увидел отца, но сохранившаяся в архиве переписка позволяет уловить всю полноту влияния «драгоценного папочки» на Георгия. Вплоть до того, что отец рекомендует сыну те или иные объекты изучения. Так, в 30-е годы из письма в письмо

* Статья подготовлена при поддержке НИР по теме «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть», мероприятия 2 СПбГУ. Шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.98.2012.

он настойчиво советует заняться изучением монгольского нашествия и ига, упирая на огромную значимость и интерес этой темы. Такая конкретика не вызывает удивления, ибо великий естествоиспытатель и мыслитель имел ярко выраженную тягу к истории. Есть данные, что Владимир Иванович советовал Георгию поступить на историко-филологический факультет, говоря о наслаждении творческих обобщений, к которым ведет историческая наука. И даже жалел, что сам не стал историком². Всю жизнь он посылал сыну книги... В этой переписке, кстати говоря, весьма часто фигурирует А.С. Лаппо-Данилевский, которого историк ласково именовал «Лапой».

Сын тоже всю жизнь старался поддержать отца, помочь ему. Помощь была посильной, но разнообразной: от посылки книг и редких препаратов до поиска места работы³.

Такие отношения, своего рода симбиоз между отцом и сыном, наверное, не являются уникальными для нашей культуры, но представляются ярко выраженной исследовательской проблемой.

Скитания Георгия по дорогам смутного времени в России и в эмигрантском изгнании вполне могли бы составить сюжет для романа вполне в духе М.А. Булгакова. По его жизни можно изучать жизнь целого поколения наших соплеменников, оставшихся верными прежнему режиму и разделивших эмигрантскую юдоль. Тем более, что сам историк оставил интереснейшие воспоминания на эту тему. Сначала он оказывается в Перми, потом через Москву пробирается на Украину, где был его отец. Отдельная эпопея – встреча с любимой женой, которой пришлось добираться до Украины самостоятельно. Затем был Крым, служба в университете и в правительстве П.Н. Врангеля под началом А.В. Кривошеина. А дальше...

Все мы помним об эмиграции в Константинополе по роману «Бег» и одноименному фильму А.А. Алова и В.Н. Наумова. В европейской части города доминировали русские: «чем только они ни занимались, эти наши соотечественники»⁴! Так писал один из коллег Георгия. Тараканы бега были одним из самых безобидных занятий. Но это все не для нашего героя, который и в изгнании продолжал думать только о науке. Изучал языки, историю, памятники культуры. Преподавал вместе с Ниной русским детям, разделившим с родителями изгнание. Уже в начале 20-х гг. он попытался перебраться в США. Ему в этом помогал Франк Гольдер, дружба с которым возникла в Петрограде в 1916 г. с легкой руки А.С.Лаппо-Данилевского. Правда, в это время историк сумел добраться только до Афин. Впрочем, об этом Георгий не жалел: наверное, именно здесь, на земле, буквально пропитанной историей, окончательно сформировался зародившийся в Крыму, интерес к древностям.

В 1922 г. Вернадские перебрались в Прагу, воспользовавшись возможностями «русской акции» чехословацкого правительства. Пожалуй, в европейской истории это один из самых благородных, реальных (по затратам) и утопичных (по целям) проектов, «...редкий случай, когда правительство одной страны «рекрутировало» тысячи иммигрантов другой национальности и брало их на казенное иждивение»⁵. Георгий трудился на Русском юридическом факультете, в Семинариуме Н.П. Кондакова.

Здесь в Европе он стал одним из создателей евразийского учения, обеспечив историческую его составляющую. В последние годы евразийство стало у нас в России предметом многочисленных дискуссий и даже спекуляций. Следует иметь в виду, что Вернадский всегда был далек от политической борьбы евразийцев, которая в конце концов полностью их скомпрометировала в глазах эмиграции. Как политическая «линия» евразийство и тогда, и сейчас – тупик. Но как научное направление – оно вполне на почве отечественной истории. Любой российский историк не может не быть хотя бы частью своего естества евразийцем!

Может быть, менее насыщена событиями и приключениями его жизнь в США, куда он, наконец, добрался в 1927 г. Однако как приживался историк в этой стране, что с ним происходило, что он испытывал – это тема очень интересная с историко-культурологической точки зрения. Она уже была предметом пристального внимания на при-

мере М.И. Ростовцева⁶, но Вернадский – объект не менее хороший.

Семья (хоть и небольшая) Георгия и Нины Вернадских в США – это анклав русской культуры. Георгий – большой ученый, но Нина – тоже человек замечательной русской культуры: она из дворян, закончила ВЖК по исторической части, глубоко интересовалась музыкой, прекрасно пела. Георгий глубоко верующий человек, хотя и активный противник характерного для России церковно-государственного альянса, постоянно интересовался проблемами православной церкви в США, как, впрочем, и всеми сторонами жизни эмиграции. Он постоянно помогал, чем мог, родственникам, знакомым и незнакомым русским людям. Вокруг Вернадских возникла какая-то удивительная среда из людей, своего рода культурная аура, в которой царил русский дух. И здесь самое время сказать еще об одной грани феномена Вернадского. Недавно я купил книжку, посвященную жизни одного из деятелей просвещения в России. Автор подсчитал, что за последние годы издано огромное количество статей по теме «русская идея». Количество их таково, что автор мог с полным основанием написать: «Русская идея догоняет в популярности Стаса Михайлова!» Я бы добавил, что и остается на том же уровне. Если есть «русская идея», то это любовь к нашей несчастной стране.

И в этом смысле Георгий Вернадский – сам по себе русская идея. Можно только удивляться тому, как человек, имевший все основания обижаться на «грехи Родины вечной», мог сохранить к ней такую любовь и привязанность. Даже, как тогда казалось, к такой отличной от прежней царской – советской ипостаси этой Родины. Вернадский был одним из тех, кто, несмотря на неприязнь к большевикам, никогда не встал бы на сторону фашистской Германии. Когда я изучал материалы фонда Вернадского в Бахметьевском архиве, я вспоминал своего первого учителя В.В. Мавродина. Он сражался с фашизмом в России, да так, что ему угрожали в нацистских листовках. Сражался пером... Так же сражался и Георгий Вернадский, который писал статьи и книги, читал лекции офицерам вооруженных сил США, давал консультации военным.

Контакты Вернадского охватывали три материка и десятки стран. Пока были силы, он ездил в Европу, потом вел оживленную переписку, которая отложилась в архиве.

Архивный фонд Георгия Вернадского – также одна из граней его феномена⁷. Он по-своему уникален, его мало с чем можно сравнить, разве, что с «портфелями Миллера» – во всяком случае, по объему. Академик Н.Н. Болховитинов писал, что в своей жизни знакомился с самыми «разными коллекциям государственных и частных материалов, но, пожалуй, ни одно из них не оставило такого неизгладимого следа в моей памяти, как коллекция документов семьи Г.В. Вернадского»⁸. Для того чтобы такой фонд возник, надо было, чтобы скрупулезность Георгия Владимировича, свойственная многим ученым, легла на американскую благодать. Ведь советские историки редко создавали солидные архивы не столько даже из-за боязни «органов», хотя и это было, сколько из-за того, что все равно разорят и выбросят их архивы после ухода из этого худшего из миров. Тот же В.В. Мавродин совсем не оставил своего архива. Георгий и Нина заблаговременно разобрали свои бумаги и книги. Бумаги они передали в славный архив Колумбийского университета, с которым у историка были давние и прочные связи.

Еще одна сторона феномена Вернадского – историографическая. При обилии комплиментарных рецензий, приветствий, обращений, особенно в конце научной карьеры, творчество Г. Вернадского явно не получило еще адекватной оценки. В советское время он удостоивался лишь злой и несправедливой критики. В постсоветский период ситуация пока кардинально не исправлена. В своей книжке Н.Н. Болховитинов отметил, что историк пока «не удостоился» монографического исследования. Сам он дал лишь общую оценку, да и к тому же он был специалистом по русско-американским отношениям.

Есть 2–3 диссертации, из которых стоит упомянуть работу Н.Е. Соничевой⁹. Она еще в первой половине 90-х гг.

основательно проработала фонды отечественных архивов, в частности, фонд Вернадского в ГАРФ. Но до Бахметьевского архива она не добралась, а главное, не анализирует историческую концепцию историка во всей ее целостности. Так поступают и другие историки. Повезло евразийским работам историка¹⁰, чего не скажешь о его концепции в целом.

Что касается американской исторической науки, то тот же Н.Н. Болховитинов с обидой писал: «Профессор М.М. Карпович, создавший самую влиятельную школу американских русистов в Гарварде, которая в 1960-е годы заняла ведущее положение в крупнейших университетах страны, и профессор Г.В. Вернадский, издавший целую библиотеку ценнейших исследований по русской истории с древнейших времен до наших дней, так и не получили в США должного признания. Вплоть до настоящего времени американцы продолжают считать основоположниками русистики в США профессора Арчибальда Кэрри Кулиджа из Гарварда»¹¹.

Досада Н.Н. Болховитинова понятна, но картина еще более грустная для россиян. Более того, в связи с тем, что творчеству Вернадского не дано справедливой оценки в американской историографии, вопрос о приоритетах кажется второстепенным. Самое крупное и серьезное исследование, известное мне, статья (по сути, мини-монография) Чарльза Гальперина под характерным названием: «Россия и степь: Джордж Вернадский и евразийизм»¹². С рядом оценок творчества Вернадского в трактатке Ч.Дж. Гальперина трудно согласиться. В частности, автор пытается разделить творчество историка на три части и дать им отдельную оценку: одни работы хороши, другие так себе, а третьи – плохи¹³. Но ведь творчество историка – целостное явление.

Но это – не главное. Ч.Дж. Гальперин каким-то удивительным образом обвиняет историка и в том, что он не проникся американскими ценностями, и в том, что он не прибил к советской исторической мысли. Дескать, сам выбор сравнений показывает, что Вернадский не стремится сравнить США и Россию, а сравнивает Россию с античными полисами, что за ним повторяет советский историк И.Я. Фроянов¹⁴. Американский историк сетует по поводу того, что из-за состояния здоровья Вернадский не попал на X конгресс исторических наук в Риме в 1955 г., где мог бы влиться в *mainstream* советской исторической мысли. Ведь именно в это время советская историческая наука оправилась от сталинизма и стала вносить все больший вклад в «истинное знание». А Вернадский варился в собственном соку, да и было ему в это время уже за 70... Вот он и не мог проникнуться «новыми знаниями»¹⁵.

Здесь явное непонимание общих закономерностей развития, вернее, периодической деградации российской исторической науки в XX в. Конечно, после смерти «великого кормчего» советских историков к стенке не ставили, да и ссылали в Сибирь крайне редко. Но от этого советская историческая наука не перестала быть менее схоластичной и запуганной. Были ведь и другие методы воздействия у власти, чтобы запугать историков. Был же и внутренний цензор, наконец.

Историографическая сторона феномена Вернадского как раз в том, что он не попал под молот советской идеологии и политики, не оказался в бреду самой советской жизни, что он смог развивать естественным образом идеи, которые были заложены в него на этапе становления. А здесь его необычность была в том, что он стал питомцем сразу двух ведущих школ российской исторической науки – московской и петербургской.

В Московском университете он слушал художественные лекции В.О. Ключевского (семинаров тот уже не вел). Но «для вникания в методологию» большую пользу принесли ему лекции по Средним векам Д.М. Петрушевского и А.Н. Савина по Новой истории. Их он и называет своими учителями. По русской истории были очень полезны лекции и семинары М.М. Богословского. Меньше вынес из занятий в семинаре А.А. Кизеветтера. Работал в просеминарах Ю.В. Готье и А.И. Яковлева. Очень содержательны были лекции М.К. Любавского (в семинарах его

историк не работал). На склоне лет историк писал: «О всех их вспоминаю с благодарным чувством»¹⁶.

Поскольку историк по совету учителей много занимался самостоятельным чтением в области истории, он уже тогда ознакомился и с классиками русской исторической науки и был в курсе новых трудов. Большое впечатление на него произвели труды главы петербургской исторической школы С.Ф. Платонова, и он проникся к нему глубоким уважением.

Однако в Московском университете Георгий не остался. Ч.Дж. Гальперин, кстати, не понял ситуации. Он пишет об отсутствии у Вернадского руководителя в Московском университете по той причине, что Ключевский семинаров не вел, а Любавский занимался историей польско-литовской, а не русской. И Вернадский решил готовиться к экзаменам в Петербургском университете. Все было совсем не так! Просто Георгий лекции Любавского посещал, а в семинаре не работал. Поэтому у Вернадского не было оснований просить Любавского об «оставлении для подготовки к профессорскому званию», а у того не было оснований «оставить» Георгия. Поэтому историк решил заняться русской историей самостоятельно с тем, чтобы, когда у него будут ученые труды, завести переговоры о принятии его Любавским (или кем-либо другим) под свое руководство¹⁷.

Жизнь решила эту проблему по-другому. В 1911 г. в знак протеста против вмешательства в дела университета со стороны министра народного просвещения Л.А. Кассо значительное количество преподавателей, в том числе и В.И. Вернадский ушли из университета. Ученый переехал в столицу. В 1912 г. он был избран ординарным академиком (адъюнкт с 1906 г., экстраординарный академик с 1908 г.). Георгий посчитал «морально невозможным» для себя думать о дальнейших связях с Московским университетом и обратился к С.Ф. Платонову с просьбой руководить его магистерской диссертацией. Платонов согласился... «Инициация» в Петербургском университете была весьма непростой.

Здесь, в Петербургском университете на него огромное влияние оказали С.Ф. Платонов и А.С. Лапо-Данилевский, чьи неформальные вечера он посещал. Под руководством «Лапы» молодой историк работал, занимаясь историей «осмнадцатого» века. Это влияние было важно еще и потому, что будущей (еще неведомой) жизни, что Александр Сергеевич имел широкие связи на Западе, где считался как бы представителем русской науки. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и влияние других петербуржцев, как старших по возрасту (С.В. Рождественский, А.Е. Пресняков, А.А. Полиевктов, П.Г. Васенко), так и молодых (А.И. Андреев, С.Н. Валк, А.А. Введенский, А.И. Заозерский, П.Г. Любомиров, Б.А. Романов, В.В. Саханев), с которыми общительный Георгий тут же подружился.

В общем, развитие свое он продолжал под воздействием петербургских историков. Потом он испытал на себе мощное влияние той же петербургской школы – историко-археологического и археологического ее ответвления (Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев), воздействие чешской науки в лице Л.Нидерле. Степень этого воздействия определяется хотя бы тем, что Георгий, общавшийся с Кондаковым сравнительно недолго, написал о нем такие статьи, которые не смогли подарить ученому миру ближайшие ученики великого искусствоведа.

А на Русском юридическом факультете эти влияния снова тесно переплелись! Ведь здесь работали блестящие представители и московской, и петербургской исторических школ: А.А. Кизеветтер, П.Б. Струве, В.А. Мякотин, М.В. Шахматов и др. И на все это мощно наложились евразийство, которое ведь тоже, как уже отмечалось, не с неба же свалилось! Вот почему схема Ч.Дж. Гальперина, делящего взгляды историка на «евразийскую» и «кадето-ключевскую» точки зрения, кажется, мягко говоря, упрощенной.

Историк впитал в себя идеи, которые высказывались многими русскими историками задолго до советского историка И.Я. Фроянова. Оказавшись в благоприятной академической среде, вне воздействия советской псевдомарксистской схоластики, Вернадский смог развивать

«дореволюционную» концепцию русской истории, обогащая ее новыми наблюдениями. А внутренняя дисциплина и истинная ученость помогли ему победить тот извечный сплин, который возникает у русского историка, оторвавшегося от родной почвы. В результате появились сочинения, уникальные для XX в. и вполне сопоставимые с курсами русской истории С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и др.

В этом смысле весьма интересно сопоставить две фигуры, чья жизнь до трагического крымского излома шла практически параллельно. Речь идет о коллеге Вернадского – Б.Д. Грекове. Оба они оказались в Петербургском университете. Греков, правда, после Варшавского университета; вместе трудились в Перми, а потом в университете в Крыму. И вот один уехал, а другой остался. Правда, за Б.Д. Грековым не было такой службы белым, как за Вернадским, но хвалебную речь в честь Врангеля, которая и до газет дошла, он произносил.

Так всю жизнь и провисел на этом крючке в постоянном страхе и желании угодить вождю, и умер с ним в один год,

судя по всему, от того же страха. А ведь был историком старой закваски и получил то же научное воспитание, что и Вернадский. Собственно, закваска и позволила Грекову создать советскую схоластическую теорию Киевской Руси, которая и померла вместе со страной Советов. Вернадский тосковал по Родине, но зато не испытывал такого страха, и концепция его, опертая на твердую «дореволюционную» основу, будет жить... Только ее надо изучить...

Еще одна грань историографического феномена Вернадского – влияние его на западную историографию. Если М.М. Карпович был воспитателем целого поколения ученых на американской почве, то Вернадский больше влиял своими трудами. Представляется, что многие особенности американской русистики – самой мощной ветви западной науки, занимающейся Россией, – объясняются именно влиянием Джорджа Вернадского. Конкретный анализ произведений американских историков позволит выявить направление этого влияния. Как и сама концепция историка-эмигранта – это важная исследовательская проблема.

¹ Бондарь А.Ю. Общественно-политические взгляды и деятельность Г.В. Вернадского. Канд. дисс. М.: Университет дружбы народов, 2001.

² Гумилевский Л.И. Вернадский. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 78, 100.

³ «Все теперь отмахиваются от русских просьб». Письма П.Г. Виноградова к Г.В. Вернадскому. 1920–1921 гг. Публикацию подготовил А.В. Антощенко // Исторический архив. 2013. № 2. С. 14–17.

⁴ Алексеев Н.Н. Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. С. 206.

⁵ Пушкарев С.Г. Воспоминания историка 1905 – 1945. М.: Посев. 1999. С. 89.

⁶ Скифский роман / Под общей ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997.

⁷ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее – BAR): Бахметевский архив российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (США). Входит в состав Отдела рукописей и редкой книги библиотеки Батлера Колумбийского университета. Бахметевский архив отличается от российских не только идеальным обслуживанием посетителей, но и характером хранения. Документы хранятся в картонных коробках, которые называются «box» (у нас их иногда зачем-то называют «картон»). В такой коробке бывают «folders» (англ. – складывать), т.е. просто согнутые пополам листы, в которые вложены документы. «Фолдеры» могут нумероваться, а могут быть и без номеров. Может их и вовсе не быть. Собрание Г.В. Вернадского называется: George Vernadsky Papers (далее – GVP).

⁸ Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. С. 128.

⁹ Соничева Н.Е. Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского. Канд. дис. М.: Гос. Акад. сферы быта и услуг, 1994 (научный руководитель д.и.н., проф. В.И. Дурновцев).

¹⁰ См., напр.: Антощенко А.В. «Евразия» или «святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самопознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. С. 179–226.

¹¹ Болховитинов Н.Н. Указ. соч. С. 13.

¹² Halperin Charles J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden. 1985. Bd. 36. P. 55–194.

¹³ Ibid. P. 186–187.

¹⁴ Ibid. P. 124.

¹⁵ Ibid. P. 86–87.

¹⁶ BAR. GVP. В. 97. Ф. 3. Хронологическая канва моей жизни. Ч. 1 (1887–1917). С. 28–29.

¹⁷ Там же. С. 47; Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 135.

ЭЛКА ДРОСНЕВА

доктор истории, доцент, преподаватель историографии исторического факультета Софийского университета им. св. Климента Охридского (София, Болгария)

Тел.: (3592) 930-82-32; E-mail: elkadrosneva@yahoo.com

Статья является сокращенной версией первой части исследования о связях болгар с Санкт-Петербургом университетом. Первые болгарские студенты появились в нем на рубеже 40–50-х гг. XIX в., а в 1852 г. у И.И. Срезневского магистерскую диссертацию защитил Спиридон Палаузов. В последующие десятилетия в университете учились Дмитрий Благоев, Атанас Шопов, В.Н. Златарский; стажировалось много филологов, специалистов по истории литературы болгарского Средневековья и периода Возрождения: у Н.С. Державина и у В. Ягича учился Павел Орешков. В университете защитил магистерскую диссертацию П.М. Бицилли, который после Октябрьской революции работал в Софийском университете, так же как и воспитанник Санкт-Петербургского университета историк Венедикт Мякотин.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, болгарские студенты, Срезневский, Палаузов, Златарский.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕХИ БОЛГАРО-РОССИЙСКОГО ОБЩЕНИЯ ИСТОРИКОВ XIX–XXI вв.

Год 1924 надолго изменил имя города на Неве, с Санкт-Петербурга/ Петрограда на Ленинград. Меняли свои названия и учреждения. Гордость отече-

ственного высшего образования – Санкт-Петербургский университет – стал называться Ленинградским, что продолжалась почти до конца столетия. В первой части моего

рассказа речь пойдет о временах университетского устава с 1835 г. до 1924 г. Информация о более ранней учебе болгар в университете на сегодняшний день отсутствует. Известно, однако, что в лекциях первого профессионального слависта Санкт-Петербургского университета П.И. Прейса¹ основное внимание уделялось средневековой истории болгар. После его смерти, в 1847 г. кафедру занял его харьковский коллега и друг И.И. Срезневский. Вплоть до своей смерти в 1880 г. Срезневский руководил развитием славяноведения в университете и не только в нем.

К 40-м гг. XIX в. на Юге России уже давно оформились центры болгаро-русского общения – Харьков, Одесса, Киев; все больше к ним примыкала Москва. Но к тому времени взоры болгар все чаще и активнее обращались к Петербургу, и в результате болгарину Захариию Княжескому удалось добиться стипендий для болгар. Российское правительство и сами болгары понимали, что по климату им лучше учиться на юге страны.

Тем не менее болгар тянуло в столицу. Для начала – в Санкт-Петербургскую Духовную академию, в которой некоторое время учился Стефан Изворский, а также в университет. Первые болгары – братья Константин и Дмитрий Петковичи – стали студентами на рубеже 40–50-х гг.; один на юридическом факультете, второй на историко-филологическом. Следует признать, что оба брата плохо изучены на данном этапе, и даже наука часто путает их друг с другом. Но именно с них и начались Санкт-Петербургские вехи болгаро-русского общения историков. Константин учился у И.И. Срезневского, и сотрудничество между ними дало хорошие плоды – его работы публиковались в изданиях РАН². Постепенно болгары пошли за образованием и в Художественную академию, чуть позже в военные учреждения.

В 1852 г. сотрудничество между Санкт-Петербургским университетом и болгарскими поднялось на новый уровень. Магистерскую диссертацию «Век болгарского царя Симеона» защитил у Срезневского габровско-одесский болгарин Спиридон Палаузов, доктор Боннского университета и слушатель славянского семинара О.М. Бодянского в Москве. Диссертация Палаузова составила эпоху в развитии славяноведения и болгаристики³. До той поры исследования о времени Симеона шли по нескольким независимым друг от друга темам: военная и внешнеполитическая история Болгарии в конце IX – первой трети X в.; писатели и их произведения того же времени; анонимные произведения болгарских авторов; вновь найденные списки произведений. Посему, как только вышла в свет книга К.Ф. Калайдовича «Иоанн ексарх Болгарский» (1824), ученый мир оценил по достоинству литературные шедевры Средневековья, но многие ученые сомневались в убедительности утверждения Калайдовича, что все это было создано именно в X в. и именно в Болгарии. Ведь устойчивое представление об этих временах и о самом царе Симеоне сводилось к тому, что это было «время беспрерывных войн и беспрерывно и успешно воюющего владетеля». Некоторые предлагали видеть в Иоанне Ексархе и в Симеоне представителей сербского прошлого XIII в.

Палаузов выбрал иной подход: собрал воедино все известные источники об эпохе, открыл и новые. Оформив текст в двух главах, он исследовал соответственно политическую жизнь и развитие культуры, в частности литературы. Комментируя политическую жизнь, он начал с первых свидетельств о древних болгарях, что позволило ему открыть новые факты о болгаро-франкских отношениях во время Омуртага. Следуя за ходом событий прошлого, он сумел доказать, что в эпоху Симеона Болгария была достаточно стабильным государством, которое могло позволить себе вести победоносные войны и одновременно развивать высокую литературу. Первым в науке он поставил вопрос о внутреннем устройстве Болгарского государства – видимо, его историко-юридическое образование в Германии дало о себе знать. Ведь его докторская диссертация была посвящена политэкономии древних греков⁴. В главе о литературной жизни также обнаруживается новый подход. Палаузов собрал воедино все письменные

литературные памятники болгар – авторские и анонимные, по всем спискам. Это привело его к выводу о контексте, в котором создавались известные уже авторские произведения, и больше нельзя было воспринимать их как исключения и как почти что случайное дело талантливых писателей одиночек. Кроме того, Палаузов попытался затронуть вопросы психологии (весьма молодой по тем временам науки), заинтересовавшись мышлением создателей произведений и читателей. В этом плане ему сильно помогло хорошее знакомство с современным ему болгарским фольклором. Думая о популярности Александра Македонского в преданиях, песнях и литературных источниках периода Возрождения, он заключил, что народ нуждался в герое-владетеле – вот и нашел одного из возможных мировых героев.

Диссертация Палаузова безоговорочно доказала, что Шафарик был прав, назвав время болгарского царя Симеона «золотым веком болгарской литературы». И самое главное: было безоговорочно доказано, что литературные памятники действительно создавались в X в., действительно в Болгарии и действительно при болгарском царе Симеоне. После Палаузова российская и вся европейская славистика (другой тогда еще не было) перестала сомневаться в достоверности выводов представителей Румянцевского кружка, в частности Калайдовича, да и самого Палаузова.

Оригинал диссертации не сохранился, и она знакома только по переработанной для печати версии. Известно, что Срезневский посоветовал Палаузову убрать некоторые страницы с тем, чтобы не подавать духовной цензуре повода запретить ее выход в свет. Главное, говорил он своему ученику, защититься и добиться магистерской степени.

С подготовкой Палаузова к преподавательской деятельности дело не пошло. Некоторые говорят о том, что отношения Палаузова с его руководителем И.И. Срезневским ухудшились. Более обоснованной выглядит для меня другая версия – университет не имел свободных мест для преподавателей. Лично я подозреваю, что в Цензурный комитет устроил Палаузова именно Срезневский, которой и сам работал там некоторое время. Очень интересен круг славистов, с которыми болгарин общался. К ним следует добавить еще представителей российской интеллигенции, связи с которыми безоговорочно доказаны. Наконец, имеются люди, с которыми, должно быть, Палаузов общался или, по крайней мере, был знаком – во время учебы на магистерскую степень, во время работы в цензуре, в Министерстве просвещения и в Военном министерстве.

О круге славистов можно сказать, что болгарин часто осуществлял связь между Срезневским, Бодянским и Григоровичем. С Бодянским он познакомился в Москве, если не раньше. Со Срезневским – в Харькове, не позже лета 1846 г., через Бодянского или же через одесских болгар, каким и сам он являлся. С Григоровичем – должно быть, в Одессе, где ученый остановился по дороге в Болгарию. Не следует забывать и о близком общении С.Н. Палаузова с М.П. Погодиным. Эти его связи в какой-то мере изучены, но еще многое предстоит исследовать, прежде всего в российских и украинских архивах.

В качестве цензора Палаузов отвечал и за журналы «Современник» и «Русское слово», что позволило ему установить контакты со многими из российских революционеров-демократов. Еще по университету он был знаком с Чернышевским – оба учились у Срезневского. Познакомился с болгариним и будущий редактор «Русского слова» Я.П. Полонский – возможно, еще в Одессе или же уже в Санкт-Петербурге. Судя по некоторым архивным материалам, к 1852 г. они уже подружились. Даже вместе гостили в доме Г.П. Данилевского, притом тогда, когда самого Данилевского не было в городе.

Взгляды Палаузова, его гражданская позиция, а также поведение в целом привели к тому, что недолго его терпели в Цензурном комитете.

Как известно, во время Крымской войны (1853–1856 гг.), надеясь, что война приведет к освобождению

Родиной, Палаузов поехал на Балканы⁵. По имеющимся свидетельствам, Высокая Порта назначила немислимо высокую сумму за его голову.

Не в последнюю очередь нужно напомнить о работе Спиридона Палаузова в Археографической комиссии – круг знакомых там достаточно широк и не очень изучен.

С Данилевским С.Н. Палаузов был очень близок. Когда в 1989 г. меня допустили работать в архивах бывшего Советского Союза, я прочитала три записочки Палаузова поэту Г.П. Данилевскому, датированные летом – началом сентября 1852 г. Не скрою: вот тогда-то я и ощутила Спиридона Палаузова как человека, его теплые дружеские отношения с Данилевским, а также по-настоящему оценила его чувство юмора, о котором подозревала по его опубликованным текстам. В одной записочке можно прочесть, к примеру: «Данило! Данило! Чему еси не пришел?»; в другой – «Ежедневные новости. Идет дождь, проливной. Больше новостей нет», в третьей – откровенное трогательное признание: «Только теперь понял я всю тоску разлуки с Вами, милый Григорий Петрович»⁶.

Живя в Петербурге и занимаясь наукой, Палаузов, близок и с А.Ф. Бычковым, будущим директором Императорской публичной библиотеки. Об этом имеются прямые доказательства – часть корреспонденции его вдовы А. Палаузовой с Бычковым⁷. На данном этапе разысканий имя супруги уточнить не удалось. В генеалогических исследованиях она и не числится по имени. У Палаузова была двоюродная сестра по имени Анастасия, о браке которой ничего неизвестно. Весьма вероятно, что она и была его женой: во время полевых исследований в Болгарии мне говорили, что при сватовстве и женитьбе более зажиточные фамилии XIX в. не обращали особого внимания на церковные запреты в отношении родственных связей. Числятся в этих списках трое детей Палаузовых (Александр, Константин и дочка), а по черновику Бычкова трудно сказать, сколько их было на самом деле – трое или же пятеро; имя супруги не указано.

Вдова обратилась к помощнику директора Публичной библиотеки академ. Бычкову почти сразу после смерти Палаузова в 1872 г. с просьбой помочь ей продать библиотеку супруга. В сохранившемся письме она во второй раз напоминает о своей проблеме и сообщает Бычкову: «Каталог я передала его высокопревосходительству Ивану Давыдовичу Делянову (граф, директор библиотеки с 1861 по 1882 г. – Э.Д.) и полагаюсь совершенно на Вас как знатока в этом деле, определить цену книгам и поступить с ними как знаете». В другом письме вдова просит напомнить Делянову и объясняет, что для того, чтобы получить содействие Министерства финансов, нужно иметь определенные бумаги от Министерства народного просвещения, а также от Военного министерства. И подсказывает: «...Муж мой состоял при Паскевиче (должно быть, генерале И.Ф. Паскевиче во время Восточной войны 1853–1856 г., на Балканах. – Э.Д.), что и внесено в его формуляре».

Бычков взялся за дело. Сохранился незаконченный черновик отношения, вероятно его, с просьбой о финансовой помощи, в котором перечисляется часть должностей, которые занимал Палаузов, – член Археографической комиссии, член Таможенного департамента; был статским советником; умер 14 августа 1872 г., оставив после себя вдову и трех (или же пятерых? – Э.Д.) детей. И продолжает: «Начав службу 27 сентября 1852 года, он во все ее продолжение отличался усердием, превосходным и точным исполнением всех возлагаемых на него поручений и во время состояния своего во ведомстве Министерства народного просвещения, до перехода в 1860 г. в Министерство финансов, был удостоиваем несколько раз высочайшими наградами. Назначен 20 июня 1868 г. членом Археографической комиссии»⁸.

Продажа, увы, не состоялась, хотя библиотека Палаузова того стоила, да и осиротевшей семье было весьма тяжело жить. Из документов, хранящихся в Болгарском историческом архиве при Национальной библиотеке им. св.св. Кирилла и Мефодия в Софии, известно, что вплоть до 1879 г. сокровища палаузовской библиотеки оставались

у семьи. По идее племянника Спиридона Палаузова – профессора Владимира Палаузова – российского юриста и депутата Учредительного собрания в новоосвобожденной Болгарии, благодаря министру просвещения Марину Дринову библиотека стала одной из первых и основных собраний нынешней болгарской Национальной библиотеки в Софии⁹. Сохранился каталог тех времен, но трудно сказать, является ли он продублированным каталогом 1872 г., который вдова посылала в Императорскую библиотеку.

Завершая рассказ о Спиридоне Палаузове и Измаиле Срезневском, следует обратить внимание на некоторые обстоятельства. О Палаузове даже в Болгарии долго молчали. Если и упоминали, то в связи с воспоминаниями о деятельности одесских болгар. В канун столетия со дня смерти Палаузова Л.И. Ровнякова напомнила о нем в журнале «Русская речь». Чуть раньше В.С. Бородин заинтересовался Палаузовым в связи с изучением творчества Тараса Шевченко и его судьбы.

На рубеже 60–70-х гг. началась благородная и благотворная «шумиха». Покойный доцент д-р Христо Коларов, стажировавшийся в СССР, работая в архивах, отыскал массу архивных документов и вместе с нынешним акад. В. Гюзелевым написал хорошую вводную статью к первому тому избранных сочинений Палаузова (перевод «Века», дело Жельо Желева, будущего президента Болгарии, не очень удался, но главное, что появился.) К этому добавили еще две библиографии – сочинений Палаузова и сочинений, на которые он ссылался. Вторым том посвящен исследованиям Палаузова по новой и современной ему истории, а также историографическим его наблюдениям. Вступительная статья проф. д-ра М. Велевой (воспитанница ЛГУ, выпуск 1951 г.) рассматривает творчество ученого, прослеживает контакты Палаузова с представителями российской интеллигенции. В том включены письма болгарина своим современникам, подготовленные к печати Л. Минковой. Проводились научные форумы, появились публикации в разных научных изданиях¹⁰. О Палаузове заговорили в диссертациях историки. Но в те времена, к сожалению, фотографии его не смогли найти. А потом наступило затишье, и это продолжается до сих пор, за небольшими исключениями, хотя в интернетовских сетях можно найти и приличные материалы о жизни и творчестве ученого. Работа по изучению Палаузова и всего, что с ним связано, должна быть продолжена, так как даже в известных архивах не все материалы просмотрены – по разным причинам.

Выше уже упоминался харьковский профессор, воспитанник О.М. Бодянского в Московском университете, болгарин из Панагюриште Марин Дринов. В 1986 г. появилась книга заслуженного профессора МГУ Л.В. Горинной, а в 2006 г. наконец-то книга была издана и на болгарском языке, правда не в лучшем переводе. В Болгарии почти регулярно к памятным датам Дринова проводятся научные конференции и сборники выходят в свет. Харьковский национальный университет им. Василия Каразина создал Центр болгаристики и балканистических исследований им. Марина Дринова, который открылся в 2006 г. К настоящему времени вышло пять томов его научного органа «Дриновский сборник»¹¹, шестой в печати, а в октябре 2013 г. состоялись очередные Дриновские чтения, приуроченные к 175-летию со дня рождения болгарского и российского ученого; международные чтения будут и в Болгарии. В самом университете давно имеется аудитория им. Дринова.

Назрела необходимость поставить следующие вопросы: существовали ли и какие именно контакты между Харьковским и Санкт-Петербургским университетами в рассматриваемое время? Имеются некоторые достоверные факты, заинтересовавшие мое историческое воображение, типа следующих: 1. У Срезневского якобы были определенные «неприятности» с центральными властями по линии украинской идеи. Почему же тогда центральная власть терпела его в самом Петербурге? 2. Срезневский не числится в почетных докторов Харьковского университета¹². Его не предлагали или же не выбирали? Или же у меня неточные данные? 3. В известных мне обзорах материалов архивов

Срезневского¹³ писем Дринова нет. Нет их к Срезневскому или же от Срезневского и в фондах Дринова в Национальной библиотеке в Софии, а также в Научном архиве Болгарской академии наук. 4. По дороге в Европу вместе с княгиней Голицыной; Дринов состоял частным учителем ее детей) они доехали до Петербурга. Вопрос: встречался ли Дринов со своими университетскими коллегами? Тем более, что по линии Московского университета Дринов является воспитанником Бодянского. По болгарским исследованиям видно, что Бодянский и Срезневский интересовались друг другом и старались не мешать друг другу в общении с болгарами: обоим они были очень нужны, а болгарам не меньше были нужны оба ученых. Они рекомендовали друг другу болгар, которых хорошо знали и которые ездили в Москву из Петербурга или же из Москвы в столицу. При случае рекомендовали их и своим заграничным коллегам. 5. В сочинениях Дринова редко, но встречаются ссылки на Палаузова; имеются соответственные ссылки на Срезневского.

Все перечисленное наводит меня на вопрос: были ли Дринов и Срезневский лично знакомы?

После освобождения Болгарии (1878) Санкт-Петербургский университет окончил со степенью кандидата воспитанник В.И. Ламанского и В.Г. Васильевского, однокурсник А.А. Васильева, будущий выдающийся историк Васил Н. Златарский. До конца дней (1935) он не прерывал своих петербургских связей; более того – создавал новые для своих воспитанников и коллег.

С основоположником византистики в США Васильевым Златарский подружился еще до университета, а со школьных лет и до 1918 г. самым близким его другом был археолог и историк искусства Я.И. Смирнов (1869–1918); дружили они и семьями¹⁴.

Перечислить всех петербургских знакомых и друзей Златарского на данном этапе практически невозможно, тем более нельзя перечислить все его российские связи. Надо отметить, как это ни странно, даже болгаро-советские научные связи в период между двумя мировыми войнами не исследованы и привлекали внимание историков весьма редко¹⁵. Взаимоотношения Златарского с российскими учеными были до Октябрьской революции, продолжились и в советское время вплоть до 1935 г. И не раз Златарский посещал город и страну своего образования. К примеру, в связи с юбилеем св. Климента Охридского вместе с одним из своих учеников – акад. Й. Ивановым, в 1914 г. он посетил Москву, Санкт-Петербург и Казань. Вероятно, тогда и установили связи с Ольденбургом и с Всеволодом, сыном Измаила Срезневского, работы которого позже были опубликованы в изданиях Болгарской АН.

В 1934 г., благодаря авторитету Златарского в славян-

стических и византистских ученых кругах, София стала столицей IV Международного конгресса византистики, но, к сожалению, не все приглашенные смогли приехать, в частности В. Бенешевич из-за запрета советского правительства.

В Петербурге учился на юридическом факультете и секретарь Болгарской экзархии Атанас Шопов, опубликовавший много интересных работ о прошлом и настоящем болгар и Болгарии¹⁶. На рубеже XIX и XX вв. там же стажировалось много болгар, в основном филологов, среди которых следует упомянуть Павла Орешкова¹⁷, который учился у Н.С. Державина и В. Ягича и был близко знаком с Константином Иречком.

Бывали в Санкт-Петербурге и ученые, получившие образование в России или же по всей Европе. Среди них – академики Иван Шишманов, С.С. Бобчев¹⁸ и др. Бобчев, к примеру, воспитанник юридического факультета Московского университета. Он провел несколько лет в столичном городе России в не лучшие времена Первой мировой войны, являясь уполномоченным представителем Царства Болгарского. Возникает вопрос: оставалось ли у Шишманова время заниматься и наукой, пока занимался семейными делами, а у Бобчева – пока старался наладить отношения между Болгарией и Россией. Во всяком случае, оба вели интенсивную переписку со своими коллегами, о чем свидетельствуют некоторые исследования, а также их личные фонды. Но, судя по их творчеству, они всегда были в курсе развития российской науки, политической и культурной жизни страны.

Раньше них некоторое время в Санкт-Петербургском университете учился на юридическом факультете Дмитрий Благоев (1856–1924). Его студенческое дело практически не изучалось. Внимание исследователей акцентировалось на его политической репутации создателя Благоевской группы в Петербурге и Болгарской социал-демократической партии (1891). Тогда как он оказался очень интересным исследователем прошлого и современности, как это убедительно было доказано М. Велевой¹⁹.

Вместо заключения – еще два имени. Первое – Венедикта Мякотина, ровесника Златарского. В Болгарии он читал лекции еще в конце XIX в. После Октябрьской революции эмигрировал и работал в Софийском университете. Там же работал одесский Петр Бицилли²⁰, который в 1917 г. защитил магистерскую диссертацию в Санкт-Петербургском университете.

Смею надеяться, что будущие исследования приведут к дополнению списка участников болгаро-русского общения историков, а об уже известных раскроются новые страницы.

¹ Минкова Л. Петр Иванович Преис – первый болгарист Петербургского университета // *Etudes Historiques*. Т. 8. 1978. С. 75–86.

² Измаил Иванович Срезневский. Биобиблиографични показчик. Харків, 2012; Дроснева Е. Срезневски, българите и България през 170 години // *Дриновський збірник/Дриновски сборник*, Т. 6. Харков; София, 2013.

³ Дроснева Е. Становление русской болгаристики (до середины XIX в.). Дисс. канд. истор. наук. Л., 1980, С. 187–189; Дроснева Е. Срезневски...

⁴ Фай Х. Докторската дисертация на Спиридон Палаузов «Преглед на политико-икономическите възгледи на гърците» // *Известия на Българското историческо дружество*. Т. 36. 1984. С. 49–64.

⁵ Велева М. Как се прави история. Историографски студии. София, 2013. С. 94–158.

⁶ ОР РНБ. Ф. 236, Данилевский Г.П., Ед.хр. 117. Л. 1–3.

⁷ ОР РНБ. Ф. 120, Бычковы, Ед. хр. 1062. Л.1–4.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Каталог книг, приобретенных из библиотеки С. Палаузова для Болгарской Национальной библиотеки в Софии. – Български исторически архив (БИА). Ф.35, а.е. 633. Л. 3–42; Дроснева Е. Срезневски...

¹⁰ Чолов П. Български историци. Биографично-библиографски справочник. София, 1981 (2-е изд. 1999; 3-е изд. 2010).

¹¹ Дриновський збірник // *Дриновски сборник*. Т. 1–5. Харьков; София, 2006–2012.

¹² Почесні члени Харківського університету. Біографічний довідник. Харків, 2008.

¹³ Досталь М.Ю. Материалы архива И.И.Срезневского в ЦГАЛИ России // *Славянские языки, письменность и культура*. М., 1993. С. 237–248; 19. Файнштейн М.Ш. О фонде И.И. Срезневского в Санктпетербургском отделении РАН // *Славянские языки, письменность и культура*. М., 1993. С. 249–257; 13. Минкова Л., Антонова-Василева Л. Ръкопис на Константин Миладинов в архива на Измаил Срезневски. София, 2008.

¹⁴ Дроснева Е. Историографски програми в българското висше училище // *История и историография*. Сборник в чест на проф. д-р Мария Велева. София, 2008. С. 363–408.

¹⁵ Велева М. Как се прави история... С. 536–543.

¹⁶ Тренчева Т. Жизнен път и творческо дело на Атанас П. Шопов. Дипломна работа. София, 1992. 155 с.

¹⁷ Стойчева В. Жизнен път и научна дейност на Павел Орешков. Дипломна работа. София, 1993. 76 с.

¹⁸ Първанов П. Стефан Савов Бобчев – жизнен и творчески път. Дис... д-р ист. Благоевград, 2012. 571 с.

¹⁹ Велева М. Как се прави история... С. 332–384.

²⁰ Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София, 2004.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ИСАЕВ

кандидат исторических наук, кафедра специальных исторических дисциплин и документоведения, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)
Тел.: 8 (909) 440-91-77; E-mail: disaew@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению исторической феноменологии как направления современной российской исторической науки. В центре внимания находятся теоретические установки, показана реакция научного сообщества на новый метод в историографии, обращено внимание на эволюцию некоторых положений феноменологического подхода. Автором предпринята попытка написать историческую феноменологию в контекст развития современной исторической мысли.

Ключевые слова: строгое знание, историческая феноменология, источниковедение культуры, редукция.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, ИЛИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Впервые о феноменологии как комплексном методе в российской историографии было заявлено в 1998 г. в монографии А.Л. Юрганова «Категории русской средневековой культуры». Несмотря на то что она представляла собой конкретно-историческое исследование самооснов русского средневекового общества, под нее была подведена новаторская теоретико-методологическая база. А именно феноменология как метод осуществления беспредпосылочности в обращении с источниками. Автор постулировал, что «никакой реальности помимо источника нет и быть не может». Полемизируя с А.Я. Гуревичем, Юрганов определял категории как «символические основы, не выводимые ниоткуда, кроме как из самих себя»¹.

Стоит сказать, что рождение нового направления состоялось не вдруг. Во-первых, в книге были опубликованы и материалы, уже известные по периодическим изданиям. Во-вторых, к примеру, в статье 1996 г. об идеях И.С. Пересветова рефреном проходит мысль о непонимании смысла полагания человека того времени. По словам автора, «кажущиеся понятными слова на самом деле имели иной, непривычный для нас смысл»². Это важно отметить в связи с тем, что позднее в теоретических работах будет подробно рассмотрен вопрос о непонимании как импульсе познавательной деятельности историка-феноменолога.

В 2001 г. выходит программная статья Юрганова, в которой были более подробно изложены методологические основы исторической феноменологии. Для начала автор обрисовал круг направлений современной исторической мысли, через которые можно понять смысл заявленной новизны. Претензией к исторической антропологии состоит в том, что неопределенной остается методологическая система. Позитивизм не удовлетворяет вследствие отказа от синтеза, а также за реконструкцию «объективной реальности прошлого». Наконец, постмодернистские течения критикуются за целевую установку – «обосновать бесконечную множественность причинно-следственных связей, которые не знают никаких границ и преград в пространстве Текста»³. Философские основы этого направления Юрганов связывает с именами Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Само понятие феномена, принцип беспредпосылочности, интенциональность (направленность сознания на предмет), так называемые отказы (эпохе), или очищение сознания от естественных установок находятся в методологическом основании и исторической феноменологии. Автор пишет, что «существуют три основные формы зависимости историка от установок естественно-научного и обыденного сознания. В аксиоматическом плане эти три осознанных «отказа, воздержания» от собственного «Я» дают первичное <...> оформление исторической феноменологии как метода изучения истории и культуры, основанного на идее беспредпосылочного анализа смыслополагательной сферы человека»⁴. Эти отказы связаны с установками на психологизм, здравый смысл, генетический детерминизм.

Данная исследовательская платформа предполагает особое отношение к историческому источнику, который является не просто хранилищем нужной исследователю инфор-

мации, а intersубъективной реальностью. Как пишет автор, «задача историка-феноменолога – дать “чужой одушевленности” право на монолог. В этом смысле источник – самоцель и единственная реальность, несущая в себе собственные и исчерпанные (т.е. самодостаточные) смыслы»⁵.

Трудности усвоения эпистемологических оснований направления среди коллег по историческому цеху, многочисленные отклики вынудили феноменологов к дальнейшему обоснованию метода. В 2003 г. появляется совместная книга А.Л. Юрганова и А.В. Каравашкина. В ней были собраны работы, написанные в разное время, но теперь помещенные в «историко-феноменологический контекст». Все более проясняется понятийный аппарат. Например, говорится об «очевидности» авторского сознания в источнике, которое противопоставляется бессознательным системам, изучающимся в рамках исторической антропологии. По словам Юрганова, «парадокс новейшей науки заключается в том, что она, возвышаясь над гигантским слоем очевидностей, не хочет их видеть. Современный интерпретатор активно исследует подтекстовую реальность, вторгается в область бессознательного, в то время как опыт прямых высказываний автора порой так и остается в полном пренебрежении»⁶.

Окончательное оформление теоретико-методологической базы историко-феноменологического метода завершилось в 2005 г. изданием монографии «Регион Докса. Источниковедение культуры». Источниковедение культуры определяется как дисциплина исторической феноменологии. Работа состоит из двух частей, где первая посвящена философским проблемам феноменологии, во второй дано обоснование метода в исследовательской практике.

Итак, почему феноменология? Феномен – единственная реальность, которой мы располагаем. Он рождается из взаимодействия сознания и предмета. «Между тем, – пишут авторы, – традиционная гносеология всегда различала внешний мир и его субъективное видение. Гуссерль, напротив, утверждал, что подобное противопоставление нелогично, абсурдно: ведь предмет наличествует в полной мере только тогда, когда овладевает нашим восприятием, или нашим воображением <...> и, наоборот, восприятие, воспоминания, фантазии не могут существовать без воспринимаемого, без того, на что обращены определенные интенции»⁷. Одно из ключевых для феноменологии разделение – на мир допущений (Докса) и мир строгого знания (Эпистеме). Первое – это обычное состояние сознания, так называемая естественная установка. Область этой установки – «жизненный мир». Соответственно, можно говорить о жизненном мире ученого, но и жизненном мире людей прошлого. Для изучения данного мира необходима методологическая процедура – отказ от области реального сознания, редукция, «эпохе». Очищение позволит перейти в область чистого сознания, освобожденного от предпосылок современного историку мира, и увидеть феномен чужого сознания. «Что именно я вижу и как я вижу, интересует феноменолога», – пишут авторы⁸. Для историка таким феноменом является исторический источник, так как именно он непосредственно нам дан.

«Аподиктично лишь то знание, которое обнаруживается при непосредственном наблюдении объектного основания; для историка – это источник»⁹. В источниках культуры мы изучаем реальное историческое сознание, отсюда дисциплина – источниковедение культуры.

В обоснование метода авторы выступают против гипотез, интерпретаций, так как они неокончательны, бесконечны с точки зрения смыслов. Символизация не удовлетворяет феноменологов за удвоение смысла через образы, возникающие, опять же, между предметом и сознанием¹⁰.

А.В. Каравашкин и А.Л. Юрганов, строго различая объяснение (внешнее описание объекта) и понимание (восприятие смысла источника), предлагают герменевтический круг понимания, соответствующий программе феноменологического исследования. Среди его признаков можно выделить следующие:

- редукция любых допущений (гипотез, концепций и т.д.);
- анализ герменевтической ситуации, т.е. определение историографического контекста кризиса объяснений и необходимости понимания;

- понимание как беспредпосылочный опыт аналитики¹¹.

Таким образом, основания новой дисциплины, согласно авторам работы, выглядят следующим образом. Во-первых, источник – это внешнее выражение результата человеческой деятельности, поскольку чужая одушевленность непосредственно нам не дана. Во-вторых, источниковая реальность необратима, т.е. смысл, выраженный в источнике, имеет завершённый характер. В-третьих, источник первичен по отношению к допытной рефлексии историка. В-четвертых, источник всегда содержит в себе имманентную достоверность, т.е. «источник как феномен культуры всегда достоверен по отношению к чему-то». Наконец, согласно принципу дополненности, «источниковедение культуры не отрицает опыта предшественников и лишь вносит свое разграничение в сферы деятельности историка»¹².

Предложенная теоретическая платформа вызвала неоднозначную реакцию среди историков-профессионалов. Одни исследователи с пониманием относятся к построению коллег-феноменологов, не упуская возможности дискутировать с ними по отдельным вопросам в области эпистемологии. Для других характерен критический взгляд на возможности исторической феноменологии в целом.

Начать следует с дискуссии на защите Юргановым докторской диссертации. Можно говорить о том, что обоснование подхода автором не было развернутым, что позволило А.Я. Гуревичу отнестись изыскания диссертанта к историко-антропологическому направлению¹³. Корректно высказался в рецензии по поводу «Категорий» В.М. Панеях, отметив наличие элементов постмодернизма во взглядах автора. «Обоснованно отказываясь от однозначных ответов на трудные вопросы, – продолжает рецензент, – автор придерживается слишком аподиктичной манеры изложения»¹⁴.

Интересную дискуссию вызвала статья Юрганова «Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки». Участники, положительно высказавшись о поисках автора, остановились и на критике метода. Так, Г. Зверева отметила, что дискуссии о противостоянии понимания и объяснения, соотношения факта и интерпретации сложнее, чем представляется автору. По мнению И. Ионова, феноменологический подход в работе только постулируется. Ученый говорит, что пути устранения воздействия субъективности историков недоуманы, так как необходимо различать субъективность с собственно субъектностью, которая неустраима одним «волевым отказом». Наконец, И. Ионов возражает, что «редукция научных конструкций сама по себе не решает проблемы восприятия смыслов прошлого, ибо <...> эти смыслы, рассчитанные на циркуляцию в пределах одного “жизненного мира”, не переводимы до конца на язык другой...». М.Ф. Румянцова же задает, возможно, самый очевидный вопрос: как реализовать на практике эти три отказа феноменологии?¹⁵

Свои отзывы получила книга «Регион Докса»¹⁶. Несколько откликов вызвала и монография Юрганова «Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени», вышедшая в 2006 г. Остановимся на комментариях теоретиче-

ского свойства. А. Ранчин соглашается, что понимание источника – обязательное условие герменевтической процедуры. Но, продолжает ученый, постулирование его как единственного метода обрекает исследователя на подчинение источнику. По его словам, «исследователь должен слушать не только “голос” источника, но и подтексты этого “голоса”, то, о чем источник *прямо* не сообщает». К тому же рецензент не может согласиться с отказом от гипотез и интерпретаций в силу самой вероятностной природы и избирательности исторического знания¹⁷. В рецензии А.Н. Власова также читаем, что «любые объяснительные процедуры относительно текста, заключающего в себе интенции чужого сознания, направлены так или иначе на реконструкцию смысла источника <...> вряд ли уж столь необходимо заявлять о рождении новой научной дисциплины “источниковедение культуры”, если существует источниковедение вообще, в частности, текстология, с широким спектром методологических подходов и принципов анализа и описания источника»¹⁸.

Наверное, самый последовательный разбор феноменологического подхода обнаруживаем в монографии Л.Б. Сукиной. Автор выделяет в российской историографии и рассматривает два феноменологических подхода: «Феноменологию культуры» А.С. Лаппо-Данилевского, представленную в работах О.М. Медушевской и М.Ф. Румянцевой и собственно историческую феноменологию А.Л. Юрганова и А.В. Каравашкина. Остановимся на характеристике второго из предложенных подходов. По словам автора, «его категорическое стремление к освобождению от социологизма и психологизма исторической науки не может не вызывать симпатии в условиях нашей зачастую излишне “фрейдизирующей” гуманитаристики». С другой стороны, продолжает Л.Б. Сукина, «без объясняющих методов антропологии <...> мы рискуем получить неполную или даже искаженную картину прошлого, “беспредпосылочно” анализируя только один круг источников и отказываясь от своих знаний о сложной и неоднозначной природе человека...»¹⁹.

Более скептический взгляд на возможности исторической феноменологии находим в рецензиях М.М. Крома, Д.М. Буланина²⁰. Первый в рецензии на «Категории» спрашивает, действительно ли в книге используется феноменологический метод, поскольку, феноменология – дескриптивная наука, а Юрганов не только описывает, но и объясняет. По мнению рецензента, то, что демонстрирует автор, является «старой доброй» лингвистической герменевтикой, не способной, однако, решить такие глобальные проблемы, как власть и собственность в России²¹.

В рецензии на монографию 2003 г. М.М. Кром обосновывает тезис о близости построений Юрганова и К^о позитивизму, антропологии и постмодернизму. С первым феноменологию Юрганова роднит «архаичное» представление о фактах первого («чистых», существующих сами по себе) и второго (фактах сознания) видов. Вообще, как пишет М.М. Кром, «противопоставлять герменевтику и позитивистскую историографию не имеет смысла, поскольку искусство истолкования текстов с самого начала укоренено в исторической профессии». Близость к антропологии, по словам рецензента, наблюдается в терминологии (ментальность, картина мира), стремлении понять Другого. Наконец, постмодернистские стратегии видны в отказе от социальной истории, сближении с литературоведением. Ученый заключает, что название «историческая феноменология» способно только дезориентировать²². Справедливости ради следует отметить, что конкретно-исторические сюжеты разбираемых работ рассматриваются рецензентом в более позитивном ключе.

Необходимо сказать, что такая завершённая, почти монолитная теоретическая конструкция, что представляет собой историческая феноменология, изначально содержит в себе элементы уязвимости, противоречивости. Поэтому наличие критических выпадов коллег историков можно признать закономерным явлением. Позволим себе также высказаться по одному немаловажному вопросу. Речь идет о построении строгого, аподиктичного знания.

С одной стороны, феноменологами предполагается изучение имманентной реальности источника, которая необратима, завершена. То есть имеет один смысл, который и необходимо реконструировать. В итоге приобретает достоверное знание, «как оно было на самом деле», но в сознании автора источника. Именно поэтому вызывает возражение Юрганова тезис А.Я. Гуревича о том, что мы задаем свои вопросы человеку прошлого, в результате чего каждое поколение неизбежно переписывает историю. Однако, с другой стороны, признается, что «специфика гуманитарной науки в ее принципиальной неточности, так как она обращена не только к эмпирии, но и к особому вторичному миру, где все пребывает в постоянном движении и смыслопорождении»²³. Представляется, что если оба тезиса в конечном итоге не противоречат друг другу (а на первый взгляд – противоречат), то, по крайней мере, требуют обстоятельного согласования. Иначе говоря, не сталкиваемся ли мы с очередной апорией, когда естественнонаучную установку классической науки пытаемся прямолинейно примирить с гуманитарными стратегиями науки позднейшего времени?

На протяжении ряда лет теоретические установки авторов не оставались неизменными, а претерпели некоторую эволюцию. Это можно объяснить как внутренними причинами развития научного инструментария, так и реакцией на вопросы исторического сообщества, призванной прояснить ключевые позиции феноменологии. Во-первых, стоит обратить внимание на терминологический аппарат. В 1998 г. было заявлено о рождении нового метода в исторической науке – феноменологии. Предмет ее определялся как «самосознание человека и общества в динамике собственных изменений»²⁴. В сборнике 2003 г. мы встречаем уточнение, что в центре внимания ученого должны быть прямые высказывания автора источника, которые, тем не менее, не очевидны для сознания исследователя и нуждаются в реконструкции. Тогда же появляется термин «источниковедение культуры», обосновывающий новую дисциплину метода. Важно заметить, что постепенно это понятие все более предпочитается «феноменологии», упоминания о которой мы уже не встретим в новейших публикациях Юрганова. Возможно, причина этому кроется в отказе от столь претенциозного термина, режущего слух историка-позитивиста, в пользу более нейтрального, каким выглядит собственно «источниковедение культуры». Все более популярным у авторов становится концептуальный термин «жизненный мир», взятый из феноменологической социологии. Он активно используется в тексте работы «Регион Докса». А в новейшей монографии Юрганова даже выведен в самом названии²⁵.

Некоторую эволюцию претерпевает само понимание источника в рамках феноменологии. Рискнем предположить, что первоначально авторов почти устраивало определение исторического источника, предложенное А.С. Лаппо-Данилевским. Во всяком случае, пояснения по этому поводу были минимальны. Определение источника, которое мы встречаем в сборнике «Опыт исторической феноменологии», представляет собой вариант уже ставшего хрестоматийным: «памятники прошлого <...> заряжены мифологическим содержанием, т.е. представляют собой материализованный продукт человеческой психики»²⁶. Дальнейшие размышления А.Л. Юрганова и А.В. Каравашкина о природе источника привели к большей корректировке. Неудовлетворенность определением А.С. Лаппо-Данилевского выразилось в том, что оно ориентирует на «чужую одушевленность», изучение человеческой психики. Между тем «нам непосредственно не дана чужая одушевленность. Мы не можем войти в чужое сознание, смотреть его глазами. Нам не дана чужая свобода воли»²⁷. В результате появилось развернутое определение исторического источника как «внешней стороны человеческого духа; результата деятельности чужого сознания; самой реальности прошлого»²⁸.

Попытки поместить историческую феноменологию в контекст современной науки уже имели место. Мы упоминали о том, что М.М. Кром во многом отождествляет

рассматриваемый подход с позитивизмом, находит черты и постмодернизма. Зачастую это выглядит обоснованным. А.В. Лубский поместил феноменологию в рамки неклассической парадигмы как одно из направлений истории повседневности. Данный тезис вызывает некоторые возражения. Во-первых, историческая феноменология слишком широко трактуется как «методологическая основа истории повседневности»²⁹. Во-вторых, она рассматривается наряду с другими направлениями, имеющими объективистские основания. Однако сами феноменологи подчеркивают свою необъективистскую установку. Наконец, для неклассической модели характерен принцип вживания, который получает свою долю критики в работах наших авторов.

Наши предварительные наблюдения выглядят следующим образом. Если вернуться к размышлениям М.М. Крома, то нужно отметить, что от позитивизма феноменологию отличает сама необъективистская установка: реальность прошлого как таковая феноменолога не интересует. Что касается постмодернизма, то его Юрганов критикует за то, что он не предложил выхода из кризиса, стал заложником своего тезиса, что не может быть никакой верификации в истории³⁰. Тем не менее мы поддерживаем тезис, согласно которому это направление органично восприняло некоторые черты и позитивизма, и постмодернизма. Думается, что здесь уместнее говорить о классической, неклассической и постнеклассической науках (в рамках предложенной А.В. Лубским теории), в которые можно поместить позитивизм, историческую антропологию, постструктурализм и т.д.

С классической наукой историческую феноменологию роднит сама претензия на получение достоверного строгого знания, добытого исследователем, который смог нейтрализовать свою субъективность в процессе познания. Сам Юрганов говорит о возможности позитивизма с феноменологическим уклоном³¹. Здоровое же начало постмодернизма сказалось в том, что историк-феноменолог ограничил объект исследования источником (Текстом), отказавшись от допущений в сфере построения метаисторических конструкций.

Если принять концепцию А.В. Лубского о парадигмах исторического исследования как идеальную модель, то феноменология Юрганова и К^о скорее относится к неоклассической парадигме. Соотносимая с постнеклассическим этапом, она ознаменовала собой усталость от релятивизма и интеллектуальных игр постмодерна и возврат к стратегии получения верифицируемого исторического знания как основы самосознания общества. Особенность неоклассики в том, что она постаралась вобрать в себя наиболее сильные стороны предыдущих моделей познания. Одним из ее принципов является холизм, ориентирующий на «необходимость целостного изучения предмета исследования». Как пишет А.В. Лубский, «неоклассики рассматривают смысл текста как сферу не только индивидуального, но и коллективного восприятия мира. Для них ключевым понятием является культура, понимаемая в данном случае не как «высокая культура», а как система восприятий, характеризующая общество и спланирующая его членов»³².

Сходные идеи обнаруживаются в рассуждениях Юрганова, также отметившего «напряженный поиск вожденной целостности» в современном научном сообществе. По его словам, «научное творчество перестанет выполнять общественные функции, если по-прежнему будет игнорировать абсолютную целостность во имя единичных релятивистских «истин», гипотез, домыслов, схем и фрагментарных реконструкций». Направленность феноменологии на реконструкцию чужого миропонимания способствует тому, что «открывается мировоззренческая общность, складываются структурообразующие принципы той или иной конкретно-исторической формации, спаянной едиными духовными основаниями»³³. Неоклассические черты также просматриваются в так называемом «принципе дополнительности», согласно которому не отрицается прежний опыт науки, однако вводятся определенные разграничения: «в идеале историк-позитивист и историк-феноменолог помогают друг другу в освоении

источниковой реальности, если они отчетливо представляют познавательные границы используемых методов»³⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что историческая феноменология как метод в исторической науке, безусловно,

существует. Представляется, что появление его стало возможно именно в условиях серьезных трансформаций в образе исторической науки последней трети XX – начала XXI в.

¹ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 7, 24.

² Юрганов А.Л. Идеи И.С. Пересветова в контексте мировой истории и культуры // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 24.

³ Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 41–50.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 20.

⁷ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса. Источниковедение культуры. М., 2005. С. 19.

⁸ Там же. С. 39.

⁹ Там же. С. 155.

¹⁰ Там же. С. 35, 49.

¹¹ Там же. С. 162.

¹² Там же. С. 163–173.

¹³ Вокруг книги А.Л. Юганова «Категории русской средневековой культуры» // Одиссей: Человек в истории. 2000: История в сопоставительном наклонении? М., 2000. С. 301.

¹⁴ Панях В.М. рец.: А.Л. Юрганов Категории русской средневековой культуры // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 163–165.

¹⁵ Дискуссия по статье Андрея Юрганова «Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки // Россия XXI. 2003. № 4. URL: http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2003/diskussia_04_2003.htm.

¹⁶ Муравьев В.А. рец.: А.В. Каравашкин, А.Л. Юрганов Регион Докса. Источниковедение культуры // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 169–171.

¹⁷ Ранчин А. «Художественное» убийство или богословская вольность? // Новое литературное обозрение. № 89. URL: <http://www.plobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/789/814/>

¹⁸ Власов А.Н. О книге А.Л. Юганова «Убить беса: Путь от Средневековья к Новому времени» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1. С. 110.

¹⁹ Сукина Л.Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М., 2011. С. 61.

²⁰ См.: Буланин Д.М. Дух празднословия (в связи с выходом книги А.Л. Юганова «Убить беса») // Русская литература. 2008. № 1. С. 105–136.

²¹ Кром М.М. Герменевтика, феноменология и загадки русского средневекового сознания // Отечественная история. 2000. № 6. С. 94–102.

²² Кром М.М. Зрячий миф, или парадоксы «исторической феноменологии» // Новое литературное обозрение. № 68. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/kro27-pr.html>

²³ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. С. 10.

²⁴ Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. С. 48.

²⁵ Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

²⁶ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. С. 17.

²⁷ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса. С. 163–164.

²⁸ Там же. С. 158.

²⁹ Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 174.

³⁰ Источниковедение культуры: альманах. Вып. 1. М., 2007. С. 13.

³¹ Источниковедение культуры: альманах. Вып. 2. М., 2010. С. 7.

³² Лубский А.В. Указ. соч. С. 296, 299.

³³ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. С. 9.

³⁴ Там же. С. 22.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КРИВОШЕЕВ

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой исторического регионоведения исторического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Тел.: 8 (921) 929-34-57; E-mail: kriwosheew@mail.ru

В статье на основе архивных документов рассматриваются общественно-политические взгляды одного из крупнейших отечественных историков академика М.К. Любавского. Автор приходит к выводу о неизменности их на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: М.К. Любавский, А.И. Гучков, академическое дело, государственник.

К ГОСУДАРСТВЕННЫМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ВЗГЛЯДАМ М.К. ЛЮБАВСКОГО

Академик М.К. Любавский известен прежде всего как выдающийся отечественный историк, о чем в последнее время, после десятилетий забвения, сказано уже немало¹. Вместе с тем М. К. Любавский был, несомненно, крупной фигурой в организации и администрировании сферы российского университетского образования. Как известно, он занимал высокие должности в Императорском Московском университете, будучи деканом историко-филологического факультета, а затем ректором². Находясь на таких высоких постах во время революционных потрясений, невозможно было оставаться в стороне от политических коллизий. И хотя М. К. Любав-

ский старался поставить университет вне политики, сам он принимал активное участие в происходящем, реагируя печатным словом на острейшие события современности³.

Целью данной статьи является введение в научный оборот документов, подтверждающих неизменность его общественно-политического кредо, обозначившегося еще в дореволюционный период.

Известно, что советской властью М.К. Любавский привлекался и был осужден по «Академическому делу». Он был арестован 9 августа 1930 г. «в Москве на своей квартире»⁴. После перемещения в Дом предварительного заключения в Ленинграде, через пять дней он начал давать

показания. Уже в анкетах подследственного и на первых допросах следствием стандартно уделялось внимание его общественно-политическим взглядам. Так, на первом допросе 14 августа 1930 г. в графе «политические убеждения» следователем с его слов было записано: «Будучи до войны несомненным монархистом, со времени войны перестал быть таковым...»⁵

На допросе 22 августа, видимо отвечая на вопросы следователя, он дает более развернутое объяснение своего политического мировоззрения. «Чистосердечно признаюсь, – говорил он, – что я по убеждениям монархист. Действительно, была эволюция в моих политических убеждениях в сторону конституционной монархии, вызванная крушением династии Романовых, но все же я сторонник твердой власти, на принципе сохранения бывшей России в ее областях и с преобладающим влиянием великорусского племени»⁶.

В свою очередь, в анкете в графе «партийность» М.К. Любавский отмечал: «Беспартийный. Никогда ни в каких партиях не состоял, ближе всего до Революции стоял к «Союзу 17 октября»»⁷.

И в этой связи чрезвычайно интересными являются документы следствия, из которых видны достаточно близкие и доверительные отношения М.К. Любавского и лидера «октябристов» А.И. Гучкова.

В «архивно-уголовном деле» М.К. Любавского сохранился любопытный документ из «охранки» – «Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве». Донесение было направлено директору департамента полиции особого отдела под грифом «совершенно секретно» с датой отправления 5 января 1917 г. и получения 7 января 1917 г.

Сам же документ был запрошен ОГПУ из Архива Революции и Внешней политики и получен 12 октября 1930 г. следственными органами со следующим пояснением: «Ленинград – НАЧСО ППОГПУ ЛВО. При сем сопровождаются копии документов, полученные нами из архива Революции и внешней политики, относящиеся к академику М.К. Любавскому»⁸.

Для чего это полицейское донесение понадобилось следователю, не совсем понятно, поскольку М.К. Любавский открыто признавал свои монархические взгляды и идейную близость к октябристам. Возможно, по мысли следователей, он еще раз должен был подчеркнуть контрреволюционность академика или его способность к организационной деятельности. Сказать что-либо трудно. Однако можно констатировать, что дальнейший ход этот документ не получил – ни в прямом, ни в косвенном виде в «деле» М.К. Любавского не упоминается и не встречается, в качестве какого-либо доказательства он также нигде не фигурирует.

Тем не менее он представляет, несомненно, определенный интерес, поскольку проливает свет на ситуацию весны-лета 1917 г., положение дел в партии октябристов, а также свидетельствует об авторитете М.К. Любавского в политических кругах России того периода.

В документе говорится, что «в газетах появились заметки о состоявшемся 30 декабря минувшего (1916. – Ю.К.) года в Москве заседании центрального комитета союза 17 октября, под председательством А.И. Гучкова. В разъяснение тех обстоятельство об этом заседании, которые по тем или иным причинам не могли быть помещены в газетах, имеются следующие сведения. В заседании принимали участие всего около 15 человек, и в их числе известные октябристы Н.И. Гучков, К.[П.] Бахрушин, Н.В. Щенков, профессор М.К. Любавский и др.»⁹. Таким образом, видим, что М.К. Любавский в глазах московской «охранки», в отличие от ряда других, отнюдь не относится к разряду «других», а, более того, в числе первых пофамильно отмеченных на заседании ЦК Союза 17 октября. Нельзя забывать и того, что М.К. Любавский в это время еще находится в должнос-

сти ректора Московского университета с чином статского советника – официального лица немалого ранга.

Что же услышал М.К. Любавский от А.И. Гучкова? «Доклад А.И. Гучкова Комитету, – отмечается в донесении, – главным образом состоял в освещении настоящего политического положения в связи с убийством Григория Распутина». И далее: «При оценке создавшегося политического положения Гучков высказался в самом мрачном духе, почти в смысле полной безнадежности найти какой-либо выход при настоящей разрозненности общественных сил и партий. Но при всем своем пессимизме Гучков наметнул в докладе на возможность неожиданного выхода из тупика в ближайшие дни, вне воздействия и усилий общественности, причем также дал понять, что в случае такого выхода, по его мнению, возмут верх прогрессивные начала общественности, в частности, имелся в виду Прогрессивный блок Государственной думы»¹⁰.

Автор донесения «полковник Мартынов» делает и свои выводы: «Собственно, сокровенною целью предпринятых А.И. Гучковым и его группой (! – Ю.К.) выступлений является желание оживить деятельность союза 17 октября, чтобы не уступить полного первенства в политической борьбе текущего момента партии к.-д., привлекающей теперь к себе главнейшее внимание»¹¹.

Конечно, участие М.К. Любавского и в этом, видимо, немаловажном для октябристов заседании может показаться лишь эпизодом. Но вот и другой документ показывает его отнюдь не в роли статиста в политической жизни в данном случае бурного 1917 г.

На том же допросе 22 августа 1930 г. М.К. Любавский свидетельствует: «Я был знаком с Гучковым, мало с кн. Львовым, бывал у меня первый. Мне хорошо запомнился его визит ко мне, в [1917 г.] момент, когда он был отстранен от поста военного министра, Гучков придя ко мне сказал: «За то, что произошло, мы ответственны перед историей». Здесь он ясно хотел подчеркнуть, что он событиям не сочувствует. Я держался его точки зрения ему в этом не возражать»¹².

Как же воспринял М.К. Любавский то, что произошло во второй половине 1917 г.? «Мое отношение к последующим событиям, т.е. к октябрьскому перевороту, – признается он, – было отрицательное. Я считал, что социальная (коммунистическая) революция возможна лишь в стране с развитой промышленностью, с большой культурой, а наша страна не имела ни того ни другого, а даже являлась и является страной аграрной и с многомиллионным крестьянским населением. Такого мнения держались, как мне кажется, и мои коллеги: Готье, Яковлев, Пичета и другие»¹³. Затронул М.К. Любавский и свое отношение к международным делам: «Враждебное отношение во многом вызвал Брестский мир, который явился недостойным России»¹⁴.

Общее положение России в результате революции М.К. Любавскому историку виделось так: «Русское государство, обесиленное войной и революцией, было поставлено в условия, когда оно теряло то, что создало в течение 200 лет. Я считал, что ни Керенский и Временное правительство, ни большевики не защищают интересы русского государства а наоборот, игнорируют. Обеспечить интересы русского государства могла в то время лишь власть твердая (конституционно-монархическая), избранная в контакте с союзниками, что в общем и целом дало бы возможность русскому государству не иметь позорного (Брестского) мира. В настоящее время такое положение обеспечило бы России в прежнем ее виде, что отвечало бы интересам русского народа и его перспективному (экономическому) развитию»¹⁵.

Таким образом, М.К. Любавский предстает перед нами человеком с длительными твердыми политическими убеждениями, в основе которых лежат взгляды государственника.

¹ Дегтярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В. Академик М.К. Любавский и его наследие // М.К. Любавский. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996; Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2005; Карев Д.В. Академик М.К. Любавский: судьба и наследие // Наш радавод. Гродно, 1994. Кн. 6. Ч. 3.

² Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М. К. Любавский. С. 144–194.

³ См. и ср.: Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский. С. 154–157 и сл.; Карев Д.В. Академик М.К. Любавский: судьба и наследие. С. 480–483, 491.

⁴ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. П-65245. Т. 11. Л. 167 об.

⁵ Там же. Л. 185.

⁶ Там же. Л. 191 об.; Т. 19. Л. 239, 240.

⁷ Там же. Т. 11. Л. 185.

⁸ Там же. Л. 178.

⁹ Там же. Л. 179.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. 179 об.

¹² Там же. Л. 191 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 191 об. – 192.

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА МИНИНКОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ЮФУ
(Ростов-на-Дону)

Тел.: 8 (918) 553-38-54; E-mail: lvmininkova@svedu.ru

В.О. Ключевский обращал внимание на земские соборы как на предпосылку перехода от государства-вотчины к государству Нового времени. Земский собор 1613 г. он рассматривал как результат эволюции подобных учреждений. Он подчеркивал, что в первых земских соборах не существовало представительства.

Ключевые слова: теория вотчинного государства, земский собор, царская вотчина, новое политическое сознание.

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ О ЗЕМСКОМ СОБОРЕ 1613 г. В СВЕТЕ ТЕОРИИ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА

Придавая самое большое значение фактору развития политического сознания русского общества, в качестве одного из значимых исторических явлений, способствовавших этому развитию, В.О. Ключевский выделял земские соборы. Принимая вместе с теорией вотчинного государства и указывая на переход от государства-вотчины к государству Нового времени как на характерный для страны процесс, он связывал этот процесс с разными формами общественной активности. Отсюда он обращал внимание на земские соборы как на важную предпосылку перехода от государства-вотчины к государственности Нового времени.

Анализируя статью Ключевского «Состав представительства на земских соборах древней Руси», Л.В. Черепнин отмечал, что в ней были намечены три направления в изучении земских соборов. Это – их особенность по сравнению с западными сословными собраниями, их исторические предпосылки и их значение для дальнейшего развития системы представительства в России. В целом Л.В. Черепнин оценивал взгляды Ключевского на земские соборы как шаг назад по сравнению с взглядами В.И. Сергеевича и В.Н. Латкина, поскольку Ключевский считал их явлениями «крайне скучными и бесцветными». Но Черепнин подчеркивал также сильную сторону воззрений Ключевского на земские соборы, которая выражалась в том, что в них выдающийся историк увидел «известное движение, рост»¹. Такое движение шло в сторону превращения соборов в представительный орган, а также в сторону формирования в обществе новых политических понятий и представлений.

Мысль о том, что взгляды В.О. Ключевского на земские соборы не оставались неизменными, проводилась М.В. Нечкиной. Она подчеркивала, что первоначально им давалась их пессимистическая оценка, поскольку он не считал возможным видеть в соборах настоящие представительные учреждения. В дальнейшем, ко времени работы над «Курсом русской истории», оценки Ключевского изменились. Так, если в земских соборах времени Ивана Грозного он не видел представительства, то, подчеркивала М.В. Нечкина, уже в соборах XVII в. оно, по мнению историка, присутствует. Нечкина объясняла такое утверждение тем, что Ключевский искал «в обстановке 1905 г.» «исторические элементы конституционного строя»².

Среди земских соборов в России XVI–XVII вв. весьма значительное место Ключевский уделил Земскому собору 1613 г. Это было не только потому, что собор был избирательным. Прежде всего, определялось это тем, что на основании анализа хода данного собора и его итогов он стремился выявить предпосылки развития взглядов русского общества на государство, на характер своих взаимоотношений с царской властью. Между тем проблема эволюции государственного строя и характера взаимоотношений между монархической властью в России и народом относилась к наиболее значимым для Ключевского. В этой связи причины особого интереса выдающегося историка к этому собору совершенно очевидны.

За последнее время Н.В. Щербень обращала внимание на то, как, на взгляд В.О.Ключевского, Земский собор 1613 г. пережил своеобразную эволюцию. Она подчеркивала, что этот земский собор характеризовался Ключевским как избирательный. Но им было отмечено, как замечала Щербень, что это «собрание» «как-то превратилось в исполнительное, ответственное перед тем, кому оно дало власть». В этом, подчеркивала Щербень, проявилась то, что, с точки зрения Ключевского, «суть власти осталась прежней», и в сознании русского общества сохранился утверждавшийся в течение нескольких веков взгляд, в соответствии с которым «государство – «хозяйство государя»». Тем самым, согласно Ключевскому, Собор 1613 г., имевший место «на заре «разделения властей» в России», не довел и не мог довести до завершения такое разделение. Определялось это тем, что, как считал Ключевский, «вотчинность» власти одержала верх над избранным народом представительным органом», – правомерно указывала Щербень³.

Вместе с тем характер и особенности взглядов Ключевского на земские соборы едва ли могут быть полностью усвоены без учета его отношения к вопросу о воздействии земских соборов на состояние вотчинного государства. «Курс русской истории» дает возможность проследить, каким было отношение историка к этому воздействию и какое значение придавал он земским соборам в процессе изживания вотчинного государства как исторического наследия удельной Руси, доставшегося Московскому государству, в том числе Земскому собору 1613 г.

Во взглядах на избирательный Земский собор 1613 г. и на избрание на престол Михаила Романова до Ключевского в отечественной исторической мысли сложилось несколько традиций. Одной из них была монархическая. В записке Н.М. Карамзина «О древней и новой России» по отношению к собору и к его избраннику явно выражалось восторженное, доходившее до благоговения и монархопатриотического восторга отношение. По словам Карамзина, «избранные знаменитейшие люди и в храме Успения, вместе с пастырями церкви и боярами, решили судьбу отечества». Он не отмечал на соборе никаких противоречий. «Никогда народ не действовал торжественнее и свободнее, никогда не имел побуждений святейших... Все хотели одного – целости, блага России. Не блистало вокруг оружие; не было ни угроз, ни подкупа, ни противоречий, ни сомнения»⁴, – писал историограф. Трудно найти более антиисторичный текст, выходящий из-под его пера. Известно, что на соборе велась самая острая борьба, а Михаил Романов был избран в результате этой борьбы.

С позиций позитивистской объективности стремился подойти к характеристике этого события С.М. Соловьев. Он писал об этом соборе немного. Но историзм его в описании этих событий проявился значительно выше, чем в записке Н.М. Карамзина. Соловьев писал не только о согласии. Более важной стороной работы этого собора было совсем иное. Соловьев отмечал, что в ходе ее «начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовались стороны, но ни одна из них не брала верх»⁵. Конечно же, эти строки значительно лучше и достовернее передают реальную обстановку на избирательном соборе, чем благостный монархический отрывок из записки Карамзина.

Над свидетельствами о Земском соборе 1613 г. историк русского права и земских соборов В.Н. Латкин сделал важные источниковедческие наблюдения. Так, им обращалось внимание на то, что на первых заседаниях земского собора была «масса партий, враждебно настроенных одна против другой и преследующих совершенно различные цели, сильнейшая агитация, не брезгающая даже такими средствами, как подкуп». Однако по-иному происходили «последние заседания: полнейшее единение, мир и тишина среди выборных, все партии соединяются в одну и, начиная с митрополитов и бояр и кончая «сущими младенцами» провозглашают царем Михаила Федоровича Романова»⁶. Такое различие в сообщениях о начале и завершении Земского собора 1613 г. Латкин объяснял особенностями источников. Он указывал, что источниками, сообщавшими о соборе, являлись «памятники <...> преимущественно происхождения официального». И поэтому «в них ничего не говорится о том, что происходило на первых соборных заседаниях, напротив, везде только встречаются известия, что Михаил Федорович был избран единогласно, как собором, так и всем Московским государством»⁷. В этой связи Латкин не был склонен доверять сообщениям официальных источников о Земском соборе 1613 г.

При различиях во взглядах на Земский собор 1613 г. все историки видели его политический смысл в избрании на престол царя и в выходе страны из состояния Смуты. Иных политических смыслов, заключенных в этом соборе, до Ключевского не выделялось. Между тем изучение Ключевским истории предшествовавших земских соборов и событий Смуты подводило его к выводу, что политический смысл этого избирательного земского собора не ограничивался избранием нового царя и даже созданием тем самым важнейшего условия для завершения Смуты.

Земский собор 1613 г. Ключевский рассматривал как результат эволюции подобных учреждений. Как он подчеркивал, в первых земских соборах 1550 и 1566 гг. не было видно самого представительства как определяющего признака представительного учреждения. Им указывалось на то, что в них участвовали люди из разных «классов общества». Это было высшее церковное управление, высшее управление государства, военно-служилые люди

и торгово-промышленные люди. Но, по его словам, «эти лица не были представителями своих классов». Это были «все должностные или служилые люди, поставленные во главе местных обществ по назначению или выбору и исполнявшие военно-административные, либо финансовые поручения правительства». Это, следовательно, вовсе не представительство. Это был «правительственный призыв по должности или званию». Сами же эти люди выступали на соборах «общественными орудиями центрального управления»⁸.

Такой порядок еще не отмечался Ключевским как противоречие традициям вотчинного государства. В нем выразилось стремление власти решить с помощью людей из разных слоев общества актуальные для нее вопросы. Это был вопрос о местном управлении и суде на Соборе 1550 г. и о продолжении Ливонской войны или о принятии мира на условиях, предложенных польским королем Сигизмундом II Августом. Такой порядок формирования земского собора не содержал в себе принципиальных изменений в системе управления государством как царской вотчины и не ставил под сомнение положение Московского государства как вотчины царя, а царя как вотчинника.

Иным, как отмечал Ключевский, был характер Земского собора 1598 г., на котором должен был решаться вопрос об избрании на царство Бориса Годунова. Как и более поздний Земский собор 1613 г., этот собор также был избирательным. На этом соборе он выделял уже «новый элемент», который составляли служилые люди, являвшиеся «выборными соборными депутатами уездных дворянских обществ». Но их было, по его словам, «довольно незначительное число», и были они своего рода «местной случайностью или исключением». Такая случайность еще не нарушала прежнего «принципа соборного представительства» по назначению⁹. Точно так же среди торгово-промышленных людей на собор посылались по должностному положению. Однако, отмечал Ключевский, из их числа сотенные старосты и сотские «должности свои <...> получили по общественному выбору, а не по назначению начальства»¹⁰. Таким образом, с точки зрения соборного представительства на соборе 1598 г. каких-либо особых, принципиальных изменений по сравнению с прежними соборами Ключевский не выделял.

Значительно в большей степени прослеживались перемены в итоговом решении этого собора, которое заключалось в избрании на престол Бориса Годунова. Заключались они в том, что Россия впервые в своей истории получила выборного царя, который уже, по словам Ключевского, «не мог смотреть на государство взглядом наследственного, как на свою вотчину». Тем самым, утверждал историк, разрушалась основа взгляда на государство как на царскую вотчину, которая существовала еще совсем недавно, при Иване Грозном, и это происходило, в том числе, и благодаря Земскому собору. Также он проводил мысль о том, что народное волеизъявление начинало составлять в глазах русского общества не менее значимый источник власти, чем наследование престола как передача права на вотчинное владение. Со ссылкой на капитана Ж. Маржерета он подчеркивал, что Борис Годунов хотел, чтобы «весь народ решил единодушно, кого возвести на престол». И хотя, замечал Ключевский, делал это Годунов «притворно»¹¹, само по себе такое высказывавшееся им стремление свидетельствовало о распространении представления о получении права на царскую власть избранием на земском соборе. Причем это должно быть такое избрание, которое сделано собором с широким народным представительством. Оно оказывалось, следовательно, источником власти с достаточной легитимностью, способной заменить принцип приобретения престола по принципу вотчинного наследования, когда династия угасла и прямого наследника престола не оказалось после смерти царя Федора. Благодаря этому собору, обращал внимание Ключевский, вообще возникла «новая идея народа не как паствы, подлежащей воспитательному попечению правительства, а как носителя <...> государственной воли, которая на соборе передавалась избранному царю»¹². Так, следовательно, согласно Ключевскому,

чевскому, благодаря избирательному Земскому собору 1598 г. идея народного избрания царя возникла и стала существовать наряду с идеей царской власти как власти наследственного вотчинника.

Впрочем, как утверждал Ключевский несколько ниже в своем «Курсе русской истории», идея вотчинного государства была еще достаточно сильна, а представление о том, что «Московское государство <...> есть государство московского государя, а не московского или русского народа»¹³, оказывалось очень устойчиво. Смута и процедуры царских выборов на земских соборах распространялись в сознании общества совершенно новую идею. Суть ее выражалась, по словам Ключевского, в том, что «общество, народ, не политическая случайность», но «политическая случайность есть скорее династия»¹⁴. Однако выборный царь на престоле был для общества, привыкшего жить в условиях государства-вотчины, все-таки, как подчеркивал Ключевский, «несообразностью». Поэтому им и указывалось, что Смута завершилась только тогда, когда удалось найти царя, связанного родством, «хотя и не прямым», с прежней династией. Михаил Романов утвердился на престоле прежде всего поэтому, но не потому, что был «земским всенародным избранником»¹⁵. Само избрание его определялось тем, что, как подчеркивал Ключевский, в нем видели «племянника царя Федора, природного, наследственного царя». Поэтому не случайно дьяк И. Тимофеев «в непрерывной цепи наследственных царей ставил Михаила прямо после Федора Ивановича, минуя и Годунова, и Шуйского, и всех самозванцев». Сам Михаил Романов, указывал Ключевский, «в своих грамотах обычно называл Грозного своим дедом», считая это наиболее сильным основанием своих прав на престол, во всяком случае, более сильным, чем соборное избрание.

Вместе с тем Ключевский выделил еще одну причину избрания на престол Михаила Романова. Определялась она, по его мнению, опытом Смутного времени, который прочно внедрил в сознание русского общества представление, что только такое избрание на престол могло быть удачным, если оно «падало на лицо, хоть как-нибудь связанное с прежним царским домом»¹⁶. В самом деле, избрание на престол не связанных с прежней династией лиц вроде Бориса Годунова или князя Василия Шуйского расценивалось в России как неудачное. Опыт Смуты, таким образом, с точки зрения Ключевского, способствовал закреплению в общественном сознании консервативных в своей основе представлений о неразрывной связи между государством и династией.

Что касается самого хода Земского собора и избрания Михаила Романова, то Ключевский, как и Латкин, уделял внимание источниковедческой стороне вопроса. «Памятники, близкие к тому времени, изображают ход этого дела на соборе не светлыми красками», – отмечал он и далее указывал: «Единомыслия не оказалось». И более того: «Многие вельможи и даже невельможи подкупали избирателей, засылали с подарками и обещаниями»¹⁷. Это значительно точнее передает обстановку на соборе, чем благостное освещение ее Н.М. Карамзиным.

Борьбу за престол на соборе Ключевский изображал с характерной для некоторых его текстов иронией, когда говорил о кандидатах на престол, среди которых называл «князей Голицына, Мстиславского, Воротынского, Трубецкого, Мих. Ф. Романова». И даже «скромный по отечеству и характеру князь Пожарский тоже, говорили,

искал престола и потратил немало денег на происки», – отмечал он. Но «выбирать было некого. Московское государство выходило из страшной Смуты без героев; его выводили из беды добрые, но посредственные люди. Кн. Пожарский был не Борис Годунов, а Михаил Романов – не кн. Скопин-Шуйский»¹⁸. В отличие от Н.М. Карамзина и целого ряда других историков, у В.О. Ключевского нет ни тени почтения к первому представителю династии Романовых. Он обращал внимание на то, что «будто бы Ф.И. Шереметев писал в Польшу кн. Голицыну: “Миша-де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден”». Разъясняя это, он указывал, что «племянник будет второй дядя, напоминая его умственной и физической хилостью, выйдет добрым, кротким царем»¹⁹. По мысли Ключевского, «второй дядя» – дядя Михаила Романова, царь Федор Иванович, об умственной слабости которого сообщали современники, писали уже к тому времени разные историки, а также драматург А.К. Толстой в трагедии «Царь Федор Иоаннович».

Как указывал Ключевский, события того времени, в том числе избирательный Земский собор 1613 г., привели к тому, что «идея государства, отделяясь от мысли о государе, стала сливаться с понятием о народе»²⁰. В то же время историк отметил, что эта новая мысль внедрялась в политическое сознание русского общества с большим трудом. Понятие о государстве как о царской вотчине начало уходить в прошлое, распространялось понятие о государстве как о форме единения народа. Избирательный Земский собор 1613 г., как и более ранний избирательный Собор 1598 г., согласно Ключевскому, внесли в начавшийся процесс формирования этого нового политического взгляда свой довольно заметный вклад. Выражался он в самих фактах участия общества в лице определенной его части, в том числе выборных лиц, в избрании на престол царей Бориса Годунова и Михаила Романова.

Сломать укоренившееся представление о государстве как о вотчине царя земские соборы, однако, не смогли, и Ключевский не считал, что это произошло в результате царских выборов. Слишком сильна и устойчива, как показал он, оказалась в политическом сознании русского общества консервативная традиция, связывавшая государство не с народом, но с государем и с династией, а само государство в свете этой традиции представлялось в качестве царской вотчины. Но вклад земских соборов в переход от взгляда на государство как на вотчину к новому взгляду на него, соответствовавшему политическому сознанию Нового времени, был для него несомненен.

В содержащийся в отечественной историографии вывод об исторической значимости избирательного Земского собора 1613 г. Ключевский, таким образом, внес значительный вклад. С его точки зрения, главное значение этого собора состояло вовсе даже не в избрании царя, ставшего родоначальником новой династии, царствовавшей ко времени создания «Курса русской истории» почти три столетия. Главным, с его точки зрения, оказалось то, что этот собор прямо способствовал формированию в России нового политического сознания. И хотя этот собор не привел еще к отказу от представления о государстве как о царской вотчине, он, как показал выдающийся историк, содействовал тому, что был сделан определенный шаг в данном направлении. Поэтому этот земский собор Ключевский выделял среди других многочисленных Земских соборов, имевших место до и после 1613 г.

¹ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 22.

² Нечкина М.В. В.О. Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1978. С. 491.

³ Щербень Н.В. Ключевский о Смуте // Отечественная история. 1997. № 4. С. 100–101.

⁴ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 288.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4 // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти кн. М.: Мысль, 1989. Кн. 4. С. 309.

⁶ Латкин В.Н. Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западно-европейскими представительными учреждениями. Историко-юридическое исследование. СПб.: Изд-во Л.Ф. Пантелеева, 1885. С. 131.

⁷ Там же. С. 132.

⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. М.: Соцэкгиздат, 1957. Т. 2. С. 381.

⁹ Там же. С. 379.

¹⁰ Там же. С. 381.

¹¹ Там же. С. 394.

¹² Там же. С. 395.

¹³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. М.: Соцэкиздат, 1957. С. 52.

¹⁴ Там же. С. 68.

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷ Там же. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 62.

¹⁹ Там же. С. 65.

²⁰ Там же. С. 68.

СЕРГЕЙ ИБРАГИМОВИЧ МУРТУЗАЛИЕВ

доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории РАН; ведущий научный сотрудник Центра по подготовке «Всемирной истории» (Москва)

Тел.: 8 (965)-415-05-74; E-mail: msihistory2000@yandex.ru

Зарождение «болгаристики османского периода» связано со становлением в России болгаристики и османистики как отдельных дисциплин славистического комплекса и восходит к периоду завоевания Болгарии османами. Выявлены этапы и каналы накопления информации. К середине XIX в. были созданы предпосылки для дальнейшего изучения истории Болгарии XV–XVI вв.

Ключевые слова: славистика, болгаристика, османистика, историография, дореволюционная Россия, этапы.

ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ «БОЛГАРИСТИКИ ОСМАНСКОГО ПЕРИОДА» (XV – середина XIX в.)

Историографические исследования, обобщающие накопленный опыт, являются составной частью изучения проблемы оформления исторической памяти общества как необходимого фундамента, на котором только и может плодотворно развиваться современное научное знание о прошлом человечества.

Создание обобщающей истории славяноведения и османистики в России со времен их возникновения и до наших дней остается одной из насущных задач отечественной науки. Успешное решение этого вопроса настоятельно требует глубокого исследования каждого периода развития указанных наук, знакомства с ходом становления отдельных славистических дисциплин и османистики.

Одной из недостаточно разработанных проблем отечественной славистики остается изучение в дореволюционной России эволюции новой, дотоле неизвестной, ветви болгаристики, которую условно можно назвать «болгаристикой османского периода». Так для краткости мы условно называем изучение истории Болгарии XV–XVI вв., хотя и осознаем, что не в меньшей мере под это определение подпадают также и XVII–XIX вв. Зарождение «болгаристики османского периода» неразрывно связано со становлением в России болгаристики и османистики (вместе с исламоведением) как отдельных дисциплин славистического комплекса и восходит к временам завоевания Болгарии турками-османами, т.е. к XIV–XV вв., кардинально изменившим дальнейшее политическое, социально-экономическое и культурное развитие болгарского народа.

Славяноведение и востоковедение в России развивались как науки междисциплинарные, стоящие на стыке нескольких научных дисциплин, каждая из которых представляет собой комплекс наук. Логическим результатом эволюции было расширение хронологического и тематического охвата исследований, рост интереса к проблемам отдельных балканских народов в период после турецких завоеваний и наступления так называемого «золотого века» (XV–XVI вв.) Османской империи.

Процесс накопления и углубления информации о болгарях, о славянах в целом, о турках-османах и их религии происходил в России и Европе постепенно, по нарастающей.

Начало данного процесса на Руси по интересующему нас периоду (XV–XVI вв.) относится к рубежу XIV–XV вв.:

информация болгарских переселенцев, деятельность митрополитов Киприана и Цамблака, последний период существования Второго болгарского царства и Византийской империи. Падение Константинополя (1453) не могло не привлечь пристальное внимание русских и европейских политиков, христианского духовенства, средневековых летописцев, книжников и общества в целом к «бусурманам» и завоеванным ими народам.

В Московской Руси XV–XVII вв. общий объем знаний о положении болгарского народа в османском государстве был заметно шире того, что дает нам историография этого времени. Можно указать на два основных центра концентрации этих сведений: первый – церковный клир и второй – царский двор с Посольским приказом. С 20-х гг. XVII в. при Посольском приказе регулярно переводились и распространялись так называемые летучие листки (или вестовые письма) – донесения о важных международных делах. На их основе появилась первая газета для царя и Боярской думы – «Куранты». Только за период с конца XV в. по конец XVII в. из Московской Руси в Османскую империю по разным поводам было направлено около 30 посольств. Но большинство сведений, поступавших в эти центры, как и документы, вышедшие из-под пера прибывавших из Турции монастырских миссий, послов, богомольцев, совершавших «хождения» к святым местам на Востоке и т.п., предназначалось для служебного пользования. В конце XV – XVI в. историописатели предпринимают первые попытки включить историю Московской Руси во всемирную, связать между собой эти два исторических процесса. Ознакомление с деятельностью первого и второго «центров информации» (банками знаний) убеждает в том, что в обоих случаях наблюдается целенаправленное накопление знаний для их дальнейшего прагматического использования. Какая-то часть этих сведений, конечно, не доходила до составителей русских хронографов, летописцев и книжников, побуждаемых чисто научной и конфессиональной любознательностью и т.п. Эти различия в мотивах сбора информации объясняют и различия в результатах.

Со второй половины XVII в. спорадические проявления специального интереса к балканским славянам приобретают в Московском государстве более отчетливый и устойчивый характер. В конце XVII в. А.И. Лызловым была предпринята первая попытка самостоятельного «научного» осмысле-

ния истории Османской империи¹. В отношении Болгарии ситуация сложилась иная, так как возможности научного осмысления и анализа материалов по истории болгарского народа оставались весьма ограничены и далеко не всегда становились достоянием русских книжников. В этом прослеживается и фактор несозревшего пока особого внимания именно к балканскому славянскому миру, к болгарам.

Вместе с тем уже в допетровской России, говоря о Болгарии, историописатели обращали внимание на одну из главных проблем периода османского владычества – борьбу болгар за сохранение православной веры, но попытки изучения проблемы сопротивления завоевателям не предпринимались, ограничивались констатацией. Изложение болгарской истории завершалось концом XIV в., иногда приводились отдельные факты из истории XV–XVI вв. с неизменной констатацией, что «болгары и ныне находятся под игом магометанским». Все это вызывало сочувствие к «единоверному» и «единокровному» народу и способствовало в дальнейшем постепенному формированию теории так называемой «славянской взаимности».

Заслуга оживления научного и общественного интереса к славянской тематике принадлежит В.Н. Татищеву², который первым в России предпринял попытку осмысления материалов по «истории славянских народов в духе научной критики и философии раннего Просвещения»³. Впрочем, болгарские материалы, как и по истории других балканских народов, представлены в его трудах весьма скудно. Османской империи Татищев уделяет гораздо больше внимания.

Характерной чертой просвещенного абсолютизма в России было то, что реализацией просветительских идей в области науки и образования активно занимались Петр I и Екатерина II. Петр I возвел в ранг государственной политики знакомство России с Западной Европой и Востоком – это нашло свое отражение в активизации издательской деятельности. Первый полный перевод текста Корана был выполнен по приказу Петра, а специальную попытку изложить исламское вероучение как основу правовой системы османского государства предпринял, вероятно по просьбе Петра I, бывший господарь Молдавии Дмитрий Кантемир⁴. Он же является автором авторитетной для своего времени «Истории роста и упадка Оттоманской империи» (1714–1715), написанной на латинском языке. Дальнейшему росту публикаций переводов с иностранных языков способствовало решение Российской академии наук об издании европейских произведений о Турции (Л.Ф. Марсиллы, П. Рико(т), Ф. Калверт, В. Миньо, Е. Кравен и др.). Академик В.В. Бартольд очень верно заметил, что «соединение интереса к исламу с интересом к христианскому Востоку принадлежит к числу наиболее прочных и наиболее ярко выраженных традиций русского арабизма»⁵ и, добавим, ориентализма в целом.

Зарождающиеся востоковедение и исламоведение вносили свой существенный вклад в процесс накопления знаний по истории Болгарии и Османской империи XV–XVI вв., подготавливая условия для последующего оформления их в самостоятельные научные дисциплины. Время накопления знаний – XV–XVIII вв. – для зарождения этих дисциплин в России можно считать подготовительным этапом в изучении истории Турции и Болгарии XV–XVI вв. Проникавшие в Россию «конкретные продукты» западноевропейской мысли (А.С. Лаппо-Данилевский) зачастую оставались без внимания. Многого ускользало из поля зрения исследователей или не удостоивалось их внимания, поэтому не следует преувеличивать отдельных фактов выборочного обращения ученых того времени к артефактам и достижениям других наук.

Упоминания о болгарях довольно редки, чаще всего фигурируют собирательные термины «христиане» и «греки». Применение последнего термина во многом объясняется тем, что Константинопольская патриархия и греческая аристократия нередко персонифицировали все православные народы (или их часть) Османской империи. Подобная подмена этнонима «болгары» значительно осложняла работу исследователей.

В изложении истории Болгарии основное внимание уделяется сюжетам военно-политического и религиозно-церковного характера, что в значительной мере диктовалось корпусом источников, а также целями и задачами, которые вставали перед Россией. В течение трех столетий интерес официальных кругов России к балканским народам, к болгарам был не одинаков, что вызывалось изменениями в курсе внешней политики самой России и сопредельных стран: Турции, Крыма, Польши, Швеции.

Отношение к проблемам болгарской истории в начальный период османского владычества не смогли изменить и русско-турецкие войны XVIII – начала XIX в., которые воспринимались российским обществом как продолжение ранее бытовавшего и вызывавшего сочувствие предания о войнах против неверных в защиту единоверцев. Исследователи XVIII – первой половины XIX в. сохранили значительную вольность в работе с источниками в смысле подбора и включения в свои труды только тех фактов и фрагментов, которые отвечали их концепциям, и игнорировали материалы, не соответствовавшие их построениям.

В «век Екатерины II» время Болгарии еще не наступило. Большинство историописателей относилось болгар к «не главным» народам, сошедшим с арены политической жизни в XIV в., поэтому упоминания о Болгарии XV–XVI вв. крайне редки и скудны. Подобное разделение народов на «главные» и «второстепенные», на «достойные» внимания историка и «недостойные» унаследовала историография XIX в. Во многих сочинениях по всеобщей истории материал о «второстепенных» народах привлекался только в качестве вспомогательного для освещения истории «первенствующих» народов или при изложении истории России, чтобы показать ее место во всемирной истории. Первые российские слависты О.М. Бодянский, П.И. Преис, И. И. Срезневский и В.И. Григорович в 40-х гг. XIX в. также завершали свои лекционные курсы по истории Болгарии концом XIV в.⁶

В России XVIII – первой трети XIX в. отношение к источникам по истории Болгарии XV–XVI вв. было недостаточно критическим, исторические сведения по данному периоду были кратки и затрагивали только узкий круг вопросов. В то время как российская наука уже с конца XVII в. начинает делать все более уверенные шаги на пути перехода от описательности, от накопления фактического материала к его анализу и систематизации, к созданию собственных обобщающих трудов.

В связи с русско-турецкими и наполеоновскими войнами, национальным возрождением у южных славян и борьбой балканских народов за свое освобождение от османского господства в сфере периферийного внимания российского общества оказывается прошлое и настоящее болгарского народа. Росту интереса способствовала культурно-историческая и конфессиональная близость русских и болгар, осознание, что глубокое изучение «древней» истории России невозможно без изучения болгарского (шире – славянского) прошлого.

Первые серьезные попытки осмысления некоторых проблем, связанных с болгарской историей XV–XVI вв. были сделаны в России только в первой половине XIX столетия. На рубеже 20–30-х гг. XIX в. в Европе происходит переход от романтизма к реализму. Аналогичный процесс наблюдается в первой половине XIX в. и в России. Однако влияние романтического направления в изучении истории Болгарии сохранилось в российской славистике до конца 1840-х гг. В работах исследователей прослеживаются общие типологические черты романтизма с его сильными и слабыми сторонами: принцип историзма, признание важности истории Средних веков (просветители квалифицировали их как период упадка, невежества), но при этом сохраняется идеалистическая трактовка исторического процесса, почти полностью игнорируются социально-экономические факторы.

Закономерным результатом постепенного развития интереса к славянскому вопросу стало более частое фрагментарное мелькание болгарских сюжетов на страницах российской журналистики: «Вестник Европы», «Журнал

Министерства народного просвещения», «Чтения в ОИДР» и др.; в работах по истории Османской империи. В первой половине XIX в. сочинения эти имели, как правило, компилятивный характер, отдельные факты по истории Болгарии заимствовались из трудов европейских ученых. В публикациях участников русско-турецких войн, в работах ученых, посвященных этим войнам, в мемуарной литературе и т.д. экскурсы в историю Болгарии XV–XVI вв. фактически отсутствовали (если не принимать во внимание традиционного упоминания битвы 1444 г. под Варной).

Из числа публикаций первой четверти XIX в. особый интерес представляет обширная статья А.М. Спиридова⁷, явившаяся первой в России попыткой дать целостное представление о народах Балканского региона, находившихся в составе Османской империи, и уже в контексте статьи автор затрагивает ряд важных проблем, имеющих отношение к болгарской истории XV–XVI вв. Изданная в одном из самых популярных общественно-политических журналов Петербурга, статья, однако, не привлекла внимания общественности России и не нашла отражения в трудах славистов, изданных во второй четверти XIX в., т.е. и в этом случае отсутствует преемственность идей и фактов. Представления о болгарях продолжали оставаться более чем расплывчатыми. Во время войны 1828–1829 гг. даже офицеры русской армии «считали болгар татарами», разговаривающими «исковерканным русским» языком⁸.

Следующий шаг в изучении отдельных проблем истории Болгарии периода первых двух столетий османского владычества связан с именем Юрия Венелина (Георгий Хуцэ), которого (благодаря В.Е. Априлову) принято считать первым российским болгаристом. В методологическом отношении первая книга Венелина «Древние и нынешние болгары»⁹ была «явно ниже уровня науки своего времени»¹⁰. В этом и в других трудах молодого ученого внимание к XV–XVI вв. носит эпизодический характер. Однако, обратившись к проблемам всего периода османского господства (преимущественно к XVIII–XIX вв.), таким как обращение в ислам и ассимиляция, взаимоотношения болгар с Константинопольской патриархией, положение болгар в Османской империи и т.д., автор тем самым сделал свой вклад в изучение истории Болгарии XV–XVI вв.

Славянский вопрос начинает играть заметную роль в духовной жизни общества, влиять на внутреннюю и внешнюю политику царского правительства. В 30–40-х гг. XIX в. набирает силу идейная борьба между славянофилами и западниками, между либералами и революционными демократами. Однако неизученность болгарской проблематики XV–XVI вв. не могла служить дискуссионным полем для противоборствующих оппонентов славянофильской концепции истории славянских народов и «теории официальной народности». Болгария еще не вышла на историческую арену из тени Османской империи. В поле зрения ученых были века, предшествовавшие завоеванию Болгарии турками-османами, и период ее истории после XVII в., а точнее с XVIII в., когда интерес России к Балканам начинает приобретать специфическую политическую окраску. По этой причине дискуссии по проблемам болгарской истории XV–XVI вв. еще не успели разгореться.

В общих рамках развития российской болгаристики первой половины XIX в. еще не произошло оформление новой ее ветви – болгарской османистики или как мы ее назвали – «болгаристики османского периода». В первой половине XIX в. исследования, специально посвященного столетиям владычества Порты в Болгарии или только периоду XV–XVI вв., российские слависты еще не создали. Эпизодическое обращение к истории Болгарии в первые два столетия османского господства носило характер экскурсов, необходимых в связи с основной исследуемой темой – историей России. Перед болгаристами стояла задача дальнейшего накопления фактов, совершенствования аргументации, отработки методики научных исследований.

В то же самое время, к 50-м гг. XIX в. пополнилась источниковедческая база для изучения османского периода в истории Болгарии (в научный оборот были введены но-

вые литературные памятники), все большее применение получает научно-критический подход к источникам, на уровне своего века отработывается методика научных исследований. В работах В.И. Григоровича начинает применяться сопоставительный и сравнительно-исторический метод исследования. Вслед за Венелиным Григорович стал первым российским ученым, приступившим в 1840-х гг. к специальному изучению источников по истории Болгарии XV–XVI вв. Однако в 50-х гг. XIX в. попытки ученых решить отдельные проблемы истории Болгарии XV–XVI вв. оставались поверхностными, недостаточно аргументированными. Мы не склонны приписывать отмеченные недостатки слабости научной подготовки славистов «первой волны». Главная причина кроется в дефиците источников и крайней скудости историографии.

Веским доводом в пользу нашего мнения о «первых шагах» болгаристики османского периода в России может служить история с учреждением премии за написание болгарской истории. Согласно завещанию Василия Априлова (скончался в 1847 г.) для написания на русском языке «полной и подробной истории Болгарии, с примечаниями и ссылками», выделялось 2000 руб. серебром. Душеприказчики передали просьбу болгарского патриота Академии наук, и 22 декабря 1856 г. была создана комиссия для составления проекта программы истории Болгарии. «Проект» обсуждался на Общем собрании АН 1 марта и 3 мая 1857 г. Выводы комиссии говорят об осознании необходимости создания «основательной» истории Болгарии, которая «не только восполнит <...> ощутимый пробел в науке вообще, но и удовлетворит также действительной потребности отечественного историка»¹¹. Однако «Проектом» предусматривалось «доведение» истории Болгарии только «до той поры, когда совершенно исчезло так называемое Болгарское царство после битвы на Косовом поле (1389 г.)». Академия наук такую постановку задачи объясняет тем, что в отношении «истории внутреннего политического и общественного быта Болгарии в Средних веках излишне было бы поставить высокие требования, потому что они не могут быть выполнены за скудостью источников»¹². Следует признать, что в середине XIX в. составители «Проекта» весьма объективно оценили общий уровень развития и состояния средневековой болгарской османистики в России как явно недостаточный – с чем нельзя не согласиться.

Вместе с тем, оценивая общие результаты изучения в дореволюционной России истории Болгарии в первые два столетия османского господства, можно отметить, что в 1820–1840-х гг. российские ученые все чаще включают в свои труды материалы по истории Болгарии XV–XVI вв., делают первые попытки решения таких сложных вопросов, как исламизация и ассимиляция болгар османами, положение болгарской церкви после завоевания и взаимоотношения болгарской паствы и болгарского духовенства с греческими иерархами, с Константинопольской патриархией, освободительная борьба и гайдукское движение, положение отдельных социальных групп болгарского населения, его фольклор, последствия османского завоевания и т.д. Комплекс этих и иных проблем оформлялся постепенно, по мере накопления фактического материала, восприятия, отрицания и зарождения новых идей. Все это позволяет нам говорить о том, что в середине XIX в. российские слависты создали реальные предпосылки для дальнейшего углубленного изучения первых двух столетий османского господства в Болгарии, для развития нового научного направления – болгаристики османского периода.

Завершая, можно провести следующую аналогию. Работу российских летописцев, книжников, исследователей XV – первой половины XIX в. по изучению истории Болгарии XV–XVI вв. в какой-то мере можно сравнить с трудом золотоискателей, которые в поиске вождельной жилы методом проб и ошибок, потерь и находок, приближаются к заветной цели. Различие же состоит в том, что искатели золота изначально знают о конечной цели своего труда, тогда как постепенно взрослевшие и мужавшие будущие «славяновисты» и «османисты» XV –

первой половины XIX в. продвигались вперед, не имея еще ни четких ориентиров, ни до конца осознанной цели, но находка каждого нового (следующего) самородка

(артефакта) неуклонно приближала их к обширнейшему и богатейшему руднику под названием «Болгаристика османского периода».

¹ Лызлов А. Скифская история. М., 1990.

² Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1962–1966.

³ Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 12.

⁴ Кантемир Д. Книга система или состояние мухамеданския религии... СПб., 1722.

⁵ Бартольд, В.В. Рец. на журнал: Христианский Восток. Т. I. Вып. I. 1912 // Бартольд В.В. Соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 6. С. 378.

⁶ Муртузалиев С.И. Болгария в тени полумесяца: изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.). М., 2013. С. 292–306.

⁷ Спиридов А.М. Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Европейской части Турецкой империи // Северный архив. СПб., 1825. № 4. С. 85–117; № 15. С. 191–234.

⁸ Бессонов П. Некоторые черты путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию // Москвитянин. 1856. Т. 3. № 10. С. 116.

⁹ Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829.

¹⁰ Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. С. 136.

¹¹ Проект программы Истории Болгарии, составленной Комиссией Академии наук. 1857. Петербург // Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / Под ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1948. С. 11.

¹² Проект программы Истории Болгарии... С. 14.

ИВАН АНАТОЛЬЕВИЧ ПОЛЯКОВ

студент исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург)

Тел.: 8 (911) 038-12-29; E-mail: ivan669@bk.ru

В статье рассмотрена судьба наследия и образ видного российского историка академика С.Б. Веселовского. Основное внимание уделено коммеморациям и мемориальным практикам историков, связанных с С.Б. Веселовским.

Ключевые слова: российская историография, С.Б. Веселовский, Российская академия наук, коммеморации.

С.Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ И ЕГО НАСЛЕДИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ И ПАМЯТИ ОБЩЕСТВА

23 января 2012 г. исполнилось 60 лет со дня смерти российского историка, академика Степана Борисовича Веселовского (1876–1952). Круглая дата поспособствовала постановке вопроса о формах памяти известного историка в работах потомков. Следовательно, задачей нашего исследования стало рассмотрение любых возможных форм исторической памяти с целью получить общее представление о личности С.Б. Веселовского в современном обществе. Важно отметить, что нас интересовало не значение трудов ученого и его вклад в историческую науку, а представление о нем, о его личности и жизни в умах последующих поколений. Важно заметить, что в цели статьи входит не только поиск публикаций о С.Б. Веселовском, но и рассмотрение всей проекции исторической памяти об этом ученом в течение последних 60 лет и ее эволюции. Как же историки воспринимали деятельность ученого после его смерти? Насколько С.Б. Веселовский является популярной фигурой в современной историографии и публицистике? Изменилось ли представление о С.Б. Веселовском на стыке эпох? Как будет развиваться память об ученом в ближайшее время?

Объектом нашего исследования стали коммеморации, связанные с С.Б. Веселовским. Таким образом, в фокусе внимания исследования находились юбилейные даты. Нами были выбраны три ключевые даты, имеющие основное значение для потомков: дата рождения, начало научной деятельности и дата смерти. С.Б. Веселовский родился 4 (16) сентября 1876 г., его научный дебют приходится на 1906 год, что облегчает поиск, так как в нашем случае два юбилея совпадают. Ученый умер 23 января 1952 г., что дает нам четыре юбилейных года за десятилетие, оканчивающихся на 1, 2, 6, 7. Таким образом, подсчитав все юбилейные года, начиная с 1956 г., мы получаем 25 юбилейных годов с 1956 г. по 2012 г. Разумеется, в ходе работы нами были рассмотрены не только коммеморации, но и вся совокупность статей об ученом,

в которых мы можем увидеть отношение к С.Б. Веселовскому со стороны потомков.

В исследовании можно выделить несколько групп источников. Первую группу представляют вступительные статьи историков к публикациям С.Б. Веселовского. Ко второй группе относятся как монографические работы об историке, так и исследовательские статьи, посвященные ему. Наконец, к третьей группе мы относим газетные статьи.

Комиссия Академии наук

В год смерти ученого в печати вышел лишь один некролог, что показывает отношение к ученому научного сообщества сталинской эпохи, вернее, те условия, в которые оно было поставлено¹. Необходимо было пасть «культу личности», чтобы историческим наследием С.Б. Веселовского заинтересовались историки, его коллеги по Академии наук.

Первое издание трудов С.Б. Веселовского состоялось в 1955 г. в условиях начавшейся либерализации, когда в издательстве «Московский рабочий» была напечатана книга, написанная покойным ученым в соавторстве с В. Снегиревым и Н. Коробковым, «Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX» (1955). Книгу открывает вступительная статья А.А. Зимина и С.В. Безсонова². Большая часть статьи была посвящена вопросу о переселении славян, однако присутствует и взгляд авторов «Предисловия» на деятельность С.Б. Веселовского, который из-под пера А.А. Зимина выступает как прекрасный знаток специальных исторических дисциплин и прежде всего топонимики. Вместе с тем в статье присутствует и критика в адрес С.Б. Веселовского. Основным объектом критики стала «буржуазная методология» автора и его интерес к истории правящей элиты. Однако из контекста видно, что данные фразы являлись своеобразным штампом, данью господствующим установкам советской историографии и не отражали действительного отношения авторов вступительной статьи к С.Б. Веселовскому. Не сто-

ит забывать, что эту статью написал А.А. Зимин, ставивший С.Б. Веселовского выше многих историков – «Классиков-то у нас много, а историк один – Степан Борисович»³.

О том, что такая посмертная публикация с ритуальными оговорками о «буржуазной методологии» может вызвать гнев ортодоксальной печати, напомнила «Литературная газета», в которой появилась рецензия М. Прилежаевой⁴ на книгу «Подмосковье в древности». В ней автор не просто обвиняет историка в непрофессионализме и отсутствии марксистского метода, но даже надеется, что издательство «Московский рабочий» не допустит больше выхода настолько опасного и ненужного материала.

Однако, дальнейшее наступление «оттепели» в общественной жизни и науке создало более благоприятные условия для обращения к наследию прошлого. В 1958 г. при Академии наук СССР была создана специальная Комиссия по разбору личного фонда С.Б. Веселовского, которую возглавил академик М.Н. Тихомиров. В состав комиссии вошли академик Б.А. Рыбаков, Н.В. Устюгов, В.И. Шунков, вдова ученого О.А. Веселовская и ученый секретарь Б.В. Левшин. Задачей комиссии стала публикация исследований С.Б. Веселовского. Начало работы комиссии сопровождалось выходом первых статей о С.Б. Веселовском, написанных ее ученым секретарем. В журнале «История СССР» публикуется его статья о создании комиссии по разбору бумаг историка и подготовки к печати его исследований⁵. Другая статья Б.В. Левшина в «Археографическом ежегоднике» за 1958 г. содержит сжатую биографию ученого⁶. Первоначально, планировалось опубликовать семь томов за последующие семь лет, однако издание трудов историка затянулось.

Первым изданием, подготовленным комиссией, стала работа С.Б. Веселовского «Исследования по истории опричнины» (1963). Краткое предисловие к ней дал академик М.Н. Тихомиров. Автор дает краткую биографию С.Б. Веселовского, не касаясь последних лет жизни ученого. М.Н. Тихомиров считает, что историку были свойственны «широта научного кругозора, мастерство исторического анализа, скрупулезность и строгость исследования, бережное отношение к историческому источнику доставили работам С.Б. Веселовского заслуженное признание»⁷. Автор уделяет внимание и заслугам историка в таких областях, как архивное дело, преподавание и т.д.

После смерти М.Н. Тихомирова основную роль в подготовке публикаций академической комиссии играл В.И. Буганов. Следует отметить, что важным этапом деятельности комиссии стало создание библиографии трудов С.Б. Веселовского. Она была опубликована секретарем комиссии Б.В. Левшиным в 1970 г.⁸ К середине 70-х гг. были изданы основные труды С.Б. Веселовского, такие как «Исследования по истории опричнины»⁹, «Исследования по истории класса служилых землевладельцев»¹⁰, «Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии»¹¹, «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.»¹² и другие. Проанализировав вступительные статьи членов комиссии к опубликованным трудам ученого, можно выделить ряд свойственных им особенностей. Часть из них затрагивает краткую биографию ученого, однако старается избегать упоминаний о последних годах жизни С.Б. Веселовского и о его отношениях с властью и научным сообществом. Большинство авторов признает высокий профессионализм историка, хотя и обращает внимание на его «буржуазные» методы и чуждость советской историографии. Однако следует отметить, что комиссия сделала очень много для сохранения и введения в научный оборот научного наследия С.Б. Веселовского и в этом контексте поддерживала память о нем в профессиональном сообществе.

От создания комиссии к 100-летию юбилею

Деятельность комиссии создала благоприятный фон для активизации памяти о С.Б. Веселовском в отечественной научной и научно-популярной литературе (см. Диаграмму № 1).

Прежде всего, стоит обратить внимание на рецензию Е. Дороша (1964)¹³ и статью С.М. Дубровского (1965) на только что опубликованную книгу С.Б. Веселовского «Ис-

Число работ

следования по истории опричнины»¹⁴. По содержанию оба текста похожи, однако первый направлен на широкий круг читателей, второй же предназначен для научного сообщества. Разными словами авторы выражают свое уважение к труду советского историка, подчеркивая ошибки сталинской историографии и правоту автора. К забытому в литературе историку начинает возвращаться внимание, начинается активная публикация его трудов. В 1970 г. в журнале «Новый мир» вышла рецензия В. Бочкова на труд С.Б. Веселовского «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» (1969)¹⁵. В центре рецензии были поставлены вопросы советской генеалогии. С точки зрения автора, С.Б. Веселовский стоял на грани буржуазной и советской науки: с одной стороны, ему был чужд марксистский подход, а с другой, он превратил генеалогию из «дворянского хобби» во вспомогательную историческую дисциплину.

Следует рассмотреть и вступительную статью А.А. Зимина к опубликованной в историографическом ежегоднике «История и историки» работе С.Б. Веселовского «По поводу трилогии тов. Костылева и возникшей о ней полемики» (7 августа 1943)¹⁶. В центре внимания А.А. Зимина находится историографический спор об Иване Грозном, в котором научная точка зрения С.Б. Веселовского противопоставляется упрощенному подходу, господствующему в литературе в 1940-е гг. На наш взгляд, в статье А.А. Зимина С.Б. Веселовский предстает борцом против сталинской системы, человеком несгибаемых взглядов, готовым отстаивать научный подход в истории. Статья позволяет зафиксировать изменения в отношении к жизни и творчеству С.Б. Веселовского со стороны научного сообщества. Его взгляды впервые предстают перед обществом из-под завесы стандартных фраз и оборотов.

В 1970-е гг. научный образ С.Б. Веселовского обогатывается все новыми чертами. В рецензии В.Н. Бочкова (1975) на «Ономастикон» С.Б. Веселовского внимание читателя сконцентрировано не только на вопросах генеалогии, но и на несгибаемой воле историка¹⁷. Важной в коммеморационном плане стала статья Л.Г. Дубинской в «Археографическом ежегоднике», приуроченная к 100-летию рождения ученого¹⁸. В нее была включена не только краткая биография ученого и отчет о публикациях комиссии, но и обновленный библиографический список работ. В этом же году в газете «Московский университет» вышла статья, посвященная 100-летию С.Б. Веселовского¹⁹. Она представляет собой небольшую справку о материалах ученого, хранящихся в Архиве МГУ.

На год позже вышел сборник «История и генеалогия», приуроченный к столетию со дня рождения историка²⁰. Интерес представляют несколько статей в составе сборника. В «Предисловии» Н.И. Павленко, ответственного редактора сборника, подчеркивается ошибочность историографического штампа о «буржуазности» генеалогии²¹. Статья М.Е. Бычковой посвящена методологии С.Б. Веселовского и его генеалогическим исследованиям²². Для нас наибольшее значение имеет статья Л.В. Черепнина «Творческий путь», в которой автор, лично знакомый с

опубликованы³⁸. В 2001 г. А.М. Дубровский опубликовал переписку С.Б. Веселовского с отечественными историками³⁹. Череду публикаций продолжил Д.Б. Споров, поместивший в «Археографическом ежегоднике» переписку С.Б. Веселовского с Б.Д. Грековым⁴⁰. В 2004 г. в сборнике «Отечественная культура и общественная мысль XVIII–XX веков» были опубликованы новые тексты ученого⁴¹.

По результатам исследования дневников историка А.Л. Юрганов написал две статьи, в которых он пришел к выводу, что образ С.Б. Веселовского, представленный в работах А.А. Зимина и Л.В. Черепнина, далек от действительности и является лишь «историографическим штампом»⁴². Анализ дневников позволяет представить ученого совершенно другим человеком, показав его истинную личность. В разных аспектах эта идея появляется в статьях Н. Ульянова⁴³, А. Савинова⁴⁴, А.Н. Федорова⁴⁵.

Достойное место в ряду работ о С.Б. Веселовском занимает юбилейная статья Д. Спорова и С. Шокарева⁴⁶. Авторы сделали попытку вновь посмотреть на С.Б. Веселовского как на историка и определить его место в исторической науке, проанализировав его методологию. Для нашего исследования это показательное возвращение от уже пройденного этапа истории личности к вопросам методологии и значения в исторической науке. Некоторые положения авторов заслуживают пристального внимания, так как дают свежий взгляд на С.Б. Веселовского как историка.

За последние годы наблюдается видимый спад интереса к изучению жизни и деятельности историка. Однако следует отметить, что в 2010 г. вышла большая публикация документов С.Б. Веселовского и его семьи⁴⁷, значительное место занял С.Б. Веселовский и в недавно вышедшей работе В.В. Тихонова⁴⁸.

Интересные результаты дал анализ газетных статей за последние годы. В 2011 г. в газете «Тверская жизнь» была опубликована статья о С.Б. Веселовском как исследователе Тверского края⁴⁹. В 2012 г. в газете «Первое сентября» вышла статья Натальи Громовой о дневнике Ольги Бессарабовой, второй жены С.Б. Веселовского. Можно сказать, что за последние годы в форме статей и заметок в газетах вышло значительное количество материала о С.Б. Веселовском, также расширились и географические границы изданий: Тверь, Краснодар, Челябинск и др., а также круг рассматриваемых вопросов. Следует обратить внимание на недавно вышедшую в журнале «Клио» статью Е.А. Ростовцева и В.О. Шишова⁵⁰, в которой анализируется характер научного цитирования одного из корифеев петербургской исторической школы С.Н. Валка. Одной из целей статьи было сравнение индекса С.Н. Валка с его современниками, одним из которых стал С.Б. Веселовский. Исследование показало, что С.Б. Веселовский по индексу цитирования в научных журналах за последние 20 лет опередил таких историков, как Б.Д. Греков, Н.М. Дружинин, М.Д. Приселков и других, что показывает научное значение ученого.

Рассмотрев более 50 работ о С.Б. Веселовском, мы можем прийти к выводу, о том что в разные исторические периоды в литературе и обществе существовало различное представление об историке. С нашей точки зрения, следует выделить несколько периодов развития историографии о С.Б. Веселовском. Первый период связан с окончанием сталинской эпохи и характерен полным забвением историка и его трудов в литературе и негативном отношением к его деятельности. Этот период продолжался до конца 50-х гг., до создания комиссии Академии наук. Следует подчеркнуть, что комиссия оказала огромное влияние на представления потомков о С.Б. Веселовском, так как ввела в научный оборот большинство его трудов.

Второй этап занял временной промежуток с конца 50-х гг. до середины 80-х гг. На этом этапе труды историка заслужили большое уважение среди специалистов, ученые признавали заслуги С.Б. Веселовского перед советской наукой, однако не могли не указывать на отсутствие у историка марксистского подхода, а следовательно, и на методологические ошибки в работах. Следует отметить, что обстоятельство последних годов жизни ученого также старались не поднимать в литературе. После юбилейного 1976 г. в историографии наблюдается видимое затишье, что, по нашему мнению, связано с выходом юбилейного сборника, «определившего место» С.Б. Веселовского в советской исторической науке.

С середины 80-х гг. начинается третий этап формирования образа историка в научной литературе. Освободившись от прежних идеологических рамок, исследователи переносят фокус внимания на обстоятельства жизни ученого, его характер, отношение к людям. Начинают появляться работы о С.Б. Веселовском как человеке, в научный оборот постепенно вводятся материалы из семейного архива ученого. Однако в начале 90-х гг. в работах этой тематики очевидно, превалирует стремление сделать из С.Б. Веселовского борца за справедливость и «мученика сталинского режима», что, конечно, отражало государственственный и общественный заказ того времени. К концу 90-х гг. снижается потребность в «демонизации» советской системы, на первый план выходят работы о личности С.Б. Веселовского, продолжают публиковаться материалы из семейного архива, дневники. Следует отметить, что на этом этапе основной интерес вызывает личность ученого, в то время как вопросы методологии и историографии остаются на периферии научного и общественного внимания.

Наконец, с 2006 г. начинается новый, четвертый этап. Несмотря на то что по количеству научных публикаций его характеризует спад интереса к творчеству С.Б. Веселовского, очевидно, что в сознании как научного сообщества, так и общества в целом историк прочно обрел статус «классика», о чем свидетельствует уровень цитирования его работ и публикаций в газетной прессе. С нашей точки зрения, современная ситуация в историографии тождественна началу 80-х гг., когда после ряда работ, закрепивших дискурс восприятия С.Б. Веселовского и его наследия научном обществе, следует временное затишье.

Можно предположить, что мы стоим на пороге нового этапа формирования историографического и общественного образа ученого, о котором будет создан большой труд, включающий в себя как биографическое, так и историографическое исследование.

¹ Академик С. Б. Веселовский: [Некролог] // Известия АН СССР: сер. Истории и философии. М., 1952. Т. 9. №. 1. С. 50.

² Безсонов С., Зимин А.А. Предисловие / Веселовский С.Б. Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX вв. / Акад. С. Веселовский, канд. архитектуры В. Снегирев, проф. Н. Коробков. М., 1955 С. 5–10.

³ Цит. по: Рыкова О.В. Веселовский и его монография «Род и предки А.С. Пушкина в истории» // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1999. Вып. 17. С. 57.

⁴ Прилежаева М. Обманутые надежды // Лит. газета. 1955. № 100. 23 августа. С. 2.

- ⁵ Левшин Б.В. Обзор Документального фонда академика С.Б. Веселовского // Археографический ежегодник за 1958. М., 1960. С. 257–267.
- ⁶ Левшин Б.В. Издание трудов академика С.Б. Веселовского // История СССР. М., 1958. № 5. С. 250.
- ⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины [предисловие М.Н. Тихомирова]. М., 1963. С.6.
- ⁸ Левшин Б.В. Библиография трудов С.Б. Веселовского // Археографический ежегодник за 1968. М., 1970.
- ⁹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 539 с.
- ¹⁰ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 582 с.
- ¹¹ Веселовский С.Б. Ономастикон : Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. 382 с.
- ¹² Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. 606 с.
- ¹³ Дорош Е. Книга о грозном царе [рец. на книгу: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины] // Новый мир. М., 1964. №4. С. 261–263.
- ¹⁴ Дубровский С.М. Еще раз о «великом государе»: новые труды по опричине // Знамя. М., 1965. № 1. С. 211–216.
- ¹⁵ Бочков В. Личность в истории и личность историка [рец. на книгу С.Б. Веселовского Исследования по истории класса служилых землевладельцев] // Новый мир. М., 1970. № 1. С. 271–274.
- ¹⁶ Зимин А.А. Академик С.Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе // История и историки – 1971 [историографический ежегодник]. М., 1973. С. 351–376.
- ¹⁷ Бочков В.Н. С.Б. Веселовский. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. [рец.] // Вопрос истории. 1975. № 10. С. 158–161.
- ¹⁸ Дубинская Л.Г. Издание научного наследия С.Б. Веселовского // Археографический ежегодник за 1976. М., 1980. С. 315–316.
- ¹⁹ Кузовлева О. Знакомство с историком: к столетию со дня рождения С.Б. Веселовского // Московский университет. 1976. 15 окт. № 53. С. 4.
- ²⁰ История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы ист.-генеал. исследований: [Сборник статей] / ред. Н.И. Павленко. М., 1977. 288 с.
- ²¹ Павленко Н.И. Предисловие // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы ист.-генеал. исследований: [Сборник статей] / ред. Н.И. Павленко. М., 1977. С. 3–8.
- ²² Бычкова М.Е. Степан Борисович Веселовский – генеалог // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы ист.-генеал. исследований. С. 42–56.
- ²³ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский. Творческий путь // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы ист.-генеал. исследований. С. 9–41.
- ²⁴ Смирнов И. Приобретение навеки // Знание-Сила. М., 1987. № 9. С. 50–57.
- ²⁵ Цит по: Смирнов И. Приобретение навеки//Знание-Сила. М., 1987. № 9. С. 50.
- ²⁶ Шмидт С.О. Отзыв С.Б. Веселовского о драматической повести «Иван Грозный» А.Н. Толстого // Археографический ежегодник за 1988. М., 1989. С. 296–313.
- ²⁷ Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989. 66 с.
- ²⁸ Цит по: Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. С. 3.
- ²⁹ Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. 223 с.
- ³⁰ Аверьянов К.А. Историк и тоталитаризм (С.Б. Веселовский и исследования эпохи Ивана Грозного) // IV Соловецкий общественно-политический форум «Человек и общество, психическое здоровье и экология культуры». Архангельск; Соловки, 1992. С. 83–85.
- ³¹ Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории [пред. К.А. Аверьянова]. М., 1990. 336 с.
- ³² Веселовский С.Б. Разгром Московского университета в 1919–1920 годах [публикация А.С. Веселовской, примечание А.В. Воронцова] // Московский журнал. 1996. № 12. С. 20–25.
- ³³ Веселовский С.Б. Первые воспоминания из детства // Московский журнал. М., 1997. № 3. С. 48–53; № 4. С. 49–52; № 5. С. 54–58.
- ³⁴ Мысли об исторических судьбах России / Публ. подгот. А. Макаров // Наука и жизнь. М., 1997. № 11. С. 2–5.
- ³⁵ Рыкова О.В. Веселовский и его монография «Род и предки А.С. Пушкина в истории». С. 57–61.
- ³⁶ Кизельштейн Г. Длань грозного царя//Сегодня [Москва]. 1994. 5 дек. С. 4.
- ³⁷ С.Б. Веселовский // Московский комсомолец. 1998. 16 сент. С. 4; 1999. 16 сент. С. 6; 2000. 16 сент. С.6; 2002. 16 сент. С. 9; 2003. 16 сент. С. 8; 2004. 16 сент. С. 11; 2005. 16 сент. С. 10; 2007. 15 сент. С. 12; Гринева Н. Календарик // Трибуна: Москва. 2002. 23 янв. С. 12; Гринева Н. «Орлы сели на бумагу» // Трибуна: Москва. 2004. 23 янв. С. 10. и др.
- ³⁸ Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов. [Вступительная статья А. Л. Юрганова, А. Г. Макарова] // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 89–117; № 3. С. 84–100; № 6. С. 93–111; № 8. С. 86–109; № 9. С. 114–133; № 10. С. 113–140; № 11–12. С. 59–77; 2001. № 2. С. 69–83.
- ³⁹ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками [ред. Дубровский А.М.]. М., 2001. 528 с.
- ⁴⁰ Споров Д.Б. Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова // Археографический ежегодник за 2001. М., 2002. С. 420–444.
- ⁴¹ С. Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках / подготовил А.М. Дубровский // Отечественная культура и общественная мысль XVIII–XX веков: Сборник статей и материалов. Выпуск третий. Брянск, 2004. С. 215–241.
- ⁴² Юрганов А. «Все это ушло далеко в вечность»: дневник и жизнь С.Б. Веселовского // Интеллект. форум. М., 2001. № 7. С. 85–113.
- ⁴³ Ульянов Н. Тень Грозного // Знание – сила. М., 2001. № 12. С. 77–85.
- ⁴⁴ Савинов А. Дни окаянные // Знание – сила. М., 2004. № 11. С. 99–106.
- ⁴⁵ Федоров А.Н. Россия в годы «военного коммунизма» по дневниковым записям доктора истории русского права, профессора С.Б. Веселовского // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. № 3. С. 299–303.
- ⁴⁶ Споров Д., Шокарев С. Историк Московского государства в сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) // Новое литературное обозрение. 2006. № 2. С. 125–146.
- ⁴⁷ С.Б. Веселовский. Семейная хроника. Три поколения русской жизни / Подготовка текстов, составление А.Г. Макарова. М., 2010. 536 с.
- ⁴⁸ Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., 2012. 387 с.
- ⁴⁹ Воробьев В. Наше достояние // Тверская жизнь. 2011. 27 сент. № 178.
- ⁵⁰ Ростовцев Е.А., Шишов В.О. С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI века // Клио. 2012. № 10. С. 138–142.

ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ СИНЕЛЬНИКОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: sinelnikovdmity41@gmail.com

В статье рассматриваются гносеологические и онтологические аспекты «логики представительства» как возможная специфика исторической науки.

Ключевые слова: традиция методологических поисков, неокантианское направление, культурная обусловленность методологических поисков.

ПОВТОРЕНИЕ НЕПРОЙДЕННОГО: УРОКИ РУССКИХ ИСТОРИКОВ-НЕОКАНТИАНЦЕВ

Современная Россия, в очередной раз заявив о своем стремлении войти в пространство западной цивилизации, ищет ориентиры для самоидентификации в новом качестве. Немалую роль здесь играет отечественная историческая наука, пытающаяся обрести себя в современном культурном контексте под воздействием множества факторов. Один из них – традиция методологических поисков. Осмысление традиции всегда предполагает обращение к прошлому. Собственно, такие поиски происходили и в советский период, будучи по большей части достоянием историографов, но были предопределены по своим результатам. «Всеобщники» должны были показать ограниченность и в то же время историческую необходимость домарксистской историографии, кризис современной, а «отечественники» – продемонстрировать достижения марксизма на материале отечественной истории. Сейчас, когда гегельяно-марксистское направление приобрело статус реликта, решение задачи выбора предшественников привлекает внимание более широкого круга историков. Ведь усилия по обновлению, в свою очередь, выглядят убедительнее, если удается найти соотечественников-предшественников в деле усвоения западного опыта.

Когда римляне вступали в пространство истории, они могли опереться на наследие греков, осознавая свое, пусть опосредованное, преемство с ними. В культурном сознании современного человека Древняя Греция и Древний Рим зачастую существуют в одном временном интервале, поименованном как «античность». При более внимательном рассматривании обнаруживается, что к тому моменту, когда римляне только начинали оформлять себя в истории, греки уже создали свои культурные формы, получившие много позднее характеристику «классические», кстати, во многом благодаря достижениям римлян. Создалась ситуация, позволяющая Риму использовать готовые результаты предшественников, дабы встать во главе заданного ими движения и тем самым подчинить его своему влиянию.

Дело это оказалось длительным и трудоемким. Классические формы в немалой степени потому и классические, что созданы усилиями многих поколений своих творцов. Использовать их в полной мере продуктивно – значит сделать «своими». Своими же они станут, когда будут крайне необходимы для решения «последних вопросов бытия» (М. Бахтин). Такой подход позволяет «высвечивать» в минувшем не все, что когда-либо случилось и потому заняло свое место на хронологической шкале истории, а в первую очередь исторически значительное.

На данный статус в процессе творческого освоения достижений западной цивилизации в сфере методологии истории претендует и неокантианское направление в отечественной историографии, особенно популярное в последнее десятилетие XIX в. и в первые десятилетия XX в. В начале 90-х гг. XX в. были даже попытки представить историков-неокантианцев как мыслителей, продемонстрировавших готовность «взять на себя роль самосознания науки, уже очертивших реальные пути ее выхода из острейшей кризисной ситуации, предлагавших новую картину научного мира и присутствия в ней человека»¹. Соответственно, именно на опыт историков-неокантианцев возлагались особые надежды при решении

проблем отечественной исторической науки. Вопрос о степени оправданности таких надежд – основной вопрос данной работы.

Неокантианство в России во многом действительно оказалось достаточно сильной реакцией отторжения на абстрактно-всеобщие социологические схемы марксизма, продолжавшие гегелевскую традицию натурфилософии², с одной стороны, и на эмпиризм классического позитивизма, считавшего бесплодным всякое критическое обсуждение основных принципов познания³ – с другой. Однако дело отнюдь не сводится к противостоянию тому или иному конкретному оппоненту, ибо критика познающего разума стала фундаментальным принципом всего направления, что и получило закрепление в самом названии – «неокантианство», совершенно очевидной историко-философской аллюзии. И. Кант в своем критическом анализе способности суждения как соединения сферы познания и желания⁴ основывался на идее относительности, условности знания. Причем относительность понималась не только и не столько как зависимость наших знаний от организма, способного воспринимать действия внешнего мира, и от внешнего мира, поскольку он способен воздействовать на организм (на ограниченность подобной интерпретации кантовской позиции позитивистами совершенно справедливо указывал А.С. Лаппо-Данилевский⁵). Главное же состояло в том, что знания возникают из способности познающего субъекта судить о чем-либо, а значит – формулировать свое отношение к предмету рассмотренного и делать это так, как если бы такое отношение было единственно возможным, т.е. необходимым. Но, и здесь вся тонкость, не забывая, что необходимость суждения все-таки условна. «Таким образом, ведется своеобразная интеллектуальная игра по определенным правилам. «Внутри» самой игры правила-принципы определяют все, «вне» игры – могут не иметь никакого значения. Отсюда возникает возможность методологической рефлексии, ставящей вопрос об основаниях знания вообще, т.е. о природе самих правил (цена за реализацию такой возможности – отказ от онтологической проблематики классического типа и уход в логико-гносеологическую сферу»⁶. Благодаря своей критической направленности именно неокантианство сделало задачу переосмысления такого идеала научности своей центральной задачей. А сосредоточив свое внимание на методологической его составляющей, оно оказалось наиболее методологически нагруженным: методология присутствует здесь в «чистом виде». «Методологический пафос возникает благодаря заданному неокантианцами внутреннему дуализму науки. Отсюда следует, что система понятий неокантианства лишена онтологического статуса, а имеет только методологический. Проблема бытия снята, а предмет можно, оказывается, сконструировать, «задать» познающим субъектом самому себе»⁷. Кроме того, необходимо отметить, что уровень рассмотрения внутреннего методологического дуализма научного знания в аутентичном неокантианстве был достаточно абстрактным: только в рамках науки в целом, а не на уровне конкретных наук. Отечественные историки-неокантианцы предприняли попытку перевода неокантианской методологии в плоскость конкретного научного исследования, поставив вопрос о специфической логике исследований именно в

исторической науке. Приоритет здесь принадлежит Лаппо-Данилевскому, продолжившему направление, логически заданное Баденской школой, но находясь не внутри неокантианской традиции, а осуществив своеобразный выход из нее. Он обратился к наследию по методологии исторического познания И.М. Хладениуса (для Лаппо-Данилевского это – Хладений) – немецкого мыслителя XVIII в.⁸ Лаппо-Данилевский показывает специфику логики исторической науки как «логики представительства», когда происходит перенос признаков некоторых членов группы на всю группу, т. е. имеет место заключение от части к целому, где часть – замечательные, типичные события. Главное, следовательно, состоит в том, чтобы найти, «открыть» такие замечательные события. Научить этому невозможно. С точки зрения формальной логики то, что называют «событием» неокантианцы, неопределимо, ибо невозможно указать логическую процедуру такого определения.

Если невозможно научить историка «угадывать» события, то научить его проверять предмет принадлежности возникших интуиций к научному знанию можно и должно. Способы проверки как раз и представляются традиционной логикой обобщений, в частности через построение причинно-следственных рядов. В результате получается, что генерализирующий метод присутствует в исторической науке не просто наряду с индивидуализирующим, а как непереносимое, внутренне необходимое условие существования последнего. Это тот критерий, что сообщает идиографии статус научности. Лаппо-Данилевский подчеркивал, что историк-ученый не может признать результаты интуитивно-синтетической строительной работы правильными, не выяснив, какие именно принципы лежали в ее основе и каково их значение, а также не подвергнув методы, да и самые результаты исследования предвзвешенной проверке⁹. Идиографическое знание способно получить научный характер лишь в том случае, если оно пользуется номотетическим знанием и умеет приноровить его к установлению исторического значения индивидуального¹⁰.

В свою очередь, индивидуализирующий метод не менее важен для генерализации, поскольку само понятие индивидуального не онтологично, а предназначено для фиксации пределов возможностей традиционной логики. Осознание своих границ крайне необходимо логике обобщений, но ее собственными средствами такой предел положен быть не может. Когда-то при переходе от античности к Средневековью¹¹ уже предпринималась попытка ответить на вопрос о природе догм и аксиом, лежащих в основе дедуктивного рационализма, но не выводимых средствами формальной логики. Христианское богословие определило именно Божественное откровение как источник построений разума. Даже Р. Декарт, создавая свои знаменитое учение о методе, пребывал в уверенности, что это стало возможным благодаря Божественной воле, и потому дал обет совершить паломничество к Святому Дому в Лорето¹². Спустя время неокантианцы попытались «приземлить» проблему, заявив в практике методологического дискурса об индивидуализирующем методе.

Таким образом, каждый из выделенных неокантианцами методов научного познания предполагает наличие другого, с той лишь разницей, что индивидуализирующий метод соотносится с генерализацией осознанно, целенаправленно идя к встрече с традиционной логикой, и потому пытается «подчинить» ее себе. Вот почему неокантианство, сформулировав положение об идиографическом знании и сделав на нем акцент в рефлексии, сумело стать наиболее ярким представителем методологических поисков современной ему научной мысли. Логика представительства была выстроена на трех различных уровнях.

Во-первых, неокантианство вместе с оппозиционными ему марксизмом и позитивизмом составляет некую целостность («множество») научной рефлексии. И в то же время представляет эту целостность в методологическом плане через собственное своеобразие.

Во-вторых, в методологии неокантианства внешняя оппозиция направлений переводится во внутреннюю оппо-

зицию методов: генерализирующего и индивидуализирующего. Причем последний выступает в роли представителя методологической позиции неокантианцев в целом.

В-третьих, такое движение можно обнаружить только тогда, когда начинает разрабатываться особая логика исторической науки. Русские историки-неокантианцы, предприняв попытки решения данной проблемы, не только заявили о полноправных претензиях истории на статус теоретического научного знания, но и сделали шаг в сторону серьезных изменений бытовавших представлений о критериях научности именно через исторические исследования. «Теория познания, например, долгое время строилась слишком односторонне: она принимала во внимание одно только естествознание и стояла в зависимости от одного только изучения природы; за последнее время, однако, теория познания обогатилась новой отраслью – теорией исторического знания, возникшей благодаря тому, что мыслители конца прошлого века обратили серьезное внимание на логическую структуру собственно исторического знания»¹³.

В своем «критическом» пафосе неокантианцы предвосхитили поиски логических позитивистов, сумевших проблематизировать науку для нее самой. Другое дело, что позитивизм, идя на решительные трансформации вплоть до самоотрицания, сохранил свою преданность интеллектуальной честности на всех этапах своей истории, вплоть до постпозитивизма включительно, сохранив роль общекультурного раздражителя через постмодернизм. А неокантианство свой общекультурный статус утратило. Для отечественных историков знакомство с наследием неокантианцев скорее может служить средством ускоренного освоения этапов европейской исторической мысли (необходимым интеллектуальным «ликбезом»), нежели прямым выходом на самостоятельный и потому «тяжелый путь познания». Неокантианство, по сути дела, остается в горизонте классического типа мышления и потому едва ли следует возлагать на него особые надежды современному научному познанию, существующему под знаком «новой онтологии».

К сказанному следует добавить ряд пояснений:

1. Изложенная выше характеристика неокантианского направления среди русских историков в своей структуре была впервые выстроена почти два десятилетия назад¹⁴, предполагая само наличие данного направления как необходимого предпосылку. Едва ли влияние неокантианства на русских историков могло и может быть поставлено под сомнение. Другое дело, что освоение опыта европейской мысли не привело русских историков к четкой и недвусмысленной артикуляции своей методологической модели. Потому-то и пришлось в свое время автору данного текста выстроить возможную логику русских историков-неокантианцев в духе Я.Э. Голосовкера, находясь под обаянием его «Логики мифа»¹⁵, предложившего свою версию логики мифа не столько через противостояние формальной логике, сколько через отношение дополнительности с ней. Естественно, достижение определенности потребовало бы присутствия в методологических исканиях соотечественников того, что Голосовкер называет воображаемым абсолютным немислимым без личного выбора и ответственности. Ценность убеждений определяется ценой, которую человек готов за них заплатить. Словом, неокантианство не стало для русских историков инструментом жизненной стратегии, как для их немецких коллег. Склонность к теоретизированию условие, конечно, необходимое, но едва ли достаточное.

2. Говоря о возможности утверждения неокантианства в России, едва ли можно пренебречь тем, что это явление возникло на конкретной культурной почве. В Германии фигура Лютера при всей политкорректности современной немецкой культуры при малейших поводах становится «фигурой умолчания» для немецко-католиков даже в знаковых местах его бывшего физического присутствия. Лютер остается живым оппонентом и по сей день. А ведь именно его религиозное кредо: «На том стою и не могу иначе, и да поможет мне Бог» стало тем импульсом, который

И. Кант переводил в горизонт философского дискурса в своих знаменитых критиках. Неокантианство не могло не быть продолжением движения мысли, заданного этим импульсом. В России подключиться к этому движению даже в акте личного опыта было непросто, а уж сделать этот опыт общим достоянием культурной традиции – тем паче. Позиция, выраженная современником русских неокантианцев Н.А. Бердяевым в «Философии свободы», весьма категорична, но именно благодаря своей категоричности позволяет «схватить» некую силу сдерживающе действующую в русской культуре даже на таких интеллектуалов, как Лаппо-Данилевский, вполне заслуженно поименованных «русскими европейцами»¹⁶: «Вся новая философия, начиная с Декарта и кончая неокантианцами, отрицает необходимость посвящения и приобщения для стяжания знания, гнозиса, и потому тайны бытия и таинства жизни для философии закрываются. <...> В соборном, церковном опыте дано бытие, душа мира, мать-земля до рационалистического распада на субъект и объект, до всякого отвлеченного знания. Соборность же может быть лишь изначально и чудесно обретена, к ней нет путей через протестантский индивидуализм. Выход из философского кризиса и есть выход из субъективности и отвлеченной духовности протестантизма в соборность и церковность, возврат к реализму и онтологическому объективизму»¹⁷.

Конечно, современные историографы отмечают религиозность того же Лаппо-Данилевского. Ссылаясь на И.М. Гревса, они утверждают, что «на складывание миро-

воззрения молодого человека сильное воздействие оказал его глубокий интерес к религии и философии»¹⁸. А затем следует прямолинейный вывод: «Постоянный, глубоко интимный интерес к идеальному способствовал формированию, в конечном счете, как историка-неокантианца»¹⁹. А ведь И.М. Гревс имел в виду принадлежность историка к православной традиции и его воцерковленность. Если уж воспроизводить²⁰ текст молитвы, созданной Лаппо-Данилевским, то следует отдавать отчет в том, что это, при всей своей незаурядности, событие, вполне свойственное духу православия. В противном случае столь сложные явления, как влияние неокантианства на русскую интеллектуальную культуру, рискуют получать осмысление в регистре «многознания» классического позитивизма.

Конечно, Н.А. Бердяев, весьма высоко оценивавший представителей западного неокантианства, Г. Риккерта и его школу относил к самым замечательным и злободневным явлениям современной ему философии²¹. У него были достаточно веские основания при определении места и роли неокантианства в российской общественной мысли полагать, что данное направление на русской почве так и не стало творческим, а было лишь «орудием освобождения от марксизма и позитивизма и способом выражения назревших идеалистических настроений»²². Другое дело, попытки творческого решения задач модернизации отечественной исторической науки с позиций неокантианства позволяют более трезво оценивать перспективы дня сегодняшнего.

¹ Соколов В.Ю. История в отсутствие человека: Некоторые особенности развития отечественной историографии в 1920–1930-е годы. Томск, 1994. С. 51.

² Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. Казань, 1913. С. 61–68.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 406.

⁴ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1966. Т. 5.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта. С. 407.

⁶ Синельников Д.П. О возможности актуализации методологического опыта русских историков-неокантианцев // Вестник Омского университета, 1996, Вып. 2. С. 75.

⁷ Там же.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006. С. 31–33.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Там же.

¹¹ Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17–64.

¹² Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 2002. Т. 3.

¹³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 10.

¹⁴ Синельников Д.П. Указ. соч.

¹⁵ Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб., 2010.

¹⁶ Погодин С.Н. Русский европеец А.С. Лаппо-Данилевский // Русская и европейская философия: пути схождения. Сборник материалов конференции. СПб., 1999.

¹⁷ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 15.

¹⁸ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. С. 86.

²² Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1991. С. 23.

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СИРЕНОВ

доктор исторических наук, доцент исторического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-94-47; E-mail: sirenov@rambler.ru

Статья посвящена исследованию биографии петербургского историка первой половины XX в. Алексея Федоровича Малова, ставшего жертвой политических репрессий. Цель статьи состоит в рассмотрении материалов личного архива историка, хранящегося в Российской национальной библиотеке. Автор доказывает, что научные исследования Малова остаются важными и актуальными.

Ключевые слова: источниковедение, русская историография, агиография, история русской науки, А.Ф. Малов.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ МАЛОВ*

Отрицательное значение так называемого «Академического дела» для отечественной исторической науки очевидно. Узнавая все больше о судьбах историков, пострадавших по «Академическому делу», мы осознаем подлинные размеры катастрофы, которая постигла русскую гуманитарную науку в XX в. Для современного развития историко-филологической науки важно ввести в оборот наследие жертв «Академического дела» – тех ученых, которые в силу обстоятельств не сумели в полной мере реализовать свои научные замыслы. В ряде случаев сделать это невозможно. Так, историк П.Г. Васенко, арестованный в 1930 г. и оказавшийся после нескольких лет лагерей в ссылке, в письме В.И. Малышеву в 1940 г. сообщал, что его научный архив был уничтожен оставшимися в Ленинграде родственниками в 1935 г. Словом, многое из научного наследия репрессированных в 1929–1930 гг. историков не сохранилось до наших дней. Тем ценнее встречающиеся исключения. К таковым можно отнести архив сотрудника Археографической комиссии, ученого библиографа рукописного отделения Библиотеки Академии наук А.Ф. Малова. Его научный архив в 1939 г., т.е. спустя девять лет после ареста историка, был передан из НКВД в рукописный отдел Государственной публичной библиотеки (ныне РНБ), где хранится до настоящего времени.

Алексей Федорович Малов – малоизвестный историк. Он опубликовал единственную научную работу, посвященную Житию новгородского архиепископа Никиты, составленному в середине XVI в. Однако научные интересы Малова были гораздо шире. Материалы его архива свидетельствуют, что историк изучал сказания о чудотворных иконах, Повесть о белом клобуке, Житие Антония Римлянина, древнерусское иконописание, деревянную скульптуру, был глубоким знатоком новгородских древностей. Его деятельность пришлась на 20-е гг. XX в. В то время было трудно опубликовать свои научные работы, количество изданий по сравнению с дореволюционным периодом существенно сократилось. Поэтому нет ничего удивительного, что Малов не публиковал результаты своих исследований. Гораздо важнее подчеркнуть, что исследования им проводились, а их результаты не потеряли своего значения до сих пор.

Биография Малова хорошо известна из документов петербургских архивов, а также из его автобиографии, хранящейся среди документов личного фонда. Алексей Федорович Малов родился 23 октября 1891 г. в Петербурге. Его отец, Федор Алексеевич Малов, в 1872 г. окончил Петербургскую духовную семинарию и со временем стал протоиереем и настоятелем церкви Марии Магдалины на Охте. Эта церковь принадлежала к числу старейших храмов Петербурга, будучи старше самого города. Из семьи причетника церкви Марии Магдалины происходил известный Н.Г. Помяловский, согласно своему завещанию похороненный на церковном кладбище¹. Таким образом, среда, в которой провел детство А.Ф. Малов, была связана

с историей. Можно предположить, что это обстоятельство способствовало пробуждению в мальчике интереса к историческим штудиям.

А.Ф. Малов. Фото 1909 г.
(ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 3. Д. 63206. Л. 26)

После окончания курса Санкт-Петербургской гимназии Императорского человеколюбивого общества с золотой медалью в 1909 г. А.Ф. Малов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где, по его собственным свидетельствам, занимался в семинариях проф. М.Д. Приселкова, С.В. Рождественского, А.А. Спицына и Н.К. Никольского. В начальный период своего обучения в университете Малов основное внимание уделял изучению археологии и письменных источников по истории средневековой России. В 1911 г. он участвовал в археологической экспедиции в Гдовском уезде², в работе XV Археологического съезда в Новгороде, заведовал библиотекой университетского Археологического кабинета³, работал по вольному найму в Археографической комиссии и, наконец, поступил в Петербургский археологический институт, в котором прослушал первый курс. Такое начало научной деятельности свидетельствует о целенаправленности и серьезном подходе. А.Ф. Малов решил стать высокопрофессиональным специалистом по истории России. Археографическая комиссия в начале XX в. была ведущим научным учреждением, занимавшимся публикацией источников. В ее состав входили виднейшие специалисты по древнерусским нарративным (А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачев и др.) и документальным (А.С. Лаппо-Данилевский) источникам; шла крупномасштабная работа по изданию Полного собрания русских летописей, комплексов архивных документов Русской исторической библиотеки, Летописи занятий Археографической комиссии⁴. Ученичество у крупнейших ученых своего времени через сотрудничество с ними – лучшая школа для историка, и Малов, по видимому, это понимал. Поступление в Археологический институт также было для него неслучайным, это учебное заведение готовило не только археологов, но и архивистов, специалистов по вспомогательным историческим

* Работа выполнена в рамках проекта «Монастыри Северо-Запада России: история и архивное наследие», финансируемого из средств СПбГУ (мероприятие 2).

дисциплинам и источниковедению. Университетские курсы такой подготовки не давали, поэтому совмещение обучения в университете и Археологическом институте с работой в Археографической комиссии давало студенту универсальное гуманитарное образование. К сожалению, мы не знаем, что произошло в жизни Малова в 1912 г., но в начале учебного года, 9 сентября 1912 г., он согласно своему прошению был отчислен из университета⁵. Студенты университета пользовались отсрочкой от военной службы, и отчисленный из университета Малов отсрочки лишался и был вынужден отбывать воинскую повинность⁶. С 10 октября 1912 до 20 августа 1913 г. он служил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Егерском полку, после чего 8 сентября 1913 г. его восстановили в университете. Но учиться пришлось недолго. Грянула Первая мировая война, и Малова как офицера запаса (имел звание прапорщика) по мобилизации призвали на фронт. Находясь в действующей армии, он принимал участие в боях под Люблином, был награжден орденом Св. Анны. 23 августа 1914 г. был ранен и по ранению эвакуирован, в мае 1915 г. вернулся в действующую армию, служил в 317-м Дрисском полку. 27 июля 1915 г. попал в плен, содержался в Австрии, в офицерском лагере в Рейхенберге, где в течение года преподавал на общеобразовательных курсах – читал русскую историю. 22 июля 1918 г. получил, наконец, свободу и вернулся в Россию. 4 ноября 1918 года обратился в администрацию Петербургского университета с прошением о восстановлении на историко-филологическом факультете. Прошение было удовлетворено, и Малов вновь стал студентом. С начала 1919 г. Малов – научный сотрудник русского отделения Археографической комиссии (по всей видимости, внештатный). Здесь он участвовал в составлении «библиографии русской старины» и полного списка музеев России. В его архиве сохранились библиографические списки с пометами почерком А.И. Андреева – свидетельства библиографических занятий Малова в Археографической комиссии. Следует отметить, что на этом его сотрудничество в Археографической комиссии не закончилось. Он был избран в ученые сотрудники 1-го разряда Археографической комиссии 1 января 1925 г.⁷ и сразу же стал активно участвовать в заседаниях комиссии. На заседании 3 февраля 1925 г. Малов ходатайствовал о выписке в комиссию из Публичной библиотеки двух рукописей, необходимых ему для «его личных занятий», в чем комиссия ему не отказала⁸. В конце года, на заседании 22 декабря Малов вновь просил выписать в комиссию несколько рукописей из Исторического музея в Москве, Тверского музея и Общества истории и древностей российских при Московском университете. Все требуемые рукописи были выписаны, за исключением рукописи из Общества истории и древностей российских, поскольку, как сказано в определении комиссии, собрание общества недоступно для пользования. Из этого определения мы узнаем, какая именно рукопись заинтересовала Малова – № 453⁹. Это сборник XVIII в., где читается Сказание о перенесении иконы Николая Мирликийского из Корсуни в Зарайск. Малов занимался изучением сказаний о чудотворных иконах, это напрямую касалось его словаря иконописцев. Наверняка рукопись из собрания Общества истории и древностей российских заинтересовала его в связи с этой тематикой. В 1927 г. А.Ф. Малов с другим сотрудником Археографической комиссии Б.Д. Грековым были направлены в командировку в Архангельск и вывезли из Архангельского Дома книги собрание древнерусских рукописей Архангельского древлехранилища. Авансовый отчет о командировке Грекова и Малова также хранится среди документов архивного фонда Малова¹⁰. Из отчета узнаем, что командировка длилась с 23 ноября до 13 декабря 1927 г. Во время пребывания в Архангельске сотрудники комиссии перевезли рукописи из пакагузов Архангельской таможни в Дом книги, купили 23 деревянных ящика, упаковали рукописи (причем объемное Сийское Евангелие упаковывали отдельно – видимо, рукопись не помещалась в ящике), перевезли на вокзал и оттуда по железной дороге – в

Ленинград. Кроме Археографической комиссии, Малов поступил на службу в Российскую академию истории материальной культуры, которая была основана на базе Археологического общества. 18 августа 1919 г. Малов был избран ассистентом по разряду древнерусского искусства и искусства славянских народов. Здесь он занимался изучением иконописи, точнее – составлял словарь русских иконописцев. По всей видимости, именно научный интерес к иконописанию стал причиной обращения Малова к материалам архива Тихвинского Успенского монастыря. После закрытия монастыря в 1919 г. его богатый архив (более 20 тысяч документов XVI–XIX вв.) оказался бесхозным. Часть его поступила на хранение в Тихвинский краеведческий музей, часть оказалась в распоряжении тихвинского краеведа И.П. Мордвинова, после кончины которого в 1925 г. Б.Д. Грековым была перевезена в Ленинград в Историко-археографическую комиссию. Во второй половине 20-х гг. XX в. документы архива Тихвинского монастыря Б.Д. Грековым и А.И. Андреевым были систематизированы и в настоящее время составляют ф. 132 в Архиве СПбИИ РАН. Видимо, на этапе передачи архивных документов в Историко-археографическую комиссию Малов как сотрудник комиссии получил к ним доступ и изъял несколько документов XVII в. Они представляют особый интерес, поскольку касаются иконописных работ в Тихвинском монастыре. Среди них выделяется программа росписи монастырского Успенского собора. Она присутствует в двух вариантах – черновом и беловом. На обороте беловика рукоприкладства иконописцев Андрейки Михайлова (имеется в виду тихвинский иконописец А.М. Коровников¹¹), Куземки Яковлева (имеется в виду новгородский иконописец К. Яковлев¹²), Васки Борисова и Ивашки Иванова (имеется в виду тихвинский иконописец И.И. Устьшешушский¹³). Благодаря этим автографам удается установить, что черновик написан рукой Козьмы Яковлева, его же почерком сделаны исправления. Беловик писан А.М. Коровниковым. В тексте черновика присутствуют исправления, которые отражают, по всей видимости, указания монастырских властей иконописцам. Таким образом, хранящаяся среди бумаг Малова программа росписи Тихвинского Успенского собора имеет большое значение для изучения истории древнерусского искусства, поскольку на ее материале можно реконструировать процесс создания стенописи крупного монастырского храма в конце XVII в. В архиве Малова хранятся и другие документы Тихвинского монастыря, связанные с деятельностью иконописцев. В качестве примера приведем Роспись краскам, купленным в Москве в 1690 г. для росписи монастырского собора, («сколько какой краски на Москве куплено и что за которую краску дано денег») и письмо архимандрита Тихвинского монастыря Варсонофия князю Юрию Михайловичу Одоевскому 1678 г., в котором идет речь о написании заказанной Одоевским иконы Тихвинской Богоматери.

А.Ф. Малов в автобиографии сообщает, что в 1920 г. преподавал во Втором петроградском техническом училище и на Общеобразовательных курсах железной дороги. В тот же год был призван в Красную армию, а после демобилизации в 1921 г. поступил в Петроградский археологический институт, на археографический факультет. От его учебы в Археологическом институте (напомним, что он учился там и в 1911–1912 гг.) остались конспекты лекций по русской палеографии И.А. Шляпкина и В.В. Майкова, о культуре старообрядцев-поморов В.Г. Дружинина, по архивоведению, а также написанный А.Ф. Маловым некролог преподавателю Археологического института Н.Ф. Команченко.

Около 1927 г. Малов был принят на службу в рукописное отделение Библиотеки Академии наук ученым библиографом. Здесь в сфере его научных интересов оказались лицевые рукописи, а также рукописи из царских библиотек XVII в. Для их выявления Малов использовал корректурный экземпляр невышедшей книги А.И. Успенского «Материалы по истории царской библиотеки в России в XVII и XVIII вв.»¹⁴. На полях против текста под-

готовленных к изданию описей XVII в. Малов проставлял современные шифры рукописей из собрания БАН, таким образом отождествляя рукописи из царских библиотек. Им были обнаружены следующие рукописи: «Похвала царскому величеству» (БАН, 16.5.7), «Вирши плачевные на смерть блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича...» (БАН, 16.5.12), Азбука (БАН, 16.8.10), «Вирши на оказание государя царевича» (БАН, 16.15.7), «О пяти монархиях» (БАН, 16.17.30), «Служба на горе Синайской, егда бывает молния страшна» (БАН, 17.5.26), Сочинения Иоанна Дамаскина (БАН, 17.7.39), «Летописец римских царей» (БАН, 17.8.4), «Служба Димитрию Московскому» (БАН, 17.12.13), Житие Анны Кашинской (БАН, 17.12.14), Вертоград многоцветный (БАН, 31.7.3), Слово Юрия Крижанича на венчание царя Федора Алексеевича (БАН, 32.4.14), Жития Алексея человека Божия и Марии Египетской (БАН, 34.3.27), Житие и Сказание о чудесах Сергия Радонежского (БАН, 34.4.4), Житие Нифонта (БАН, 34.6.61). В некоторых случаях Малов ставил знак вопроса, сомневаясь в правильности своей атрибуции. И все же проделанная им работа не

утратила своего значения и теперь. В 1928–1929 гг. Малов запланировал описание сборников XVII–XVIII вв. из собраний Н.Я. Колобова и Е.И. Калужняцкого¹⁵. Однако воплотить свои замыслы он не смог, поскольку 14 ноября 1929 г. был арестован по «Академическому делу» и приговорен к высшей мере наказания, которая 10 мая 1931 г. была заменена на 10 лет лагерей¹⁶. Столь суровая кара объясняется тем, что Малов был бывшим офицером царской армии, а фабрикатеры дела пытались выявить среди арестованных историков террористическую группу¹⁷. Больше о биографии А.Ф. Малова нам ничего не известно. Возможно, он погиб в сталинских лагерях. Однако его научное наследие, представленное в материалах его архивного фонда, не утратило своей научной значимости до настоящего времени. В этих работах, большая часть которых носит справочный характер, посвященных древнерусским письменным и изобразительным источникам, отразилась тематика деятельности петербургских научных учреждений 20-х гг. XX в. Обращение к их опыту весьма актуально и сейчас.

¹ Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга: история и современность. СПб., 1994. С. 193.

² См. о ней: Кудряшов К.В. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Записки Отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1913. Т. 9. С. 47.

³ Об Археологическом кабинете см.: Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 74–85.

⁴ Брачев В.С. Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.). СПб., 1997. С. 78–132.

⁵ Личное дело студента Петербургского университета А.Ф. Малова // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д 63206. Л. 8. Выписки из личного дела А.Ф. Малова мне любезно предоставлены И.В. Сидорчуком, за что выражаю ему искреннюю признательность.

⁶ За консультацию относительно статуса студентов и их отношении к воинской повинности благодарю Е.А. Ростовцева.

⁷ Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. Л., 1926. Вып. 33. С. 68.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Другой экземпляр этого отчета – в фонде С.Ф. Платонова в комплексе документов о передаче в Археографическую комиссию Архангельского собрания (№ 711; см.: Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Каталог. СПб., 1994. Вып. 1. С. 196).

¹¹ Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2003. С. 360; Колесникова Л.А. Тихвинские иконописцы XVII – начала XVIII в. // Наследие монастырской культуры: Ремесло, искусство, искусство. СПб., 1997. Вып. 2. С. 68–75.

¹² Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. С. 782.

¹³ Там же. С. 679.

¹⁴ Сиренов А.В. Неизданная работа А.И. Успенского «Материалы по истории царской библиотеки в России в XVII и XVIII вв.» // Книга в России. М., 2006. Сб. 1. С. 223–233.

¹⁵ Производственные планы рукописного отделения 1928–29 гг. // Архив БАН. Ф. 158. Оп. 8. Д 26. Л. 11. За указание на это дело благодарю заведующую архивом БАН А.А. Балакина.

¹⁶ Брачев В.С. «Дело историков» (1921–1931 гг.). СПб., 1997. С. 108.

¹⁷ Там же. С. 76.

**Данный выпуск «Клио» вышел при финансовой поддержке
Фонда научных исследований истории и культуры стран Европы
«ЕВРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ»**

Фонд научных исследований истории и культуры стран Европы «Европейское наследие» создан в 2011 г. по инициативе группы петербургских историков. Целью Фонда является разработка и поддержка научно-исследовательских проектов самого широкого профиля по изучению истории и культуры стран европейского региона.

Широта диапазона позволяет формировать программы разнообразных, как индивидуальных, так и коллективных исследований. В число задач Фонда входят в этой связи разработка и финансирование научно-исследовательских проектов, призванных координировать усилия ученых как в области отдельных направлений, так и междисциплинарных исследований, связанных с историей.

Фонд поддерживает не только научную работу отдельных специалистов, но и различные формы международного сотрудничества. Особое внимание уделяется организации и проведению международных и отечественных семинаров, коллоквиумов, круглых столов, конференций, презентаций. Кроме того, Фонд финансирует различного рода издательские проекты, включая публикации монографий, коллективных трудов, материалов круглых столов и конференций. Особое значение придается переводу и изданию документального материала, а также наиболее важных трудов зарубежных авторов.

Среди крупных мероприятий, поддержанных и проведенных Фондом в 2012 г.: международная российско-немецкая научная конференция *«Война в зеркале историко-культурной традиции: от античности до Нового времени»* (март 2012 г.) и международная научная конференция, приуроченная к 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г. *«1812 г. в истории России и Европы»* (декабрь 2012 г.). Конференции прошли при активном участии историков Санкт-Петербурга, ведущих исследовательских учреждений нашей страны и зарубежных специалистов. В ближайших планах: подготовка и проведение цикла научных встреч и конференций, связанных с юбилейной тематикой: 400-летия начала правления дома Романовых и столетия начала Первой мировой войны.

Фонд открыт для сотрудничества не только с отечественными, но и зарубежными учебными и научно-исследовательскими учреждениями.

Фонд полагает возможным успешное достижение поставленных целей. В рамках его деятельности смогут найти коллегиальный приют специалисты, на первый взгляд, совершенно разных эпох и направлений. Учредители Фонда уверены: координирование работы и систематическая поддержка отдельных ученых и исследовательских групп способны поставить отечественную историческую науку на качественно новый уровень своего развития.

Фонд готов рассматривать и поддерживать проекты как отдельных исследователей, так и научных коллективов и организаций, направленных на решение актуальных научных проблем.

Подробная информация о деятельности Фонда содержится на сайте:
www.diskmaster.ru/.../fond-evropejskoe-nasledie.html

КЛИО
ЖУРНАЛ ДЛЯ УЧЕНЫХ
2013
№ 12 (84)

<i>Выпускающий редактор к.и.н.</i>	<i>А.В. Зотова</i>
<i>Корректор</i>	<i>Н.М. Баталова</i>
<i>Верстка</i>	<i>О.В. Гордеевой</i>

Подписано в печать 16.12.2013 г. Формат 60x84 1/8
Объем 20,5 п.л. Тираж 1000. Заказ № 29. Цена свободная

ООО «Полторак»
195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 11
Тел./факс: (812) 534-28-28
E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru
www.poltorak.spb.ru